САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
1724
БИОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS

Serge A. Frantsouzoff

THE HISTORY OF HADRAMAWT IN ANTIQUITY

The History of Hadramawt from the earliest time up to the end of the British rule

Volume I

Nestor-Historia
St. Petersburg
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

С. А. Французов

ИСТОРИЯ ХАДРАМАУТА В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ

История Хадрамаута с древнейших времен
до конца британского владычества

Том I

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

ББК 63.3(0)31
Ф84

Французов, С. А.

Ф84 История Хадрамаута в эпоху древности: История Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества. Том I. — СПб. : Нестор-История, 2013. — 332 с., ил.

ISBN 978-5-90598-795-3

Монография «История Хадрамаута в эпоху древности», которая открывает серию «История Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества», охватывает период с начала I тысячелетия до н. э. по середину I тысячелетия н. э. Настоящий том представляет собой первое в мировой гуманитарной науке исследование, посвященное историческому развитию этой автономной историко-культурной области Йемена в древности. Основное внимание сосредоточено на военном и социально-политическом аспектах данного процесса, однако прочие его стороны, в том числе те, что относятся к сфере религиозной жизни, также затронуты. Работа построена на всех релевантных источниках, эпиграфических, археологических, нумизматических, нарративных, рассматриваемых в их совокупности и взаимосвязи. Особое место среди них занимают надписи, обнаруженные в ходе раскопок, проводившихся Советско-Йеменской комплексной экспедицией в 1983–1991 гг. и Российской комплексной экспедицией в Йеменской Республике в 2003–2005 и 2007 гг. Том иллюстрирован фотографиями и картами.

Ключевые слова: Хадрамаут, Йемен, древняя история, военная и социально-политическая история, исторические источники, эпиграфика и археология доисламского Йемена.

ББК 63.3(0)31

Frantsouzoff, S. A.

The History of Hadramawt in Antiquity: The History of Hadramawt from the earliest time up to the end of the British rule. Volume I. — St. Petersburg : Nestor-Historia, 2013. — 312 p., ill.

The monograph *The History of Hadramawt in Antiquity*, which opens the series *The History of Hadramawt from the earliest time up to the end of the British rule*, embraces the period from the beginning of the 1st millennium B.C. till the middle of the 1st millennium A.D. The present volume is the first research work in the world humanities dedicated to the historical development of this autonomous historico-cultural region of Yemen in the antiquity. The main attention in it is concentrated on the military and socio-political aspects of that process, but its other sides, including those which relate to the sphere of religious life, are also touched upon. The work is built on all the relevant sources, epigraphic, archaeological, numismatic, narrative, taken in their entirety and interrelation. A particular place among them is reserved for the inscriptions discovered in the course of the excavations undertaken by the Soviet-Yemenite multidisciplinary expedition in 1983–1991 and by the Russian multidisciplinary expedition in the Republic of Yemen in 2003–2005 and 2007. The volume is illustrated with photographs and maps.

Key words: Hadramawt, Yemen, ancient history, military and socio-political history, historical sources, epigraphy and archaeology of pre-Islamic Yemen.

© С. А. Французов, 2013
© Нестор-История, 2013
ISBN 978-5-90598-795-3
© С. В. Лебединский, оформление, 2013

Памяти
Петра Афанасьевича Грязневича
посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проект трехтомной истории Хадрамаута, особой историко-культурной области Йемена, был в общих чертах сформулирован в 2010 г. на защите одним из ее соавторов докторской диссертации «Общество и государство в древнем Хадрамауте (начало I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.)». Стало очевидным, что после небольшой доработки ее текст может составить том I, посвященный эпохе древности, тогда как кандидатская диссертация того же исследователя «Социально-политическая история Хадрамаута в раннее средневековье», защищенная двумя десятилетиями ранее и изданная с небольшими изменениями на арабском языке в 2004 г. (Французов 2004б), годится в качестве основы для тома II. Внимание к последующим этапам хадрамаутской истории, начиная с позднесредневекового периода проявлял старший коллега диссертанта, один из его официальных оппонентов. Почти сразу после защиты была достигнута предварительная договоренность о подготовке «Истории Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества», первые два тома которой, опираясь на обе свои диссертации, представит С. А. Французов, а заключительный будет написан М. А. Родиновым, причем оба соавтора будут участвовать в обсуждении текстов, представленных коллегой, исходя из общего замысла трехтомника.

Необходимо подчеркнуть, что, по мнению обоих соавторов, ***история*** той или иной страны берет свое начало с возникновения у ее народа (или народов) собственной государственности или с включения ее в орбиту другого государственного образования, предшествующие же десятки и сотни тысяч лет, на протяжении которых на ее территории обитали представители различных видов рода *Homo*, включая *Homo sapiens*, должны рассматриваться как ее ***предыстория***, которая в советской исторической науке обычно именовалась историей первобытного общества. Таким образом, формирование в Хадрамауте локального центра южноаравийской цивилизации принимается за исходный этап его исторического развития.

Отмена британского протектората над южнойеменскими землями в 1967 г. является хронологическим рубежом, после которого история Хадрамаута оказывается неразрывно связанной со сферой текущей политики хотя бы потому, что Йеменская социалистическая партия, игравшая вплоть до начала 1990-х гг. руководящую роль в жизни Народной Демократической Республики Йемен, остается влиятельной оппозиционной силой в объединенном Йемене.

Кроме того, академический (да и просто объективный) подход к изучению исторических событий, отстоящих от нас менее чем на полвека, вряд ли возможен.

При попытке осмыслить исторический путь, пройденный страной или регионом на протяжении трех тысячелетий, неизбежно возникает вопрос о ***законах*** или по крайней мере о ***закономерностях*** истории — вопрос крайне болезненный для отечественной гуманитарной науки, которой на протяжении семи десятилетий навязывалось «единственно верное учение», представлявшее собой по сути дела предельно вульгаризированную версию экономического детерминизма. Поэтому у сегодняшнего российского историка возникает стойкий соблазн игнорировать этот «проклятый» вопрос, ограничившись реконструкцией конкретных исторических событий, институтов, взаимоотношений выдающихся (и не очень) личностей и пр. Однако просто для того, чтобы распределить материал по томам и разделам, необходимо хронологически его упорядочить, т. е. выбрать ту или иную схему его периодизации, предполагающую обращение к определенным закономерностям, пусть прямо и не заявленным. При подготовке настоящего труда соавторы решили не выходить за рамки формационного подхода к изучению исторического процесса, привычного для большинства читателей. Речь, разумеется, идет не о пресловутой сталинской «пятичленке», а о творческом развитии такого подхода в трудах И. М. Дьяконова, а также его ученика и последователя В. А. Якобсона и некоторых других представителей этой школы[1]. При этом соавторы использовали этот подход как удобный инструмент для наиболее оптимальной, с их точки зрения, организации выявленного в источниках фактического материала.

Предлагаемый вниманию читателей трехтомный труд не увидел бы свет без Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ), организованной в 1982 г., преемником которой стала Российская комплексная экспедиция в Йеменской Республике (РКЭЙР). Собранный во время раскопок оазиса Райбӯн в 1983–1991, 2003–2005 и 2007 гг. богатейший археологический и эпиграфический материал позволил реконструировать целый ряд сторон повседневной жизни древнего Хадрамаута, остававшихся вне поля зрения сабеистов — специалистов по языкам, истории и культуре доисламского Йемена. Вклад СОЙКЭ в изучение Хадрамаута, начиная со средневековья и вплоть до нового времени, не менее значителен, хотя и не столь заметен.

Душой СОЙКЭ был ее первый начальник, выдающийся отечественный арабист П. А. Грязневич (1929–1997). Ему она обязана своим рождением, в ней

[1] Наиболее детально их концепция разработана применительно к истории Древнего Востока и древнего мира в целом (Дьяконов 1989; Дьяконов и др. 1989; Дьяконов 1997; Дьяконов и др. 1997; Якобсон 1997; Якобсон 2004). Позднее И. М. Дьяконов применил этот подход ко всей истории человечества, которая была разделена им на восемь фаз (Дьяконов 1994).

Помимо дьяконовской школы, формационную теорию продолжают разрабатывать в наши дни и другие ученые. Так, оригинальную концепцию феодализма, включая и восточные его разновидности, предложил в ее рамках Л. Б. Алаев (Алаев 1995).

он воплотил свои представления о том, что будущее классического востоковедения состоит в тесной взаимосвязи кабинетных и полевых исследований, дополняющих и обогащающих друг друга. Под его руководством, в соответствии с научной программой СОЙКЭ, подготовил и защитил студенческие работы по раннесредневековой истории Хадрамаута, а также упомянутую выше кандидатскую диссертацию один из соавторов этого трехтомника С. А. Французов. По инициативе П. А. Грязневича в деятельности экспедиции с ее первого сезона как полевой этнограф участвовал и другой соавтор проекта М. А. Родионов.

Светлой памяти Петра Афанасьевича Грязневича посвящается этот труд.

С.-Петербург, 2 марта 2013 г.
Михаил Родионов,
Сергей Французов

ВВЕДЕНИЕ

История Хадрамаута в эпоху древности рассматривается в настоящей работе, прежде всего, в социально-политическом аспекте. Иные ее составляющие, скажем, характерные черты материальной культуры, пантеон божеств, которым хадрамаутцы поклонялись, практиковавшиеся в их среде религиозные культы или особенности локальной разновидности алфавитного письма, затрагиваются, как правило, лишь в той мере, в какой они представляют интерес для понимания специфики древнего хадрамаутского общества и местной государственности.

Уникальность Хадрамаута как автономной историко-культурной области Йемена состоит в том, что в таком качестве он сформировался в самом начале I тысячелетия до н. э., т. е. одновременно с цивилизацией древней Южной Аравии, неотъемлемой частью которой он оставался вплоть до ее гибели во второй половине VI в. н. э., и продолжает существовать по сей день, в том числе и как единица административно-территориального деления — провинция (*муḫāфаẓа*) Йеменской Республики[1]. Следует отметить, что за три тысячи лет его границы претерпевали определенные изменения, подчас довольно существенные (см. карту 1). Так, центр древнего государства Хадрамаут располагался не в одноименной долине[2], а в бассейне вади ʻИрмā, находящемся на расстоянии в несколько десятков километров к западу от истоков вади Ḥадрамаут (и от границ современной провинции, носящей то же название). Важнейший древнехадрамаутский порт Қани’[3] (локализованный на городище Би’р ʻАлӣ), равно как и районы вади Джирдāн, вади Майфаʻа и расположенного значительно западнее их

[1] До объединения Йемена 22 мая 1990 г. Хадрамаут являлся провинцией Народной Демократической Республики Йемен (с момента провозглашения независимости 30 ноября 1967 г. и по 30 ноября 1970 г. именовавшейся Народной Республикой Южного Йемена). В ее составе с декабря 1967 г. до апреля 1980 г. эта провинция была лишена своего исторического имени и носила порядковый номер — «Пятая» (по мнению правительства страны, такая мера должна была способствовать ослаблению сепаратизма; см.: Родионов 1994. С. 5; Rodionov 2007. P. 2).

[2] Согласно современной географической номенклатуре, вади Ḥадрамаут в узком смысле простирается от района ал-Каср, находящегося в месте слияния нескольких боковых долин, до восточных окрестностей г. Тарӣм (см., например: Müller W. 2005a. P. 965). Впрочем, нередко так обозначается весь бассейн центрального вади от истоков до места впадения в него вади Санā’ (в настоящей работе именуемый Внутренним Хадрамаутом), а иногда — и до впадения в Индийский океан на территории области Махра, т. е. с включением в него всего вади Масӣла (в букв. переводе — «ложе потока»).

[3] О вероятной вокализации этого топонима именно в такой форме см.: Французов 2012. С. 6–7, примеч. 2.

обоих вади Дура’ также оказываются за пределами средневекового и нынешнего Хадрамаута, причем не только с политико-административной, но и с этнокультурной точки зрения. Наконец, существенную роль в торгово-экономических связях Хадрамаутского царства в конце I тысячелетия до н. э. — первых веках н. э. играл порт Сумхурām, чьи руины обнаружены в бухте Хор Рори (Ḫаур Рӯрӣ) на территории Дофара, принадлежащего, как известно, Султанату Оман[4]. Впрочем, на севере рубежом Хадрамаута как в древности, так и в наши дни остается северный *джоль* (пустынное каменистое нагорье)[5], тогда как южный джоль вместе с прибрежной равниной традиционно включается в его состав.

Хронологические рамки работы охватывают всю эпоху древности в истории Хадрамаута. Ее нижний временной рубеж совпадает с возникновением в юго-западной части Аравийского полуострова, именуемой в востоковедной литературе Южной Аравией, самобытной цивилизации, точнее, с появлением самых ранних письменных свидетельств ее существования, уверенно датируемых VIII в. до н. э. Верхняя ее граница связана с утратой Хадрамаутом своей государственности в начале IV в. н. э. и окончательным включением его территории в состав Химйаритского царства в середине — второй половине IV в., поскольку объединение под властью Химйара всех южноаравийских земель и последовавшее вскоре после этого, в конце IV в., обращение его правящей элиты в монотеизм знаменуют переход этого региона от древности к раннему средневековью[6].

Общественные и государственные институты древнего Хадрамаута в той мере, в какой это позволяют источники, рассматриваются в развитии, начиная с их зарождения, и во взаимосвязи. При этом сама область берется не изолированно, а как составная часть всего южноаравийского региона: значительное внимание уделяется отношениям Хадрамаутского царства с другими древнейеменскими государствами, Сабой, Катабаном, Маином, уже упоминавшимся выше Химйаром, а также тем особенностям исторического процесса, которые сближают Хадрамаут с ними, и тем, которые составляют его специфику.

Хадрамаут, как и Южная Аравия в целом, относился к числу периферийных регионов Древнего Востока, которые пока остаются хуже изученными, чем те страны, которые составляли его ядро (скажем, Египет или Месопотамия). В то же время всестороннее представление о становлении и развитии древневосточных цивилизаций невозможно составить без детального исследования характерных черт развития их периферии. Что касается Южной Аравии, то комплексное

[4] Следует отметить, что некоторые хадрамаутские краеведы прошлого века, по всей видимости, под влиянием работ западных сабеистов, чьи выводы касательно пределов древнего Хадрамаутского царства льстили местным патриотическим настроениям, стали рассматривать как неотъемлемые части современного Хадрамаута все упомянутые выше земли, за исключением, пожалуй, лишь вади Дура’ и Хор Рори (см., например, географический словарь ‘Абд ар-Раḥмāна ас-Саққāфа (1299/1882–1375/1956): Саккаф А. 2002. С. 28–34, 113–119).

[5] В постклассическом йеменском арабском (точнее, в хадрамаутском диалекте) *джӯл* истолковывается как «ровная местность (plain)» (Piamenta 1990–1991. P. 79), хотя в действительности рельеф на джоле бывает довольно пересеченным.

[6] Обоснование именно такой датировки этого хронологического рубежа, впрочем, достаточно условного, дано в: Пиотровский 1985. С. 5–7, 168–171.

изучение ее истории, суть которого составляет соединение эпиграфических изысканий, начатых более полутора столетий тому назад, с археологическими, было предпринято в массовом масштабе лишь со второй половине 70-х гг. прошлого века. В наши дни здесь нередко случаются открытия, позволяющие поновому реконструировать важнейшие вехи исторического пути этого региона.

Благодаря международным торговым контактам южноаравийская цивилизация и Хадрамаут как ее составная часть, несмотря на свой периферийный статус, оказались теснейшим образом связаны с наиболее развитыми регионами древнего мира, но при этом не утратили своей самобытности. Проблема сочетания внешних воздействий и местного культурного субстрата является одной из ключевых для всемирной истории, причем не только в эпоху древности.

На протяжении последнего времени в отечественной и мировой исторической науке все большее внимание уделяется восстановлению повседневной жизни людей, будь то тысячелетия или десятилетия назад. В этом отношении уникальные возможности предоставляют около четырех тысяч надписей VII–I вв. до н. э., преимущественно фрагментарных, которые были обнаружены при раскопках оазиса Райбӯн в низовьях вади Дауʻан (Западный Хадрамаут) Советско-Йеменской комплексной экспедицией (СОЙКЭ) в 1983–1991 гг. и Российской комплексной экспедицией в Йеменской Республике (РКЭЙР) в 2003–2005 и 2007 гг. Ни с какого другого древнейеменского городища или археологического памятника, за исключением храма Аввāм[7] в сабейской столице Марибе[8], не происходит столь массового эпиграфического материала, содержащего посвящения, с которыми прихожане обращались к почитаемым божествам.

Степень изученности древнего Хадрамаута до настоящего времени оставалась слабой даже по сравнению с соседними областями Южной Аравии в этот период их истории. Характеристика, которую Кристиан Жюльен Робен, ведущий сабеист Франции и один из крупнейших в мире специалистов в этой сфере востоковедения, дал хадрамаутскому языку, назвав его «хуже всего понимаемым» (la plus mal comprise) среди южноаравийских эпиграфических языков (Robin 1991c. P. 99), в полной мере применима и к истории той территории, на которой этот язык был распространен, причем в силу одной и той же причины — чрезвычайной скудости основной группы источников, эпиграфических материалов, происходящих из Хадрамаута[9] или найденных в других местах, но имеющих к нему отношение. Хотя первые в Йемене научно организованные археологические раскопки состоялись именно в Хадрамауте, на городище Ḫурайда в вади ʻАмд, где с конца декабря 1937 г. по 3 марта 1938 г. они проводились британской ар-

[7] См. издание основного корпуса найденных там эпиграфических памятников: Jamme 1962; Ирйани 1973; Ба Факих, Робен 1978. Надписи из этого храма были в значительной мере составлены не представителями местного населения, а паломниками, прибывавшими в Мариб с разных концов Сабейского государства.

[8] В эпиграфических источниках этот топоним известен как *Mryb* или *Mrb*, в средневековой арабской традиции — как Маʼриб, позже Мāриб (Robin 1996a. Col. 1106). В этой работе решено было условно обозначить его как Мариб (без долгот) с учетом возможного чтения сабейского *scriptio defectiva*.

[9] По оценке того же ученого, нуждающейся, впрочем, после работ СОЙКЭ и РКЭЙР в существенной корректировке, Хадрамаут «est le domaine le plus pauvre de l'épigraphie sudarabique» (Robin 1991c. P. 99).

хеологической миссией под руководством Гертруды Кейтон-Томпсон, их результаты, довольно быстро введенные в научный оборот (Caton Thompson 1944), оказались весьма скромными с точки зрения реконструкции древней истории этой области[10]. В дальнейшем в отдельных время от времени издававшихся хадрамаутских надписях встречались некоторые сведения военно-политического, социального или религиозного характера, как правило, второстепенные[11].

Ситуация изменилась, когда в поле зрения исследователей попали более обширные и содержательные комплексы эпиграфических памятников, такие как интронизационные тексты со скалы ал-ʻУқла в окрестностях Шабвы. Вслед за их первым полным изданием, подтвержденным фотографиями и факсимиле (Jamme 1963)[12], вышла в свет первая монография, пусть и небольшая по объему, по истории древнего Хадрамаута, в которой восстанавливался список его царей III в. н. э. (Jamme 1965)[13].

В том же году во втором издании «Энциклопедии ислама» в статье «Хадрамаут» А. Ф. Л. Бистон вкратце остановился на доисламской истории этой области: указав, что предложить удовлетворительный вариант относительной хронологии его правителей, имена которых известны по источникам, пока не удается, он обрисовал в общих чертах основные события, через которые она прошла в первые века н. э. (Beeston 1965. P. 52).

Публикация строительных надписей с городища Хор Рори (Pirenne 1975) и вызванная ею дискуссия по поводу их интерпретации (Beeston 1976a) привели к появлению специальной работы, в которой детально исследована историческая география колонизированного хадрамаутцами Дофара (Wissmann (Müller W.) 1977)[14].

---

[10] Так, несколько десятков надписей, обнаруженных главным образом в руинах местного храма Маʒāб, оказались за двумя-тремя исключениями весьма малоинформативными в силу своей краткости или фрагментарности (Ryckmans G. 1944).

[11] См., например: Beeston 1947; Jamme 1948; Beeston 1953; Jamme 1953; Brown, Beeston 1954; Jamme 1967.

[12] Хотя большая часть этих надписей (55 из почти 100) была открыта, пожалуй, самым выдающимся исследователем Аравии в XX в., британским разведчиком Гарри Сент-Джоном Бриджером (в мусульманстве — ʻАбдаллāхом) Филби во время его йеменской экспедиции 1936–1937 гг., они лишь частично были им сфотографированы, а их рукописные копии, снятые им лично, оказались довольно неточными (сказалось отсутствие у этого арабиста должной сабеистической подготовки). Это не могло не повлиять на качество их издания английским сабеистом Альфредом Феликсом Лэндоном Бистоном (Beeston 1938) и их переиздания бельгийским семитологом Гонзагом Рикмансом в составе «Репертуара семитской эпиграфики» под сиглами RES 4852–4902 (вместе с десятком других текстов, также происходящих из ал-ʻУқлы: RES 4908–4917). Взаимные соответствия сиглов надписей этого комплекса, которые были им присвоены в различных публикациях, представлены в Pirenne 1990. P. 145–147.

[13] Годом ранее этот же сюжет рассмотрел в своей статье Жак Рикманс (Ryckmans J. 1964). Чуть позже патриарх южнойеменской сабеистики Муҳаммад ʻАбд ал-Қāдир Бā Фақīх (1928–2002) посвятил всему археолого-эпиграфическому комплексу ал-ʻУқлы специальную монографию (Ба Факих 1967).

[14] Свою лепту в изучение надписей из Хор Рори внес и Альбер Жамм (Jamme 1979. P. 77–104, pl. h–l), опубликовавший несколько не издававшихся прежде достаточно пространных надписей с этого городища (Ja 2878b, 2883–2885). Следует отметить, что именно ему принадлежит честь первооткрывателя хадрамаутских надписей в Дофаре, где он оказался в составе археологической экспедиции Американского фонда изучения Человека, которая под руководством Франка Олбрайта в 1952–1953 гг.

Начавшиеся 1 января 1975 г. раскопки хадрамаутской столицы Шабвы Французской археологической миссией в Южном Йемене позволили ее руководителю, эпиграфисту Жаклин Пиренн опубликовать более сотни надписей, происходящих с этого городища, три четверти из которых были изданы впервые[15]. В этом же томе ей удалось дать первый более или менее подробный обзор истории древнего Хадрамаута (Pirenne 1990. P. 129–140), предпослав ему изложение собственных идей о происхождении южноаравийской цивилизации. Однако положенная в основу ее концепции «краткая хронология»[16] к настоящему времени отвергнута наукой, в результате чего основные положения этого очерка серьезно устарели[17]. Опубликованные позднее два тома отчетов французских археологов о результатах их работ в Шабве эпиграфических материалов не содержат (Breton /éd./ 1992; Breton /éd./ 1998), однако их предворяет очерк истории города Шабва, увязанный с археологией городища (Breton 1992a). В настоящее время продолжавшиеся с перерывами более четверти века раскопки хадрамаутской столицы завершились: настал черед публикации итоговых исследований по различным аспектам археологии Шабвы (см., например: Darles 2008).

По результатам археологической разведки, проведенной французской археологической миссией под руководством Жан-Франсуа Бретона в вади Ḥадрамаут в 1978–1979 гг., была предпринята попытка проследить основные вехи древней истории Внутреннего Хадрамаута, включающего в себя одноименное вади и его притоки (Breton et al. 1980. P. 2–15; Breton et al. 1980 (араб.). С. 8–23). Впрочем, ее трудно признать удачной не только из-за того, что ее авторы следовали тогда «краткой хронологии», но и из-за чрезвычайной скудости материала, который был в их распоряжении[18]. Эта же миссия после обследования в 1982 г. хорошо сохранившихся остатков городской стены крепости Майфа‘а

и Рея Кливленда в начале 1960 г. проводила раскопки на городище Хор Рори, а также обследование близлежащих территорий (Albright 1953; Albright 1955; Albright 1980; Albright 1982; Cleveland 1960). Некоторые из надписей, найденных в ходе этих изысканий, были им изданы ранее: Ja 402 (Jamme 1953 /см. поправки к его переводу в Beeston 1953/); Ja 885, 892 (Jamme 1967).

Нынешнее поколение археологов, проводящие археологические исследования в Дофаре, результаты и качество работ своих американских предшественников оценивает достаточно низко, подкрепляя такого рода суждения солидными аргументами (см., например: Orazi 2002. P. 78, n. 6; 80, n. 8; Lombardi 2002. P. 111; Buffa, Sedov 2008. P. 15).

[15] Pirenne 1990. P. 43–93, 141–143. В этот же том она включила переиздание всех текстов ал-‘Уḳлы (Ibid. P. 95–120), а также публикацию шести небольших фрагментов с городища ал-Барӣра в вади Джирдāн (Ibid. P. 35–39), 16 с городища Би’р Ḥамад, находящегося между устьями вади Раḫйа и вади Духр (Ibid. P. 40–42), и более десятка граффити, идентифицированных ею как «самудские», из расположенных к северу и югу от Шабвы нагорий и вади (Ibid. P. 11–34).

[16] См. о ней главу I, раздел 2.

[17] Впрочем, претензии к этой работе как в отношении издания надписей (Bron 1991a), так и более общего плана, в том числе затрагивающие проблемы хронологии (Robin 1992a), были высказаны почти сразу после ее выхода в свет.

[18] Лишь в ходе раскопок городища Бā Ḳутфа, расположенном на крайнем востоке этой области, удалось обнаружить несколько десятков фрагментарных надписей, дающих общее представление об относительной хронологии, антропонимике и пантеоне данного поселения (Pirenne 1979). В остальных случаях приходилось довольствоваться отдельными фрагментами из «подъемки», правда, подчас весьма информативными, как, например, Raybūn 6.

в одноименном вади (городище Наḳб ал-Хаджар) не только осуществила тщательное их описание в сравнении с другими фортификационными сооружениями древнего Йемена и опубликовала все обнаруженные *in situ* надписи, но и в нескольких абзацах очертила роль этого поселения в хадрамаутской истории соответствующего периода (Breton, Robin et al. 1987)[19].

Завоевание Хадрамаута Химйаритским царством в конце III — начале IV в. н. э. как отдельный и весьма значимый этап южноаравийской истории выделил старейшина немецких сабеистов Вальтер Вильгельм Мюллер, впервые издавший с фотографией и снабдивший обширным комментарием надпись Ir 32 из храма Аввāм, содержащую подробный отчет об одном из успешных походов во Внутренний Хадрамаут, предпринятых по приказу царя Химйара (Müller W. 1981). Другой такой поход привлек внимание Норберта Небеса благодаря фрагменту Schm/Mārib 28, обнаруженному в Марибском оазисе экспедицией Немецкого археологического института в ходе полевого сезона 1991–1992 гг. (Nebes 1996). Полную реконструкцию хода этого завоевания предложил Кр. Ж. Робен (Robin 2005. P. 136–145, 150–151), однако целый ряд сделанных им выводов вызывает серьезные возражения.

В защищенной во Франции и позже опубликованной в виде монографии докторской диссертации (thèse de Doctorat d'État), которая была посвящена борьбе за военно-политическую гегемонию в Южной Аравии на протяжении первых трех веков нашей эры, М. Бā Фаḳīх уделил Хадрамауту довольно скромное место. Помимо сравнительно подробной реконструкции его исторической географии в эпоху древности (Bāfaqīh 1990. P. 221–251), в книге были затронуты лишь отдельные аспекты и эпизоды его истории: использование бедуинов в хадрамаутской армии, война Хадрамаута с сабейско-химйаритским царем Кариб'илом Баййином во 2-й половине I в. н. э., союз Хадрамаута и Сабы, заключенный на рубеже II–III вв., упрочение этого союза и его разрыв, завершившийся войной между двумя этими государствами при сабейском царе Ша'ре Аутаре в конце 1-й четверти III в., столкновения Хадрамаута с химйаритами и сабейцами в середине того же столетия (Ibid. P. 286–288, 334–337, 362–363, 369–375, 392–395). Подчас автор ограничивался рассмотрением содержания надписей, так и не предложив последовательной реконструкции событий, о которых в них сообщалось[20].

Качественно новый этап в изучении древнего Хадрамаута открыла созданная в 1982 г. на базе Института востоковедения АН СССР Советско-Йеменская комплексная экспедиция, действовавшая в провинции Хадрамаут, а также в Махре и на острове Сокотра до конца декабря 1991 г. С 1983 г. она ежегодно проводила крупномасштабные раскопки на территории древнего оазиса Райбӯн, расположенного в низовьях вади Дау'ан[21], а с 1985 г. — и на городище Би'р

[19] К сожалению, систематических раскопок крепости Майфа'а никогда не проводилось.

[20] Особенно это заметно в том разделе его монографии, где речь идет о войне между Ша'ром Аутаром и хадрамаутским царем Илī'аззом Йалуṭом (Bāfaqīh 1990. P. 372–374).

[21] О так называемом «доархеологическом» этапе изучения Райбӯна см.: Грязневич 1996. С. 7–12 (само это выражение приведено на с. 12); Frantsouzoff 2001a. P. 7–12; Французов 2009a. С. 11–16; Французов 2012. С. 12–17.

‘Алӣ. Если в ходе изучения порта Ḳани’ был обнаружен уникальный археологический материал, свидетельствующий о внешнеторговых связях Хадрамаутского царства, но не было выявлено практически никаких памятников эпиграфики, за исключением фрагментарной греческой надписи (Виноградов Ю. Г. 1989; Vinogradov Yu. G. 1992; Bowersock 1993), то четыре раскопанных в 1983–1991 гг. храма Райбӯна[22], напротив, оказались необычайно богаты надписями I тысячелетия до н. э., правда, представленными по преимуществу небольшими обломками. Их общее число оценивается более, чем в 2700 единиц, а с учетом эпиграфических материалов, найденных РКЭЙР в 2003–2005 гг. при обследовании и раскопках храма Васаṭхӣн (Райбӯн VI) и в 2007 г. при продолжении работ на Райбӯне V, оно приближается к 4000. Ничуть не преувеличивая, следует констатировать, что без райбунских письменных памятников написание данной работы было бы невозможным. Кроме того, силами СОЙКЭ проводилась планомерная археологическая разведка во Внутреннем Хадрамауте, преимущественно в его западной части.

В 1989 г. на страницах «Вестника древней истории» была опубликована подборка статей с предварительными итогами первых полевых сезонов СОЙКЭ, содержащих новый археологический и эпиграфический материал для реконструкции древней истории Хадрамаута (Грязневич 1989; Седов 1989а; Лундин 1989а; Пиотровский 1989; Бауэр 1989; Виноградов Ю. Г. 1989; Седов 1989б). В середине 90-х гг. XX в. вышли два тома ее трудов (ТСОЙКЭ. I, II). В статьях и очерках эпиграфистов СОЙКЭ Г. М. Бауэра (1925–1989) и А. Г. Лундина (1929–1994) были предприняты первые попытки интерпретации некоторых райбунских надписей, к сожалению, не всегда удачные (Лундин 1989а; Бауэр 1989; Бауэр 1995; Лундин 1996). Заслуга Г. М. Бауэра состоит в разработке для них относительной хронологической шкалы (Бауэр 1989. С. 154–155; Бауэр 1995. С. 124–127, 140–145). Издание обнаруженных СОЙКЭ граффити взял на себя М. Б. Пиотровский (Пиотровский 1989; Пиотровский 1996), как, впрочем, и публикацию ряда монументальных надписей (Пиотровский 1995). Особый интерес представляла статья М. Ф. Муртазина, аспиранта А. Г. Лундина, в которой была предпринята попытка исследовать общественную структуру, сложившуюся в конце I тысячелетия до н. э. у населения города Маз̱ӑб[23], располагавшегося в вади ‘Амд, — едва ли не первая публикация вообще по социальной истории древнего Хадрамаута (Муртазин 1995)[24].

С 1994 г. эстафету у СОЙКЭ приняла Российская комплексная экспедиция в Йеменской Республике, которую возглавил последний начальник СОЙКЭ

[22] Речь идет о храмах Ҳадрӑн (Райбӯн I, зд. 1), Раҳбӑн (Райбӯн I, зд. 2–4, 7), Майфа‘ӑн (Райбӯн XIV) и еще об одном храме, в VII–VI вв. до н. э. именовавшемся Кафас, а в III–I вв. до н. э. — На‘мӑн (Райбӯн V). В двух раскопанных СОЙКЭ частных домах (Райбӯн I, зд. 5 и 6), а также в местных некрополях было найдено всего несколько текстов. Подробнее об этом см. главу I, раздел 3.

[23] Его главный храм, который, по-видимому, дал название всему поселению, был раскопан в 1937–1938 гг. Г. Кейтон-Томпсон (см. выше примеч. 10).

[24] К сожалению, ее автор оставил занятия сабеистикой и снискал известность на ниве возрождения исламской культуры в нашей стране.

и руководитель ее археологического отряда А. В. Седов. Благодаря его многочисленным работам археология Хадрамаута поднялась на качественно новый уровень. Помимо детального изучения древнего порта Қани’ (Седов 1989б; Sedov 1992; Sedov 1996d; Sedov 1997d; Sedov 1998b) и Райбунского оазиса с его храмами (Седов 1989а; Sedov 1994; Sedov, Bâtâyi‘ 1994; Sedov 1996c; Sedov 1997a; Sedov 1997c; Sedov 1998a; Седов 1999; Sedov 2000), он посвятил серию статей «Примечания к археологической карте Хадрамаута» нескольким городищам, которые расположены в боковых долинах, относящихся к бассейну вади Ҳадрамаут (Sedov 1995b; Sedov 1996a; Sedov 1996b). Значителен его вклад в изучение хадрамаутской и в целом древнейеменской нумизматики (Sedov, ‘Aydarus 1995; Sedov 1995a; Sedov 1997b; Sedov et al. 1997; Седов 1998а; Sedov, Davidde 1998; Sedov 2001; Седов, Абдалла 2004). В своей докторской диссертации (Седов 1998б) ему удалось собрать воедино и проанализировать все те данные по древнему Хадрамауту, которые доступны в археологических и нумизматических источниках, однако письменные памятники остались в ней практически не задействованными, и потому реконструировать даже общие контуры социально-политической истории этой области не удалось. Кроме того, некоторые предложенные им отождествления аббревиатур, встречающихся на монетных легендах, с реальными хадрамаутскими царями далеко не бесспорны. Вершиной его научного творчества в сфере изучения хадрамаутских древностей стали две монографии, одна из которых представляет расширенный вариант его диссертации (Седов 2005), другая — англоязычную версию ее раздела, посвященного храмам и храмовой архитектуре Хадрамаута (Sedov 2005).

С февраля 1996 г., после почти сорокалетнего перерыва, возобновились раскопки в Хор Рори: на сей раз речь шла о серьезном комплексном исследовании городища итальянской археологической миссией под руководством Алессандры Аванцини (в начале миссия именовалась Missione dell’Università di Pisa nel Dhofar, затем — Missione Italiana in Dhofar /MID/, еще позже — Italian Mission to Oman /IMTO/)[25]. Результаты продолжающихся по сей день изысканий впечатляющи: опубликованы два тома отчетов (KhRR. 1; KhRR. 2), благодаря которым, в частности, можно в деталях проследить торговые связи древнего Хадрамаута в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. В них также вошли переиздание всех эпиграфических находок, не только происходящих из Сумхурāма, но так или иначе связанных с этой хадрамаутской колонией (Avanzini 2002b; Avanzini 2008b. P. 630–637), и краткие очерки истории этого порта в хадрамаутском и южноаравийском контекстае (Avanzini 2002a; Avanzini 2008b. P. 609–622, 625–629, 637), в последнем из которых предпринята попытка наметить некоторые общие тенденции развития Хадрамаутского царства (Avanzini 2008b. P. 622–625). Впрочем, сложные для понимания выражения в строительных надписях из Хор Рори, вызвавшие дискуссию в середине 70-х гг. XX в., удовлетворительного истолкования так и не получили. Толчок к новому этапу изучения хадрамаутской колонии в Дофаре на основании эпиграфических источников

[25] Одним из ведущих археологов этой миссии является наш соотечественник А. В. Седов.

дала статья Кр. Ж. Робена о верховном хадрамаутском правителе конца I тысячелетия до н. э. Йашхур'иле Йухар'ише, сыне Абīйаćа'. В ней, основываясь на новом прочтении ряда надписей, в том числе и происходящих из Сумхурāма, и на впервые предложенной интерпретации одной монетной легенды, он пытался доказать, что в период своего пребывания у власти Йашхур'ил являлся самым могущественным властителем на юге Аравии (Robin 1994a).

С 2000 по 2007 гг. Французская археологическая миссия в (областях) Джауф и Хадрамаут (Mission archéologique française dans le Ǧawf–Ḥaḍramawt) проводила полномасштабные раскопки на восточнохадрамаутском городище Макайнӯн, расположенном в 40 км к востоку от г. Тарīм, в том месте, где с вади Масīла соединяются пять боковых долин[26]. Их результаты оказались весьма значимы для изучения древней архитектуры Внутреннего Хадрамаута, причем не только храмовой, но также жилой и фортификационной (Benoist et al. 2005; Mouton et al. 2006; Benoist et al. 2007)[27]. Что касается надписей, то, как и на Райбӯне, они представлены в основном небольшими фрагментами, а вот их общее число оказалось куда меньше: оно не превышает нескольких десятков[28].

Оригинальный подход к восстановлению хадрамаутской истории в эпоху древности продемонстрировали Мунīр 'Арбаш и М. Бā Фаḳīх, которым удалось прочесть полустершуюся надпись со скалы Мирвāх̣ в районе ал-'Уḳлы, составленную приблизительно в VI в. до н. э. хадрамаутским царем, носившим стандартное для правителей этого государства имя Йада''ил, в связи с чем они собрали воедино сведения обо всех его тезках, занимавших престол Хадрамаута с конца VIII — начала VII в. до н. э. до середины III в. н. э. (Arbach, Bāfaqīh 1998).

Нынешняя степень изученности древней истории Хадрамаута хорошо показана в статье об этой области, опубликованной В. В. Мюллером в «Эфиопской энциклопедии». После краткого обзора его географического положения и пространного экскурса, посвященного различным формам, которые соответствующий топоним принимал в южноаравийских, античных, арабских и еврейских источниках, автор широкими мазками запечатлел основные этапы, через которые Хадрамаут прошел с VIII в. до н. э. до середины VI в. н. э. (Müller W. 2005a).

Источники, использованные в процессе подготовки данной работы, следует разделить на несколько категорий: письменные, археологические и нумизматические. Что касается двух последних, то автор, не будучи специалистом в соответствующих областях, опирается на опубликованные результаты полевых

[26] Выбор объекта для исследований был сделан в ходе археологической разведки, осуществленной в этом районе в 1999 г. (Benoist et al. 2005. P. 59–60).

[27] Следует подчеркнуть, что никаких следов оборонительных стен не было обнаружено ни на Райбӯне, ни на других обследованных прежде городищах главного вади и его притоков (см., например: Грязневич 1996. С. 10).

[28] Несколько лет назад речь шла о 30 надписях, причем около 20 происходили из «подъемки», собранной в окрестностях городища местными жителями (Benoist et al. 2005. P. 69–70, 91, fig. 11; Mouton et al. 2006. P. 235–236, fig. 7).

и лабораторных исследований тех ученых, которые проводили раскопки на территории изучаемого региона или работали с собраниями древних хадрамаутских монет, и на сделанные ими выводы. Впрочем, интерпретации монетных легенд подверглись в данной работе критическому анализу и в некоторых случаях частично пересмотрены.

Основным источником для изучения общества и государства в Хадрамауте на протяжении его более чем тысячелетней древней истории стали эпиграфические памятники, которые заключают в себе львиную долю информации обо всей доисламской южноаравийской цивилизации. Главной проблемой, с которой сталкивается всякий, кто хочет их привлечь для реконструкции исторического процесса, является установление их относительной хронологии, а также их привязки к хронологии абсолютной. Недостаточная разработанность этой источниковедческой по сути проблемы заставила подробно остановиться на ней в главе I, где, кроме того, разработана классификация хадрамаутских эпиграфических материалов по месту их происхождения (так, среди них выделены надписи Шабвы и ее окрестностей, Внутреннего Хадрамаута, в первую очередь райбунские, Хор Рори и т. д.) и дана характеристика тех сабейских, маинских (минейских) и катабанских текстов, которые содержат сведения о хадрамаутцах и их государстве. В рамках той же главы кратко рассмотрены произведения античных авторов, в которых приведены скудные данные о Хадрамауте, причем там, где это возможно, предпринята попытка установить, из какого более раннего источника они дошли до позднего компилятора, такого как, например, Страбон. Не остались без внимания сообщения о древних хадрамаутских царях в арабо-мусульманской традиции, впрочем, за редкими исключениями, не имеющие почти ничего общего с исторической действительностью, упоминание Хацармавета в библейской «Таблице народов», а также краткие сведения о гонениях на хадрамаутских христиан в начале 20-х гг. VI в. в памятниках сирийской агиографии.

Предлагаемая вниманию читателей работа представляет собой первое, как у нас в стране, так и за рубежом, монографическое исследование истории Хадрамаута в эпоху древности, в котором собраны и тщательно проанализированы все имеющиеся на сегодняшний день данные о ней, основная часть которых почерпнута из эпиграфических источников. Автором работы были впервые введены в научный оборот наиболее значимые надписи из Райбӯна и хадрамаутские тексты из некоторых других мест, а также изданы эпиграфические материалы двух райбунских храмов: Ḫадрāн (Frantsouzoff 2001a) и Кафас/Наʿмāн (Frantsouzoff 2007a). Приоритет автора этих строк в изучении данной категории письменных памятников был обеспечен еще и тем, что в 2004, 2005 и 2007 гг. он участвовал в проводившихся РКЭЙР раскопках в качестве эпиграфиста. Монография, в которой были впервые сведены воедино итоги его изысканий в области райбунской эпиграфики (Французов 2009a; Французов 2012), стала закономерным этапом в ходе подготовки настоящей работы.

Как уже отмечалось в Предисловии, обширный фактический материал, включенный в данный том, организован в соответствии с формационным подходом к изучению исторического процесса, точнее, с разработанной

в рамках творческого переосмысления такого подхода концепцией И. М. Дьяконова и В. А. Якобсона[29]. В этом отношении принципиальное значение для автора имеют:

1. определение первой формации классового общества не как «рабовладельческой», что не соответствует той роли, которую рабы играли тогда в общественном производстве, особенно на Древнем Востоке, и не просто как «древней», что не отражает сущности этой формации, а как «древней общинно-гражданской» (Якобсон 1997. С. 22);

2. разделение этой формации на две последовательные стадии, именуемые ранней древностью и поздней, или имперской, древностью[30].

В отношении популярного сегодня цивилизационного подхода автор полностью разделяет позицию В. А. Якобсона, утверждающего, что «цивилизации — это особые типы культуры значительных человеческих масс в эпоху классовых обществ», как правило межэтнические, и что в их формировании «важную роль… играет распространение определенных типов письменности», тексты на которых «составляли квинтэссенцию данной цивилизации (культуры ранней древности — это культуры текстов)» (Якобсон 1997. С. 21)[31].

При обращении к эпиграфическим памятникам — основному письменному источнику, положенному в основу исследования, — помимо их традиционного историко-филологического истолкования использовался метод их комплексного анализа с учетом археологического контекста, при котором наряду с обстоятельствами находки каждой надписи уделялось внимание истории того городища или объекта, откуда она происходит. Впервые разработанный моим учителем П. А. Грязневичем (1929–1997) для публикации южноаравийских материалов, обнаруженных им во время полевых исследований на территории

---

[29] См. выше примеч. 1.

[30] В разработанной И. М. Дьяконовым концепции исторического процесса они соответствуют третьей и четвертой фазам (Дьяконов 1994. С. 27–64), т. е. рассматриваются как самостоятельные этапы всемирной истории. Подобная периодизация кажется не слишком удачной, поскольку обе они имеют целый ряд общих черт, кардинально отличающих их от предшествующей и последующей фаз (формаций). Нельзя согласиться и с осторожно высказанным И. М. Дьяконовым предположением, согласно которому Хадрамаут и Йемен даже в начале XX в. находились только в третьей фазе (Дьяконов 1994. С. 376, примеч. 58). В главе III данной работы будет показано, что хотя переход Южной Аравии к четвертой фазе так и не привел к образованию в этом регионе полноценной империи, в пятую фазу, т. е. в средневековье, она вступила еще до ислама.

[31] Ср.: Якобсон 2004. С. 43. Однако трудно согласиться с утверждением этого ученого о том, что на всем протяжении истории человечества существовало всего с полдюжины цивилизаций: ближневосточная, европейская (первоначально — античная), индийская, дальневосточная, цивилизация Черной Африки и цивилизация доколумбовой Америки — даже с учетом оговорки о «несостоявшихся» цивилизациях, таких как индская, центры которой открыты в Мохенджо-Даро и Хараппе (Там же. С. 41). Представляется, что Арнольд Тойнби, выделявший, хотя и не всегда последовательно, около двадцати цивилизаций, был ближе к истине.

Действительно, если еще на стадии своего становления каждая цивилизация оказывается связанной с определенным типом письма, то древнеегипетскую и месопотамскую цивилизации следует четко разграничить, тем более что между ними существует множество других кардинальных различий. В соответствии с этим критерием отдельную цивилизацию составлял и древний Йемен со своей особой письменностью.

Йеменского нагорья в 1966–1967 и 1970–1971 гг. (ЮА. 1, 2/1, 2/2), подобный метод нашел широкое применение в сабеистике, в частности, в международном серийном издании *Inventaire des inscriptions sudarabiques*[32].

При изучении надписей, обнаруженных СОЙКЭ и РКЭЙР на Райбӯне, осуществлялся поиск новых подходов к определению их датировки на основании палеографических критериев. В результате удалось значительно модифицировать принципы, на которых строится относительная хронология древнейеменской эпиграфики, и показать, что точность, с которой данный метод позволяет датировать письменные памятники, составляет 150–200 лет.

При работе с богатейшим ономастическим материалом, извлеченным прежде всего из райбунских текстов, были выявлены группы имен собственных, связанных с отдельными храмами, проводилось их сопоставление как друг с другом, так и с антропонимами из соседних областей Южной Аравии и других регионов Ближнего Востока (главным образом из Сиро-Палестинского). В отличие от сравнительного метода этимологический анализ южноаравийских имен собственных, широко применяемый немецкой сабеистической школой[33], на нынешнем уровне наших знаний в области грамматики и лексикографии соответствующих языков при подготовке данной работы был признан бесперспективным, зачастую подталкивающим исследователя к бесплодным спекуляциям.

Целый ряд положений, выносимых на суд читателей в этом томе, был ранее представлен в докладах и сообщениях и обсуждался с зарубежными коллегами на международных научных мероприятиях, прежде всего на ежегодных Семинарах аравийских исследований и на «Сабейских встречах» (*Rencontres sabéennes*), а также на международных конференциях *Cultural Anthropology of South Arabia: Hadramawt Revisited*, состоявшейся в Санкт-Петербурге 23–25 октября 1996 г., и *Cultural Interchange in the Arabian Peninsula*, организованной обществом «Арам» в Оксфорде 14–16 июля 1997 г., на VIII Международной конференции «Россия и Арабский мир. Аравия с древнейших времен до наших дней» (Санкт-Петербург, 22–23 июня 2000 г.), на II Международной конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций» (Санкт-Петербург, 4–7 июля 2002 г.), на конференции «Арабско-российский диалог в XXI веке. Взаимодействие русской и арабской культур и история взаимных отношений» (Хаммамет, Тунис, 23–25 июня 2003 г.), на XV Международной конференции по эфиопистике (*the XVth International Conference of Ethiopian Studies*, Гамбург, 20–25 июля 2003 г.), на международных конференциях *Epigraphik und Archäologie des antiken Südarabien*, посвященной 70-летию со дня рождения профессора В. В. Мюллера (Марбург, 26–27 сентября 2003 г.), и *The Economic and Social History of Pre-Islamic Arabia* (Бейрут,

[32] Следует учесть, что он был самостоятельно разработан для этой серии ее создателем Кр. Ж. Робеном к началу 90-х гг. XX в. К сожалению, отечественный приоритет в отношении данного метода оказался во многом утрачен из-за задержки с публикацией около 300 надписей, обнаруженных П. А. Грязневичем в 1970–1971 гг., более чем на четверть века (о способствовавших этому причинах, в том числе политических, см.: Frantsouzoff 1997a. P. 117–119).

[33] См., в частности: Tairan 1992; Al-Said 1995; Hayajneh 1998; Sholan 1999.

12–15 декабря 2005 г.), а также на ежегодных сессиях петербургских арабистов и институтских годичных научных сессиях, начиная с середины 90-х гг. прошлого века.

Кроме того, по тематике данного тома автор этих строк прочитал курс лекций на французском языке *Le royaume antique du Hadramawt et son rôle dans l'histoire de l'Arabie du Sud pré-islamique* (общим объемом 8 часов) в отделении исторических и филологических наук Практической школы высшего образования (École Pratique des Hautes Études, Section des sciences historiques et philologiques) в Париже с 7 по 21 июня 2001 г. (Frantsouzoff 2002) и две лекции на английском языке *New Approaches towards the Palaeography of Hadramitic Inscriptions* и *New Approaches towards the History of Ancient Hadramawt* в Институте востоковедения (Institut für Orientalistik) Венского университета (Universität Wien) 9 и 11 декабря 2009 г.

Транслитерация имен собственных, использованная в настоящей работе, основывается на системе, разработанной академиком И. Ю. Крачковским, для точной передачи в русскоязычных научных трудах арабского лексического и ономастического материала. Отсутствующий в арабском алфавите символ ﺱ (*s³*, *ś*) передается как ć или Ć. Огласовка древнейеменских антропонимов в известной степени условна и исходит из произвольного допущения, что в южноаравийских эпиграфических языках был тот же вокализм, что и в классическом арабском. Впрочем, заметное число современных йеменских топонимов имеет доисламские корни и засвидетельствована в надписях, а некоторая часть личных и родовых имен обитателей древней Южной Аравии сохранилась в арабомусульманской письменной традиции. Отдельные южноаравийские имена собственные были, кроме того, зафиксированы в античных источниках, хотя подчас и с серьезными искажениями. При передаче широко распространенных арабских топонимов систематически использовались те формы, которые закрепились за ними в отечественной географической номенклатуре: Мекка (а не Макка), Сана (а не Ṣан‘ā’) и пр. Названия государств древней Южной Аравии, часто встречающиеся в этом томе, даны в облегченной транслитерации: Саба, Аусан, Катабан, Хадрамаут, Маин, Химйар (вместо Саба’, Аусāн, Ḳатабāн, Ḥадрамаут, Ма‘īн, Ḥимйар).

Глава I

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ХАДРАМАУТА: ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ

1. ПАМЯТНИКИ ЮЖНОАРАВИЙСКОЙ ЭПИГРАФИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Сабеистика как особая ветвь классического востоковедения, специализирующаяся на изучении языков, истории и культуры древней Южной (точнее, Юго-Западной) Аравии, сложилась во второй половине XIX в. в результате массового введения в научный оборот нового типа источников — обнаруженных на территории Йемена (и в несравненно меньшем масштабе — в Северо-Восточной Эфиопии) доисламских надписей, выполненных ранее неизвестным консонантным алфавитным письмом. Вплоть до последних десятилетий XX в. она, по существу, сводилась к их изданию и комментированию. Арабо-мусульманские сочинения содержат сведения лишь о последних веках доисламской истории Йемена, к тому же по преимуществу легендарные и потому малопригодные для полноценной исторической реконструкции. В произведениях античных авторов информация о Южной Аравии до крайности скудна и лишь в единичных случаях может служить подтверждением или дополнением тех данных, которые были извлечены из надписей.

По сравнению с нарративными источниками эпиграфические материалы обладают рядом специфических особенностей, сущность которых четыре десятилетия тому назад расскрыл мой учитель в области сабеистики А. Г. Лундин. Так, он подчеркивал «их несомненную, почти стопроцентную аутентичность, одновременность описываемым событиям и великолепную осведомленность авторов, безусловную точность социальной терминологии и достоверность содержащихся в них сведений», отсутствие фактических ошибок, позднейших интерполяций и искажений, вносимых переписчиками. Вместе с тем, если памятники эпиграфики оказываются единственным источником, их достоинства оборачиваются недостатками, когда «исследователю очень трудно решить, описывает ли данный памятник общее правило или исключение из него, ординарный или экстраординарный случай», «великолепная осведомленность автора вызывает лаконичность

изложения и отсутствие пояснений, очень затрудняющие понимание текста», а «социальные явления и институты лишь называются, но никогда не описываются» (Лундин 1971. С. 10), «так как роль и характер действия этих институтов предполагаются известными читателю» (Там же. С. 12).

Однако степень достоверности информации, содержащейся в южноаравийских надписях, не следует преувеличивать. Подчас им была свойственна явная тенденциозность, прежде всего политическая, яркий пример которой связан с освещением битвы, состоявшейся при ẓ̄ Ḫурма (ẓ̄ Ḫурмат), близ нынешего города Ẓамāра (в центре Йеменского нагорья, к югу от Саны), в июле 253 г. н. э., в двух надписях: Ja 578, составленной предводителем сабейского племенного контингента, и MAFRAY — al-Mi‘sāl 2, автором которой был аристократ из области Радмāн, сражавшийся в рядах противостоявшего сабейцам химйаритского войска. Согласно Ja 578, верх взял сабейский царь Илīшараḫ Йаḥдуб II, разгромивший и отбросивший к югу войско химйаритского властителя Кариб’īла ẓ̄ Райдāна, тогда как в MAFRAY — al-Mi‘sāl 2 сообщается, что победу одержал царь Химйара Кариб’īл Айфа‘ (несомненно идентичный Кариб’īлу ẓ̄ Райдāну), вернувшийся с поля битвы с пленными и трофеями (Robin 1991a. P. 21–22).

Не нужно забывать и о том, что замечания А. Г. Лундина были сделаны применительно к высеченным на камне и отлитым в бронзе монументальным надписям, в подавляющем большинстве посвятительным, и в отдельных случаях нуждаются в корректировке. Так, преимущество надписей перед законодательными актами и юридическими документами он усматривал в том, «что они отражают реальную жизнь, а не юридическую норму, всегда более или менее отличающуюся от реальных жизненных отношений» (Лундин 1971. С. 9). Между тем к монументальной эпиграфике относятся и тексты юридического содержания, правда, весьма немногочисленные: кодексы[1], декреты, изданные от имени божеств, царские указы и т. п.

За год до выхода в свет цитированной выше монографии А. Г. Лундина в ходе «пиратских» раскопок на городище ал-Ḫариба ас-Сайдā’ (древний Нашшāн) в области ал-Джауф был обнаружен новый тип древнейеменских эпиграфических памятников — документы на дереве. Первоначально речь шла о двух пальмовых черенках, на поверхности которых были процарапаны тексты, выполненные неизвестным письмом. Палестинский сабеист Маḥмūд ‘Алī ал-Ḡ̣ūл, которому они были направлены на экспертизу, к 1977 г. сумел идентифицировать его как курсивную, или, точнее, минускульную, разновидность южноаравийской алфавитной письменности и предложил частичную интерпретацию обоих документов. К настоящему времени общее число древнейеменских текстов на дереве, которые вырезались как на черенках пальмовых листьев, так и на деревянных палочках, достигло нескольких тысяч[2]. До недавнего времени издано из них было всего

[1] См., например, «Катабанский торговый кодекс» из столицы Катабанского царства Тамна‘ (Beeston 1959; Beeston 1971. P. 2–5) и фрагмент «Маинского рыночного кодекса» из оазиса Дедан (Beeston 1978a).

[2] В основной своей массе они хранятся в Санском университете. За пределами Йемена два крупнейших собрания этих письменных памятников, находящиеся в Баварской государственной библио-

около трех десятков[3]. Главными препятствиями на пути их чтения и истолкования стали совпадения начертаний различных букв (например, *алифа*, *k* и *s*[1]; *w*, *ḥ* и *ṭ* и т. д.) в развитых вариантах минускульного шрифта, а также обилие новых терминов, не засвидетельствованных в монументальных надписях. По предварительной оценке специалистов, в основной своей массе тексты на дереве представляют собой частноправовые документы (прежде всего контракты), личные письма, списки лиц (неясного назначения), упражнения писцов[4].

Настоящий прорыв в изучении данной категории письменных памятников древней Южной Аравии произошел после публикации 205 текстов на дереве из собрания Баварской государственной библиотеки (Stein 2010).

За исключением городища ас-Саудā', где, по всей видимости, местные бедуины случайно наткнулись на городской архив, южноаравийские письменные памятники этого типа были обнаружены лишь на Райбӯне (в храме Раḫбāн и в одном из жилых домов) в 1986, 1987 и 1989 гг. Это — единственная находка документов на дереве в результате легальных археологических изысканий, доказывающая, что они были распространены по всему древнему Йемену. Речь идет о 19 черенках пальмовых листьев с текстами, выполненными различными разновидностями минускульного шрифта. Среди тех, содержание которых удалось разобрать[5], можно выделить хозяйственные документы, некие «заготовки» для монументальных посвятительных текстов, благопожелания. Благодаря тому, что слои, в которых были найдены райбунские тексты на дереве, датированы радиокарбонным методом, установлено четкое соответствие между их возрастом и разновидностью шрифта, которым они выполнены: так, достаточно близкая к монументальному дуктусу форма знаков засвидетельствована в самом раннем документе, относящемся по меньшей мере к VI в. до н. э., а наиболее развитый тип минускульного письма выявлен на пальмовых черенках III–I вв. до н. э.[6] Однако столь четкая корреляция между абсолютной датировкой эпиграфических материалов и особенностями их палеографии является для Йемена скорее исключением, нежели правилом.

теке (Bayerische Staatsbibliothek) в Мюнхене и в Восточном институте (Oosters Instituut) Лейденского университета, насчитывают в своем составе соответственно ок. 400 и ок. 300 единиц хранения (Stein 2010. 1. S. 9; ср.: Stein 2003a. P. 267, 272, n. 2). По меньшей мере, еще несколько десятков документов этого типа оказалось в европейских частных коллекциях.

[3] Примерно половина из них (16 текстов) опубликована в Ryckmans J., Müller W., Abdallah 1994. Остальные изданы в отдельных статьях, ссылки на которые см.: Французов 2000a. С. 28–30, примеч. 3; Robin 2001a. P. 530–531; Французов 2005. С. 3–5, примеч. 1, 5.

[4] О характере документов на палочках и черенках, их дешифровке и происхождении минускульного шрифта см. также: Beeston 1989. P. 15–19; Ryckmans J., Müller W., Abdallah 1994. P. 7–15, 25–39; Лундин 1995a; Лундин 1998a; Frantsouzoff 2006b.

[5] Более или менее удовлетворительное истолкование предложено для 11 хадрамаутских текстов на дереве, по преимуществу фрагментарных, которые удалось прочесть во многом благодаря тому, что их шрифт не очень значительно отличается от монументального. Пока издано два из них (Бауэр, Акопян, Лундин 1990; Frantsouzoff 1999a), остальные подготовлены к публикации (черенок с двумя краткими текстами впервые опубликован ниже, в разделе 7 главы II).

[6] См. об этом подробнее: Frantsouzoff 1999a. P. 55–56, 61, fig. 4; 62, fig. 5; Frantsouzoff 2004. P. 74–75, 217, fig. 42, 43; Французов 2009a. С. 56; Французов 2012. С. 56.

2. ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ЮЖНОАРАВИЙСКИХ НАДПИСЕЙ. СИНХРОНИЗМЫ. «КРАТКАЯ» ХРОНОЛОГИЯ Ж. ПИРЕНН И ЕЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Уже первые исследователи доисламского Йемена столкнулись с серьезными трудностями, когда попытались привязать сотни только что найденных и скопированных южноаравийских текстов к абсолютной хронологической шкале. Основная причина этого заключалась в отдаленности и относительной изолированности этой страны, особенно в военно-политическом отношении, от наиболее развитых регионов Древнего Востока, а также от Средиземноморья. Правда, уже среди первых древнейеменских надписей, попавшихся в руки ученых, одна, происходящая со скалы Ḫуṣн ал-Ġурāб, что рядом с портом Ḳани’ на хадрамаутском побережье, оказалась датирована по какой-то местной эре (CIH 621)[7]. Однако сравнительно скоро выяснилось, что таких датированных памятников в эпиграфике Южной Аравии очень немного (на сегодняшний день их известно менее сотни) и все они относятся к последним векам существования этой цивилизации. Что касается встречающихся в более ранних надписях эпонимных датировках, то они до сих пор остаются по существу бесполезными, поскольку ни для одного государства или области древнего Йемена пока не удалось восстановить список эпонимов ни полностью, ни частично[8].

Вот почему уже на заре сабеистики предпринимались попытки обнаружить синхронизмы, т. е. отыскать упоминания лиц или событий, зафиксированных в памятниках южноаравийской эпиграфики, в письменных источниках, происходящих из других регионов Ближнего Востока и Средиземноморья. К изучению древней истории Хадрамаута имеют отношение два из них: сабейско-ассирийский и минейско-египетский.

На упоминание в двух датированных клинописных текстах властителей Новоассирийской военной державы «сабейца Ита‘амра» (^{m}ita‘amra ^{kur}saba‘ajja), ок. 716 г. до н. э. прибывшего с данью к Саргону II (722–705), а также «Кариб’илу, царя (страны) Саба’» (^{m}karib’ilu šar ^{kur}saba’), преподнесшего около 685 г. до н. э.[9] драгоценные камни и благовония в дар (*нāмурту*) Синаххерибу (705–681) в связи с возведением в Ашшуре храма, посвященного празднику Нового года (*бīт акīти*), первым обратил внимание Фриц Хоммель, в 20-е гг.

[7] Об обстоятельствах ее находки 4 мая 1834 г. британскими офицерами гидрографического судна «Палинур» (Palinurus), принадлежавшего Ост-Индской кампании, см.: Hulton 2003. P. 56–58, 61, 64, где опубликована ее первая копия, тщательно срисованная с оригинала (Ibid. P. 59).

[8] О системах эпонимата, существовавших на юге Аравии в эпоху древности, с особым вниманием к Хадрамауту, см. раздел 6 главы II.

[9] К настоящему времени эта приблизительная датировка несколько модифицирована: по оценке ассириологов, визит Кариб’илу в Ашшур состоялся вскоре после 689 г. до н. э. (см. Eph‘al 1984. P. 43; Galter 1993. S. 34; Robin 1996a. Col. 1118, 1120).

Транскрипция обоих текстов с немецким переводом приведена в Galter 1993. S. 33, 34.

прошлого века предложивший отождествить их с правителями раннего Сабейского государства Йаṯа‘’амаром Баййином, сыном Сумху‘алī, и Кариб’илом Ватаром, сыном Ẓамар‘алī (Hommel 1927. S. 75–86). Второе отождествление представлялось особенно значимым, поскольку к тому времени уже были обнаружены пространные исторические надписи RES 3945 = Gl 1000 A и RES 3946 = Gl 1000 B *мукарриба* и царя (*малика*) Кариб’ила Ватара, в которых речь идет о его военных походах и послевоенных мерах по обустройству Сабейского государства, в результате чего оно существенно расширило свои пределы и установило контроль над большей частью Южной Аравии. Так, в RES 3945/12–13 Хадрамаут и его правитель Йада‘’ил названы в числе союзников Кариб’ила. Впрочем, сабеисты вынуждены были признать, что любой из верховных правителей Сабейского государства ранней эпохи, носивший имя Йаṯа‘’амар или Кариб’ил[10], мог оказаться тем самым Ита‘амра или Кариб’илу, хотя и с меньшей долей вероятности[11]. Следовательно, датировка завоеваний Кариб’ила Ватара, сына Ẓамар‘алī (или, как его иногда называют, Кариб’ила Великого) началом VII в. до н. э. являлась в определенной степени условной, а ее корректировка в пределах нескольких десятилетий выглядела допустимой[12].

Основу минейско-египетского синхронизма составляет пространная надпись с крепостной стены маинского (минейского) города Йаṯилл (городище Барāḳиш) RES 3022 = M 247 = Gl 1155, в которой от имени граждан южноаравийского государства Маин, занимавшихся караванной торговлей (*M‘n/mṣr-n*), сообщается об их путешествии в Египет по коммерческим делам. В ней они выразили благодарность своим богам за то, что те «вызволили их и их достояния … из внутренних областей Египта во время междоусобицы (sic — *С. Ф.*), которая имела место между *Mḏy* и Египтом» (стк. 2–3: *mt‘-s¹m/w-’qny-s¹m/…/bn/ws¹ṯ/Mṣr/b-mrd/kwn/byn/Mḏy/w-Mṣr*)[13], в правление маинского царя Абīйада‘ Йаṯа‘. В надписи, сохранившейся на одной из башен восточных ворот маинской столицы Ḳарнау (городище Ма‘īн), этого царя назвал «своим братом» (*’ḫ-hs¹*), т. е. союзником, царь Хадрамаута Илīсами‘ Ẓубīān, сын Малкīкариба (Ма‘īn 8 = RES 2775/1–2), составивший вместе со своим соправителем Йада‘’илом Баййином, сыном Сумхуйафа‘, надпись RES 3869, которая была обнаружена на городище Наḳб ал-Хаджар (древняя крепость Майфа‘а) в самом конце XIX в. Южноаравийской экспедицией Венской Академии наук и затем

[10] За сабейскими мукаррибами было закреплено всего шесть имен (Кариб’ил, Йада‘’ил, Сумху‘алī, Ẓамар‘алī, Йаṯа‘’амар, Йакрубмалик), табуированных для остальных лиц (Лундин 1971. С. 183; Robin 1996a. Col. 1118). Их частые повторения оказывались неизбежными.

[11] См., например: Robin 1996a. Col. 1120, 1121.

[12] Так, Бенīāмīн Сасс в рамках своей гипотезы, относящей появление алфавитного письма на юге Аравии к середине IX в. до н. э., считает (на наш взгляд, без достаточных на то оснований) датировку правления Кариб’ила Ватара, сына Ẓамар‘алī, VIII в. до н. э. наиболее вероятной; современником же Синаххериба, по его мнению, был находившейся позже у власти другой Кариб’ил (Sass 2005. P. 115–117).

[13] Русский перевод этой надписи приведен в одном из ее последних переизданий, подготовленном Г. М. Бауэром, под сиглом Гр 313 (ЮА. 2/2. С. 116–117, фото 245а–ж, 246).

перевезена англичанами в Бомбейский музей[14]. Таким образом, царствование в Хадрамауте Илīсами‘ З̲убйāна удается привязать к минейско-египетскому синхронизму[15].

Датировка этого синхронизма, т. е. отождествление описанной в нем смуты (*mrd*) с определенным событием в хорошо изученной истории Древнего Египта, во многом зависела от истолкования имени собственного *Md̲y*. Основоположник немецкоязычной сабеистики Эдуард Глязер (1855–1908), скопировавший эту надпись во время одного из своих путешествий по Йемену[16], а вслед за ним и Фриц Хоммель обосновали первый вариант реконструкции южноаравийской хронологии, позже названный «сверхдолгим». В его рамках они предложили два варианта идентификации *Md̲y*: либо с египетскими полицейскими частями *матой*, принимавшими участие в династических распрях конца XIII в. до н. э., либо с гиксосами, установившими владычество над большей частью территории Египта (конец XVIII — начало XVI в. до н. э.)[17]. С позиций «сверхдолгой» хронологии Маин рассматривался как древнейшее южноаравийское государство, существовавшее уже в середине II тысячелетия до н. э., чье место в первой половине I тысячелетия до н. э. заняла Саба; в связи с этим было предложено его отождествление с засвидетельствованным в клинописных источниках Магāном и библейским Маоном (מעון). Сначала данная концепция нашла признание у некоторых ведущих специалистов по Древнему Востоку, в частности академика Б. А. Тураева (Тураев 1935–1936. II. С. 246–247), но дальнейшее изучение древнейеменской эпиграфики вскрыло ее полнейшую несостоятельность[18]. В то же время параллели с рядом семитских языков позволили истолковать *Md̲y* как этнотопоним «Мидия, мидяне»[19]. Как известно, прямых столкновений между Мидийской державой и египтянами в источниках не зафиксировано, но в древнегреческой традиции (в частности у Геродота) Мидией нередко называли державу Ахеменидов[20]. На этом основании были предложены две возможные датировки минейско-египетского синхронизма: 343 г. до н. э., на который пришлось вторжение

[14] См. ее эстампаж (в неповрежденном виде) и фотографию (с повреждениями, полученными при транспортировке в Бомбей): Pirenne 1956. Fig. 13, a и fig. 13, b.

[15] Ранее на это уже обращалось внимание (см., например: Wissmann 1976. S. 380 /73/: Abb. 19; S. 384–385 /77–78/).

[16] См. о нем: Müller W. 2002; Müller W. 2005b. Первым ее копию получил его соперник Жозеф Галеви, стоявший у истоков франкоязычной сабеистики (об их непростых взаимоотношениях см.: Robin 1998a. P. 10–11).

[17] История интерпретации минейско-египетского синхронизма в конце XIX — первой трети XX в. детально рассмотрена Карлом Млякером в коллективной статье: Höfner, Mlaker, Rhodokanakis 1934. S. 94–106 (раздел Chronologisches).

[18] Höfner, Mlaker, Rhodokanakis 1934. S. 94–96. Пришлось отказаться и еще от одной гипотезы, суть которой состояла в сопоставлении *Md̲y* с известными по Библии североаравийскими мидйанитами (מדין).

[19] Ср. с מדי на иврите и арамейском, а в особенности с *Md̲y* в языке обширной группы доисламских североаравийских текстов, за которыми закрепилось несколько неточное наименование «сафаитских».

[20] Отметим, что в сафаитских надписях под Мидией (*Md̲y*) имелось в виду государство Сасанидов.

Артаксеркса III Оха в Египет, или 525 г. до н. э., который был ознаменован завоеванием этой страны Камбизом[21].

В середине 50-х гг. XX в. оба синхронизма, играющих ключевую роль в реконструкции древнейеменской истории I тысячелетия до н. э., подверглись пересмотру со стороны Жаклин Пиренн, искусствоведа по образованию, которая решила посвятить себя сабеистике. Она обратила внимание на геометрическую четкость шрифта южноаравийских надписей, отличающую его от других семитских алфавитных письменностей, таких как древнеарамейская, палеоеврейская, финикийская, и сближающую его с монументальным дуктусом памятников эпиграфики классической Греции. Краеугольным камнем ее концепции стала идея о том, что древнегреческое письмо этой эпохи оказало непосредственное влияние на появление южноаравийского и, следовательно, эпиграфическая традиция древнего Йемена не может быть старше «века Перикла» — V в. до н. э.[22] Упоминание Ита'амра и Кариб'илу в текстах ассирийских царей она объяснила тем, что они были царьками сабейских племен, обитавших якобы в Северо-Западной Аравии до переселения на юг полуострова, а не правителями государства Саба (Pirenne 1989. P. 262–263)[23]. Что до минейско-египетского синхронизма, то, по ее мнению, «война между *Mḏy* и *Mṣr*»[24] была не чем иным, как битвой при Рафии 217 г. до н. э., в которой столкнулись Антиох III и Птолемей IV (Pirenne 1956. P. 213–215), хотя эллинистических царей из династии Селевкидов и их подданных не принято было именовать «мидянами». Эта хронология получила название «краткой» в отличие от «долгой», согласно которой правление Кариб'ила Великого и возвышение Сабейского государства на юге Аравии относились приблизительно к началу VII в. до н. э., а минейско-египетский синхронизм — к концу VI или середине IV в. до н. э.

Одновременно с этим Ж. Пиренн разработала относительную хронологию южноаравийской истории для I тысячелетия до н. э., положив в ее основу стройную линейную схему эволюции палеографических особенностей местной монументальной письменности. Надписи, которые она отнесла к V–II вв. до н. э., были распределены по пяти последовательным периодам, обозначенным заглавными латинскими буквами от A до E, причем каждый из них в свою очередь был разделен на три или четыре стиля (например, от A1 до A4 или от E1 до E3), также сменявших друг друга, как правило, в строгом хронологическом порядке (Pirenne

[21] Höfner, Mlaker, Rhodokanakis 1934. S. 96; ср.: Pirenne 1956. P. 27; Robin 1991b. P. 62.

[22] Детальное изложение этих взглядов см.: Pirenne 1955.

[23] Подробнее проблема так называемых «северных сабейцев» рассмотрена в Robin 1996a. Col. 1109–1111; Beeston 2005a. P. 65–66. Следует подчеркнуть, что никаких следов сабейского присутствия на севере Аравийского полуострова в первой половине I тысячелетия до н. э., не говоря уже о более раннем или позднем периоде, до сих пор не обнаружено. Ссылки на упоминания Сабы (Шевы) вместе с Деданом в «родословии народов» (Быт. 10:7; 1 Хрон. 1:9) и в пророчестве Иезекииля (Иез. 38:13) вряд ли корректно рассматривать в качестве указания на то, что этот оазис находился в интересующую нас эпоху под сабейским контролем (см. Müller W. 1998. Kol. 387). Сейчас все больше ученых склоняется к мысли, что именно «Южная Аравия (а не Северо-Западная Аравия) была первоначальным местом пребывания (the primary locus) сабейского народа» (de Maigret 1998a. P. 224).

[24] Нужно отметить, что термин *mrd* в RES 3022/3 означает «смута», «восстание», но никак не «война».

1956. Passim). Эта схема отличалась простотой и была удобна в пользовании, поскольку позволяла филологам, зачастую не имевшим специальной подготовки в области палеографии, быстро и довольно точно датировать публикуемые эпиграфические памятники. Следует отметить, что через год после выхода основного ее труда по палеографии изложенная там концепция подверглась суровой критике со стороны А. Жамма, который с цифрами в руках показал ее несостоятельность[25]. Однако его голос не был своевременно услышан отчасти из-за непозволительно резкого тона его замечаний. Число сторонников хронологической схемы Ж. Пиренн неуклонно росло, так что в 60–70-х гг. XX в. верность «долгой» хронологии сохраняли только сам А. Жамм, основоположник отечественной сабеистики А. Г. Лундин (Лундин 1971. С. 92–103 и др.) да еще до некоторой степени крупнейший специалист по исторической географии древней Южной Аравии Г. фон Висманн[26]. К концу жизни Ж. Пиренн доработала свою схему, распространив ее на конец I тысячелетия до н. э. — III в. н. э., разделив эту эпоху на палеографические периоды от F до O (Pirenne 1990. Tabl. I–IV).

Ситуация резко изменилась два десятилетия назад, когда в ходе раскопок, проводившихся в конце 80-х гг. итальянскими археологами в вади Йалā, в 110 км к востоку от Саны, были найдены надписи вместе с остатками обугленных деревянных балок в слоях с четко различимой стратиграфией, что позволило впервые применить радиокарбонный анализ для датировки памятников эпиграфики. На основании его результатов самые ранние монументальные надписи из вади Йалā были отнесены как минимум к VIII в. до н. э., причем обнаруженные там черепки с южноаравийскими буквами оказались еще более древними. Таким образом, существование письменности в древнем Йемене отодвигалось к IX в. до н. э. (de Maigret /ed./ 1988. P. 19–20; de Maigret, Robin 1989. P. 278–291) или даже к самому концу II тысячелетия до н. э. (de Maigret 1997. P. 51; de Maigret 1998b. S. 158)[27]. Эти данные, полученные благодаря такому надежному естественно-научному методу, как радиокарбонный анализ, заставили Кр. Ж. Робена, а затем и большинство его коллег-сабеистов, отказаться от «краткой» хронологии и вернуться к «долгой»[28]. К аналогичным выводам пришли участники СОЙКЭ в результате раскопок Райбӯна, а также археологи из других стран, проводившие в Йемене полевые изыскания. Хотя Ж. Пиренн вплоть до своей гибели в 1990 г., продолжала отстаивать прежнюю концепцию (Pirenne 1990. P. 123–128)[29], общее отношение специалистов к «краткой» хронологии резко

[25] Он, в частности, проделал огромную работу, чтобы выявить значительное количество серьезных расхождений между данными о размерах знаков в надписях и их пропорциях, которые приведены у Ж. Пиренн зачастую лишь на основании фотографий, с их истинными размерами (Jamme 1957. P. 39–48, 51–57, 61–62, 68–71, 74–103, 110).

[26] См. его посмертно изданную работу: Wissmann (Müller W.) 1982.

[27] Столь ранняя датировка этих знаков на керамике, иногда складывающихся в отдельные слова, вызывает обоснованные возражения, но их принадлежность к VIII (или даже IX) в. до н. э. можно считать доказанной (Sass 2005. P. 97–100, 110–111).

[28] См., например: de Maigret, Robin 1989. P. 255–278; Avanzini 1993.

[29] Те ухищрения, к которым она прибегла для спасения своей концепции, критически разобраны в Beeston 2005a. P. 65, 66–68; Французов 2009a. С. 31–32, примеч. 34; Французов 2012. С. 31–32.

переменилось. В большинстве докладов, которые были представлены на международной конференции, состоявшейся в мае 1991 г. в Риме, были приведены весомые аргументы в пользу того, что древнейеменская цивилизация сформировалась не в середине, а в начале I тысячелетия до н. э.[30]

Был восстановлен в своих правах сабейско-ассирийский синхронизм. Крупнейшее открытие в области южноаравийской эпиграфики, которое посчастливилось совершить экспедиции Санского отделения Немецкого археологического института в декабре 2005 г. во время раскопок древнего сабейского города и культового центра Ṣирвāḫ, предоставило еще один серьезный (хотя и косвенный) довод в его пользу и одновременно позволило его несколько скорректировать. Речь идет о Большой Ṣирвāḫской надписи сабейского мукарриба и царя Йаṯа‘’амара Ватара, сына Йакрубмалика (DAI Ṣirwāḥ 2005–50), найденной на огромном блоке буквально по соседству с RES 3945 и RES 3946 и пока еще остающейся неопубликованной[31]. Палеография этого памятника, главным образом особая архаичная форма *s*^{3}, не оставляет сомнений в том, что он был высечен раньше, чем надписи Кариб’ила Великого. В нем сообщается об успешных военных кампаниях Йаṯа‘’амара против небольших государств на юго-востоке Йемена и отчасти в ал-Джауфе. Сейчас стало ясно, что в главном дворе храма сабейского «национального» бога Алмаḳаха в Ṣирвāḫе были выставлены только три крупных по объему текста: DAI Ṣirwāḥ 2005–50, RES 3945 и RES 3946. Логично предположить, что их авторы были наиболее выдающимися правителями раннего Сабейского государства и что именно они оказались упомянуты в ассирийских анналах. Таким образом, Йаṯа‘’амара Ватара, сына Йакрубмалика, а вовсе не Йаṯа‘’амара Баййина, сына Сумху‘алī[32], как предполагалось ранее, следует отождествить с Ита‘амра и датировать его правление концом VIII в. до н. э. (ок. 716 г. до н. э.).

Удалось внести некоторые уточнения относительно датировки минейско-египетского синхронизма. По ряду косвенных признаков, важнейшим из которых было признано упоминание в RES 3022/1 Ассирии и Заречья (*’’s*^{2}*r/w-‘br/ Nhr-n*), выделенных в качестве отдельных провинций империи Ахеменидов в результате административно-территориальной реформы Ксеркса, проведенной сразу после 481 г. до н. э., было установлено, что описанная в этой надписи смута в Египте, скорее всего, имела место либо во время восстания ливийца Инара и похода Мегабиза в 50-х гг. V в. до н. э., либо в период от воцарения фараона Амиртея в 404 г. до карательной экспедиции Фарнабаза в 373 г. до н. э. (Gnoli 1996; Lemaire 1996). К этому же выводу самостоятельно пришел прекрасный

[30] Лишь видный итальянский семитолог Джованни Гарбини предпринял попытку спасти «краткую» хронологию (Garbini 1996), но приведенный им стандартный набор доводов не был поддержан остальными сабеистами.

[31] Об обстоятельствах ее находки и некоторых предварительных выводах, касающихся ее датировки и содержания, см.: Nebes 2007. S. 26, 28–33.

[32] Следует отметить, что этот сабейский правитель известен лишь по кратким строительным надписям, четыре из которых сообщают о том, что он обнес стеной город ‘Арарат (городище Ḫарибат ал-Асāḫил) в вади Раґвāн, в 40 км к северо-западу от Мāриба (Гр 332 = RES 3650 C = Gl 1560; Гр 333; Гр 334 = Gl 1558; Гр 335 = RES 4904 = Gl 1559).

знаток маинской эпиграфики и истории Маина Г. М. Бауэр, но, к сожалению, его выводы были опубликованы лишь посмертно (Бауэр 1994. С. 168–177)[33].

Наконец, в начале 2008 г. на один из аукционов была выставлена фрагментарная бронзовая табличка с сабейским текстом (B–L Nashq ?), которая сразу же привлекла внимание ученых благодаря упоминанию в ней наряду с внутрийеменскими событиями (походами сабейцев против Маина и Хадрамаута в правление царя Сабы Йада‘’ила Баййина, сына Йаса‘’амара) «войны Халдеи и Греции» (халдеев и греков; стк. 15–16: *b-ḏr|Ks²dᵐ/w-Ywn*), а также сабейского торгового каравана, достигшего Дедана, Газы и городов Иудеи (стк. 13–14: *‘d/Ddn[/w-Ḡz]|t/w-’hgr/Yhd*). Издателям текста удалось показать, что *Ks²dᵐ* в данном контексте обозначает Нововавилонское царство, *Ywn* — греческих наемников в Киликии, а под войной между ними, скорее всего, имелась в виду одна из нововавилонских военных кампаний против Киликии, которые датируются 603, 593, 557 и, возможно, 555 гг. до н. э. Ссылка на «города Иудеи», по большей части разрушенные Навуходоносором в 587 и 582 гг. до н. э., позволяет сузить возможный временной интервал и отнести сабейско-нововавилонский синхронизм приблизительно к 600 г. до н. э. (Bron, Lemaire 2009. P. 20–29).

3. ОТ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЙ СХЕМЫ Ж. ПИРЕНН К РАЗРАБОТКЕ НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ НАДПИСЕЙ

Несмотря на то что отказ сабеистов от «краткой» хронологии Ж. Пиренн был практически единодушным, разработанная ею палеографическая схема со сменявшими друг друга периодами и стилями не была отвергнута: ее лишь слегка

[33] Недавняя попытка М. Д. Бухарина вернуться к предложенному Ж. Пиренн отождествлению *Mḏy* (RES 3022/3) с Селевкидами лишена сколько-нибудь серьезных аргументов (см.: Бухарин 2009. С. 52–53), а его попытка связать минейско-египетский синхронизм с вторжением Антиоха IV Эпифана в ходе VI Сирийской войны (170–168 гг. до н. э.) в Северный Египет (Там же. С. 55) категорически противоречит как «долгой» хронологии, так и всему, что известно к настоящему времени о развитии палеографии южноаравийских надписей.

Попутно отметим, что перевод выражения *ḏ-ymnt/w-ḏ/s²’mt* (RES 3022/2) как «владыка Севера и владыка Юга» (именно так, с непонятной перестановкой Юга и Севера; см.: там же. С. 313) не соответствует южноаравийскому словоупотреблению в отличие от перевода Г. М. Бауэра «народ севера и народа» (с той же перестановкой; ЮА. 2/2. С. 116). Наличие этой перестановки в обоих переводах заставляет полагать, что М. Д. Бухарин опирался не столько на текст надписи, сколько на уже имеющийся ее русский перевод, подвергнувшийся изменению в соответствии с его концепцией. Отсутствие словоразделителя между *w-ḏ* и *s²’mt*, хорошо заметного на фотографии (ЮА. 2/2. Фото 245e), в транслитерации М. Д. Бухарина (Бухарин 2009. С. 312) свидетельствует о том, что к оригиналу надписи он не обращался. Идея о том, что *s²’mt* может обозначать селевкидскую Сирию, для подтверждения чего приведена ссылка на арабское шām (Там же. С. 53; правильнее аш-шām), не выдерживает критики: в южноаравийских эпиграфических языках *s²’mt* означает «северные области» и в контексте RES 3022/2 явно относится к районам Северного Йемена на пути к Наджранскому оазису (в надписи фигурирующему под более древним топонимом *Rgmtᵐ*). Кстати, и в арабском аш-шām означает просто «северная страна», но по отношению к родине ислама Хиджазу этим именем нарицательным стали обозначать Сирию.

модифицировали, так что начало самого раннего периода А пришлось на VIII (вместо V) в. до н. э., в результате чего продолжительность каждого из соответствующих интервалов (с А по Е) увеличилась[34]. Основная причина подобной непоследовательности заключалась в простоте этой схемы и удобстве ее применения при определении возраста подавляющего большинства надписей, для датировки которых не было выявлено иных критериев, кроме палеографических. Еще и сегодня в специальных работах встречаются ссылки на реперы пиренновской схемы[35]. Между тем почти сразу после ее создания А. Жамм указал на главный ее недостаток — представление о том, что изменения палеографии происходили в строгой временной последовательности и что различные стили монументального письма, как правило, не могли существовать одновременно (Jamme 1957. P. 35). Вновь к схожей аргументации для критики этой идеи Ж. Пиренн спустя почти четверть века обратился Андре Лёмер (Lemaire 1996. P. 35)[36].

Разработка новых подходов к определению относительной хронологии южноаравийских надписей с учетом их палеографических особенностей стала к концу прошлого столетия насущной необходимостью. Новый массовый материал для этого представляли сотни надписей (правда, по преимуществу фрагментарных), обнаруженных в ходе раскопок СОЙКЭ на различных объектах Райбӯна. К сожалению, за редчайшими исключениями, они происходили из так называемого «слоя разрушения» и не могли быть датированы археологически с требуемой точностью. По итогам двух первых полевых сезонов, 1983 и 1984 гг., Г. М. Бауэр, единственный эпиграфист, входивший в то время в состав экспедиции, предложил отнести их к четырем последовательно сменявшим друг друга периодам:

I (VIII–VI /начало V или середина IV/ вв. до н. э.);
II (середина /?/ V–IV вв. до н. э.);
III (середина /?/ IV — начало II вв. до н. э.);
IV (II–I вв. до н. э.)[37].

---

[34] Интересно, что первым это проделал на рубеже 60–70-х гг. XX в. ярый противник хронологической концепции Ж. Пиренн А. Г. Лундин, воспользовавшийся введенными ею периодами и стилями (A1– A4, B1–B4, C1) для уточнении датировок так называемых «эпонимов» из племени ḫалӣл (Лундин 1971. С. 93–94), которые, по всей видимости, отношения к эпонимату не имели, а являлись жрецами одной из «ипостасей» верховного бога древней Южной Аравии ʿАс̱тара з̱ӯ З̱ибāна (ср.: Robin 1996a. Col. 1091–1092).

[35] Впрочем, использование М. Д. Бухариным периодов и стилей схемы Ж. Пиренн, которую он склонен воспринимать как «определенную базу для палеографического анализа южноаравийских надписей» (Бухарин 2009. С. 56–57), свидетельствует лишь о его довольно поверхностных познаниях в сабеистике, особенно в том, что касается чтения надписей в оригинале или по фотографиям.

[36] См. подробнее: Французов 2009a. С. 27, 33; Французов 2012. С. 27, 33.

[37] Бауэр 1989. С. 154, рис. 1; Бауэр 1995. С. 125, 126, табл. 2; с. 143, 144, табл. 3. При этом он не собирался отказываться ни от периодов и стилей, предложенных Ж. Пиренн для относительной датировки южноаравийских надписей в целом, ни от еще более дробной периодизации, к которой она обратилась, разбив на девять последовательных типов (I–IX) эпиграфические материалы с городища Бā Ḳуṭфа, расположенного в восточной части Внутреннего Хадрамаута (Pirenne 1979. P. 209–233, 238–239). Так, свой период I он сопоставил с пиренновскими периодами A–B, период II — с концом B и C1–C2, период III — с C1–C2 и типами I–IV (V) эпиграфики Бā Ḳуṭфы, период IV — с типами VI–IX (Бауэр 1995. С. 126, табл. 2).

Следует подчеркнуть, что выделены они были на основании четких орфографических и грамматических критериев, которые автору этих строк показались настолько убедительными, что при издании первого выпуска райбунских текстов (из храма Ḥадрāн) за основу была принята палеографическая хронология Г. М. Бауэра с незначительной поправкой: первые три его периода были объединены в один — древний (An. от французского ancien), разделенный на три фазы (An. 1 — An. 3), а его период IV был обозначен как R. (от французского récent — «поздний»). Основанием для этого послужили наличие выявленного в ходе раскопок рубежа между An. и R., который приходится приблизительно на начало III в. до н. э. (вернее, на интервал между 400 и 250 гг. до н. э.), и отсутствие каких-либо археологически фиксируемых границ между тремя фазами An. (Frantsouzoff 2001a. P. 37–38; Frantsouzoff 2007a. P. 23–24, n. 31; p. 33; Французов 2009a. С. 36–37; Французов 2012. С. 36–37). Кроме того, вторично использованные фрагменты надписей в вымостке райбунских храмов, подвергнувшихся разрушению в конце древнего периода и заново отстроенных в начале позднего, относятся почти исключительно к An. (Французов 2009a. С. 84, примеч. 92; Французов 2012. С. 83, примеч. 92). Что касается указанных выше критериев, то их удобно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Лингвистические и орфографические критерии для определения относительной хронологии райбунских надписей (по Французов 2009a. С. 35; Французов 2012. С. 35)

КРИТЕРИИ	ПЕРИОДЫ И ФАЗЫ по Г. М. Бауэру / по С. А. Французову			
	I/An. 1	II/An. 2	III/An. 3	IV/R.
Лингвистические черты				
Сабейский глагол *hqny* (*-t*, *-w*)	+	+	–	–
Хадрамаутская форма этого глагола (*s¹qny* /*-t*, *-w*/)	–	–	+	+
Сабейские местоименные суффиксы на *h* (*-hw*, *-h*)	+	–	–	–
Хадрамаутские местоименные суффиксы на *s¹* (м. р., ед. ч. *-s¹*, *-s¹ww*; дв. ч. *-s¹my*; мн. ч. *-s¹m*)	–	+	+	+
Хадрамаутские местоименные суффиксы на *t* (ж. р., ед. ч. *-t*, *-tyw*)	–	+	+	–
Хадрамаутские местоименные суффиксы на *s³* (ж. р., ед. ч. *-s³*, *-s³yw*)	–	–	–	+
Особенности орфографии				
Заметное преобладание знака 𐩢, передающего ту же фонему, что и 𐩣	+	+	+	–
Полная замена 𐩢 на 𐩣	–	–	–	+

При ближайшем знакомстве с издаваемыми текстами выяснилось, что схема Ж. Пиренн к ним не применима. Так, выделение девяти хронологически последовательных типов на эпиграфическом материале из Бā Қуṭфы не было подтверждено никакими объективными данными. Более того, во фрагменте BQ 86/2, который Ж. Пиренн отнесла к этапу VIII или IX (Pirenne 1979. Pl. XVIII)[38], обнаружен знак 𐩢 (*ṯ*), что исключает его датировку периодом IV по классификации Г. М. Бауэра, который сам исследователь склонен был отождествлять с этапами VI–IX. С другой стороны, в BQ 63/1 и BQ 54/2 засвидетельствована нетипичная орфография имен *Mrs³dᵐ* и *Rs³d'l* (вместо *Mrṯdᵐ* и *Rṯd'l*) при том, что оба этих фрагмента причислены к типу III (Pirenne 1979. Pl. XI, XII), который оказывается включенным в бауэровский период III, предшествующий орфографической реформе, суть которой состояла в полной замене 𐩢 (*ṯ*) на 𐩪 (*s³*)[39].

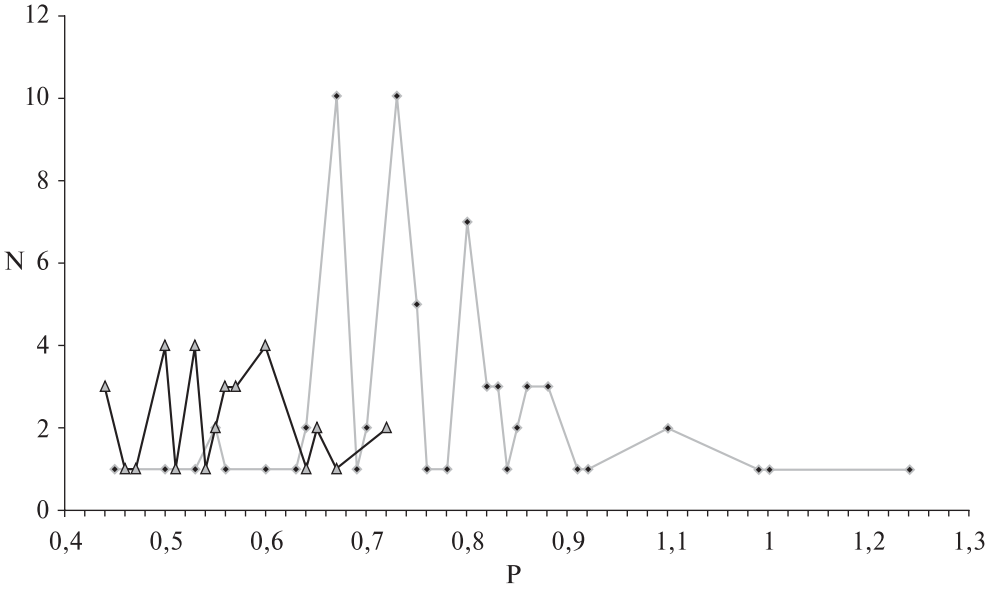
Подробное изучение пропорций знаков на основании точных данных об их размерах, тщательно фиксировавшихся Г. М. Бауэром, а во время продолжения раскопок на Райбӯне Российской комплексной экспедицией в Йеменской Республике в 2004, 2005 и 2007 гг. — автором этих строк, показало, что для выделения второй фазы древнего периода (An. 2), полностью соответствующей бауэровскому периоду II, нет надлежащих палеографических критериев. В итоге решено было ограничиться разделением древнего периода не на три, а на две фазы: начальную (An. I) и заключительную (An. II), — на каждую из которых приходится по 200–250 лет, т. е. почти столько же, сколько и на поздний период (R.), охватывающий ок. 250–300 лет. Вопреки основополагающим положениям концепции Ж. Пиренн, было установлено, что на протяжении как An. I, так и An. II, а также R. сосуществовало несколько палеографических стилей, одни из которых отличались широкими знаками, а другие — узкими. При этом знаки, ширина которых была близка к половине их высоты (а иногда и превосходила эту величину), встречались только в начальной фазе An. Для того чтобы объективно оценить пропорции знаков, был введен так называемый коэффициент пропорциональности (P), равный отношению ширины знака к половине его высоты (Frantsouzoff 2001a. A. P. 35–37; B. Fig. 1; Французов 2009a. С. 37, рис. 1; Французов 2012. С. 37, рис. 1)[40]. Распределение изданных надписей храма Кафас/На‘мāн (Райбӯн V), относящихся к An. 1 и An. 3, по их коэффициентам пропорциональности представлено на приведенных ниже графиках (см. рис. 1; точки первого графика, соответствующего An. 1, отмечены темными ромбами, точки второго, соответствующего An. 3, — светлыми треугольниками).

Легко заметить, что лишь интервал от 0,45 до 0,72 является общим для обоих графиков (правда, только на графике An. 1 отмечен пик в 10 надписей для

[38] Фотография фрагмента BQ 86 опубликована вверх ногами.

[39] См. подробнее: Frantsouzoff 2001a. P. 47–48; Французов 2009a. С. 51; Французов 2012. С. 53.

[40] Половину высоты постоянно указывал в эпиграфических дневниках Г. М. Бауэр: она может быть непосредственно измерена, т. к. одна из горизонтальных линий разметки, как правило, проходит через середину знака. Кроме того, если строка была обломана сверху или снизу, точно удается определить только половину высоты ее знаков (Frantsouzoff 2001a. A. P. 37; Французов 2009a. С. 37, примеч. 64, 65; Французов 2012. С. 37, примеч. 64, 65).



Распределение **надписей 1-й и 3-й фаз древнего периода из храма** Кафас/Наʻмāн по их коэффициентам пропорциональности (по Frantsouzoff 2007a. B. Fig. 8; Французов 2009a. С. 38, рис. 2; Французов 2012. С. 38, рис. 2)
N — число надписей; P — коэффициент пропорциональности

P=0,67), тогда как на интервале от 0,73 до 1,24 представлены исключительно надписи начальной фазы древнего периода. Сходная закономерность характерна и для эпиграфических памятников других храмов Райбӯна.

Исследование сотен райбунских надписей еще раз подтвердило наличие общих для всей древней Южной Аравии тенденций в развитии монументального письма, таких как постепенное превращение прямых углов в острые (например, в 𐩬 /*n*/, 𐩱 /ʼ/, 𐩭 /*ḫ*/), дуги окружности — во все более замысловатую кривую (в 𐩧 /*r*/), отрезков, соединяющихся под углом, — в плавную линию (в 𐩣 /*m*/ 𐩦 /*s*²/), а также появление на концах некогда однородных по ширине линий заметных утолщений[41]. То, что некоторые специфические черты палеографии, типичные для An. 1, хронологически предшествовали особенностям письма, связываемым с An. 3, доказывает эпиграфический палимпсест Raybūn-Kafas/Naʻmān 91 — единственный, который пока удалось обнаружить в Южной Аравии.

На этом небольшом фрагменте четко видно, как поверх более раннего текста, содержавшего имя собственное *[Ml]kḥṣr*, был выбит другой антропоним —

[41] Палеография райбунских надписей как возможная основа для их относительной датировки детально рассмотрена в Французов 2009a. С. 36–53; Французов 2012. С. 36–53. Особенно наглядно одновременное существование различных вариаций южноаравийского письма продемонстрировано на примере написания имени одного и того же лица в разных надписях (см.: Французов 2009a. С. 49–50, табл. 3, 52, табл. 4, 53, табл. 5; Французов 2012. С. 48–50, табл. 3, 51, табл. 4, 52, табл. 5).

[Kl]'hmw[42]. Закругленная чашечка 𐩢 (*ḥ*), большой кружок 𐩦 (*ṣ*) и ровная дуга 𐩧 (*r*) характерны для An. 1 (= An. I), тогда как угловатая чашечка 𐩣 (*h*) и сильно наклоненная перекладина в апексе 𐩡 (*алифа*) являются признаками, свойственными An. 3 (= An. II). Кроме того, 𐩣 оказался почти в два раза уже 𐩢, а в надписях, принадлежащих к одному палеографическому стилю, эти два знака имеют одинаковую ширину.

Ил. 1. Raybūn-Kafas/Na'mān 91 (фотография опубликована в Frantsouzoff 2007a. B. Pl. 77; Французов 2009a. ил. 44; Французов 2012. ил. 73)

Не следует абсолютизировать лингвистические критерии датировки: по меньшей мере, в четырех фрагментах, принадлежащих по палеографическим признакам к райбунскому позднему периоду (R.), зафиксировано употребление местоименного суффикса *-hw*, характерное для начальной фазы древнего периода. Речь идет о сознательной архаизации текстов, мотивы которой остаются не совсем ясными (Frantsouzoff 2005d. P. 15–16, 18, pl. 2, fig. 6; Французов 2009a. С. 44–45; Французов 2012. С. 44).

Необходимость пересмотра пиренновской палеографической схемы встречает в последнее время поддержку среди сабеистов. Так, А. Аванцини предложила выделить в развитии южноаравийского письма на территории Катабана и некоторых сопредельных областей всего лишь пять крупных периодов, охватывающих, как правило, от 120–150 до 250 лет, без более дробных подразделений (фаз, этапов):

A (VII–V вв. до н. э.);
B1 (V–III вв. до н. э.);
B2 (II — начало I в. до н. э.);
C (конец I в. до н. э. — начало II в. н. э.);
D (II в. н. э.)[43].

Первые три ее периода практически полностью совпадают с двумя фазами древнего периода и поздним периодом, которые предлагается выделить

[42] Об этом уникальном палимпсесте см.: Французов 2009a. С. 70; Французов 2012. С. 69.

[43] Avanzini 2004. P. 25–33. Последний период оказался столь непродолжительным из-за того, что Катабанское царство во второй половине II в. н. э. разделили между собой Саба и Хадрамаут, положив конец не только местной государственности, но и локальной эпиграфической традиции (см. главу III, раздел 3).

Хотя А. Аванцини выбрала для своих периодов те же буквенные обозначения, что и Ж. Пиренн, эти две схемы имеют между собой мало общего. Достаточно отметить, что в меньшие хронологические рамки (V в. до н. э. — II в. н. э.) Ж. Пиренн уложила целых 13 периодов: от A до M (Pirenne 1990. Tabl. I–III).

в развитии монументальной письменности Райбӯна и некоторых других поселений Внутреннего Хадрамаута (Французов 2009а. С. 54; Французов 2012. С. 54). Приходится признать, что точность относительной датировки древнейменских надписей на основе особенностей их дуктуса в принципе не может быть выше, чем полтора-два столетия[44].

4. ДАТИРОВКА ЮЖНОАРАВИЙСКИХ НАДПИСЕЙ ПО МЕСТНЫМ ЭРАМ И ИХ ПРИВЯЗКА К АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ

Хотя ни одна из известных нам надписей, составленных на хадрамаутском языке, не датирована по эре, в эпиграфических источниках на сабейском языке, относящихся к последним векам существования южноаравийской цивилизации, такие датировки встречаются достаточно часто, причем некоторые из них напрямую связаны с важейшими событиями истории Хадрамаута. О том, что в заключительные формулы отдельных древнейменских текстов входят записанные прописью годы, а в ряде случаев — месяцы и дни, ученые узнали еще во время дешифровки южноаравийской письменности. Стало ясно, что речь идет о какой-то местной эре, которую первоначально определили как сабейскую. Несколько позже ее стали именовать химйаритской, и оказалось, что это название выбрано очень удачно, т. к. по этой эре датировано не только большинство текстов, восходящих к IV — второй половине VI в. н. э., т. е. к тому периоду, когда весь Йемен был объединен под властью Химйаритского царства, но и часть памятников эпиграфики, связанных с этим государственным образованием на протяжении первых трех веков нашей эры.

Первый пространный южноаравийский текст CIH 621, речь о котором шла выше[45], датирован 640 г. химйаритской эры. В нем, в частности, сообщается о вторжении эфиопского войска в Южную Аравию и о гибели царя Химйара. Еще в 1873 г. Ж. Галеви предложил сопоставить эти сведения с событиями, которые в 525 г. последовали за гонениями на награнских (наджранских) христиан, согласно греческой версии «Мученичества Арефы»[46]. Почти сразу это отожде-

[44] К аналогичным выводам автор этих строк пришел и при подготовке к изданию надписей области Нихм, расположенной на северо-восточной оконечности Йеменского нагорья. В частности, памятники местной эпиграфики, относящиеся к среднему периоду, который приходится на временной интервал с I по конец IV в. н. э., были разделены на две приблизительно равных по продолжительности фазы: M-I и M-II (Frantsouzoff /à paraître/ a, chapitre 2, section II).

[45] См. начало раздела 2 этой главы.

[46] Подробно и всесторонне, с учетом практически всей предшествующей литературы, история награнских христиан, пострадавших от южноаравийских иудеев, рассмотрена в Tardy 1999. В отечественной литературе социально-экономическая подоплека этих событий досконально изучена Н. В. Пигулевской, причем выполненный ею анализ соответствующего материала до сих пор не утратил своего значения (Пигулевская 1951. с. 215–384). Краткий обзор гонений на химйаритских христиан в начале 20-х гг. VI в., связанной с ними карательной экспедиции аксумского царя Калеба

ствление стало общепринятым, в результате чего начало химйаритской эры было привязано к 115 г. до н. э. Однако после публикации в 50–60-х гг. прошлого века надписей Ry 507, 508 и Ja 1028, сообщающих об осаде Награ̄на полководцами царя-иудея Йōсēфа Ас'ара Йас̲'ара, было выявлено соответствие между 633 г. химйаритской эры, которым они датированы, и 523 г. н. э., к которому взятие Награ̄на и истребление его христианского населения относят агиографические сочинения, и тем самым за начало этой эры было предложено принять 110 г. до н. э. Этот синхронизм был поставлен под сомнение, когда оказалось, что изданный 'Ирфа̄ном Шахӣдом новый сирийский источник, который вошел в научный оборот под несколько условным названием «Второе послание Симеона Бет-Аршамского» (Shahîd 1971), датирован таммӯзом 830 г. селевкидской эры (т. е. июлем 519 г.), а значит, описанные в нем гонения на награнских христиан относятся к 518, а не к 523 г., как во всей предшествующей агиографии. Так вновь появился серьезный аргумент, позволяющий в качестве отправной точки химйаритской эры выбрать 115 г. н. э.[47]

Тщательный анализ всех имеющихся источников на сирийском, греческом, сабейском, геэзе, в той или иной мере затрагивающих награнские гонения, был недавно предпринят Кр. Ж. Робеном, его супругой византинисткой Жоэль Бокам и их коллегой-сириологом Франсуазой Брикель-Шатоннэ. Им удалось привести убедительные доводы в пользу того, что эти события произошли в 523 г. н. э. (появление 830 вместо 835 г. селевкидской эры в колофоне ко «Второму посланию Симеона Бет-Аршамского» объясняется ошибкой переписчика) и что вторжение аксумского царя в Йемен, о котором сообщается, в частности, в CIH 621, состоялось не в 525 или 526 г., а в 529 или 530 г. н. э.; таким образом, начало химйаритской эры они с уверенностью отнесли к 110 г. до н. э. (Beaucamp, Briquel-Chatonnet, Robin 1999–2000).

Еще одна местная эра, использовавшаяся в Южной Аравии в первые века нашей эры, связана с областью Радма̄н, расположенной в южной части Йеменского нагорья, на полпути между катабанской столицей Тамна' и химйаритской столицей Ẓафа̄р (см. карту 4). Происходящие оттуда пространные надписи, которые датированы по ней, прежде всего MAFRAY — al-Mi'sāl 4, являются ценнейшими источниками по истории взаимоотношений Хадрамаута с Сабой и Химйаром в III в. н. э. Из датировочной формулы надписи MAFRAY — al-Mi'sāl 2 следует, что месяц маз̲ра'а̄н (приблизительно июль) 179 г. радманской эры соответствует 363 г. химйаритской эры и таким образом начало радмнитской эры приходится на интервал между августом 73 и июлем 74 г. н. э. (Robin 1998b. P. 130).

Что касается третьей из известных к настоящему времени южноаравийских эр, то датированные по ней надписи локализованы в области Мадх̣ӣ

Элла Ацбэх̣и, а также относящихся к этому источников приведен в Французов, Лосева, Никифорова 2001; Французов 2008a.

[47] Обзор исследований, посвященных проблеме определения начального года химйаритской эры, см.: Beaucamp, Briquel-Chatonnet, Robin 1999–2000. P. 17–18, n. 5–11.

(*Mḍhy*^{m})[48], находившейся в 70 км к юго-востоку от Радмāна, в районе Ḫаçī и вади Ширджāн (см. карту 6). К сожалению, ее начало можно определить только весьма приблизительно: судя по косвенным данным, его следует искать между 44 и 22 гг. (Robin 1998b. P. 135–136) или между 45 и 25 гг. до н. э. (Robin 2007. P. 63, 98–99).

В эпиграфических источниках все эти эры имели собственные обозначения, которые, правда, могли опускаться: в случае с химйаритской эрой датировка шла по годам Мабḫӯда, сына Абḫӯда (или из рода Абḫӯд; *Mbḥḍ/bn/'bḥḍ*), с радманской — по годам Абī‘алī (*'b'ly*), с эрой Мадḫī — по годам Набаṭа зӯ Ḫарīфа (*Nbṭ*^{m}*/ḏ-Ḥrf*) (Robin 1998b. P. 126–128, 130, 134, 151)[49]. Предположения Кр. Ж. Робена о том, что Мабḫӯд, сын Абḫӯда, мог быть правителем Химйара, провозгласившим его независимость от Катабана, а Набаṭ зӯ Ḫарīф — создателем собственного летоисчисления в области Мадḫī (Robin 1998b. P. 127, 134) выглядят в значительной степени голословными[50]. Следует подчеркнуть, что пока упоминание ни одного из этих трех лиц ни в каких контекстах, кроме датировочных формул, не обнаружено. Кроме того, начальные года каждой из этих эр не удалось с уверенностью соотнести с какими-либо знаменательными событиями[51]. Если учесть, что до перехода к счету времени по эрам в различных государствах и областях древнего Йемена летоисчисление велось исключительно по эпонимам, то напрашивается предположение, что Мабḫӯд, сын Абḫӯда, Абī‘алī и Набаṭ зӯ Ḫарīф являлись последними эпонимами Химйара, Радмāна и Мадḫī. На наш взгляд, некоторую аналогию можно попробовать провести с использовавшейся в западноевропейских сочинениях VI в. датировкой post consulatum Basilii — по последнему римскому консулу Базилию, чья магистратура пришлась на 541 г. (Бикерман 1976. С. 64, 76).

---

[48] Другой вариант огласовки этого топонима — Мадḫā — основан на его передаче в арабо-мусульманской традиции и на возможном использовании южноаравийского знака *y* в качестве *mater lectionis* для долгого «а» (т. е. в той же функции, в которой *алиф маḳсӯра* применялся в классическом арабском). См.: Robin 1998b. P. 122, n. 2. Позднее Кр. Ж. Робен отдал предпочтение чтению Мадḫāʷ (Robin 2007. P. 31, n. 1).

[49] Вполне вероятно, что в древней Южной Аравии существовала еще одна локальная эра. Так, надпись Nājī 1, обнаруженная в 9 км к востоку от Хакира, городища, расположенного в 30 км к северо-востоку от Ẓафāра, датирована 146 годом Бикрāна, сына ‘Амӣрата(‘?) (или из рода ‘Амӣрат(а‘?); *Bkr*^{n}*/bn/'mrt ('?)*). Похоже, что к этой же эре относятся датировки двух надписей из самого Хакира 161 и 167 гг. Несмотря на близость Хакира к столице Химйара, попытка отождествить эру Бикрāна с химйаритской эрой сопряжена с серьезными трудностями (см. подробнее: Robin 1998b. P. 127).

[50] Гипотеза Майкла Цветтлера, предложившего интерпретировать *Nbṭ*^{m} как «набатеи» и привязать начало его эры к походу в Южную Аравию в 25–24 гг. до н. э. префекта Египта Элия Галла, проводником которого, как известно, был набатейский вельможа Силлей (Zwettler 1996), представляется совершенно надуманной, даже если учесть, что она была высказана до того, как в оригинале надписи RES 4196 = MQ–al-Ḥayd 1 было прочитано родовое имя Набаṭа — *ḏ-Ḥrf* (см. ее аргументированную критику: Robin 1998b. P. 134, n. 69).

[51] Предположения о том, что химйаритская эра берет свое начало с того момента, как Химйар стал независимым от Катабана, что поводом для введения эры Радмāна стал приход к власти в этой области нового рода местных правителей, принявших титул *ḳайла*, наконец, что установление эры Мадḫī каким-то образом связано с походом Элия Галла (Robin 1998b. P. 126, 130–132, 136), остаются чисто спекулятивными, а последнее было отвергнуто ранее выдвинувшим его Кр. Ж. Робеном, который счел возможным допустить, вновь чисто умозрительно, что появление там локальной эры призвано было ознаменовать отделение Мадḫī от Катабана и переход местной эпиграфики с катабанского языка на сабейский (Robin 2007. P. 63).

Эры Радмāна и Мадḫ̄ употреблялись до тех пор, пока вся историческая территория, охваченная южноаравийской цивилизацией, не вошла в состав Химйаритского государства. Наиболее поздняя засвидетельствованная датировка по радманской эре — 198 г. (= 272–273 гг. н. э.), по эре Мадḫ̄ — 388 г. (= 353 ± 10 г. н. э.) (Robin 2007. P. 99). Последнее упоминание датировочной формулы с Мабḫ̄дом относится к 470 г. (= 360 г. н. э.); в дальнейшем химйаритская эра никак специально не обозначалась, поскольку в этом отпала необходимость: она осталась единственной эрой, использовавшейся в Южной Аравии (Robin 1998b. P. 128, 151).

Судя по всему, каждой из эр соответствовал свой календарь, хотя названия некоторых месяцев в них частично или полностью совпадали. Впрочем, лишь для химйаритского календаря была установлена четкая последовательность двенадцати месяцев; радманских месяцев известно всего два, а месяцев календаря Мадḫ̄ — четыре (Robin 1998b. P. 124–125, 129–130, 135; Robin 2007. P. 63). Реконструкция календаря, принятого в Химйаре, стала возможной во многом благодаря упоминаниям в средневековых арабских сочинениях названий химйаритских месяцев с указанием соответствующих им христианских месяцев, относящихся к юлианскому (и к григорианскому) календарю и до сих пор используемых в Сирии (Beeston 1974. P. 1–2). Отсюда был сделан вывод о том, что химйаритский календарь был солнечным, а тщательный анализ содержания надписи CIH 541, повествующей о ремонте Марибской плотины, который был предпринят царем Абрахой в самом конце 50-х гг. VI в. н. э., позволил Кр. Ж. Робену утверждать, что первым месяцем года был *d̲-t̲bt*^{n}, соответствующий апрелю (Robin 1981b). Однако после открытия экспедицией Немецкого археологического института краткого варианта этой надписи (DAI GDN 2002–20), в которой упоминается не известный ранее месяц *d̲-ḥlt*^{n}*/'ḫrt*^{n}, стало ясно, что химйаритский календарь, как и большинство календарных систем древнего мира, был лунно-солнечным с периодической интеркаляцией дополнительного месяца после первого месяца года, которым, очевидно, являлся *d̲-ḥlt*^{n} (Nebes 2004. P. 226–228)[52]; следовательно, соответствие месяцев данного календаря нашим можно установить лишь приблизительно, с отклонением порядка 30 дней.

5. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ НАДПИСЕЙ. ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ИСТОРИИ ХАДРАМАУТА

Проблема классификации доисламских южноаравийских надписей пока остается недостаточно разработанной. Очевидно, что разделить их на категории можно по-разному: определяющую роль здесь играет выбор критериев для систематизации. Если принять за основу материал, на который наносились знаки, то речь пойдет о текстах, высеченных на скалах и на обработанных

[52] Более детально эта проблема рассмотрена в Приложении 2 (Annexe 2: Le début de l'année ḥimyarite) к монографии Ивоны Гайды (Gajda 2009. P. 271–273).

каменных поверхностях, отлитых в бронзе, начертанных на керамике и на дереве (точнее, на черенках пальмовых листьев и на деревянных палочках); если разрабатывать классификацию, исходя из того, какие объекты использовались для письма, то в итоге следует выделить надписи на облицовочных плитах храмов и жилых домов, на ступенях лестниц, на блоках, вмонтированных в крепостные стены и башни, на стелах, на алтарях, на пьедесталах вотивных статуэток, на надгробных сооружениях, на бронзовых посвятительных табличках, скульптурах, утвари, на стенках и венчиках керамических сосудов и т. п. Однако наиболее универсальным критерием, позволяющим учесть грамматические и стилистические особенности памятников эпиграфики, а также до некоторой степени их содержание, является их формуляр. В зависимости от него те надписи, которые содержат сведения о древнем Хадрамауте и потому в той или иной мере рассматриваются в настоящей работе, можно разделить на следующие категории:

— коммеморативные надписи. Они включают в себя, как правило, лишь имя собственное, мужское или женское, изредка снабженное патронимией и/или родовым именем. Тексты этой категории обнаружены на облицовочных плитах, находившихся на стенах и цоколях храмов, а также на ступенях храмовых лестниц, и, по всей очевидности, обозначали тех лиц, на чьи средства помеченная их именем плита или блок (возможно, вместе с соседними плитами или блоками) была изготовлена[53]. К коммеморативным следует причислить краткие надгробные тексты (Французов 2009а. С. 76–77; Французов 2012. С. 75–76), в том числе и те, в которых перед именем покойного поставлено обозначение типа надгробного памятника (*nfs¹*, *ṣlw* и пр.)[54], а также подавляющее большинство граффити;

— краткие посвятительные (вотивные) надписи. Отличаются не столько лаконизмом, сколько значительной формализацией содержания. В своем наиболее простом варианте состоят из имени, патронимии и сабейского глагола *hqny* (или его хадрамаутизированного варианта *s¹qny*) «посвятил» (в соответствующем роде и числе). За глаголом могут следовать имя божества — адресата посвящения, а также вотивные объекты, чаще всего среди которых упоминаются *nfs¹*, *ʾḏn*, *wld* и *qny* посвятителя, т. е. его душа *нафс*, душа *изн* (олицетворяющая волевые качества?), дети и имущество, совокупность которых, согласно представлениям, присущим древним обществам, составляла личность во всей ее полноте[55]. В хадрамаутской эпиграфике к кратким посвятительным надписям следует отнести и те, которые, кроме описанной выше собственно посвятитель-

[53] См. об этом подробнее на примере райбунских коммеморативных надписей: Французов 2009а. С. 77–79; Французов 2012. С. 76–77. К данной категории также относятся состоящие из одного имени надписи на постаментах посвященных в храм статуй. Впрочем, в хадрамаутской эпиграфике они встречаются исключительно редко: среди тысяч текстов Райбӯна известен всего один такой — Rb V/07 n° 70 a–b (Французов 2009а. С. 78, ил. 47; Французов 2012. С. 77, ил. 78). Коммеморативной является также надпись на одной из боковых граней найденной в Хор Рори бронзовой гири (Khor Rori B634), состоящая из имени Йашхур'ил, которое носил один из мукаррибов Хадрамаута.

[54] Образцы кратких надгробных текстов см., например: Pirenne 1990. P. 66–68.

[55] Подробнее об этом, в том числе и о вере в существование нескольких душ, см.: Французов 2009а. С. 79–83; Французов 2012. С. 78–81. Более кратко этот вопрос освещен в главе II, раздел 8.

ной формулы, содержат заключительную формулу, открывающуюся выражением *w-tḏ'/(N/)b-'ḏn/D* (где N — имя посвятителя, а D — имя божества) — «и поместил Имярек под *изн* (вручил N воле) божества», после чего в подавляющем большинстве случаев перечисляются все те же четыре стандартных вотивных объекта *nfs*[1], *'ḏn*, *wld* и *qny*[56];

— пространные посвятительные (вотивные) надписи. Основное их отличие от текстов предыдущей категории — не размер (некоторые из них лишь незначительно превосходят по числу знаков краткие посвятительные надписи) и не отсутствие формуляра (в них могут быть без труда вычленены устойчивые формулы), а описания, пусть подчас и не очень детальные, конкретных жизненных ситуаций, побудивших их авторов сделать подношение божеству. В хадрамаутской эпиграфике лучше всего они представлены среди надписей Райбӯна, относящихся к позднему периоду (R.), т. е. к III–I вв. до н. э. Среди райбунских пространных посвятительных текстов достаточно четко выделяются две разновидности, одна из которых связана с храмами Ẓāт Ḫимйам, другая — с храмами Сийāна. В первом случае речь идет о посвящении богине вотивного объекта, именуемого *bḥt*; такие тексты, как правило, высекались на облицовочных плитах, а их содержательная часть излагалась в двух формулах: в той, что вводится союзом *b-'br/ḏt* «потому что (из-за того, что)», и включает в себя описание действия, воспринимавшегося как грех (эта формула довольно часто могла опускаться), и в формуле с глаголом *s*[3]*twr*, освобождавшей от греха (использовалась обязательно)[57]. Пространные надписи, адресованные Сийāну, высекались на стелах, которые устанавливались в специальных «экспозиционных галереях»[58]. В них сообщалось о посвящении стелы с текстом, без сомнения обозначавшейся термином *ms*[3]*nd* [59]; что касается основного содержания такого рода надписей, то хотя оно было менее формализовано, чем в посвящениях Ẓāт Ḫимйам, в нем выделяется несколько формул, в частности принесения второй (повторной) жертвы (*w-qṣ'-s*[1]*/b-ḏbḥ*[(m)]*/s*[3]*ny*[m]) и обретения *изна* (благоволения, расположения) Сийāна (*w-t's*[1]*m/'ḏn/S*[1]*yn*)[60].

Для реконструкции истории Хадрамаута первых веков н. э. огромное значение имеют сабейские пространные посвятительные надписи из храма Аввāм,

[56] Детальный анализ этой формулы со всеми ее вариациями см.: Французов 2009а. С. 97–100; Французов 2012. С. 95–97.

[57] Речь идет по сути дела о покаянных текстах. См. подробнее: Frantsouzoff 1995. P. 16–26; Французов 2009а. С. 89–92; Французов 2012. С. 88–90. Попытки интерпретации термина *bḥt* представлены в этой же монографии: Французов 2009а. С. 88–90; Французов 2012. С. 83–86.

[58] Это было выяснено только в ноябре 2004 г., в ходе первого полевого сезона на Райбӯне VI (храме Васаṯ(х)āн), когда такая галерея была открыта в одном из помещений, примыкавших с юга к Т-образной платформе, на которой находилось святилище храма. Вдоль северной стены этого помещения, образованной храмовой платформой, была устроена скамья из приставленных друг к другу тумб, в которые когда-то были вмонтированы семь вотивных стел. К сожалению *in situ* сохранился заключительный фрагмент только одной стелы (Rb VI/04 s.r. n° 53), высеченный из-за недостатка места на горизонтальной плите, покрывавшей вторую с востока тумбу (Французов 2006а. С. 248).

[59] Этот вывод обоснован в Французов 2009а. С. 93, примеч. 143; Французов 2012. С. 91, примеч. 143.

[60] Французов 2009а. С. 93–97; Французов 2012. С. 91–95.

в которых выражалась признательность богу Алмаḳаху за то, что их авторы вернулись из походов в эту область невредимыми и с добычей. Подробности их участия в таких военных кампаниях предваряются выражением *ḥmd*^{m}*/b-ḏt/...* «в благодарность за то, что…».

Следует отметить, что, не считая коммеморативных надписей (включая граффити), более 95% всех остальных памятников южноаравийской эпиграфики приходится на посвятительные тексты. Таким образом, посвящения божествам были удобной формой, в которую вкладывалось самое разностороннее содержание;

— строительные надписи. Хадрамаутские тексты, относящиеся к этой категории, довольно немногочисленны и происходят из Шабвы и ее окрестностей, из крепости Майфа‘а (городище Наḳб ал-Хаджар), из вади ал-Бинā’, из Сумхурāма (городище Хор Рори). Среди эпиграфики Внутреннего Хадрамаута их практически не встречается, если не принимать в расчет посвятительных надписей, в которых упоминается устройство колодцев или возведение храмов[61].

Чрезвычайно важные сведения по хронологии и политической истории Хадрамаута содержит строительный текст с одной из башен восточных ворот маинской столицы Ḳарнау Ма‘īn 8;

— надгробные надписи. За исключением коммеморативных текстов на надгробиях, к этой категории принадлежат два кратких текста о строительстве гробниц с райбунских некрополей: Rb XV/85 n° 1 = СОЙКЭ 1046, сохранившийся лишь частично, и Rb XVI/88–89 n° 1, — а также дошедшая до нас полностью более пространная надпись аналогичного содержания из грота ар-Рукба, расположенного на склоне вади Ḡабр по соседству с ал-Хаджарайном (СОЙКЭ 903). Последняя заключает в себе уникальные сведения о заупокойном культе обитателей древнего Хадрамаута[62];

— декреты божеств. Такого рода тексты весьма редки. Во всей хадрамаутской эпиграфике пока выявлен только один подобный документ, и то фрагментарный: основываясь на Rb I/90 bld. 4 n° 64 = СОЙКЭ 2228, удалось с уверенностью восстановить начало распоряжения[63], составленного от имени богини Зāт Ḥимйам и подчиненных ей «духов» (второстепенных божеств);

---

[61] Имеются в виду два текста, в каждом из которых речь идет о сооружении колодца (CT 4 из Ḥурайды и СОЙКЭ 2075 = Rb XIV/89 n° 221 из райбунского храма Майфа‘āн), а также краткие упоминания о возведении храмов: Раḵбāн в Rb I/89 bld. 4, lev. I n° 279 + 297 + 306 a–b = СОЙКЭ 1850 + 1866 + 1895 а–б/10–11 и Майфа‘āн в нескольких мелких фрагментах, текст которых приведен в Frantsouzoff 2003b. P. 62.

Пожалуй, единственный строительный текст во Внутреннем Хадрамауте был обнаружен при раскопках на городище Ḥурайда (CT 10). На основании палеографических и лингвистических критериев он уверенно датируется периодом R. и предельно кратко сообщает о ремонте (букв. «обновлении») облицовки располагавшегося там храма Маз̱āб (стк. 2: *s*^{1}*ḥds*^{3}*/ṣlwt/Mḏb*^{m}; об интерпретации термина *ṣlwt* как «облицовка /стен или цоколя/ храма» см.: Французов 2009а. С. 83–84, ил. 45, 46; Французов 2009б; Французов 2012. С. 81–82, ил. 76, 77).

[62] См. подробнее главу II, раздел 8.

[63] Frantsouzoff 2005a. P. 212 (N° 22); Французов 2009а. С. 109; Французов 2012. С. 105.

— надписи, связанные с ритуальной охотой. В окрестностях Шабвы сохранилось два текста данной категории, Ingrams 1 и RES 4912 = Ja 949, причем в них рассказано о двух случаях участия в массовой охоте на диких животных, как травоядных, так и хищных, хадрамаутского царя Йада‘’ила Баййина, сына Раббшамса. Интересно отметить, что в древней Южной Аравии ритуальная охота была распространена повсеместно в очень широких хронологических рамках от начала I тысячелетия до н. э. по III в. н. э. включительно, однако до нашего времени она сохранилась только в Хадрамауте в форме коллективной охоты на каменного козла (*ва‘л*; мн. ч. *ву‘ӯл*)[64]. Об убийстве шестисот особей этого вида (*s¹t/m’hᵐ/’w‘l*) сообщается в Ingrams 1/3;

— «интронизационные» (?) тексты. Имеются в виду тексты ал-‘Уḳлы, назначение которых до сих пор служит предметом дискуссии[65]. Наиболее убедительной представляется попытка связать их с церемониями восшествия на престол царей Хадрамаута, последовательно правивших этой страной в III в. н. э.

Для того чтобы лучше ориентироваться в надписях, в той или иной степени связанных с историей древнего Хадрамаута, представляется целесообразным ввести понятие «эпиграфический комплекс» и определить его как группу надписей, происходящих с одного археологического объекта (городища, храма, некрополя и т. п.) или нескольких расположенных по соседству объектов и отличающихся сходством формуляра и известной однородностью содержания. При этом количественный фактор существенной роли не играет: эпиграфический комплекс может включать в себя от нескольких текстов, правда, пространных и информативных, до сотен и тысяч надписей и их фрагментов.

Среди источников на хадрамаутском языке эпиграфический комплекс древнего земледельческого оазиса Райбӯн не имеет себе равных как по числу обнаруженных там письменных памятников[66], так и по их значению для реконструкции специфических особенностей хадрамаутской грамматики, антропонимики обитателей этого периферийного района Хадрамаутского царства, некоторых особенностей их повседневной жизни и религиозных верований. За редкими исключениями, такими, например, как упоминавшиеся выше две надгробные надписи с некрополей Райбӯн XV и Райбӯн XVI, райбунские надписи происходят из храмов. Общее количество эпиграфических материалов, обнаруженных СОЙКЭ и РКЭЙР на территории этого оазиса, превышает 3700 (Французов 2009a. С. 25, 149; Французов 2012. С. 25–26, 150)[67], а по пяти раскопанным храмам они распределились следующим образом:

[64] См., например: Родионов 1994. С. 105–108; Rodionov 2007. P. 110–113.

[65] Различные точки зрения на эту проблему представлены в Pirenne 1990. P. 96–101.

[66] Следует отметить, что подавляющее большинство райбунских эпиграфических находок представлено мелкими и мельчайшими фрагментами, на которых читается несколько символов (нередко всего один-два). Правда, благодаря строго формализованному содержанию, свойственному надписям Райбӯна, в таких фрагментах зачастую удается предложить достаточно достоверные восстановления текста.

[67] По итогам райбунских раскопок СОЙКЭ, т. е. по состоянию на конец декабря 1991 г., их число оценивалось приблизительно в 2700 надписей, преимущественно фрагментарных (Frantsouzoff 2001a. A. P. 14; Французов 2002a. С. 385; Frantsouzoff 2003c; Французов 2005. С. 4. примеч. 2).

— Ḥaḍrān (посвящен богине ʻAs̱tarʸᵐ/ʻAśtarʸᵐ; полностью раскопан в 1983 г.) — 458 надписей (Raybūn-Ḥaḍrān 1–458);

— Кафас/Наʻмāн[68] (посвящен богине Z̄āt Ḥимйам; раскопан частично в 1988 и 1991 гг.; в 2007 г. раскопки были продолжены, но окончательно не завершены[69]) — 517 надписей (из них 298 опубликованы под сиглами Raybūn-Kafas/Naʻmān 1–295, 61 bis, 95 bis, 162 bis; остальные 219, обнаруженные во время полевого сезона 2007 г., остаются неизданными);

— Раḫбāн (посвящен той же богине; раскопан полностью в 1984, 1988–1990 гг.) — более 800 надписей;

— Майфаʻāн (посвящен богу Сийāну; в основном раскопан в 1987–1991 гг.) — ок. 1100 надписей[70];

— Васаṯхāн (Райбӯн VI, посвящен тому же богу; полностью раскопан в 2004–2005 гг.) — 810 надписей (наиболее интересные находки полевого сезона 2004 г. изданы во Французов 2006a; Frantsouzoff 2007b; Французов 2009a. С. 144–145, ил. 63; Французов 2012. С. 142–143, ил. 106; также опубликована наиболее важная надпись, обнаруженная в 2005 г. — Rb VI/05 n° 61 a–d: Французов 2009a. С. 83–84, ил. 46; Французов 2009б; Французов 2012. С. 81–82, ил. 77).

Среди памятников райбунской эпиграфики представлены как коммеморативные, так и посвятительные надписи, причем последние заметно преобладают. Пространных вотивных текстов сравнительно немного, полностью из них сохранилось несколько десятков, но именно они содержат наиболее ценную информацию.

Среди других археологических объектов, обследованных СОЙКЭ, наибольшим сходством с Райбӯном отличается Би'р Ḥамад, древнее название которого остается неизвестным[71]. Раскопок на этом городище, расположенном между устьями вади Духр и вади Раḫйа (см. карты 3, 7), не проводилось[72], однако в ходе рекогносцировки 1984 г. там были обнаружены остатки двух храмов и собраны 62 надписи, почти исключительно фрагментарные, а также 12 обтесанных блоков с клеймами на боковых гранях, но без текстов. Благодаря

[68] О двух названиях этого храма см. выше примеч. 22 Введения.

[69] За две недели работ в ноябре 2007 г. были вскрыты главная лестница храма, двор перед ней и так называемый дом жреца (Французов 2008б. С. 184), однако основание платформы, на которой находилось святилище, осталось нераскопанным с северной и южной сторон.

[70] Лишь некоторые надписи (правда, в основном пространные и интересные по содержанию), происходящие из этих двух крупнейших райбунских храмов, были изданы (см. соответствующие ссылки во Французов 2005. С. 5, примеч. 4; кроме того, ряд текстов такого рода впервые опубликован: Французов 2009a. С. 90–91, 93–96, ил. 48, 49 a–e, 50 a–в, 52; Французов 2012. С. 88–89, 91–94, ил. 84, 85 a–ж, 86 a–б, 88: Rb I/84 passage, lev. I n° 184 a–b + 183 + 182 a–b + 185 = СОЙКЭ 732; Rb I/89 bld. 4, lev. I n° 291 + 261 a–b + 260 a–e = СОЙКЭ 1898 + 1897 a–б + 1833 a–д: Rb XIV/87 n° 113 = СОЙКЭ 1451; Rb XIV/87 n° 88 a–b = СОЙКЭ 1442, ил. 48, 49 a–e, 50 a–в, 52).

[71] Отождествление Би'р Ḥамада с Ḳува'рāном, предложенное П. А. Грязневичем (1995a. С. 10), оказалось ошибочным (см. об этом подробнее главу III, раздел 3).

[72] К сожалению, в настоящее время не только раскопки городища Би'р Ḥамад, но даже его повторное обследование не представляются возможными, т. к. вся его территория остается заминированной после скоротечной гражданской войны, продолжавшейся с 21 февраля по 7 июля 1994 г. из-за попытки Южного Йемена выйти из состава созданного в 1990 г. единого йеменского государства (Французов 2009a. С. 150; Французов 2012. С. 151).

эпиграфическим находкам местные храмы были уверенно идентифицированы как святилища Сийāна и З̲āт Ḥимйам[73]. Кроме того, в надписях Би'р Ḥамада были выявлены те же палеографические признаки, а также особенности языка и формуляра, что и в эпиграфике Райбӯна; данные же по их относительным датировкам позволяют привязать существование этого поселения к интервалу с VII по I вв. до н. э.[74]

Еще один эпиграфический комплекс в западной части Внутреннего Хадрамаута был выявлен на городище Ḥурайḍа (древний город Маз̲āб — *Mḍb*^{m}) в вади ʻАмд (см. карты 3, 7) в ходе раскопок одноименного храма, проводившихся британскими археологами под руководством Гертруды Кейтон-Томпсон с конца декабря 1937 г. по 3 марта 1938 г. В итоге было вскрыто только одно здание — святилище храма, который, согласно обоснованному предположению А. В. Седова, состоял из нескольких построек (Седов 2005. С. 237; Sedov 2005. P. 124). Но даже с учетом этого обстоятельства обращает на себя внимание определенная бедность этого сооружения памятниками эпиграфики по сравнению с райбунскими храмами: по завершении работ в распоряжении исследователей оказалось всего 53 монументальных надписи и 18 граффити (CT 14 a–e, 14bis a–d, 22 a–c, 23 a–c, 27 f /три граффити под одним сиглом/) из Маз̲āба. Среди текстов, выполненных монументальным письмом, подавляющее большинство (23) относится к начальной фазе древнего периода (CT 1, 3, 7, 11, 12, 16, 16 a, 17 a–b, 20, 21, 24, 29, 31, 34, 36, 37, 41, 42, 44, 47, 52, 53), три — к его заключительной фазе (CT 9, 28, 50), девять — к позднему периоду (CT 2, 4, 10, 33, 38, 46, 49, 51, 54)[75]. Два из них, CT 4 и 10, имеют первостепенное значение для изучения органов общинного управления в древнем Хадрамауте.

Комплексы граффити на скале Марāвīḫ I в вади ал-ʻАйн и на девяти скалах Джаулат ар-Румāд на западном борту вади Дауʻан, между устьями вади Наʻāм и Мīḫ̲, состоят преимущественно из имен собственных и представляют значительный интерес для изучения хадрамаутской ономастики (Пиотровский 1995. С. 191–201; Пиотровский 1996).

---

[73] Sedov 1995b. P. 104–105; Седов 2005. С. 214; Sedov 2005. P. 85–86. Ср.: Французов 2001. С. 167, примеч. 24.

[74] Все известные к настоящему времени эпиграфические материалы Би'р Ḥамада, к числу которых, помимо упомянутых выше, относятся 16 фрагментов, найденных на этом городище Ж. Пиренн 6 января 1975 г. (Pirenne 1990. P. 40–42), подготовлены к изданию в Frantsouzoff (à paraître)b.

В связи с этим стоит отметить, что из 78 надписей Би'р Ḥамада 11 причислены нами к An. I (Bi'r Ḥamad 1, 7, 12–20), 2 — к An. II, причем с некоторой долей сомнения (Bi'r Ḥamad 21, 22), 43 — к R. (Bi'r Ḥamad 2–6, 8–11, 23–56); еще шесть (Bi'r Ḥamad 57–62) отнесены к древнему периоду, но их принадлежность к конкретной его фазе определить не удалось, а остальные 16 (Bi'r Ḥamad 63–78), в том числе семь текстов на керамике (Bi'r Ḥamad 72–78), сколько-нибудь уверенной палеографической датировке не поддаются. Таким образом, достаточно надежно существование этого поселения подтверждено лишь для временных интервалов VII–V и III–I вв. до н. э.

[75] Из оставшихся 18 монументальных текстов 16 были опубликованы без фотографий (CT 5, 6, 8, 13, 15, 18, 25, 27 a-d, 32, 35, 43, 45, 48), и надежно датировать их невозможно, однако употребление глагола *ḥqny* в CT 27 c, 43 и 45 позволяет предположительно отнести их к начальной фазе древнего периода, а глагола *s*^{1}*qny* в CT 5 и 8 — к заключительной фазе этого периода или к позднему периоду. Еще в двух случаях (CT 29 b, 30) незначительные размеры фрагментов делают их датировку затруднительной.

Единственный эпиграфический комплекс, происходящий из восточной части Внутреннего Хадрамаута, связан с храмом Ḥалс (*Ḥls*^{1m}), который Французская археологическая миссия во главе с Ж.-Фр. Бретоном раскопала в 1979 г. на территории городища Бā Ḳуṭфа, расположенного на северном склоне вади ал-Масīла, восточнее гробницы пророка Хӯда, на расстоянии в 3–4 км от устья вади Санā' (см. карту 3). Небольшие размеры храма, возведенного на цоколе 6,7 × 6,8 м, и его местоположение на высоте около 15 м от подножия склона, способствовавшее плохой сохранности культурного слоя, объясняют довольно скромное количество обнаруженных там надписей — 80, а также отсутствие среди них крупных фрагментов, не говоря уже о целых пространных текстах[76]. Экстраполяция А. В. Седова, который наложил датировку существования храма концом IV в. до н. э. — I в. н. э., предложенную Ж. Пиренн в рамках «краткой» хронологии, на «долгую» хронологию и получил в качестве времени его постройки VII–VI вв. до н. э. (Седов 2005. С. 263)[77], не может быть принята[78], поскольку палеографически почти все надписи Бā Ḳуṭфы принадлежат к нескольким одновременно использовавшимся стилям позднего периода (R.) и лишь BQ 74, 78, 86 на основании лингвистического критерия (употребления знака *ṯ*) должны быть отнесены к заключительной фазе древнего периода (An. II), причем, судя по развитому дуктусу[79], к самому ее концу. Таким образом, датировка надписей храма Ḥалс, базирующаяся на современных представлениях о развитии южноаравийского письма, дает IV–I вв. до н. э. и в силу случайного совпадения оказывается почти полностью идентична пиренновской. Следует особо подчеркнуть, что в отличие от храмов Райбӯна, Би'р Ḥамада и Ḥурайды, где хорошо представлены надписи начальной фазы древнего периода (An. I), в Бā Ḳуṭфе не обнаружено ни малейшего их следа; следовательно, это поселение (если не все, то во всяком случае святилище Ḥалс) было основано приблизительно в IV в. до н. э., т. е. на несколько столетий позже, чем города и храмы в западной части Внутреннего Хадрамаута.

Заметное сходство с райбунскими храмами, в которых почитался Сийāн, демонстрирует формуляр надписей на бронзе, происходящих из его главного святилища Алīм[80], остатки которого обнаружили и раскопали французские археологи в середине 70–90-х гг. XX в.Три целых бронзовых таблички (RES 2693; Shabwa Chantier V, 1975; RF–Alīm 1), только одна из которых была найдена в ходе легальных раскопок (Shabwa Chantier V, 1975), да два небольших фраг-

[76] Всего было найдено 86 блоков с текстами, однако в шести случаях их удалось состыковать попарно (Pirenne 1979. P. 238–239).

[77] Ср.: Sedov 2005. P. 159, где указан VI в. до н. э.: "the date of construction of Bā Quṭfa temple must be placed at least down to the 6th century BC".

[78] Ссылка А. В. Седова на заключение Г. М. Бауэра о схожести графических стилей Райбӯна и Бā Ḳуṭфы (Седов 2005. С. 263, примеч. 25; Sedov 2005. P. 159, n. 91) выглядит довольно странной в связи со столь ранней датой возведения храма Ḥалс, поскольку все девять стилей, выделенных Ж. Пиренн для его эпиграфических памятников, Г. М. Бауэр уложил в свои периоды III и IV, т. е. в интервал с IV по I вв. до н. э. (Бауэр 1995. С. 126, табл. 2; 144, табл. 3).

[79] См.: Pirenne 1979. P. XII, XVIII.

[80] См. об этом подробнее: Frantsouzoff 2001c. P. 60–61.

мента (Shabwa V/84/15, V/85/22) — вот и все, что осталось от некогда обширного эпиграфического комплекса вотивных текстов на бронзе, хранившихся в храме Алīм[81]. Их палеографические особенности, прежде всего змеевидная форма знака) (*r*), а также знак *w*, превратившийся из разделенного вертикальным диаметром кружка ◦ в лежащую на боку «восьмерку», напоминающую символ бесконечности, не оставляют сомнений в том, что они были изготовлены в первые века н. э.

Среди строительных надписей, найденных в Шабве и ее окрестностях, наскальные тексты прохода ʻУḳайба (ʻUqayba 1–5) и крупные фрагментарные тексты с городской стены столицы Хадрамаута (Shabwa Chantier VI, 1976 n° 81; Shabwa n° 3, n° 15, n° 15bis; Hamilton 2 A-B + Shabwa S/75/128) занимают особое место благодаря содержащимся в них уникальным сведениям о правителях этого государства.

Несмотря на то что эпиграфический комплекс городища Наḳб ал-Хаджар (древнего города Майфаʻа; см. карты 4, 6) включает в себя всего пять надписей: RES 3869, увезенную британцами в бомбейский музей, и четыре варианта текста о сооружении городской стены, сохранившихся *in situ* на ее блоках, два кратких (MAFYS — Naqab al-Haǧar 1, 4) и два более подробных (MAFYS — Naqab al-Haǧar 2 = RES 2640 = RES 5082; MAFYS — Naqab al-Haǧar 3), — из них удалось извлечь ценнейшую информацию как о технологии крепостного строительства, так и о той роли, которая отводилась в нем городским магистратам и частным лицам.

Почти все эпиграфические находки с городища Хор Рори (древний порт Сумхурāм; см. карты 1, 4) происходят с сооружений, образующих комплекс главных ворот крепости. Речь идет о восьми строительных надписях, сообщающих уникальные сведения о возведении укреплений Сумхурāма и о режиме управления этой хадрамаутской колонией в начале н. э. (Khor Rori 1–4 = KR 2–5; Ja 2878 b = KR 6; Ja 2884 = KR 7; Ja 2883 = KR 8; Ja 2885 = KR 9)[82].

Конечно, к числу источников на хадрамаутском языке, имеющих первостепенное значение для изучения различных аспектов истории древнего Хадрамаута, относятся не только эпиграфические комплексы, но и не входящие в них, обособленные письменные памятники, такие как надгробный текст СОЙКЭ 903, надпись на алтаре RES 3512 из ʻУḳрāна, строительная надпись RES 2687 на оборонительной стене в вади Либнā (ал-Бинā’), Ja 892 из вади Хāнӯн[83] в Дофаре и др.

---

[81] Причины почти полной утраты этих посвятительных надписей освещены в Французов 2005. С. 6–7, примеч. 8; Французов 2009a. С. 26, примеч. 82; Французов 2012. С. 26, примеч. 82.

[82] Следует отметить, что за исключением этого эпиграфического комплекса на городище Хор Рори был обнаружен всего один текст, к тому же фрагментарный, сохранившийся на обломке бронзового таза — KR 10 (не считая коммеморативной надписи на бронзовой гире Khor Rori B634 /см. выше примеч. 53 к Введению/ и нескольких граффити /см.: Khor Rori 5, а также 10 кратких текстов, опубликованных в Pirenne 1975. P. 90–91, pl. 3B, 4A–B/).

[83] Такая форма этого топонима приведена в Wissmann (Müller W.) 1977. S. 23 (в Jamme 1967. P. 147, она дана без диакритики: Hanun). Правильность чтения Ḫанӯн, впервые предложенного в Avanzini 2008b. P. 630, никак не обоснована.

Среди источников на сабейском языке, относящихся к истории Хадрамаута, особого внимания заслуживают два эпиграфических комплекса: марибского храма Маḥрам Билḳӣс, посвященного богу Алмаḳаху и именовавшегося Аввāм, и городища ал-Ми‘сāл (древний Ва‘лāн) в области Радмāн (см. карту 7). Посвятительные надписи Аввāма как в количественном отношении (по числу знаков), так и в качественном (по тому, насколько в них отражены ключевые исторические события) превосходят всю совокупность остальных монументальных памятников южноаравийской эпиграфики. Их оставляли в храме, главным образом в виде текстов на известняковых пьедесталах бронзовых вотивных статуэток, многочисленные паломники (нередко принадлежавшие к политической элите) из областей, входивших в состав сабейского культурно-политического ареала[84]. Благодаря этим надписям удалось восстановить не только основные перипетии, но и многие детали военно-политической истории древнего Йемена в I — середине IV в. н. э. (иными словами на протяжении так называемого «среднего периода»)[85], в частности неудачный поход хадрамаутского царя Йада‘’ила в ал-Джауф, где ему противостояло войско, отправленное царем объединенного Сабейско-Химйаритского государства Кариб’илом Баййином, сыном З̲амар‘алӣ З̲ариḥа, в конце I в. н. э.[86], обстоятельства, связанные с развитием союзных отношений между царем Хадрамаута Илӣ‘аззом Йалуṭом, сыном ‘Аммӣзаḫира, и сабейским царем Ша‘ром Аутаром, сыном ‘Алхāна Нахфāна, и внезапным разладом между ними, который привел к войне, в 20-е гг. III в. н. э., а также этапы завоевания Хадрамаута Химйаритским царством в первые десятилетия IV в. н. э.[87] После возобновления в 1998 г. раскопок Маḥрам Билḳӣс там было найдено более 300 новых надписей (Maraqten 2006. P. 53), по большей части остающихся пока неопубликованными; в тех же немногих из их числа, которые были изданы, попадаются уникальные данные о Хадрамауте, как, например, в MB 2002 I-28/25.

Отличительной чертой текстов из Аввāма является то, что в них не употреблялись датировки по эрам, а изредка встречающиеся эпонимные формулы в отсутствие полного или частичного списка сабейских эпонимов[88] оказываются бесполезными для привязки датированных по ним текстов к абсолютной хронологии. Кроме того, в большинстве надписей из этого храма представлен взгляд на военные кампании или сражения их участников, причем зафиксированный не «по горячим следам», а спустя некоторое время после описываемых событий (нередко исчислявшееся годами). Поэтому исследователь, пытающийся рекон-

[84] Это понятие было введено А. В. Коротаевым для обозначения совокупности общин (*ша‘бов*) внутренней равнины, раскинувшейся между пустыней Рамлат ас-Саб‘атайн (Ṣайхад) и восточной кромкой Йеменских гор, а также Йеменского нагорья, пользовавшихся сабейским эпиграфическим языком и признававших религиозный авторитет сабейского «национального» бога Алмаḳаха наряду с политической властью царей в Марибе (см., например: Коротаев 1997. С. 110–138; Коротаев 1998а. С. 6–7).

[85] Периодизация истории древней Южной Аравии рассмотрена в начале главы II.

[86] Один из эпизодов этого похода рассмотрен в Frantsouzoff 2004. P. 79–80, 221, fig. 49 (map 1).

[87] См. соответствующие разделы главы III.

[88] См. подробнее главу II, раздел 6.

струировать на основании подобных свидетельств ход боевых действий, зачастую попадает примерно в то же положение, что и специалист по ранней истории Халифата, которому приходится иметь дело с рассказами мусульманских воинов, дошедших до авторов первых арабских исторических сочинений через цепь передатчиков (*иснāд*). Впрочем, тут есть и существенные различия. Во-первых, пресловутый лапидарный стиль надписей привел к тому, что интересные подробности баталий отражены в них довольно скупо, тогда как в передававшихся изустно «мемуарах» они, как правило, излагаются весьма многословно. С другой стороны, информация, высекавшаяся в камне и выставлявшаяся на всеобщее обозрение, конечно, была более достоверной, чем не предназначавшиеся изначально для широкой огласки воспоминания бывших бойцов. Во-вторых, авторы текстов из Аввāма были чаще всего не рядовыми воинами, а командирами, нередко достаточно высокого уровня. Так, до нас дошли две надписи начала IV в. н. э., Ja 665 и Ir 32 = Schreyer-Geukens, составленные от имени Са‘адта’лаба Йатлафа из знатного сабейского рода Гадан (в арабских источниках — ẓ̄ Джадан) и повествующие о двух походах на Хадрамаут химйаритского войска, которым он командовал. Как известно, в арабо-мусульманских источниках нет ни одного сообщения, *иснāд* которого восходил бы к завоевателю Сирии Ха̄лиду б. ал-Валīду, к покорителю Египта ‘Амру б. ал-‘Āсу или к другим военачальникам такого ранга. Тем не менее, для того чтобы расположить во временной последовательности и состыковать друг с другом не имеющие точной хронологической привязки эпизоды военных действий, приходится подчас преодолевать одни и те же трудности и решать сходные проблемы как при реконструкции южноаравийской истории первых веков н. э. по эпиграфическим памятникам из храма Аввāм, так и при восстановлении событий *ридды* (смуты, связанной с отступничеством от ислама в 632–634 гг.) и великих арабских завоеваний по произведениям средневековых арабских историков.

Открытие в 70-х гг. прошлого века пяти пространных наскальных текстов, высеченных на южной стороне гранитного пика, возвышающегося над городищем ал-Ми‘сāл (MAFRAY — al-Mi‘sāl 2–6), стало значительным событием в сабеистике, несмотря на то, что до сих пор ни один из них не издан полностью, с фотографиями и переводом[89]. Все они посвящены богине солнца Шамс, на территории святилища которого и расположен этот пик, и составлены на радманском диалекте сабейского языка[90], причем использованная в них вотивная формула кардинально отличается от той, что засвидетельствована, скажем, в храме Аввāм[91]. В качестве авторов надписей выступают қайли Радмāна

[89] Некоторые из них (во всяком случае MAFRAY — al-Mi‘sāl 4 и 5) впервые обнаружил в 1970 г. эпиграфист Немецкой йеменской экспедиции (Deutsche Yemen-Expedition) В. В. Мюллер; в 1973, 1979–1980 гг. в составе Французской археологической миссии в Йеменской Арабской Республике городище обследовал Кр. Ж. Робен, которому удалось получить фотографии всех пяти надписей и восстановить (правда, с лакунами) текст четырех из них, за исключением сильно поврежденной эрозией MAFRAY — al-Mi‘sāl 6 (Robin 1981a. P. 319, 323, 326–327, 329, fig. 9, 10).

[90] См. о нем, в частности: Beeston 1984a. P. 2.

[91] См., например, MAFRAY — al-Mi‘sāl 4/1: *bs²r/w-hll/w-‘fr/l-s²ms¹-hw/‘lyt/b‘lt/qyf/S²ḫrr*^{m} — «провозгласил благую весть и объявил и справил торжество ради своей (богини) Солнца Высокой, Владычицы

и Ḫаулāна, т. е. местные правители, повествующие о своем участии в военных кампаниях. Так, в наиболее значимой для нас MAFRAY — al-Mi‘sāl 4 сообщается о том, как *ḳайл* Наḳр Йухаḫмид из рода Ма‘āхир и зӯ Ḫаулāн во главе радманского войска помог хадрамаутскому царю Илī‘аззу Йалуṭу, сыну ‘Аммīзаḫира, подавить восстание общин и племен Внутреннего Хадрамаута в 222–223 гг. н. э.[92] О значении надписей ал-Ми‘сāла для привязки к абсолютной хронологии датировок по южноаравийским эрам говорилось в предыдущем разделе.

6. АНТИЧНЫЕ, СИРИЙСКИЕ И АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ХАДРАМАУТА

Те сведения о Хадрамауте, которыми располагала античная традиция, сохранились в естественно-научных и историко-географических произведениях и отличаются крайней скудостью. Зачастую они ограничиваются упоминанием названия этой области, как у Феофраста (372–287 гг. до н. э.) в «Истории растений» (Theoph. Hist. plant. IX, 4, 2: Ἀδραμύτα)[93]; реже приводятся еще некоторые детали: например, в «Географии» Страбона (ок. 64/63 гг. до н. э. — ок. 23/24 гг. н. э.) наряду с данным топонимом (Strab. Geogr. XVI, 4, 4: Χατραμωτίτις) сообщается о тамошнем народе (Ibid. XVI, 4, 2) и его столице (Ibid.: Σαβαθά), которая управлялась правителем единолично (Ibid. XVI, 4, 3), а также о том, что Хадрамаут якобы производил по преимуществу мирру (а не ладан, как явствует из других античных источников) и от Герры, крупного восточноаравийского центра транзитной торговли, его отделяло 40 дневных переходов (Ibid. XVI, 4, 4).

Следует отметить, что в целом ряде случаев произведения античных авторов дошли до нас лишь в виде переработанных извлечений, попавших в поздние компиляции. Так, значительная часть сведений об Аравии у Страбона восходит к несохранившемуся сочинению Агафархида Книдского (ранее

святилища Шиḫрāр» (расположенного в 10 км к северо-востоку от ал-Ми‘сāла). Сочетание *s²ms¹-hw* (с местоименным суффиксом 3 л. м. р. ед. ч.) заставляет вспомнить о довольно часто встречающемся в эпиграфике выражении *’s²ms¹-hmw*, которым обозначались божества-покровители рода (Beeston et al. 1982. P. 133; Bron 1995a. P. 423; Bron 2008. P. 458). Следует отметить, что имена божеств в южноаравийской традиции никогда не принимают местоименных суффиксов в отличие от имен нарицательных. Можно предположить, что и в данном контексте речь идет не столько о богине Солнца, культ которой в Южной Аравии за пределами Радмāна почти не известен (однако см. примеч. 354 к главе II), сколько о божестве-покровителе («солнце») правителей этой области, почитание которого получило необычайно широкое распространение среди их подданных (правда, уже в стк. 2 *S²ms¹ᵐ* упоминается безо всякого местоименного суффикса).

[92] Текст этой надписи с французским переводом был любезно предоставлен Кр. Ж. Робеном для подготовки настоящей работы, за что мы выражаем ему искреннюю признательность.

[93] Разумеется, в этом произведении довольно подробно описываются мирровые и ладановые деревья, а также способы и порядок сбора их благовонных смол, но ничего относящегося специально к Хадрамауту из этой информации извлечь не удается (Ibid. IX, 4, 2–8).

200 г. — после 145 г. до н. э.) «О море Эритрейском». Не так давно была предпринята попытка восстановить этот труд, правда, не его оригинальный греческий текст, что вряд ли возможно в принципе, а его содержание, представленное в виде сводного перевода на английский язык соответствующих фрагментов из «Библиотеки» патриарха Фотия, где приведен конспект книг I и V данного сочинения Агафархида, а также из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского и «Географии» Страбона (Agatharchides /Burstein/ 1989)[94].

Информация, имеющая существенный интерес для изучения истории Хадрамаута, обнаруживается лишь в двух античных сочинениях: анонимном «Перипле Эритрейского моря» (Periplus Maris Erythraei, § 27–31) и «Естественной истории» Плиния Старшего (Plini Nat. Hist. VI, 154–155; XII, 52–54, 63, 69). Первое из них представляет собой практическое руководство для мореплавателей и торговцев, относящееся к акватории вдоль северного побережья Индийского океана, которую в греко-римской географии принято было именовать Эритрейским морем. Это — не лоция и не описание торговых маршрутов, а справочник, в котором наряду со сведениями об основных портах, городах, расположенных на некотором удалении от побережья, но связанных с ним, о мысах, гаванях и островах, о происхождении и перемещении коммерчески значимых товаров приводятся данные этнографического и политического характера.

Об авторе «Перипла» ничего не известно: лишь греческий язык этого памятника, написанного на *койнэ* и изобилующего грамматическими вольностями и стилистическими шероховатостями, указывает на то, что его составитель не был хорошо образованным человеком. Мнение о том, что речь идет о мореходе и/или купце, стало общепринятым в науке[95]. Это сочинение дошло в двух рукописях: гейдельбергской Codex Palatinus Gr. 398, палеографически датируемой X в., и хранящейся в Британском музее Add. 19391, которая восходит к гейдельбергской, но, очевидно, не напрямую и была переписана в XIV в. Лучшее издание «Перипла» было выполнено шведским филологом Хьяльмаром Фриском (Frisk 1927); на нем основан его обстоятельный комментированный перевод, получивший всеобщее признание (Casson 1989).

Заметный вклад в изучение памятника внесла публикация монографии, в которую включен его текст, восходящий к изданию Х. Фриска и учитывающий замечания Л. Кассона, его новый русский перевод[96] с обширнейшим

[94] Список использованных фрагментов из этих трех источников см.: Agatharchides (Burstein) 1989. P. 176–182.

[95] Гипотезу Джерваса Мэтью о том, что автор «Перипла» был образованным римским чиновником, «сотрудником центрального римского правительства», аргументированно опроверг М. Д. Бухарин (2007. С. 13–14).

[96] Предыдущий полный русский перевод, принадлежавший С. П. Кондратьеву, вопреки его собственному утверждению ([Кондратьев] 1940. С. 264), не учитывал издания Х. Фриска (см. об этом: Бауэр 1990а. С. 100). Тем не менее неудовлетворительная оценка его качества (Бухарин 2007. С. 25) представляется чрезмерно жесткой и не вполне справедливой, особенно если учесть, что попавший

(местами даже чересчур многословным) комментарием и исследования, посвященные его датировке и истории международной торговли в эпоху древности в западной части бассейна Индийского океана (Бухарин 2007). Появление этой работы избавляет от необходимости подробно останавливаться на довольно сложном вопросе о времени составления «Перипла»[97]. Отметим лишь, что в последние десятилетия прошлого века оживленно обсуждались две возможные его датировки: традиционная, возводившая «Перипл» к середине — второй половине I в. н. э., и радикально с ней расходившееся предложение Ж. Пиренн, которая на основании собственной интерпретации южноаравийского материала утверждала, что этот памятник был составлен ок. 225–230 гг. н. э. (Pirenne 1961). Пиренновская точка зрения была принята подавляющим большинством сабеистов, впрочем в ряде случаев — с определенными оговорками[98]. Ввод в научный оборот новых эпиграфических материалов, в частности упоминавшихся выше наскальных надписей из ал-Ми῾сāла, позволивших более точно привязать политическую историю Южной Аравии первых веков нашей эры к абсолютной хронологии, вскрыл всю легковесность и несостоятельность аргументов Ж. Пиренн относительно передатировки «Перипла» и показал, что с позиций сабеистики все приведенные в нем сведения о Южной Аравии соответствуют I, но никак не III в. н. э. и укладываются в период правления упомянутого там (§ 19) набатейского царя Малику II (40–70 гг. н. э.) (Robin 1991d. P. 7–25)[99]. Одновременно с этим ведущий французский индолог Жерар Фюссман, рассмотрев описанную в «Перипле» политическую ситуацию в Северо-Западной Индии, пришел к выводу, что она вписывается в хронологический интервал между 30 и 50 гг. н. э. и что 50 г. н. э. с точностью до нескольких лет является *terminus ante quem* для составления текста этого сочинения (Fussman 1991. P. 36).

Некоторое удивление вызывает позиция М. Д. Бухарина, признавшего вновь ставшую общепринятой датировку «Перипла» I в. н. э., но вместе с тем утверждавшего, что он «не был составлен единовременно», т. к. представляет собой, по всей вероятности, «своего рода авторские “мемуары”, и различные его части могут отражать события или ситуации, имевшие место в различные времен-

---

под колесо сталинских репрессий переводчик не имел возможности отшлифовать свой труд, вышедший без всякой ссылки на имя «врага народа».

Очередной шаг в освоении этого памятника отечественной наукой был сделан Г. М. Бауэром, который осуществил перевод первых 18 параграфов «Перипла» с лаконичным, но содержательным комментарием (Бауэр 1990а).

[97] Этой проблеме отведено заметное место в монографии М. Д. Бухарина (2007. С. 201–246, 322–330).

[98] Так, крупнейший специалист по исторической географии древней Южной Аравии Герман фон Виссман полагал, что «Перипл Эритрейского моря» — многослойный памятник: тот его вариант, который известен нам, восходит к III в. н. э., однако некоторые его части были взяты из редакций, выполненных в предыдущие два столетия (Arabien /von Wissmann/ 1965. S. 14, 40–41; см. русск. пер.: Аравия /фон Виссман, Лундин/ 1981. С. 26, 64–65).

[99] Необходимо отметить, что за 10 лет до Кр. Ж. Робена на датировке «Перипла» I в. н. э. категорически настаивал А. Г. Лундин, правда, опиравшийся скорее на здравый смысл и интуицию, чем на новые неопровержимые данные (Аравия /фон Виссман, Лундин/ 1981. С. 43–45, примеч. 20). К сожалению, его позиция не была учтена в историографическом обзоре М. Д. Бухарина.

ные промежутки, укладывающиеся в протяженность жизни и деятельности автора», причем «самым ранним… из них мог быть поход Элия Галла на Южную Аравию», а «наиболее поздним — ситуация, сложившаяся в Западной Индии к середине I в. н. э.» (Бухарин 2007. С. 246). Прежде всего бросается в глаза неудачно выбранное сравнение «Перипла» с мемуарами (даже с учетом того, что это слово взято в кавычки): не слишком образованные люди практического склада, каким был автор этого памятника, к написанию воспоминаний, «подводящих итог… жизни и деятельности и передающих накопленный опыт следующему поколению» (Там же), менее всего склонны, да и сам текст «Перипла», содержащего ссылки на конкретных правителей, а иногда даже на особенности их характера[100], совершенно недвусмысленно обращен к современникам. Конечно, он не мог быть написан за несколько месяцев, однако срок для сбора представленной в нем информации, который сам М. Д. Бухарин оценивает в три года минимально (Бухарин 2007. С. 245), не мог растянуться на полвека с лишним. К тому же попытка истолковать сообщение о покорении цезарем приморской деревни Счастливая Аравия, отождествляемой с Аденом, одним из эпизодов похода Элия Галла 26–25 гг. до н. э. (Бухарин 2007. С. 112–115) не выдерживает критики, в первую очередь потому, что ни в одном из источников нет сведений о том, что с этой кампанией были связаны какие-либо боевые действия на море. Тот факт, что, согласно автору «Перипла» (§ 31), остров Диоскуриду (Сокотра), с одной стороны, подчиняется царю Хадрамаута Элеазу (т. е. Илī‘аззу), а с другой, «ныне … отдан царями на откуп», вовсе не означает, что «на его памяти остров подчинялся целой династии местных владык вплоть до Элеаза» (Бухарин 2007. С. 245). По всей видимости, ссылка на царей потребовалась автору для того, чтобы подчеркнуть, что на откуп остров был передан не при нынешнем хадрамаутском царе, ибо такой режим экономической эксплуатации Сокотры установлен ранее (и совсем не обязательно при жизни автора).

На основании того, что в «Перипле Эритрейского моря» набатейский царь Малих, уверенно отождествляемый с Малику II (40–70 гг. н. э.), упомянут как правящий и представленное в нем положение на северо-западе Индии соответствует 30–50 гг. н. э., следует заключить, что данный памятник может быть датирован с точностью до десятилетия. В промежуток между 40 и 50 гг. н. э. непротиворечиво вписываются южноаравийские реалии, нашедшие отражение в тексте «Перипла».

«Естественная история» Плиния Старшего (23/24–79 гг. н. э.) представляет собой уникальную энциклопедицию, вобравшую в себя знания о природе и окружающем мире, которыми римская цивилизация располагала на исходе своего поступательного развития. Это — компиляция, в которую были включены сведения из разновременных и разноплановых сочинений; Кр. Ж. Робен довольно удачно определил ее как «travail de bibliothèque», в которой нашли отражение «произведения, находившиеся в обращении в кругах образованных

[100] См., например, сведения об аксумском правителе Зоскале в § 5 «Перипла».

людей чуть позже середины I века христианской эры, произведения, не все из которых были составлены недавно» (Robin 1991d. P. 6). Так, описание аравийского побережья с востока на запад (Plini Nat. Hist. VI, 28 (32), 147–156), в том числе упоминания хадрамаутцев (Ibid. VI, 154–155), принято возводить к сочинению об Аравии Юбы Мавританского и датировать периодом между 80 г. до н. э. и первыми годами н. э. (Бухарин 2009. С. 97–98).

Что касается сведений о Хадрамауте, представленных в книге XII «Естественной истории», то в качестве аргумента в пользу их приблизительной датировки I в. н. э. следует, по всей видимости, рассматривать имя божества, почитавшегося в хадрамаутской столице Шабве (Sabota) — Sabin (Plini Nat. Hist. XII, 63). На первый взгляд, эту форму затруднительно вывести из широко представленного в эпиграфике Хадрамаута теонима *S[l]yn*, которым обозначался главный бог этого государства, но если учесть, что около I в. н. э. латинское *b* перешло в *v* (Нидерман 1949. С. 84–85), то Sabin должно было звучать как Savin[101]. Именно на этом основании Кр. Ж. Робен предложил читать *S[l]yn* как Саййн (Robin 1994a. P. 102, n. 4)[102].

Хотя в «Географии» Клавдия Птолемея (ок. 90–168 гг. н. э.) Хадрамауту отведен специальный раздел (Ptolem. Geogr. VI, 7, 10)[103], сам характер этого труда, представляющего собой по сути дела список названий населенных пунктов и других элементов ландшафта с их координатами (иногда сопровождаемый предельно краткими их характеристиками), а также неизбежные искажения топонимов, наслаивавшиеся друг на друга в рукописной традиции его передачи, сильно ограничивают его значение для реконструкции не только истории, но даже исторической географии рассматриваемого региона. Идентификация топонимов не вызывает сомнений лишь в немногих случаях, таких как Κάνη или Μαιθάθ/Μαιφάθ, которыми явно обозначены порт Ḳани’ (*Qn’*) и крепость Майфа‘а (*Myf‘t*)[104].

Среди сирийских источников уникальные, хотя и чрезвычайно краткие сведения о распространении христианства среди хадрамаутцев в начале VI в. н. э. содержат два агиографических сочинения: «Книга химйаритов» (Moberg 1924. P. 5 /сир. текст/, CIII /англ. пер./) и так называемое «Второе послание Симеона

[101] См. об этом также: Французов 1994. С. 321, примеч. 2; Frantsouzoff 1997b. P. 123–124, n. 2.

[102] См. также: Robin 1996a. Col. 1173, — где предложены и другие варианты чтения данного теонима: “Sayyān, Sayn, Sayyin, etc.” О наиболее вероятной реконструкции произношения имени этого бога см. главу II, раздел 8.

[103] Считается, что он использовал хранившиеся в Александрийской библиотеке сочинения различных авторов, живших в разные эпохи, однако из них он упоминает только Марина Тирского (2-я половина I в. — 1-я треть II в. н. э.). По мнению некоторых исследователей, наиболее ранние сведения об Аравии, приведенные у Птолемея, относятся к восточной ее части и могут восходить к сподвижнику Александра Македонского Аристобулу из Кассандрии (Бухарин 2009. С. 126, примеч. 1).

[104] К сожалению, одним из главных недостатков недавно вышедшей монографии М. Д. Бухарина о международных торговых связях Аравии являются крайне вольные фонетические соответствия между греческими и семитскими именами собственными, которые он устанавливает. Так, невозможно согласиться с отождествлением Μάδα с крепостью Māвийа (*Mwyt*) на скале Ḫуṣн ал-Гурāб (Бухарин 2009. С. 127, 134, 154) или ‘Ράβανα βασίλειον с Райбӯном (Там же. С. 134, 181). О последнем см. подробнее главу II, раздел 9.

Бет-Аршамского» (Shahîd 1971. P. IV–V /сир. текст/, 45 /англ. пер./), — центральное место в которых уделено гонениям на христиан Награна. Первое из них представляет также значительный интерес для изучения исторической географии западной части Внутреннего Хадрамаута[105].

В арабо-мусульманской традиции сохранилось представление о том, что в доисламском Йемене, помимо Химйара и Сабы свои цари были в Хадрамауте[106]. Список хадрамаутских царей, включающий в себя 15 имен, дошел до нас в *Китāб ал-ʻибар* Ибн Ҳалдӯна[107]. Подавляющее большинство упомянутых в нем монархов — чисто легендарные фигуры, хотя некоторые из них носят имена Йадаʻʼаб и Йадаʻʼил, часто встречающиеся у реальных правителей Хадрамаутского государства. Лишь в заключительной части списка, возможно, нашли отражение, пусть и в искаженной форме, имена последних царей, занимавших престол Хадрамаута в конце III — начале IV в. н. э., т. е. в период завоевания этого региона Химйаритским царством.

[105] См. подробнее: Французов 2009в. С. 177–181.

[106] См., например: Hamza (Gottwaldt). I. P. 124; II. P. 98.

[107] Его реконструкция, выполненная на основе печатных изданий и нескольких рукописей *Китāб ал-ʻибар*, опубликована, см.: Французов 2006б. С. 140–152.

Глава II

ХАДРАМАУТ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.: ЭПОХА РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ

1. ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОАРАВИЙСКОЙ И ХАДРАМАУТСКОЙ ИСТОРИИ В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ. ЕЕ ПЕРИОДИЗАЦИЯ

По сравнению с древними цивилизациями Египта, Месопотамии или Сиро-Палестинского региона доисламский Йемен пока остается слабо изученным. Причины этого сопряжены как с большей удаленностью этой страны от Европы и ее относительной изолированностью, так и с тем, что она счастливо избежала западного колониального владычества, за исключением порта Аден[1]. Ее систематическое изучение силами постоянно действующих археологических экспедиций началось лишь в 70-е гг. прошлого столетия. До сих пор никому не удалось последовательно и подробно (хотя бы в рамках монографии средних размеров) изложить историю древнейеменской цивилизации со времени ее зарождения в начале I тысячелетия до н. э. вплоть до ее гибели во второй половине VI в. н. э. не столько из-за скудости материала, сколько из-за того, что он крайне неравномерно распределен хронологически и регионально. Лишь для первых трех веков н. э., во многом благодаря надписям Маḥрам Билḳīс и ал-Ми‘сāла[2], была реконструирована общая канва военно-политического противостояния в Южной Аравии (Bāfaqīh 1990), хотя многие ее детали остаются неясными или вовсе

[1] Британский протекторат над султанатами, шейхствами и прочими *дувайлāт* Южного Йемена (включая племенную республику Даc̱īна) со второй половины XIX в. и до заключения в 1937 г. «мира Ингрампса», положившего конец перманентным конфликтам между хадрамаутскими племенами, в значительной мере носил формальный характер, ограничиваясь контролем над их внешними сношениями. Да и после 1937 г. никакого постоянного британского воинского контингента за пределами Адена дислоцировано не было: против не соблюдавших перемирие племен применялись бомбардировки с воздуха. Далеко не случайно первые легальные археологические раскопки в Южной Аравии начались на территории Внутреннего Хадрамаута (на городище Ḫурайда) под руководством Г. Кейтон-Томпсон в конце декабря 1937 г., т. е. через 10 месяцев после того, как в феврале того же года всеобщее перемирие вступило в силу.

О «мире Ингрампса» см. подробнее: Родионов 1994. С. 65–68; Rodionov 2007. P. 67–70.

[2] См. выше главу I, конец раздела 5.

неизвестными. Ничего подобного для I тысячелетия до н. э. не представляется возможным сделать. *Quelques épisodes marquantes de l'histoire sudarabique* — этот заголовок одной из обзорных статей (Robin 1991b) как нельзя лучше показывает, что современная сабеистика способна предложить вниманию читателей, интересующихся доисламской историей Йемена. Даже информация о важнейших аспектах его политической жизни изобилует лакунами. По состоянию на сегодняшний день полный список верховных правителей не может быть восстановлен ни для одного из древних южноаравийских государств. Так, от шести веков истории Ма'ӣна в надписях из его столицы Қарнау до нас дошли имена 13 царей (*маликов*), причем часть их известна только по привезенным Ж. Галеви копиям текстов, о палеографии которых нет никаких данных, а другие засвидетельствованы в надписях, достаточно однотипных в палеографическом отношении. В результате не удается расположить маинских царей в сколько-нибудь надежной хронологической последовательности, и Франсуа Брону в первом разделе главы, посвященной датировке надписей городища Ма'ӣн (древнего Қарнау), пришлось привести их список, исходя из **алфавитного** порядка их имен (Bron 1998. P. 13–15)[3]. С хадрамаутскими правителями, которых в интервале от VII до I в. до н. э. выявлено не менее десятка, дело обстоит несколько лучше: на основании палеографических критериев и с учетом сабейско-ассирийского и минейско-египетского синхронизмов периоды их правления датируются с точностью от нескольких десятков до нескольких сотен лет[4]. Тем не менее придется смириться с тем, что вместо систематического рассмотрения социально-экономической и военно-политической истории древнего Хадрамаута в этой, да и в последующей, главе объектом исследования станут лишь некоторые события, явления и процессы, анализ которых стал возможен во многом благодаря случайному стечению обстоятельств, т. к. большинство источников, прежде всего эпиграфических, оказались безвозвратно утраченными.

Периодизация истории доисламской Южной Аравии была разработана главным образом применительно к Сабейскому государству, поскольку оно распространило свое влияние (если не политическое, то культурно-религиозное) на большую часть территории древнего Йемена, следствием чего стало многократное количественное преобладание надписей на сабейской языке над всеми памятниками эпиграфики, составленными на трех других древних южноаравийских языках. Так, А. В. Коротаев предложил разделить древнейеменскую историю на:

1. древний период (I тысячелетие до н. э.) с двумя подпериодами:
   а) мукаррибов Саба' (первая половина I тысячелетия до н. э.);
   б) традиционных царей Саба' (вторая половина I тысячелетия до н. э.);
2. средний период, или период правления царей Саба' и з̱ӯ Райдāна (I–IV вв. н. э.);
3. поздний («монотеистический») период (конец IV — VI в. н. э.)[5].

[3] См. об этом подробнее: Французов 2000б. С. 182–183.
[4] См. ниже раздел 4 данной главы.
[5] Коротаев 1997. С. 6.

Более дробный вариант этой же периодизации был разработан Кр. Ж. Робеном, который два подпериода древнего периода выделил в качестве самостоятельных периодов и уточнил их хронологические рубежы, отведя для периода мукаррибов Саба' VIII–VI вв. до н. э., а для периода царей Саба' — V–I вв. до н. э. Первый из них он, в свою очередь, также разделил на два подпериода, отталкиваясь почти исключительно от палеографических данных: доклассический, или архаический (VIII в. до н. э.), и классический (VII–VI вв. до н. э.). Период царей Саба' и ẓū Райдāна (сабейско-райданитский) он ограничил I–III вв. н. э., а следующий назвал химйаритским (ок. 300–525 гг.), предложив разделить его на подпериоды царей с долгой титулатурой (ок. 300 — ок. 440 г.) и царей со сверхдолгой титулатурой (ок. 440 — 525 г.). Последние десятилетия доисламской истории Йемена, на которые пришлось господство над этой страной эфиопов (525 — ок. 575 г.) и персов (ок. 575 — 632 г.), составили заключительную стадию в этой хронологической схеме (Robin 1996a. Col. 1116). Следует отметить, что данная периодизация прекрасно подогнана именно к сабейской (начиная с I тысячелетия н. э. — и химйаритской) истории. Древнему Хадрамауту больше подходит менее детальная периодизация, принятая А. В. Коротаевым, особенно если учесть, что в середине IV в. н. э. завершается подчинение Хадрамаута Химйаритскому царству.

Интересно, что с точки зрения формационной теории древний период в основном приходится на эпоху ранней древности, средний — на эпоху поздней древности, в ходе которой тенденция к образованию империи в древнем Йемене так и осталась до конца не реализованной, а поздний — на начальный этап раннего средневековья.

2. ДРЕВНИЙ ХАДРАМАУТ И ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮЖНОАРАВИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Как и большинство древневосточных обществ, цивилизация, сложившаяся на рубеже II–I тысячелетий до н. э. на юге Аравии, была обязана своим существованием искусственному орошению. К этому времени постоянно текущих рек на Аравийском полуострове не осталось: лишь в сезоны муссонных дождей, преимущественно весной и летом, по их сухим руслам проносились селевые потоки, впадавшие в океан или терявшиеся в пустыне[6]. Оказавшиеся на границе с обширной безжизненной пустыней Ṣайхад[7] племена создателей южноаравийской цивилизации научились собирать и сохранять переносимую во время паводков влагу, используя сложную систему запруд, плотин, каналов и других водоотвод-

[6] Засушливый климат установился на Аравийском полуострове пять тысяч лет тому назад и с тех пор сколько-нибудь существенно не менялся; примерно столько же в его южной части существует земледелие (Mouton 2004. P. 83–84).

[7] Так эта пустыня именовалась в средневековой арабской географии, ныне ее называют Рамлат ас-Саб'атайн.

ных и водосборных сооружений. Согласно одному из лучших специалистов по древнейеменской ирригации Мишелю Мутону, сначала, по всей видимости, появились цистерны; развитие более сложных ирригационных систем началось с освоения небольших боковых долин, называемых по-арабски *ши῾б*[8], от склонов к центру и от устья вверх по течению, путем строительства водоотводных стенок из камней, положенных плашмя без раствора, затем пришла очередь основных долин, которые осваивались от верховий к низовьям: на этом этапе создаются первые плотины, пока еще довольно низкие, в том числе и самые ранние плотины в Марибе (Mouton 2004. P. 84–87)[9]. Появление крупных плотин относится к раннему периоду существования южноаравийских государств, при этом нужно иметь в виду, что ни одна из них, включая и большую Марибскую плотину шириной в 680 м и высотой в 18 м, не создавалась для того, чтобы образовать постоянное водохранилище, как это произошло с современной Марибской плотиной, построенной немецкими инженерами в 1986 г. (Mouton 2004. P. 94).

Древнейшие города-государства Йемена, такие как Каминахӯ, Харам, Инабба᾽, Нашшāн, сформировались в вади Маз̲āб, уходящем своими низовьями в Ṣайхад; туда же «впадают» долины высохших рек, в которых располагались центры более крупных раннегосударственных образований Южной Аравии[10]: вади Аз̲ана (ныне — З̲ана), перегороженное самой крупной в регионе плотиной[11], давало жизнь Марибу, столице Сабы, и обширному оазису вокруг него, вади Байḫāн — Тамна῾, столице Катабана, вади ῾Ирмā — Шабве, столице Хадрамаута, вади Марḫа — важнейшим городам Аусана, включая резиденцию местных правителей дворец Мисвар[12].

---

[8] Попытка М. Мутона вывести из *ши῾б* южноаравийский термин *s² ῾b* (Mouton 2004. P. 84–85), обозначавший общину земледельческого населения разного масштаба (от небольшого поселения до целой области), представляется крайне сомнительной (кстати, в хадрамаутской эпиграфической традиции термин *s² ῾b* вообще не засвидетельствован). В то же время происхождение арабского *ша῾б* — «крупное оседлое племя, народ» — от *s² ῾b* кажется очевидным. В случае же с *ши῾б* и *ша῾б* речь, скорее всего, идет о чистой омонимии.

[9] Вопрос о происхождении земледельческого населения территорий, расположенных на окраине пустыни Ṣайхад (так называемых «низинных земель» — les basses-terres), от спустившихся вниз жителей нагорий (les hautes-terres) специально рассмотрен М. Мутоном, который на основании археологических данных отверг такую возможность (Mouton 2004. P. 83–84).

[10] По этой причине А. Ф. Л. Бистон предложил называть культуру древней Южной Аравии на начальном этапе своего развития (в I тысячелетии до н. э.) «сайхадской» (the Ṣayhad culture; см., например: Beeston 1977), а эпиграфические южноаравийские языки — «сайхадскими» (Sayhadic; Beeston 1984a. P. 1; Beeston 1987. P. 79). Хотя в последние годы он получил весьма широкое распространение, нам ближе точка зрения Ж. Рикманса, который считал этот термин не удачным. Действительно, своим возникновением южноаравийская цивилизация обязана отнюдь не пустыне, которая к тому же до ислама Ṣайхадом, по всей видимости, не называлась.

[11] Создание такой большой плотины Юли Бруннер, а вслед за ним и М. Мутон склонны объяснять тем, что при почти полном отсутствии боковых долин у вади Аз̲ана ирригация в Марибском оазисе зависела исключительно от использования селевого потока в основной долине. С этим же обстоятельством они связывают появление в древнесабейском государстве более сложных форм административной организации (Mouton 2004. P. 90).

[12] К сожалению, остается неизвестным, как называлась отождествленная с городищем Хаджар Йахирр аусанская столица, в которой находился этот дворец.

Хотя паводковое орошение и являлось необходимым условием появления на краю пустыни крупных земледельческих поселений, решающим фактором, способствовавшим переходу народов Южной Аравии к цивилизации и ее последующему расцвету, стала международная транзитная торговля благовониями и пряностями. По сухопутным торговым трассам, пересекавшим Аравийский полуостров с юга на север, эти товары, часть которых производилась в самой Южной Аравии, а часть ввозилась из Индии и с восточноафриканского побережья, доставлялись в порты Восточного Средиземноморья, главным образом в Газу, существенно меньше — в Тир и Сидон, а также в Египет и Месопотамию. Генезис древнейеменской государственности шел, по-видимому, лишь в тех местах, где были сосредоточены важные перевалочные пункты на путях международной торговли. В то же самое время культурное влияние складывавшихся там государственных образований распространялось далеко за пределы территории, находившейся под их непосредственным политическим контролем. За счет этого некоторые раннеклассовые общества, расположенные на периферии южноаравийской цивилизации, заимствовали у нее алфавитную письменность, развитый религиозный культ, ряд элементов сложной социальной структуры.

К сожалению, конкретные обстоятельства, в которых шло формирование южноаравийской цивилизации, остаются неизвестными прежде всего из-за отсутствия монументальной эпиграфики на самом раннем этапе ее существования. Не до конца решены и более общие проблемы, в той или иной мере касающиеся этого периода ее истории[13]. Так, возникает вопрос, была ли она связана узами преемственности с существовавшими в Йемене с XXXII в. до н. э. культурами бронзового века[14]. Данных в пользу отрицательного ответа становится все больше. Во-первых, эти культуры были довольно слабо вовлечены в международную торговлю. По крайней мере археологические свидетельства их торговых контактов не только с внешним миром, но и между собой остаются пока очень скудными[15]. Это касается даже процветавшей на территории прибрежной равнины вплоть до IX в. до н. э. «культуры Ṣабир»[16], связь которой с противоположным берегом Красного моря нуждается в доказательствах. Возможно, именно поэтому переход Йемена к раннеклассовому обществу и формирование там местной государственности произошли по ближневосточным меркам довольно поздно: не в бронзовом, а в железном веке. В этой связи нельзя не отметить

[13] Вот, например, как оценивает состояние вопроса о происхождении сабейцев и их культуры, составившей ядро южноаравийской цивилизации, в своей посмертно изданной статье А. Ф. Л. Бистон: “Personally, I have always been a distinct agnostic on the subject of Sabaean origins, believing that there is nothing beyond the merest speculation that we can say about them” (Beeston 2005a. P. 65).

[14] Edens 2002. P. 81: “By 3200 BC the Bronze Age of Yemen was emerging…”

[15] Ibid. P. 85. Речь идет главным образом о йеменском обсидиане, поставлявшемся в Египет и регион Персидского залива.

[16] Подробнее о ней см.: Vogt 1997; Vogt, Sedov 1997; Vogt, Sedov 1998a; Vogt, Sedov 1998b. Интересно, что давшее название этой культуре городище Ṣабир, расположенное близ современного Адена, было известно довольно давно, однако считалось руинами одного из средневековых поселений, возведенных в середине IX–X вв. н. э. банӯ-л-Кирандӣ, наместниками династии Йу‘фиридов в ал-Джанаде (Шараф ад-Дин 1963. С. 183, примеч. 1).

умозрительный характер предположений, подобных гипотезе известного египтолога Кеннета Китчена, согласно которой обитатели юга Аравии, начиная с середины XV в. до н. э., могли через страну Пунт, уверенно локализуемую им на восточном побережье Судана и в северных районах Эритреи (Kitchen 1971; Kitchen 1982; Kitchen 1993; Kitchen 1999), поддерживать торговые отношения с Египтом[17]. Ладан и мирра, поступавшие во II тысячелетии до н. э. на рынки Средиземноморья и Передней Азии преимущественно через Египет, имели, скорее, эфиопско-сомалийское, а не южноаравийское происхождение. С падением в XI в. до н. э. Нового царства в Египте произошло изменение направления международных торговых трасс. Отныне и вплоть до II в. до н. э. смолы благовонных растений и пряности шли главным образом через Аравийский полуостров по двум основным путям, начинавшимся в Йемене: западному, протянувшемуся параллельно побережью до Газы, и восточному, выходившему через Неджд и Йемаму к Персидскому заливу и далее к Месопотамии. Успешное функционирование этих путей во многом было связано с возникновением первых империй: Новоассирийской, Нововавилонской, а затем и Ахеменидской, — благодаря которым в соседних с Аравией регионах длительные периоды относительной стабильности стали нормой. Весьма показательно, что первые достоверные сведения о торговых и политических контактах южноаравийских государств с внешним миром касаются сабейско-ассирийских связей[18].

Отсутствие преемственности как в локализации, так и в сфере материальной культуры между йеменскими городищами позднего бронзового века, в частности теми, что относятся к «культуре Ṣабир», и ранними центрами южноаравийской цивилизации, заставляет искать ее истоки за пределами Юго-Западной Аравии. В этом отношении обращает на себя внимание Сиро-Палестинский регион, о влиянии которого на древний Йемен свидетельствуют особенности начальной фазы развития южносемитской ветви алфавитного письма[19] и данные археологии. Так, А. В. Седову удалось обнаружить в наиболее ранних слоях

[17] Kitchen 1997; переиздана на немецком языке: Kitchen 1998a.

[18] Помимо упоминаний в клинописных текстах «сабейца Ита‘амра» и «Кариб’илу, царя (страны) Саба’», речь о которых шла выше в связи с сабейско-ассирийским синхронизмом (см. главу I, раздел 2), следует отметить сообщение в анналах Тиглатпаласара III (744–727 гг. до н. э.) об отправке сабейцами ок. 734 г. до н. э. золота, серебра, верблюдов, верблюдиц и всяческих пряностей в качестве дани (*madatu*) этому царю, а также ссылку на тайманитов и сабейцев в отчете наместника Сӯҳу и Мари, совершившего нападение на их верблюжий караван, в середине VIII в. до н. э. В последнем случае, по всей видимости, имелись в виду торговцы из Сабы, маршрут которых проходил через оазис Таймā’, и их местные проводники или деловые партнеры. См подробнее: Galter 1993; Liverani 1992; Beeston 2005a. P. 68–69, n. 2.

[19] Благодаря открытию А. Г. Лундина, дешифровавшему 2 января 1987 г. табличку из ‘Айн Шамса (Бēт Шемеша) и доказавшему, что она содержит записанный в XIII в. до н. э. клинообразным шрифтом в так называемом южносемитском порядке краткий вариант консонантного алфавита, удалось раскрыть палестинские корни южноаравийской письменности, для которой характерен тот же алфавитный порядок (см. Loundine 1987; Лундин 1989б; о значении этого открытия см., например: Ryckmans J. 1997. P. 12–13). Последние сомнения на этот счет отпали после того, как в 1988 г. в Ра’с Шамра была обнаружена табличка RS 88.2215 с полным вариантом угаритского клинообразного алфавита, также расположенного в южносемитском порядке (Ibid. P. 13, 28, n. 12).

оазиса Райбӯн, датируемых рубежом II–I тысячелетий до н. э. (точнее, периодом между XIII–XII и концом VIII — началом VII в. до н. э.), расписную керамику с зооморфными и геометрическими орнаментами (так называемую ancient Hadramawt pottery), которая имеет близкие аналоги в лощеной и ангобированной керамике, происходящей с различных палестинских городищ последней четверти II тысячелетия до н. э. (Sedov 1996c. P. 71–79). Кроме того, он выявил весьма близкое сходство между архитектурно-планировочными схемами хадрамаутских святилищ и палестинских «башенных (*мигдāл*) храмов» первой — третьей четверти II тысячелетия до н. э., которые были открыты в Сихеме (Шхеме), Мегиддо, Хацоре и известны также как «монументальные симметричные храмы», или храмы сирийского типа (Седов 2005. С. 300–301), хотя и счел нужным подчеркнуть, что «временной разрыв между палестинскими и хадрамаутскими памятниками не позволяет, во всяком случае до обнаружения представительной серии “ранних” хадрамаутских храмов, говорить о заимствовании либо о прямом культурном влиянии» (Там же. С. 301).

Весьма показательны лингвистические параллели между маинским (минейским), катабанским и хадрамаутским, с одной стороны, и недавно открытым эмаритским языком, представленным в текстах второй половины II тысячелетия до н. э. из сирийского города Эмар (городище Мескене / Маскана) в среднем течении Евфрата[20], с другой. Как известно, одной из отличительных особенностей этих трех эпиграфических южноаравийских языков по сравнению как с сабейским, так и вообще с большинством семитских, включая эпиграфические североаравийские, является употребление *s*[1] вместо *h* в местоименных суффиксах 3 л. Использование сибилянта в этих морфологических формантах характерно и для эмаритского (Arnaud 1995. P. 20). Выявлены и интересные лексические соответствия: например, совет старейшин в Эмаре обозначался термином *ta’tamum* (Ibid. P. 20–21), тогда как в катабанском производные от того же корня слова *’tmt*^{m}, *m’tm*^{n} истолковываются как «собрание» (Ricks 1989. P. 18)[21]. К сожалению, тексты на эмаритском языке пока остаются неизданными, что затрудняет их использование для поиска возможных общих корней у его носителей и у минейцев, катабанцев и хадрамаутцев.

Наличие многочисленных параллелей между южноаравийскими и западносемитскими именами собственными было установлено в ходе ономастического исследования, предпринятого Франсуа Броном с целью обнаружения в обеих группах схожих теофорных имен, построенных по модели «*yf‘l* + имя

[20] Необходимо отметить, что сами эмариты осознавали, что говорят на языке, отличном от вавилонского (Arnaud 1995. P. 20). Кроме того, распространение эмаритского языка, вероятно, не было ограничено г. Эмар и его ближайшими окрестностями, а захватывало районы, лежащие ниже по течению Евфрата вплоть до Мари или даже до ‘Āны, древнего ‘Аната (Ibid. P. 22), что на территории нынешнего Ирака.

[21] В сабейской фрагментарной надписи Гр 158/5 засвидетельствована именная форма *t’tm*^{m}, связанная с глаголом *’tm* (стк. 4), основное значение которого — «собираться, соединяться». Однако в данном контексте он выступает в своем более узком значении — «приобретать по контракту», а *t’tm*^{m} следует интерпретировать либо как «собственность, владение», либо как «соглашение, сделка».

божества». Ему удалось отыскать 39 древнейеменских антропонимов данного типа, имеющих западносемитские соответствия, и среди них — 10 хадрамаутских (Bron 1991b. P. 86–90). Благодаря новым материалам, полученным в ходе изучения эпиграфики Райбӯна, других городищ Внутреннего Хадрамаута, а также Шабвы, число хадрамаутских имен в этом списке возросло до 18, а сам он увеличился до 42 засчет таких антропонимов, как впервые обнаруженное в Аравии *Ys²r'l* (СОЙКЭ 580), которое в точности соответствует знаменитому ישׂראל / *Yiśrā'ēl*, а также *Yfd'l* (СОЙКЭ 1476 = Rb XIV/88 n° 10) и *Yṯ''l* (Ingrams 4 = Ry 618/1)[22]. Еще пять имен, попавших в этот список из ономастиконов других южноаравийских этносов, теперь известны и по хадрамаутским надписям: *Ybḥr'l* (СОЙКЭ 673)[23], *Yḏkr'l* (СОЙКЭ 2461, 2594 = Rb XIV/90 n° 146/2, n° 279/1), *[Y]qn'm* (Shabwa S/75/87, l. 1), *Yṣdq'l* (СОЙКЭ 1062 = Марāвиҳ I A 9/2; Джаулат ар-Румāд 3 A 1/1, 4 A 2/1), *[Y]ṣr'l* (СОЙКЭ 1887 = Rb I/89 bld. 4, lev. I n° 321/2). Кроме того, автор надписи Raybūn-Kafas/Na'mān 73, найденной на небольшом переносном алтаре для жертвенных возлияний при раскопках одного из храмов богини Ẓāт Ҳимйам (храм Райбӯн V), носил имя *Fs²ms¹* (Фӯ-Шамс), построенное по модели «*fū/pū* "уста" + имя божества», которая прежде вообще не встречалась на территории Аравийского полуострова, зато за его пределами была засвидетельствована в текстах из Мари у аморитов (*Pu-ú-ᵈDagan*)[24] и на табличках из Телль Эль-Амарны (Талл ал-'Амāрина) у арамеев (*Pu-Bahla = P-B'l*)[25].

Все эти археологические, грамматологические[26], лингвистические и ономастические данные позволили сформулировать предположение о том, что создатели цивилизации древнего Йемена, во всяком случае правящая элита местных государств, появилась на юге полуострова в результате миграции населения из районов Сиро-Месопотамской пустыни или Северо-Западной Аравии, граничащих с Сирией и Палестиной[27]. Однако пока во Внутренней Аравии не обнаружено следов двигавшихся в Йемен переселенцев, аргументов в пользу данной гипотезы явно недостаточно. Это соображение, а также полное молчание ближневосточных источников конца II тысячелетия до н. э. о сколько-нибудь заметных перемещениях племен из района Благодатного Полумесяца вглубь Аравийского полуострова заставило допустить в качестве альтернативного варианта

[22] Ср. с еврейскими антропонимами *Yifděyāh*, *Yěša'yāh(ū)* и, вероятно, ישׁעאל (Noth 1928. S. 247–248).

[23] По всей видимости, это имя, отмеченное в раннесабейском ономастиконе (Tairan 1992. S. 234–235), носил поселившийся в Райбӯне сабеец: оставленная им надпись посвящена Алмақаху и содержит указание на родовую принадлежность автора, что совершенно не свойственно райбунским текстам (см. подробнее следующий раздел данной главы).

[24] Huffmon 1965. P. 254.

[25] EA 104/7, 314, 315, 316.

[26] Т. е. относящиеся к истории письма (термин «грамматология» введен основоположником этой науки И. Гельбом).

[27] Bron 1991b. P. 90–91; Nebes 2001. S. 428–432. Впрочем, Фр. Брон допускал возможность независимого появления сходных имен в южноаравийских и западносемитских языках в виду большей близости их грамматического строя, чем принято обычно считать.

развития событий передачу сиро-палестинского влияния через торговые и иные контакты, не связанные непосредственно с миграциями. Так, в отношении Хадрамаута А. В. Седов указывал, что «появляется все больше данных для предположения о пришлом характере его древней земледельческой культуры либо о ее формировании под сильнейшим культурным воздействием извне» (Седов 2005. С. 300–301)[28]. Впрочем, не исключено, что оба процесса шли параллельно, так что в итоге каждый из них внес свою лепту в формирование южноаравийской цивилизации (Nebes 2001. S. 433).

На возможную локализацию прародины создателей древнейеменской цивилизации у границ Месопотамии указал Дж. Гарбини, сославшись, в частности, на ряд сходных черт языкового строя аккадского и эпиграфических южноаравийских и на наличие в них лексических заимствований из аккадского (Garbini 2004. P. 205), впрочем, крайне немногочисленных. Согласно предложенной им этноисторической реконструкции, будущие южноаравийцы в XII–XI вв. до н. э. вышли из района, расположенного между Южной Месопотамией и северо-западным побережьем Персидского залива, используя дромадера в качестве основного средства передвижения, достигли восточных рубежей Сиро-Палестинского региона, где вошли в контакт с местными племенами, а затем отправились на юг Аравийского полуострова, возможно, разбившись на несколько групп, следовавших одна за другой. Часть южноаравийцев осталась на своей прародине и именно от них дошли так называемые «протоарабские» надписи из Месопотамии, представленные оттиском штампа на кирпиче и надписью на кубке из Ура, двумя фрагментарными табличками из Ниппура (покрытой знаками с одной стороны) и из Урука (двусторонней) и десятком цилиндрических печатей (Ibid. P. 207)[29]. Однако, как показал Фр. Брон, лишь знаки на некоторых печатях с уверенностью идентифицированы как южноаравийские, причем их происхождение можно связать с маинской колонией в оазисе ал-ʻУлā; в остальных случаях речь идет об одной или нескольких южносемитских письменностях, лишь отчасти схожих с южноаравийской, причем только два кратких текста из Ура и четыре знака на черепке из Телль (Талл) Абӯ Салабӣх поддаются осмысленному прочтению (Bron 1995b. P. 85–90). По всей видимости, эта весьма малочисленная категория эпиграфических памятников была оставлена не южноаравийцами, задержавшимися на своей исторической родине, а торговцами из Северной Аравии. Остальные аргументы Дж. Гарбини также выглядят не слишком убедительными.

Не исключено, что определенная информация о том, откуда на юг Аравии пришли хадрамаутцы, заложена в самом их этнониме, который в эпиграфике представлен почти исключительно как этнотопоним. В хадрамаутских надписях он всегда имеет форму *Ḥḍrmt* (без *w*!), в других южноаравийских эпиграфиче-

[28] В оригинале опечатка: «под сильнейшем культурным воздействием».

[29] При этом, пытаясь спасти остатки «краткой» хронологии, Дж. Гарбини с явной натяжкой утверждал, что сабейцы пришли в Йемен последними ок. 700 г. до н. э. и что в ассирийских анналах речь идет о «северных сабейцах» (Ibid. P. 204, 206), само существование которых вызывает сильнейшие сомнения (см. примеч. 23 к главе I).

ских языках — *Ḥḍrmwt* (с *w*!)[30], однако для рассматриваемой здесь проблемы это несущественно. О его происхождении высказывались различные точки зрения. Вполне очевидной представляется несостоятельность народных этимологий, как арабской *ḥaḍara-л-маут* — «явилась смерть»[31], так и еврейской *ḥăṣar māвet* — «хутор смерти»[32]. Однако вызывает возражения и гипотеза А. Ф. Л. Бистона, выводившего это имя собственное от корня *ḌRM* с семантикой «палящий зной» (ср. араб. *ḍurām* «горение, пылание, жар»), к которому были добавлены префикс *ḥa-* и суффикс женского рода *-ūt* (*-ōt*)[33]. Если вычленение данного суффикса, поддержанное К. Петрачеком[34] и О. И. Редькиным[35], оказалось весьма удачной идеей, то префикс *ḥa-*, иногда встречающийся в современных южноаравийских языках в качестве определенного артикля (наряду с *'a-* и *ha-*), пока не зафиксирован с уверенностью ни в одном имени собственном доисламской Аравии. На наш взгляд, трудно признать плодотворными настойчивые попытки свести четырехсогласную основу исследуемого этнотопонима к стандартному трехбуквенному корню, будь то *ḤḌM* (*ḤḌM* → *ḤḌMM* → *ḤḌRM*/*ḪḌRM*)[36] или *ḤḌR*[37], хотя бы потому, что четырехбуквенные антропонимы — не такая уж редкость в хадрамаутской ономастике[38]. Кроме того, корень *ḪḌRM* достаточно продуктивен в арабском. Для наших целей важно не докопаться до изначальной семантики слова *Ḥḍrm(w)t*, вряд ли осознававшейся самими древними хадрамаутцами, а отыскать схожие топонимы в других частях Аравийского полуострова.

Известно, что пути миграций племенных общностей иногда можно проследить по географическим названиям, производным от соответствующих этнонимов. В связи с уникальностью сочетания *ḤḌRM* следует учесть замечания К. Петрачека о переходе *ḥ* → *ḫ*, отмеченном в некоторых арабских диалектах и семитских языках[39]. Классической арабской географии известно не так уж много топонимов, восходящих к корню *ḪḌRM*: ал-Ҳидрима, главный город Йемамы[40], ал-Ҳадāрим,

---

[30] Связано это с превращением дифтонга *aw* в долгий *ū* или *ō*. Подобную трансформацию топоним Ҳадрамаут претерпел в постклассическом йеменском арабском: так, заглавие одного из сочинений *манҫаба* (хранителя заповедной территории) Ҳурайды ʿАлī б. Аҳмада ал-ʿАṭṭāса (1903–1988) звучит как *Нафҳ ал-миск ал-мафтӯт мин аҳбāр вāдӣ Ҳадрамӯт* — «Дуновение измельченного мускуса из сообщений о вади Хадрамаут» (Французов 2009а. С. 10; Французов 2012. С. 9).

[31] См., например: Jacut (Wüstenfeld). 2. S. 285.

[32] Пятикнижие (Штейнберг) 1979. С. 24, примеч. 15. Возможен также перевод «двор смерти», тогда как толкование «смерть пришла» (Редькин 2003. С. 124), скорее всего, основанное на ложной аналогии с арабским, безусловно является ошибочным.

[33] Beeston 1965. P. 51.

[34] Petráček 1980. S. 75–76.

[35] Редькин 2003. С. 127–128. О. И. Редькин справедливо отметил, что этот суффикс встречается в топонимике Южной Аравии, в частности Дофара (ср. Сайҳӯт, Дамқӯт и т. п.).

[36] Petráček 1980. S. 75.

[37] Редькин 2003. С. 125–126.

[38] См., например, такие райбунские имена, ранее нигде не засвидетельствованные, как *ʻdlb*, *ʻrqdⁿ*, *Ḫfṯlᵐ*, *Ḥs¹mg*, *Ḥs³ml*, *L ʻs¹lᵐ*, *S³ ʻmr*, *S³rtmᵐ* (Французов 2009а. С. 191, 194, 200, 201, 203, 210, 211, № 81, 120; 214, 243, 246, 262, 376, 381; Французов 2012. С. 194, 197, 204, 206, 207, 215, 216, № 82, 121; 244, 247, 263, 377, 382 в таблице антропонимов Райбӯна и Би'р Ҳамада).

[39] Petráček 1980. S. 74.

[40] Jacut (Wüstenfeld). 2. S. 451; 3. S. 644.

вāдӣ в этой же области[41], а также колодец ал-Ḫидрима на юге Хиджаза[42]. Если название для колодца, скорее всего, восходит к одному из значений имени нарицательного *ḫидрим* «обильный водой», то существование двух однокоренных топонимов в Йемаме может служить косвенным указанием на прародину древних хадрамаутцев, особенно в связи с формой ал-Ḫадāрим, напоминающей ломаное множественное число этнонима. Ее близкими аналогами оказываются обозначения хадрамаутцев как *Ḥḍrm*^{n} в сабейской эпиграфике (CIH 140/5)[43] и как ал-ḫадāрима в арабо-мусульманской традиции.

В пользу предположения о переселении хадрамаутцев из восточных районов полуострова свидетельствует, в частности, обычай захоронения верблюдов, иногда в одной могиле с людьми. Археологически он зафиксирован только в Хадрамауте, соседней с ним Махре и в Восточной Аравии (хотя и не в самой Йемаме, но в непосредственной близости от нее — на территории современных Катара, ОАЭ и Омана)[44], причем в гроте ар-Рукба, неподеку от Райбӯна, найдено единственное в древней Южной Аравии эпиграфическое свидетельство погребения верблюда в гробнице, приготовленной для человека (СОЙКЭ 903)[45]. Насколько нам сегодня известно, во всем доисламском Йемене этот обычай практиковали одни лишь хадрамаутцы. Впрочем, имеющихся данных пока недостаточно для серьезного обоснования осторожно высказываемого здесь предположения об их восточноаравийских корнях.

На возможную локализацию прародины хадрамаутцев в областях Внутренней Аравии, находящихся вне пределов Йемена, указывает изучение их антропонимики. Уже анализ имен собственных из храма Ḫадрāн, первого из райбунских святилищ, чьи надписи были опубликованы, позволил заметить, что «l'abondance relative des noms de personne qui ont des parallèles dans l'onomastique nordarabique au cours de la 1re phase de la période ancienne et leur réduction à presque rien durant la période récente, pourrait avoir un rapport avec l'origine des habitants de Raybūn», впрочем с оговоркой о том, что лишь после рассмотрения всей ономастики Райбӯна и особенностей лексики обнаруженных там текстов можно сформулировать аргументированную гипотезу на сей счет (Frantsouzoff 2001a. P. 61). В ходе издания надписей из храма Кафас/На'мāн также было обнаружено заметное число параллелей с североаравийской, прежде всего с сафаитской, антропонимикой, причем шесть имен оказались засвидетельствованы лишь в райбунских и сафаитских эпиграфических памятниках (Frantsouzoff 2007a. P. 57).

Анализ всей совокупности антропонимов Райбӯна и Би'р Ḫамада показал, что более четверти из них (25,4%; 119 из 468) имеют североаравийские парал-

[41] Ibid. 2. S. 450.

[42] Ibid. 2. S. 451; 4. S. 442. У Йāқӯта указано, что он принадлежал племени банӯ салӯл, которое обитало между аṭ-Ṭā'ифом и Бīшей (Ibn al-Kalbi /Caskel/. II. S. 509), т. е. в южной части области Хиджаз.

[43] Наряду с более распространенной формой *'ḥḍr*^{n}, отражающей попытку подогнать этноним, производный от четырехсогласного корня, под сабейскую модель мн. ч. *af'ūl*.

[44] Vogt 1994. S. 289–290.

[45] См. подробнее раздел 8 настоящей главы.

лели, а более одной пятой (21%; 98 из 468) — сафаитские, при этом у 21 имени собственного (4,5%) есть лишь североаравийские аналоги, а у 16 (3,4%) — исключительно сафаитские. Для сравнения укажем, что среди старосабейских, маинских или катабанских антропонимов не обнаруживается столь значительного числа имен, встречающихся только в данной ономастической категории и в эпиграфике Райбӯна и Би'р Ҳамада (Французов 2012. С. 124, табл. 4; ср.: Французов 2009а. С. 129, табл. 4)[46].

Кроме того, на обломках расписной керамики с зооморфными и геометрическими орнаментами (так называемой ancient Hadramawt pottery), которые А. В. Седов обнаружил в наиболее ранних слоях оазиса Райбӯн и датировал рубежом II–I тысячелетий до н. э. с учетом их сходства с палестинской лощеной и ангобированной керамикой, были выявлены архаичные формы знаков 𐩠 (*алиф*) и 𐩣 (*d*), не засвидетельствованные в южноаравийской письменности и имеющие аналоги лишь в северосемитских алфавитах: *d* — в думаитском (из оазиса Дӯмат ал-Джандал), *алиф* — также в тайманитском, деданском (лихйанском), самудских B и D[47] (см. табл. 2).

Для объяснения этих параллелей в ономастике и графике можно предложить две гипотезы: или райбунцы и авторы североаравийских (в первую очередь сафаитских) надписей имеют общие корни, или предки этих двух этнических групп поддерживали тесные контакты (как торговые, так и иные) друг с другом (Французов 2009а. С. 129–130; Французов 2012. С. 125).

Из упоминания Хадрамаута в библейской «Таблице народов» в форме חַצַרְמָוֶת (Быт. 10:26; 1 Хрон. 1:20) также, на первый взгляд, можно попытаться извлечь некоторую информацию о его происхождении. Дело в том, что из всех южноаравийских этнических общностей, создавших свои государства, в эту «таблицу» попали только Хадрамаут и Саба, засвидетельствованная дважды в форме שְׁבָא (Быт. 10:7, 28; 1 Хрон. 1:9, 23). Если принять точку зрения библеистов-традиционалистов, таких как Кеннет Китчен, согласно которой в ней нашли отражение этнонимы и топонимы, относящиеся к III тысячелетию — началу I тысячелетия до н. э. (Kitchen 2007. P. 431–435), то тогда получается, что сабейцы и хадрамаутцы либо были древнейшими из тех народов, которым суждено было создать южноаравийскую цивилизацию[48], либо обитали несколько севернее, и потому оказались в поле зрения израильских племен.

---

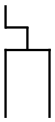
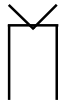
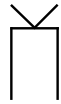
[46] Лишь у 25 уникальных хадрамаутских имен, первоначально зафиксированных вне Райбӯна и Би'р Ҳамада, нашлись аналоги в ономастике этих двух городищ, что дает 5,4% совпадений.

[47] Речь идет в первую очередь о словах *ḥdṯ* (глаголе «отремонтировать» или антропониме /ср. Французов 2009а. С. 200, № 231; Французов 2012. С. 205, № 232: *Ḥdṯm*/) и *'ln*, нанесенных краской (см. подробнее: Французов 2009а. С. 54–55; Французов 2012. С. 54–55). Фотографии черепков с этими надписями опубликованы: Sedov 1996c. P. 81, fig. 5/1; 83, fig. 6 (левый верхний фрагмент). Еще один архаичный *алиф* обнаружен на черепке с могильника Райбӯн XV в сочетании *'b* — имени нарицательном «отец» или первом элементе составного антропонима (Ibid. P. 73, fig. 2/10).

[48] Впрочем, сам К. Китчен вряд ли допускал эту возможность, поскольку полагал, что появление Хацармавета и Шевы в «Таблице народов» отражает ситуацию начала I тысячелетия до н. э. (Kitchen 2007. P. 434).

Таблица 2

**Нестандартные знаки
из ранних райбунских текстов на керамике и их североаравийские аналоги
(по Французов 2009а. С. 55, табл. 6; Французов 2012. С. 55, табл. 6)**

Знак	Форма		
	в южноаравийском монументальном письме	на ранней расписной керамике из Райбӯна	в североаравийских алфавитах
d			
ʾ (*алиф*)			

Однако критически настроенные исследователи Библии склонны считать, что в «Таблице народов» подведен итог географическим и этнографическим знаниям, накопленным древними евреями к VI в. до н. э. (Rouillard-Bonraisin 1995. P. 27). Наиболее детально эту концепцию обосновал в серии своих статей Эдуард Липинский (Lipiński 1990; Lipiński 1992; Lipiński 1993). В частности, рассмотрев такие имена потомков Иафета, как Гомер (גֹּמֶר), Мадай (מָדַי) и Иаван (יָוָן), и подтвердив их отождествление с киммерийцами, мидянами и ионийцами, а также связь имени Магог (מָגוֹג) с аккадским *māt Gūgi* — «страна Гигеса» и ее идентификацию в качестве Лидии, он сделал уверенный вывод о том, что список, в который они включены, не мог быть составлен ранее конца VII в. или, скорее, первой четверти VI в. (Lipiński 1990. P. 40–45, 53). Подробный анализ имен потомков Хама и Сима привел его к заключению, что «хамитскую» часть «Таблицы народов» следует, по всей видимости, датировать VII в. до н. э. (Lipiński 1992. P. 162), а ее «семитскую» часть — концом VII в. до н. э. (Lipiński 1993. P. 214–215). Конечно, отдельные истолкования, предложенные Э. Липинским, например отождествление Елисы (Быт. 10:4: אֱלִישָׁה) не с царицей Элиссой, основательницей Карфагена, а с Одиссеем (Lipiński 1990. P. 50–51), вряд ли могут быть приняты. С другой стороны, в некоторых случаях нестандартный подход Э. Липинского заслуживает внимания. Так, он отверг принятое в сабеистике сопоставление топонима Раама (Быт. 10:7: רַעְמָה) с расположенным на северной окраине Йемена оазисом *Rgmt*[m49] на том основании, что фонетическое соответствие между *ḡ*

[49] См., например: al-Scheiba 1982. S. 75.

(*ġайном*)[50] и *g* следует исключить (Lipiński 1992. P. 145–146)[51]. В целом его заключение о том, что «Таблица народов» восходит к концу VII — началу VI в. до н. э., подкреплено серьезными аргументами и сомнений не вызывает. В таком случае ответ на вопрос, почему Саба и Хадрамаут в нее вошли, а Катабан и Аусан нет, нужно искать в особенностях военно-политической ситуации, сложившейся на юге Аравии в эти десятилетия.

3. ВЛИЯНИЕ ДРЕВНЕЙ САБЫ НА ХАДРАМАУТ

Если обратиться к общим закономерностям эволюции древних обществ, вскрытых И. М. Дьяконовым и его учениками, в первую очередь В. А. Якобсоном, то южноаравийскую цивилизацию, вероятнее всего, следует отнести к так называемому «третьему пути развития обществ ранней древности»[52]. Типичной его особенностью было то, что возникшие в его рамках державы «имели скорее характер военных союзов, в которых более слабые городские, или «номовые», государства обязаны были данью и военной помощью более сильному, централизованному государству»[53].

Древнейшей формой местной государственности, сложившейся на юге Аравии, следует признать города-государства. Ранее всего они возникли, по всей видимости, в ал-Джауфе, где сохранялись на протяжении нескольких столетий (в случае Каминахӯ — до конца I тысячелетия до н. э., а с Харамом — до конца I в. н. э.[54]). Вообще есть некоторые основания предполагать, что именно ал-Джауф был тем очагом, где началось формирование южноаравийской цивилизации. Во-первых, наиболее ранние надписи, составленные на местном языке, который Кр. Ж. Робен предлагает именовать мазабским[55], принадлежат к числу древнейших монументальных памятников южноаравийской эпиграфики (Robin 1996c. P. 54). Во-вторых, в ранних надписях из ал-Джауфа, причем как на мазабском (маинском), так и на сабейском языках обнаружены необычные и нигде более в Аравии не засвидетельствованные варианты начертания знаков

[50] В связи с тем что у LXX этот топоним передан как ‘Ρεγμὰ, следует признать, что первоначально еврейский *‘айн* в нем обозначал звук, аналогичный арабскому *ġайну*.

[51] В то же время его предложение увидеть в этом топониме сокращенную форму названия центра египетской провинции Куш *Pr-R‘-ms-sw-mrī-’Imn* — «Дом Рамсеса, возлюбленного Амона» (городище ‘Амāра в вади Ҳалфа) кажется малоубедительным.

[52] Дьяконов 1989. С. 36, 48–49; Дьяконов 1997. С. 39–40.

[53] Дьяконов, Якобсон 1982. С. 5–6; Дьяконов 1989. С. 49; Дьяконов 1997. С. 39.

[54] См., в частности: Robin 1992b. P. 29, 160; Yémen (Paris). P. 228; Robin 2002. P. 201.

[55] По названию, под которым основная речная долина ал-Джауфа известна с древности (*Mḍb*) до наших дней (Вāдӣ Маẓāб); см., например: al-Scheiba 1982. S. 132. Общепринятое обозначение этого языка как минейского или маинского представляется Кр. Ж. Робену неприемлемым, поскольку древнейшие письменные памятники на нем появились задолго до возникновения Маинского царства и его распространение не ограничивалось пределами этого государства (Robin 1996c. P. 53–54). При всей весомости этих аргументов думается, что ради них не следует ломать устоявшуюся научную традицию. Судя по публикациям, эту точку зрения разделяет большинство сабеистов.

w, *m*, *ṣ*, *r*, *ṯ* и особенно *g* и *s*³ (Ibid. P. 57). Из этого следует, что последний этап сложения южноаравийской письменности, завершившийся появлением ее стандартного варианта, проходил как раз на территории этой области[56].

Помимо появления городов-государств зарождение древнейеменской цивилизации было ознаменовано возникновением более крупных политических образований, обычно называемых территориальными государствами. К их числу принадлежали Саба, Аусан, Катабан и Хадрамаут. До недавнего времени оставалось строить лишь догадки о том, как именно шел процесс их формирования. Так, было очевидно, что одна из формул, сохранившаяся в надписях сабейских мукаррибов, так называемая «формула федерации», имеет непосредственное отношение к возникновению Сабейского государства древнего периода: *ywm/hwṣt/kl/gw*^{m}*/ḏ-'l*^{m}*/w-s*^{2}*ym*^{m}*/w-ḏ/ḥbl*^{m}*/w-ḥmr*^{m} — «в день, когда он (т. е. мукарриб. — *С. Ф.*) установил (статут) всем племенам бога и господа[57], и договора и соглашения». Исчерпывающая интерпретация этой формулы, принадлежащая А. Г. Лундину[58], на наш взгляд, отнюдь не устарела, несмотря на попытки пересмотреть значения употребленных в ней терминов и ее общий смысл[59]. Понимание ключевого слова *gw*^{m} как имени собирательного со значением «племена» подтверждается сходным контекстом двух маинских надписей M 85 = RES 2831/2 и Shaqab 8/2–3: *kl/'l'lt/'s*^{2}*'b*^{m}*/ḏ-'l*^{m}*/w-s*^{2}*ym*^{m}*/w-ḥbl*^{m}*/w-ḥmr*^{m} — «все божества племен (общин)[60] бога и господа, и договора и соглашения». Форма мн. ч. *'s*^{2}*'b*^{m} служит в ней полным эквивалентом *gw*^{m}[61]. А. Г. Лундин оказался также совершенно прав в том, что различные случаи использования этой датировочной формулы не могут быть сведены к событию, имевшему место один или два раза на протяжении всей сабейской истории, подобно синойкизму в древних Афинах (Лундин 1971. С. 165). В свете новых данных ее употребление связывается с именами трех или, может быть, четырех мукарриб[62], причем каждый из них прибегал к ней за время своего правления не однажды. Поэтому напрашивается предположение, что акт слияния племенных

[56] Обнаружение одного из таких вариантов знака *s*³ (в виде кружка с шестью отходящими от него лучами) в надписи мукарриба и царя Сабы Йаṣа'ʾамара Ватара, сына Йакрубмалика (DAI Ṣirwāḥ 2005–50/1, 3) указывает, что в данный процесс был также вовлечен древний сабейский культовый центр Ṣирвāх, находящийся на некотором отдалении от ал-Джауфа.

[57] Перевод этих двух терминов — условный. В древней Южной Аравии одни племена называли своих божеств *'l*, другие — *s*²*ym*.

[58] Лундин 1971. С. 163 и табл. 30; 164–166, 250. Обнаруженные за последнее время новые надписи с этой формулой (см. о них в Robin 1996a. Col. 1180–1181) не содержат данных, которые противоречили бы выводам этого выдающегося сабеиста.

[59] См.: Garbini 1975; Robin 1996a. Col. 1095–1097, 1180–1181. Интересно, что авторы «Сабейского словаря» дают терминам, входящим в эту формулу, практически те же толкования, что и А. Г. Лундин (ср.: Beeston et al. 1982. P. 51, 65, 68, 164–165).

[60] Исчерпывающая характеристика различных по величине этнокультурных и территориальных общностей, обозначаемых словом *s*²*'b* (так называемых *ша'б*ов первого, второго и третьего порядков), дана в Коротаев 1997. С. 110–113.

[61] Поэтому представляется неточным переводить *gw*^{m} как «союз (union)» (Robin 1996a. Col. 1095–1096, 1180).

[62] Ср.: Лундин 1971. С. 165–166 и Robin 1996a. Col. 1180.

союзов, положивший начало Сабейскому государству, регулярно (возможно, даже ежегодно) отмечался как сакральный праздник в соответствии с общепринятой в древних обществах этого периода концепцией циклического времени, и мукаррибу отводилась на нем главенствующая роль. Для людей той эпохи такая периодически повторяющаяся религиозно-политическая церемония была тождественна возрождению и обновлению государства, гарантируя его незыблемость и мощь.

Нам также известно, что союз, на основе которого сложилось Сабейское государство, не был равноправным. Его ядро составляли давшая имя государственному образованию и доминировавшая в нем община саба' (*s² ʻbⁿ/S¹b ʼ*), представленная полноправными жителями Марибского оазиса[63], и непосредственно зависимая от верховных сабейских правителей община файшāн[64], к которой, по всей видимости, принадлежало население Йеменского нагорья, находившееся под прямым управлением царя (Robin 1996a. Col. 1100–1102). Вместе с тем в состав древнесабейского совета старейшин помимо файшāна входили еще пять племен: ʻад'ил (*ʻd'l*), ҳалūл (*Ḫll*), назҳа (*Nzḥt*), арбаʻāн (*ʼrbʻⁿ*) и аҳćарāн (*ʼḥs³rⁿ*)[65], — однако об их роли в становлении Сабейского государства нет никаких данных.

Уникальные сведения о том, из каких составных частей сложилось Катабанское государство, удается извлечь из DAI Ṣirwāḥ 2005–50. В этой надписи, датируемой предпоследним десятилетием VIII в. до н. э.[66], наряду с собственно Катабаном (*Qtbn*), под которым, скорее всего, следует понимать общину ḳатабāн, упоминаются находящиеся под управлением своих *маликов* (царей) город-государство Тамнаʻ (*Tmnʻ⁽ᵐ⁾*), позже ставший катабанской столицей, город Васр[67] и окрестные земли, именуемые *ḏ-Ws¹r*, области Радмāн и *Yḥr* (Йаҳūр или Йаҳурр)[68], а также в других источниках не засвидетельствованные *Ynhgw* и *Yhnṭl* (стк. 2–3). Следует подчеркнуть, что в относящейся ко второму десятилетию VII в. до н. э. надписи RES 3945 нет и намека на все эти «царства» и Катабан представлен как единое политическое образование, ставшее союзником Сабы. Таким образом, процесс формирования Катабанского государства, по крайней мере в своей заключительной стадии, протекал довольно быстро и занял не более трех десятков лет. К сожалению, о Хадрамауте DAI Ṣirwāḥ 2005–50 хранит полное молчание.

---

[63] См. выражение *s² ʻbⁿ/S¹b ʼ/ʼb ʻl/(hgrⁿ/)Mrb*, которое, правда, встречается в сравнительно поздних памятниках сабейской эпиграфики: RES 3910/2 и Ir 32/11–12 (без *hgrⁿ*), датируемых соответственно концом III в. и началом IV в. н. э.

[64] Наряду с *s² ʻb* для ее обозначения использовался термин *ḫw*, который Кр. Ж. Робен с некоторой осторожностью интерпретировал как «serfs (?)» (Robin 1996a. Col. 1102). Очередное упоминание *ḫw-hw/Fys²ⁿ*, где местоименный суффикс *-hw* относится к мукаррибу и царю Сабы Йаċаʻʼамару Ватару, сыну Йакрубмалика, отмечено в DAI Ṣirwāḥ 2005–50/1.

[65] См. о них подробнее: Лундин 1971. С. 206–233.

[66] См. выше главу I, раздел 2.

[67] Городище Хаджар ан-Нāб в вади Марҳа (см. al-Scheiba 1982. S. 153).

[68] Об этой области, расположенной к юго-западу от Радмāна, см. al-Scheiba 1982. S. 156 (где реконструировано чтение Йаҳūр). Кр. Ж. Робен колеблется между этим вариантом (Robin, Brunner 1997, F8) и предложенной им транскрипцией Йаҳурр (Robin 1996a. Col. 1127).

Самое раннее датируемое упоминание о Хадрамауте неразрывно связано с историей древней Сабы. Оно встречается в RES 3945, повествующей о военных кампаниях сабейского царя и мукарриба Кариб'ила Ватара, сына Замар'алӣ, правившего в начале VII в. до н. э., в той ее части, где описываются последствия победы Сабы над Аусаном. До недавнего времени про древний Аусан практически ничего не было известно, пока не обнаружили надпись ас-Сақ̣қ̣āф 1 (= CSAI III, 1), составленную его верховным правителем — мукаррибом Закар'илем Лаҳайāном, сыном 'Аммīкариба (стк. 1–3: *<Ḏ>kr'<l/>Lḥ[yn]\[b]n/ 'mkr<b>|mkrb(/)'ws¹n*). В ней он называет себя отцом Муратти' и Абӣйаса' (стк. 4–5: *[']b/Mrt'ᵐ|w-'byṯ'*), первый из которых, по всей видимости, упомянут в RES 3945 в качестве царя Аусана (стк. 5: *'ws¹n/w-Mrt[']ᵐ/mlk-hw*)[69]. Именно на него обрушился страшный удар Кариб'ила Ватара, в результате которого потери аусанцев составили 16 000 убитыми и 40 000 пленными (стк. 4), дворец аусанских правителей Мисвар (*Ms¹wr*) был разрушен, а все надписи из него, отобранные лично Кариб'илем, и из храмов почитавшихся в Аусане божеств[70] увезены в качестве военных трофеев (стк. 6: *w-h'tw/ḫrs²/byt-hw/Ms¹wr/w-ms³r/ kl/'s¹ṭr/'tb/[Krb]'l/bn/byt-h[w/Ms¹wr]/ w-'s¹ṭr/'byt/'l'lt-hw/...*)[71]. Скорее всего, после этого поражения Аусан прекратил свое существование в качестве независимого государства[72] и затем был поглощен Катабаном, в титулатуре нескольких правителей которого он упоминается (Ja 405 = CSAI I, 9/1; CIAS 47.11/b2 = RES 3881 + TS b = CSAI I, 5/1; RES 3880 = CSAI I, 26/2; MAFYS — Tamna' 1 = CSAI I, 18/1)[73]. Причина столь жесткой расправы Кариб'ила с Аусаном объясняется, очевидно, тем, что на рубеже VIII–VII вв. до н. э. между ним и Сабой шло жесткое соперничество за контроль над сосредоточенными в основном на востоке Йемена землями, на которых произрастали ладано-

---

[69] Тем самым предлагавшееся ранее восстановление *Mrt[w]ᵐ* следует признать неверным, на что уже указал издатель первой надписи мукарриба Аусана (Саккаф Х. 1994. С. 115).

[70] Благодаря финальной инвокации надписи ас-Сақ̣қ̣āф 1 (стк. 7: *b-'ṯtr/w-Blw*) нам стали известны по крайней мере имена двух божеств, которым поклонялись аусанцы: 'Астар, глава пантеона всего древнего Йемена, и Балау, который, судя по занимаемому им месту в данной формуле, являлся «национальным» богом Аусана, т. е. покровителем этого государства и его народа. Выражение *bḍ'/Blw/w-'ws¹n* — «территория Балау и Аусана» — в DAI Ṣirwāḥ 2005–50/2 полностью подтверждает данный вывод.

[71] Обычай увозить памятники эпиграфики поверженного противника вместе с прочей добычей и оставлять их у себя в пропагандистских или сакральных целях был распространен на Древнем Востоке: так, всемирно известная стела с законами Хаммурапи (Лувр, Sb 8) была найдена в Сузах, столице Элама, куда ее доставили ок. 1200 г. до н. э. из Вавилона как один из трофеев по приказу Шутрук-Наххунте, правителя Аншана и Суз (см. об этом, например: Demange 1998. P. 62–63).

[72] См., например: Yémen (Paris). P. 229.

[73] Правда, следует отметить, что лишь одна из этих надписей (Ja 405), составленная царем Катабана Йада''абом Зубйāном Йухаргибом, сыном Шахра, палеографически может быть датирована VI–V вв. до н. э. Остальные три надписи — довольно поздние: автор CIAS 47.11/b2, царь Катабана Шахр Ғайлāн, сын Абӣшибāма, правил в середине — второй половине II в. до н. э., а мукарриб Катабана Йада''аб Зубйāн Йухан'им, сын Шахра (по всей видимости, идентичного вышеупомянутому Шахру Ғайлāну) — в конце II в. до н. э. (Frantsouzoff 2004. P. 76).

Появление династии царей Аусана в I в. н. э. (см. о ней, например: Французов 2002б. С. 261–262; Французов 2004а. С. 322–323), указывающее на восстановление его независимости, связано с серьезным ослаблением Катабанского царства в этот период.

носные растения (см. карту 2)[74]. Покончив с аусанской угрозой, сабейский мукарриб и царь решил обзавестись союзниками в этой части Южной Аравии. Для этого Кариб'ил вернул Хадрамауту и Катабану те земли, которые ранее были захвачены у них Аусаном:

w-ḥṯb/l-S¹yn/w-l/Ḫwl/w-l/Yd‘’l/w-l/Ḥḍrmwt/’bḍ‘-hmw/bn/tḫty/ḍ-’ws¹n/w-ḥṯb|’bḍ‘/‘m/w-’nby/w-Wrw’l/w-Qtbn/bn/tḫty/ḍ-’ws¹n/b-ḍt/’ḫw/Ḥḍrmwt/w-Qtbn/’lm[qh/w-Krb]<’l>/w-S¹b’/... — «и он возвратил Сийāну и Ҳаул и Йада‘’илу и Хадрамауту их округа из-под власти Аусана и возвратил округа ‘Амма и Анбая и Варау'ила и Катабана из-под власти Аусана, ибо Хадрамаут и Катабан стали союзниками Алма[ḳаха и Кариб]'ила и Сабы…» (RES 3945/12–13).

Каждое из южноаравийских государств, вступивших в союз с Сабой, обозначено формулой, в которую входят имена «национального» бога, второго после него по значимости божества[75], верховного правителя и соответствующий этнотопоним. В формуле, символизирующей Сабу, представлено только одно божество — ее покровитель Алмаḳах.

Стоит отметить, что собственно хадрамаутско-катабанские отношения еще на заре их истории были омрачены вооруженным конфликтом, о котором лаконично сообщается в полустершейся наскальной надписи Arbach–Bāfaqīh al-‘Uqla 1, составленной царем (*маликом*) Хадрамаута Йада‘’илом Баййином, который «разгромил Катабан» (стк. 2: *mḫḍ/Qtbn*). Вопреки утверждению ее издателей (Arbach, Bāfaqīh 1998. P. 113–116, 126, tableau), палеография не дает оснований датировать ее непременно концом VII — началом VI в., а, скажем, не первой половиной VII в. до н. э. и с ходу отвергать заманчивую возможность отождествления этого Йада‘’ила с одноименным хадрамаутским правителем, упоминаемым в RES 3945/12. Если допустить, что в обеих надписях речь идет об одном и том же царе, то яблоком раздора, столкнувшим Хадрамаут и Катабан, скорее всего, стали аусанские земли, возвращенные им Кариб'илом Ватаром. Получается, что этим «великодушным» жестом Саба не усилила, а ослабила своих союзников, в военной силе которых после победы над Аусаном более не нуждалась, и на время исключила вероятность превращения их в серьезных соперников (Французов 2005. С. 21). Кстати, разгром Аусана Сабой, а Катабана Хадрамаутом может объяснить, почему из относительно крупных государств, существовавших на юге Аравии во второй четверти I тысячелетия до н. э., в библейскую «Таблицу народов» попали только Саба и Хадрамаут[76].

О походе сабейцев против Хадрамаута, в ходе которого была захвачена крепость Майфа‘а (городище Наḳб ал-Хаджар), сообщается во фрагментарном

[74] Интересно, что в DAI Ṣirwāḥ 2005–50 о столкновении Сабы с Аусаном речь не идет, а само это государство и его царь, не названный по имени, упоминаются лишь в связи с одержанной ими победой над «сынами (бога) ‘Амма», будущими подданными Катабанского царства (стк. 3: *w-nqm/’ws¹n/w-mlkhw/wld/‘m/...*).

[75] В отношении богини Ҳаул можно допустить, что она являлась супругой Сийāна (см. ниже раздел 8 данной главы); что же касается Анбая, то он, вероятно, был владыкой царства мертвых и гарантом прав собственности (см. Bron 2008. P. 469).

[76] См. об этом выше, в конце раздела 2 данной главы.

тексте на бронзовой табличке (B–L Nashq ?/7–10), составленном жителем Нашқа Ṣабаҳхумӯ, сыном ʻАммӣшафақа, из рода Рашвāн и датируемом на основании сабейско-нововавилонского синхронизма приблизительно 600 г. до н. э. Следовательно, к рубежу VII–VI вв. до н. э. союз Сабы и Хадрамаута распался.

Было бы заманчиво найти отражение событий, описанных в RES 3945, в хадрамаутской эпиграфике. Впервые это удалось сделать благодаря имени относительному *S¹rmyⁿ*, засвидетельствованному во фрагментарном тексте Raybūn-Kafas/Naʻmān 42, который был обнаружен в вымостке святилища храма богини З̲āт Ḥимйам (Райбӯн V, здание 2) и приблизительно датирован VII–VI вв. до н. э. Эту нисбу носил некий сын Ḥайва (*[b]n/Ḥywᵐ*), личное имя которого не сохранилось. Истолковать ее как имя нарицательное (по типу *grby⁽ʰ⁾ⁿ* — «каменотес»[77]) не представляется возможным, а относительные прилагательные, образованные от родовых имен, в надписях Райбӯна вообще не отмечены. В то же время в RES 3945 сообщается, что после разгрома Аусана Кариб'ил Ватар обнес стенами города области *S¹rm*, провел там ирригационные работы и заселил ее сабейцами (стк. 6–7: *w-gn'/'|hgr/ S¹rm/w-ṣyr/'ḏhb-hw/w-hbkl-hw/[S¹]b'/...*). Традиционное отождествление этого топонима с упоминаемой у ал-Хамдāнī местностью Сарӯм[78], локализуемой к северу от Ṣаʻды, т. е. у северных рубежей Йемена (Rhodokanankis 1927. S. 43–44; al-Scheiba 1982. S. 84–85), представляется сомнительным, поскольку в соответствующей части RES 3945 явно говорится о южнойеменских землях, находившихся недалеко от западных окраин Внутреннего Хадрамаута. В таком случае появление сабейца, переселенного в *S¹rm*, среди авторов вотивных текстов в одном из райбунских храмов с историко-географической точки зрения вполне объяснимо и указывает на то, что союзные отношения Хадрамаута и Сабы не ограничивались уровнем верховных правителей, а распространялись и на простых людей.

По всей очевидности, сабейцем был и автор надписи СОЙКЭ 673, происходящей из другого храма богини Зāт Химйам — Раҳбāн (ил. 2)[79]:

блок 1	блок 2
Ybḥr'l/bn/Mh#qmᵐ/ḏ-Gnzⁿ/	*hqny/'lmqh/'l'z*

«Йабҳар'ил, сын Мухақāма, зӯ Ганзāн посвятил Алмақаху Илāʻазза»[80].

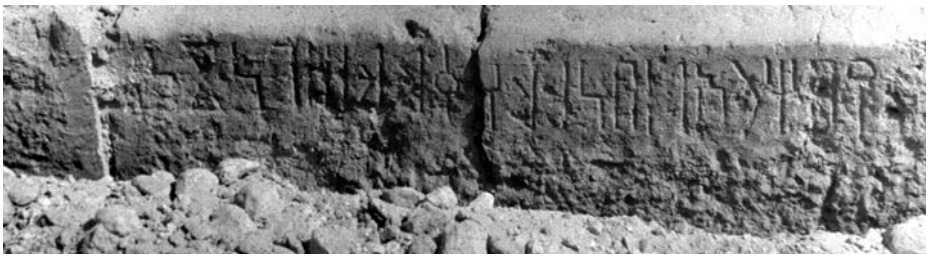
---

[77] Об этом термине см. ниже в разделе 7 данной главы.

[78] См. о ней: Hamdani /Müller D./. I. S. 84/6, 114/15.

[79] Впервые издана: Бауэр 1995. С. 141–142, рис. 21 (фотография блока 1); текст с переводом переиздан: Французов 2009а. С. 72, примеч. 11; Французов 2012. С. 71, примеч. 11. Подготовлена к публикации с фотографиями обоих блоков: Frantsouzoff (forthcoming). Appendix. N° 1.

[80] Помимо данной надписи мужской антропоним *Ybḥr'l* отмечен также в старосабейской и маинской ономастике (Французов 2009а. С. 213, № 419; Французов 2012. С. 219, № 420). Наличие у автора родового имени (зӯ Ганзāн) совершенно не типично для райбунской эпиграфики, но характерно для сабейских текстов. Кроме того, знак *z* в надписях Райбӯна замещен знаком *ḏ̲* (Французов 2009а. С. 72; Французов 2012. С. 71–72). Эти три обстоятельства, а также сам факт посвящения данной надписи сабейскому «национальному» богу Алмақаху не оставляют сомнений в том, что ее составитель был сабейцем.



1

2

Ил. 2. Надпись СОЙКЭ 673:
(*1* — блок 1, *2* — блок 2)

Следует подчеркнуть, что хотя эта надпись выполнена на двух каменных блоках, являвшихся архитектурно-строительными деталями, нет никаких оснований полагать, как это делал Г. М. Бауэр, что «на I палеографическом этапе существования поселения Рб I автор-сабеец участвует в сооружении храма сабейского Альмакаха!» (Бауэр 1995. С. 142). Сами эти блоки находятся в цоколе одного из зданий храма Раḥбāн, где почиталась богиня З̲āт Ḥимйам, имевшая, между прочим, сабейское происхождение (о чем речь пойдет ниже). Установка же надписей, посвященных одному божеству, в святилище другого божества в доисламской Южной Аравии встречается сравнительно часто. К настоящему времени ни один храм Алмаḳаха на территории древнего Хадрамаута не найден и вряд ли будет обнаружен в дальнейшем, поскольку возведение сакрального сооружения в честь бога, олицетворявшего сабейскую государственность, означало признание **политической** власти Сабы.

Однако ничто не мешало сабейскому подданному, оказавшемуся на землях союзного государства, вспомнить о божественном покровителе всех сабейцев, посвятив ему надпись или упомянув его в финальной инвокации вотивного текста, адресованного другому божеству. Так, в подъемке с развалин храма Васаṭхāн (Райбӯн VI), в котором поклонялись Сийāну, было найдено фрагментарное посвящение этому хадрамаутскому богу, имя автора которого, к сожалению, не сохранилось (Rb VI/84 n° 5 = СОЙКЭ 834). Оно завершается формулой *b-’lmqh* «Во (имя) Алмаḳаха» (стк. 2–3)[81]. Единственное посвящение

[81] См. издание этого текста: Бауэр 1995. С. 141. К сожалению, его фотографии в архивах СОЙКЭ обнаружено не было; его оригинал в лапидарий Сай’унского музея также не поступал.

Алмақаху во Внутреннем Хадрамауте за пределами Райбӯна, CT 17 b, было выявлено в храме Маз̲āб (*Mḏb*^{m}), располагавшемся на территории одноименного поселения (городище Ḫурайда). Его оставил Ṣадақ'ил, сын Майфа‘ из рода Хайсāн (стк. 1: <*Ṣ*>*dq'l/bn/Myf'*^{m}*/[bn]/Hys*^{1n}), чье сабейское происхождение представляется весьма вероятным, хотя и не столь очевидным, как в случае с Йабḫар'илом, сыном Мухақӣма, зӯ Ганзāном[82].

Из Шабвы от периода союзных отношений Хадрамаута и Сабы до нас дошли лишь четыре небольших фрагментарных надписи (Hamilton 3–5, Shabwa 2). Наиболее интересная из них представляет собой начертанное бустрофедоном посвящение Алмақаху (Hamilton 4), одним из авторов которого был Йас̲а‘'амар, глава сабейского племени назḫа (*kbr/Nzḥt*), представители которого входили в состав Совета старейшин — верховного органа власти в раннем Сабейском государстве[83]. Весьма вероятно, что лицо, занимавшее столь высокое положение в сабейской иерархии, находилось в Шабве с дипломатической или иной официальной миссией. Эти сабейские надписи вообще представляют собой древнейшие памятники монументальной эпиграфики, происходящие с этого городища. К сожалению, найдены они были во время любительских раскопок майора А. Гамильтона в 1938 г., и потому археологический контекст, из которого они происходят, не был зафиксирован должным образом.

Сабейские корни богини З̲āт Ḫимйам, культ которой в I тысячелетии до н. э. получил распространение во Внутреннем Хадрамауте, прослеживаются довольно четко. В финальных инвокациях старосабейских надписей она стоит на третьем месте, после ‘Ас̲тара и Алмақаха, или на четвертом, если после этих двух богов упоминается еще и Хаубас (Robin 1996a. Col. 1156–1157). На землях, принадлежавших раннему Сабейскому государству, пока локализован только один ее храм — на городище Ḫарибат Са‘ӯд (древний Кутāл), к северо-западу от Мариба (Frantsouzoff 2005b. P. 107). При этом в райбунском оазисе раскопаны два ее храма: Раḫбāн (Райбӯн I, здания 2–4, 7) и Кафас/На‘мāн (Райбӯн V). На городище Би'р Ḫамад выявлено еще одно святилище этой богини, условно обозначенное как здание Б (Sedov 1995b. P. 105; Седов 2005. С. 214; Sedov 2005. P. 85–86). Не исключено, что в некоторых других местах на территории Внутреннего Хадрамаута могли существовать ее храмы[84]. Интересно, что в надписях,

[82] Личное имя автора CT 17 b, Ṣадақ'ил, широко представленное в южноаравийской ономастике, встречается и в старосабейских надписях (см. Французов 2009a. С. 211, № 388; Французов 2012. С. 217, № 389); его патронимия засвидетельствована как в старосабейской, так и в катабанской эпиграфике (Tairan 1992. S. 211; Hayajneh 1998. S. 342). Родовое имя *Hys*^{1n} (как, впрочем, и *Gnz*^{n}) по другим надписям не известно.

[83] См. выше примеч. 65 к данной главе. Специально о племени назḫа см.: Лундин 1971. С. 206–215, 222–223, 226–228, 230–231.

[84] Краткое посвящение З̲āт Ḫимйам было приобретено французскими археологами на востоке этой области, близ могилы пророка Хӯда и колодца Барахӯт (Bir Hūd 1). Фрагмент алтаря, на боковой поверхности которого сохранился обрывок строки вотивного текста, по-видимому, адресованного этой богине (осталась лишь частица *D̲t*), был передан Французской археологической миссии, проводившей раскопки городища Макайнӯн (Mak 7). Небольшие фрагменты с находящегося несколько западнее городища ал-Хаджра, содержащие концовку имени богини *...mym* (HAĞ/79/6, HAĞ/79/9), возможно,

происходящих из хадрамаутской столицы Шабвы, обнаружено лишь одно упоминание З̱āт Ḥимйам — в надписи Hamilton 2 A-B + Shabwa S/75/128, в составе фрагментарной инвокации: *w-b</>[Ḏ]<t>/[Ḥ]<m><y>[m/...]*.

Помимо Внутренного Хадрамаута культ богини З̱āт Ḥимйам проник еще в одну периферийную область южноаравийской цивилизации — на северо-восток Африканского Рога, куда его принесли сабейские колонисты в VIII–VII вв. до н. э. (Frantsouzoff 2005b). Было бы логично предположить, что хадрамаутцами он был воспринят после установления союзных отношений между их государством и Сабой при Кариб'иле Ватаре, т. е. в начале VII в. до н. э. Этой гипотезе не противоречат данные, касающиеся времени постройки храма на Райбӯне V. Характерные фрагменты керамики, найденные при его раскопках, указывают на то, что первые сооружения этого храмового комплекса были возведены не ранее VII–VI вв. до н. э. (Седов 2005. С. 231)[85]. Однако возведение каменного цоколя здания 3, старейшей постройки Раḥбāна, на основании данных радиоуглеродного анализа отнесено к XII–VIII вв. до н. э. (Седов 2005. С. 227; Sedov 2005. P. 99, 187). Поскольку нет никаких данных о том, что это здание, пусть и на начальном этапе своего существования, использовалось иначе, нежели как одно из помещений храма З̱āт Ḥимйам, следует признать, что жители Хадрамаута стали почитать эту сабейскую богиню задолго до завоевательных походов мукарриба и царя Сабы Кариб'ила Ватара, сына Замар'алӣ.

Влияние культуры сабейцев на Хадрамаут и в целом ряде других своих проявлений не может быть объяснено одной только военно-политической экспансией Сабейского государства в начале VII в. до н. э. и явно восходит к более раннему периоду в истории Южной Аравии. Речь, во-первых, идет об использовании сабейского глагола *hqny* (*-t*, *-w*) — «посвящать» — и сабейских местоименных суффиксов 3 л. ед. ч. м. р. (*-hw*) и ж. р. (*-h*) в хадрамаутских посвятительных надписях с Райбӯна и с других городищ Внутреннего Хадрамаута (прежде всего, с Ḥураḥ̣ды и Би'р Ḥамада) в ходе начальной фазы древнего периода (An. I)[86]. Как справедливо заметила А. Аванцини, это явление, отмеченное также в катабанской эпиграфике, свойственно только текстам, а не языку в целом и связано с влиянием не сабейского языка, а элементов сабейского формуляра (*"SAB textual models"*)[87]. Правоту данного заключения подтверждает, в частности, фрагментарная надпись Rb XIV/90 n° 170 = СОЙКЭ 2485, резчик которой вместо 𐩠 (в местоименном суффиксе 𐩥𐩠) начал выбивать 𐩨,

указывают на существование там ее храма (Седов 2005. С. 254). Надпись из Ḥурайды CT 3, где З̱āт Ḥимйам упомянута в финальной инвокации (стк. 2-[3]: *w-b/Ḏt-Ḥ|[mym]*), нет оснований связывать с каким-либо ее святилищем.

[85] Однако ср. Sedov 2005. P. 107, где они датированы не столь определенно: "close to the middle of the 1st millennium BC".

[86] См. выше главу I, раздел 3 (прежде всего таблицу 1 в нем).

[87] Avanzini 1992. P. 16. Ср.: Frantsouzoff 2001a. P. 51; Frantsouzoff 2003a. P. 44.

Правда, в хадрамаутский из сабейского вошел также ряд специальных терминов, таких, например, как *'wdn* — «слой каменной кладки» (Французов 2005. С. 19, примеч. 75).

Ил. 3. Надпись Rb XIV/90 n° 170 = СОЙКЭ 2485

а затем поверх него все же вырезал 𐩲 (ил. 3). Эту ошибку он сделал потому, что в устной речи райбунцев, даже в начале древнего периода, употреблялись только местоименные суффиксы на *s*[1], тогда как сфера применения сабейских суффиксов на *h* ограничивалась формуляром монументальных надписей. Еще один важный вывод, который позволяет сделать этот небольшой фрагмент, касается грамотности резчика, поскольку только человек, знавший не просто как произносится, но и как пишется хадрамаутское слитное местоимение 3 л. м. р. ед. ч., мог допустить подобную оплошность (Французов 2009а. С. 68, 69–70; Французов 2012. С. 67, 68).

Кроме того, необходимо отметить, что в структуре хадрамаутских личных и родовых имен, среди составных элементов которых присутствуют глагольный префикс *h-* и местоименный суффикс *-hmw*, нет никаких следов их аналогов на *s*[1]. Антропонимы с каузативной приставкой и окончанием на *-hmw* довольно распространены в надписях Райбӯна (Французов 2009а. С. 123, примеч. 30; Французов 2012. С. 118, примеч. 30). В этом смысле хадрамаутский ономастикон не является исключением: та же самая закономерность прослеживается в маинской и катабанской антропонимике при том, что в соответствующих эпиграфических языках показатель каузатива и слитные местоимения также образуются при помощи *s*[1]. Появление подобных имен невозможно объяснить одними лишь заимствованиями из сабейского: например, подавляющее их большинство, отмеченное в райбунской антропонимике, в сабейских текстах не обнаружено, за редким исключением, как в случаях с *Hqm*, *Hwḏʿhmw* и *Hwfʾl* (Французов 2009а. С. 198, 199: № 194, 200, 202; Французов 2012. С. 202, 203: № 195, 201, 203). Восприятие хадрамаутцами и другими соседями сабейцев не самих имен,

а словообразовательных моделей, характерных для ономастикона Сабы, должно было происходить на заре южноаравийской истории, быть может, за несколько столетий до зарождения в VIII в. до н. э. монументальной письменности. Оно указывает на изначальное культурное доминирование сабейцев, которое, по всей видимости, напрямую было связано с их решающей ролью в формировании цивилизации древнего Йемена (Французов 2005. С. 15–16).

4. *МУКАРРИБЫ* И *МАЛИКИ* (ЦАРИ) — ВЕРХОВНЫЕ ПРАВИТЕЛИ ХАДРАМАУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Как уже отмечалось выше, в начале I тысячелетия до н. э. в Южной Аравии сложились государственные образования двух типов: около десятка городов-государств, которые изначально возникли, по-видимому, в разных частях древнего Йемена[88], но обрели стабильность только в области ал-Джауф, и четыре территориальных государства — Саба, Аусан, Катабан и Хадрамаут[89]. В городах-государствах глава носил титул малика (*mlk*) соответствующего города, который принято переводить как «царь», поскольку в них рано наметилась стойкая тенденция к формированию типичной для Древнего Востока архаической наследственной монархии. К настоящему времени выяснено, что власть царя стала передаваться от отца к сыну в Нашшāне[90], Хараме[91] и Каминахӯ[92] еще в конце VIII — начале VII в. до н. э.[93]

Иная организация верховной власти была характерна для южноаравийских территориальных государств эпохи ранней древности. Древней Сабой, о которой больше всего сохранилось сведений, правили властители, имевшие титул «мукарриб Сабы» (*mkrb/S¹b'*)[94]. Единственное упоминание мукарриба Аусана

[88] См., например, упоминание города-государства Тамна‘ (*Tmn'(m)*) и его правителя, носившего титул *mlk/Tmn'*, в DAI Ṣirwāḥ 2005–50/2, 3.

[89] По-видимому, к ним следует добавить государство Да‘ма (*D'mt*), возникшее под сабейским влиянием на территории Эритреи и эфиопской провинции Титрай.

[90] Во второй половине VIII в. до н. э. там пришла к власти династия Лабу’идов (Лабу’āнидов), представители трех поколений которой упомянуты в эпиграфических источниках. Правда, среди них лишь за Сумхуйафа‘ Йасирāном, сыном Лабу’āна, царский титул (*mlk/Ns²n*) непосредственно засвидетельствован (Avanzini 1995. P. 32–33; Arbach, Audouin, Robin 2004. P. 24, 39–40; Arbach, Audouin 2007. P. 20).

[91] Здесь обнаружен по крайней мере один случай передачи царской власти по наследству: Ватар’ил Ẓахрāн, царь Харама, являлся сыном Йаẓмурмалика, царя Харама (Robin 1992b. P. 51–52, 58).

[92] По всей очевидности, цари Каминахӯ Набаṭ‘алī Амар и Илīсами‘ Набаṭ являлись отцом и сыном (Robin 1992b. P. 159–162).

[93] Сумхуйафа‘, царь Нашшāна, Набаṭ‘алī, царь Каминахӯ, и Йаẓмурмалик, царь Харама, были современниками сабейского мукарриба и малика Кариб’ила Ватара, сына Ẓамар‘алī, покорившего большую часть Южной Аравии в начале VII в. до н. э. (Avanzini 1995. P. 34).

[94] Этимология термина *mkrb* остается неясной, как, впрочем, и его чтение (варианты *мукриб* или *макраб* нельзя исключить). Одно из его традиционных сабеистических толкований представлено, например, в Biella 1982. P. 251: «collector of sacred taxes, title of Sab ruler referring to his function

(*mkrb(/)'ws¹n*) обнаружено в надписи ас-Саḳḳāф 1 = CSAI III, 1/3. Судя по эпиграфическим источникам I тысячелетия до н. э., мукаррибы Катабана и Хадрамаута также стояли во главе соответствующих государств; правда, среди катабанских и хадрамаутских верховных правителей этого периода довольно часто встречались те, кто носил титул не мукарриба, а малика[95]. В раннем Сабейском государстве подобного чередования мукаррибов и маликов у власти не наблюдается, и «период (традиционных) царей Сабы» (V–I вв. до н. э.) хронологически четко следует за «периодом мукаррибов Сабы» (VIII–VI вв. до н. э.)[96]. Вместе с тем в самом начале надписей, повествующих о победоносных военных кампаниях сабейских мукаррибов Йаṯа‘’амара Ватара, сына Йакрубмалика, и Кариб’ила Ватара, сына Ẓамар‘алī, указано, что каждый из этих правителей предпринял боевые действия «в бытность свою маликом (царем)» (DAI Ṣirwāḥ 2005–50/1, RES 3945/1: *b-mlk-hw*). Интересно, что в RES 3946, составленной тем же Кариб’илом Ватаром и сообщающей о предпринятых им мерах по обустройству завоеванных земель, это выражение не использовано. Таким образом, единственный известный с конца XIX в. контекст с формулой *b-mlk-hw*[97] дал толчок к долгой дискуссии о соотношении функций и полномочий мукаррибов и маликов[98]. К концу 60-х гг. XX в. лучше всего аргументированной представлялась позиция, сформулированная А. Г. Лундиным в его докторской диссертации, вскоре изданной в виде монографии: «…и мукаррибы и цари первоначально были племенными вождями, главами сабейского союза племен, но с разными функциями. В функции мукарриба входила исполнительная власть, т. е. обеспечение благополучия общины как рациональными, так и иррациональными средствами; отсюда сакральная и строительная функции как основные виды деятельности. В функции царя входила законодательная власть, включавшая

---

as collector and distributor of taxes for public works». Часть современных исследователей склоняется к иной его интерпретации — «объединитель» (см. Robin 1991b. P. 55: «fédérateur»; Robin 1996a. Col. 1048: «fédérateur /ou rassembleur/»).

[95] В случае с Катабаном до нас практически не дошло ранних надписей его властителей с титулатурой. Так, без какого-либо титула выступает автор двух кратких строительных надписей (MuB 524, 525 = CSAI I, 2, 3), датируемых концом VIII — началом VII в. до н. э., Варау’ил (*Wrw'l*), который, по всей видимости, идентичен правителю Катабана, упомянутому в RES 3945/13 (впрочем, также без титула). Таким образом, вопрос о том, был он мукаррибом или маликом Катабана, остается открытым. Наиболее ранним катабанским правителем, титул которого нам известен, оказывается царь Катабана (*mlk/Qtbn*) Йада‘’аб Ẓубйān Йухаргиб, сын Шахра, автор Ja 405 = CSAI I, 9, палеографически датируемой VI–V вв. до н. э. (см. выше примеч. 73 к данной главе). Приблизительно к этому же периоду относится и старейшая надпись мукарриба Катабана, имя которого, к сожалению, утрачено (MuB 457 = CSAI I, 15/1–2: *[.../.../bn/]Ḏmr'ly|mkr<b>/[Q]<tb>n/[w-]<w>l<d>/'m/...*).

Что касается Хадрамаута, то сведения о его верховных правителях I тысячелетия до н. э. см. в таблице, приведенной ниже, в конце данного раздела.

Следует отметить, что Муратти‘, сын мукарриба Аусана Ẓакар’ила Лаḫайāна, в RES 3945/5 упомянут как *mlk*. Однако в данном случае трудно сказать, носил ли он и в самом деле титул малика или же ему приписали его сабейцы.

[96] См., например: Robin 1996a. Col. 1116; Коротаев 1997. С. 6.

[97] Как известно, надпись DAI Ṣirwāḥ 2005–50 была обнаружена несколько лет назад.

[98] История этого вопроса на начальном этапе развития сабеистики подробно освещена в Бауэр 1964.

и предводительство ополчением, т. е. военную функцию. Естественно, что должность мукарриба, требовавшая повседневного исполнения функций, была постоянной, а должность царя, исполнявшаяся в экстраординарных случаях, — временной, и замещалась она не всегда, а лишь в случаях необходимости» (Лундин 1971. С. 200). Правда, определение власти мукарриба как «исполнительной», а малика — как «законодательной» вряд ли можно признать удачным: ведь в древности, да и в Средние века разделения властей в таком смысле не существовало. Кроме того, сравнение мукарриба с шумерским *энси* (Лундин 1971. С. 199) справедливо лишь отчасти, поскольку энси был главой города, градоначальником с сакральными функциями, тогда как мукарриб возглавлял обширную федерацию, на территории которой находились десятки поселений городского типа.

Около полутора десятилетий тому назад Кр. Ж. Робен выдвинул гипотезу, согласно которой титул мукарриба был выше, чем титул малика, и означал, что его обладатель господствует над всей Южной Аравией или по крайней мере претендует на такое господство, а потому в одно и то же время в этом регионе мог быть, как правило, только один мукарриб (Robin 1994a. P. 106; Robin 1996a. Col. 1150–1151)[99]. Однако против нее можно выдвинуть целый ряд серьезных возражений. Во-первых, в древнем мире всякий титул, обладание которым считалось особо престижным и связывалось с господством над определенной территорией был конкретизирован, т. е. включал в себя упоминание определенного города или области (областей), как, например, «царь Киша», «царь Шумера и Аккада» или «царь Вавилона, царь стран» в древней Месопотамии. Было бы понятно, если бы в Южной Аравии аналогичную роль стал выполнять титул «мукарриб Сабы», но этого-то как раз и не наблюдается. Трудно предположить, что правитель, провозгласив себя «мукаррибом Хадрамаута», вкладывал в эту титулатуру притязание на гегемонию над остальными древнейеменскими государствами, поскольку Хадрамаут не только никогда реально не владел всей Южной Аравией, но, судя по надписям, и не ставил перед собой такой задачи, не располагая для этого достаточной военной и экономической мощью[100]. Пространная титулатура катабанского мукарриба Йада‘’аба Зубийāна Йухан‘има, сына Шахра[101], включающая в себя все значительные территории, на которые простиралась его власть[102], также указывает на то, что сам по себе титул *mkrb* претензии на гегемонию даже над частью Южной Аравии ни в коей мере не содержал. И уж совсем невероятно, чтобы в раннем государственном

[99] Его гипотеза была поддержана рядом сабеистов (см., например: Коротаев 1998б. С. 90, примеч. 4; Avanzini 2008b. P. 626).

[100] См. об этом подробнее главу III, раздел 1.

[101] См. о нем выше примеч. 73 к данной главе.

[102] См., например, RES 3880 = CSAI I, 26/1–2: *mkrb/Qtbn/w-k[l/w|ld/]ʻm/w-ʼwsˡn/w-Kḥd/w-Dhsˡᵐ/w-Tbnw*; MAFYS — Tamnaʻ 1 = CSAI I, 18/1-[2]: *mkrb/Qtbn/w-kl/wld/ʻm/w-ʼwsˡn/w-Kḥd/w-Dhsˡᵐ/w-|[Tbnw]*. По мнению Фр. Брона, к «детям ‘Амма» (*wld/ʻm*) относились жители областей Мадҳӣ, Радмāн и Ҳаулāн, расположенных непосредственно к югу и юго-западу от вади Байҳāн, в котором находилась столица Катабана, Каҳад соответствует современной области Дасӣна, Дахас — области Йāфи‘, Тубанӯ — вади Тубāн (Bron 1999. P. 71).

образовании, которое возникло на основе сабейской колонии и существовало с VIII по VI вв. до н. э. в северо-восточной части Эфиопского нагорья[103], правители, именовавшие себя *mkrb/D'mt/w-S¹b'* (RIE 5/1, 8/1–2, 10/4–5)[104], оспаривали власть над лежащими на другом берегу Красного моря южноаравийскими землями, сохраняя при этом постоянные контакты с метрополией[105]. Во-вторых, данные эпиграфики при ближайшем рассмотрении не подтверждают умозрительное представление о том, что мукарриб на всю Южную Аравию в данный отрезок времени мог быть только один. Так, мукарриб Хадрамаута Йада''аб Ḡайлāн, сын Сумхурийāма, судя по палеографии его единственной надписи MM 219, явно был современником мукаррибов Сабы. Чередование мукаррибов и маликов в списках катабанских и хадрамаутских верховных правителей пока не удается увязать с периодами возвышения и ослабления Катабана и Хадрамаута. Да и сами эти списки заполнены едва ли на одну десятую. При столь серьезном недостатке информации гипотезы, подобные той, что выдвинул Кр. Ж. Робен, не могут быть подкреплены заслуживающими доверия аргументами.

С другой стороны, заключение А. Г. Лундина, согласно которому мукарриб мог временно возлагать на себя функции малика, находит подтверждение в надписи Ja 892 A, происходящей с территории Дофара, из хадрамаутского поселения Са'нӯн (*S¹'nn*). В ней сообщается о том, что решение оракула, которое бог Сийāн дал группе людей из своего храма в Са'нӯне, что в Дофаре, было исполнено в храме Алīм в Шабве от имени «малика Сумхурāма, мукарриба Хадрамаута» (стк. 8–9: *b|<n>-mlk/S¹mhrm/mkrb/Ḥḍrm<t>*), к сожалению, не названного по имени[106]. Наличие в хадрамаутской колонии в земле Са'калāн, как тогда называли Дофар, регулярного войска Хадрамаута (Khor Rori 1/6, 2/7:

[103] О датировке периода существования этой колонии в соответствии с «долгой» хронологией см.: Французов 1995a; Robin 1996a. Col. 1123–1124.

[104] *S¹b'* в этом титуле явно использовано не как топоним, а как этноним и обозначало сабейцев, постоянно обитавших на территории этой колонии. Известен и более краткий титул — «мукарриб Да'мы» (RIE 9/1–2, где реконструкция *m[krb/]D'mt* представляется весьма надежной).

[105] Так, в ряде эфиосабейских надписей упоминаются выходцы из Мариба (RIE 26, 27, 30, 39) и Ҳадаḳāна, сабейского поселения на Йеменском нагорье (RIE 55, 56).

[106] Перевод этого выражения предлагаемый А. Аванцини: «(in relation to) the dominitions of Sumhuram, mukarrib of Ḥaḍramawt» (Avanzini 2008b. P. 630), — категорически неприемлем, хотя в южноаравийских эпиграфике *mlk* может означать не только «царь», но и «царская власть, царствование (kingship, reign / royauté, règne)» и даже «собственность, владение (property, possession, domain / propriété, biens, domaine)» (Beeston et al. 1982. P. 85–86; ср.: Ricks 1989. P. 97). Однако за термином *mlk* в значении «владение», как правило, следует имя божества, и нет ни одного контекста, где бы оно сочеталось с именем правителя. Кроме того, Сумхурāм в этом контексте — несомненно порт и главный город хадрамаутской колонии в Дофаре, а не имя мукарриба. Именно так заключительную часть надписи Ja 892 A понимали впервые опубликовавший ее А. Жамм и переиздавший ее В. В. Мюллер: «at the request of the king of Sumhurâm, the moukarrib of Ḥaḍramawt» (Jamme 1967. P. 146); «auf Geheiß des Königs von Samahārum, des Mukarribs von Ḥaḍramūt» (Wissmann /Müller W./ 1977. S. 27). Поэтому иначе как недоразумением не объяснить попытку А. В. Седова со ссылкой на обе эти работы истолковать *mlk s¹mhrm mkrb ḥḍrmt* как «царь Самхарам, *мукарриб* Хадрамаута» (Седов 1998a. С. 74). Впрочем, интерпретировать *S¹mhrm* в этом выражении в качестве имени царя одно время предлагала и А. Аванцини (Avanzini 2002b. P. 22–23).

gys²/Ḥḍrmt/b-'rḍ/S¹'kl(ḥ)n) наводит на мысль о том, что в обязанности местного малика входило прежде всего военно-политическое руководство этим войском[107].

Предложенная несколько лет назад автором этих строк параллель между принципами организации верховной власти в древнем Йемене и Эламе, где «вплоть до конца первой половины II тысячелетия до н. э. существовало как бы троевластие, когда во главе государства стояли суккалмах («великий посланник»), суккал («посланник») и царь» (Юсифов 1968. С. 383)[108], не кажется удачной даже с учетом того, что речь шла «исключительно о типологическом, а не о генетически обусловленном сходстве эламских и южноаравийских институтов» (Французов 2005. С. 16, примеч. 64). При таком подходе не принимается в расчет важное замечание А. Г. Лундина, сделанное на наиболее репрезентативном материале — сабейском, о том, что должность мукарриба была постоянной, а должность малика — экстраординарной, замещаемой лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Если уж проводить здесь аналогию (в любом случае достаточно условную), то малика в Сабе «эпохи мукаррибов» можно сравнить с диктатором в Римской республике. Как известно, данная магистратура вводилась временно на срок до шести месяцев[109], как правило, в связи с внешней угрозой, а ее носитель наделялся на этот срок неограниченной властью.

Напрашивается предположение, что при формировании территориальных государств входившие в их состав города-государства и области (номы) смирились с упразднением института собственных маликов при условии, что власть верховного правителя объединенного государства — мукарриба — будет ограничена прежде всего в военной сфере, однако в случае появления угрозы извне мукаррибу предоставлялось право временно принять на себя важнейшую функцию малика, т. е. возглавить вооруженные силы государства. В Сабе такой порядок сохранялся по крайней мере до конца VI в. до н. э., но в Катабане и Хадрамауте значительно раньше наметилась тенденция к превращению власти малика из временной в постоянную: возможно, ставший маликом мукарриб стремился закрепить за собой этот новый титул, который давал его обладателю больше реальной политической власти.

Судя по некоторым данным, и мукарриб, и малик в территориальном государстве изначально являлись скорее верховными магистратами, чем монархами в полном смысле слова. Их власть, вероятно, далеко не всегда передавалась по наследству. На это указывает, в частности, сохранившееся у Страбона (Strab. Geogr. XVI, 4, 3) свидетельство Эратосфена Киренского (ок. 285-280–194 гг. до н. э.), согласно которому, в южноаравийских государствах «царство…

---

[107] Следует отметить, что в обеих надписях упоминается непосредственный командир этого войска с титулом *qdm* — Абййаса‘ Салҳан, сын Замар‘алй.

Подробнее о колонии Хадрамаута в Дофаре см. главу III, раздел 2.

[108] Подробнее об этом явлении см.: Юсифов 1968. С. 63–84.

[109] Диктатура Суллы, существенно превысившая это ограничение, была установлена в период упадка и разложения республиканского строя в Риме.

наследует не сын от отца, но сын какого-нибудь знатного человека, первым родившийся после избрания царя», для чего «вместе с избранием кого-нибудь на царство составляют список беременных жен знатных людей и приставляют к ним стражу для наблюдения, которая из них первой родит; по закону сына этой женщины царь усыновляет и воспитывает по-царски как будущего наследника» (Страбон /Стратановский/ 1994. С. 711). А. Г. Лундин попытался показать, что такой порядок престолонаследия был характерен именно для Катабана, а не для Сабы, и связал его с системой возрастных классов, описанной историками и этнографами на восточноафриканском материале, например у оромо (в геэзо-амхарской традиции — галла) на Африканском Роге и у некоторых суахилиязычных народов (система *ndugu*). В качестве аргумента в пользу своей гипотезы он привел толкование одного из титулов катабанских правителей *bkr/'nby/w-Ḥwkm* как «перворожденный (божественной четы) Анбая и Ḫаукам», сделав акцент на принципе «первородства» но не в семье, а в поколении (Лундин 1977; Лундин 1978; Lundin 1981). Его идея о том, что система возрастных классов в Восточной Африке могла появиться под прямым или косвенным южноаравийским влиянием (Лундин 1977. С. 280; Лундин 1978. С. 130), представляется сомнительной; по всей видимости, речь тут следует вести исключительно о типологическом сходстве[110]. Кроме того, были обнаружены некоторые данные, заставляющие предполагать, что порядок престолонаследия, описанный у Страбона, мог действовать и в древней Сабе (Garbini 1991). В пространном комментарии на статью А. Г. Лундина о «сильном человеке» в раннесабейской политической элите Сумхурийāме, сыне мукарриба Кариб'ила и брате мукарриба Сумху'алая (Лундин 1998б), А. В. Коротаев довольно уверенно предположил, что в древней Сабе сыновья мукаррибов с «нецарскими» именами (типа Сумхурийāм)[111], указывающими на то, что они не были предназначены для верховной власти, являлись их родными сыновьями, тогда как лиц с «царскими» именами, называющих мукаррибов своими отцами, следует рассматривать как их приемных детей, усыновленных в соответствии с приведенной у Страбона схемой (Коротаев 1998б. С. 93). Кр. Ж. Робен при рассмотрении правил перехода верховной власти в Сабе от одного правителя к другому более осторожен в своих выводах, но и по его признанию, «то, что престолонаследие осуществлялось непременно от отца к сыну, ничем не подтверждается» и в период мукаррибов эта система, по-видимому, была «более сложной, чем простая передача власти от отца к сыну» (Robin 1996a. Col. 1153–1154).

Из текста Страбона следует, что престолонаследие, основанное на системе возрастных классов, существовало и в Хадрамауте, однако каких-либо прямых аргументов в пользу этого предположения в надписях найти не удалось.

---

[110] Обоснование этой позиции дано в Коротаев 1998б. С. 93–94, примеч. 21.

[111] Мукаррибы Сабы могли носить только шесть имен (Кариб'ил, Йада''ил, Сумху'алī, З̲амар'алī, Йаса''амар, Йакрубмалик) и четыре эпитета (Ватар, З̲ариḫ, Йанӯф, Баййин), которые были строго табуированы для других лиц (Лундин 1971. С. 183–184).

Нужно также иметь в виду, что, согласно эфиосабейской надписи RIE 1, возведение в достоинство малика могло происходить по воле божеств, очевидно, находившей свое выражение в оракуле[112].

Еще один важный вопрос, касающийся верховных правителей в древней Южной Аравии, связан с тем, было ли пребывание мукарриба или малика у власти пожизненным или ограничивалось определенным сроком. Поставивший его Кр. Ж. Робен вынужден был признать, что для ответа на него пока нет практически никаких данных, если не считать, что автор Ja 550 = CIH 375 исполнял обязанности ḳайна[113] при четырех, а автор Ja 555 — при пяти царях Сабы (Robin 1996a. Col. 1154). Правда, оба эти случая могут объясняться как тем, что часть этих правителей умирала спустя сравнительно непродолжительное время после вступления на престол, так и тем, что некоторые из них были соправителями.

Упоминания мукаррибов или маликов Хадрамаута в эпиграфических памятниках встречаются сравнительно редко. В таблице, относящейся к данному разделу, использованы девять надписей, составленных верховными правителями Хадрамаутского государства (MM 219; Arbach–Bāfaqīh al-‘Uqla 1; Ma‘īn 8 = RES 2775; Ša‘ab al-layl; Hamilton 2 A–B + Shabwa S/75/128) или содержащих их имена и титулы (RES 3945; ‘Uqayba 5; RES 3869; ‘Uqayba 3). Непременным критерием для включения в таблицу была возможность палеографической датировки надписи, поэтому туда не вошел фрагментарный текст as-Sawdā’ 85 = RES 2928 (стк. 1–3: *[m]l(k/M)‘n^{m}/w-|[Yd]‘’b/(G̃)yl[^{n}]|mlk/Ḥḍrm[wt]*), известный только по копии Ж. Галеви[114]. Что касается наскальной надписи ‘Uqayba 2, которую можно датировать V–IV вв. до н. э., то в ней сохранился только титул (стк. 2–3: *ml|k/Ḥḍrmt*), но не имя хадрамаутского царя. Лишь фрагменты имен правителей Хадрамаута уцелели в Shabwa Chantier VI, 1976 n° 81 (стк. 1: *Yd‘*), Shabwa n° 3 (стк. 2–3: *’l[…|ml]<k>/Ḥḍrmt*) и Shabwa S/75/125 (*Yd‘*), относящихся к III–I вв. до н. э.[115]

---

[112] Именно так нужно понимать выражение *ywm/hmlkhmw/‘s^{1}tr/w-Hbs^{1}/w-’lmqh/w-Ḏt-Ḥmym/w-Ḏt-B‘dn/w-’b-k/Wd^{m}* — «когда поставили их маликами ‘Астар и Хубас и Алмаḳах и З̱āт Ҳимйам и З̱āт Ба‘дān и подлинно отец Вадд» (RIE 1/4–7). Местоименный суффикс *-hmw* («их») относится здесь к автору надписи, малику Ва‘рāну Ҳайвату и ко всему его роду *bn/S^{1}lm^{m}/Fṭr^{n}* (но, конечно, не к его жене, также упоминаемой в этом тексте). Дело в том, что в отличие от Южной Аравии, где родовая принадлежность маликов и мукаррибов никогда не указывалась, ибо они стояли как бы над родами (см.: Коротаев 1997. С. 117–118), у правителей государства Да‘ма в Эфиопии выделяются по крайней мере два рода (один уже упомянутый и другой, нисба, который записывался как *Yg‘ḏy^{n}*; ср.: RIE 1 и 9, RIE 5 и 8).

[113] О должности ḳайна речь пойдет в следующем разделе данной главы.

[114] Эта копия выполнена довольно небрежно (искаженные знаки взяты в круглые скобки), вследствие чего чтение *Yd‘’l/Byn*, предложенное для имени хадрамаутского царя Мунйром ‘Арбашем и Муҳаммадом ‘Абд ал-Ḳāдиром Бā Фаḳйхом (Arbach, Bāfaqīh 1998. P. 119), нельзя исключать, однако с учетом распространенности этого антропонима и эпитета среди правителей Хадрамаута его отождествление с Йада‘’илем Баййином, сыном Сумхуйафа‘, упомянутым в RES 3869 (Ibid. P. 126), представляется необоснованным. Строго говоря, на датировку as-Sawdā’ 85 есть лишь единственное бесспорное указание — время существования государства Маин (VI–I вв. до н. э.).

[115] Утверждение Ж. Пиренн о том, что состоящий всего из трех символов фрагмент Shabwa S/75/125 относился к монументальной надписи, явно составленной тем же верховным правителем, что Hamilton

В таблицу не включена также катабанская надпись ‘Арбаш–Сай’ӯн 1, повествующая о боевых действиях, предпринятых в I в. до н. э. по приказу царя Катабана Йада‘’аба Зубйāна Йухан‘има, против правителя (не ясно, царя или мукарриба) Хадрамаута Йада‘’аба Ḏайлāна. С палеографической и историко-филологической точек зрения она детально рассматривается в последнем разделе настоящей главы вместе с другими эпиграфическими памятниками, относящимися к катабано-хадрамаутским войнам конца I тысячелетия до н. э. Следует отметить, что отождествление упоминаемого в ней Йада‘’аба Ḏайлāна (стк. 5) с автором ‘Uqayba 3 возможно, но далеко не обязательно, учитывая распространенность этого имени и этого эпитета среди носителей верховной власти в Хадрамауте и крайнюю скудость сведений о них.

В таблице предпринята попытка расположить верховных правителей Хадрамаута I тысячелетия до н. э. в хронологическом порядке, основываясь на сабейско-ассирийском и минейско-египетском синхронизмах и на палеографических особенностях тех надписей, в которых эти правители упомянуты. Для большей наглядности отобраны 13 знаков, которые встречаются в подавляющем большинстве этих памятников эпиграфики: их отсканированные копии приведены для каждой надписи. Они сгруппированы, исходя из принципа сходства очертаний, уже использованного при палеографическом анализе эпиграфических памятников из североймеменской области Нихм (Frantsouzoff /à paraître/a, chapitre 2), при этом символы южноаравийского алфивитного письма были разделены на «прямоугольные» (𐩱, 𐩲, 𐩳, 𐩴), «ступенчатые» (𐩵, 𐩶), «с чашечкой (à calice)» (𐩷, 𐩸), дуго- и зигзагообразные (𐩹, 𐩺), «линейные» (𐩻, 𐩼), в том числе с кружками (𐩽).

Если время составления RES 3945 определяется благодаря сабейско-ассирийскому синхронизму, то на датировке MM 219 следует остановиться подробнее. В целом шрифт этой надписи характерен для начальной фазы древнего периода (An. I). Наличие в ней наряду с закругленным заостренного *r* и с закрытым чуть открытого *m* можно было бы рассматривать как первые признаки постепенного перехода к следующей стадии в развитии письма, однако более широкие знаки, чем в RES 3945, строго горизонтальные перекладины в *n* и апексе *алифа*, крупные «чашечки» в *h* и *ḥ*, кружок большого диаметра в *y* являются весьма архаичными палеографическими чертами. Поэтому несмотря на приблизительную датировку MM 219 VII–VI вв. до н. э. нельзя исключать того, что она могла быть составлена несколько раньше, чем RES 3945.

В случае с Arbach–Bāfaqīh al-‘Uqla 1 речь идет о полустершемся наскальном тексте с иррегулярным шрифтом. Угловатая (а не закругленная) «чашечка» *ḥ* типична для архаичной разновидности этого знака при том, что в надписи одновременно встречаются открытое и закрытое *m*. Как уже отмечалось выше[116],

2 A–B + Shabwa S/75/128 (Pirenne 1990. P. 58), кажется не обоснованным; во всяком случае одного сходства знаков для такого вывода недостаточно.

[116] См. предыдущий раздел.

нельзя с ходу отвергать заманчивую возможность отождествления ее автора, царя Хадрамаута Йада‘’ила Баййина, с хадрамаутским правителем Йада‘’илом, упомянутым без титулатуры в RES 3945/12, хотя аргументов, подтверждающих такую гипотезу, пока тоже не найдено.

В наскальной надписи ‘Uqayba 5 обнаруживаются и угловатые, и закругленные «чашечки» *h* и *ḥ*; помимо этого, такие характерные черты ее палеографии, как заметный наклон перекладин в *n* и апексе *алифа*, заостренное *r*, маленький кружок в *y* и особенно наличие наряду с закрытым не просто открытого, но и закругленного слева *m* позволяют с уверенностью отнести ее к заключительной фазе древнего периода (An. II). Большая часть этих признаков отмечена в Ma‘īn 8 = RES 2775 и RES 3869, датировка которых опирается в первую очередь на минейско-египетский синхронизм.

Ряд палеографических особенностей наскальной надписи Ša‘ab al-layl, к числу которых относятся начилие только угловатого *r* и открытого *m* (как заостренного, так и закругленного слева), а главное — выгнутый наружу (а не прямой) «носик» *k*, дают возможность рассматривать ее как переходный тип между An. II и поздним периодом (R.) в соответствии с относительной хронологией, разработанной на райбунском материале.

Знаки еще одного наскального текста, ‘Uqayba 3, типичны для шрифта позднего периода с расширенными пропорциями знаков: особо следует отметить утолщения на концах вертикальных линий в большинстве из них, а также в том месте, где заостряется *r*. Шрифт этого периода с суженными пропорциями знаков засвидетельствован в Hamilton 2 A–B + Shabwa S/75/128: налицо такие его признаки, как закругленное слева открытое *m* и *t*, точка пересечения линий в котором превратилась в вертикальный сегмент. Однако *r* с загнутыми книзу концами, появившееся в стк. 1 фрагмента Shabwa S/75/128 (см.: Pirenne 1990. Pl. XLVII b), в райбунской эпиграфике не обнаружено; обычно оно встречается, начиная с первых веков н. э.

Согласно анализу ономастических данных по верховным правителям Хадрамаута I тысячелетия до н. э., собранным в таблице, у них выявлено шесть личных имен (Йада‘’аб, Йада‘’ил, Сумхурāм, Шахр, Илīсами‘, И[лī]йафа‘) и четыре эпитета (Ġайлāн, Баййин, ‘Алхāн, Зубйāн), т. е., на первый взгляд, получается та же картина, что и с сабейскими мукаррибами[117]. Однако это — случайное сходство, ибо в отличие от Сабы информация по носителям высшей власти в Хадрамаутском государстве характеризуется крайней неполнотой: едва ли до нас дошли упоминания хотя бы о 10% его мукаррибов и маликов. Если учесть имена его правителей I–III вв. н. э., то приведенный выше список придется расширить за счет таких имен, как Илī‘азз / Илī‘азз (*’l‘ḏ / ’l‘z*)[118], Йашхур’ил

[117] См. выше примеч. 111 к данной главе.

[118] Его носили как минимум три царя Хадрамаута, два из которых правили в I в. н. э. (Écluse A, l. 2; Hamilton 8/2; Khor Rori 1/1, 2/2; RES 4693/2, 3 и неопубликованная MuB /Musée de Bayḥān/ 40), а третий — в начале III в. н. э. (Ja 918/2, 919/6, 921/1, 923/2, 925/4, 926/4, 928/5, 931/5 и, очевидно, RES 4691/4, Shabwa S/77/Mahdi, l. 3). См. о них подробнее главу III, разделы 1–3.

(*Ys²hr'l*)[119], Илīрийāм (*'lrym*)[120], и таких эпитетов, как Йалуṭ (*Ylṭ*)[121], Йадӯм (*Ydm*)[122] и, возможно, Йухар‘иш (*Yhr‘s²*)[123]. Следует подчеркнуть, что имя Йада‘’аб непременно сочетается с эпитетом Ḡайлāн, Йада‘’ил — с Баййин, а Илī‘аз̲з̲ / Илī‘азз — с Йалуṭ[124]. Такого жесткого соответствия между именами и эпитетами неизвестно ни в Сабе, ни в Катабане. При этом эпитет З̲убйāн не был связан с конкретным именем, ибо он засвидетельствован у двух царей, Илīсами‘ и Илīйафа‘.

Три личных имени хадрамаутских правителей и три их эпитета отмечены у носителей верховной власти в других южноаравийских государствах: имя Йада‘’ил и эпитет Баййин встречаются у сабейских мукаррибов, а имена Йада‘’аб и Шахр (правда без мīмации: *S²hr*, а не *S²hrᵐ*) и эпитеты Ḡайлāн и З̲убйāн засвидетельствованы у мукаррибов и маликов Катабана, причем оба этих антропонима были у катабанцев табуированы для других лиц (Лундин 1977. С. 279). Возникает вопрос о том, существовало ли табуирование имен правителей в древнем Хадрамауте? В отношении антропонимов Йада‘’аб, Йада‘’ил[125], Сумхурāм, Илī‘аз̲з̲ / Илī‘азз и Йашхур’ил следует дать, скорее, положительный ответ, тогда как имена Шахр (*S²hrᵐ*), Илīсами‘, Илīйафа‘ и, по-видимому, Илīрийāм могли носить и простые хадрамаутцы[126]. По всей видимости, с этой точки зрения Хадрамаут был схож с Катабаном, правителям которого, как показал А. Г. Лундин, наряду с табуированными антропонимами давали имена, встречающиеся у других лиц (Лундин 1977. С. 279).

---

[119] Этот мукарриб Хадрамаута засвидетельствован лишь в KR 10/1. Восстановление его имени в Ja 2883/6 и RES 2687/1 остается гипотетическим (см. главу III, раздел 2).

[120] См.: Ja 984/3, 985/2, 986/3, 988/1, 992/3, 993/2. Что касается царей Хадрамаута Шараḥ’ила (*S²rḥ'l*) и Раббшамса (*Rbs²ms¹ᵐ*), упомянутых в надписи Ja 656/11–12, которая восходит к рубежу III–IV вв. н. э., то их имена относятся к тому периоду, когда сложившаяся система хадрамаутских «царских» имен могла нарушиться.

[121] См. те же контексты, что в примеч. 118 к данной главе.

[122] См. те же контексты, что в примеч. 120 к данной главе (только в Ja 984 см. стк. 4).

[123] Возможно, его носил мукарриб Йашхур’ил в RES 2687/1.

[124] На это уже было обращено внимание в Arbach, Bāfaqīh 1998. P. 113, n. 7.

[125] В случае с единственным упоминанием имени *Yd''[?]* в райбунской эпиграфике (во фрагменте Raybūn-Ḥaḍrān 60) остается не ясным, шла ли там речь о личном имени, которое могло принадлежать правителю Хадрамаута, или о патронимии, как, например, в Shabwa 15bis, автор которой, *Gwbⁿ/bn/Yd‘[']l*, по всей видимости, был сыном правителя (см. подробнее: Французов 2000в. С. 304–305; Frantsouzoff 2000. P. 260; Французов 2009а. С. 135–136; Французов 2012. С. 134–135).

Чтение родового имени *d̲-Yd''l* в начале стк. 1 KR 5 = Khor Rori 4, предложенное А. Аванцини (Avanzini 2002b. P. 132), вызывает сомнения, поскольку на фотографии эта строка практически полностью сбита (см.: Ibid. Fig. 8; Pirenne 1975. P. 88, pl. 3A). По нашему мнению, кроме *...'l* в данном имени вряд ли можно что-нибудь с уверенностью прочесть.

[126] Первые три имени см., например: Французов 2009а. С. 190 (№ 48 и № 59), 210 (№ 362); Французов 2012. С. 192, 193, 215, № 49, 60; 363. Что касается *'lrym*, то согласно фотографии Ja 944, опубликованной Ж. Пиренн (Pirenne 1990. Pl. LXXVI, N 6), на конце родового имени в стк. 2 этой надписи стоит *m*, а не *b*, как в издании А. Жамма, который уверенно читал его как *'lryb* (Jamme 1963. P. 48, pl. III). В случае с предпоследним знаком, напротив, предпочтительным является чтение А. Жамма, а не Ж. Пиренн (Pirenne 1990. P. 113: *'lrtm*, где вместо *t* явно должно быть напечатано *t̲*, которое по своей форме похоже на *y*: ср. 𐩱 и 𐩲).

Среди патронимий хадрамаутских верховных правителей I тысячелетия до н. э. обнаружены типичные «царские» имена (Йада‘’ил, Йада‘’аб), однако не ясно, идет речь о родных или приемных сыновьях. Лишь в одной надписи, Ma‘īn 8 = RES 2775, родственные отношения двух царей Хадрамаута четко обозначены: Шахр ‘Алхān, сын Йада‘’ила, был дядей по отцовской линии (*‘m*) Илīсами‘ Зубйāна, сына Малкīкариба. Что касается патронимии Сумхурийāм, то есть вероятность, что этот антропоним представляет собой вариант имени Сумхурāм, которое носил один из мукаррибов[127]. Остальные патронимии (Малкīкариб, Сумхуйафа‘, ‘Аммīзаҳир) не имеют соответствий среди известных нам имен правителей, однако делать из этого какие-либо выводы о традициях передачи верховной власти в Хадрамаутском государстве было бы опрометчиво, пока в нашем распоряжении не будет гораздо более полного списка его мукаррибов и маликов. В связи с этим следует подчеркнуть, что два имени, пока еще не отмеченные у правителей Хадрамаута, повторяются в качестве патронимий у двух различных его правителей:

— Сумхуйафа‘ у Йада‘’ила Баййина, соправителя Илīсами‘ Зубйāна, и у Йада[‘’аб]а Ғайлāна, автора ‘Uqayba 3;

— ‘Аммīзаҳир у И[лī]йафа‘ Зубйāна и у царя Илī‘азза (Илī‘азза) Йалуṭа, правившего в начале III в. н. э.[128]

Возможны по меньшей мере два объяснения этих совпадений: либо имена Сумхуйафа‘ и ‘Аммīзаҳир были «царскими», но пока не засвидетельствованы в качестве таковых, либо они были достаточно распространенными в том роде (или в тех родах), чьи представители занимали хадрамаутский престол.

Уникальным является упоминание двух сыновей хадрамаутского правителя Йада‘’аба Ғайлāна в ‘Арбаш–Сай’ūн 1/5: *Yd‘’b/Ḡyl^{n}/w-bn-s^{1}ww/’byṯ‘/w-‘rq^{m}/…* Имя‘Арḳ нигде больше в хадрамаутской эпиграфике не встречается[129], тогда как орфографический вариант имени Абīййаса‘ — Абīййаśа‘ (*’bys^{3}‘*) — носит отец мукарриба Хадрамаута в строительной надписи из вади Либнā, датируемой приблизительно I в. до н. э. — I в. н. э. (RES 2687/1)[130].

Сведения о функциях верховных правителей Хадрамаута, которые можно извлечь из использованных при составлении таблицы надписей, довольно скудны.

---

[127] Ср. хадрамаутское имя *’lrym* с *’lrm*, которое встречается в надписях, составленных на трех остальных эпиграфических южноаравийских языках (Harding 1971. P. 66). Не исключено, что имена *S^{1}mhrm* и *S^{1}mhrym* могли произноситься одинаково, как Сумхурāм, хотя использование *y* в качестве *mater lectionis* в середине (а не в конце) южноаравийских (а не заимствованных из иврита или арамейского) слов до сих пор не засвидетельствовано (Robin 2001a. P. 572–573).

[128] Эту патронимию он носит в Shabwa S/77/Mahdi, l. 4, а также в Ja 918/3, 919/7, 921/2, 923/3, 925/5, 926/4, 928/6.

[129] Сомнительно, чтобы во фрагменте RES 4183/3 *‘rq* было именем собственным или его частью, особенно если учесть, что в Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 253 a-e = СОЙКЭ 633/3 имя нарицательное *‘rqt^{m}* засвидетельствовано в значении «текстикулы (семенной канал?)» (см. подробнее: Французов 2009a. С. 86–87; Французов 2012. С. 85). Без мīмации оно отмечено в сафаитской антропонимике, а с нӯнацией — в качестве североаравийского личного имени и маинского «эпитета» и родового имени (Harding 1971. P. 416).

[130] См. о ней подробнее главу III, раздел 2.

MM 219 была высечена на двух боковых гранях прямоугольной призмы, находящейся над скульптурным изображением каменного козла, которое, судя по описи Мукаллинского музея, где оно сейчас хранится, происходит из Ḫурайды. По всей видимости, этот предмет был посвящен мукаррибом Хадрамаута Йада‘’абом Ḡайлāном, сыном Сумхурийāма, в храм Маз̲āб бога Сийāна в качестве ритуального дара. RES 3945/12 сообщает о дипломатической составляющей в деятельности хадрамаутского властителя Йада‘’ила, чей титул не упомянут, а Arbach–Bāfaqīh al-‘Uqla 1 — о малике Хадрамаута Йада‘’иле Баййине как о военачальнике. В остальных шести надписях правители этого государства оказываются связанными со строительными работами: с возведением некоего укрепления (*‘qbt*^{hn})[131] на проходе ‘Уḳайба к востоку от Шабвы, в верховьях вади ‘Ирмā, для мукарриба Сумхурāма ‘Алхāна (‘Uqayba 5), с описанным достаточно неопределенным по смыслу глаголом *f‘l* («делать, работать») действием, которое было предпринято спустя несколько столетий в том же месте для малика Йада‘’аба Ḡайлāна, сына [Сум]хуйафа‘ (‘Uqayba 3), с сооружением башни Ḫāриф (*Ḥrf*) в крепостной стене маинской столицы Ḳарнау (Ма‘īn 8 = RES 2775)[132], с ремонтом стен и башен крепости Майфа‘а (RES 3869)[133], с транспортировкой обтесанных камней (*m‘rb*) для постройки цоколя (*[rb]bt*)[134] своего дворца (замка) Шаб‘āн (*byt-s*^{1}*/S*^{2}*b‘*^{n}) маликом И[лī]йафа‘ З̲убйāном, сыном ‘Аммī̄з̲аḫира в IV–III вв. до н. э. (Ša‘ab al-layl), с подновлением оборонительной стены Шабвы на рубеже н. э. (Hamilton 2 A–B + Shabwa S/75/128). Интересно, что два фрагментарных текста, где имена правителей Хадрамаута не могут быть восстановлены, также являются строительными: в Shabwa Chantier VI, 1976 n° 81 сообщается о сооружении башен и куртин столичной крепостной стены (стк. 2–3: *[g]s*^{1}*m/mḥfd/w-ṣḥf/gn|’/hgr*^{n}*/S*^{2}*bwt*), а в Shabwa n° 3 — о ее ремонте[135]. Из всего сказанного выше вовсе не следует, что главной функцией верховных правителей Хадрамаутского государства в I тысячелетии до н. э. была строительная. Просто среди эпиграфических памятников этой эпохи надписи именно такого содержания оказались сравнительно широко представлены в столице и ее окрестностях.

Необходимо отметить, что иных упоминаний о царской резиденции, называвшейся Шаб‘āн, кроме как в Ša‘ab al-layl, не сохранилось и ее местоположе-

---

[131] К сожалению, поврежденное слово между *mbny* и *‘qbt*^{hn} в ‘Uqayba 5/2 надежному восстановлению не поддается: в копии Г. Инграмса его последние знаки переданы как *...s*^{2}*’n* (Pirenne 1990. P. 53, fig. 17), а в копии Ж. Пиренн — как *...s*^{2}*ḫ* (Ibid. P. 52, fig. 16). К сожалению, следов этого укрепления обнаружено не было. Может быть, под *‘qbt* в данном контексте подразумевалась «укрепленная (против обвалов) горная дорога» (ср.: Ibid. P. 54).

[132] См. подробнее раздел 9 данной главы.

[133] См. об этом подробнее в следующем разделе.

[134] Реконструкция данного строительного термина предложена автором этих строк. Его вариант *rbb*^{m} — «основание» — встречается в хадрамаутских надписях Khor Rori 1/3–4, 2/4; RES 2687/5.

[135] В ‘Uqayba 2, судя по употребленному там глаголу *qdm* (стк. 4), речь также шла, по всей видимости, о руководстве какими-то строительными работами. Содержание фрагмента Shabwa S/75/125, состоящего всего из трех знаков, которые образуют начало царского имени, разумеется, не может быть восстановлено.

ние не установлено. Хотя в ходе работ Французской археологической миссии на территории Шабвы в фундаменте замка Шаḳир (комплекс № 55), который служил резиденцией хадрамаутских правителей в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э., найден один образец ^{14}C, датированный XII–IX вв. до н. э. (Breton 2003. P. 201, fig. 5), даже предположительная локализация Шаб‘āна на этом месте вызывает серьезные сомнения (Ibid. P. 202). Нужно признать, что в археологическом отношении Шабва начала — середины I тысячелетия до н. э. практически не изучена: раскопки там велись почти исключительно на объектах, сооруженных в последние века I тысячелетия до н. э. (замок Шаḳир) или даже в первых веках н. э. (главный храм бога Сийāна Алīм). Обнаружение в отдельных шурфах образцов ^{14}C, датируемых серединой и даже началом II тысячелетия до н. э. (Breton 1996. P. 89–90; Breton 2003. P. 200–201, fig. 2–3), не может служить доказательством существования постоянного крупного поселения на этом месте еще в бронзовом веке вопреки мнению Ж.-Фр. Бретона (Breton 2003. P. 201, fig. 4)[136].

В эпиграфике замок Шаḳир (*byt^{n}*/*S^{2}qr*) упоминается только в двух, причем довольно поздних, надписях: среднесабейской Ir 13, § 7–12 (= l. 9, 11–13, 16, 18, 19, 22, 26, 29, 31–32) из храма Аввāм, повествующей о его взятии и удержании в течение двух недель сабейским отрядом особого назначения во время войны между Сабой и Хадрамаутом в середине 20-х гг. III в. н. э.[137], и хадрамаутской Ja 949/2 со скалы ал-‘Уḳла, автор которой, царь Хадрамаута Йада‘’ил Баййин, сын Раббшамса, отстроил его заново вскоре после описанных выше событий[138]. Нумизматически *S^{2}qr* засвидетельствован гораздо раньше — в монетных легендах на реверсе одной из разновидностей (условно обозначенной как тип 2) ранних хадрамаутских подражаний афинским тетрадрахмам[139]. Скорее всего, эти три буквы не только служили символом хадрамаутской государственности, но и указывали на то, что царская резиденция являлась тем местом, где чеканились эти монеты (Седов 1998а. С. 27)[140]. Согласно хорошо аргументированной гипотезе А. В. Седова, появление названия царского замка (и одновременно монетного двора) на монетах Хадрамаута относится приблизительно к середине или началу второй половины II в. до н. э. (Там же. С. 28), а следовательно, Шаḳир к этому времени уже существовал. Археологические данные о времени основания Шаḳира несколько противоречивы, даже если не принимать во внимание образец ^{14}C, относящийся к концу II — началу I тысячелетия до н. э. В результате зондажа, проведенного у северо-

[136] Как справедливо заметил А. В. Седов в личном письме к автору этих строк от 10 июня 2004 г., эти образцы, относящиеся к «зольному слою», в котором нет ни керамики, ни архитектурных деталей, были взяты из древнего кострища, которое могло остаться, например, от стоянки кочевников.

[137] См. подробнее главу III, раздел 3.

[138] Об этом правителе и его роли в истории Хадрамаута см. подробнее главу III, раздел 4.

[139] Их описания см.: Седов 1998а. С. 60–69, а прорисовки — Там же. С. 214.

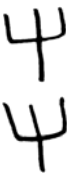
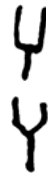
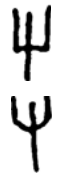
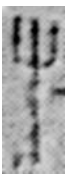
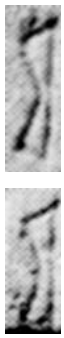
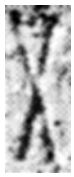
[140] О системе денежного обращения, сложившейся в Хадрамаутском государстве в последние века I тысячелетия до н. э., см. раздел 7 данной главы.

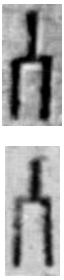
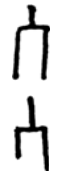
Относительная хронология верховных правителей Хадрамаута I тысячелетия до н. э.,

№	Имя правителя	Патронимия правителя	Титул	Сигл надписи	Язык надписи	Формы знаков,			
						𐩱 (*b*)	𐩵 (*ḍ*)	𐩦 (*s¹*)	𐩫 (*k*)
1	*Yd‘‘b/Ḡyl^{n}*	*bn/S¹mh-rym*	*mkrb/ Ḥḍrmt*	MM 219	хадр.				
2	*Yd‘‘l*	–	–	RES 3945	саб.				
3	*Yd‘‘l/Byn*	–	*mlk/ Ḥḍrmt*	Arbach–Bāfaqīh al-‘Uqla 1	хадр.				
4	*S¹m[h]rm/ ‘lh[n]*	*bn/Y…*	*mk[r]b/ Ḥḍrmt*	‘Uqayba 5	хадр.				
5	*S²hr^{m}/‘lhn*	*bn/Yd‘‘l*	*mlk/ Ḥḍrmt*	Ma‘īn 8 = RES 2775	хадр.				
6	*’ls¹m‘/Ḏbyn*	*bn/Mlk-krb*	*mlk/ Ḥḍrmt*						

Таблица

основанная на палеографических особенностях их надписей и на синхронизмах

засвидетельствованные в надписях									Приблизительная датировка
𐩱 (*’*)	𐩬 (*n*)	𐩠 (*h*)	𐩢 (*ḥ*)	𐩧 (*r*)	𐩣 (*m*)	𐩡 (*l*)	𐩺 (*y*)	𐩩 (*t*)	
									VII в. до н. э.
									начало VII в. до н. э.
									VII–VI вв. до н. э.
									V–IV вв. до н. э.
									сер. V — начало IV в. до н. э.

№	Имя правителя	Патронимия правителя	Титул	Сигл надписи	Язык надписи	Формы знаков,			
						𐩱 (*b*)	𐩸 (*ḍ*)	𐩪 (*s¹*)	𐩫 (*k*)
7	*Yd‘’l/Byn*	*bn/ S¹mhyf‘*	*mlky/ Ḥḍrmt*	RES 3869	хадр.				
8	*’[l]yf‘/Ḏbyn*	*bn/‘mḏḫr*	*mlk/ Ḥḍrmt*	Ša‘ab al-layl	хадр.				
9	*Yd‘[’b]/Ḡyl[n]*	*bn[/ S¹m]hyf‘*	*mlk/ Ḥḍ[rmt]*	‘Uqayba 3	хадр.				
10	*Yd‘’l/Byn*	*bn/Yd‘’b*	*m[lk/ Ḥḍrmt]* или *m[krb/ Ḥḍrmt]*	Hamilton 2 A–B + Shabwa S/75/128	хадр.				

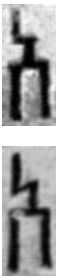
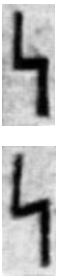
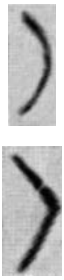
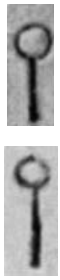
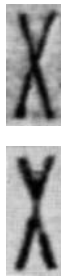
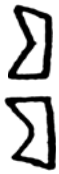
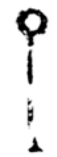
Примечания:

1. Для MM 219 использованы ее фотографии их архива СОЙКЭ.

2. Для RES 3945 использована фотография ее фрагмента из Ryckmans J. 1991. P. 27: fig. n° 5.

3. На то, что язык надписи Ma‘īn 8 = RES 2775 не маинский (минейский), а хадрамаутский, указывает не столько орфография этнотопонима *Ḥḍrmt* (без *w*), сколько употребление определенного артикля *-hn* на конце слова *mḫfd* — «крепостная башня» (Ma‘īn 8/1). Из всех южно-

Окончание табл.

засвидетельствованные в надписях									Приблизительная датировка
𐩱 (’)	𐩬 (*n*)	𐩠 (*h*)	𐩢 (*ḥ*)	𐩧 (*r*)	𐩣 (*m*)	𐩡 (*l*)	𐩤 (*y*)	𐩩 (*t*)	
									сер. V — начало IV в. до н. э.
									IV–III вв. до н. э.
									III–I вв. до н. э.
									III–I вв. до н. э. (ближе к концу периода; возможно, начало I в. н. э.)

аравийских эпиграфических языков форма -*hn* (вместо -*n*) засвидетельствована только в хадрамаутском.

4. Для RES 3869 характерно написание знака 𐩱 в зеркальном отображении (𐩱) при нормальной ориентации строк и остальных знаков (см. об этом в Французов 2009а. С. 48, примеч. 91). Данная палеографическая особенность отмечена также в Ja 892 A.

западного угла здания А[141], в нижнем слое было обнаружено большое число древесного угля, датируемого 2040 ± 60 BP (с учетом калибровки — 91–71 (50) гг. до н. э.). Вместе с тем для слоя, перекрывающего восточную монументальную лестницу, получена датировка 2270 ± 50 BP, что после калибровки дает 389–382 (388–379) гг. до н. э. (Breton 1992b. P. 213–214, 226). Правда, Ж.-Фр. Бретон, приведя эти данные, настаивал на осторожном отношении к ним[142]. В ходе раскопок Шаḳира были найдены около 20 фрагментов глазированной посуды, причем три из них коричневые, которые, по всей вероятности, происходят из Нижней Месопотамии (возможно, из Харакса). Их аналоги, обнаруженные в Сузах и в эд-Дуре (ад-Дӯре), городище на территории ОАЭ, датируются I в. до н. э. — I в. н. э. (Breton 2003. P. 204, 205, fig. 8). Таким образом, нет сомнений, что царский замок Шаḳир был основан во второй половине I тысячелетия до н. э., однако не ясно, во II или в IV (в конце V) в. до н. э. Во втором случае получается, что Шаḳир и Шаб‘ān, сооруженный, судя по палеографии единственной надписи, где говорится о его строительстве, приблизительно в IV–III вв. до н. э., существовали одновременно по крайней мере в течение нескольких столетий. Если учесть, что Шаḳир был расположен *intra muros*, не исключено, что замок Шаб‘ān являлся загородной царской резиденцией.

Нельзя обойти поставленный А. В. Седовым вопрос, кто именно из верховных правителей Хадрамаута приступил к чеканке первых местных монет — ранних подражаний афинским тетрадрахмам так называемого типа 1 (в легендах на которых *S²qr* не упоминался), и его предположение о том, что «претендентом на место правителя, начавшего хадрамаутскую подражательную чеканку, мог бы быть Шахр ‘Алхан, сын Йада‘’ила» (Седов 1998а. С. 30; Седов 2005. С. 384). Российский археолог исходил при этом из того, что выпускать монеты в древней Южной Аравии стали после 350 г., и из привязки минейско-египетского синхронизма к завоеванию Египта Артаксерксом III Охом в 343 г. до н. э. Однако в настоящее время датировку этого синхронизма серединой V — началом IV в. до н. э. можно считать практически доказанной, а потому кандидатуру Шахра ‘Алхāна, равно как и его племянника Илīсами‘ Зубйāна, в течение какого-то времени правившего совместно с Йада‘’илом Байййином, сыном Сумхуйафа‘, следует отвергнуть. Хотя чисто с хронологической точки зрения возможно допустить, что царь Хадрамаута Илīййафа‘ Зубйāн, сын ‘Аммīзаḫира, был тем правителем, при котором были отчеканены первые хадрамаутские монеты, у нас нет для подобной гипотезы ни малейших (пусть и косвенных) оснований. Приходится констатировать, что затронутую А. В. Седовым проблему при нынешнем состоянии источников по истории Хадрамаута разрешить невозможно.

[141] Дворец Шаḳир состоял из двух зданий, условно обозначенных А и В. Здание А общей площадью 20 х 22 м было возведено на каменном цоколе регулярной кладки. К северу от него находилось здание В, два крыла которого ограничивали прямоугольный внутренний двор. Основная часть обоих зданий была возведена из необожженных кирпичей на деревянном каркасе (см., например: Breton 1992b. P. 212–213).

[142] Breton 1992b. P. 214: «nous réservons à plus tard la discussion sur la valeur de ces deux datations».

5. ГОРОДСКОЕ И ОБЩИННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ХАДРАМАУТЕ: *КАБӢРЫ* И *ḲАЙНЫ*

Цивилизация, сложившаяся в древности на юго-западе Аравийского полуострова, была цивилизацией городской. Как уже отмечалось выше, первыми государственными образованиями на ее территории были, по всей видимости, города-государства. Да и позднее именно города стали средоточием экономической, политической и религиозно-культурной жизни ее обитателей. Хадрамаут в этом отношении не был исключением. Правда, для I тысячелетия до н. э. нам известно всего два хадрамаутских города, находившихся за пределами Внутреннего Хадрамаута: столица Шабва и крепость Майфа‘а (городище Наḳб ал-Хаджар)[143]. Это объясняется как недостаточной археологической изученностью территорий, располагавшихся на западных рубежах Хадрамаутского государства, так и тем, что по своей площади и, вероятно, по численности населения они заметно уступали вади Хадрамаут и его боковым долинам.

Автор настоящей работы полностью разделяет определение города, предложенное О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном, согласно которому это — «населенный пункт, основной функцией которого является концентрация и перераспределение прибавочного продукта» (Большаков О. 2001. С. 10)[144]. Достоинства этого определения, прежде всего его универсальность, особенно заметны на фоне того, какой смысл в понятие «город» пытаются вложить некоторые западные ученые. Так, молодой французский археолог Жереми Шиттекатт, посвятивший целую статью этой проблеме применительно к доисламской Южной Аравии, сделал акцент на многофункциональности как основной отличительной черте города[145]. Между тем множественность функций, присущих городскому центру, закономерно следует из приведенного выше определения, но отнюдь не исчерпывает его.

Если роль Шабвы как места, где накапливался и перераспределялся прибавочный продукт, не вызывает ни малейших сомнений хотя бы потому, что, как было показано в предыдущем разделе, там находилась резиденция носителей верховной власти и производилась денежная эмиссия, то вопрос о том, правомерно ли наделять статусом города крепость Майфа‘а, нуждается в специальном

---

[143] Согласно недавним находкам в Хор Рори, время основания Сумхурāма следует передвинуть с I в. н. э. на III в. до н. э. (см., например: Avanzini 2008a. P. 9). Однако и в этом случае история этого порта по эпиграфическим источникам начинается лишь с рубежа нашей эры (см. главу III, раздел 2).

[144] Ср.: Якобсон 2004. С. 44: «Городом мы будем называть населенный пункт со свободным населением, где осуществляется концентрация, перераспределение и реализация прибавочного продукта. Это и есть основная или, как теперь принято говорить, системообразующая функция города (предлагаемое определение города разработано совместно О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном). Город, следовательно, появляется только вместе с цивилизацией и государством. Прочие его функции (религиозный, культурный, политико-административный, торгово-ремесленный центры) проистекают из названной выше основной функции».

[145] Schiettecatte 2004. P. 126: «Le caractère urbain d’une agglomération se définit par sa *multifonctionnalité*».

рассмотрении. Для этого надлежит обратиться к соответствующим археологическим и эпиграфическим источникам.

Городище Наḳб ал-Хаджар расположено в верхнем течении вади Майфа‘а, на вершине скального выступа, который к настоящему времени с северной стороны частично подмыт селевыми потоками, которые разрушили часть оборонительных сооружений. Крепостная стена общей протяженностью 710 м следует по границам этого выступа, прерываясь дважды, на северо-западе и северо-востоке, где крутые откосы служат естественными укреплениями. В стене 36 башен, двое больших ворот, на севере и на юге, а также небольшое отверстие в восточной стене шириной 1,8 м, ныне полностью заваленное. Участок стены, охватывающий крепость с запада, юга и востока и включающий в себя 32 башни, сложен из грубо обработанных блоков (0,6–0,8 × 0,5–0,6 м) без раствора, причем толщина стены здесь составляет один блок. На северном участке гораздо меньшей длины, куртины состоят из двух параллельных каменных стенок, пространство между которыми заполнено галькой; общая ширина такой конструкции колеблется от 2,3 до 3,05 м (см. схему). На территории между стенами обнаружены лишь остатки цоколей полдюжины домов башенного типа[146]. К сожалению, систематических раскопок на городище никогда не проводилось. По предположению французских археологов, обследовавших его в 1982 г., большая часть построек этого поселения была сложена из необожженных кирпичей, равно как и конструкции, обеспечивавшие доступ на куртины и башни (Breton, Robin et al. 1987. P. 13, 15). Его общая площадь составляет 4,4 га (Schiettecatte 2004. P. 141, table 2). С внешней стороны башни 13 и в комплексе южных ворот (на стене, уходящей внутрь крепости, и северо-западной стене башни 17) *in situ* сохранились три надписи (MAFYS — Naqab al-Ḥağar 1–3); четвертая, вторично использованная в ирригационном сооружении, была найдена под слоем осадков толщиной в несколько метров на расстоянии 200 м к востоку от городища (MAFYS — Naqab al-Ḥağar 4). Речь в них идет о строительстве крепости Майфа‘а, причем их содержание от надписи к надписи становится все более и более детальным.

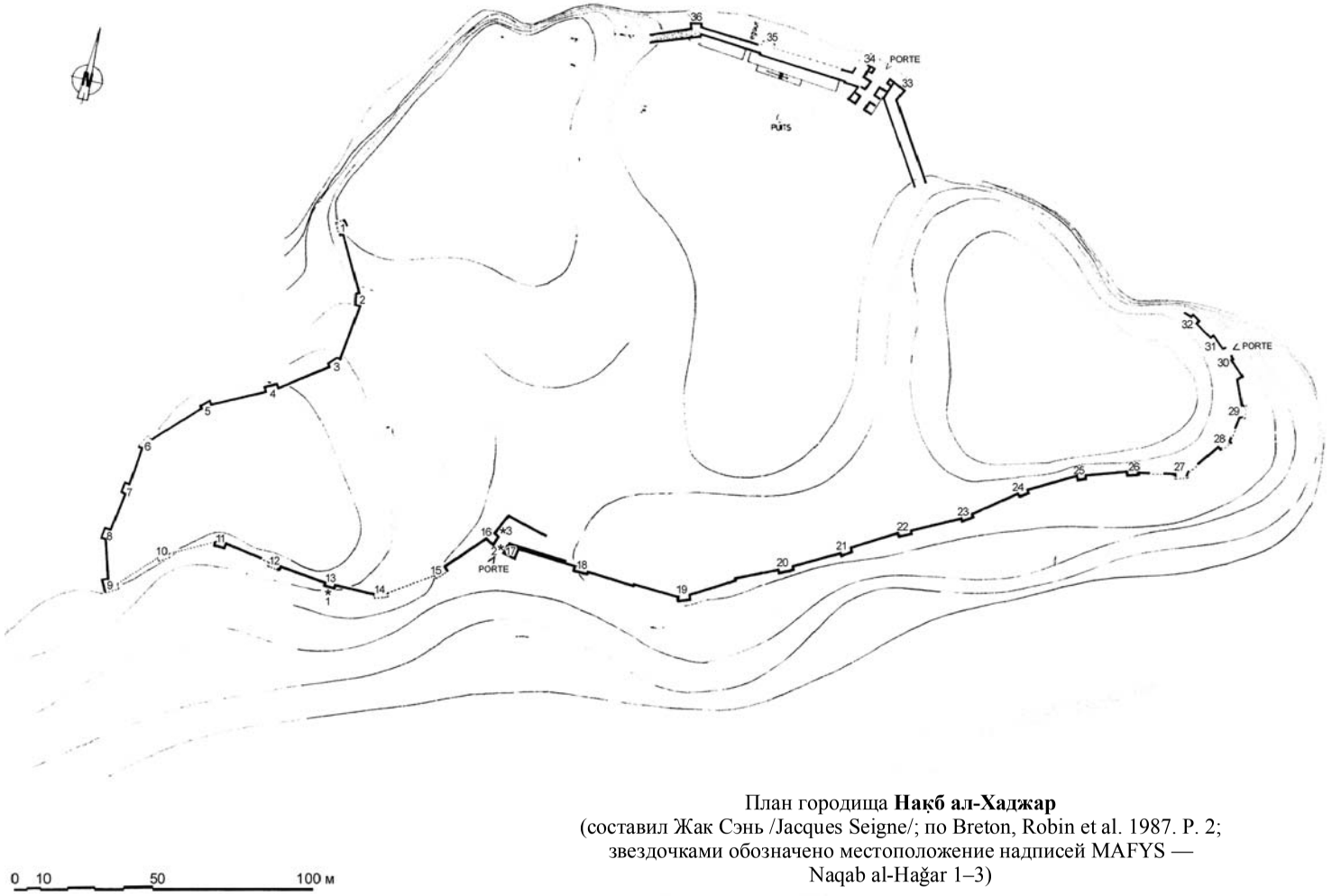
MAFYS — Naqab al-Ḥağar 4

Текст	Перевод
1. *Hbs¹l/bn/S²gb/q<t>[dm]*	Хабсал, сын Шагаба, руко[водил]
2. *mbny/gn’/My<f>[‘t]*	постройкой стены (крепости) Майфа[‘а]

MAFYS — Naqab al-Ḥağar 1

Текст	Перевод
1. *Hb[s¹l/b]<n>/S²gb/qtdm/m =*	Хаб[сал, сы]н Шагаба, руководил по-
2. *[bny/gn’/Myf‘]<t>/’<b>[nᵐ]*	[стройкой стены (крепости) Майфа‘]а из кам[ня]

[146] Подробное описание этого городища см.: Breton, Robin et al. 1987. P. 1–16.



План городища **Нақб ал-Хаджар**
(составил Жак Сэнь /Jacques Seigne/; по Breton, Robin et al. 1987. P. 2;
звездочками обозначено местоположение надписей MAFYS —
Naqab al-Haǧar 1–3)

MAFYS — Naqab al-Haǧar 3

Текст	Перевод
1. *Hb<s¹>l/b<n>/S²gb*	Хабсал, сын Шагаба,
2. *qtdm/<m>bny/g =*	руководил постройкой сте-
3. *n'/My[f]<'t/w>[ḫ] =*	ны (крепости) Май[ф]а'а и [во]-
4. *l<f>-t̲/'<b>[nᵐ/w-'] =*	рот ее из кам[ня, де]-
5. *<ḏ>ᵐ/w-f<t>l<m>*	рева[147] и кирпича-сырца[148].

MAFYS — Naqab al-Haǧar 2 = RES 2640

Текст

1. *Hbs¹l/bn/S²gb/qtdm/mbny/gn'/Myf't/w-ḫlf-t̲/'bnᵐ/w-'ḏᵐ/w-ftlᵐ/w-mbny/'byt/g'l*
2. *'hy/gn'-t̲/hn/'s¹nᵐ/'d/mn'yᵐ/* (выбоина в камне) *w-wd'/<w>-<'>ly/ḏ-gn'/bn-t̲/Ṣdqyd'*

Перевод

1. Хабсал, сын Шагаба, руководил постройкой стены (крепости) Майфа'а и ворот ее из камня, дерева и корпича-сырца и постройкой домов, которые он разместил[149]
2. у (напротив?)[150] ее стены, от основания до верхних частей[151] и завершил и достроил то из нее, что Ṣадаḳйада' окружил стеной[152].

Следует отметить, что из этих надписей остается неясным, кем были Хабсал, сын Шагаба, завершивший возведение стены вокруг крепости Майфа'а, и Ṣадаḳйада', начавший эту строительную деятельность. Никаких титулов, указывающих на их официальные должности, не приводится, из чего приходится заключить, что, по всей видимости, оба они были влиятельными членами местной общины,

[147] Следует отметить, что никаких следов деревянных конструкций при обследовании городища Наḳб ал-Хаджар выявлено не было. Очевидно, они были полностью утрачены.

[148] Перевод термина *ftlᵐ* как «кирпич-сырец (brique crue)» приведен Кр. Ж. Робеном как сомнительный (Breton, Robin et al. 1987. P. 19, 20), хотя он и указал со ссылкой на замечание Ж. Рикманса (Ibid. P. 13, n. 14), что это толкование основано на значении «форма для кирпича (moule pour les briques)», которое засвидетельствовано у *мифтил*, *муфтил* в хадрамаутском диалекте арабского языка (Landberg 1901. P. 672). Следует также отметить, что, как показали раскопки в Шабве и Райбӯне, именно необожженный кирпич был основным строительным материалом в древнем Хадрамауте наряду с камнем и деревом.

[149] Перевод глагола *g'l*, являющегося *hapax legomenon* не только в хадрамаутском, но и в остальных южноаравийских эпиграфических, основан исключительно на аналогии с арабским *джа'ала*.

[150] Этот предлог, засвидетельствованный здесь первый и единственный раз, предположительно интерпретируется как «? beside ?» (Beeston 1984a. P. 70, § H 33: 3).

[151] Подробное истолкование строительного термина *mn'yᵐ* в составе выражения *'s¹nᵐ/*'*d/mn'y…* как «upper construction elements» см. в комментарии к RAMRY–az-Zālif 1 no. 1/1–2 (Frantsouzoff 2005a. P. 197).

[152] Так понимал это место А. Ф. Л. Бистон, рассматривавший *bn* как предлог «из», а *-t̲* как местоименный суффикс 3 л. ж. р. ед. ч., обозначающий Майфа'у (Beeston 1984a. P. 69, n. 130). Кр. Ж. Робен интерпретировал *bn* как «сын, чадо» (т. е. житель: «l'enfant /?/ de celle-ci /= *Myf't/*»), основываясь на сабейских выражениях *bny Mrb* «сыны Мариба» и *bnt Mrb* «дочери Мариба» (Breton, Robin et al. 1987. P. 19). Однако такое толкование представляется сомнительным, поскольку не известно другого контекста, в котором имя нарицательное *bn* в ед. ч. обозначало бы жителя населенного пункта. Впрочем, даже если принять мнение Кр. Ж. Робена, смысл надписи серьезно не изменится: «…и завершил и достроил то, что окружил стеной ее «сын» /т. е. житель/ Ṣадаḳйада'».

Ил. 4. RES 3869 = **SE 43. Эстампаж**

предпринявшими эти масштабные работы едва ли не по собственной инициативе (или по решению общины, уполномочившей их на это). Обращает на себя внимание и то, что родовая принадлежность этих лиц не указана, а второй из них упомянут даже без патронимии. Отсутствие каких-либо ссылок на происхождение из того или иного рода характерно не только для райбунских (Французов 2009а. С. 118, примеч. 2; 135; Французов 2012. С. 115, примеч. 2; 134), но для хадрамаутских надписей I тысячелетия до н. э. в целом[153]. Объяснение этому явлению будет предложено ниже, в связи с рассмотрением вопроса о характере и структуре хадрамаутских общин.

Уже по содержанию MAFYS — Naqab al-Haǧar 2 = RES 2640 становится понятным, что Майфа‘а, по всей видимости, представляла собой не просто сторожевую крепость с гарнизоном, но настоящий город. Сомнений в этом не оставляет наиболее пространная надпись, происходящая с этого городища, — RES 3869 = SE 43. Она была обнаружена в 1898 г. австрийскими ученым из Южноаравийской экспедиции (Südarabische Expedition), которые сняли с нее эстампаж (Pirenne 1956. Fig. 13, a), а затем перевезена британцами в Бомбейский музей, но при этом серьезно повреждена (Ibid. Fig. 13, b).

Текст

1. *Whbᵐ/bn/Ḏ’s¹ᵐ/‘bd/Yd‘’l/Byn/bn/S¹mhyf‘/w-’l=*
2. *s¹m‘/Ḏbyn/bn/Mlkkrb/mlky/Ḥḍrmt/qtdm/w-gs¹m/gn=*
3. *’/Myf‘t/’bnᵐ/w-‘ḍᵐ/w-ftlᵐ/w-l/yntṣr/kbr/ykbr/My=*
4. *f‘t/b-S¹yn/w-Ḥwl/w-Ḥly’l/w-mlk/Ḥḍrmt/ḍ-’l/ys²t‘r/w-*
5. *s¹ ‘ḏb/gn’hy/Myf‘t/w-mḥfd-s¹m/w-l/ys¹ ‘ḏb/ḫbl/yhr/s¹ ‘=*

[153] Исключения из этого правила редки: хадрамаутцы, в именах которых содержится указание на их принадлежности к роду, вводимое относительным местоимением *ḏ-*, появляются лишь в отдельных надписях, палеографически датируемых III–I вв. до н. э.

6. *ḏbᵐ/w-ḏ-’l/yhr/s¹ ‘ḏbᵐ/w-l/y<mlk/>tlw/mlk/Ḥḍrmt/w-*
7. *l/ys¹ ‘ḏb/ḏ-yḫbl/bn/gn’yʰⁿ/w-mḫfdʰⁿ*

Перевод

1. Вахб, сын Да’са, клиент (букв. «раб»)[154] Йада‘’ида Баййина, сына Сумхуйафа‘, и Илӣ-
2. сами‘ Зубйāна, сына Малкӣкариба, двух царей Хадрамаута, руководил строительством[155] и возвел основательно сте-
3. ну (крепости) Майфа‘а из камня, дерева и кирпича-сырца. И пусть остережется *кабӣр*, который управляет в этом статусе[156] (крепостью) Май-
4. фа‘а именем Сийāна, Ҳаул, Ҳалай’ила и царя Хадрамаута[157], не обратить внимания и
5. не отремонтировать[158] два участка стены (крепости) Майфа‘а и их башни[159]; и пусть он ремонтирует разрушенное[160], что обваливается[161], тща-
6. тельно и то, что не обваливается, тщательно; и пусть он выполняет царские функции как представитель царя Хадрамаута[162] и
7. пусть ремонтирует то, что разрушилось, из обоих участков крепостной стены и башен.

Данная надпись четко определяет круг обязанностей кабӣра Майфа‘ы по поддержанию в должном состоянии и ремонту ее крепостных стен и башен. При сравнении ее с рассмотренными выше MAFYS — Naqab al-Haǧar 1–4 возника-

---

[154] Речь идет, разумеется, не о рабе в античном смысле этого понятия, а о высокопоставленном лице, находившемся в личной зависимости от царей (см. об этом подробнее раздел 7 данной главы и раздел 4 главы III).

[155] Именно такое значение глагол *qtdm* (даже без всяких добавлений типа *mbny*) имеет во всех известных хадрамаутских контекстах (особенно четко это заметно в Hamilton 8/2–3).

[156] В соответствии с интерпретацией А. Ф. Л. Бистона: «let the kabir who is in office appeal for aid» (Beeston 1984a. P. 68, § H 7: 8), — глагол *yntṣr* восходит к корню *NṢR*, однако с учетом того, что 𐩦 (*ṣ*) и 𐩧 (*ẓ*) в хадрамаутском эпиграфическом языке передавали одну фонему (ср.: Beeston 1962. P. 15, § 9: 6), в результате чего 𐩧 вышел из употребления, его можно возвести и к корню *NẒR*, семантика которого («смотреть, наблюдать, надзирать, ожидать») больше подходит к данному контексту.

[157] Перевод А. Ф. Л. Бистона: «Any (future) kabir holding office in Mayfa‘at may appeal to Sin, Ḥawl and ḤLY’L and the king of Hadramawt» (Beeston 1978b. P. 202), — представляется неприемлемым. Формула *b-S¹yn/w-Ḥwl/w-Ḥly’l/w-mlk/Ḥḍrmt* (с *b-* орудийности) явно указывает на то, на чей авторитет опиралась власть кабӣра Майфа‘ы. Что касается нигде более не упоминаемого Ҳалай’ила, то речь, возможно, идет об одном из обожествленных людей (см. подробнее раздел 8 данной главы).

[158] Принятое здесь истолкование данного оборота, в котором отрицательная частица *’l* относится к обоим глаголам, первый из которых стоит в имперфекте, а второй — в инфинитиве, было впервые предложено А. Ф. Л. Бистоном: «Syntactically, I take *ys²t‘r/ws¹ ‘ḏb* in lines 4–5 as a hendiadis with both verbs affected by the negative *’l*; i.e. the *w* is parallel to the Arabic *fa* + subjunctive (*lā yastaš‘iru fa-yuṣliḥa*)» (Beeston 1978b. P. 203).

[159] У А. Ф. Л. Бистон а *gn’hy* рассматривается как форма *status constructus* мн. ч. внешнего образования из-за того, что *-s¹m* является местоименным суффиксом мн. ч., а не дв. ч. (Beeston 1984a. P. 68, H § 13: 2, 3), однако нам кажется предпочтительным, с учетом плана крепости (см. схему), признать в *gn’hy* форму *status constructus* дв. ч., а употребление *-s¹m* вместо *-s¹my* или *-s¹mn* рассматривать как отступление от строгих грамматических правил согласования в роде, нередко встречающееся в эпиграфике.

[160] Ср. *ḫbl* — «ruin / ruine» (Beeston et al. 1982. P. 58); *ḫblᵐ* — «one who defaces, damages» (Ricks 1989. P. 70).

[161] Ср. с арабским *хāра* (*йахӯру*) — «разрушить (здание); обрушиться».

[162] Интерпретация этого сложного для понимания места, которую дал А. Ф. Л. Бистон (Beeston 1978b. P. 202: «and exercise royal authority as representative of the king of Hadramawt»), представляется наиболее удачной. Предлагавшиеся ранее его переводы были также рассмотрены английским ученым.

ет вопрос, кто же все-таки был первостроителем крепости Майфа‘а, Хабсал, сын Шагаба, или Вахб, сын Да’са. Палеографически все эти надписи относятся к одному периоду, а вот их содержание позволяет довольно уверенно предположить, что Вахб провел свои строительные работы несколько раньше, чем Хабсал. Действительно, из MAFYS — Naqab al-Haǧar 2 = RES 2640/2 следует, что Хабсалу пришлось достраивать те части стены, которые до него возвел некий Ṣадаḳйада‘. Кроме того, три его надписи сохранились *in situ*, а следовательно, по крайней мере, те участки стен, куда они были вмонтированы, с тех пор капитально не перестраивались. Казалось бы, основателем Майфа‘ы следует признать Вахба, сына Да’са, клиента двух царей-соправителей, находившихся у власти приблизительно в середине V — начале IV в. до н. э., Хабсал же, сын Шагаба, спустя как минимум несколько десятилетий после него, очевидно, провел капитальные восстановительные работы. Интересно, что кабӣром он, по всей видимости, не был, да и объем выполненных им работ, надо полагать, сильно превышал то, что вменялось кабӣру в обязанность. Вот только кто его на них уполномочил, верховная власть Хадрамаутского государства или местная община, не сообщается. Отсутствие после его имени и патронимии какой-либо титулатуры заставляет склониться ко второму варианту.

Однако упоминание захвата Майфа‘ы во время похода войска Сабы (*mṣr/S¹b’*) на землю Хадрамаута (*‘d/’rḍ/Ḥḍrmt*) в сабейском тексте, датируемом на основании сабейско-нововавилонского синхронизма рубежом VII–VI вв. до н. э. (B–L Nashq ?/7–10), показывает, что этот город был заложен задолго до Вахба, сына Да’са, который в таком случае просто отстроил крепость, разрушенную, по-видимому, в ходе очередного военного конфликта.

Наличие в Майфа‘е своего кабӣра, характер его полномочий, а также значительная по южноаравийским меркам площадь поселения позволяют заключить, что эта крепость представляла собой полноценный город, а не просто место пребывания гарнизона. Ее расположение всего в полусотне километров от берега, в протянувшейся к побережью долине, получившей по ней свое нынешнее наименование, заставляет предположить, что Майфа‘а была призвана держать под контролем один из торговых путей к Индийскому океану. Однако порт Ḳани’, находившийся в сотне километров от этой крепости, возник лишь в начале I в. н. э.[163] Правда, на обширном южнойеменском побережье выявлены остатки по крайней мере одного городища, существовавшего с начала I тысячелетия до н. э. до прихода ислама: Восточного Шиҳра[164].

К сожалению, история крепости Майфа‘а очень слабо отражена в эпиграфике. Из нее самой происходят всего пять текстов, рассмотренных выше. Кроме них она упоминается в строительной надписи RES 2687, сохранившейся на оборонительном сооружении в вади Либнā (ал-Бинā’) и датируемой приблизительно концом I в. до н. э. — I в. н. э.[165], в той ее части, где речь идет

[163] См. об этом главу III, раздел 1.

[164] См. об этом, в частности: Rougeulle 1999. P. 128; Rougeulle, Benoist 2001. P. 204, 205.

[165] См. о ней подробнее главу III, раздел 2.

о хадрамаутцах, которые защищались от химйаритов (стк. 3: *<m>t/ḥḏrw/b-Ḥmyr*^{m} — «когда оборонялись[166] они от Химйара»), «и закрепились[167] в Майфа‘е и Дайфа[т]хāне гарнизонами[168]» (стк. 3–4: *w-mts*^{1}*k/b-|Myf‘<t>/w-<Ḏyf>[t]*^{hn}*/qrnh*^{m}). Отсюда вовсе не следует, будто община дайфатāн, известная по позднесабейским надписям конца V — начала VI в. н. э.[169], населяла Майфа‘у. Напротив, из данного контекста можно заключить, что Дайфатхāн являлся населенным пунктом — центром владений одноименной общины (ср.: Bāfaqīh, Robin 1979. P. 44).

Начиная с первых веков н. э. связь крепости Майфа‘а с портом Ḳани’ подтверждается находкой археологами СОЙКЭ на городище Наḳб ал-Хаджар фрагментов керамики (в том числе импортной, средиземноморского типа), датируемых I–VI вв. н. э., точные аналоги которых обнаружены при раскопках Би’р ‘Алī (Ба Махрама, Виноградов 1996. С. 164–166). Данные археологические материалы отчетливо указывают на то, что важнейший для Хадрамаута этого периода торговый путь, соединявший порт Ḳани’ со столицей Шабвой, проходил через Майфа‘у (ср.: Там же. С. 167)[170].

Последнее по времени упоминание Майфа‘ы встречается у Клавдия Птолемея (Ptolem. Geogr. VI, 7, 10), причем этот топоним имеет в его «Географии» два варианта написания: Μαιθάθ/Μαιφάθ κώμη[171]. Как справедливо отметил М. Д. Бухарин, на соответствующей карте Птолемея этот античный ученый неверно локализовал данное поселение, перенеся его непосредственно на побережье (Бухарин 2009. С. 125). Обозначение Майфа‘ы как «деревни» (κώμη), а не «города» (πόλις) может указывать на то, что в первой половине II в. н. э. ее экономическое и военно-политическое значение заметно снизилось. Тогда становится понятным, почему *Myf‘t* ни разу не упоминается в эпиграфике ни в связи с сабейско-хадрамаутской войной середины 20-х гг. III в. н. э.[172], ни в сообщениях о походах, предпринятых Химйаритским царством ради завоевания Хадрамаута в конце III — первой четверти IV в.[173], хотя обнаружение на повер-

---

[166] О значении глагола *ḥḏr*, засвидетельствованного также в сабейском, см.: Beeston et al. 1982. P. 66.

[167] Значение глагола *mts*^{1}*k* (в породе с инфиксом *t*) удается установить благодаря параллелям с *mts*^{1}*k* — «to arrest, seize» — в катабанском (Ricks 1989. P. 99) и *имтасака би-* — «схватить, держать что-либо; ухватиться за что-либо» — в арабском.

[168] Ср.: *qrn* — «garrison; garrision duty; garrison troops; guard, military escort / garnison; service de garnison; troupe de garnison; garde, escorte militaire» — в сабейском (Beeston et al. 1982. P. 107).

[169] В них этот этноним передается как *Ḏyft*^{n} (с сабейским определенным артиклем *-n*, а не с хадрамаутским *-hn*). Об этой общине см.: Bāfaqīh, Robin 1979. P. 43–44; Robin, Gajda 1994. P. 121.

[170] Следут отметить, что данное суждение было высказано еще Брайном Доу (Doe 1971. P. 89, 186), но лишь как гипотеза, хоть и весьма вероятная.

[171] Хорошо видно, что второй вариант ближе к оригинальному хадрамаутскому топониму. Судя по тому, как конечное *t* передано в обоих случаях (через θ), вполне вероятно, что название этого города произносилось как Майфа‘ат, а не Майфа‘а. Последнее принято по аналогии с паузальным чтением арабских слов (в том числе имен собственных) на *-am* (так, *S*^{2}*bwt* принято читать «Шабва», а не «Шабват»).

[172] См. главу III, раздел 3.

[173] См. главу III, раздел 5.

хности городища Наḳб ал-Хаджар обломков нескольких типов амфор, относящихся к V–VI вв., позволяет датировать прекращение существования Майфа‘ы VI в. н. э. (Ба Махрама, Виноградов 1996. С. 166–167).

Анализ употребления термина *kbr* не только в хадрамаутской, но и в южноаравийской эпиграфике в целом приводит к заключению, что он использовался по отношению к любому администратору, власть которого основывалась на принципе единоначалия, и наиболее адекватным его переводом будет «начальник, глава». В текстах I тысячелетия до н. э. кабӣр обнаруживается на самых различных постах: вождя племени, представители которого являлись членами древнесабейского Совета старейшин[174], эпонима (в Маине), предводителя караванщиков (*kbry/mṣr*^{m}; также в Маине)[175], но чаще — градоначальника и главы общины. Последние две должности могли различаться, даже если речь шла о городских общинах. Так, в декрете царя Катабана Шахра Хилāла, сына З̲ара’кариба[176], высеченном на городской стене Тамна‘, столицы этого государства, у ее южных ворот, несколько раз упоминается кабӣр Тамна‘ (RES 3854/6, 8), однако адресован этот документ четырем разным общинам (стк. 1–2), проживавшим в этом городе и владевшим угодьями к югу от него (в местности Ćадау): ḳатабāну (*s*^{2}*‘b*^{n}*/Qtbn*), очевидно, составлявшему ядро государства, ма‘ӣну (*M‘n*^{m}), т. е. колонии ма‘инцев, обосновавшейся в катабанской столице и известной также по Van Lessen 9/1–2, з̲ӯ ‘алćāну (*ḏ-‘ls*^{3n}) и з̲ӯ ‘а̲сату (*ḏ-‘t̲t*^{m}). Единой общины города Тамна‘ здесь не обнаруживается, но должность кабӣра Тамна‘ имеется: этот титул носил столичный градоначальник, подчиненный царю.

В тех поселениях Внутреннего Хадрамаута, о которых дошли соответствующие сведения, название общины не всегда совпадало с названием города, который она населяла. Так, община рамай оказывается связанной с городом Мазāб (городище Ḫурайда). Согласно CT 10/1–2, датируемой III–I вв. до н. э.[177], Бин’ил (Ра’бāн’ил или Раббāн’ил)[178], сын ‘Аммӣз̲амара, кабӣр рамай (*k*|*br/Rmy*),

[174] См., например, рассмотренную в разделе 3 данной главы надпись Hamilton 4, автором которой был кабӣр племени назḫа. Из всех шести племен этой категории лишь вожди арба‘ān носили по традиции титул малика (CIH 487/1; Fa 69/1).

[175] См.: RES 3022/1, 3, которая уже упоминалась в разделе 2 главы I как текст, положенный в основу минейско-египетского синхронизма, а также Бауэр 5/3.

[176] А. Г. Лундин, переиздавший этот декрет с уточненным переводом и подробным комментарием (Лундин 1987), датировал его царствование I в. до н. э. — I в. н. э. (Там же. С. 43), однако, исходя из современных представлений о развитии катабанской палеографии, правление Шахра Хилāла, сына З̲ара’кариба, пришлось на период с V по III вв. до н. э. (Avanzini 2004. P. 27–29, 265, 277–278).

[177] Палеографические особенности этой надписи полностью соответствуют позднему райбунскому периоду (R.).

[178] Как хорошо видно на фотографии данной надписи (Caton Thompson 1944. Pl. LXIV/1), начало стк. 1 повреждено, и в этой лакуне есть место для одного широкого или двух узких знаков. По мнению ее издателя Гонзага Рикманса, там находились монограмма или символ (Caton Thompson 1944. P. 162). Возможное восстановление *r* или *r* с *алифом* перед *.bn’l* было предложено в Французов 2001. С. 164, примеч. 11.

Нисбу *Yrmy*^{hn} (стк. 1), которую он носит, представляется предпочтительным истолковать как образованную от названия общины в результате нерегулярного звукового перехода *алифа* в *y* и стяжения

обновил облицовку храма Мазāб (*s¹ḥds³/ṣlwt/Mḏbᵐ*)[179]. Этот же титул с уверенностью реконструируется в относящейся к тому же периоду надписи CT 4 после имени ʻАсма, сына Ḫабса (стк. 1–2: *ʻs¹mᵐ/bn/Ḥbs¹ᵐ/k<b>[r/R|my]*)[180], причем этот ʻАсм и некий ʻАқн (*ʻqnᵐ*), составившие вдвоем CT 4, именуются «*амīнами* города Мазāб» (*ʼmnw/ hg<r>|ʰⁿ/Mḏbᵐ*). Этот титул в ед. ч. носит автор поздней хадрамаутской надписи MM 161 (стк. 1–2: *ʼm|n*). Каковы были функции амīнов, не ясно, но можно осторожно предположить, исходя из содержания CT 4, посвященной постройке колодца[181], и MM 161, где говорится о двух водных потоках и продаже урожая (Frantsouzoff 2005c. P. 249, 251), что эти должностные лица занимались в том числе и ирригацией.

В финальных инвокациях CT 4/11 (*w-b/s²rk/Rmy*) и CT 10/3 (*w-b-s²rk/Rmy*) засвидетельствован термин *s²rk*, которым обозначалась община в хадрамаутском эпиграфическом языке[182]. При этом термин *s² ʻb*, использовавшийся для этой цели в остальной южноаравийской эпиграфике, в надписях древнего Хадрамаута вообще не встречается[183]. Как будет показано ниже, связано это, по всей видимости, не с местной языковой спецификой, а с тем, что термины *s²rk* и *s² ʻb* применялись к разным типам общин.

Во фрагментарном контексте происходящей из Шабвы строительной надписи Hamilton 2 A–B + Shabwa S/75/128 упоминается Ҫадақ̱закар, кабīр ҳадрамаута (стк. 2: *<Ṣ>dqḏkr/kbr/Ḥḍrmt/…*). Речь здесь явно идет об общине, населявшей столицу и давшей название государству. Правда, остается неясным, обитали ли в Шабве другие общины, кроме ҳадрамаута, и соответственно являлся ли этот кабīр столичным градоначальником или просто главой одной из общин столицы. Интересно, что этот титул намного пережил само Хадрамаутское царство: он встречается в CIH 541/86–87 (*w-kb|r/Ḥḍrmwt*), в перечне представителей знати, которых химйаритский царь Абраха (ок. 535–565), основатель так называемой эфиопской династии, привел к покорности в конце 547 — начале 548 гг. н. э., после подавления восстания киндитского вождя Йазīда б. Кабши[184]. Ссылки

-уу- в *-у-*: *Rmy* → **ʼrmy* (рамайцы, т. е. члены общины рамай) → **ʼrmyyʰⁿ* (рамаец) → *Yrmyʰⁿ* (см.: Французов 2009а. С. 135, примеч. 3; Французов 2012. С. 134, примеч. 3).

[179] Об истолковании термина *ṣlwt* как «облицовка (храмового цоколя или стены)» см.: Французов 2009а. С. 83; Французов 2009б; Французов 2012. С. 82.

[180] См. переиздание этого текста: Французов 1998. С. 145–147.

[181] См. об этом подробнее в разделе 7 данной главы.

[182] Образованный от того же корня, что и *s²rk*, термин *šrkt* отмечен в набатейской части греко-набейской билингвы из ар-Раввāфы / Руввāфы (в греческой части ему соответствует ἔθνος), в выражении *šrkt Tmwdw* — «конфедерация ҫамӯд» (Bowersock 1975. P. 514–515). По предположению И. Ш. Шифмана, высказанному в сообщении на IX ежегодной сессии ленинградских арабистов, речь в данном случае шла о религиозном объединении, подобном тем, которые накануне ислама существовали на Аравийском полуострове, например, *ҡабāʼил ал-ҳумс* (см. о них, в частности: Французов 1986), или, добавим от себя, древнегреческим амфиктионим. См. также: Frantsouzoff 2003b. P. 61.

[183] В поздней хадрамаутской надписи MM 161/6 речь, по всей видимости, идет о сабейском *шаʻбе* или о *шаʻбе*, подчиненном сабейскому роду (Frantsouzoff 2005c. P. 249, 250).

[184] Об этом восстании см., например: Французов 2004б. С. 69–70. О датировке событий, описанных в CIH 541, с учетом недавно открытой краткой надписи Абрахи с Марибской плотины DAI GDN 2002–20 см.: Nebes 2004. P. 227, 228.

на *s²ʻb-s¹m/Ḥḍrmwt* в катабанской надписи I в. до н. э. ʻАрбаш–Сайʼӯн 1/5 и на *s²ʻbⁿ/Ḥḍrm(w)t* в среднесабейских надписях конца I в. н. э. Ja 643/6 и Ja 643bis/6 (без *w*!), конечно же, следует рассматривать как использование привычного для катабанцев и сабейцев термина, чтобы обозначить общину ҳадрамаут[185]. К сожалению, употребление по отношению к ней термина *s²rk* пока нигде не засвидетельствовано.

Надпись Sf II/86 n° 4 = СОЙКЭ 928, происходящая с городища ʻĀдӣйат ас-Сафӣл II в вади ал-ʻАйн (см. карту 3) и палеографически датируемая VII–VI вв. до н. э., состоит всего из шести знаков: *s²rk-ʻyn*, — которые следует интерпретировать как «община ʻайн»[186]. Этот же текст уверенно реконструируется в Sf II/86 n° 3 = СОЙКЭ 927: *s²rk-ʻ[yn]*. Обращает на себя внимание совпадение названия этой общины с современным топонимом, обозначавшим боковую долину, в которой расположено городище[187]. Очевидно, в конце первой половины I тысячелетия до н. э. представители общины ʻайн обитали в ʻĀдӣйат ас-Сафӣл II, древнее название которого остается неизвестным. Отметим, что площадь данного поселения, составляющая около 2 га (120 × 160 м; см. Седов 1995б. С. 168, 169, рис. 6; Sedov 1996b. P. 263–264, fig. 11), лишь два с небольшим раза меньше, чем у Майфаʻы. Наличие там храма также косвенно указывает на то, что ʻĀдӣйат ас-Сафӣл II являлся скорее городом, чем деревней. С другой стороны, в этой долине выявлен еще ряд крупных городищ, при обследовании которых обнаружены эпиграфические материалы (см. карту 3): Марāвиҳ (70 × 500 м), Лаḳлāт (180 × 220 м), Ши'б ал-Вадā (35 × 130 м), ʻĀдӣйат ас-Сафӣл I (140 × 200 м), ал-Ḳуфф (1,5 га)[188]. Приходится признать, что в вади ал-ʻАйн отсутствовало центральное поселение (Седов 1995а. С. 98; Седов 1995б. С. 173) и невозможно установить, населяла ли община ʻАйн только ʻĀдӣйат ас-Сафӣл II или всю долину (Sedov 1996b. P. 275).

Единственное упоминание «общины райбӯ[н]» обнаружено во фрагментарном тексте из храма Майфаʻān Rb XIV/87 n° 65 = СОЙКЭ 1184, датируемом приблизительно V–IV вв. до н. э.: *<s²>rk/R<yb>[n]*.

Неясно, входили ли в состав этой общины жители всего райбунского оазиса или только его главного населенного пункта, обозначаемого как Райбӯн I

---

[185] В ʻАрбаш–Сайʼӯн 1/5 выражение *w-s²ʻbᵐ/kwn/kwn-s¹m/bn/s²ʻb-s¹m/Ḥḍrmwt* — «и одна из общин, относящихся к их общине ҳадрамаут» (см. ниже примеч. 479 к данной главе), — по-видимому, указывает на существование иерархии общин в хадрамаутском обществе подобно *шаʻбам* первого, второго и третьего порядков в сабейском культурно-политическом ареале (см. о них: Коротаев 1997. С. 110–113).

[186] Толкование этих знаков как имени собственного Шаракʻайн, предлагавшееся М. Б. Пиотровским в качестве альтернативного (Пиотровский 1995. С. 184), вряд ли может быть принято, поскольку элемент *ʻYN* в южноаравийских составных антропонимах не обнаружен (мужское имя собственное *ʻynsᵐ*, отмеченное в хадрамаутской надписи из Бā Ḳутфы BQ 5, восходит к корню *ʻNS*). Однако следует отметить, что этот элемент встречается в маинском топониме *ʻyn'l* (Arbach 1993. II. P. 34). Кроме того, простые антропонимы *ʻyn* и *ʻynw* зафиксированы соответственно в маинской и катабанской ономастике (Al-Said 1995. S. 40; Hayajneh 1998. S. 333).

[187] Интересно, что в разговорной речи он может произноситься без определенного артикля — ʻАйн (Пиотровский 1995. С. 184).

[188] См. Седов 1995б. С. 162–168, 171–172; Sedov 1996b. P. 254–267, 268–278; Пиотровский 1995. С. 177–181, 187–188.

Ил. 5. Rb XIV/87 **n° 65 = СОЙКЭ 1184**

(Французов 2009a. С. 141; Французов 2012. С. 139–140). По-видимому, в этом случае название общины совпадало с названием поселения: так, в Rb I/88 passage left n° 132 a–b = СОЙКЭ 1737 а–б/1–2 полное имя богини, которой была посвящена данная надпись, читается как *Ḏt/Ḥ|[m]ym/ḏt/Rḥbⁿ/<b-Rybn>* «Зāт Ḫи[м]йам, Хозяйка Раḫбāна в Райбӯне». Хотя в отличие от Маз̲āба употребление термина *hgr* по отношению к Райбӯну пока не обнаружено, вопрос о том, следует ли считать его городом, кажется вполне правомерным. Судя хотя бы по тому, что на 18 га, которые занимает райбунский оазис, приходилось не менее десятка храмов, из которых пока раскопано пять, можно с уверенностью утверждать, что речь идет о крупнейшем храмовом центре Внутреннего Хадрамаута, во всяком случае, западной его части. Между тем, в древней Южной Аравии функция сбора и редистрибуции прибавочного продукта выявлена в первую очередь для храмов. Таким образом, центральное поселение оазиса — Райбӯн I — с располагавшимися непосредственно на его территории храмами Раḫбāн и Ḫадрāн и находившимися на расстоянии в несколько сот метров от его окраин храмами Майфаʿāн, Кафас/Наʿмāн и Васаṭ(х)āн, вполне заслуживает определения город[189].

[189] Вопрос о численности населения как в Райбӯне I, так и во всем оазисе пока не может быть решен даже приблизительно. Напомним, что в Райбӯне пока раскопано только два жилых дома (здания 5 и 6 Райбӯна I). Принятый Ж. Шиттекаттом для количества жителей райбунского оазиса интервал от 8280 до 12 420 человек (Schiettecatte 2004. P. 141, table 2) основан на чисто механических выкладках: этот исследователь взял за основу усредненные показатели, выведенные в 50-е гг. XX в. Г. У. Ван Биком для катабанской столицы Тамнаʿ и составляющие 46 зданий на 1 га и 10–15 чел. на 1 здание. Правда, французский археолог признает дискуссионный характер своих выкладок, в частности применительно к Райбӯну, для которого предложенную численность населения считает,

Ил. 6. Rb XIV/87 n° 42 = СОЙКЭ 1169

Титул «кабӣр райбӯна (Райбӯна)» достаточно надежно реконструируется в двух небольших фрагментах позднего периода (III–I вв. до н. э.) из храма Майфа‘ān (Французов 2009a. С. 143, ил. 61; Французов 2012. С. 141, ил. 104). В Rb XIV/87 n° 42 = СОЙКЭ 1169 ничего, кроме данного титула, осмысленному восстановлению не поддается: 1. ...*<tr/>*... | 2. ...*[k]<br/Ry>[bn/]*... (ил. 6).

В правом верхнем углу стелы Rb XIV/91 n° 47 сохранилось еще и имя кабӣра: 1. *F’r<n>[/bn/...]* | 2. *kbr</R>[ybn/...]* | 3. *ḍ‘<s¹/>*... | 4.*<m>*... (ил. 7)[190].

Очевидно, об этом же Фа’рāне речь идет в Raybūn 6/2, где приводится пожелание: ...*w-ys¹kbr/F’rⁿ/S¹yn/*... «…и да поставит Сийāн Фа’рāна кабӣром…»[191]. Таким образом, считалось, что назначение на пост кабӣра производил «национальный бог» древнего Хадрамаута (Французов 2009a. С. 105, 143; Французов 2012. С. 102, 141)[192].

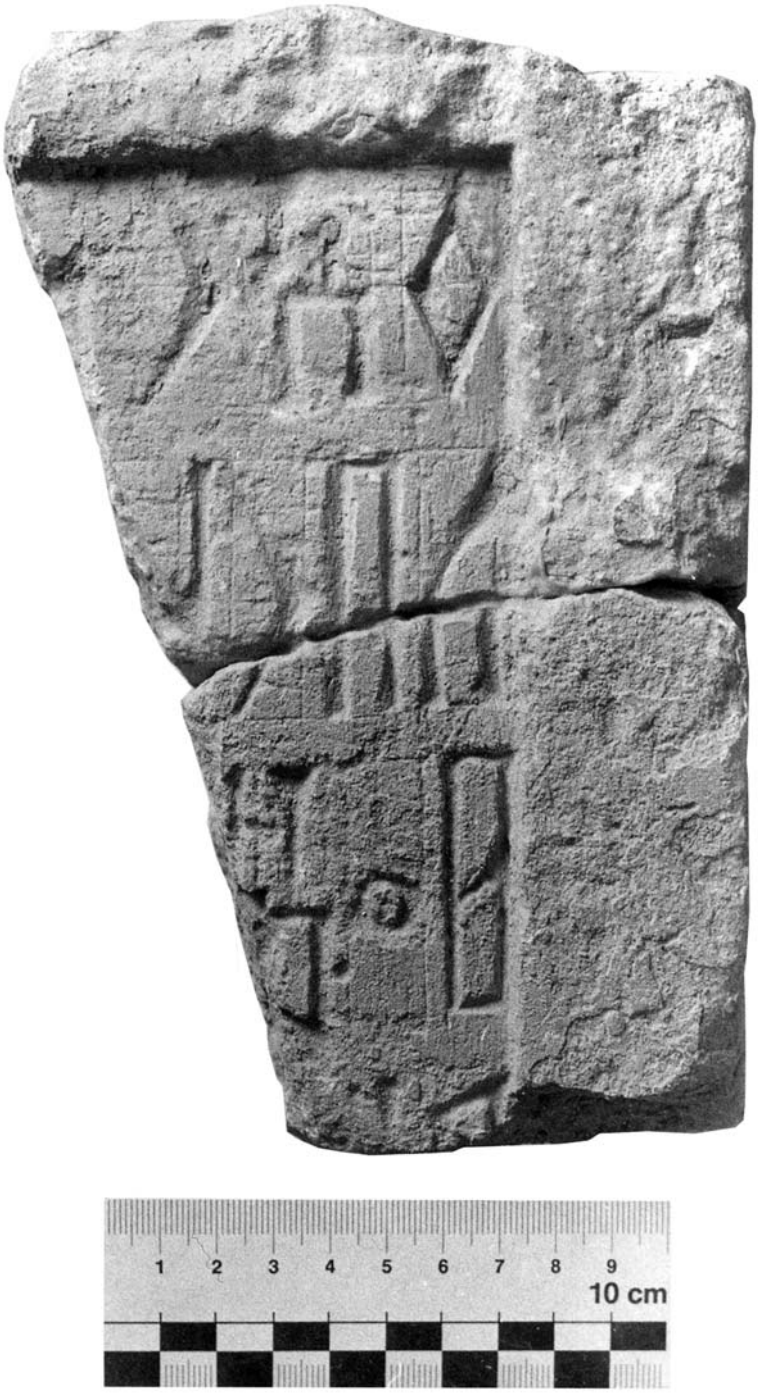
Аналогичная практика существовала в древнесабейском государстве. Так, согласно Ja 555/3, автора этой надписи назначил на пост қайна города Мариб

скорее всего, несколько завышенной (Schiettecatte 2004. P. 125, n. 4), однако он упорно не замечает, что главный недостаток этих подсчетов заключается в другом: при нынешнем уровне археологической изученности Южной Аравии время для них пока еще не настало. См. об этом подробнее: Французов 2009a. С. 141–142; Французов 2012. С. 140–141.

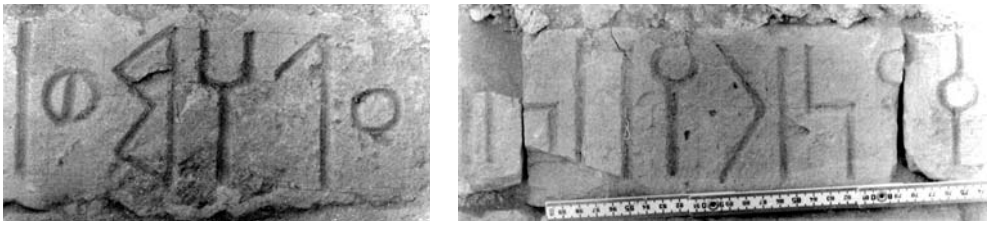
[190] В стк. 3 и 4 не представляется возможным восстановить с уверенностью ни одного слова.

[191] Перевод данного фрагмента, предложенный Кр. Ж. Робеном: «…et Fa’râ̂n reconnut la grandeur de Sayin…» (Breton et al. 1980. P. 104), — представляется неверным, особенно с учетом приведенного выше контекста Rb XIV/91 n° 47/1–2.

[192] Это хорошо согласуется с формулой *b-S¹yn/w-Ḥwl/w-Ḥly’l/w-mlk/Ḥḍrmt* (RES 3869/4), показывающей, кому, по представлениям хадрамаутцев, кабӣр крепости Майфа‘а был в первую очередь обязан своей властью.



Ил. 7. Rb XIV/91 n° 47



Ил. 8. СОЙКЭ 2568

сам бог Алмаḳах (*t'bh-hw/qyn/Mryb*). Этот термин принято переводить как «чиновник администрации», «администратор» или даже «министр» (Beeston et al. 1982. P. 112; Arbach 1993. I. P. 74; Ricks 1989. P. 146). Судя по надписям, происходящим из Харама и Каминахӯ, ḳайн состоял на службе у правителей этих городов-государств и мог одновременно являться царским чиновником, служителем богов и городским магистратом. Правда, чаще эти функции разделялись. По ранним сабейским надписям известны ḳайны божеств (Алмаḳаха и Хаубаса), ḳайны верховных правителей и ḳайн Мариба[193]. Упоминание ḳайнов города Ṣирвāḥа в Gl 1533/2 свидетельствует, что ḳайн был не правителем города, как полагали некоторые исследователи[194], а лишь одним из городских магистратов[195]. Очевидно, основное различие между ḳайном и кабӣром состояло в том, что первый состоял членом коллегиального органа (являлся «советником»), тогда как выполнение кабӣром своих обязанностей основывалось на принципе единоначалия. В хадрамаутской эпиграфике *qyn* засвидетельствован единственный раз в СОЙКЭ 2568 (из храма Майфа'āн), автор которой 'Алāхумӯ (*'lhmw*), по другим надписям не известный, носит титул «ḳайн Райбӯна» *(qyn/Rybn*)[196], причем неясными остаются как его функции, так и то, каким образом он был назначен на эту должность (ил. 8).

Вполне возможно, что с магистратурой ḳайна связана нисба *mqyny^{hn}*, которая была обнаружена после имени Гаур'ил (*Gwr'l*) в стк. 1 на фрагменте стелы RAMRY/93 n° 1, посвященной Сийāну, с городища Джӯджа близ Шибāма, а также в неопубликованной надписи с городища Ḫуṣн ал-Ḳайс в вади Санā',

[193] См. подробнее: Французов 2009a. С. 143; Французов 2012. С. 141.

[194] См., например: Biella 1982. P. 454.

[195] Издатель надписи М. Хёфнер перевела *l-'ly/s^{1}t/'qyn/Ṣrwḥ* как «принадлежащие шести ḳайнам Ṣирвāḥа (Angehörigen /*'ly*/ der sechs *'aqyān* von Ṣirwāḥ)» (Höfner 1973. S. 34). Однако А. Ф. Л. Бистон, справедливо указав на то, что в таком случае вместо *s^{1}t* здесь должна была бы стоять форма 3 л. ж. р. ед. ч. *s^{1}tt* (по правилу разобщения в роде числительного и исчисляемого), интерпретировал *'ly/s^{1}t/'qyn* как «те, которые имеют ту же власть, что ḳайны» (Beeston 1976b. P. 413; ср.: Beeston et al. 1982. P. 128, где вместо *'qyn* по ошибке поставлено *'qwln*). В любом случае из этого контекста следует, что одновременно ḳайнами Ṣирвāḥа были несколько человек.

[196] Палеографически эта надпись датируется последней фазой древнего периода (V–IV вв. до н. э.), а археологически (на основании радиокарбонного анализа остатков ее деревянного обрамления) — интервалом между началом II в. до н. э. и началом I в. н. э. Впрочем, нельзя полностью исключить возможность вторичного использования этой надписи или полной замены пришедших в негодность частей ее обрамления в ходе очередного ремонта храма (см. подробнее: Французов 2009a. С. 48–49; Французов 2012. С. 47).

хранящейся в Мукаллинском музее (MM 1/1); ее интерпретация как «servant of the *qayn*'s office (служитель канцелярии ḳайна)» представляется довольно убедительной (Frantsouzoff 2005a. P. 195)[197].

Необходимо подчеркнуть, что общеюжноаравийское *hgr* не во всех случаях означает «город» в том смысле, который вкладывает в него определение Большакова–Якобсона. Например, в ʻАрбаш–Сайʼӯн 1, датируемой I в. до н. э., сообщается, что катабанский военачальник «сжег триста городов» (стк. 1: *w-dhr/ s²lṯ/m't/hgr^{m}/...*) во Внутреннем Хадрамауте. Если исключить хвастливое преувеличение, присущее победителям, но в общем нетипичное для древнейеменской эпиграфики, следует признать, что *hgr^{m}* в этом контексте правильнее истолковать как «поселения», поскольку с учетом площади сельскохозяйственных угодий в этой области, ограниченной территорией главной долины (шириной до 5 км) и боковых вади (шириной до 1,5–2 км), и численности ее населения, составлявшей около 230–260 тыс. человек[198], большинство этих *хагаров* должны были представлять собой крупные деревни, а не города.

Попытаемся выяснить, почему в письменной традиции древнего Хадрамаута община обозначалась термином *s²rk*, а во всей остальной южноаравийской эпиграфике — термином *s²ʻb*. Чтобы найти ответ на этот вопрос, стоит обратить внимание еще на один специфически хадрамаутский феномен — почти полное отсутствие указаний на родовую принадлежность авторов местных надписей и упоминаемых в них лиц в I тысячелетии до н. э.[199], что совершенно нетипично ни для сабейских, ни для мазабских (в том числе маинских), ни для катабанских эпиграфических памятников. В текстах, составленных на родном языке, хадрамаутец для своей однозначной идентификации указывал, как правило, только имя и патронимию (ну и, разумеется, официальную должность, если он ее занимал)[200], будь то в Шабве и Майфаʻе, в Райбӯне, Биʼр Ḫамаде и других поселениях Внутреннего Хадрамаута. По-видимому, именно этот фактор обусловил богатство и разнообразие антропонимики древнего Хадрамаута. Так, только в надписях Райбӯна и Биʼр Ḫамада нами было выявлено 468 антропонимов (Французов 2012. С. 189–222: таблица; ср.: Французов 2009a. С. 187–216, таблица). Приблизительно такое же количество личных имен (ок. 500) обнаруживается в среднесабейских текстах из храма Аввāм, куда стекались паломники не только из Марибского оазиса и из сабейских поселений ал-Джауфа, но также с севера

[197] Ее альтернативное истолкование — «the blacksmith (кузнец)» — кажется менее вероятным, поскольку производные от корня *QYN* с такой семантикой, засвидетельствованные в арабском (см.: *ḳайн* — «кузнец»), в южноаравийских эпиграфических языках неизвестны.

[198] См. приблизительные подсчеты в разделе 1 главы III.

[199] Для Райбӯна на данное явление обратил внимание еще Г. М. Бауэр, пытавшийся связать его либо с тем, что жители этого города относились к одному роду, либо с тем, что «в условиях городской жизни принадлежность к роду постепенно теряла силу» (Бауэр 1989. С. 157), т. е. с превращением родовой общины в территориальную.

[200] В южноаравийской эпиграфике *bn* — «сын» — могло стоять как перед патронимией, так и перед родовым именем. Сразу после личного имени оно почти всегда вводит патронимию. Составленные отцом и сыном хадрамаутские надписи BQ 54/1–2 (*Ḏywn^{m}/bn/Bydqy[m/w]-|Rs³d'l/bn/Ḏywn^{m}*) и Rb VI/04 e.w. n° 52 + n° 49/1–2 (*Bql/bn/ Nhyhmw/w-K|rb/bn/Bql*), — ясно указывают, что вслед за *bn* идет имя отца.

Ил. 9. СОЙКЭ 663

Йеменского нагорья и из центральной его части. В памятниках райбунской эпиграфики, относящихся к одному палеографическому периоду, имена повторяются крайне редко, а если такое и происходит, то речь почти во всех случаях идет о нескольких надписях, составленных одним и тем же лицом.

Еще один серьезный аргумент, свидетельствующий об отсутствии родовой структуры в древнем хадрамаутском обществе, обнаруживается в той формуле, которая обозначала статус замужних женщин в памятниках местной эпиграфики. Если в ранних (VII–VI вв. до н. э.) надписях на маинском языке из области ал-Джауф, а также в среднесабейских текстах после личного имени женщины следовало относительное местоимение *ḏt* (ед. ч. ж. р.), вводившее название **рода ее мужа**, в состав которого она вошла в результате брака[201], то в хадрамаутских надписях, в тех редких случаях, когда шло указание на семейное положение дамы, непосредственно за ее патронимией стоял термин *ʾnṯtʾnsˀt* — «жена» — в сочетании с **личным именем ее супруга**. Ярким примером этого служит СОЙКЭ 663, вырезанная на блоке, вторично использованном в вымостке райбунского храма Раḫбāн богини Ṯāт Ḫимйам, и датируемая VII–VI вв. до н. э. (ил. 9).

Текст	**Перевод**
1. *Ṯwlᵐ/bnt/ʾlsˀhr/ʾn[tt/Hw]=*	Саул, дочь Илīшахара, же[на Хау]-
2. *fʿtt/hqnyt/Ḏt/Ḥmy[m]*	фʿасата посвятила Ṯāт Ḫимйа[м]

Напрашивается вывод о том, что в древнем Хадрамауте община очень рано (еще в дописьменный период) из родовой превратилась в территориальную и что под *шаʿбом* следует понимать земледельческую общину с родовой структурой

[201] См., например: Fr–Ṣanʿāʾ 6/1–2 (*ʾbkhl/ḏt/byt/Ḥmʿtt/ḏy-S²|bm*) и Nihm/Barrān 3/1 (*Mgdḥlk/ḏt/Ṣhbt*). В ряде случаев после родового имени мужа термин родства *bt* (букв. «дочь») вводил имя того рода, к которому женщина принадлежала по рождению (YMN 19/1: *Ḫlḥmd/ḏt/Gldⁿ/bt/bn/Ḥnzᵐ*). Подробнее об этом см.: Beeston 1997. P. 1.

(своеобразное «оседлое племя»), а под *ширком* (*s²rk*) — без такой структуры (ср.: Французов 2009а. С. 135, 141; Французов 2012. С. 134, 139–140)[202].

Единичные ссылки на родовую принадлежность (вводимые относительным местоимением *ḏ-*) начинают появляться в хадрамаутских текстах лишь в конце I тысячелетия до н. э. В качестве одного из примеров можно привести надпись III–I вв. до н. э. на верхней горизонтальной поверхности передней стенки алтаря из ʻУḳрāна (поселения, расположенного к югу от Шибāма), который хранится в Британском музее под инвентарным номером WA 117929: *Mʻdⁿ/ḏ-S²kmᵐ/ʻhrʼl/ḏ-Ys²bm/w-ʻb<dʻly>* — «Маʻдāн з̱ӯ (т. е. из рода) Шакм, ʻАхарʼил з̱ӯ (т. е. из рода) Йашбум и ʻАбдʻалӣ»[203]. Отметим, что родовое имя третьего из этих лиц не указано и не известно, имелось ли оно у него вообще. Во фрагментарной строительной надписи из Шабвы Shabwa Chantier VI, 1976 n° 81, датируемой тем же периодом, упоминается *ʻmʼns¹/ḏ-Ṣdqḏkr* — «ʻАммīʼанас з̱ӯ Ҫадаḳз̱акар» (стк. 3), который возвел башни и куртины столичной крепостной стены. Интересно, что все эти родовые имена представляют собой обычные хадрамаутские антропонимы[204], которые, по всей видимости, носили предки-основатели соответствующих родов. Даже в надписях со скалы ал-ʻУḳла, относящихся к началу-середине III в. н. э. родовые имена отмечены менее чем у половины упомянутых в них лиц.

Каким образом родовая структура была вторично привнесена в хадрамаутское общество? Ее заимствование у жителей других южноаравийских государств представляется маловероятным, поскольку в последние века I тысячелетия до н. э. сабейское влияние в Хадрамауте постепенно сходит на нет, а влияние Маина и Катабана на него никогда не было сколько-нибудь значительным[205]. С другой стороны, в катабанской надписи ʻАрбаш–Сайʼӯн 1, относящейся к I в. до н. э., среди тех, кто сражался с Катабаном на стороне Хадрамаута, упомянуты полукочевые племена ҫадафāн (*Ṣdfⁿ*; в арабской традиции — аҫ-ҫадаф), *Gdmᵐ* (стк. 1, 4) и сайбāн (стк. 1: *Sˡybⁿ*)[206]. Существование у них родоплеменной структуры не вызывает сомнений, равно как и возможность ее постепенной трансляции на оседлое население Хадрамаута в результате длительных контактов с ним. Если принять эту довольно убедительную гипотезу, то напрашивается

---

[202] Об этом свидетельствуют одно из значений арабского глагола *шарика* — «быть партнером, компаньоном» — и такое современное выражение, как *ва-шуракāʼу-ху* — «& Со.», «и компания».

[203] Она опубликована как начальная строка RES 3512, однако, скорее всего, это — самостоятельная надпись, отличная от той, бóльшей по размеру, что идет на боковой поверхности алтаря, и выбитая на алтаре позже нее. Обе относятся к позднему райбунскому периоду.

[204] Личное имя *S²kmᵐ* встречается, в частности в RES 2687/1, *Ys²bm* — в эпиграфике райбунских храмов Раҳбāн, Кафас/Наʻмāн и Майфаʻāн (Французов 2009а. С. 215, № 457; Французов 2012. С. 222, № 458), *Ṣdqḏkr* — в RES 4275/1.

[205] См. подробнее раздел 9 данной главы.

[206] Об аҫ-ҫадафе и сайбāне см.: Французов 2004б. С. 57–62, 63–64. Что касается *Gdmᵐ*, то его следует отождествить с جدام (Джадāм?), предком одной из крупных ветвей в арабо-мусульманском родословии аҫ-Ҫадафа (Хамдани /Акваʻ/, Иклил. 2. С. 17, 19). Таким образом, в арабо-мусульманском генеалогическом предании оказалась представлена реальная этноплеменная группа, которая в конце I тысячелетия до н. э. существовала отдельно от садафитов и даже рассматривалась на одном уровне с ними.

явная параллель с тем процессом, который проходил в хадрамаутском обществе накануне ислама и после его прихода и заключался в заимствовании племенной организации местными оседлыми общинами земледельческого населения и их трансформации в племенной союз (соплеменность) ḥадрамаут под влиянием арабских кочевников[207]. Более того, есть серьезные основания попытаться увидеть истоки этого процесса в постепенном внедрении в хадрамаутское общество родовой структуры в конце I тысячелетия до н. э.

6. ХАДРАМАУТСКИЙ ЭПОНИМАТ И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ ЮЖНОАРАВИЙСКИХ СИСТЕМ ЭПОНИМНЫХ ДАТИРОВОК

Система летоисчисления, принятая в той или иной стране, может немало рассказать о мировоззрении ее обитателей и даже о некоторых чертах ее социального строя. Как и многие народы древнего мира, создатели южноаравийской цивилизации вплоть до конца I тысячелетия до н. э. (а в ряде областей — и в первые века н. э.) обозначали года именами особых должностных лиц, которых исследователи, исходя из аналогичной афинской практики, снискавшей широкую известность в исторической науке, стали называть эпонимами[208]. Да и позднее к летоисчислению по эрам перешли далеко не все южноаравийские государства и области: эта система обошла стороной не только Хадрамаут, но и Сабу. Интересно, что в древнем Йемене нет никаких следов столь распространенного в разных частях света, как в древности, так и в средние века, счета времени по годам правления монархов (Beeston 1956. P. 25). Возможно, это отчасти объясняется тем, что наследственное и пожизненное единовластие утвердилось в территориальных южноаравийских государствах далеко не сразу[209]. Что касается систем эпонимных датировок, то на территории древней Южной Аравии их выявлено пять: сабейская, маинская, катабанская, хадрамаутская и еще одна, применявшаяся в северной части Йеменского нагорья, на землях, подвластных *ша'бу* первого порядка[210] сум'ай (сам'ӣ)[211]. С каждой из них был связан свой

[207] См. подробнее: Французов 2004б. С. 51–52, 204–205.

[208] На вызванную этим условность в использовании термина «эпоним» применительно к древней Южной Аравии справедливо указал, в частности, А. Ф. Л. Бистон (Beeston 1956. P. 26). Основные положения данного раздела опубликованы в Frantsouzoff 2013.

[209] См. выше раздел 4 данной главы.

[210] Об этом термине см. выше примеч. 60 к данной главе.

[211] Об этом *ша'бе*, который обладал собственным пантеоном, а на заре своей истории — и политической самостоятельностью (один из его царей известен по надписи CIH 37), но затем признал главенство Сабы, вступив с ней в длительный и прочный союз, см. подробнее: Robin 1996a. Col. 1131, 1165.

Возможно, в городах-государствах ал-Джауфа существовали собственные эпониматы. Во всяком случае, формула эпонимной датировки, обнаруженная в маинском (по языку) документе на пальмовом черенке X.JRy b-2/6–7 из Нашшāна, сильно отличается от той, что использовалась в Маине (так, она начинается с *ḏ-ḥrf*, а не с *ḏ-kbr(h)* или *b-kbr*, что вопреки мнению издателей текста /см. Ryckmans J., Loundine 1997. P. 178/ не обязательно должно свидетельствовать о сабейском влиянии).

календарь, очевидно, лунно-солнечного типа[212], причем названия отдельных месяцев могли быть представлены сразу в нескольких календарях[213]. Следует отметить, что полный набор месяцев (но не их точная последовательность!) восстановлен пока только для сабейского календаря[214].

До недавнего времени хуже всего изученным оставался эпонимат, существовавший в древнем Хадрамауте. Почти до самого конца прошлого столетия во всей хадрамаутской эпиграфике были известны всего две датировки по эпонимам: в CT 10/2–3 (*b-hy/'ḏḏ|m/s²ls³<hn>*), происходящей из раскопок храма Сийāна на городище Ḫурайḍа и в RES 2687/5 (*ḏ-hy/Ys²rḥ'l/ḏ-'ḏḏm/s³nyhn*)[215] с оборонительной стены в вади Либнā (ал-Бинā'). Тем не менее они дали возможность сделать два верных наблюдения: об отсутствии в хадрамаутских датировочных формулах какого-либо слова для обозначения года и о том, что эпоним мог занимать свой пост в течение более чем двух лет (Beeston 1956. P. 34–35).

В эпиграфических материалах СОЙКЭ и РКЭЙР автору этих строк удалось выявить еще пять надписей, датированных по эпонимам (три райбунских фрагмента: два из Майфа'āна и один из Васаṯ(х)āна; один фрагмент из Би'р Ḫамада и один полный надгробный текст из пещеры ар-Рукба близ ал-Хаджарайна)[216]. Кроме того, были идентифицированы эпонимные датировки в опубликованной ранее строительной надписи Ja 2878 b из Хор Рори (Французов 2001. С. 163–164) и в тексте из Мукаллинского музея MM 161, очевидно, происходящем из Шабвы (Frantsouzoff 2005c). В итоге все девять датировок сведены вместе в приведенной ниже таблице[217].

---

[212] На это указывает наличие в сабейском календаре тринадцатого месяца *ḏ-ns¹wr/'ḫrn* (наряду с *ḏ-ns¹wr/qdmn*), что предполагает интеркаляцию. Кроме того, среди катабанских месяцев помимо *ḏ-brm* отмечены *ḏ-brm/qdmn* и *ḏ-brm/'ḫrn*. По-видимому, последние два появлялись только в тот год, когда после месяца, превращавшегося из просто *ḏ-brm* в «*ḏ-brm* первый», вставлялся добавочный месяц «*ḏ-brm* последний (второй, другой)» (см. подробнее: Beeston 1956. P. 11–13).

[213] Например, *dṯ'* у маинцев (Beeston 1956. P. 10–11) и сум'айитов (Robin 1981b. P. 49, 52), *ḏ-s¹ḥr* у сабейцев и катабанцев, ср. также *ḏ-'bhy* у сабейцев и *ḏ-'bhw* у катабанцев (Beeston 1956. P. 10).

[214] Первый вариант такой реконструкции см.: Beeston 1956. P. 12–13, с исправлениями она представлена в Robin 1981b. P. 50, n. 15. Восемь или девять месяцев, засвидетельствованных в маинской эпиграфике, см.: Beeston 1956. P. 10–11. Пока не ясно, относится ли к календарю Маина месяц *ḏ-trdhy*, выявленный в X.JRy b-2/5–6; не исключено, что это — первый из ставших нам известными месяцев того календаря, что использовался в Нашшāне. К семи катабанским месяцам (Beeston 1956. P. 11) следует теперь добавить *ḏ-ḏbḥtm*, обнаруженный в MuB 522/6. Список из шести сум'айитских месяцев, название одного из которых полностью не восстанавливается, приведен в Robin 1981b. P. 49, 52; к настоящему времени календарь Сум'ай пополнился еще двумя месяцами: *'ln* (Гр 137/10; см.: Коротаев, Французов 1998. С. 6) и *ṣrb* (MAFRAY — Mahazza 1/7; см. Frantsouzoff 2009a. P. 158).

[215] По аналогии с датировочной формулой в CT 10/2–3, начинающейся с *b-hy*, А. Ф. Л. Бистон предложил исправить *ḏ-hy* на *b-hy* и в RES 2687/5 (Beeston 1956. P. 34; Beeston 1962. P. 67: § 57: 8; странным образом он вновь вернулся к чтению *ḏ-hy* для RES 2687/5 и ошибочно дал его для CT 10 в Beeston 1984a. P. 69, § 25, 1, n. 131). Однако на фотографии RES 2687 (см., например: Avanzini 2008b. P. 632, fig. 13) *ḏ-hy* читается совершенно четко.

[216] Небольшой фрагмент Rb XIV/87 n° 20 = СОЙКЭ 1146 остается неизданным, а остальные опубликованы: Французов 2001. С. 165–169; Frantsouzoff 2003d; Виноградов, Седов, Французов 2005. С. 395, рис. 10. С. 397; Frantsouzoff, Prioletta 2013.

[217] Опубликована без второго слева столбца и с несколько иным расположением надписей (см.: Французов 2009a. С. 146). Аналогичные таблицы с шестью (без MM 161, Rb VI/04 s.w. n° 3 и СОЙКЭ 1146)

Таблица 3

Датировки по эпонимам в хадрамаутских надписях

Сиглы надписей/строки	Частица, вводящая датировку	Личное имя эпонима	Родовое имя эпонима	Год (номер?) эпонимата
CT 10/2–3	*b-hy*	*‘ḏḏ* ^{m}	не упомянуто	$s^2ls^{3<hn>}$ — 3
Rb VI/04 s.w. n° 3/2	не сохранилась	*(R)fh*^{m}	не упомянуто	*’qdm*^{hn} — 1
Rb XIV/87 n° 16 = СОЙКЭ 1142/3	не сохранилась	*[Y]ḥm’l*	не упомянуто	$s^3ny^{h[n]}$ — 2
Rb XIV/87 n° 20 = СОЙКЭ 1146/1	не сохранилась	*[…]’l*	не упомянуто	*’qdm*$^{<h>[n]}$ — 1
СОЙКЭ 903/4	*b-<hy>*	$Fs^2(ḥ)^n$	не упомянуто	*rb ‘*^{hn} — 4
СОЙКЭ 941 = Bi’r Ḥamad 3/2	не сохранилась	*[.]ḥ’l*	не упомянуто	s^3ny^{hn} — 2
RES 2687/5	*ḏ-hy*	$Ys^2rḥ’l$	*ḏ- ‘ḏḏ* ^{m}	s^3ny^{hn} — 2
Ja 2878 b/4	*b-hy*	*Ḥmyt*	*ḏ-Hs*^{2}*m*	*rb ‘*^{hn} — 4
MM 161/7–8	*b-hy*	*’by*^{m}	не упомянуто	*ṯny*^{hn} — 2

В этом варианте таблицы надписи, содержащие эпонимные датировочные формулы, расположены в хронологической последовательности: те, что занимают шесть верхних строк, по своим палеографическим особенностям относятся к III–I вв. до н. э., RES 2687 — приблизительно к концу I в. до н. э. — I в. н. э.[218], Ja 2878 b — к первым векам н. э.[219], наконец, MM 161 — ко второй половине III–IV (или даже V) в. н. э. (Frantsouzoff 2005c. P. 248, 251–252). Исходя из того, что только в RES 2687/5 и Ja 2878 b/4 приведены родовые имена эпонимов и в обеих этих надписях речь идет о масштабных строительных работах[220], было высказано предположение, что они датированы по общехадрамаутскому эпонимату, а остальные семь включенных в таблицу надписей — по местным эпонимам (Французов 2009a. С. 146). Однако сейчас данная гипотеза представляется сомнительной, особенно если учесть, что как раз на рубеже нашей эры у хадрамаутцев стала постепенно появляться родовая организация общества, прежде у них отсутствовавшая[221]. Таким образом, наличие родовых имен у эпонимов в RES 2687/5 и Ja 2878 b/4 объясняется временем составления этих

и семью (без Rb VI/04 s.w. n° 3 и СОЙКЭ 1146) датировками были изданы, см. соответственно: Frantsouzoff 2003d. P. 257; Frantsouzoff 2005c. P. 252.

[218] См. выше примеч. 165.

[219] См. главу III, раздел 2.

[220] В RES 2687 сообщается о возведении укреплений в ал-Бинā’, благодаря которым это вади получило свое нынешнее название, под руководством Шакма Салḫāна, сына Ридвāна, а в Ja 2878 b — о сооружении новой башни и третьих ворот Сумхурāма, которые предпринял Ca‘ад’ил, сын Асрака, зӯ Даус, наместник царя в земле Са’калхāн (стк. 1: *‘qb/mlk*^{hn}*/b-’rḍ/S*^{l}*’kl*^{hn}), т. е. в Дофаре.

[221] См. конец предыдущего раздела данной главы.

надписей, а не тем, что они датированы по общим для всего Хадрамаута, а не по местным эпонимам[222]. Кроме того, ни у сабейцев, ни у маинцев, ни у катабанцев, ни у сум'айитов эпонимат не делился на государственный (общерегиональный) и локальный.

Содержание датированных по эпонимам хадрамаутских надписей отличается разнообразием, но в большинстве случаев они оказываются связанными со строительством. Помимо официальной информации о возведении укреплений (RES 2687; Ja 2878 b) в них говорится об обновлении облицовки храма Маз̲āб в одноименном городе (CT 10) и сооружении скальной гробницы, которая предназначалась для частного лица, но где были также захоронены останки верблюда (СОЙКЭ 903)[223]. В тексте на стеле Rb VI/04 s.w. n° 3, посвященной Сийāну, датировано, причем с точностью до месяца, исцеление ее автора, Дāдīшибāма (*Dds²bm*) от болезни. Автор MM 161 выражает покорность сабейскому роду Йухауди' и его общине и сообщает об успешной продаже фиников и зерновых, собранных благодаря использованию двух водных потоков. Незначительный размер фрагментов СОЙКЭ 941, 1142, 1146 не позволяет установить, о чем шла речь в текстах, к которым они относились.

Необходимо отметить, что во всех случаях, когда датированная по эпониму надпись была найдена в руинах храма, им оказывалось святилище Сийāна: Мазāб в Ḫурайде (CT 10), Майфа'āн (СОЙКЭ 1142, 1146) и Васаṭ(х)āн (Rb VI/04 s.w. n° 3) в Райбӯне, пока безымянный храм в Би'р Ḫамаде (СОЙКЭ 941), что не удивительно, поскольку именно этот бог считался олицетворением хадрамаутской государственности.

Употребление относительного местоимения ед. ч. м. р. с энклитикой *d̲-hy* вместо предлога *b-* с такой же энклитикой в начале датировочной формулы RES 2687/5, очевидно, является чисто стилистическим приемом. Во всяком случае, и *d̲-*, и *b-* используются в маинских эпонимных датировках, правда, предлог вводит ее лишь в тех случаях, когда опущена ссылка на месяц (Beeston 1956. P. 26; Лундин 1971. С. 59–60).

Вполне вероятно, что еще одна датировка по хадрамаутскому эпониму была приведена в конце самой пространной южноаравийской надписи 'Abadān 1 (позднесабейской по языку), сразу после датировки месяцем *d̲-md̲r'ⁿ* (приблизительно июлем) 470 г. химйаритской эры, что соответствует 360 г. н. э. (стк. 43–44). После выражения *w-kn/b-tḫrf/Ḥḍrm(t)* — «а по летоисчислению Хадрамаута (это) был» — там следует с трудом распознаваемое слово *(w)r(ḫ)* — «месяц», название месяца — *s²ms¹ḫy*, и сразу за ним, без всякой частицы — *'s¹lmᵐ*, истолкованное как имя эпонима (Robin, Gajda 1994. P. 120, 129)[224]; к сожалению, далее стк. 44 оказалась практически полностью стертой, так что год эпонимата остается неизвестным.

[222] Что касается самой поздней датированной в соответствии с хадрамаутским эпониматом надписи MM 161, в которой родовое имя эпонима не приведено, то не следует забывать, что в эпиграфике ал-'Уқлы родовые имена выявлены менее, чем у половины упоминаемых там лиц.

[223] См. подробнее разделы 7 и 8 данной главы.

[224] В хадрамаутской ономастике оно встречается только как родовое имя (Ja 885/4: *d̲-'s¹lmᵐ*), а в маинской и катабанской — как личное (Arbach 1993. II. P. 11; Hayajneh 1998. S. 300).

В наскальной надписи из вади ‘Идим (Fr–‘Idim 1)[225] после имени автора идет сказуемое с косвенным дополнением *s¹ṯr#b-hy/’‘bd*^{m} (стк. 3). С одной стороны, во всех случаях, когда предлог *b-* снабжен энклитикой *-hy*, он вводит эпонимные датировки, с другой, во всех таких формулах после имени эпонима указывается порядковое числительное, обозначающее год эпонимата. Кроме того, антропоним *’‘bd*^{m} ни в хадрамаутской, ни вообще в южноаравийской ономастике не засвидетельствован[226]. Поэтому гораздо более вероятной представляется его интерпретация в качестве топонима, относящегося к тому месту, где была высечена эта надпись, т. е. «высек надпись в А‘бāде» (а не «высек надпись в эпонимат А‘бада»).

К сожалению, остается неизвестным, какой титул носили эпонимы в Хадрамауте, как, впрочем, и в Катабане, а также у сум‘айитов. Лишь для Маинского царства, благодаря датировочным формулам[227], доподлинно установлено, что там функции эпонимов исполняли кабīры, очевидно, изначально являвшиеся градоначальниками его столицы Қарнау, да в ранней Сабе, судя по надписям CIH 555/8–10, Ja 540/4 и Ṣirwāḥ-04–05/7–8, где в состав датировок входит выражение *ḏ-rs²wt*, эпонимом являлся жрец (*rs²w*), по-видимому, служивший главному богу южноаравийского пантеона ‘Аṯтару (Лундин 1971. С. 17–19). Не ясно, сохранялась ли подобная ситуация в Сабейском государстве в конце I тысячелетия до н. э. — первых веках н. э.

В девяти датированных надписях, рассмотренных в таблице, порядковое числительное *’qdm*^{hn} — «первый» — после имени эпонима встречается дважды, *s³ny*^{hn}/*ṯny*^{hn} — «второй» — четыре раза, *s²ls³*^{hn} — «третий» — один раз, *rb ‘*^{hn} — «четвертый» — дважды. Вопрос о том, обозначают они год эпонимата или его номер, возвращает нас к давнишней дискуссии о том, был ли эпонимат в древней Южной Аравии многолетним или одногодичным, но многократным[228]. Аргументы, приведенные А. Г. Лундиным в пользу существования в Катабане и Маине двухгодичного, а не двукратного эпонимата, в связи с использованием в датировках по отношению к нему числительного *qdm*^{n} — «первый»[229], — вполне применимы и к хадрамаутскому эпонимату, который в таком случае должен быть, как минимум, четырехлетним.

С учетом имеющихся эпиграфических материалов по южноаравийскому эпонимату можно осторожно высказать некоторые предварительные сообра-

---

[225] См. подробнее раздел 9 данной главы.

[226] Правда без мīмации (*’‘bd*) он встречается в североаравийской, преимущественно в сафаитской, антропонимике (Harding 1971. P. 54), а в форме А‘бад — в генеалогиях арабских племен (Ibn al-Kalbi /Caskel/. I. Taf. 68, 76; II. S. 101).

[227] См. выше примеч. 211 к данной главе.

[228] Первую из этих точек зрения А. Г. Лундин детально обосновал в своей докторской диссертации, вскоре после защиты изданной в качестве монографии (Лундин 1971). В ней он возражал московскому сабеисту Г. М. Бауэру, стороннику одногодичного и многократного эпонимата (см., например: Бауэр 1967).

[229] Речь шла, в частности, о боязни «дурного глаза», из-за которого в случае, если один срок эпонимата был сколько-нибудь отделен от следующего, его не решились бы называть «первым», чтобы не искушать судьбу. См. подробнее: Лундин 1971. С. 58–59.

жения о том, каким образом проходило его развитие. По-видимому, изначально, как и во многих других странах древнего мира, он был одногодичным и сохранился в качестве такового в области Сум‘ай[230]. Двухгодичным он стал в Маине и Катабане[231], а еще одну «редупликацию» претерпел в Хадрамауте, где срок пребывания эпонима на своем посту достиг четырех лет.

Однако самым продолжительным оказался сабейский эпонимат. Согласно стройной концепции, разработанной А. Г. Лундиным, срок полномочий эпонима в Сабейском государстве среднего периода составлял семь лет, и этот пост в порядке строгой очередности занимали представители трех родов: Ḫазмат, Фадаḫам (Фадаḫ/ум/) и Ḫалāл, — причем, как правило, в каждом роде эпонимат передавался от отца к сыну. Серьезной критике эту схему подверг Кр. Ж. Робен. Ему удалось показать, что в среднесабейский период было не три эпонимных рода, а четыре, поскольку Ḫазфарам (Ḫазфар/ум/) и Кабāр Ḫалāл в это время составляли не две ветви рода Ḫалāл, а два самостоятельных рода, и что внутри рода пост эпонима далеко не во всех случаях сын получал от отца (Robin 1994b. P. 233–234). Кроме того, он попытался вернуться к представлению об одногодичном и многократном эпонимате, однако здесь его доводы оказались не столь убедительными. Выведенная им закономерность, согласно которой чем больше порядковый номер в эпонимной датировке, тем реже он встречается (Robin 1994b. P. 235), представляется сомнительной, поскольку, во-первых, выполняется не слишком строго (так, известны три датировки шестым годом и по две — четвертым и пятым), а во-вторых, результат, полученный на основании всего лишь 32 датировок, трудно признать репрезентативным. Что касается надписей схожего содержания CIH 314 + 954 = Louvre 69/8–18 и Ir 69/9–20, которые сообщают о церемонии в марибском храме Бар’āн и о мирных инициативах химйаритского царя Шамира (Шаммара) зӯ Райдāна (Шамира Йухаḫмида, правившего в середине III в. н. э.) и датированы соответственно шестым годом Тубба‘кариба, сына Вадад’ила, из рода Ḫазфар и третьим годом Наша’кариба, сын Ма‘дīкариба, из рода Ḫазмат, то из их сравнения никак не следует, что Наша’кариб, сына Ма‘дīкариба, в третий раз возложил на себя обязанности эпонима непосредственно после того, как Тубба‘кариб, сын Вадад’ила, исполнил их в шестой раз, или наоборот (Robin 1994b. P. 235). Действительно, храмовая церемония и ее последствия описаны в обеих надписях одними и теми же словами (ср.: CIH 314 + 954/11–13 и Ir 69/12–15), но нельзя забывать, что

[230] За последнее время было выявлено несколько новых надписей, датированных по эпонимам Сум‘ай, благодаря которым стало ясно, что они принадлежали не к одному роду Йухаćḫим, а по меньшей мере к четырем (остальные три рода — это *Ṣw‘m*, *ḏ-Ktt* /Коротаев, Французов 1998. С. 6, примеч. 17, 18/ и *Dbs¹*, обнаруженный в пока не изданной Nihm/al-Quṭra 14/3). Однако ни в одной из сум‘айитских датировок порядковое числительное не встречается.

[231] По отношению к катабанскому эпонимату, в котором второй год обозначался как *’ḫrⁿ* «последний», это заключение сомнений не вызывает (Лундин 1971. С. 58–59; к приведенным там датировкам нужно добавить еще две, в MuB 522/6–7 и в Ja 2360/14, обе — по первому году). Что касается маинского эпонимата, для которого засвидетельствованы датировки по первому году кабирата (*qdmⁿ/kbr-s¹*) и без упоминания года (Лундин 1971. С. 59–60), то, по всей видимости, во втором случае они относились к последнему году исполнения кабāром-эпонимом своих обязанностей.

подобные обряды происходили регулярно и следовали жесткому регламенту. Что до химйаритского посольства, то, согласно CIH 314 + 954/13–14, его отправили Шамир зӯ Райдāн и отряды эфиопов (*w-’ḥzb/Ḥbs²t*), а в соответствии с Ir 69/16–17 — тот же правитель и ḳайли Химйара (*w-’qwl/Ḥmyr*^{m}). Ряд других существенных расхождений в деталях показывают, что в CIH 314 + 954 и в Ir 69 речь идет о двух разных посольствах, интервал между отправкой которых вполне мог достигать 5–10 лет. Но даже если принять точку зрения Кр. Ж. Робена, остается неясным, почему **одни и те же** события датированы **двумя** разными годами. Ссылка на то, что церемония в Бар’āне могла состоять из ряда эпизодов, растянувшихся на несколько месяцев, выглядит неубедительной натяжкой. И уж тем более из надписи Ja 615, один из авторов которой, Ас‘ад Йазӣд посвятил храму Аввāм бронзовую статую в счет десятины за шестой год Вадад’ила, сына Абӣкариба, из рода Кабӣр Ҳалӣл и за третий год Наша’кариба, сына Ма‘дӣкариба, из рода Ḥазмат (стк. 9–14), никак не следует, что эти два года, за которые посвятитель задолжал налог, непременно следовали друг за другом[232]. Вместе с тем наличие в Ir 26, опубликованной после выхода в свет монографии А. Г. Лундина, датировки седьмым годом эпонимата (§ 1), ранее не упоминавшимся, дает возможность предположить, что срок полномочий сабейского эпонима равнялся не семи, а восьми годам[233]. Тогда получает, что он был вдвое больше, чем в Хадрамауте, и при увеличении срока полномочий эпонима в древней Южной Аравии соблюдался принцип редупликации[234]:

сум‘айитский эпонимат = 1 год

⇓

маинский эпонимат = 2 года; катабанский эпонимат = 2 года

⇓

хадрамаутский эпонимат = 4 года

⇓

сабейский эпонимат = 8 лет

---

[232] Отчасти это признает и Кр. Ж. Робен, заметивший по поводу Ja 615: «Il est vraisemblable là aussi qu’il s’agit de deux éponymes qui se suivent, mais ce n’est pas aussi sûr que dans le cas précédent» (Robin 1994b. P. 235). Ср.: Лундин 1971. С. 104, примеч. 22.

[233] Согласно тщательно разработанной гипотезе А. Г. Лундина, первый год эпонимата в Сабе обозначался загадочным термином *ṯkmt*^{n}, а когда речь шла о его последнем годе, то порядковый номер, как и в Маине, вообще не указывался (Лундин 1971. С. 63–64).

Появление датировки девятым годом эпонимата в Ja 735/4–5 было убедительно объяснено Ж. Рикмансом, который показал, что в данном случае полномочия эпонима были продлены из-за чрезвычайных обстоятельств — продолжавшейся три года подряд сильной засухи, ответственность за прекращение которой путем вызывания дождя лежала в том числе на эпониме, который, следовательно, обладал определенными сакральными функциями (Ryckmans J. 1973a. P. 387–388).

[234] В приведенной ниже схеме стрелками обозначены не генетические связи одной системы эпонимата с другой, а стадиальные переходы в развитии южноаравийского эпонимата. Так, можно допустить, что в древней Сабе эпонимат был одногодичным, на что косвенно указывают упоминавшиеся выше формулы с *ḏ-rs²wt* в CIH 555/8–10, Ja 540/4 и Ṣirwāḥ-04–05/7–8, и постепенно, путем удвоения срока полномочий эпонима, вырос к началу нашей эры до восьми лет. Для Хадрамаута также нельзя исключать существования на заре его истории (возможно, еще в дописьменный период) сначала одногодичного, а потом двухгодичного эпонимата.

Отметим, что в рамках системы возрастных классов, рудименты которой обнаруживаются в древнем Йемене[235], время пребывания в каждом таком классе по мере взросления и возмужания составляло, как правило, 8 лет (Мисюгин 1998. С. 28–29).

Эпонимные датировки нередко включали в себя ссылку на календарный месяц (в Катабане — практически во всех случаях[236]). Из включенных в таблицу хадрамаутских датировочных формул, начальная часть которых уцелела полностью или частично (т. е. за вычетом СОЙКЭ 941, 1141 и 1146), лишь в Rb VI/04 s.w. n° 3/1–2 присутствует название месяца и то в поврежденном виде: *<b-wrḥ/ḏ-ky>|[…/b-hy/](R)fḥᵐ/'qdmʰⁿ*. К сожалению, предложить хоть сколько-нибудь надежную его реконструкцию не представляется возможным. В ʻAbadān 1/44, где наличие эпонимной датировки кажется весьма вероятным, название хадрамаутского месяца *s²ms¹ḥy* читается отчетливо; чуть выше (стк. 43) указан соответствующий ему химйаритский месяц *ḏ-mḏr'ⁿ* (приблизительно июль). Наконец, в Rb XIV/87 n° 108/10, датируемой III–I вв. до н. э., вероятно, в том же контексте, что и в Rb VI/04 s.w. n° 3 (т. е. в связи с исцелением от болезни), приведена датировка по месяцу (без года!) *trdᵐ*, который следует сопоставить с маинским (или нашшанским) месяцем *ḏ-trdhy* (Frantsouzoff 2003a. P. 55–56)[237]. Ему предпослан термин *<s²>hr*, обозначающий начало месяца (Beeston 1956. P. 8; Beeston et al. 1982. P. 132; Ricks 1989. P. 165; Arbach 1993. I. P. 86).

7. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ХАДРАМАУТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Сведений об экономической жизни древнего хадрамаутского общества в I тысячелетии до н. э., подтвержденных письменными источниками, сохранилось очень немного; по столице Шабве и западной окраине государства, включая Майфаʻу, их почти нет.

Как уже отмечалось выше, основу оседлого земледелия, без которого возникновение южноаравийской цивилизации было бы невозможным, составляла ирригация, преимущественно искусственная, заключавшаяся в использовании той влаги, которую приносили вызванные муссонными дождями потоки, проносившиеся по руслам высохших рек. Уже в ходе первых научных раскопок, проведенных на территории Хадрамаута, да и Южной Аравии в целом, в конце 1937 — начале 1938 г. Гертрудой Кейтон-Томпсон, значительное внимание было уделено системе орошения, обеспечивавшей существование древнего города Маз̲āб и его окрестностей: удалось обнаружить выведен-

[235] Прежде всего, в описанном у Страбона порядке престолонаследия (см. выше раздел 4 данной главы).

[236] В RES 4931/6 из-за обширной лакуны, которая охватывает начало датировочной формулы, название месяца не сохранилось, но можно с уверенностью предположить, что оно там было.

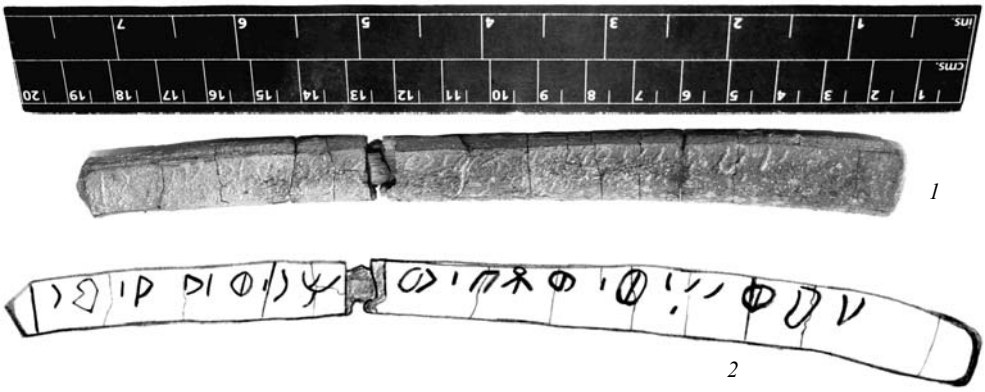
[237] См. выше примеч. 214 к данной главе.

ный из русла вади ʻАмд магистральный канал, протянувшийся не менее чем на 16 км и разделявшийся на более мелкие отводные каналы, посредством которых вода подавалась на поля (Caton Thompson 1944. P. 9–16, pl. I, II). Такого рода изыскания проводились и во время работ СОЙКЭ: так, А. В. Седов установил, что в вади ал-ʻАйн отсутствовала единая система ирригации, а каждое из крупных городищ в нем располагало, по-видимому, собственной автономной ирригационной сетью (Седов 1995б. С. 173; Sedov 1996b. P. 275). При обследовании Би'р Ḥамада в 1,7 км к юго-юго-востоку от городища найдены руины главного сооружения, направлявшего селевой поток, несущийся по ложу вади Раḫйа в основной канал; кроме этого, к востоку от него обнаружены следы древних полей, остатки магистральных и второстепенных каналов, шлюзов и водораспределителей; общая площадь возделываемых в древности земель вокруг Би'р Ḥамада была оценена приблизительно в 600 га (Sedov 1995b. P. 106).

Разумеется, организация орошения оазиса Райбӯн была исследована куда более детально: археологи выявили существование двух ирригационных систем — «южной», магистральный канал которой связывал четыре древних поселения, располагавшихся в низовьях вади Дауʻан (Райбӯн I–IV), и обслуживал около 800 га земельных угодий, и «северной», с помощью которой орошалось около 750 га в самой северной части долины, в том месте, где она сливается с вади ал-ʻАйн. В каждой из них фиксировались следы водораспределительных узлов, отводных устройств с «карманами» и без, резервуаров; в современном рельефе была прослежена конфигурация древних полей (Седов 1995а. С. 89–97). Хотя датировка ирригационных систем райбунского оазиса связана с определенными трудностями, ясно, что обе они функционировали одновременно с его поселениями, т. е. в I тысячелетии до н. э., причем «южная» система, по-видимому, древнее «северной», которая действовала в течение довольно непродолжительного периода времени, о чем свидетельствует отсутствие лессовых отвалов по краям ее каналов и орошавшихся ими полей (Там же. С. 97–98).

К сожалению, среди более трех с половиной тысяч монументальных надписей из Райбӯна (пусть и представленных в основном мелкими фрагментами) нет ни одной, где речь шла бы о сооружении, эксплуатации или ремонте оросительной системы в целом или отдельных ее элементов. Лишь среди документов на черенках пальмовых листьев, поддавшихся дешифровке, выявлен один, имеющий непосредственное отношение к данной сфере хозяйственной деятельности, — Ḫ. Rb-86 n° 4. Он был найден в 1986 г. при раскопках жилого дома (здания 6)[238] на городище Райбӯн I. По сообщению руководившего раскопками на этом участке Ю. А. Виноградова, все черенки из здания 6 происходят из так называемого

[238] В тот год было обнаружено семь черенков с текстами: три — в помещении XXIII, четыре — в помещении XXVII (Виноградов 1996. С. 79). К сожалению, по имеющимся материалам из архива СОЙКЭ не удалось установить, в каком именно из этих двух помещений находился интересующий нас черенок.



Ил. 10. X.Rb-86 n° 4.

1 — фотография выпуклой стороны (отснята автором этих строк 25 ноября 2007 г. в хранилище Сай'унского музея); *2* — прорисовка текста на выпуклой стороне

«надцокольного уровня», который датируется II райбунским периодом (согласно хронологической схеме Г. М. Бауэра[239]), т. е. V–IV вв. до н. э.[240] Черенок X.Rb-86 n° 4 (ил. 10, 11) уникален: это — единственный введенный в научный оборот эпиграфический памятник данной категории, на котором процарапаны два различных текста, выполненных разными почерками. Оба они относятся к так называемой проминускульной стадии в развитии южноаравийского курсивного (или минускульного) письма, для которой были характерны формы знаков, не слишком далеко отошедшие от своих монументальных прототипов[241]. Эти тексты были подготовлены к изданию во время стажировки в Париже в июле 2008 г. и публикуются впервые.

Текст А (на выпуклой стороне) **Перевод**

h-#mw#<ḥ>#ṯ/w-#ṣb/w-#[m]#ḥ#r#/wd#y/#mr Для ввода и стока (воды) и орошения заставь течь канал!

Комментарий

h-mw<ḥ>ṯ: Поскольку корень *BḴṬ* не обнаружен в семитских языках, представляется возможным провести несколько рискованную параллель с глаголом *ваҳаṃа* — «входить, проникать, попадать внутрь» — и именем *мīҳаṃ*^{ун} — «тот, кто входит; тот, кто проникает» в классическом арабском (de Biberstein Kazimirski 1860, II. P. 1504).

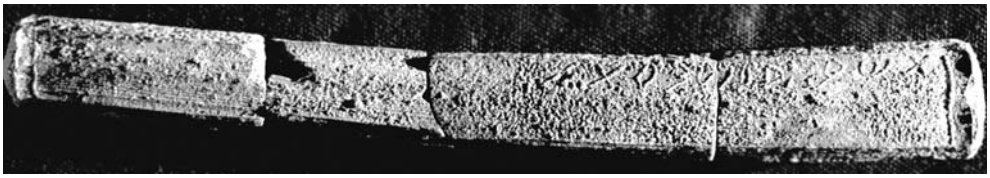
w-ṣb: ср. с араб. *ṣабба* — «лить, выливать», «литься, вливаться, впадать», *ṣаббун* — «выливание».

---

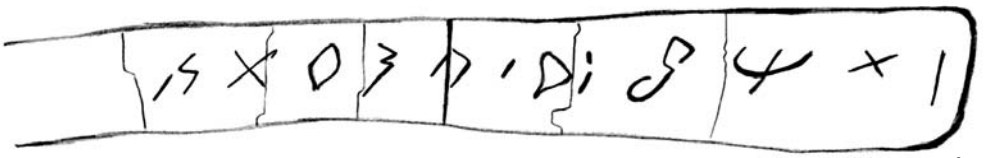
[239] См. выше главу I, раздел 3.

[240] Это подтверждается и результатом радиокарбонного анализа образца, взятого с пола нижнего горизонта помещения XXIII, — 2460±130 B.P. (Попов и др. 1996. С. 196). Что касается даты 1700±300 B P., полученной для образца Ле-4302 из помещения XXVII, то, по единодушному мнению специалистов, проводивших анализ, она «имеет большую статистическую ошибку, что можно объяснить плохим состоянием исходного материала и, соответственно, малым количеством полученного на его основе бензола, а это приводит обычно к снижению точности датировки» (Попов и др. 1996. С. 197).

[241] См. подробнее: Frantsouzoff 1999a. P. 56, 61.



1



2

Ил. 11. X.Rb-86 n° 4.
1 — фотография плоской стороны (1986 г., из архива СОЙКЭ);
2 — прорисовка текста на плоской стороне

w-[m]ḥr: ср. с *ḥrt* (мн. ч. *ḥrrt*, *ḥrwr*, *'ḥrr*) — «оросительный канал, плотина» — и *mḥrt* — «оросительная система» в сабейском (Beeston et al. 1982. P. 71). В принципе, не исключено восстановление *[']ḥr*, хотя такая форма мн. ч. от *ḥrt* пока не засвидетельствована.

wdy: глагол *wdy* со значением «течь» (Beeston et al. 1982. P. 156: «flow / couler») или «заставлять течь» (Biella 1982. P. 121: «flow, or cause to flow») отмечен в сабейском.

В принципе, *wdy* можно истолковать как форму 3 л. м. р. ед. ч. перфекта «он заставил течь», однако отсутствие субъекта и сам стиль документов на дереве наводят на мысль, что это, скорее, императив. О наиболее простой форме повелительного наклонения (м. р. без конечного *-n*) в этой категории текстов см.: Stein 2003b. P. 185–186: § 4.8, n° 404.

mr: этот связанный с ирригацией термин отмечен в двух фрагментарных надписях RES 4046/2, 4785/4, а также в Suq Bayt Na'am 1 = Ga 35 (Ja) = Ga 10 (Av): *h's^1'|w/w-hkns^1/ mr-hmw* — «они построили в камне и очистили их оросительный канал» (стк. 1–2)[242].

Текст Б (на плоской стороне)	**Перевод**
tḥmd/b-s^2ft-s^1	Да будешь ты благодарен за обещание его.

Комментарий

tḥmd/b-: ср. с выражением *ḥmd^m/b-ḏt*, которое в среднесабейских вотивных надписях из храма Аввāм обычно вводит ту их часть, в которой разъясняется, в благодарность за что автор сделал посвящение Алмақаху.

s^2ft-s^1: в сабейском производные от корня *S^2FT* обозначали обещание, которое божество давало посвятителю или посвятитель давал божеству (Beeston et al. 1982. P. 131–132).

Напрашивается предположение, что оба эти текста связаны друг с другом. В тексте Б местоименный суффикс 3 л. м. р. ед. ч. *-s^1* явно относится к богу, а не к посвятителю, а единственным богом, почитавшимся в райбунском оазисе, был Сийāн. В таком случае текст А следует истолковать как обращение к Сийāну с просьбой обеспечить нормальный ввод канала в эксплуата-

[242] См. подробнее в Beeston 1972a. P. 396; Biella 1982. P. 282.

цию[243]. Вероятно, черенок с этим текстом был передан в один из его храмов (в Майфа‘ān, Васаṭхān или в какое-то из еще нераскопанных святилищ этого бога), после чего жрец или иной служитель культа, сообщивший благоприятный ответ (*s²ft-s¹*), начертал на том же черенке предписание отблагодарить Сийāна (жертвой или иным посвящением), адресованное тому, кто провел канал.

В надписи СОЙКЭ 903, обнаруженной под одной из погребальных ниш грота ар-Рукба, в 15 км от Райбӯна, близ селения ал-Хаджарайн, и сообщающей о строительстве гробницы Карибхумӯ, сыном Илīшахара, упоминается, как он «отвел два ее русла от (вади) Дау‘ан и от (вади) Ġабр» (стк. 3–4: *w-s¹wḍ’/ s¹<r>-s³y<w>#/bn/Dw‘n|w-bn/Ḡbr*)[244]. Нет оснований связывать эти работы с погребальным ритуалом: очевидно, в тексте отмечено одно из наиболее выдающихся прижизненных деяний того, кому было суждено там упокоиться. Необходимо учесть, что термин *s¹r* обозначает не искусственно проведенный канал, а естественное русло долины (ложе потока), а потому речь здесь идет о расчистке небольших ответвлений от крупнейшего вади на западе Внутреннего Хадрамаута — Дау‘ан и от меньшей по размерам долины ал-Ġабр. По всей видимости, автор надписи, называя эти ответвления «двумя руслами гробницы»[245], имел в виду лишь то, что место его будущего упокоения расположено в непосредственной близости от них.

Ил. 12. Селение **Таулаба** (фотография начальника РКЭЙР А. В. Седова, 2003 г.)

[243] По всей видимости, термин *mr* относился к отводному каналу, поскольку, как будет показано ниже, магистральный канал обозначался термином *ḡyl*.

[244] Значение хадрамаутского глагола *s¹wḍ’* удалось выяснить благодаря обороту *yhwḍ’n/fnwtᵐ* в сабейской надписи CIH 615/5 (Beeston et al. 1982. P. 156: «lead *subsidiary canal* off *main canal* | faire dériver *un canal secondaire* du *canal principal*»).

[245] В хадрамаутском, как и в других южноаравийских эпиграфических языках слово *qbr* — «гробница», засвидетельствованное в СОЙКЭ 903/1, является именем ж. р. по употреблению, а *-s³yw* — местоименным суффиксом 3 л. ж. р. ед. ч., который присоединяется только к именам в дв. ч. (как в случае с *s¹r-s³yw*) или во мн. ч. внешнего образования.

Ил. 13. RAMRY–Taulaba 03/27 (фотография начальника РКЭЙР А. В. Седова, 2003 г.)

Из текста на дереве X.Rb-86 n° 4, как и из СОЙКЭ 903 можно заключить, что описанные в них ирригационные работы предпринимались частными лицами, вероятно, довольно зажиточными. Совершенно недвусмысленно об этом сказано в наскальной надписи RAMRY–Taulaba 03/27, сохранившейся близ селения Таулаба (см. ил. 12), которое расположено в верховьях вади Лейман (ал-Айман), правого (западного) притока вади Дау‘ан[246]. Судя по особенностям палеографии, она датируется III–I вв. до н. э. (ил. 13), как и СОЙКЭ 903.

Текст	**Перевод**
1. *Ḍbr*^{m}/*d̲*-*‘bl*^{m}/*gs*^{1}*m*/*w*-*nṣ* =	Дабр зӯ ‘Абл соорудил основательно и проло-
2. *b*/*ḡyl*-*s*^{1}/*Twlbt*/*‘r*^{m}/*’d*/	жил свой канал Таулаба в скальном грунте, так что
3. *s*^{1}*qy*/*’d̲br*-*s*^{1}/*w*-*bql*/*bql*^{m}/*w*-	оросил свои возделанные поля и посадил овощи и
4. *s*^{3}*m*○*r*^{m}	плодовые растения.

Комментарий

Стк. 1, *Ḍbr*^{m}: Данный антропоним впервые засвидетельствован в ономастике древней Аравии[247].

d̲-*‘bl*^{m}: Как личное имя *‘bl*^{m} отмечено в сабейской ономастике, а без мӣмации — в сафаитской (Harding 1971. P. 403). В хадрамаутской эпиграфике оно встречается с нӯнацией в двух граффити (Ry 650; 1976/Dj. Maga n° 18).

[246] Краткий пересказ содержания этой надписи, выполненный М. Б. Пиотровским, приведен в Родионов 1994. С. 74 (без ссылки на ее сигл). Ее прорисовка с английским переводом опубликованы в Rodionov 2007. P. 79, fig. 97.

[247] Ссылка на то, что данное имя собственное без мӣмации засвидетельствовано в маинской надписи, известной под сиглами Тауфӣḳ 5 = M 401 = Ma‘īn 6/3 (Harding 1971. P. 380), является ошибочной, поскольку в этом тексте *ḍbr* выступает в качестве имени нарицательного, которое приблизительно истолковывается как «l’assemblée» (Bron 1998. P. 44).

Автор этой надписи относится к тем редким хадрамаутцам, у которых родовая структура появилась в конце I тысячелетия до н. э. (см. конец раздела 5 данной главы).

Стк. 3, *ʾḏbr-s¹*: Ср. Beeston et al. 1982. P. 38: *ḏbr* — «cultivated field / champ cultivé».

w-bql/bql^{m}: Производные от корня *bql* засвидетельствованы во всех южноаравийских эпиграфических языках, в том числе в хадрамаутском (RAMRY/94–az-Zālif no. 1/1) и обычно переводятся достаточно неопределенно: «to plant», «plants» (Frantsouzoff 2005a. P. 197). Однако ср.: *бақл* — «зелень, овощи» — в классическом арабском. Ср. также: Sima 2000. S. 185, Fn. 19: «Im Gegensatz zum häufig belegten Abstraktum *tbql*, *tbqlt* „Pflanzung“ scheint *bql* mehr konkrete Bedeutung haben, vielleicht „Gemüse-Pflanzen“?»

Стк. 4, *s³m○r^{m}*: В райбунских надписях вместе с *s³mr^{m}* упоминается *nfḏ^{m}* — «падалица», что дает основание истолковать *s³mr^{m}* как «собранные (с растений) плоды» (Французов 2009a. С. 95, 106; Французов 2012. С. 93, 103). Однако ср.: Beeston et al. 1982. P. 150, где для имени собирательного *ṯmr*, мн. ч. *ʾṯmr* предложен перевод — «crops (*spec.* cereals) / cultures, récoltes (*surtout de céréales*)». Не исключено, что этот термин мог обозначать и плодовые, и зерновые культуры, подобно **አቅማሕ** — «fruit trees, all kinds of cereals or fruit» — в классическом эфиопском (Leslau 1989. P. 81). Кружок в середине этого слова был высечен исключительно в эстетических целях.

Упоминание Дабром ẓȳ ʿАблом в наскальной надписи «своего (магистрального) канала» (*ḡyl-s¹*) и «своих возделанных полей» (*ʾḏbr-s¹*), орошаемых этим каналом, указывает на то, что они принадлежали данному лицу, а не его роду или общине и, таким образом, в древнем Хадрамауте существовала частная собственность на воду и землю. Действительно, как убедительно показал А. В. Коротаев на обширном материале сабейских текстов, даже в тех случаях, когда текст был составлен одним человеком, но речь в нем шла о землях (*ʾrḍ/ʾrḍt*), «специализированных» сельскохозяйственных угодьях (*ʿbr/ʿbrt* — «террасированных полях», *ʾnḫl* — «пальмовых плантациях», *ʾʿnb*, *ʾwyn* — «виноградниках» и т. п.), домах, иных объектах недвижимости, ирригационных сооружениях, которые находились в собственности его рода, на конце соответствующих слов ставился местоименный суффикс 3 л. м. р. мн. ч. *-hmw*, а не ед. ч. *-hw*. Кроме того, он пришел к выводу, что в северной части Йеменского нагорья на протяжении среднесабейского периода коллективная собственность родовых групп господствовала практически безраздельно, тогда как в ранней Сабе, а также в средний период, но на юге нагорья (в радмано-химйаритской зоне) отношения собственности были в гораздо большей степени индивидуализированы (Коротаев 1997. С. 64–104). К сожалению, подобную статистику по Хадрамауту в эпоху древности дать невозможно из-за чрезвычайной скудости фактического материала.

Содержание RAMRY–Taulaba 03/27 позволяет предположить, что прокладка Дабром магистрального канала и введение благодаря этому в сельскохозяйственный оборот не обрабатывавшихся прежде земель сделали его собственником и канала, и того, что он орошал. Такого рода практика существовала в целом ряде древних и средневековых обществ. Например, в раннем Халифате соблюдалось правило, согласно которому «любой человек, оросивший или осушивший пустующую землю, становился ее собственником» (Большаков О. 1998. С. 173).

Во Внутреннем Хадрамауте в I тысячелетии до н. э. наряду с частной существовала и коллективная собственность. Наиболее убедительно на это ука-

зывает самая пространная надпись из Ḫурайды, которая датируется палеографически III–I вв. до н. э. Ее текст и перевод приведены ниже[248].

СТ 4

Текст	Перевод
1. *ʻs¹mᵐ/bn/Ḥbs¹ᵐ/k<b>[r/R*	ʻАсм, сын Ḫабса, каб[ӣр (общины) ра-
2. *my/w-]ʻqnᵐ/ʼmnw/hg<r> =*	май, и] ʻАқн, *амӣны* горо-
3. *ʰⁿ/Mḏbᵐ/s¹qnyw/S¹yn/ḏ-*	да Маз̲ӓба, посвятили Сийӓну з̲ӯ
4. *Mḏbᵐ/ms³ndʰⁿ/w-qṣʼ-s¹*	Маз̲ӓбу стелу с надписью и пожертвовали ее
5. *b-s³ny-m/ywm-Ḏ-S¹mw/w-s¹ḥds³/*w*-*	в качестве второй (жертвы) в день З̲ӯ Самав(ӣ) и построили и
6. *gs¹m/b-ʼmnt-s¹mn/bʼr-hn/S² ʻ=*	соорудили при выполнении ими обоими обязанностей *амӣнов* колодец Шаʻ-
7. *bt/w-s¹ ʻqb-s³/rḥhtᵐ/w-md =*	бу и пристроили к нему дополнительные сооружения (?) и же-
8. *rr/w-mqld/w-ʼʻtbᵐ/w-b-m =*	лоб и бассейн и ступеньки, и (все это –) из необ-
9. *qṣm/w-mʻrb/w-qdm-b-s³/ʼd*	тесанных и обтесанных камней, и руководили (строительством) его вплоть до
10. *qwmt/bʼrʰⁿ/b-hgrʰⁿ/Mḏ =*	завершения колодца. Властью города Маз̲ӓ-
11. *bᵐ/w-b/s²rk/Rmy/w-b/<bnh> =*	ба и властью общины рамай и властью сы-
12. *[y/](Fm)<ḫᵐ/>…*	[нов] (?) Фамиҳа (?)…

Правда, остается неясным, чьей именно собственностью считался колодец Шаʻба: города Маз̲ӓб или общины рамай. В надписи также не оговорен порядок пользования извлекавшейся из него водой. В то же время посвящение стелы, сообщающей о постройке колодца, Сийӓну недвусмысленно свидетельствует о том, что этот бог считался покровителем орошения, по крайней мере колодезного.

По-видимому, еще об одном находившемся в коллективной собственности колодце сообщалось в райбунской надписи на стеле из храма Майфаʻӓн, от которой уцелел финальный фрагмент Rb XIV/90 n° 59 = СОЙКЭ 2376, по своим палеографическим особенностям восходящий к III–I вв. до н. э.[249] Хадрамаутский местоименный суффикс 3 л. м. р. мн. ч. *-s¹m* в единственном сохранившемся в этом фрагменте слове *w-bʼr-s¹m* — «и их колодец» — как раз и является основанием для того, чтобы утверждать, что данный объект находился в общей собственности более, чем двух человек.

Собранная из 42 обломков фрагментарная стела Rb XIV/89 n° 221 = СОЙКЭ 2075 (ил. 14) из храма Майфаʻӓн, посвященная, как и СТ 4, Сийӓну, но палеографически датируемая VI–V вв. до н. э., содержит уникальные сведения

[248] За основу взят перевод М. Ф. Муртазина (1995. С. 266–269), в который автором этих строк были внесены необходимые изменения (Французов 1998. С. 145–147).

[249] См. о нем: Французов 1998. С. 147, рис. 7 (фотография).

не только о строительстве колодца частным лицом, но и о правилах пользования его водой, установленных для различных категорий местного населения[250].

Ил. 14. Стела Rb XIV/89 n° 221 = СОЙКЭ 2075 (фотография, сделанная автором 16 ноября 2008 г.)

Текст

1. *T̲mkhmw/bn/Ndb^{m}/hqn=*
2. *<y>/S^{1}yn/ywm/m ʿd[/]<S^{1}>y<n>/w-*
3. *<t̲>kr/bʾr^{hn}/b-Yndḏ/b-g=*
4. *rbt-s^{1}/[d̲]<t><>bʿl/w-<d̲>bl/d̲-*s^{1}*=*
5. *<ʾ>l/<T̲>[mk]<h>mw/mh^{m}/bn/bʾ=*
6. *r-<s^{1}>/bn/ʾbʿl/Yndḏ/w-Mṯ=*
7. *r^{hn}/w-ḫwr/Qd̲t^{hn}/w-bk=*
8. *l-s^{1}m/hlw/d̲-<y>.<k>.[/]<T̲>mkh=*
9. *mw/ʾw/d̲-ʿq[b-s^{1}] … …y.=*
10. *n-t̲<><m>h^{m}/<w>-tḏ<ʾ>[/T̲]mkhmw*
11. *<b>-<ʾ>[d̲n/S^{1}]<y><n><><n><f><s^{1}>-[s^{1}/w-ʾd̲n(?)]-*
12. *<s^{1}><><w>-...*

Перевод

1. С̲амакхумӯ, сын Надаба, посвя-
2. тил Сийāну в день праздника Сийāна и
3. обложил колодец в Йандаде необтесан-
4. ными камнями своими, (колодец,) [кото]-рый он вырубил (в грунте). И получил водяной пай тот, кто по-
5. просил у С̲а[мак]хумӯ воды из колод-
6. ца его, из числа «хозяев» Йандада и Маṯа-
7. рхāна и «переселенцев» из Ḳуз̲атхāна и «клиентов-поселен-
8. цев» их, тех, кто [(за)платил?] С̲амакху-
9. мӯ или кто совершил обм[ен с ним]…
10. его (т. е. колодец. — *С. Ф.*) водой. И [С̲]амакхумӯ поместил
11. под *и*[з̲*н*] (вручил в[оле]) [Си]йāна «душу» *нафс* [свою и «душу» *из̲н* (?)][251]
12. свою и …

Выражение «тот, кто попросил у С̲а-[мак]хумӯ воды из колодца его (*bʾr-<s^{1}>*)» не оставляет сомнений в том, что данный колодец находился в частной

[250] Впервые опубликованная по слайду, сделанному А. Г. Лундиным в 1989 г. (Французов 1998. С. 132–143, рис. 8; снимок воспроизведен более четко в Frantsouzoff 2004. P. 220, fig. 48), она была переиздана по новым фотографиям, выполненным автором этих строк 16 ноября 2008 г. в лапидарии Сайʾунского музея, в Французов 2009а. С. 137–138, ил. 25; Французов 2012. С. 136–137.

[251] Присущее хадрамаутцам (как, по всей видимости, и обитателям древней Южной Аравии в целом) представление о существовании у человека как минимум двух душ рассмотрено в следующем разделе данной главы.

собственности его строителя и автора надписи — Самакхумӯ, сына Надаба. Особый интерес в ней представляют термины *ʾbʿl*, *ḫwr* и *bkl*. Что касается *ʾbʿl* (букв. «хозяева»), то значение этого термина, нигде больше в хадрамаутской эпиграфике не встречающегося, но засвидетельствованного в сабейском и катабанском (Beeston et al. 1982. P. 25; Ricks 1989. P. 31), установлено достаточно четко: «полноправные члены рода (*byt*), общины»[252]. Центром такой общины являлось поселение, именовавшееся *ḥgr* и рассматриваемое как город. Поэтому, опираясь на выражения типа *ʾbʿl/ḥgrⁿ*, семантику *ʾbʿl* нередко несколько суживали и предлагали перевод «горожане, члены городской общины» (Lundin 1973. P. 28; Beeston et al. 1982. P. 25). Так, упоминаемые в Ir 32/5–7 *ʾbʿl/Ṣwʾrⁿ*, *ʾbʿl/S²bm*, *ʾbʿl/Trm* являлись полноправными членами городских общин Ṣуваʾрāна, Шибāма, Тарāма, локализуемых во Внутреннем Хадрамауте[253]. Если до открытия СОЙКЭ 2075 можно было допустить, что автор сабейского текста Ir 32, составленного в начале IV в. н. э., обратился для описания социальной структуры хадрамаутского общества к словарному запасу своего языка, то сейчас очевидно, что термин *ʾbʿl* употреблялся самими хадрамаутцами на протяжении как минимум тысячелетия. К сожалению, не представляется возможным связать топонимы Йандад и Маṯархāн, которые ни в каких других надписях не упоминаются, с конкретными поселениями райбунского оазиса.

Термин *ḫwr*, означающий «поселенцы, переселенцы, иммигранты», известен во всех южноаравийских эпиграфических языках (Beeston et al. 1982. P. 73; Arbach 1993. I. P. 50; Ricks 1989. P. 62), включая хадрамаутский (Khor Rori 1/2, 3/2). Тем не менее остается не вполне ясным, что именно означало выражение *ḫwr/Qḏtʰⁿ*: «переселенцы, **обосновавшиеся в** Қуẓатхāне» (ср. CIH 102/4: *ḫwrw/ḥgrⁿ/ʿmrⁿ* — «иммигранты в город ʿАмрāн[254]») или «переселенцы **из** Қуẓатхāна», как в надписях из Хор Рори, где выражение *ḫwr/(ḥgrʰⁿ/)S²bwt* относилось к жителям Шабвы, переехавшим из столицы в порт Сумхурāм[255]. Локализация Қуẓатхāна на месте современной деревни ал-Қуза, расположенной в вади ал-Ғабр, сомнений не вызывает[256]; от Райбӯна ал-Қузу отделяют по прямой 11 км, а если следовать по вади, то 13–14 км. Из СОЙКЭ 2075/4–7 явствует, что *ḫwr/Qḏtʰⁿ* приходили в Йандад за колодезной водой. Учитывая расстояние от Райбӯна до ал-Қузы, трудно представить, что они обитали в Қуẓатхāне. Очевидно, под *ḫwr/Qḏtʰⁿ* имелась в виду группа иммигрантов, покинувших древнюю ал-Қузу и обосновавшихся в Райбӯне.

---

[252] Соответствующие контексты приведены в Avanzini 1977–1980. II. P. 130–131.

[253] Об этих городах см. главу III, разделы 3 и 5.

[254] Существует и поныне, расположен в 45 км к северо-западу от Саны.

[255] См. подробнее главу III, раздел 2.

[256] Арабский топоним القزة является полным эквивалентом хадрамаутского *Qḏtʰⁿ*, (о замещении *z* на *ḏ* в райбунских надписях см. выше примеч. 80 к данной главе). На месте ал-Қузы предки современного человека селились еще в палеолите. О существовании там древнего поселения свидетельствует обнаруженный членами СОЙКЭ в ущелье ал-Қузы камень с фрагментами плохо сохранившихся надписей. См. подробнее: Родионов 1994. С. 46, 117–118, рис. 78–79; Rodionov 2007. P. 46, 122–123, fig. 78–79.

В выражении *bkl-s¹m* местоименный суффикс *-s¹m* явно относится к *ḥwr/Qḏtʰn*. Таким образом, речь здесь идет о *bkl* переселенцев из Ḳуẓатхāна. Интерпретация этого термина, который ранее был отмечен во всех южноаравийских эпиграфических языках, кроме хадрамаутского, вызывает затруднения. Словари определяют его как «жителей завоеванной территории, подданных» (Biella 1982. P. 42), «жителей, зависимых людей» (Ricks 1989. P. 25–26; Arbach 1993. I. P. 20), «поселенцев, колонистов, жителей» (Beeston et al. 1982. P. 28). В последнем случае непонятно, чем же *bkl* отличались от *ḥwr*, т. к. эти оба несомненно различных термина предлагается переводить одними и теми же словами[257]. Наиболее убедительной и хорошо обоснованной представляется точка зрения Г. М. Бауэра, показавшего, что термином *bkl* обозначались поселенцы на государственной или царской земле, занятые преимущественно торговлей и ремеслом, оторванные от своей общины и, вероятно, зависимые от центральной власти, которые отчасти напоминали вавилонских *мушкенум* (Бауэр 1965. С. 313–320). Однако для нашего случая это определение подходит плохо, поскольку подобных категорий земель на территории райбунского оазиса не выявлено. Следует предположить, что исконным значением термина *bkl* было «поселенцы, порвавшие со своей общиной и обосновавшиеся на новом месте». В отличие от *ḥwr*, которые, как это видно из Khor Rori 1 и 3, подобно основателям древнегреческих колоний, являлись компактной группой переселенцев, отделившихся от своей родной общины-метрополии, но сохранявших между собой прежние социальные связи[258], *bkl*, по всей вероятности, были иммигрантами, происходившими из разных общин, и отчасти напоминали метеков Древней Греции[259]. Неслучайно *bkl* в данном тексте выступают не как самостоятельная группа населения, а как *bkl* переселенцев из Ḳуẓатхāна, под покровительством которых они, очевидно, находились. Наиболее кратко и точно термин *bkl* можно определить как «поселенцы-клиенты».

Характерно, что никаких ссылок на родовую принадлежность рассмотренных выше категорий местных жителей СОЙКЭ 2075 не содержит, ограничиваясь их привязкой к населенным пунктам.

Судя по нескольким достаточно информативным фрагментам райбунских надписей, правовое регулирование отношений собственности, по крайней мере

---

[257] Ср.: Beeston et al. 1982. P. 28 и p. 73. Правда, *ḥwr*, *ḥwrw* истолковываются как “settler, immigrant, inhabitant ***of town***”. Однако и *bkl* «упоминаются почти исключительно как население городов» (Бауэр 1965. С. 314).

[258] Речь здесь идет о подтверждаемом надписями значении термина *ḥwr* именно в хадрамаутском. Возможно, в других языках древней Южной Аравии он имел более широкую семантику (см., например: Robin 1982, I. P. 88).

[259] В отличие от метеков *bkl*, обосновавшись на новом месте, со временем могли образовать новую общину. Так полагал Г. М. Бауэр, утверждавший, что «сселение в один город представителей разных племен приводило в условиях древней Южной Аравии… к реконструкции общинно-племенных отношений в этих городах» (Бауэр 1965. С. 317). Вполне вероятно, что хорошо известный по сабейским надписям *s² ʿbn/Bklm* (основные контексты, где он упомянут, приведены в Robin 1982, I. P. 45–46) получил свое название именно от группы разноплеменных переселенцев-*bkl*, составивших его первоначальное ядро.

Ил. 15. Rb I/84 **bld. 3, lev. I n° 199 a–c = СОЙКЭ 707**
(фотография из архива СОЙКЭ)

в ряде случаев, считалось прерогативой божеств, от имени которых действовали, разумеется, представители жречества. Так, уцелевшие части формуляра Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 199 a–c = СОЙКЭ 707 (ил. 15) из храма Раḥбāн[260] показывают, что чрезмерная настойчивость ее автора Замала в отстаивании своих прав на землю была признана прегрешением по отношению к Зāт Ḥимйам, во искупление которого он посвятил богине покаянную вотивную надпись.

Текст	**Перевод**
[1.] *[s^1=]*	[Замал пред-]
2. *$ns^1m/\underline{d}$-ṯb#n/ʻm-s^1/w-bn-m<w>*	принял усилия[261], чтобы отстоять права собственности (на землю)[262] в свою пользу[263]. И
3. *<$\underline{D}$>ml^m/ys^3#twr/$\underline{d}$-ys^3*l*/s^1n=*	Замал да будет избавлен от того (букв. «с Замала да будет снято то»), что он продолжил[264] предпри-
4. *[s^1m]</$\underline{d}$>-yṯb#n/ʻm-s^1/<$\underline{d}$-ys^1ʼl>*	[нимать усилия], чтобы отстаивать права (земельной) собственности в свою пользу на то, что он просил…

В Rb I/88 passage, lev. I n° 131 = СОЙКЭ 1755 представлена иная ситуация: посвятитель Раʼл (*<R>ʼl*^{m}) раскаялся в том, что не передал второстепенному

[260] Подготовлен к изданию под N° 13 в Frantsouzoff (forthcoming).

[261] Истолкование глагола *s^1ns^1m* предложено по аналогии с *танассама шайʼ*^{ан} «he sought, or endeavoured to get, or attain, a thing, with labour and perseverance» в классическом арабском (Lane 1863–1893. 8. P. 3032).

[262] Ср. *ṯbn*, *hṯbn* — «to claim proprietary rights *in land*» — в сабейском (Beeston et al. P. 152) и *ṯbn* — «propriétaire, propriété» — в маинском (Arbach 1993. I. P. 100).

[263] Такое специфическое значение предлога *ʻm* отмечено в Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 198 a–f = СОЙКЭ 706/6 (Frantsouzoff 1997b. P. 122).

[264] Ср. выражение *w-w$\underline{t}$l-mw/y$\underline{t}$l*…, переведенное с некоторым сомнением как «et à l'avenir, que continue (?)…» в RF–Alīm 1/8.

Ил. 16. Rb VI/04 s.r. n° 53 (фотография автора)

божеству *ра'бат*, подчиненному богине З̲ат Ḫимйам (стк. 2: *[...r'*]*bt/D̲t-Ḥmym*)[265], имущество, которое та у него просила (стк. 3: *b-qny/ts¹'l-s¹*)[266].

О существовании в древнем Хадрамауте особого вида собственности, которая считалась принадлежащей божествам, но на деле, очевидно, находилась в распоряжении храмов, еще более наглядно свидетельствует заключительный фрагмент стелы Rb VI/04 s.r. n° 53 (ил. 16) из храма Васаṭ(х)ān[267].

Текст	Перевод
0. *[.../b-S²b=]*	[в Шаб-]
1. *wt/b-mw/qny/s¹'l*	ве (?) относительно имущества, которое просил
2. *Yd̲ḥr'l/S³rr'l/f-b-*	Йаз̲х̲ар'ил у Ćарар'ила. А относительно
3. *qny/S¹yn/'l/ḥllw*	имущества Сийāна не достигли они решения
4. *b-S²bwt*	в Шабве.

Кроме того, из этого фрагмента явствует, что в хадрамаутской столице Шабве решались важные для райбунцев имущественные споры, затрагивавшие не только их личные интересы, но и собственность одного из местных храмов Сийāна — Васаṭ(х)āна, а это было возможным только в том случае, если Райбӯн признавал авторитет столичных властей и, следовательно, являлся неотъемле-

[265] О *r'bt* см. подробнее в следующем разделе данной главы.

[266] Целиком подготовлен к изданию под N° 12 в Frantsouzoff (forthcoming).

[267] Издан: Французов 2006a; Frantsouzoff 2007b. P. 147–148, 334, fig. 88; Французов 2009a. С. 144–145, ил. 63; Французов 2012. С. 142–143, ил. 106.

мой частью государства Хадрамаут. Во многом благодаря Rb VI/04 s.r. n° 53 был пересмотрен и в конечном счете отвергнут сделанный нами ранее вывод о том, что Райбӯн не просто обладал широкой автономией в составе Хадрамаутского царства, но и вообще не входил в него, представляя собой раннеклассовое общество со сложной структурой, существовавшее, подобно доисламской Мекке, вне рамок государственности, будь то собственной или привнесенной извне[268].

Границы земельных участков, закрепленных за божествами, отмечались специальными знаками, один из которых, обнаруженный при раскопках городища Макайнӯн на востоке Внутреннего Хадрамаута и датируемый IV–III вв. до н. э. (Benoist et al. 2005. P. 70), представляет собой грубо обработанный столб с краткой надписью: *'ws³n/S¹yn|/d̲-Mwtr* — «межевые камни[269] Сийāна зӯ Маутара» (Mak 4). Очевидно, в эпитете бога сохранилось название местного храма, где ему поклонялись.

О профессиональной принадлежности обитателей древнего Хадрамаута сведений сохранилось очень немного. В надписях представлена единственная категория ремесленников — каменотесы: принадлежность к ней обозначалась термином *grby(h)n*[270]. Его функции заключались не только в изготовлении каменных блоков, облицовочных плит и стел, но и в нанесении на них надписей. Нет сомнений, что за плиту или стелу с текстом каменотес получал вознаграждение, однако каким был размер и порядок его выплаты, остается неизвестным. Райбунские надписи, хотя бы один из авторов которых являлся каменотесом, отличаются, как правило, особым изяществом исполнения. На боковых гранях обработанных блоков и плит с надписями и без них, происходящих из Райбӯна, обнаружены клейма каменотесов. Однако проблема заключается в том, что лишь крайне незначительное меньшинство памятников райбунской эпиграфики несет на себе такие метки. У нас недостаточно данных, чтобы объяснить этот

---

[268] Французов 2000в. С. 309–310 (см. англ. вариант: Frantsouzoff 2000. P. 264); Frantsouzoff 2003b. P. 61–62.

Следует отметить, что изучение райбунского общества под таким углом зрения автор этих строк проводил в конце 1990-х гг. в тесном взаимодействии с международным содружеством исследователей, занятых поисками альтернативы государственности в различных уголках земного шара на протяжении разных эпох, и, судя по всему, полученные им результаты хорошо вписались в общую концепцию подготовленной в этой связи коллективной монографии: «Французов находит еще более развитый пример подобного рода политий (альтернативных вождествам. — *С. Ф.*) на юге Аравии в Хадрамауте I тыс. до н. э. (см. его главу данной монографии)» (Коротаев, Крадин, Лынша 2000. С. 36; см. англ. вариант: Korotayev, Kradin, de Munck, Lynsha 2000. P. 19).

По прошествии некоторого времени становится очевидной поспешность и недостаточная обоснованность ряда опубликованных тогда выводов (не только по Райбӯну), а также чрезмерная ангажированность ряда ученых, отрицавших где только возможно наличие государства и его институтов. Право считаться государством не было признано, например за классическим греческим полисом (Берент 2000; см. англ. вариант: Berent 2000) и даже за римским *civitas* эпохи принципата (Коротаев, Крадин, Лынша 2000. С. 43–44; см. англ. вариант: Korotayev, Kradin, de Munck, Lynsha 2000. P. 23–24)!

[269] Это — единственное упоминание в хадрамаутской эпиграфике данного термина, известного в других эпиграфических южноаравийских языках в форме *wt̲n* (мн. ч. *'wt̲n*).

[270] Впрочем нельзя полностью исключить интерпретацию *mqyny*^{hn} в качестве термина для обозначения профессии кузнеца (см. выше примеч. 197 к данной главе).

феномен. Можно лишь с осторожностью допустить, что клейма проставляли каменотесы, занимавшиеся частным промыслом, а плиты без этих знаков производились в храмовых мастерских. Конечно, данная гипотеза носит пока чисто спекулятивный характер. О высоком социальном статусе каменотеса позволяет судить фрагментарная надпись о строительстве одним из представителей этой профессии, чье имя не сохранилось, собственной гробницы (Rb XV/85 n° 1 = СОЙКЭ 1046). Плита с нею была найдена на склоне гряды, разделяющей вади Мīẋ и вади На‘ām, в западной части некрополя Райбūн XV у разрушенных склепов (Седов 1996а. С. 119). Очевидно, один из них являлся гробницей этого каменотеса. Бесспорно ее сооружение требовало значительных затрат и было доступно далеко не каждому. Следует также отметить, что эта гробница была предназначена для одного человека — автора надписи — при том, что в райбунских некрополях встречаются и коллективные захоронения. Подобная «индивидуализированность» статуса каменотеса — резчика надписей может объясняться тем, что эта профессия не передавалась (или по крайней мере не всегда передавалась) от отца к сыну. Так, в реконструированном по нескольким стелам храма Майфа‘ān родословии, охватывающем шесть лиц, принадлежащих к четырем поколениям, лишь один, Аḳхал, сын Йашкур’ила, прибавил к своему имени указание на соответствующую профессию (*grby*^{hn})[271].

Доисламская Южная Аравия предоставляет в распоряжение исследователя убедительные аргументы в пользу того, что первую классовую формацию нельзя определять как рабовладельческую. Термин *‘bd*, однокоренные аналоги которого в большинстве других семитских языков обозначают раба, в древнейеменской эпиграфике используется по преимуществу в социально-политическом смысле, близком к арабскому *маулā*, по отношению к клиенту, находившемуся под покровительством отдельного лица, рода или монарха[272]. Первая и пока единственная надпись из Южной Аравии (раннесабейская Ṣirwāḫ-04–05), в которой упоминается покупка рабыни (стк. 4–5)[273], лишь недавно была введена в научный оборот.

В памятниках хадрамаутской эпиграфики I тысячелетия до н. э. *‘bd* встречается крайне редко. В рассмотренной выше RES 3869 из Майфа‘ы так назван ее автор, Вахб, сын Да’са (стк. 1), причем совершенно очевидно, что он был высокопоставленным клиентом, а не рабом (пусть и в патриархальном, а не в античном смысле) двух хадрамаутских царей. В райбунской надписи из храма Майфа‘ān[274] ее автор, некий Аус, сын Га‘рāна (стк. 1–2: *[’w]s*^{lm}*/bn/G‘|r*^{m}), именует себя *‘bd/Qtm* (стк. 2). Судя по тому, что Ḳасам упомянут в финальной

[271] См. подробнее главу II «Резчики надписей и их ремесло» в недавно опубликованной монографии автора этих строк (Французов 2012. С. 57–69; ср.: Французов 2009а. С. 57–70).

[272] См., например: Robin 1996a. Col. 1195–1196; Коротаев 1997. С. 49–53.

Кроме того, термин *‘bd* и его pl. tantum *’dm* широко употреблялись в южноаравийских вотивных надписях для обозначения зависимости их авторов от божеств, которым эти надписи были посвящены (ср. «раб Божий»), но для хадрамаутской эпиграфики это явление совершенно не характерно.

[273] Она обозначена термином *’mt* (мн. ч. *’mh*), женским эквивалентом *‘bd*.

[274] Обнаруженная в 1989 г., эта надпись не получила своего сигла и была издана под No. 17 в Frantsouzoff 2005a. P. 208–209, pl. XXVIII, 1.

инвокации другого текста, происходящего из того же храма (Rb XIV/89 n° 246 a–d = СОЙКЭ 2161/6–7: *w-b-Q|tm* — «и во имя Ḳаs̱ама»), и оставил там по меньшей мере, 18 коммеморативных надписей (Французов 2009а. С. 77, 136, примеч. 10; Французов 2012. С. 76, 135, примеч. 10)[275], его социальный статус был весьма высок: возможно, он являлся местным магистратом (Французов 2009а. С. 136; Французов 2012. С. 135), хотя нам не известно, чтобы он носил какой-либо титул. Так что и в этом случае кажется куда более вероятным, что Аус находится не в рабстве у Ḳаs̱ама, а под его покровительством.

Важнейшим аспектом социально-экономических отношений в любом классовом обществе является денежная система. За последние годы, главным образом благодаря трудам А. В. Седова, сведения о денежном обращении в Хадрамаутском государстве были собраны и систематизированы. Первые монеты, которыми стали пользоваться обитатели древнего Йемена, были афинские тетрадрахмы, как подлинные, так и подражания им, выпускавшиеся в Малой Азии, Палестине и Египте; их проникновение на юг Аравийского полуострова датируется приблизительно 400 г. до н. э. или последними десятилетиями V в. до н. э. (Седов 1998а. С. 12–13; Седов 2005. С. 362–363). Достаточно скоро, по-видимому, не позже первой четверти IV в. до н. э., началась южноаравийская подражательная чеканка, и произошло это в Катабане (Седов 1998а. С. 13, 16; Седов 2005. С. 363, 365). Наиболее полно местные подражания афинским тетрадрахмам, дидрахмам и хемидрахмам так называемого «старого стиля» представлены в кладе из аṣ-Ṣурайры[276], причем эти серебряные монеты указывают на то, что «для своего чекана катабанцы не только копировали афинские прототипы, но и заимствовали аттический весовой стандарт, в котором вес драхмы составлял 4,3 г (вес тетрадрахмы — 17,2 г, вес хемидрахмы (триобола) — 2,15 г…)» (Седов 1998а. С. 15; Седов 2005. С. 364).

Ранние хадрамаутские подражания афинским монетам, отчеканенные в серебре, имеют свою специфику. Наиболее крупные из них соответствуют по весу не тетрадрахмам, а драхмам, хотя и превосходят последние в среднем на 15% (см. таблицу ниже)[277]. Причину такого отступления от аттического стандарта обычно усматривают в том, что Хадрамаут ориентировался на персидскую весовую систему, принятую в малоазийских сатрапиях Ахеменидской империи и базировавшуюся на вавилонской драхме или серебряном сикле весом 5,6 г (Седов 1998а. С. 22; Седов 2005. С. 370). Впрочем, остается неясным, почему в таком случае иконография древнейших хадрамаутских монет воспроизводила афинские, а не ахеменидские образцы[278].

---

[275] Все 20 надписей, в которых засвидетельствовано имя *Qtm*, относятся к начальной фазе древнего периода (An. I) и отличаются сходными палеографическими чертами. Напрашивается предположение, что речь в них идет об одном и том же лице.

[276] См. о нем: Sedov et al. 1997; Седов, Абдалла 2004; Французов 2004в.

[277] Интересно, что ранние сабейские подражания, напротив, легче и меньше, чем катабанские (и, соответственно, чем их афинские прототипы), хотя типологически им идентичны (Седов 1998а. С. 18; Седов 2005. С. 366).

[278] Как справедливо заметил по данному поводу А. В. Седов, «в многочисленных надписях практически отсутствуют данные о весовом стандарте (или стандартах), существовавшем (или суще-

Всего выявлены четыре номинала хадрамаутских подражаний, четко различавшиеся по весу, причем больший номинал приблизительно вдвое превосходил непосредственно следующий за ним меньший номинал. Эта система отличалась от аттической: как известно, афинская драхма равнялась шести оболам, и если хемидрахма (триобол) находилась в обращении, то монет в четверть и одну восьмую драхмы не существовало. По-видимому, хадрамаутцы взяли за образец весовое соотношение между тетрадрахмой, дидрахмой, драхмой и хемидрахмой и применили его для чеканки монет меньшего достоинства. На аверсе ранних хадрамаутских подражаний изображена повернутая вправо голова Афины в шлеме, украшенном оливковыми листьями и растительным завитком; ее волосы переданы полукружьями, а на щеке Афины находится южноаравийская буква, соответствующая номиналу монеты. На реверсе представлена повернутая вправо фигура сидящей совы, голова которой смотрит *en face*; вверху слева различимы оливковая ветвь и полумесяц, справа — греческая легенда АΘЕ. Основные данные по древнейшим монетам Хадрамаута для удобства сведены в таблицу 4.

Таблица 4

Номиналы ранних хадрамаутских серебряных подражаний афинским монетам (по Седов 1998а. С. 22, 36–43; Седов 2005. С. 368–370)

Номинал	Обозначение	Максимальный вес (г)	Минимальный вес (г)	Средний вес (г)	Среднеарифметический вес (г)	Диаметр (см)
«драхма»	𐩱	5,55	3,80	5,0–5,2	4,94	1,3–1,8
½ «драхмы»	𐩲	2,51	2,06	2,3–2,5	2,35	1,2–1,5
¼ «драхмы»	𐩳	1,54	0,94	1,1–1,2	1,17	0,9–1,2
⅛ «драхмы»	𐩴	0,79	0,26	0,5–0,6	0,51	0,8–1,2

ствовавших) в доисламской Южной Аравии вообще, и в Хадрамауте в частности» (Седов 1998а. С. 22; Седов 2005. С. 370).

Однако приведенная им в этой связи цитата из текста на хадрамаутской бронзовой табличке начала н. э. из Шабвы *s¹qnyt/ḏhbʰⁿ/ḏ-md|lw-ṯ/ḥlfᵐ/ḏhbᵐ/qyḫᵐ* (RES 2693/2–3) истолкована совершенно неверно. Речь в ней идет вовсе не «о пожертвовании в храм золота (в слитке?), “вес которого составляет *ḥlfm* в красном золоте”» (Там же), а о «бронзовом посвящении, вес (стоимость?) которого в бронзе, подтвержденный (-ая?) клятвой, — один *qyḫᵐ*». Таким образом, единица веса (или, что менее вероятно, стоимости) в древнем Хадрамауте называлась *qyḫᵐ*, а отнюдь не *ḥlfᵐ* (см. об этом подробнее: Robin, Frantsouzoff 1999. P. 158–159; о значении «бронза», а не «золото» для *ḏhb* см.: Sima 2000. P. 307–324).

Было бы заманчиво предположить, что под бронзовым посвящением имелась в виду сама табличка RES 2693, вес которой в таком случае составлял бы один *qyḫᵐ*. К сожалению, в аналогичном контексте в надписи RF–Alīm 1, сохранившейся на сходной по размеру и весу бронзовой табличке, говорится о «бронзовом посвящении, вес (стоимость?) которого — восемь *qyḫᵐ*» (стк. 3–4: *s¹qnyt/ḏhbʰⁿ/ḏ-mdl|w-ṯ/ṯmntᵐ/ qyḫᵐ*). О связанной со значением «клятва» семантике производных от корня *ḤLF* в южноаравийских эпиграфических языках см.: Frantsouzoff 2006a. P. 71.

До недавнего времени не было предложено удовлетворительного объяснения тому, что означают южноаравийские буквы *n*, *g*, *t* и *s²* на щеке Афины. Так, согласно предположению арабиста и эфиописта М. Кроппа и нумизмата В. Хана, буквы южноаравийского алфавита, расположенные в южносемитском порядке, имели свои числовые значения, отличные от тех, которыми они обладают в кратком варианте северосемитского алфавита — *абджаде* (Kropp, Hahn 1997). Однако в древнейеменской эпиграфике ни одного подтверждения этой гипотезе не найдено; в эфиопской письменной традиции, в основе которой лежит геэзский силлабарий, также построенный в южносемитском порядке, не известно ни одного случая, когда знак имел бы числовое значение, не совпадающее с северосемитским. С другой стороны, в южноаравийской цифровой системе для передачи 5, 10, 100 и 1000 использовались начальные буквы соответствующих количественных числительных: *ḫms¹(t)* → 𐩠, *‘s²r(t)* → 𐩲, *m’t* → 𐩣, *’lf* → 𐩱. Логично предположить, что в случае со знаками на монетах был применен тот же принцип[279]. Действительно, благодаря документам на дереве, происходящим, по всей видимости, из городского архива Нашшāна[280], удалось установить, что *n*, *g*, *t* и *s²* на монетах являются первыми буквами слов *nṣf*, *gms¹(t)*, *tmrt* и *s²s³‘* (Stein 2010. 1. S. 77, 80–84). Впрочем, их значения остаются неясными. Казалось бы, *nṣf* следует истолковать как «половина» на основании очевидной параллели с классическим арабским *ниṣф*[281] и признать, что в древней Южной Аравии в качестве полновесной монеты рассматривалась дидрахма, а драхма[282] — как ее половина. Однако для обозначения половины в сабейском и хадрамаутском использовался термин *fqḥ* (Beeston et al. 1982. P. 45; Французов 2009a. С. 83; Французов 2012. С. 82). Кроме того, попытка П. Штейна возвести *gms¹* к глаголу *gämäsä* “divide in two, cut in half” в геэзе[283] дает нам еще одно слово с вероятным значением «половина»[284]. Что касается *tmrt* и *s²s³‘*, то для них не было предложено даже столь шатких этимологий.

С территории Хадрамаута происходят также бронзовые подражания афинским тетрадрахмам: их единичные экземпляры выявлены в Шабве (3 экз.), Райбӯне I (1 экз.) и Джӯдже (1 экз.); более чем по десять таких монет удалось найти в Би’р ‘Алӣ (11 экз.), ал-Барӣре (13 экз.) и Хор Рори (17 экз.). Наибольшее их число — 309 — оказалось в составе клада, обнаруженного местным жителем в 1989 г. на окраине селения Х̮урайх̮ар в вади Дау‘ан (Седов 2005. С. 372)[285].

[279] Конечно, остается неясным, почему знаки *n*, *g* и *s²* повернуты в направлении, противоположном обычному, т. е. как в строках, идущих слева направо, при бустрофедоне (знак *t* при любом направлении сохраняет неизменную форму). Можно осторожно допустить, что направление было изменено для того, чтобы наглядно показать, что это — аббревиатуры.

[280] См. об этом подробнее раздел 1 главы I.

[281] Ср. Stein 2010. 1. S. 77.

[282] См. таблицу 4 выше.

[283] См. Leslau 1987. P. 195.

[284] Замечание П. Штейна, согласно которому *gms¹* следует интерпретировать не как «половина», а как «часть» (Stein 2010. 1. S. 77), не проясняет, почему сокращение именно этого термина помещалось на монете номиналом в ½ драхмы.

[285] Ранее эти подражания ошибочно характеризовались как медные (Седов 1998a. С. 24).

К сожалению, четкой зависимости между весом и номиналом, как в случае с серебряными подражаниями, здесь не прослеживается. Так, монеты с буквой 𐩱 в кладе из Ḫурайḫара по весу покрывают весьма широкий диапазон от 1,5 до 5,2 г (Седов 1998а. С. 24–25, 201, табл. 6; Седов 2005. С. 372, 374, табл. 12). Хадрамаутские бронзовые подражания со знаком 𐩲 не известны вовсе (Седов 1998а. С. 24–25; Седов 2005. С. 372). Вместе с тем две монеты данной категории с буквой 𐩧 весом в 1,20 г и 1,26 г хорошо соответствуют одной четверти, а четыре монеты с буквой 𐩦 среднеарифметическим весом в 0,63 г — одной восьмой «полновесного» номинала, установленного для хадрамаутских серебряных «драхм» (Седов 1998а. С. 25, 60, 200, табл. 7, 8; Седов 2005. С. 375)[286].

189 монет в кладе из Ḫурайḫара (в отдельных случаях — с буквой 𐩱), а также по одной монете из Би'р ʻАлӣ и Хор Рори относятся к другому, несколько более позднему, типу хадрамаутских бронзовых подражаний. На аверсе этих монет голова Афины замещается другим изображением, лишь отчасти похожим на нее, а на реверсе вместо легенды AΘE появляется название дворцового комплекса хадрамаутских царей — Шаḳир (*S²qr*)[287]. Их вес колеблется в весьма широких пределах от 1,2 до 5,2 г (Седов 1998а. С. 25, 60–68, 203, табл. 10; Седов 2005. С. 375, 377, табл. 16). Наконец, в составе хурайхарского клада есть три монеты весом в 3,85 г, 4,21 г и 4,25 г, которыми, по мнению А. В. Седова, завершается серия ранних хадрамаутских подражаний с совой на реверсе. Вместо головы Афины на их аверсе представлена предположительно мужская голова в профиль, повернутая направо, с крупными локонами, а три буквы, передающие название замка Шаḳир, соединены в виде монограммы (Седов 1998а. С. 25–26, 68–69; Седов 2005. С. 375–376).

Предположение А. В. Седова о том, что «подражания, чеканившиеся из бронзы, имели принудительный характер обращения на территории, политически контролировавшейся хадрамаутскими правителями, эти монеты выпускавшими» (Седов 1998а. С. 35; Седов 2005. С. 387), требует пояснения. Если он имел в виду наличие установленного сверху жесткого обменного курса между серебряными и бронзовыми монетами, не отражавшего реальное соотношение их стоимости, иными словами, сознательное завышение курса бронзы к серебру, то такая ситуация представляется нереальной. Насколько нам известно, ни Хадрамаут, ни какое-либо другое государство древнего Йемена не были в достаточной степени централизованными и не располагали необходимым аппаратом принуждения для столь серьезного силового вмешательства в экономику. Куда более вероятным следует признать «существование определенного *ratio* между выпусками монет из разных металлов, нам, к сожалению, неизвестного» (Там же). Стоит отметить, что при бронзовой эмиссии не было необходимости строго выдерживать вес каждой отдельной монеты из-за незначительной стоимости этого металла по сравнению с серебром. Этим, по всей видимости,

[286] К сожалению, их происхождение остается неизвестным, а два хадрамаутских бронзовых подражания с буквой 𐩦, найденные в Шабве и Би'р ʻАлӣ, не были взвешены (Седов 1998а. С. 60).

[287] См. о нем в конце раздела 4 данной главы.

и объясняется столь сильный разброс веса хадрамаутских бронзовых монет в пределах одного номинала (┌┘)[288]. В тех случаях, когда расплачивались несколькими бронзовыми монетами, их могли принять по номиналу, когда же речь шла о десятках и сотнях штук (как в хурайхарском кладе), счет, очевидно, шел по весу. Сам этот клад указывает на то, что во второй половине I тысячелетия до н. э. в Хадрамаутском государстве в обращении одновременно находились бронзовые монеты трех различных эмиссий, скорее всего, производившихся последовательно.

Необходимо подчеркнуть, что находка клада на окраине Ḫурайḫара должна свидетельствовать о довольно скромном благосостоянии населения этой части Внутреннего Хадрамаута, коль скоро бронзовую «мелочь» не погнушались собрать в столь значительном количестве и схоронить в укромном месте. На это же указывает характер посвятительных надписей, обнаруженных в храмах Райбӯна и других поселений Внутреннего Хадрамаута, с одной стороны, и Шабвы, с другой. В столице они отливались из бронзы, а на периферии высекались на обтесанных известняковых блоках (Французов 2009а. С. 26; Французов 2012. С. 26).

8. ПОЛИТЕИСТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ ХАДРАМАУТЦЕВ

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что на всем протяжении истории человечества религия выполняла роль важнейшего социального регулятора. В подавляющем большинстве обществ древности, а на Древнем Востоке повсеместно, она составляла стержень духовной жизни, пронизывая государственные идеологические системы, представления об окружающем мире, календарный хозяйственный цикл, повседневные заботы каждого человека.

С изучением политеистической религии доисламской Южной Аравии сложилась специфическая ситуация. С одной стороны, благодаря посвятительным надписям нам известны десятки имен и так называемых эпитетов[289] местных божеств. С другой стороны, их родственные или брачные связи, за редчайшими исключением, остаются невыясненными; в некоторых случаях не удается определить даже их пол; в эпиграфических и в других источниках по истории древнего Йемена нет и намека на теогонию или иные мифы. Вплоть до 80–90-х гг. прошлого века сабеисты пытались заполнить эти лакуны, прибегая к спекулятивным домыслам, в основу которых были положены концепция астральной триады датского семитолога Дитлефа Нильсена и этимологические упражнения с именами и эпитетами божеств, в результате которых старались получить

[288] Конечно, нельзя упускать из виду и коррозию, которой подверглась большая часть монет из хурайхарского клада, однако она вряд ли могла уменьшить первоначальный вес монеты хотя бы на четверть.

[289] Они идут непосредственно после основного имени и обычно состоят из *ḏ*-(*ḏt*) — «обладатель (-ница)» — или *b ʿl(t)* — «владыка, владычица» — и названия храма.

сведения об их природе и функциях. Так, эпитет хадрамаутского бога Сийāна *ḏ-’lm*, данный ему по названию его главного столичного храма, пытались интерпретировать как «Sīn du/des banquet(s)» (Ryckmans J. 1973b. P. 332)[290], ссылаясь на семантику корня *’LM* в сабейском, связанную с ритуальным пиром, и на классическое арабское *валīма* — «пир, угощение» (Ibid. P. 327–331)[291]. Несостоятельность изысканий такого рода сегодня общепризнана. Что касается теории Д. Нильсена, то в соответствии с ней общий для всего древнего Йемена ‘Ас̲тар был богом планеты Венеры, а чету его божественных родителей составляли лунный бог, который одновременно являлся покровителем одного из южноаравийских государств (Алмаḳах — Сабы, ‘Амм — Катабана, Сийāн — Хадрамаута), и солнечная богиня (З̲āт Ḥимйам и З̲āт Ба‘дāн у сабейцев, З̲āт Ṣантᵢᵤₘ и З̲āт Ẓахрāн у катабанцев и т. д.). Эта концепция начала разваливаться, когда в результате правильного истолкования RES 2693/5 выяснилось, что ‘Ас̲тар считался отцом Сийāна, а не наоборот. Никаких подтверждений астральной природы этих божеств, да и почти всех остальных представителей древнейеменского пантеона (за исключением, разве что, богини Шамс, почитавшейся в Радмāне) найти не удалось, и в конце XX в. подобные взгляды были отвергнуты подавляющим большинством сабеистов[292].

Пантеон древнего Хадрамаута отличается поразительной скудостью. Так, всего два божества, Сийāн и Ḥаул, почитались на общегосударственном уровне. Помимо RES 3945/12 и RES 3869/4, которые в этой связи были рассмотрены выше[293], следует отметить небольшой фрагмент из хадрамаутской столицы SOYCE/91–Shabwa no. 1, где речь, по-видимому, идет о посвящении в храм Алīм двух вотивных статуэток для Сийāна и Ḥаул (стк. 2: *.../ṣl]my-s¹m/S¹yn[/]w-Ḫwl/ b-mḫrm-s¹[/’lm]*). Для сравнения укажем, что официальный пантеон ранней Сабы составляли перечислявшиеся в неизменном порядке в надписях пять божеств (‘Ас̲тар, Хаубас, Алмаḳах, З̲āт Ḥимйам и З̲āт Ба‘дāн)[294], а наиболее почитаемыми божествами Маина являлись ‘Ас̲тар з̲ū Ḳабḏ, Вадд, Накраḥ и ‘Ас̲тар з̲ū Йахриḳ[295]. Если учитывать местные культы, то и в этом случае общее число почитавшихся в Хадрамауте богов и богинь едва ли перевалит за десяток, тогда как в других крупных южноаравийских государствах, особенно в Сабе, их окажется в несколько раз больше. Причина данного явления, скорее всего,

[290] Безоговорочную поддержку этой точке зрения высказала Ж. Пиренн (Pirenne 1979. P. 203).

[291] Ср. Abdallah 1975. S. 50: «Sin der Gastmähler».

[292] См. подробнее: Французов 2009а. С. 101–103; Французов 2012. С. 98–100. В противоположность этому в Северной и Центральной Аравии астральный характер целого ряда божеств и элементов культа сомнений не вызывает (см., например: Французов 1993).

[293] Первая — в разделе 3 (примеч. 75), а вторая — в разделе 5 (примеч. 157) данной главы. Вопрос о том, кем являлся Ḥалай’ил, названный непосредственно после этих двух божеств в надписи из крепости Майфа‘а, будет рассмотрен ниже.

[294] Необходимо отметить, что в наиболее древних сабейских текстах отсутствует Хаубас (Robin 1996a. Col. 1156–1157).

[295] См., например, строительные надписи RES 2999 = M 222/2, Бауэр 3/1, 4/2, 5/2–3, в которых именно этим четырем божествам посвящалось сооружение различных участков крепостной стены города Йас̲илл (городище Барāḳиш). Ср.: Bron 1995a. P. 434; Bron 2008. P. 466.

кроется в значительной этнической и культурной однородности населения Хадрамаутского царства, во всяком случае его оседлой составляющей. Если принять эту гипотезу, становится понятным, почему пока не удалось выявить никаких следов небольших территориальных политических образований, из которых должно было бы, подобно соседнему Катабану, сформироваться Хадрамаутское государство. Изначально его создатели были настолько прочно связаны общими религиозными верованиями и обрядами, в которых локальной специфике отводилось очень скромное место, что сравнительно быстро и безболезненно достигли государственного единства. Этому процессу не сумели помешать особенности местного рельефа, наиболее ярко проявляющиеся во Внутреннем Хадрамауте с его обилием боковых долин, которые, по мнению М. Мутона, могли орошаться и обрабатываться по отдельности, а значит, не способствовали быстрому формированию централизованного государства (Mouton 2004. P. 90)[296].

Культ бога Сийāна носил государственнообразующий характер. Надпись RES 3945 не оставляет сомнений в том, что если Алмаḳах считался олицетворением государственности в Сабе, ее «национальным» (в западном смысле слова) богом, то Сийāну отводилась аналогичная роль в Хадрамауте. Прослеживается четкая корреляция между хадрамаутским языком, на котором были составлены эпиграфические памятники, происходящие с того или иного городища, и свидетельствами почитания Сийāна (посвящениями ему и инвокациями его имени). Поклонение этому богу отмечено в географически довольно широких пределах. Помимо столичного Алīма[297], храмов в Сумхураме и Хāнӯне[298], культовые сооружения, которые удается связать с Сийāном, обнаружены во многих поселениях Внутреннего Хадрамаута. На территории райбунского оазиса раскопаны два его храма, Майфа‘āн (Райбӯн XIV) и Васаṭ(х)āн (Райбӯн VI), и выявлены как минимум еще три: Райбӯн XIX, на месте которого возведено одно из зданий селения ал-Машхад, Райбӯн VIII и Райбӯн XXVI (Французов 2009а. С. 103–104, примеч. 16; Французов 2012. С. 100–101, примеч. 16). Кроме того, существование святилищ «национального» бога Хадрамаута в большей или меньшей степени достоверности установлено[299] в Би’р Ḥамаде, Ḥурайде (храм Маз̲āб), в целом ряде мест вади ал-‘Айн (близ современного селения ‘Аз̲āб /Райбӯн XXXVI/, в Марāвиḥе /Райбӯн XXXIV/, Лаḳлāте, ‘Āдīйат ас-Сафīле I, ал-Ḳуффе), в ‘Уḳрāне, Джӯдже, Сӯне (храм Мишвар /?/, см. RES 4182), ал-Хаджре,

[296] Продекларированный им в этой связи принцип «une vallée, un royaume» (Mouton 2004. P. 90) относится все же к основным вади, а не к их притокам. Совершенно иная ситуация сложилась в Хадрамауте накануне ислама. В условиях, когда его традиционное оседлое и полукочевое население существенно потеснили арабские племена, прежде всего киндиты, те же самые черты рельефа способствовали тому, что в политическом отношении эта область оказалась расколота на множество мелких и мельчайших владений. Так, под властью каждого крупного киндитского *малика* (племенного вождя), как правило, находилось отдельное вади (Jacut /Wüstenfeld/. 2. S. 287).

[297] См. о нем в разделе 1 главы III.

[298] См. подробнее в разделе 2 главы III.

[299] Основанием для такой идентификации послужило обнаружение во время раскопок или обследования этих городищ надписей, посвященных Сийāну.

Макайнӯне[300], аз-Зāлифе I, Бā Ḳуṭфе[301] (Седов 2005. С. 214, 237–263; Sedov 2005. P. 85, 124–148, 150–159).

Рассмотренные в предыдущем разделе тексты X.Rb-86 n° 4, CT 4, СОЙКЭ 2075 позволяют осторожно предположить, что Сийāн был покровителем орошения, как паводкового, так и колодезного. Наличие среди посвященных Сийāну предметов «(собранных с растений) плодов» (*s³mr*$^{<m>}$) и «падалицы» (*nfḏ*^{m}) является косвенным аргументом в пользу данной гипотезы (Французов 2009а. С. 106; Французов 2012. С. 103). Единственная функция этого бога, которую удалось с уверенностью определить благодаря райбунским надписям на стелах, — исцеление от болезней. В ряде случаев указаны названия недугов, за избавление от которых его благодарили, причем, как правило, не болезней, а их симптомов: *rbb*^{hn} — «сыпь» (Rb XIV/87 n° 104/7–8), *r'f*$^{<h>n}$ — «кровотечение из носа» (Rb XIV/87 n° 105 = СОЙКЭ 1447/5), *mrwḥ* — «метеоризм» или «болезнь груди (пневмония?)» (Rb XIV/90 n° 60 = СОЙКЭ 2377/3)[302].

Формула *ṯḥtn/S¹yn/ḏ-'lm* — «по повелению Сийāна зӯ Алāма», встречающаяся после глагола *ks³'* — «приказать, заказать» — в нескольких надписях из Майфа'āна (Rb XIV/87 n° 104/3–4; Rb XIV/87 n° 3 = СОЙКЭ 1131/3), указывает, что в иерархии почитавшихся в Райбӯне божеств Сийāн, которому поклонялись в этом храме (*S¹yn/ḏ-Myf'*^{n}), стоял ниже, чем тот же бог в своей «ипостаси» владыки главного столичного святилища (Французов 2009а. С. 107; Французов 2012. С. 103).

В связи с проблемой представления южноаравийских божеств в облике животных особого внимания заслуживает RES 4698. Хотя эта надпись, в настоящее время вмонтированная в стену мечети Шабвы, палеографически датируется началом н. э.[303], ее стоит рассмотреть в этом разделе. Точное чтение полустершихся слов в ней удалось установить благодаря сравнению ее фотографии с эстампажем, снятым участниками Южноаравийской экспедиции Венской Академии наук (Ба Факих 1967, *шакл* 17; Müller W. 1976, tav. I; Pirenne 1990, pl. LVI a–b)[304].

Текст	Перевод
1. *Yd''l/Byn/mlk/Ḥḍrmt/bn/Yd''b*	Йада''ил Баййин, царь Хадрамаута, сын Йада''аба
2. *Ḡyl*^{n}*/mlk/Ḥḍrmt/bn/'myn*^{m}*/s¹qny*	Гайлāна, царя Хадрамаута, сына Умайна (из рода Умайн?), посвятил
3. *w-ṯl'/mr'-s¹/S¹yn/ḏ-'lm/ns¹r/Ṣlf'*=	и преподнес своему господину Сийāну зӯ Алāму орла (из?) Ṣалфа'
4. *ḥn/ns¹r/'tw/h-s¹/bn/s²'mt/w-qṣ'-s¹*	хāна (?), орла, который пришел к нему с севера, и пожертвовал его.

[300] Там обнаружено два храма, *intra muros* и *extra muros*, один из которых, судя по эпитету Сийāна в надписи на межевом столбе Mak 4 (см. предыдущий раздел данной главы), мог называться Маутар.

[301] Эпитет, который Сийāн носит в BQ 4 + 2 (*S¹yn/ḏ-Ḥls¹*^{m}), явно указывает, что храм этого бога в Бā Ḳуṭфе назывался Ḫалс. Попытка этимологизировать его как «Sīn de la pluie fertilisante» (Pirenne 1979. P. 203–204) полностью надумана и принята быть не может.

[302] См. подробнее: Французов 2009а. С. 105–106, примеч. 35; Французов 2012. С. 102, примеч. 35.

[303] Возможно, серединой II в. н. э. (см. примеч. 105 к главе III).

[304] См. издания этой надписи с разными вариантами ее чтения и перевода в Müller W. 1976. S. 55–59, tav. I; Pirenne 1990. P. 74–75; Robin 1996a. Col. 1168.

Согласно Кр. Ж. Робену, эта надпись явно уподобляет Сийāна орлу[305], однако, на наш взгляд, ее содержание не дает оснований для такого вывода[306]. В ней сообщается только о том, что изображение этого животного было ему посвящено. Монеты хадрамаутского правителя Йашхур'ила (середина II в. до н. э.)[307], на аверсе которых представлена мужская голова в профиль с легендой *S¹yn*, а на реверсе — орел, терзающий змею[308], также нельзя рассматривать как аргумент в пользу подобного отождествления. В южноаравийской эпиграфике нет ни одного указания на зооморфность божеств, но есть четкие свидетельства, подтверждающие связь определенных видов животных с их божественными хозяевами. Например, Алмаḳах назван в RES 3649 b «владыкой каменных козлов» (*b'l/'w'l*^{n}), а в CIH 397/4 — «владыкой каменных козлов Ṣирвāẖа» (*b'l/'w'l/ Ṣrwḥ*). Действительно, сирвахский храм этого бога украшен сотнями скульптурных рельефов, изображающих этих копытных, из чего следует, что они считались его священными животными, а не его олицетворениями. Так же и орла следует признать всего лишь священной птицей Сийāна.

Из сабейской «формулы федерации» известно, что в древней Южной Аравии было две категории божеств, обозначаемые терминами *'l* — «бог» — и *s²ym* — «господь» (Лундин 1971. С. 164–165). Принадлежность Сийāна ко второй из них установлена благодаря посвященному ему тексту на стеле Rb XIV/89 n° 65 = СОЙКЭ 1980, в котором (стк. 6) он назван *s²ym-s¹* — «его (посвятителя — *С. Ф.*) господь» (Frantsouzoff 2003a. P. 50, n. 21; Французов 2009a. С. 105; Французов 2012. С. 102).

Предлагаемое здесь чтение имени этого бога, в консонантном написании имеющего форму *S¹yn*, основано на арабо-мусульманской традиции. В комментарии на полубейт доисламского поэта ʿАлḳамы б. з̲ū Джадана во втором томе *Китāб ал-Иклīл* йеменский ученый-энциклопедист X в. ал-Ḥасан б. Аḥмад ал-Хамдāнī отметил, что Синāн з̲ū Алīм — «из числа древних хадрамаутских царей» (Хамдани /Аква'/, Иклил. 2. С. 380). В восьмом томе этого же труда сохранилось краткое сообщение о том, как при халифе ʿУс̱мāне была якобы обнаружена его могила (Хамдани /Фарис/. С. 127; в тексте: سنان ذو آكم). Исправ-

[305] Robin 1996a. Col. 1168: «…l'assimile explicitement à cet animal».

[306] Утверждение А. В. Седова, согласно которому «в известной надписи RES 4698 Сайин зу-'Илим, столичная ипостась "федерального" божества, именуется "орлом Салфа'ан, прилетевшим… с севера…"» (Седов 2005. С. 393; ср.: Седов 1998a. С. 77), свидетельствует лишь о том, что этот исследователь не был знаком с правильным переводом данной надписи.

[307] Ранее эти монеты и, соответственно, пребывание у власти выпускавшего их правителя принято было датировать началом I в. н. э. или концом I — самым началом II в. н. э. (Седов 1998a. С. 77), однако новые их находки в точно датируемых слоях Хор Рори заставляют отнести начало их выпуска приблизительно к середине II в. до н. э. (Седов 2005. С. 394; Sedov 2008. P. 281). Подробнее об этих монетах см. главу III, раздел 2.

[308] Согласно описанию А. В. Седова, это — «орел с распахнутыми крыльями и головой, повернутой вправо, стоящий (?) на волнистой линии» (Седов 1998a. С. 76; ср.: Седов 2005. С. 390; прорисовки этих монет см.: Седов 1998a. С. 215; Седов 2005. С. 391, рис. 205). Решительно и, на наш взгляд, совершенно правильно эту линию отождествил со змеей Кр. Ж. Робен (Robin 1994a; p. 102: «aigle dressé, tourné vers la droite, avec les ailes déployées; une ligne sinueuse, sous les serres, représente sans doute un serpent qu'il agrippe»; Robin 1996a. Col. 1168: «…un aigle attaquant un serpent»).

ление سنان на سيان, предложенное Йӯсуфом Муҳаммадом ‘Абдаллāхом (Abdallah 1975. P. 50), вполне обосновано, поскольку имя этого легендарного царя явно было позаимствовано у хадрамаутского «национального бога» в его «ипостаси» владыки главного столичного храма Алӣм: *S[1]yn/ḏ-’lm*. Ряд сабеистов приняли транскрипцию Сийāн[309], другие предпочли читать этот теоним как Сайӣн[310], основываясь на его передаче у Плиния Старшего (Plini Nat. Hist. XII, 63)[311].

Что же касается общепринятого ранее условного чтения Сӣн, то его сходство с именем месопотамского бога луны в его аккадском варианте явилось одним из краеугольных камней астральной теории: именно на этом основании хадрамаутский Сӣн, а следом за ним его сабейский и катабанский аналоги были объявлены лунными богами. На наш взгляд, никакой связи между месопотамским Сином и Сийāном не существует, и речь идет лишь о случайном совпадении. Во-первых, староассирийские варианты этого имени, Суин и особенно Зуэн ([d]EN ZU; букв. «владыка знания» /Афанасьева 1982. С. 198/), заметно отличаются от *S[1]yn*. Во-вторых, не удается проследить, каким путем культ этого бога из Междуречья мог попасть в Йемен. Казалось бы, общим местом в работах по истории древнего Ближнего Востока стало утверждение о том, что нововавилонский царь Набонид в 549 г. до н. э. перенес свою резиденцию в североаравийский оазис Таймā’ во многом из-за того, что там находился один из культовых центров особо почитаемого им Сина[312]. Утверждалось даже, что Набонид построил там один из новых храмов этому богу (Дандамаев 2004. С. 586)[313], однако в ходе археологических раскопок, которые с 2004 г. проводятся на территории этого оазиса Восточным отделением Немецкого археологического института совместно с Департаментом древностей Саудовской Аравии и Университетом короля Са‘ӯда (ар-Рийāд), никаких следов подобного сооружения не выявлено[314]. Также не обнаружено никаких свидетельств поклонения Сину в надписях из оазиса Таймā’, составленных на местном североаравийском эпиграфическом языке — тайманитском, хотя в двух из них говорится о Набониде, царе Вавилона (*Nbnd/mlk/Bbl*; см. Hayajneh 2001. P. 82–85, 89–90)[315]. Точно установлено, что этот бог не входил в состав местного пантеона[316]. Правда,

[309] См., в частности: Bron 1995a. P. 435; Bron 2008. P. 473–474.

[310] См., например: Лундин 1982. С. 437; Robin 1996a. Col. 1163, 1168.

[311] См. об этом подробнее в конце раздела 6 главы I, примеч. 135, 136.

[312] См., например: Lambert 1972. P. 60–62; Garelli, Lemaire 2001. P. 154.

[313] С другой стороны, необходимо отметить, что М. А. Дандамаев довольно скептически относится к выводу о том, что Набонид отправился в оазис Таймā’ из-за своих религиозных верований: «Этот аргумент относительно религиозных убеждений представляется не вполне убедительным, поскольку Набонид встретил враждебное к себе отношение со стороны населения Теймы и других аравийских оазисов» (Дандамаев 2009. С. 63).

[314] См. Eichmann, Schaudig, Hausleiter 2006, а также устную информацию, которой с автором этих строк любезно поделился Рикардо Эйхман, заместитель директора Немецкого археологического института, руководитель раскопок в Таймā’.

[315] Еще в двух тайманитских надписях упоминается «царь Вавилона» (*mlk/Bbl*), под которым, очевидно, подразумевался Набонид (Hayajneh 2001. P. 87–89; Al-Said 2009).

[316] О божествах, почитавшихся в оазисе Таймā’, см.: Maraqten 1996a.

в трех кратких однострочных лихйанских надписях (Аскӯбӣ 27, 153, 262), оставленных караванщиками в районе Рам (Рэм; رم), расположенном к югу-западу от Таймā’[317], месопотамский Син все же упоминается, но его имя во всех этих случаях передано как *S[l]n* — без *y* в середине, что закономерно для строго консонантной североаравийской письменности, а обосновать переход *S[l]n* в *S[l]yn* довольно сложно, если учесть, что употребление *matres lectionis* в середине южноаравийских слов достоверно не засвидетельствовано[318].

Поскольку божество *Ḥwl*, обычно упоминаемое непосредственно вслед за Сийāном, оказалось богиней, можно осторожно предположить, что это была его супруга. Пол Ḫаул удалось определить благодаря краткой надписи на золотом серпообразном амулете из Шабвы, хранящемся в Британском музее под инвентарным номером BM 132998: 1. *Ḥwl/’lht[n]/‘=* | 2. *lhy/B‘lt/s²hr[n]* — «1. Ḫаул-богиня ра- 2. ди Ба‘лат Шахрāн»[319]. К сожалению, не удалось установить, что за богиня скрывается под нигде более не засвидетельствованным именем или, скорее, эпитетом *B‘lt/s²hr[n]*. Это выражение можно буквально перевести как «Владычица молодого месяца (или новолуния)», однако не исключено, что под *S²hr[n]* может скрываться название храма. Что касается собственно Ḫаул, то ее имя дважды встречается в райбунской эпиграфике: в Rb I/83 n° 33 = СОЙКЭ 5 (*[…/hqn]y/Ḥwl…*)[320], обнаруженной в подъемке с городища Райбӯн I, и в сильно поврежденном фрагменте из храма Ḫадрāн (Raybūn-Ḥaḍrān 323), где почиталась богиня ‘Ас̱тарум/‘Ас́тарум. Высказанное ранее предположение о том, что она и Ḫаул могут оказаться двумя «ипостасями» одной богини (Французов 2009a. С. 116; Французов 2012. С. 112), представляется голословным. В Южной Аравии вообще и в Райбӯне в частности известно немало примеров того, как в храме одного божества обнаруживаются надписи, посвященные другому божеству. Во всяком случае ни одного святилища Ḫаул ни в Хадрамауте, ни за его пределами пока не найдено.

---

[317] Этот район локализован между 27° 00′ и 27° 45′ северной широты и между 37° 45′ и 38° 45′ восточной долготы (Аскуби 1999. P. 1). Скорее всего, упоминаемые здесь надписи относятся к периоду тесных контактов между оазисом Таймā’ и Лихйанским царством, т. е. к V–III вв. до н. э. (об этой датировке см. Eichmann, Schaudig, Hausleiter 2006. P. 168).

[318] Впрочем, см. выше примеч. 127 к данной главе.

[319] Впервые издавший этот текст Муḫаммад Мараḳтан предложил интерпретировать *ḫwl* как имя нарицательное со значением «сила, власть», хотя и признал, что производных от корня *ḪWL* с такой семантикой в южноаравийских надписях не обнаружено, где в подобных контекстах используется слово *ḫyl*, соответствующее классическому арабскому *ḫаул* (Maraqten 1996b. P. 89). Ни это истолкование, ни интерпретация им данной надписи как двух различных текстов («(Магическая) сила Илахатāн» и «(Покровительство) Ба‘лат Шахрāн»; см.: Ibid. P. 92) не выдерживают критики, прежде всего чисто с филологической точки зрения. Кроме того, само расположение слов в надписи (с предлогом *‘lhy*, разделенном между двумя строками) указывает на то, что перед нами один, а не два текста. Да и богиня Илахатāн в эпиграфике не известна: упоминаемая в арабских источниках богиня Аллāт в южноаравийских надписях выступает в форме *Ltn*. Наконец, М. Мараḳтан вынужден был признать, что В. В. Мюллер предложил читать первое слово в надписи на амулете как хадрамаутский теоним Ḫаул (Ibid. P. 90). Достаточно критически перевод М. Мараḳтана воспринял А. В. Седов (Седов 2005. С. 198; Sedov 2005. P. 29).

[320] См.: Frantsouzoff 2001a. Fasc. A. P. 242; Fasc. B. Pl. 309bis.

Оборот *w-tḍ’/Ṣdqḏkr/b-’ḏn|S¹yn/ḏ-’lm/w-‘ṯtr/’b-s¹/…* — «и Ṣадаḳзакар поместил под *изн* (вручил воле)[321] Сийāна зӯ Алӣма и ‘Астара, отца его, …», дошедший до нас в тексте на бронзовой табличке из Шабвы RES 2693/4–5, не оставляет никаких сомнений в том, что Сийāн считался сыном бога ‘Астара, стоявшего во главе пантеона всей древней Южной Аравии. Значительное число храмов этого бога исследователи отыскали на территории Йеменского нагорья, чаще всего на вершинах гор (Robin 1996a. Col. 1160)[322], но в Хадрамауте и вообще на юге Йемена их пока не обнаружено. Вместе с тем, выявлено несколько случаев поклонения ‘Астару в храмах Сийāна. Например, с одним из храмов Джӯджи[323] следует связать фрагментарное посвящение ‘Аćтару и Сийāну (*…|hṣr/s¹|qny/’s³|tr/w-S¹y|n*), датируемое III–I вв. до н. э.[324] и ныне хранящееся в Мукаллинском музее[325], тогда как другие найденные там надписи, RAMRY/93 no. 1 и оба текста на алтаре, обозначенном как *mṣrbʰn*, адресованы Сийāну[326]. Среди эпиграфических памятников райбунского оазиса ‘Астар упомянут в небольшом фрагменте Rb XIV/89 n° 194 = СОЙКЭ 2110 (*[‘]<ṯt>r*) из храма Майфа‘āн, где, как известно, почитался Сийāн, и на обломке стелы Raybūn 6, в неясном контексте (стк. 1: ‘*s³tr*).

Заслуживает поддержки осторожный подход А. В. Седова, который не стал делать категоричный вывод о том, что на городище ‘Ādӣйат ас-Сафӣл II в вади ал-‘Айн существовал храм ‘Астара на том только основании, что единственным теонимом, который уверенно читается в найденных там мелких фрагментов, оказалось имя этого бога (в Sf II/84 n° 1 + 2 = СОЙКЭ 920: ‘*ṯt#r/n[fs¹-s¹ (-ṯ; -s¹my)]*)[327], и не исключил «вероятность того, что это посвящение было установлено в храме, в котором отправлялся культ другого божества хадрамаутского пантеона, например Сайина» (Седов 2005. С. 244)[328].

Больше всего посвящений ‘Аćтару[329] выявлено в эпиграфике, собранной на территории совершенно не обследованного в археологическом отношении современного селения ал-‘Аḳḳāд[330]. Из восьми фрагментов неизданных вотив-

[321] О формуле с глаголом *tḍ’* см.: Французов 2009a. С. 97–100; Французов 2012. С. 95–97.

[322] Речь здесь, разумеется, не идет о божестве официального маинского пантеона ‘Астаре зӯ Ḳабде.

[323] Там идентифицированы руины по крайней мере двух культовых сооружений: «раннего храма» и «святилища на платформе» (Седов 2005. С. 247–250; Sedov 2005. P. 138–141).

[324] Поскольку палеография этой неизданной надписи нам не известна, данная датировка основывается исключительно на орфографических критериях, а именно на замене в первом теониме *ṯ* на *s³*.

[325] Текст и перевод этой надписи (без фотографии) см.: Седов 2005. С. 192, 250; Sedov 2005. P. 21, 141.

[326] Содержание двух этих кратких вотивных текстов на алтаре из коллекции Мукаллинского музея стало мне известно благодаря любезности М. ‘Арбаша.

[327] Восстановление, предложенное для данного фрагмента М. Б. Пиотровским и принятое А. В. Седовым, *[s¹qny/] ‘ṯtr/n[fs¹-s¹]*, является лишь одним из возможных. Даже если не принимать в расчет, что посвятителем могла быть женщина или авторами надписи могли оказаться два лица, необходимо иметь в виду, что перед именем ‘Астара с той же вероятностью, что и глагол *s¹qny*, реконструируется формула с глаголом *tḍ’* (см. о ней выше примеч. 321 к данной главе).

[328] Ср.: Sedov 2005. P. 134.

[329] Именно в такой орфографии, соответствующей III–I вв. до н. э.

[330] По этому селению, расположенному в нескольких километрах к западу от Шибāма, до 1967 г. проходила граница между султанатами ал-Ḳу‘айṭӣ и ал-Кастрӣ: там находился пункт таможенного контроля.

ных надписей, которые происходят оттуда и хранятся в Мукаллинском музее под сиглами MM 163–170, три посвящены ‘Аćтару (MM 166, 167, 170) и три — Сийāну (MM 163–165)[331]. Если в дальнейшем в самом ал-‘Аḳḳāде или близ него удастся обнаружить остатки нескольких культовых сооружений, одно из них может оказаться храмом ‘Аćтара.

Одним из крупнейших открытий, сделанных при изучении райбунской эпиграфики, была идентификация теонима, который в консонантном написании, за исключением мīмации, полностью совпадает с именем верховного южноаравийского бога, как имени не известной прежде богини ‘Ас̲тарум/‘Аćтарум (*‘ṯtrᵐ/‘s³trᵐ*). Единственное указание на ее пол содержится в обнаруженной при раскопках ее храма Ḫадрāн (Райбӯн I, здание 1) надписи Raybūn-Ḥaḍrān 213, слегка обломанной сверху и серьезно снизу[332], где говорится о том, что «Абīрашад, дочь Ша‘арвадда, посвятила ‘Аćтарум, Хозяйке Ḫадрāна, стелу с текстом[333], которой ‘Аćтарум удовлетворилась ради Абīрашад, из-за болезни своих глаз[334]» (стк. 1–5: *< ’brs²>dnt/S² ‘rwd/s¹|qnyt/ ‘s³trᵐ/ḏt/Ḥḍrⁿ|/ms³ndʰⁿ/ḏ-rḍwt/‘s³trᵐ|/‘lhn/ ’brs²d/‘lhy/m<r>|ḍ/‘yn-s³yw/…*)[335]. Именно эта надпись дала основание осторожно допустить, что к Сийāну с просьбой об исцелении обращались мужчины, а к ‘Ас̲тарум/‘Аćтарум — женщины (Французов 2009а. С. 106; Французов 2012. С. 102–103).

Уникальная особенность эпиграфических памятников храма Ḫадрāн заключается в необычно высокой доле посвящений, оставленных женщинами, которая достигает 44,1% (30 надписей из 68, пол авторов которых удалось установить). Для сравнения укажем, что в святилище Кафас/На‘мāн богини З̲āт Ḫимйам эта доля составляла всего 7,5%, а в знаменитом марибском храме Аввāм — 5,3% (18 текстов из 340)[336]. Никаких следов культа ‘Ас̲тарум/‘Аćтарум за пределами Райбӯна не выявлено[337], из чего можно заключить, что она представляла собой местночтимую богиню.

Попытка Кр. Ж. Робена провести параллель между месопотамской Иштар и этой райбунской богиней, прочитав имя последней как ‘Истар (Yémen /Paris/. P. 148: «‘Istar dhât-Hadrân»), не подкреплена серьезными доводами. Куда более вероятной кажется гипотеза о происхождении ‘Ас̲тара и ‘Ас̲тарум от общего

[331] С этими восьмью надписями удалось познакомиться по фотографиям, которые хранятся в архиве СОЙКЭ.

[332] Ни один из остальных 457 мелких и мелчайших фрагментов, найденных в 1983 г. при раскопках Ḫадрāна, не дает возможности установить, богу или богине там поклонялись. Кстати, и название храма удалось определить исключительно благодаря эпитету *ḏt/Ḥḍrⁿ*, засвидетельствованному лишь в Raybūn-Ḥaḍrān 213.

[333] Такая интерпретация термина *mṯnd/ms³nd* обоснована в Французов 2009а. С. 93; Французов 2012. С. 91.

[334] Глазные болезни, например трахома, типичны и для современного Йемена.

[335] Чуть ниже текст обрывается и не вполне ясно, о чем там шла речь (стк. 5–6: *w-tnw‘-s³/‘s³trᵐ/ b-ḏt/nsft/‘ḏ…* — «при том что ‘Аćтарум просила ее, чтобы та исполнила как предписанные обряды…»). Как бы то ни было, и эта часть подтверждает, что богиня была женского пола.

[336] См. подробнее: Frantsouzoff 2001a. P. 65; Французов 2009а. С. 115; Французов 2012. С. 111.

[337] См.: Frantsouzoff 2001a. P. 66, n. 10, 11; Французов 2009а. С. 115, примеч. 78; Французов 2012. С. 111, примеч. 78.

андрогинного божества[338]. Хорошо известно существование подобных божеств в религиозных верованиях некоторых народов древнего мира, например римлян, поклонявшихся Помону и Помоне, Фауну и Фауне и явно андрогинному Палесу. При обращении к ним они использовали специальную формулу «sive deus, sive dea» (Штаерман 1982. С. 380). О возможной андрогинной природе таких южноаравийских божеств, как ‘Уззайа̄н (аналог арабской ал-‘Уззы), А<u>с</u>ират и <u>З</u>а̄т Ҫант^им^, которых принято считать богинями, свидетельствует употребление по отношению к ним в катабанских надписях имен м. р. *’l* — «бог», *mr’* — «господин», *b‘l* «владыка»[339].

Еще одно местночтимое божество, *Tdn* (Тадӯн)[340], упоминается в трех небольших фрагментах, происходящих с городища ал-Барӣра, которое находится в вади Джирда̄н, в 50 км к югу от Шабвы (al-Barīra 8, 9, 11). В al-Barīra 8 этот теоним встречается после глагола *hqny*, в двух других случаях — в формуле с глаголом *tḍ’*. Привязка к ал-Барӣре двух небольших фрагментарных вотивных текстов из частной аденской коллекции, опубликованных под сиглом CIH 594bis, на том основании, что оба посвящены Тадӯну (Pirenne 1990. P. 38), представляется убедительной. Благодаря обороту *Tdn/b-Rfḥt^m^/* (al-Barīra 9) установлено название святилища либо поселения, где почитали Тадӯна, а возможно, того и другого вместе, как в случае с Ма<u>з</u>а̄бом в вади ‘Амд[341]. Судя по палеографии, все эти пять надписей относятся к начальной фазе древнего периода, т. е. к VII–VI вв. до н. э.[342], и, строго говоря, нет никаких данных, что культ Тадӯна сохранялся в ал-Барӣре в более поздние времена. Упоминание местности *Kḥd/<u>d</u>-Tdn* во фрагментарном контексте (B–L Nashq ?/12), который, по-видимому, относится к перечислению городов и областей, захваченных сабейцами во время похода на Хадрамаут, состоявшегося около 600 г. до н. э., позволяет осторожно предположить, что почитание божества Тадӯн не ограничивалось одной ал-Барӣрой (ср.: Bron, Lemaire 2009. P. 15).

Само же это поселение продолжало существовать во второй половине I тысячелетия до н. э. и даже в начале н. э. На это указывают собранные там многочисленные хадрамаутские монеты, относящиеся как к ранним подражаниям афинским тетрадрахмам, так и к более поздним сериям (Седов 2005. С. 360, 368,

---

[338] Предположение об андрогинной природе ‘Астара в сиро-месопотамских культах уже высказывалось, но его пока не удалось подтвердить фактическими данными (Smith M. 1995. P. 629, n. 7–9). Что касается древнейеменского материала, то только что изданная надпись из Харама на маинском языке YM 28975, составленная в начале VII в., была посвящена **богине** *‘<u>t</u>tr/B’s^1n^* (см.: Bron 2010a. P. 42–43).

[339] См. подробнее: Frantsouzoff 2001a. P. 67–68; Французов 2009a. С. 115–116; Французов 2012. С. 111–112.

[340] Чтение этого теонима совершенно условно. Так, А. В. Седов в русской версии своей монографии о древнем Хадрамауте транслитерирует его как Тадан (Седов 2005. С. 197), а в английской — как Tadūn (Sedov 2005. P. 28).

[341] Ср.: Седов 2005. С. 197–198; Sedov 2005. P. 29. Разумеется, «Рафхатам» некорректно рассматривать в качестве эпитета божества, как это делает А. В. Седов (2005. С. 97–198).

[342] См.: Pirenne 1990. Pl. XXXVII. Что касается двух надписей, изданных под общим сиглом CIH 594bis, то их прорисовки помещены слева от транслитераций их текста квадратным письмом (CIH, II. P. 389).

371, 372, 378, 393, 396, 400, 401, 415, 421). Они же подтверждают принадлежность ал-Барӣры, обладавшей фортификационными сооружениями, Хадрамаутскому государству. Находка на городище обломков амфорной тары — античных контейнеров, специально изготовлявшихся для транспортировки по морю (Седов 2005. С. 311), показывает, что через него проходил один из караванных путей, соединявших Шабву с побережьем[343].

Если оставить в стороне ʻАс̲тара, общего для всей Южной Аравии, то помимо Сийāна и Ḫаул, почитавшихся на государственном уровне, а также ʻАс̲тарум и *Tdn*, поклонение которым носило локальный характер, обнаруживается только одно божество, которое можно рассматривать как собственно хадрамаутское: *Ḏt/Ḥs³wl[ᵐ]*. Это имя или эпитет, который, по всей очевидности, носила богиня, отмечен исключительно во фрагментарной инвокации царской строительной надписи из Шабвы Hamilton 2 A-B + Shabwa S/75/128, непосредственно перед именем богини З̲āт Ḫимйам (стк. 2). Ничего больше о *Ḏt/Ḥs³wl[ᵐ]* не известно. Ее отождествление с солнечной богиней (по аналогии с З̲āт Ḫимйам, которая без должных оснований считалась таковой в рамках астральной теории[344]), чтение этого теонима как Зāт Ḫуćӯл и истолкование его семантики в связи с зимним «угасанием» (l'«avilissement» hivernal) дневного светила, предложенные А. Жаммом (Jamme 1948) и поддержанные Ж. Пиренн (Pirenne 1990. P. 58)[345], являются чисто спекулятивными и не могут быть приняты (Frantsouzoff 2007a. P. 63).

Что касается З̲āт Ḫимйам, то ее сабейское происхождение сомнений не вызывает. Пример Эфиопии, куда ее почитание проникло вместе с сабейскими переселенцами, весьма показателен (Французов 2009a. С. 107; Французов 2012. С. 104). Впрочем, в Хадрамауте культ этой богини получил довольно ограниченное распространение: во Внутреннем Хадрамауте существование ее храмов надежно установлено лишь для Райбӯна (Раḫбāн и Кафас/Наʻмāн) и Би'р Ḫамада; не исключено также, что на восточной окраине этой области действовали два–три святилища З̲āт Ḫимйам[346]. Все это ни в какое сравнение не идет с тем размахом, который был характер для культа Сийāна, даже если учитывать только общее число обнаруженных культовых зданий. Возможно, в тех хадрамаутских поселениях, где выявлены следы поклонения З̲āт Ḫимйам, сабейское влияние в начале I тысячелетия до н. э. было особенно сильным.

Одна из функций этой богини, которую удалось проследить по райбунским надписям, касается урегулирования семейно-брачных отношений. Анализ содержания Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 197 a–e = СОЙКЭ 705 и Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 198 a–f = СОЙКЭ 706 показывает, как в случае конфликта между супругами

---

[343] Странно, что ал-Барӣра полностью проигнорирована в недавно опубликованной монографии М. Д. Бухарина, одна из глав которой посвящена реконструкции (подчас откровенно надуманной) древних аравийских торговых маршрутов, в том числе и тех, что проходили через столицу Хадрамаута (см. Бухарин 2009. С. 199–214).

[344] Ср.: Robin 1996a. Col. 1161: «S'il est possible que dhāt-Ḥimyam ait un rapport avec le Soleil, la chose n'est pas prouvée».

[345] Ср. также: Седов 2005. С. 196; Sedov 2005. P. 25.

[346] См. выше конец раздела 3 данной главы, примеч. 84.

служительницы Зāт Ḫимйам принимали решения в пользу жены (Frantsouzoff 1997b; Frantsouzoff 1999b. S. 153–156; Французов 2009a. С. 109–110; Французов 2012. С. 105–106). В некоторых случаях обращенные к богине покаянные посвятительные надписи были связаны с отношениями собственности[347]. Впрочем, вряд ли следует усматривать в этом указание на ее специфическую функцию. По всей видимости, речь там шла о вопросах, так или иначе затрагивавших интересы богини, вернее, выступавших от ее имени священнослужителей[348].

Если о жрецах или иных служителях Сийāна ничего не известно, то о тех, кто отправлял культ Зāт Ḫимйам, некоторые сведения удалось отыскать в эпиграфических памятниках Райбӯна. Ее жрицы носили довольно скромный титул *’mt/Ḏt/Ḥmym* — «служанка (рабыня) Зāт Ḫимйам»[349], но при этом не только выносили решения, отказ от выполнения которых рассматривался как прегрешение перед богиней, но и руководили ремонтом или перестройкой храмовых зданий. На их вступление в брак налагались определенные ограничения. Во всяком случае Шараḫ, сын Азна, каялся перед богиней в том, что взял себе жену из числа ее «служанок»[350]. Необычный титул *mḥmd/Rḥb*^{n} (*муḫаммад /маḫмад/* храма Раḫбāн), который некий Илīваćаḳ носит в своей коммеморативной надписи Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 218 a-d = СОЙКЭ 601, заслуживает особого внимания. Как известно, в Коране Пророк четырежды назван Муḫаммадом (III: 138 /144/; XXXIII: 40; XLVII: 2; XLVIII: 29) и один раз — Аḫмадом (LXI: 6), причем оба имени означают «славный, прославленный». Антропоним Муḫаммад в доисламских генеалогиях арабских племен не отмечен, причем высказывалось предположение, что при рождении Пророка нарекли Амīн, а затем он получил эти почетные прозвища, под одним из которых вошел в историю (Buhl, Welch 1993. P. 364). В сабейских надписях начала нашей эры изредка встречается личное имя *Mḥmd* (*Mḥmd*^{m}). Не следует ли допустить, что во всех этих случаях речь идет о конечной стадии превращения в антропоним древнего южноаравийского жреческого титула?[351]

Согласно Rb I/90 bld. 4 n° 143 = СОЙКЭ 2306/4–[5], у Зāт Ḫимйам был свой праздник, обозначенный тем же термином *m‘d*, что и праздник Сийāна[352]. Уникальная для этой богини особенность культа, выявленная пока только в райбунских эпиграфических памятниках, заключается в наличии у ней второстепенных

---

[347] См. предыдущий раздел данной главы, примеч. 260–266.

[348] В СОЙКЭ 1755 прямо говорится об имуществе, которое подчиненное Зāт Ḫимйам второстепенное божество просило у посвятителя; в СОЙКЭ 707, начало и конец которой утрачены, остается неясным, на чью собственность претендовал ее автор Замал.

[349] Интересно, что если в сабейской эпиграфике, особенно среднего периода, термином *’mt* обозначала свое отношение к божеству обычная посвятительница, то в хадрамаутских надписях (отнюдь не только райбунских) совершенно не засвидетельствовано употребление этого термина, как и его мужского аналога *‘bd* (pl. tantum *’dm*), в таком значении.

[350] См. подробнее: Французов 2009a. С. 110; Французов 2012. С. 106–107.

[351] См. подробнее: Frantsouzoff 2003b. P. 62–63, n. 9; Французов 2009a. С. 110–111, ил. 54; Французов 2012. С. 107, ил. 90. О возможной связи некоторых сложных для понимания коранических слов с терминами, обнаруженными в райбунских надписях, см., в частности: Frantsouzoff 1999c.

[352] О *m‘d[/]<S^{1}>y<n>* см. Rb XIV/89 n° 221 = СОЙКЭ 2075, текст и перевод которой приведены в предыдущем разделе, стк. 2.

божеств, функции которых остаются неясными: *r ʿbt/Ḏt/Ḥmym* (Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 196 a–d + n° 201 a–b = СОЙКЭ 708/5–6; Rb I/89 bld. 4, lev. I n° 291 + n° 261 a–b + n° 260 a–e = СОЙКЭ 1898 + 1897 а–б + 1833 а–д/5: *r ʿbt-s³*), *ṣr ʿy/Ḏt/Ḥ[mym]* (Raybūn-Kafas/Naʿmān 95/2) и *[...]my/Ḏt/Ḥmym* (Rb I/90 bld. 4 n° 64 = СОЙКЭ 2228/2–3)[353]. Последние выступают наряду с самой З̱āт Ḫимйам авторами текста на стеле, от которого сохранилась только левая половина первых двух строк. Несмотря на лакуны, удается надежно восстановить начало единственного в хадрамаутской эпиграфике декрета, изданного от имени божеств, однако его основное содержание утрачено безвозвратно.

Аналог второй заповеди («Не сотвори себе кумира…») удалось обнаружить в полностью сохранившейся надписи Raybūn-Kafas/Naʿmān 148 и в двух фрагментах из храма Раḫбāн (Rb I/89 bld. 4, lev. I n° 300 = СОЙКЭ 1894; Rb I/88 passage, lev. I n° 130 = СОЙКЭ 1736). Их авторы раскаиваются в том, что они лично (или отец посвятителя, как в Raybūn-Kafas/Naʿmān 148) совершили некий проступок, суть которого в двух первых случаях передает выражение *ḏ-yhlk|ms³l-s³* (Raybūn-Kafas/Naʿmān 148/7–8; СОЙКЭ 1894/3–4), а в СОЙКЭ 1736/3 — *ḏ-ygs¹m/ms³l-s³*. Если глагол *hlk* в хадрамаутском встречается впервые и его перевод по аналогии с *s¹hlk* — «to complete; to effect, bring about (construction and building)» и *mhlk* — «construction, reconstruction, undertaking project» в катабанском можно поставить под сомнение, то значение «возвести, построить основательно» для глагола *gs¹m*, в других южноаравийских языках не отмеченного, является точно установленным и единственным. Что касается *ms³l* (*mṯl*), то такому контексту хорошо соответствует одно из значений этого имени нарицательного — «изображение, статуя». Таким образом, получается, что возведение изваяния богини рассматривалось как святотатство и требовало покаяния. Это эпиграфическое свидетельство хорошо согласуется с результатами археологического обследования не только райбунских и вообще хадрамаутских, но и остальных южноаравийских храмов, в которых, за редким исключением, не обнаружено следов статуй, рельефов или рисунков, которые можно было бы отождествить с каким-либо богом или богиней[354]. Судя по всему, господствующей в южноаравийской религии была тенденция, которую можно обозначить,

[353] См. подробнее: Французов 2009а. С. 108–109; Французов 2012. С. 105.

[354] Возможное изображение богини Шамс на стеле I в. н. э. из Танʿима, расположенного в центральной части Йеменского нагорья, к востоку от Саны, см. в Yémen (Paris). P. 71.

Что касается найденных во время любительских раскопок в ас-Саудāʾ барельефов с изображенными в профиль шестью парами сидящих и тремя парами стоящих лицом друг к другу мужских фигур, над каждой из которых архаичным шрифтом (VIII–VII вв. до н. э.) начертано имя одного из почитавшихся в области ал-Джауф богов, в том числе ʿАс̱тара, Алмаḳаха (дважды), Вадда (дважды) и Накраḫа (Arbach, Audouin 2004a. P. 25, fig. 10; 29, fig. 4; 31, fig. 5; 33, fig. 6; Arbach, Audouin 2004b. Fig. III–VI, XI–XIII; Arbach, Audouin, Robin 2004. P. 26–28, 30–31, 298, fig. 25; 209, fig. 27; 210, fig. 28–29), то при ближайшем рассмотрении становится ясным, что эти надписи были вырезаны позднее, чем барельефы: расстояния между знаками в некоторых из них различны, поскольку эти знаки пришлось вставлять в свободные от изображений места. Кроме того, в каждой из пар над левой фигурой имя начертано слева направо, а над правой, обычно на том же уровне — справа налево: прежде в южноаравийской эпиграфике такое чередование двух направлений письма в одной строке не встречалось. Высказывалось предположение, что на самом деле на этих барельефах представлены не боги, а правители, а значит,

использовав кальку с западных языков, как *аниконизм* (aniconism), причем аниконизм фактический (*de facto* aniconism), как в пуническом Гадесе, а не намеренный (programmatic aniconism), как в послепленном Израиле[355].

Почему среди «прихожан» райбунских храмов, где поклонялись З̱āт Ḥимйам, находились те, кто вопреки традиции старался изготовлять изображения богини, очевидно, в виде грубых антропоморфных статуй? Следует отметить, что по соседству с оседлым земледельческим населением обитали полукочевники и кочевники, являвшиеся носителями иной культуры. Так, в 1989 г. в вади ʻИдим, одной из боковых долин восточной части вади Ḥадрамаут, были найдены три человекоподобных идола[356]. Может быть, такие религиозные практики оказывали влияние на оседлых жителей Райбӯна, желавших созерцать воочию своих божеств?

Изложенная здесь точка зрения на аниконизм в древнем Хадрамауте[357] вызвала возражения М. Кроппа, оспорившего нашу интерпретацию выражения *ygs¹m/ms³l-s³* и предложившего перевести его как «he violated the goddess's precepts or rights and privileges» (Kropp 2002. P. 205–206), что не находит ни малейшего подтверждения в других контекстах, где встречаются производные от корня *GS¹M*. В основу критики, с которой выступила немецкая исследовательница Анна Мультхоф, была положена попытка истолковать слова *mṯl (ms³l)* в подавляющем большинстве сабейских, маинских и хадрамаутских контекстов, в том числе в трех рассмотренных выше надписях, как аналог арабского *мисла* «подобно; как» (Multhoff 2009. P. 296–298). В итоге она отказалась усмотреть в выражениях *ḏ-yhlk/ms³l-s³* и *ḏ-ygs¹m/ms³l-s³* указание на нарушение аналога второй заповеди и перевела их как «that he will do (something) similar to it (namely, the aforementioned fault)» (Ibid. P. 298). Однако такой перевод глагола *gs¹m*, который во всех остальных хадрамаутских надписях, в том числе и в райбунских, непременно оказывается связанным со строительством, представляется натянутым. Да и местоименный суффикс 3 л. ж. р. ед. ч. *-s³* нигде больше не употребляется в значении «это». Кроме того, недавно изданная автором этих строк под сиглом Fr–Ṣanʻā' 5 царская надпись из Каминахӯ, хранящаяся в Военном музее в Сане под № 148, показывает, что в тех маинских формулах, которые А. Мультхоф привела в подтверждение своей интерпретации, *mṯl* означает «документ», а отнюдь не «подобно» (Frantsouzoff 2010).

Почитавшийся по всему Аравийскому полуострову бог Вадд в хадрамаутской эпиграфике упоминается исключительно в составе магической формулы *Wd-'b^m* — «Вадд отец», нередко встречающейся на местной керамике. Правда, в финальной инвокации позднесабейской надписи влиятельного рода Йаз'анидов[358]

надписи под ними не подлинны. Требуется серьезная экспертиза этих памятников, которая, насколько нам известно, пока не проводилась.

[355] Об этих двух видах аниконизма см.: Mettinger 1995. P. 18–19, 25; Mettinger 2004. P. 89–91, 95.

[356] Sedov, Saqqaf 1992. Их датировка II тысячелетием до н. э. (Ibid. P. 128) весьма неопределенна.

[357] См. подробнее: Frantsouzoff 1998; Frantsouzoff 2007a. P. 66–68; Французов 2009a. С. 111–115; Французов 2012. С. 108–110.

[358] См. о нем в разделе 5 главы III.

‘Abadān 1, датированной месяцем *ḏ-mḏr’ⁿ* 470 г. химйаритской эры (т. е. приблизительно июлем 360 г. н. э.), *Wdᵐ/b‘l/Myf‘t* — «Вадд, владыка Майфа‘ы» — появляется между ‘Астаром Шарḳāном («Восточным») и Сийāном зӯ Алӣмом (стк. 43). Это позволяет предположить, что в крепости Майфа‘а в IV в. н. э., а возможно, и раньше, находился храм этого бога, однако никаких его следов при археологическом обследовании городища Наḳб ал-Хаджар не было выявлено. Представление о том, что Вадд выступал в качестве покровителя З̲āт Ḫимйам (Седов 2005. С. 196; Sedov 2005. P. 27) основано на неверном прочтении и истолковании Г. М. Бауэром ранней надписи на внутренней поверхности керамического сосуда (Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 459 = СОЙКЭ 580)[359].

В 1979 г. при обследовании Французской археологической миссией городища Сӯна в вади ‘Идим на востоке Внутреннего Хадрамаута была обнаружена поврежденная курильница, на двух боковых гранях которой высечена краткая двухстрочная посвятительная надпись Sūna/L/1, относящаяся, судя по палеографии, к VII–VI вв. до н. э.: *Nbḫᵐ#hqnyt|bnht-’l#h-bn-t̲* — «Набаҳ посвятила дочерям бога ради своего сына». Ранее в Южной Аравии «дочери бога» были известны по пяти кратким катабанским текстам на основаниях женских статуэток Ja 868, 869, 871, 872 и Graf 6, которые также посвящены от имени женщин и приблизительно датируются II в. до н. э. — I в. н. э.[360] А. Г. Лундин предложил отождествить этих не названных по имени богинь с Аллāт, ал-‘Уззой и Манāт, которые, согласно мусульманской традиции, считались дочерьми Аллаха (Лундин 1975а). Имена двух первых из них были к тому времени засвидетельствованы в южноаравийской эпиграфике в формах *Ltⁿ* (*Lt*) и *‘zyⁿ*; позже упоминание Манāт, известной в основном по надписям из Северо-Западной Аравии и Пальмиры, удалось с уверенностью идентифицировать в Ма‘īn 9/4 в форме *[M]nwt* (Robin 2000. P. 140–143). Что касается «дочерей бога», то посвящения им, помимо приведенного выше хадрамаутского текста, были обнаружены

[359] Он предлагал читать эту надпись как *Ys²r’l/ḏ-Yḫb’l/ḏ-Brl/yhs²b‘/Wd-’bᵐ/s²rḥ/Ḏt-Ḥmy* (sic!) и переводить: «Йашур’ил з̲ӯ-Йаҳуб’ил з̲ӯ-Бирл. — Да подаст в изобилии Вадд-отец, охранитель З̲āт Ḫимай» (Бауэр 1995. С. 121; см. ее прорисовку: Там же. С. 122, рис. 7).

Наиболее уязвимым местом в интерпретации Г. М. Бауэра нам представляется то, что сакральную формулу *Wd-’bᵐ* он рассматривал как подлежащее глагольного предложения. Кроме того, форма *Ḏt-Ḥmy* вместо *Ḏt-Ḥmym* нигде не встречается.

Предпочтительным представляется иной вариант транслитерации и перевода СОЙКЭ 580 (за конец надписи мы принимаем сакральную формулу «Вадд — отец», хотя, строго говоря, она могла стоять и в ее начале): *S²rḥ/ḏ-Tḫmy/Ys²r’l/ḏ-Yḫb’l/ḏ-Brl/Yhs²b‘/Wd-’bᵐ/* — «Шараҳ з̲ӯ Таҳмӣ, Йашра’ил з̲ӯ Йаҳабба’ил з̲ӯ Барил Йухашби‘. Вадд — отец» (Французов 2009а. С. 55, примеч. 112, ил. 35; Французов 2012. С. 55–56, примеч. 112, ил. 61).

Отсутствие соединительного союза *w-* при перечислении имен нескольких лиц изредка встречается в хадрамаутской эпиграфике (например, в однострочной надписи на алтаре из ‘Уḳрāна, изданной как начальная строка RES 3512; см. о ней выше примеч. 203 к данной главе). Столь не типичное для Хадрамаута I тысячелетия до н. э. обилие родовых имен в СОЙКЭ 580, по-видимому, объясняется сабейским влиянием, что хорошо согласуется с ее палеографической датировкой VII или даже VIII в. до н. э., которая основывается на специфической форме *алифа* в виде кружка с двумя длинными «рожками».

[360] В двух случаях «дочери бога» названы *bnty-’l* (Ja 868/2, 869/2), в одном — *bnty/’l* (Graf 6/2) и в одном — *bnt-’l* (Ja 871/3). В Ja 872/3 *bnty* и *’l* начертаны на смежных гранях и не ясно, должен ли был стоять между ними словоразделитель. О датировке этих надписей см.: Robin 2000. P. 170.

также в четырех сабейских надписях (CIAS 95.41/p8/C66 n° 1–3; T.00.A.12 A), еще в двух катабанских (MIFT 99/72; CPh 1), а также в пальмирском тексте на алтаре, датированном месяцем элул (*'lwl*) 375 г. селевкидской эры (сентябрем 63 г. н. э.)[361]. Таким образом, оказалось, что их культ имел очень широкие географические и хронологические рамки[362]. Основываясь как на эпиграфическом материале, так и на арабо-мусульманских источниках, Кр. Ж. Робен подверг пересмотру предложенное А. Г. Лундиным отождествление «дочерей бога» с Аллāт (Лāт/āн/), ал-'Уззой ('Уззайāн) и Манāт (Robin 2000). В целом его аргументация кажется довольно убедительной: во-первых, нет ни одного эпиграфического источника, в котором хотя бы одна из этих трех богинь была обозначена как чья-либо дочь; во-вторых, ниоткуда не следует, что упоминаемых в надписях «дочерей бога» было именно трое; в-третьих, в древнейменских текстах выявлена особая категория второстепенных божеств (divinités mineures), таких как покровители жилищ *mnḍḥt* (ед. ч. *mnḍḥ*, *mḍḥ*), покровители рода *'s²ms¹*, а также те, кто зависел от основных божеств пантеона[363]; в-четвертых, в Коране Аллāт, ал-'Уззā и Манāт прямо дочерьми Аллаха не названы — их идентификации в таком качестве мы обязаны кораническим комментаторам. Точку зрения Кр. Ж. Робена следует признать хорошо обоснованной и согласиться с тем, что в данном случае А. Г. Лундин, по всей видимости, поддался поверхностной аналогии. Вместе с тем с отдельными утверждениями французского сабеиста трудно согласиться. Так, выражение *bnt-'l* и его варианты он предлагает переводить как «дочери Ила» (Robin 2000. P. 123–125), хотя имя нарицательное *'l* в значении «бог» широко представлено в южноаравийских эпиграфических языках, а культ бога Ила (*'l*) в древнем Йемене с уверенностью засвидетельствован лишь в VII в. до н. э. на территории ал-Джауфа, т. е. там, где посвящений этим богиням не обнаружено. На наш взгляд, вряд ли под *'l* в этом выражении вообще подразумевался какой-либо конкретный бог, и его правильнее было бы переводить даже не «дочери бога», а «божественные дочери» и рассматривать как указание на то место, которое им отводилось в иерархии божеств. Кроме того, по непонятным причинам Кр. Ж. Робен считает их «неинституциональными» («non institutionnelles») божествами в отличие от других «divinités mineures» (Robin 2000. P. 137).

Найденная в Сӯне курильница с надписью ясно показывает, что еще в первой половине I тысячелетия до н. э. во Внутреннем Хадрамауте существовал культ «божественных дочерей». В древней Южной Аравии им поклонялись по преимуществу женщины[364]. В трех случаях курильницы были поднесены этим

[361] Использована по переизданию в Robin 2000. P. 171–172.

[362] T.00.A.12 A датируют V в. до н. э., MIFT 99/72 — III–I вв. до н. э., CPh 1 — рубежом нашей эры, три сабейских текста, опубликованные в CIAS, — II в. до н. э. — II в. н. э. (Robin 2000. P. 163, 165, 167, 171).

[363] Из числа последних рассмотрены почему-то только *s²ms¹* и *rb'* (Robin 2000. P. 135–136), между тем их было гораздо больше (взять хотя бы упомянутых выше в данном разделе божеств, зависимых от почитавшейся райбунцами З̱āт Ḫимйам; см. примеч. 352 к данной главе).

[364] Ср.: Robin 2000. P. 137. Лишь в CPh 1 и, вероятно, в T.00.A.12 A, сильно поврежденном и потому лишь частично поддающемся реконструкции фрагменте, посвящения этим богиням сделаны

богиням «второго плана» ради ребенка, сына (Sūna/L/1/2; CIAS 95.41/p8/C66 n° 3/3) или дочери (CIAS 95.41/p8/C66 n°1/2). Возможно, к числу их функций относилась забота о жизни и здоровье детей.

Среди божеств других южноаравийских народов, которым хадрамаутцы оказывали знаки внимания, но в отличие от Зāт Ḫимйам не включали, по всей видимости, в свой пантеон, следует отметить, помимо сабейского «национального» бога Алмаḳаха[365], бога-покровителя государства Катабан ʻАмма и катабанскую богиню Зāт Ṣахрāн (Ṣахрāн)[366]. Восемь кратких вотивных текстов, обращенных одновременно к Сийāну и ʻАмму, были обнаружены при раскопках частного дома (здания 6) на городище Райбӯн I (Лундин 1996. С. 85–91). Судя по палеографии опубликованных фрагментов (Там же. С. 86, рис. 1; 88, рис. 2), они относятся к VII–VI вв. до н. э.[367] Выполненный А. Г. Лундиным анализ антропонимов их авторов свидетельствует о том, что они «не показывают катабанского влияния» и «в целом ономастика надписей носит явно хадрамаутский характер» (Лундин 1996. С. 91, 92)[368]. Очевидно, обитатели здания 6 посещали Катабан по каким-то своим делам, скорее всего торговым, и поклонялись на всякий случай тамошнему «национальному» богу[369].

Семь текстов, посвященных Зāт Ṣахрāн, а также документ на дереве с упоминанием назначенной ею жертвы, происходят из храма Раḥбāн (СОЙКЭ 520; Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 116 = СОЙКЭ 635; Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 112 a–e + n° 113 a-c = СОЙКЭ 636 + 637; Rb I/84 bld. 2, lev. I n° 104 a–c = СОЙКЭ 777; Rb I/88 passage, lev. I n° 94 = СОЙКЭ 1700; Rb I/89 bld. 4, lev. I n° 299 = СОЙКЭ 1868; Rb I/90 bld. 4 n° 39 = СОЙКЭ 2203; X.Rb-89 n° 7)[370]. Семь из них относятся к древнему периоду (An.), а один (СОЙКЭ 635) — к позднему (R.), из чего следует, что почитание этой богини в одном из святилищ Зāт Ḫимйам продолжалось на протяжении всего существования Райбӯна. Не воспринималась ли Зāт Ṣахрāн как ее катабанский аналог в духе своеобразного южноаравийского синкретизма? Впрочем, одно посвящение Зāт Ṣахрāн сохранилось на серебряной подвеске из храма Майфаʻāн бога Сийāна (Rb XIV/89 n° 244 = СОЙКЭ 2159)[371].

Упомянутое в надписи Hamilton 8 возведение храма Зāт Ṣаḫрāн (стк. 3: *mḫrm/ Ḏt/Ẓhr*^{n}) в Шабве для царя Хадрамаута Илīʻазза Йалуṭа, сына Йадаʻʼила, правившего в середине I в. н. э.[372], указывает на то, что не только на периферии Хадрамаутского царства, но и в его столице культ этой богини играл значительную

от имени мужчин. Представитель сильного пола также был автором единственной пальмирской надписи, обращенной к «дочерям бога».

[365] О посвященных ему надписях, найденных в Райбӯне и Шабве, см. в разделе 3 данной главы.

[366] О почитании их райбунцами см.: Французов 2009a. С. 116–117; Французов 2012. С. 112–113.

[367] А отнюдь не к IV–III вв. до н. э., как полагал А. Г. Лундин (1996. С. 91).

[368] Отметим также, что Сийāн всегда упоминается в них перед ʻАммом.

[369] См. подробнее: Французов 2009a. С. 117, 130; Французов 2012. С. 113, 126.

[370] Семь монументальных текстов подготовлены к публикации под N° 3–9 в Frantsouzoff (forthcoming). Appendix, а документ на дереве — в Бауэр, Акопян, Лундин 1990 (переиздан с исправлением в Frantsouzoff 1999a. P. 55–56, 62–63, n. 6–10).

[371] Издано под N° 26 в Frantsouzoff 2005a. P. 215–216, pl. XXXVI, 1–2.

[372] См. о нем также в разделе 1 главы III.

роль, по-видимому, из-за тесных контактов с катабанцами. Руины этого храма были выявлены и частично раскопаны в 1938 г. обнаружившим надпись майором А. Гамильтоном; позднее, в 90-х гг. XX в., французские археологи отвергли идентификацию этих зданий как культового сооружения, однако А. В. Седов убедительно опроверг их аргументы (Седов 2005. С. 209–211; Sedov 2005. P. 78–81).

Необходимо отметить, что в подавляющем большинстве катабанских надписей имя этой богини передается как Ṯāt Ḏaxrān. Отождествление *Ḏt/Ẓhr*^{n} с *Ḏt/Ṣhr*^{n} было предложено еще А. Ф. Л. Бистоном, который обратил внимание на вариант с *ṣ* в краткой катабанской посвятительной надписи на алтаре RES 4574/3 (Beeston 1962. P. 15: § 9: 6)[373]. Таким образом, мнение А. В. Седова, рассматривавшегося Ṯāt Ḍaxrān и Ṯāt Ḏaxrān как двух различных богинь, местную хадрамаутскую и катабанскую (Седов 2005. С. 197, 201; Sedov 2005. P. 27–28, 33–34), не выдерживает критики.

Что касается богини Шамс, то ее включение в пантеон древнего Хадрамаута, предложенное еще на заре сабеистики на основании единственной надписи RES 3663 из Аденского музея[374] и полностью поддержанное А. В. Седовым (Седов 2005. С. 196; Sedov 2005. P. 26), нуждается в пересмотре. С тех пор имя этого божества было обнаружено еще в нескольких хадрамаутских надписях, причем в небольшом фрагменте Shabwa Chaniter VII/81 n° 2, в неясном контексте, упоминается «храм Шамс» (стк. 2: *<m>ḥrm/S*^{2}*ms*^{1}), который, правда, не удалось локализовать. В этой связи следует вспомнить, что в древней Южной Аравии богиня Солнца Шамс почиталась по преимуществу в области Радмāн[375] и что в начале III в. н. э. правители Радмāна формально подчинялись царям Хадрамаута[376]. Если в Шабве был возведен храм в честь катабанской богини Ṯāt Ḏaxrān, то почему того же не могло быть сделано в честь богини, под покровительством которой находился род радманских ḳайлей. Палеография Shabwa Chaniter VII/81 n° 2 со змеевидным *r* и с закругленным в середине *s*^{2}, соответствующая первым векам н. э., хорошо согласуется с этой гипотезой. Что касается RES 3663, палеографически датировать которую, к сожалению, невозможно, поскольку фотография ее никогда не публиковалась[377], то можно с осторожностью допустить, что упомянутые в ней ремонтные работы были произведены ради хадрамаутского «национального» бога и особо почитаемой радманитами богини. В таком случае близкая параллель к формуле

---

[373] В эпиграфике Райбӯна (а скорее всего, и Внутреннего Хадрамаута в целом) знак *ẕ* был вообще исключен из употребления из-за исчезновения соответствующей фонемы (Французов 2009а. С. 73, примеч. 19. С. 117, примеч. 90; Французов 2012. С. 72, примеч. 19; 112, примеч. 90). В Шабве, которую данная орфографическая реформа не затронула, он сохранился, чем и объясняется появление формы *Ḏt/Ẓhr*^{n} в Hamilton 8/3.

[374] В ней сообщается о том, как «Йаḥумма'ил ẓӯ Рашм и Бин Муḳанна‘ обновил вотивный рельеф (или цистерну?) для Сийāна ẓӯ Алӣма и Шамс» (*Yḥm'l/ḏ-Rs*^{2}*m/w-bn/Mqn'*^{m}*/s*^{1}|*ḥḏt/mwqnt*^{n}*/l-S*^{1}*yn/ḏ-'lm/w-S*^{2}*ms*^{1}). О различных вариантах интерпретации *mwqnt* см.: Beeston et al. 1982. P. 161.

[375] См. примеч. 91 к главе I.

[376] См. конец раздела 5 главы I и раздел 3 главы III.

[377] Показатель определенности в форме *-n* (вместо *-hn*) указывает на то, что надпись вряд ли могла быть составлена ранее конца I тысячелетия до н. э.

l-S¹yn/ḏ-’lm/w-S²ms¹ обнаруживается в рассмотренных выше вотивных текстах, обращенных одновременно к Сийāну и ‘Амму, из частного дома поселения Райбӯн I.

Упоминания *S²ms¹* в двух надписях и многочисленных граффити, происходящих с территории Внутреннего Хадрамаута[378], заставляют вспомнить о божествах-покровителях семьи или рода *’s²ms¹* (ед. ч. *s²ms¹*). Правда, обычно это имя нарицательное употребляется с местоименными суффиксами *-hw* или *-hmw* на конце, но есть и исключения. Так, в Ja 761/4 приведена инвокация «во (имя) царской богини-покровительницы (шамс) Танӯф» (*b-s²ms¹/mlkⁿ/Tnf*), а в CIH 332/7 говорится о «богинях-покровительницах (шамсах) их предков» (*[’]s²ms¹/’’bw-hmw*). Поэтому можно предположить, что во фрагменте надписи на части архитектурной детали из окрестностей Шибāма Ry 664, ориентировочно датируемой на основании палеографии второй половиной I тысячелетия до н. э.[379], за *s²ms¹/ḏ…* должно было следовать имя рода. На происходящей с городища Ḫурайда облицовочной плите с двумя начальными знаками монументальной надписи, в нижней части обширного правого поля шрифтом, близком к стандартному для последних веков I тысячелетия до н. э., процарапаны личное имя *Ḥm’l*, а под ним *(S²/s²)ms¹* (Caton Thompson 1944. Pl. LXV/3). Если два этих слова действительно составляли единый текст, как полагал опубликовавший его под сиглом CT 23 b Г. Рикманс, то оставивший его Ḫамма’ил, скорее всего, имел в виду богиню-заступницу своей семьи или рода.

Уже издатель CT 4 Г. Рикманс допускал возможность того, что выражение *ywm/Ḏ-S¹mw* в этой надписи на стеле из Ḫурайды (стк. 5) означало «день (т. е. праздник) бога Ẓӯ Самавī»[380], но в итоге предпочел перевести его вместе с предшествующим *b-s³nyᵐ* как «au deuxième jour de Ḏû-Samâw» (Ryckmans G. 1944. P. 160), подразумевая под *Ḏ-S¹mw* название месяца хадрамаутского календаря и ссылаясь на то, что культ божества Ẓӯ Самавī в Хадрамауте не известен, а его упоминание в надписи, посвященной Сийāну, выглядит в высшей степени странно (Ibid. P. 159). А. Ф. Л. Бистону данные доводы не показались убедительными, и он предпочел интерпретировать это выражение как “the festival of *ḏsmw*”, считая отождествление *ḏsmw* с Ẓӯ Самавī достаточно вероятным (Beeston 1956. P. 9, 42, n. 18). Сегодня, когда благодаря анализу райбунских надписей точно установлено, что *b-s³nyᵐ* относится к предшествующему глаголу с местоименным суффиксом *w-qṣ’-s¹* (стк. 4) и вместе с ним образует усеченный вариант формулы *w-qṣ’-s¹/b-ḏbḥ(ᵐ)/s³nyᵐ* — «и он преподнес ее (т. е. стелу) вместе со второй (повторной) жертвой» (Французов 2009а. С. 94–95; Французов 2012.

[378] К сожалению, сами эти граффити в массе своей остаются неопубликованными, и нам приходится полагаться на наблюдение М. Б. Пиотровского, согласно которому имя богини Шамс весьма часто встречается в хадрамаутских граффити (Пиотровский 1989. С. 149; ср.: Sedov 2005. P. 26; Седов 2005. С. 196).

[379] Эта датировка весьма приблизительна, поскольку Г. Рикманс опубликовал не фотографию, а прорисовку этой надписи, причем очень небольшого размера (Ryckmans G. 1962b. P. 442).

[380] Ryckmans G. 1944. P. 159: «‘le jour de Ḏû-Samâwî’? … jour de la fête de cette divinité».

С. 92–93), всякие спекуляции на тему того, что *ywm* в CT 4/5 может означать день месяца, следует отбросить.

Что касается З̲ū Самавī (*D̲-S¹mwy*), то этому богу племенной конфедерации амīр (*'lh/'mr^{m}*), обитавшей у северо-восточных рубежей ал-Джауфа и с 200–150 гг. до н. э. до конца I в. н. э. взявшего под свой контроль древний джауфский город Харам[381], поклонялись и за пределами той территории, где были расселены амириты. Например, в тексте на бронзовой табличке с изображением лежащего дромадера CIAS 47.11/p8 n° 1 = CSAI I, 126 из собрания Аденского музея[382], который следует датировать концом I в. до н. э. — началом II в. н. э.[383], сообщается о том, что авторы-катабанцы посвятили ее в столице Катабана Тамна‘ амиритскому богу З̲ū Самавī, под покровительство которых они отдали себя, свое имущество и верблюда по кличке ‘Адвāн, принадлежавшего одному из них. По всей видимости, посвятители бывали по торговым делам во владениях амиритов и стремились заручиться поддержкой их бога[384].

Кроме того, в районе Шабвы было обнаружено основание бронзового желоба с палеографически датируемым началом нашей эры фрагментом посвящения З̲ū Самавī RES 4930 = Ry 214, которое предназначалось его храму Ка’батāн (*‘dy/K’bt^{n}*), пока остающемуся нелокализованным. Вполне вероятно, что его авторами оказались кочевавшие в этих местах амириты. Так что нет ничего странного в том, что почитание З̲ū Самавī могло проникнуть в хадрамаутский периферийный город Маз̲āб, коль скоро оно достигло катабанской столицы и окрестностей столицы Хадрамаута.

Палеографическая датировка CT 4 III–I вв. до н. э. также хорошо соотносится с периодом возвышения амиритов в ал-Джауфе. Что касается особой формы теонима, *D̲-S¹mw* (вместо общепринятой *D̲-S¹mwy*), то она встречается также во фрагменте CIH 972, датируемом на основании особенностей его палеографии концом I тысячелетия до н. э., и уверенно восстанавливается в граффити Ry 505 = Ja 2140/4 (Sima 1999. S. 214, Fn. 26), чей шрифт характерен для первых веков н. э.;

---

[381] Об амиритах в Хараме см.: Robin 1992b. P. 29, 59–60. О почитании З̲ū Самавī в этом городе см.: Ibid. P. 47–48.

К предложенной Кр. Ж. Робеном идентификации амīра как «арабского племени» (Yémen /Paris/. P. 184: «la tribu arabe Amīr») следует относиться с осторожностью, хотя для харамской разновидности сабейского языка характерны такие черты, роднящие ее с классическим арабским, как употребление предлога *mn* (вместо сабейского *bn*) в значении арабского *мин* и имперфекта с частицей *lm* в значении отрицания законченного действия в прошедшем времени (Beeston 1962. P. 9, § 3: 10; Robin 1992b. P. 33–34). Впрочем, эти линвистические особенности в надписях из Харама появились до того, как город стал амиритским.

[382] Ее фотография переиздана в Yémen (Paris). P. 184, где приведен ее перевод и краткий комментарий, выполненные Кр. Ж. Робеном.

[383] Эта датировка, предложенная А. Аванцини (Avanzini 2004. P. 30–31, 163), подтверждается змеевидным *r*, закругленным в середине *s²*, состоящим из двух смежных горизонтальных кружков *w* и потому представляется предпочтительной по сравнению с точкой зрения Кр. Ж. Робена, который отнес данный текст к I в. до н. э. (Yémen /Paris/. P. 184).

[384] Сходное мнение высказал по этому поводу Кр. Ж. Робен: «La dédicace, dont les auteurs sont qatabânites, illustre la diffusion du dieu arabe dhû s-Samâwî (sic. — *S. F.*) parmi les grandes cités marchandes sudarabiques…» (Yémen /Paris/. P. 184).

помимо этого, известны еще два редких варианта написания имени амиритского бога: *Ḏ-S¹my* и *Ḏw/S¹mwy* (Sima 1999. S. 214–215).

Об обожествлении людей в доисламской Южной Аравии известно давно, однако этот феномен обычно связывали с признанием в качестве сына бога Вадда и включением в местный пантеон аусанского царя I в. н. э. Йаṣдуḳ'ила Фари‘ Шараḫ‘ата под очевидным эллинистическо-римским влиянием[385]. Между тем по крайней мере еще два обитателя древнего Йемена были причислены к богам: сабейский (вероятно, марибский) целитель Хауф'ил и Лаḫай‘аṣат, которому община новый ḫаулān, локализуемая в районе современного г. Ṣа‘да, поклонялась, возможно, за то, что при жизни тот был рудознатцем (Французов 2004а. С. 323–327). Претендентом на роль обожествленного лица может считаться и хадрамаутский Ḫалай'ил, упомянутый в инвокации после бога Сīна/Сийāна и богини Ḫаул, но перед царем Хадрамаута (RES 3869/4: *b-S¹yn/w-Ḥwl/w-Ḥly'l/w-mlk/Ḥḍrmt*). Однако в отличие от личных имен *Hwf'l* и *Lḥy‘tt* этот антропоним по другим надписям не засвидетельствован[386].

В райбунской надписи из храма Майфа‘āн Rb XIV/87 n° 104/4 после формулы *tḥtn/S¹yn/ḏ-'lm* — «по повелению Сийāна зӯ Алīма» — идет интересное дополнение: *w-'ḏn/'lf ᵐ* — «и по воле Алафа». Пока не ясно, упоминается ли в нем не известное по другим источникам местное божество или некий хадрамаутец, занимавший значительное место в жреческой иерархии (возможно, даже обожествленный)[387].

О погребальных обрядах в древнем Хадрамауте известно очень немного. До нас дошли три надгробные стелы из Шабвы, все в большей или меньшей степени поврежденные, обозначенные как *nfs¹* — «могильный памятник»[388]. Согласно Кр. Ж. Робену, этот термин, широко распространенный в Северо-Западной Аравии и в районе Персидского залива, не был характерен для южноаравийской традиции, и использовался лишь в тех древнейеменских надписях, чьи авторы наверняка или с большой долей вероятности были арабами (т. е. бедуинами северной и центральной частей полуострова)[389]. Однако даже весьма скудный материал из хадрамаутской столицы не подтверждает эту гипотезу. Из двух личных имен и двух патронимий, представленных на тех надгробиях из Шабвы, которые именуются *nfs¹*, лишь одно — *Ys¹lm* (Shabwa S/75/52, l. 2) — очень часто встречается в сафаитских надписях[390], тогда как два других вне Южной Аравии не засвидетельствованы (*'w‘l*ᵐ в Shabwa S/75/52, l. 1; *'lqdm*

[385] См об этом подробнее: Французов 2004а. С. 322–323.

[386] Впрочем, не исключено, что маинское личное имя *Ḥl'l* (Arbach 1993. II. P. 65) представляет собой другой вариант его написания.

См. также: Французов 2004а. С. 328.

[387] См. подробнее: Французов 2009а. С. 94, 107; Французов 2012. С. 91, 103.

[388] Речь идет о сильно оббитой снизу стеле слегка трапециевидной формы из мраморизованного известняка Shabwa S/75/52, о фрагменте в виде закругленного правого верхнего угла стелы из алебастра Shabwa S/76/52 и о закругленной сверху стеле из алебастра Shabwa V/80/116. Надписи на них выполнены поздним письмом (палеографически датируемым не ранее чем III в. н. э.).

[389] Calvet, Robin 1997. P. 108.

[390] При этом оно отмечено в сабейской и маинской ономастике (Harding 1971. P. 671).

в Shabwa V/80/116, l. 2)[391], а одно — *Rf'b* (Shabwa V/80/116, l. 1) — и вовсе является уникальным[392].

Следует отметить, что в посвятительных надписях хадрамаутцев одна из двух душ, которые в соответствии с их верованиями были у человека, называлась *nfs¹* (а другая — *'ḏn*)[393]. Анализ иконографического материала, в том числе с некрополей Мариба и Тамна‘, позволяет высказать гипотезу, что грубо изваянная голова на надгробном памятнике как раз и представляла собой *nfs¹*, а в тех случаях, когда изготовить такого рода «бюст» не было возможности, слово *nfs¹* оказывалось заместителем изображения[394].

Две поврежденные надгробные надписи с райбунских некрополей Rb XV/85 n° 1 = СОЙКЭ 1046 и Rb XVI/88–89 n° 1 свидетельствуют лишь о том, что гробницы вырубались в скалах (в полном соответствии с археологическими данными) и что некоторым из них, как и в других частях Южной Аравии, давались имена собственные[395]. Из содержания Rb XVI/88–89 n° 1 также следует, что одна гробница могла предназначаться для нескольких лиц (в данном случае — для двух авторов надписи, очевидно, супругов, которые разделили ее пополам — *fqḥ/fqḥ*).

Однако наибольший интерес представляет надпись СОЙКЭ 903, высеченная под одной из погребальных ниш в пещерном гроте ар-Рукба, который расположен на левом склоне вади ал-Ġабр, напротив деревни ал-Ҳурайҳар, по соседству с ал-Хаджарайном. Палеографически она датируется концом I тысячелетия до н. э. В ней рассказано, как автор надписи, Карибхумӯ, сын Илӣшахара, соорудил в гроте гробницу, при этом некоторые детали остаются не вполне ясными[396]. Однако истолкование выражения *w-brs³/b-s³/'blʰⁿ/'m/'ḫ-[s¹]/Mrs³dᵐ/* (стк. 3) сомнений не вызывает: «и (он), вместе со своим братом Марćадом, поместил в нее (т. е. в гробницу) верблюда» (Frantsouzoff 2003d. P. 253, 255). Хотя в самом гроте ар-Рукба никаких следов верблюжьих, как, впрочем, и человеческих останков, не найдено, в погребении 5 некрополя Райбӯн XVII удалось обнаружить захоронение обезглавленного верблюда, лежащего на животе, с подогнутыми под себя ногами рядом со скелетом мужчины (Седов 1996б. С. 146). Правда, по данным радиоуглеродного анализа погребение 5 датирует-

[391] Ср.: Harding 1971. P. 69, 86. Антропоним *'lqdm* представлен в сабейских, катабанских и хадрамаутских (CT 53), в том числе райбунских (Французов 2009а. С. 189, № 43; Французов 2012. С. 191, № 44), надписях.

[392] На стеле Shabwa S/76/52 имена не сохранились.

[393] Распространенное у многих народов древнего мира представление о множественности душ применительно к Хадрамауту рассмотрено на материале райбунской эпиграфики, см.: Французов 2009а. С. 79–81; Французов 2012. С. 78–80.

[394] См. подробнее: Французов 2009а. С. 81–82; Французов 2012. С. 80–81.

[395] Ср. СОЙКЭ 1046/3: *...qbr-s¹/'bd[nᵐ ?]* — «…свою гробницу Абдā[нᵘᵐ ?] («Тела?»)».

[396] Так, в описание строительства различных частей гробницы неожиданно вклинивается фраза *w-s¹nbṭ/'yn-s³* — «и (он) вырыл источник ее (т. е. гробницы; *qbr* в эпиграфических южноаравийских языках ж. р. по употреблению. — *С. Ф.*), дойдя до воды» (стк. 2). С гидрогеологической точки зрения совершенно очевидно, что ни в гроте, ни на склоне вади возле него никакого источника быть не могло (ср.: Frantsouzoff 2003d. P. 257). Если же такой источник был устроен внизу, в долине, то непонятно, какое отношение он имел к этой гробнице.

ся IV–V вв. н. э., т. е. значительно более поздним периодом, чем СОЙКЭ 903. Захоронения верблюда на Аравийском полуострове выявлены только в Хадрамауте и Махре, а также в районах Восточной Аравии, прилегающих к Персидскому заливу, причем останки этого животного в одной могиле с человеком встречаются крайне редко. Ссылка на погребение верблюда была недавно обнаружена в набатейской надписи из вади Рамм (Frantsouzoff 2003d. P. 256).

Сведения о существовании этого обычая у доисламских арабов встречаются в сочинениях мусульманских авторов, в частности, в *Китāб ал-Муḥаббар* Муḥаммада б. Ḥабӣба (ум. в 245/859), согласно которому, на могиле бедуина привязывали его верблюдицу и ждали, пока она не издохнет от голода, тогда ее называли *ал-балӣйа* и верили, что в День Воскресения восставший из мертвых бедуин сможет сесть на нее верхом (Ибн Хабиб /Lichtenstädter/. С. 322, 323). Приписывать подобные взгляды, в которых явно чувствуется влияние исламской доктрины или уж, во всяком случае, иудеохристианских представлений о Судном дне, обитателям древнего Хадрамаута крайне рискованно; лучше признать, что в нашем распоряжении пока недостаточно данных, чтобы объяснить, какова была идейно-религиозная подоплека отмеченного в СОЙКЭ 903 обычая захоронения верблюда в предназначенной для человека гробнице.

Богатый ономастический материал, который обнаруживается в надписях, собранных СОЙКЭ и РКЭЙР, поддается количественному анализу, на основании результатов которого можно сделать некоторые выводы об особенностях культовой практики в храмах Райбӯна и Би’р Ḥамада[397]. Речь идет о 468 антропонимах, шесть из которых являются родовыми, а остальные — личными (одно имя засвидетельствовано и как родовое, и как личное)[398]. 204 имени (ок. 44%) нигде больше в эпиграфике древней Аравии не встречаются. Столь значительная доля уникальных антропонимов указывает на известную изолированность этих поселений и, вероятно, всего Внутреннего Хадрамаута как периферийного региона южноаравийской цивилизации от других ее областей.

Аналогичные показатели по пяти храмам Райбӯна и городищу Би’р Ḥамад[399] представлены ниже в таблице 5.

Из этой таблицы видно, что в каждом из пяти полностью или частично раскопанных храмам храмов Райбӯна, а также в поселении, развалины которого известны в наши дни как Би’р Ḥамад, существовала своя специфическая антропонимика. Наибольшим своеобразием имен собственных отличаются Раḥбāн и Васаṭхāн: около двух третей их антропонимов не обнаружены в других храмах

[397] Количество эпиграфических памятников с других культовых объектов, обследованных отечественными археологами во Внутреннем Хадрамауте, а следовательно, и имен собственных, выявленных в них, слишком незначительно для проведения такого анализа.

[398] См. подробнее: Французов 2012. С. 120; ср.: Французов 2009a. С. 124. Все эти имена представлены в таблице (см.: Французов 2012. С. 188–222).

[399] Установлено, что в древнем Би’р Ḥамаде было как минимум два храма: бога Сийāна и богини З̱āт Ḥимйам (см. главу I, раздел 5). Однако из 78 текстов, собранных при обследовании этого городища, лишь шесть удалось уверенно связать с первым из них и пять — со вторым (Frantsouzoff / à paraître/ b, chapitre 6). Поэтому здесь ономастика Би’р Ḥамада рассматривается без разделения по храмам.

Таблица 5

Доля уникальных имен в антропонимике храмов Райбӯна и городища Би'р Ḥамад (по Французов 2012. С. 120)[400]

Храм (городище)	Общее число антропонимов, обнаруженных в надписях данного храма (городища)	Количество имен, не обнаруженных на других объектах Райбӯна и в Би'р Ḥамаде (процент к общему числу антропонимов)	Количество имен, не обнаруженных вне данного храма или городища (процент к общему числу антропонимов)
Ḥадрāн	50	25 (50%)	8 (16%)
Раḫбāн	142	94 (66,2%)	49 (34,5%)
Кафас/На'мāн	121	67 (55,4%)	32 (26,5%)
Майфа'āн	162	92 (56,8%)	32 (19,8%)
Васаṭхāн	93	61 (65,6%)	35 (37,6%)
Би'р Ḥамад	24	16 (64%)	6 (24%)

и в Би'р Ḥамаде, а одна треть (в Васаṭхāне даже чуть больше) — вообще нигде больше не отмечена. С другой стороны, в Ḥадрāне, Майфа'āне и Кафасе/На'мāне лишь половина имен (или немногим более) связана именно с этими храмами, а доля уникальных антропонимов составляет от одной шестой до четверти. Какой-либо корреляции этого явления с расположением храмов или с теми божествами, что в них почитались, не представляется возможным установить. Так, Раḫбāн, храм богини З̲āт Ḥимйам, находился на территории главного поселения оазиса (Райбӯн I), посреди вāдӣ Дау'ан, а Васаṭхāн, где поклонялись богу Сийāну — приблизительно в 700 м к северо-западу от него, на краю вāдӣ Мӣḫ.

Интересно, что ни одно из 468 имен не встречается одновременно в эпиграфических памятниках всех шести объектов. Что касается имен, выявленных одновременно в двух райбунских храмах, то данные по ним сведены в таблицу 6 (в скобках после каждого числа, приведенного в ней, дан процент к общему числу антропонимов того храма, который указан в строке).

Следует отметить, что хотя речь здесь идет об именах, а не о конкретных людях, эти ономастические данные хорошо отражают обособленность райбунских храмов и их почитателей друг от друга. Лишь в одном случае более трети антропонимов одного храма (Ḥадрāна) обнаруживается в другом (в Майфа'āне). Кроме того, более четверти имен Кафаса/На'мāна и почти по одной пятой Раḫбāна и Васаṭхāна удается найти в эпиграфике Майфа'āна. Очевидно, этот крупнейший в Райбӯне храм бога Сийāна наиболее часто посещался «прихожанами» других святилищ. Что касается Кафаса/На'мāна, то его антропонимика указывает на несколько более тесные связи этого храма с Ḥадрāном и Майфа'āном, чем с Раḫбāном и Васаṭхāном, хотя в Кафаса/На'мāне и Раḫбāне почиталась

[400] В предыдущем варианте этой таблицы (Французов 2007. С. 124) не были учтены новые эпиграфические материалы, найденные в ходе раскопок храма Кафас/На'мāн в 2007 г.

Таблица 6

Количественные данные по антропонимам, встречающимся одновременно в двух райбунских храмах (по Французов 2012. С. 121)[401]

Храм	Ḥадрāн	Раḥбāн	Кафас/ На‘мāн	Майфа‘āн	Васаṭхāн
Ḥадрāн		11 (22%)	10 (20%)	18 (36%)	7 (14%)
Раḥбāн	11 (7,8%)		20 (14,1%)	28 (19,7%)	12 (8,5%)
Кафас/На‘мāн	10 (8,3%)	20 (16,5%)		32 (26,4%)	13 (10,7%)
Майфа‘āн	18 (11,1%)	28 (17,3%)	32 (19,8%)		17 (10,5%)
Васаṭхāн	7 (7,5%)	12 (12,9%)	13 (14%)	17 (18,3%)	

одна и та же богиня З̱āт Ḥимйам. По-видимому, у каждого из райбунских храмов была своя община верующих, отличавшаяся определенным набором излюбленных имен, которые передавались из поколения в поколение.

Обилие храмов на территории Райбӯна наводит на мысль, что там находился крупный культовый центр, обслуживавший религиозные потребности не только обитателей самого оазиса и его ближайших окрестностей, куда входило, в частности, селение Ḳуз̱атхāн (современная ал-Ḳуза), но и населения куда более обширных земель Внутреннего Хадрамаута. Ономастический анализ позволяет проверить и эту гипотезу. В свое время М. Б. Пиотровский предположил, что местонахождение наскальных граффити Джаулат ар-Румāд (ар-Румāт), открытое А. В. Седовым в устье ущелья Ши‘б Тинти‘айн, что между устьями вади На‘āм и вади Мīḫ̱, было связано с поселением Райбӯн и что все эти бытовые надписи были оставлены паломниками, приходившими для поклонения в райбунские храмы: там находилась их стоянка и, возможно, место ярмарки (Пиотровский 1996. С. 168–169). В подтверждение своей точки зрения М. Б. Пиотровский привел граффити Джаулат ар-Румāд 1, A9, где встречаются слова *ms¹’l* — «оракул» — и *r’b(ᵐ)*, которое он толкует как «благоволение» (Там же. С. 168). Однако контекст, в котором они засвидетельствованы (*z-ms¹’l/ z-r’b(ᵐ)*), не имеет прямых аналогов в эпиграфике Райбӯна[402]. Другое дело — имена собственные. Если уж паломники посещали райбунские храмы, они должны были оставлять в них посвятительные надписи. Во всяком случае так поступали поклонявшиеся Алмаḳаху подданные Сабейского царства, приходившие в его главный храм Аввāм. Граффити, обнаруженные в Джаулат ар-Румāд, содержат 52 антропонима, в число которых входят 41 личное имя, 6 «эпитетов» (имен, идущих непосредственно после личного)[403] и 5 родовых имен (вводимых

[401] Предыдущий вариант этой таблицы был опубликован в Французов 2007. С. 125. См. выше примеч. 400.

[402] С учетом того, что *z-* в граффити (как и в документах на дереве) соответствует *d̲-* в монументальных надписях. О формуле с глаголом *r’b* — «примириться (с божеством)» — и производным от него отглагольным именем, см.: Французов 2009а. С. 98–100; Французов 2012. С. 96–97.

[403] Часть так называемых «эпитетов» может оказаться родовыми именами.

частицей *z*-)[404]. Их сравнение с ономастиконом Райбӯна позволяет достаточно уверенно ответить на вопрос, были ли авторы наскальных надписей в Джаулат ар-Румāд паломниками, посещавшими храмы близлежащего оазиса. В итоге параллели обнаружились только среди личных имен и оказались немногочисленными. Их общее число достигло семи, что составляет 13,5% от всех антропонимов Джаулат ар-Румāд и 17,1% от выявленных среди них личных имен. Все эти имена приведены ниже с указанием в скобках после каждого имени, в надписях с какого райбунского объекта и сколько раз оно встречается[405]: *’b‘hr* (1 раз в Майфа‘āне), *’lr’b* (1 раз в Майфа‘āне, 1 раз в нераскопанном храме Сийāна Rb XXVI), *‘m‘ly* (6 раз в Васаṭхāне, 1 раз в Кафасе/На‘мāне, 2 раза в частном доме /Rb I, зд. 6/), *Ḥgr*^{m} (1 раз в Васаṭхāне)[406], *S*^{2}*rḥ’l* (по 2 раза в Майфа‘āне и Раҳбāне), *Ṯ‘d*^{m} (2 раза в Раҳбāне в форме *S*^{3}*‘d*^{m}), *Yṣdq’l* (2 раза в Раҳбāне). Следует подчеркнуть, что только один из этих антропонимов, *’b‘hr*, встречается исключительно в райбунской эпиграфике и в граффити из Джаулат ар-Румāд, при том что такие имена, как *‘m‘ly* и *S*^{2}*rḥ’l*, широко распространены в южноаравийских надписях. Нельзя упускать из виду и шрифт, которым выполнены граффити: так, *алиф* в именах *’b‘hr*, *’lr’b*, *S*^{2}*rḥ’l* представлен в виде петли с уходящими вверх концами (Пиотровский 1996. С. 187, рис. 30, 32 /справа/)[407] и совершенно не похож на свой монументальный вариант. Из всех вышеупомянутых антропонимов только отмеченный в двух граффити *Yṣdq’l* начертан четким монументальным шрифтом (Там же. С. 188: рис. 41, 43). Так что лишь этого человека[408] можно попытаться осторожно связать с Райбӯном, точнее с храмом Раҳбāн[409]. Подавляющее большинство остальных лиц, чьи имена нам сохранили наскальные надписи из Джаулат ар-Румāд, скорее всего, относились к полукочевникам, чьи верования отличались от развитой политеистической религии оседлых жителей, один из центров которой находился в райбунском оазисе. На принадлежность авторов этих граффити к двум этногенетически различным группам населения древнего Хадрамаута указывают две разновидности письма, которыми они были выполнены: монументальное, отмеченное, кроме Джаулат ар-Румāд 3, A1 и 4, A2, лишь в Джаулат ар-Румāд 5a, A1 (Пиотровский 1996. С. 188, рис. 45a), и иррегулярное («курсивное»), которым выполнены все остальные наскальные тексты[410]. Следует признать, что пока

[404] Их общий список (Пиотровский 1996. С. 190) был сверен по всем граффити и уточнен.

[405] Данные взяты из подготовленной автором этих строк таблицы (Французов 2009a. С. 187 /№ 4/, 189 /№ 45/, 192 /№ 98/, 201 /№ 233/, 210 /№ 371/, 212 /№ 400/, 216 /№ 462/; Французов 2012. С. 189 /№ 4/, 192 /№ 46/, 195 /№ 99/, 205 /№ 234/, 215 /№ 372/, 218 /№ 401/, 222 /№ 463/).

[406] В Джаулат ар-Румāд засвидетельствовано без мīмации.

[407] Т. е. почти так же, как в некоторых надписях на райбунской керамике (см. выше примеч. 359 к данной главе).

[408] Оба граффити, Джаулат ар-Румāд 3, A1 и 4, A2, выполнены одной рукой и однотипны по содержанию: помимо Йаṣдуḳ’ила в них упомянут *Hḥy’s*^{3}*t*, в райбунских надписях не выявленный.

[409] Это подтверждается и относительной хронологией граффити из Джаулат ар-Румāд и надписей из Раҳбāна, в которых упоминается *Yṣdq’l*: все они восходят к позднему райбунскому периоду (R.), т. е. к III–I вв. до н. э.

[410] Среди его характерных черт следует выделить отмеченную выше для ранних текстов на керамике специфическую форму *алифа* (в виде кружка с «рожками») и частое употребление 𐩧 вместо 𐩨, не означающее, впрочем, полной замены одного знака другим.

не обнаружено сколько-нибудь убедительных доводов для того, чтобы считать тех, кто вырезал эти тексты, паломниками райбунских храмов. Скорее, в Джаулат ар-Румāд действительно находилось ярмарочное место: полукочевники могли собираться там, поблизости от нескольких земледельческих поселений, но не на самой их окраине, чтобы продать или обменять продукты своего труда.

Но, может быть, гипотеза о райбунском храмовом центре как месте паломничества подтвердится, если провести сравнительный анализ антропонимики оседлых обитателей Внутреннего Хадрамаута. К сожалению, репрезентативный материал такого рода был получен только по двум городищам, одно из которых — Би'р Ḥамад — расположено на западной оконечности этой области, другое — Бā Қуṭфа — на ее восточной окраине. Из 24 личных имен жителей древнего Би'р Ḥамада в ономастике храмов Райбӯна обнаружено девять: *'b'mr* (4 раза в Майфа'āне, 1 раз в Васаṭхāне), *'ḏ̲ḏ̲'l* (1 раз в Ḥадрāне, 1 раз в Раḫбāне, 1 раз в Кафасе/На'мāне), *Hwf'l* (1 раз в Раḫбāне), *M'n* (2 раза в Раḫбāне)[411], *Ms²km^m* (4 раза в Ḥадрāне, 7 раз в Кафасе/На'мāне, 2 раза в Васаṭхāне), *Qṯm'l* (3 раза в Васаṭхāне, в том числе 2 раза с *s³*), *R'b'l* (1 раз в Раḫбāне, 1 раз в Майфа'āне), *Ṣdq'l* (2 раза в Раḫбāне, 1 раз в Кафасе/На'мāне, 4 раза в Майфа'āне)[412], *Ṯ'd^m* (2 раза в Раḫбāне, с первым *S³*)[413]. По храмам эти совпадения распределяются довольно равномерно, а их общая доля во всей антропонимике Би'р Ḥамада составляет 37,5%. Это больше, чем процент общих для двух любых райбунских храмов имен собственных: напомним, что наибольшей величины в 36% этот показатель достигает, если замерить в ономастиконе храма Ḥадрāн долю имен, встречающихся также и в Майфа'āне[414]. С другой стороны, не обнаружено ни одного антропонима, который был засвидетельствован только в Райбӯне и Би'р Ḥамаде. Несмотря на это вероятность того, что «прихожане» храмов Би'р Ḥамада совершали паломничество в райбунские святилища, находящиеся от этого городища на расстоянии как минимум в 80 км, если следовать по дорогам вдоль русел высохших речных долин, следует оценить как довольно высокую.

Хотя список антропонимов, обнаруженных в надписях Бā Қуṭфы приведен в конце статьи Ж. Пиренн, посвященной эпиграфике этого городища (Pirenne 1979. P. 235–236), его полная сверка по опубликованным ею фотографиям надписей показала, что он нуждается в определенной корректировке: целый ряд имен не был в него внесен (*<'l>[']hd* из BQ 50/1; *Bnyḏ* из BQ 20/1; *'nbr^m* и *Ḡḏ̲w^m* из BQ 4), другие были неправильно прочитаны (*L's¹^m* вместо *G's¹^m* в BQ 55/1; *Ḥmym* вместо *Hmym* в BQ 27; патронимия *<Bn>ḥ^n* вместо имени нарицательного

[411] В райбунских текстах засвидетельствовано с мīмацией.

[412] В единственной надписи из Би'р Ḥамада, где это имя встречается, нельзя исключать восстановления *[Y]ṣdq'l*, которое, впрочем, тоже имеет параллель в райбунской эпиграфике — в двух текстах храма Раḫбāн (Французов 2009а. С. 216 /№ 462/; Французов 2012. С. 222 /№ 463/).

[413] Данные взяты из подготовленной автором этих строк таблицы (Французов 2009а. С. 187 /№ 1/, 191 /№ 79/, 199 /№ 202/, 203 /№ 268 и № 269/, 205 /№ 297/, 207 /№ 322; № 326/, 211 /№ 388/, 212 /№ 400/; Французов 2012. С. 189 /№ 1/, 194 /№ 80/, 203 /№ 203/, 208 /№ 269 и № 270/, 210 /№ 298/, 212 /№ 323; № 327/, 217 /№ 389/, 218 /№ 401/).

[414] См. стк. 2, стлб. 5 в приведенной выше таблице.

<grby^{h}>^{n} — «каменотес» — в BQ 85/1)[415]. В результате удалось установить, что в эпиграфических памятниках с городища Бā Ḳуṭфы уверенно читаются или поддаются надежной реконструкции 68 личных имен, 17 из которых (т. е. 25%) встречаются также в райбунских текстах: *'<b>'<ly>* (1 раз в Раḵбāне, 1 раз в Майфа'āне), *'lqs^{3}m* (2 раза в Майфа'āне, в том числе 1 раз с *ṯ*), *'lwhb* (2 раза в Раḵбāне, 1 раз в Кафасе/На'māне, 3 раза в Майфа'āне), *'ḏ'l* (1 раз в Ḫадрāне), *'ḏn* (1 раз в Кафасе/На'māне), *'mk[rb]* (2 раза в Майфа'āне), *'s^{2}r^{m}* (1 раз в Раḵбāне, 1 раз в Майфа'āне), *[D]kr'l* (2 раза в Майфа'āне), *Fṯḥ'l* (1 раз в Раḵбāне), *Ḥblhmw* (2 раза в Раḵбāне), *Ḥmy'l* (1 раз в Майфа'āне), *Mrs^{3}d^{m}* (1 раз в Раḵбāне, 1 раз в Кафасе/На'māне /с *ṯ*/), *Rs^{3}d'l* (2 раза в Раḵбāне, 6 раз в Майфа'āне, в том числе 3 раза с *ṯ*), *S^{3}'d'l* (1 раз в Раḵбāне), *Ṣdq'<l>[y]* (1 раз в Кафасе/На'māне), *Yḥḏṯ'l* (1 раз в Майфа'āне /с *s^{3}*/), *Yṯl'l* (3 раза в Кафасе/На'māне, 1 раз в Майфа'āне)[416]. Три из них (4,4%), а именно *Fṯḥ'l*, *Ḥblhmw*, *Yḥḏṯ'l* (*Yḥds^{3}'l*), отмечены только в Бā Ḳуṭфе и Райбӯне. С одной стороны, совпадение четверти антропонимов Бā Ḳуṭфы с райбунскими трудно объяснить простой случайностью: это больше, чем аналогичный показатель, полученный при сравнении ономастики подавляющего большинства райбунских храмов друг с другом[417]. С другой стороны, расстояние между Бā Ḳуṭфой и Райбӯном вдоль по руслам вади достигает 160 км. Ради чего предпринималось такое паломничество? Конечно, на территории Внутреннего Хадрамаута не обнаружено культового центра, сравнимого по масштабам (прежде всего по числу святилищ на единицу площади) с райбунским оазисом, однако нужно иметь в виду, что крупные населенные пункты вади Ḫадрамаут, например, Сай'ӯн и Тарӣм, находятся на месте одноименных древних поселений, упомянутых в надписях[418], и мы не можем выяснить, какие сооружения, связанные с политеистическими культами, и в каком количестве там находились.

Внимательное изучение эпиграфики позволяет предположить, что в религиозном отношении Внутренний Хадрамаут в I тысячелетии до н. э. был объединен в некий союз наподобие древнегреческой амфиктионии. На это, в частности, указывает резкое изменение орфографии, заключавшееся в полной замене 𐩢 (*ṯ*) на 𐩣 (*s^{3}*) в связи с утратой интердентальных в хадрамаутском языке[419], в III в.

---

[415] Начало надписи BQ 85 уверенно восстанавливается следующим образом: *'<b>'<ly/grby^{h}>^{n}/bn/'mk[rb]* (вместо *'<b>'<ly/bn/Bn>ḥ^{n}/bn/'mk[rb]* у Ж. Пиренн). См. ее фотографию в Pirenne 1979. Pl. X.

[416] Данные взяты из подготовленной автором этих строк таблицы (Французов 2009а. С. 187 /№ 5/, 189 /№ 44/, 190 /№ 54/, 191 /№ 77 и № 82/, 193 /№ 105/, 194 /№ 122/, 196 /№ 156/, 197 /№ 171/, 200 /№ 227/, 201 /№ 236/, 204 /№ 289/, 208 /№ 340/, 210 /№ 374/, 211 /№ 389/, 215 /№ 442/, 216 /№ 466/; Французов 2012. С. 189 /№ 5/, 192 /№ 45; 55/, 194 /№ 78; 83/, 196 /№ 106/, 197 /№ 123/, 200 /№ 157/, 201 /№ 172/, 204 /№ 228/, 205 /№ 237/, 209 /№ 290/, 216 /№ 375/, 217 /№ 390/, 221 /№ 443/, 222 /№ 467/).

[417] За исключением доли майфа'анских имен в антропонимике Ḫадрāна (см. примеч. 563).

[418] См. об этом главу III, раздел 5.

[419] Что касается замены 𐩡 (*z*) на 𐩦 (*ḏ*), то оно, по-видимому, произошло еще раньше: во всяком случае в монументальных надписях Райбӯна (но не в документах на дереве и не в граффити!) знак 𐩡 практически не встречается (однако см.: Французов 2009а. С. 72, примеч. 11). Об использовании 𐩧 (*ṣ*) вместо 𐩠 (*ẓ*) см. выше примеч. 373 к данной главе.

до н. э. Оно четко прослеживается по райбунских надписям, выявлено в эпиграфике других поселений вади Ḥадрамаут и его боковых долин[420], но ни в Шабве и ее окрестностях, ни в Хор Рори, ни вообще за пределами Внутреннего Хадрамаута не обнаружено. Напрашивается предположение о том, что там была проведена орфографическая реформа, инициаторами которой выступило жречество местных храмов[421]. Однако осуществление такой реформы в масштабах целой области предполагает наличие координационного центра, которым вполне мог являться Райбӯн. В таком случае среди других ее поселений он обладал особым статусом, привлекавшим к нему паломников.

Несмотря на реформу, свидетельствующую об известной религиозно-культурной «автономии» Внутреннего Хадрамаута, связи Райбӯна с Шабвой в III–I вв. до н. э. сохранялись и в социально-экономической сфере, как следует из фрагментарного текста на стеле Rb VI/04 s.r. n° 53, рассмотренного выше[422], и в вопросах культа, на что указывает формула *tḥtn/S¹yn/ḏ-’lm* — «по повелению Сийāна зӯ Алīма», — встречающаяся после глагола *ks³’* — «приказать, заказать» — в нескольких надписях позднего периода из Майфа‘āна (Rb XIV/87 n° 104/3–4; Rb XIV/87 n° 3 = СОЙКЭ 1131/3). Естественно, что Сийāн, почитаемый в этом храме, стоял в божественной иерархии ниже, чем тот же бог в своей «ипостаси» владыки главного столичного святилища. Еще ниже находилась Зāт Ḥимйам, о чем можно судить по формуле *tḥtn/S¹yn/ḏ-Myf‘ⁿ* «по повелению Сийāна зӯ Майфа‘āна», обнаруженной в двух пространных посвятительных надписях того же времени из храмов Раḫбāн (Rb I/88 passage, lev. I n° 132 a-b = СОЙКЭ 1737/3) и На‘мāн (Raybūn-Kafas/Na‘mān 148/3–4). Весьма вероятно, что иерархическое положение божеств отражало вполне земные отношения между храмами, где они почитались.

9. ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ХАДРАМАУТА: СОЮЗ С МАИНОМ И ВОЙНЫ С КАТАБАНОМ

Контакты Хадрамаута с внешним миром в I тысячелетии до н. э., которые удается проследить по источникам, ограничивались по преимуществу другими государствами Южной Аравии[423]. Связи с Сабой в культурной и политической

[420] Одновременно с трансформацией орфографии меняется шрифт надписей (наступает так называемый поздний райбунский период /R./ в развитии письменности). Для Райбӯна этот переход отмечен также коренной реконструкцией храмовых комплексов, которая на основании калиброванных данных радиокарбонного анализа датируется 400–250 гг. до н. э. (по некалиброванным данным получается гораздо более узкий интервал с 300 по 290 гг. до н. э., но они представляются не слишком надежными; см.: Frantsouzoff 2007a. P. 22–24, n. 31).

[421] Во всяком случае изменение написания имени богини *ʻṯtrᵐ* на *ʻs³trᵐ* не могло состояться без его согласия. Следует учитывать и то, что подавляющее большинство памятников эпиграфики как в Хадрамауте (в том числе и Внутреннем), так и в Южной Аравии в целом происходит из культовых сооружений.

[422] См. предыдущий раздел данной главы.

[423] Хотя располагавшаяся в Дофаре хадрамаутская колония Сумхурāм, которая участвовала в торговом обмене Средиземноморья со странами, находившимися в бассейне Индийского океана, возник-

областях, которые были весьма тесными на заре хадрамаутской истории[424], в период после VII в. до н. э. и вплоть до первых веков н. э. если не сходят на нет, то практически никак не проявляются. Что касается области ал-Джауф, то интерес Хадрамаута к ней был, по всей видимости, обусловлен тем, что через нее проходили трансаравийские караванные пути, соединявшие юг полуострова с Сирией и Месопотамией. Самое раннее свидетельство этого отмечено в надписи Haram 12, известной только по копии, привезенной Ж. Галеви, но тем не менее надежно датируемой первой половиной VII в. до н. э. на основании титула «ḳайн (царей) Йаẕмурмалика, Би‘аṯтара и Харама» (стк. 4–6: *qyn/Yḏmrml|k/k/w-B‘ṯtr/w-Hr|m*^{m})[425], который носил ее автор, Йухаḳӣм С̱амрāн, сын Д̣аẖзама, отец Лаḥай‘аṯата, из рода Раймāн. В надписи сообщается, что он сделал посвящение почитаемому в древнем Хараме божеству Матабнаṭийāн[426], «когда был кабӣром по делам ирригации три года» (стк. 7–9: *yw|m/kbr/*s^{1}*qyt/ḫr|f*^{m}*{III}*) «и был кабӣром хадрамаутцев» (стк. 11: *w-kbr/Ḥḍrmwt*). Нам представляется очевидным, что автор надписи, имя которого явно указывает на его харамское, а не хадрамаутское происхождение, был назначен чиновником, осуществлявшим контроль за хадрамаутцами, проживавшими в Хараме. Аналогичная формула встречается в Haram 11, составленной несколько позже[427] Илӣ’аусом, сыном Йафа‘’ила, из того же рода Раймāн, «когда тот был кабӣром ‘араратцев 3 года» (стк. 7–8: *ywm/kbr/‘rrht/{III}*). Речь здесь идет об обитателях расположенного в вади Раġвāн сабейского города ‘Арарāт (городище ал-Асāḥил), также поселившихся в Хараме. Скорее всего, в обоих случаях имелись в виду колонии обосновавшихся на некоторое время в Хараме купцов из Хадрамаута и ‘Арарāта, которых власть этого города-государства предпочитала держать под постоянным надзором. Между тем, согласно Кр. Ж. Робену, в этих двух надписях сообщается о главах факторий харамцев, вовлеченных в караванную торговлю (comptoirs caravaniers), в Хадрамауте и ‘Арарāте (Robin 1992b. P. 52). Но тогда этот титул должен был бы строиться по той же схеме, что и у главы упоминавшейся выше маинской торговой колонии в катабанской столице Тамна‘[428]: *kbr/M‘n*^{m}*/b-Tmn‘* (Van Lessen 9/1). Интерпретацию, предложенную Кр. Ж. Робеном, нельзя принять, потому что в южноаравийской эпиграфике нет ни одного примера, когда бы этнотопоним обозначал не обитателей той или иной области, пусть и оказавшихся на чужбине, а поселившихся в этой области чужестранцев.

ла, согласно новейшим данным, во II в. до н. э., речь о ней пойдет в следующей главе в связи с тем, что последствия начавшейся в конце I тысячелетия до н. э. переориентации древнего Йемена с сухопутной на морскую торговлю в полной мере проявились в первые века н. э.

[424] См. о них подробнее раздел 3 данной главы.

[425] Первый из перечисленных в этом титуле соправителей города-государства Харам надежно отождествлен с упомянутым в RES 3945/17 Йаẕмурмаликом, царем Харама, современником сабейского мукарриба и царя Кариб’ила Ватара, сына Замар‘алӣ (Robin 1992b. P. 24–25).

[426] См. о нем: Robin 1992b. P. 43–44.

[427] Упомянутый в ней царь Ватар’ил (стк. 3–4, 10) занял место соправителя Йаẕмурмалика после Би‘аṯтара (Robin 1992b. P. 25).

[428] См. раздел 5 данной главы.

Однако основным союзником Хадрамаута в области ал-Джауф суждено было стать не городу-государству Харам, а Маинскому царству. Прямое указание на это содержится в надписи Ма‘īn 8, сохранившейся на облицовочных блоках башни в северной стене маинской столицы Қарнау, близ ее восточных ворот, и датируемой серединой V — началом IV в. до н. э. на основании минейско-египетского синхронизма[429]. Ее автор, царь Хадрамаута Илīсами‘ Зубйāн, сын Малкīкариба, сообщает в ней, что посвятил главному божеству маинского пантеона ‘Астару зȳ Қабду башню Харīф, которую возвел его дядя Шахр ‘Алхāн, сын Йада‘’ила, также занимавший хадрамаутский царский престол (стк. 1)[430]. По всей видимости, это посвящение означало, что Илīсами‘ провел ремонт башни, на которой и была оставлена данная надпись. В инвокации к ней царь Маина Абīйада‘ Йаса‘ назван союзником Илīсами‘ (букв. *[’ḫ]h-s¹* — «его [брат]ом» /стк. 2/)[431]. В знак уважения к маинскому монарху и его государству первым среди божеств в этой инвокации, а также в формуле передачи себя (своих душ *nfs¹* и *’dn*), своих детей и имущества под их покровительство (стк. 3: *w-wḏ’/…/b-’dn/…*) упомянут ‘Астару зȳ Қабд, а уже после него — Сийāн. То, что в Ма‘īn 8 отражен не изолированный эпизод в истории хадрамаутско-маинских отношений, подтверждает небольшой фрагмент as-Sawdā’ 85, в первых строках которого сообщается о царе Маина, чье имя не сохранилось, и царе Хадрамаута Йада‘’абе Ғайлāне, которых, судя по всему, также связывали узы союзничества. К сожалению, датировка этого текста не представляется возможной[432].

Какие преимущества давал этот союз обеим сторонам, чьи интересы он обслуживал? Хорошо известно, что Маинское царство не было вовлечено ни в какие военно-политические конфликты. До нас вообще не дошло ни одной надписи, в которой бы речь шла об участии маинцев в боевых действиях (Robin 1998c. P. 178), зато о караванах маинских купцов, посещавших Египет, города Газу, Тир, Сидон, Заречье (*‘br/Nhrⁿ*), примерно совпадающее с современной Сирией, и Месопотамию, сохранились эпиграфические свидетельства в четырех пространных посвятительно-строительных текстах (Robin 1998c. P. 177, n. 3)[433]. Очевидно, именно на почве взаимовыгодного торгового сотрудничества произошло сближение Маинского и Хадрамаутского царств. Благодаря посредничеству маинцев ладан, в изобилии добывавшийся на востоке Южной Аравии, преимущественно на землях, контролировавшихся Хадрамаутом (см. карту 2), доставлялся на рынки Средиземноморья и Ближнего Востока. Никаких данных о хадрамаутских факториях вне Южной Аравии не сохранилось; их, по всей видимости, вообще не было. При этом в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. маинская торговая колония процветала в североаравийском оазисе Дедан (ныне — ал-‘Улā) на севере Хиджаза, а надписи на маинском

[429] См. об этом подробнее в разделе 4 данной главы.

[430] См. таблицу в конце раздела 4 данной главы.

[431] Это восстановление вполне надежно. В южноаравийской традиции союзника именовали *’ḫ*, а союзные отношения — *’ḫwn*, *’ḫwnⁿ*, *’ḫwt* (Beeston et al. 1982. P. 4).

[432] См. выше примеч. 114 к данной главе.

[433] См. также: Robin 1991b. P. 58–59, 62; Бауэр 1994; Gnoli 1996. P. 28–33.

языке, которые составляли обитатели Ḳарйат Зāт Кахл[434], указывают на то, что этот центральноаравийский город в течение некоторого времени находился под покровительством Маина (Robin 1998c. P. 177).

И все же в некоторых случаях хадрамаутские купцы, следуя за своими маинскими партнерами, оказывались довольно далеко от своей родины. Так, на острове Делос были обнаружены два алтаря, надписи на которых оставили выходцы с юга Аравии. На одном из них высечен маинский текст RES 3570, автор которого Хāни', сын Зайд'ила из рода (*ḏy*) *Ḥḏb* «воздвиг жертвенник Вадду и богам Маина на Делосе» (стк. 2–3: *nṣb/mḏbḥ/Wd^{m}/w-'l'lt|M'n/b-Dlṯ*). Левее и ниже выбиты несколько греческих слов: сочетание ΘΕΟΥ ΜΙΝΑΙΩΝ — «боги минейцев (маинцев)» — и почему-то транслитерированный двумя разными способами теоним Вадд (ΟΔΔΟΥ и явно в аккузативе ΟΑΔΔΩ)[435]. Надпись на другом алтаре (RES 3952), упоминание в которой Сийāна зȳ Алāма не оставляет сомнений в том, что ее автор Ḡāлиб (*Ḡlb^{m}*)[436], был хадрамаутцем, скорее всего, была составлена в подражание маинской. На это указывает употребление в стк. 2 грамматически неправильной конструкции *nṣb-S^{l}yn* (букв. «воздвиг Сийāна») вместо *nṣb/mḏbḥ/S^{l}yn* «воздвиг жертвенник Сийāну» или *nṣb/(h/l)-S^{l}yn* «воздвиг для Сийāна». Вероятно, Ḡāлиб, слабо владевший эпиграфическим языком, взял за образец маинский текст на алтаре, но пропустил одно слово в ключевой формуле. Камнерезом он тоже был никудышным: шрифт надписи отличается нерегулярностью, так что палеографически датировать его можно только очень приблизительно — второй половиной I тысячелетия до н. э. Правда, исходя из того, что Делос стал центром международной торговли после того, как его захватили Афины в 166 г. до н. э., Кр. Ж. Робен считает маловероятным, чтобы маинец и хадраматуец могли посетить остров прежде этой даты (Robin 1991b. P. 62).

Судя по всему, маинские купцы в своих торговых делах действовали несколько активнее хадрамаутских. Никаких следов присутствия хадрамаутцев на маинской территории не выявлено, тогда как в надписи M 416/3 из Йаc̱ила (городище Барāḳиш), второго по значимости города Маина, обнаружено упоминание переселившихся в Шабву маинцев, которые, вероятно, занимались торговлей[437]. Косвенным подтверждением того, что выходцы из Маина действительно проживали в столице Хадрамаута, служит находка французскими археологами во время проводившихся в Шабве раскопок фрагмента алтаря

[434] Локализован на городище Ḳарйат ал-Фāв, расположенном в 280 км на северо-северо-восток от Наджрāна. К сожалению, происходящие оттуда маинские надписи пока остаются неизданными (Robin 1998c. P. 177, n. 7).

[435] Прорисовки маинской и греческой надписи с Делоса опубликованы в Robin 1991b. P. 61, fig. 17.

[436] От его патронимии уцелел только первый знак *Ḡ*, однако восстановление *Ḡ[lb^{m}]* не позволяет заполнить всю лакуну. В его родовом имени удалось разобрать только первых два знака: *ḏ-Rm*... См. фотографию этой надписи в Robin 1991b. P. 61, fig. 18.

[437] К сожалению фрагментарный контекст M 416/3 (... *'ṯt/M'n/ḫwr/w-b-kl/S^{2}bw[t/*... — «…маинцы, (которые?) переселились, и во всей Шабв[е…») остается не совсем ясным. Трудно объяснить отсутствие относительного местоимения м. р. ед. ч. *ḏ-* или мн. ч. *'hl*, которое требуется после имени собственного *M'n*, для того чтобы ввести придаточное предложение, состоящее из одного слова *ḫwr*.

Shabwa S/75/27, на котором читается эпитет главного маинского божества ʻАс̱тара зӯ Ḳабḍа — <*Q*>*bḍ*<*m*/>[438].

Весьма информативным и интересным источником, позволяющим судить о степени вовлеченности маинцев в торговые связи с различными странами, областями и городами, являются так называемые «Списки иеродул», известные по плохим копиям Ж. Галеви и частично по эстампажам Э. Глязера. Эти надписи были высечены на боковых поверхностях четырехгранных столбов, данные об общем количестве которых отсутствуют. Копии удалось снять с семи столбов, но лишь выборочно, как правило, только с одной грани каждого из них; тексты со всех четырех граней, пусть и далеко не в полном объеме, получены только для одного столба. Так, в распоряжении ученых оказалось 84 кратких надписи (64 из них — с одного столба)[439], построенных по жесткой формуле *A/bn/B/ḍ-C/ḍ-ʾhl/D/s¹krb/w-ḫs³r/F/bn/L*, где A — мужское личное имя, B — патронимия, C — название ветви рода, D — родовое имя, F — женское личное имя, L — топоним[440]. Первоначально считалось, что речь в этих памятниках эпиграфики шла о расчетах с женщинами, занимавшимися храмовой проституцией — иеродулами, но затем было установлено, что перед нами — списки женщин-иноземок, которых маинцы взяли в жены (*s¹krb*) и заплатили пошлину (*ḫs³r*) в государственную или храмовую казну за их «натурализацию»[441]. Очевидно, жен на чужбине находили маинские купцы, надолго покидавшие родину. Полученные из их надписей статистические сведения о том, из каких именно мест и в каком количестве были привезены женщины, позволяют судить об интенсивности торговых связей Маина на различных направлениях. Среди 24 топонимов абсолютный рекорд побил город Газа, откуда происходят 32 жены, затем, с большим отрывом, следуют Дедан (9 жен), Египет (8 жен) и т. д. Брачными узами с маинцами сочетались две женщины из Йас̱риба, две из Катабана и по одной из Аусана, области Сумʻай и Хадрамаута[442] (Maʻīn 93 A, 23 = Gl 1253/2–3: *ʾnt̲t-s¹|Twdd/bn/Ḥḍrmt*)[443]. Можно ли из этого делать вывод, что Хадрамаут

Восстановление *S²[bwt]* в *...wk/b-klh/s²…* (RES 3053 = M 275/2), предложенное М. ʻАрбашем (Arbach 1993. II. P. 122) и принятое Кр. Ж. Робеном (Robin 1998c. P. 177, n. 8), представляется далеко не бесспорным.

[438] Странным образом Кр. Ж. Робен проигнорировал это свидетельство, утверждая, что никаких следов присутствия маинцев на городище Шабва не найдено (Robin 1998c. P. 177), хотя происходящий из Наджра̄на текст на бронзовой табличке Ja 2147, пусть и составленный на сабейском языке, но посвященный ʻАс̱тару з̱ӯ Ḳабду, он рассматривал как одно из указаний на существование там маинской фактории (Ibid. N. 5).

[439] В последний раз они были переизданы Фр. Броном под сиглами Maʻīn 93–98.

[440] Лишь в двух случаях в этой формуле идут два женских имени, соединенных союзом *w-* (*F₁/w-F₂*): *ʾbrḥm/w-ʾmtʾt̲* — «Абӣраха̮ӣм и Аматʾис» (Maʻīn 93 A, 8 = Gl 1238/2–3) *ʾbrḥm/w-S¹lmbw* — «Абӣраха̮ӣм и Саламбо̄» (Maʻīn 93 C, 41 = Gl 1298/3–4). Изредка перед F идет пояснение: *ʾnt̲t-s¹* — «его жена».

[441] См. об этом: Robin 1991b. P. 62; Бауэр 1994. С. 157–168; Robin 1998c. P. 177–178.

[442] Эти данные приведены в Bron 1998. A. P. 118. Фр. Брон справедливо указал, что топоним *Ḡzt(m)* упомянут 30 раз, но в двух надписях сообщается, что оттуда происходят сразу две жены (см. выше примеч. 440).

[443] Интересно, что женское имя собственное *Twdd* нигде больше не встречается (Sholan 1999. S. 41).

по сравнению с Газой был для Маина совершенно незначительным торговым партнером? Без сомнения, основной сухопутный торговый путь, которым следовали маинцы, заканчивался в Газе, однако доставляли они туда и хадрамаутские товары (прежде всего ладан), а их в города Маина могли привозить и сами хадрамаутцы. Кроме того, не исключено, что когда все столбы с надписями будут найдены, а имеющиеся на них надписи скопированы[444], соотношение между числом женщин из Газы и из Хадрамаута, с которыми маинцы вступили в брак, изменится. К какому периоду относятся «Списки иеродул»? Обычно указывают на 400 г. до н. э. как *na terminus ante quem* для этих надписей, учитывая упоминание в них Кедара, Аммона и Моава и отсутствие каких-либо ссылок на Эдом и набатеев (Bron 1998. A. P. 103). Палеографические особенности, заметные на эстампажах Э. Глязера (Bron 1998. B. Pl. 36–74), в целом подтверждают их датировку V в. до н. э., в середине или второй половине которого существовал политический союз между хадрамаутским царем Илīсами‘ Зубйāном и маинским царем Абīйада‘ Йаса‘.

В связи с маинско-хадрамаутскими отношениями возникает вопрос о том, какими именно маршрутами следовали хадрамаутские купцы по пути как в ал-Джауф, так и в другие области Аравийского полуострова. К сожалению, сведения об этом крайне скудны. Реконструкция таких маршрутов, предложенная недавно М. Д. Бухариным[445], основывается преимущественно на умозрительных соображениях[446] или, в лучшем случае, на опыте путешественников прошлого века, таких как Вилфред Тезигер[447] или Фрейя Старк[448]. Конечно, вероятность того, что на караванном пути из Шабвы в ал-Джауф находился ‘Абрāн (современный ал-‘Абр), следует признать довольно высокой, тем более что в начале IV в. до н. э. этот пункт служил ориентиром химйаритскому войску, двигавшемуся на завоевание Хадрамаута[449], однако решительно никаких археологических

[444] Согласно устному сообщению М. ‘Арбаша, ему удалось обнаружить несколько почти полностью засыпанных столбов со «Списками иеродул» на городище Ма‘īн (древний Қарнау) в середине 2000-х гг., однако из-за враждебного отношения местных племен о проведении там раскопок пока не может быть и речи.

[445] Из 22 восстановленных им таким образом маршрутов 10 (т. е. почти половина) напрямую связаны с Хадрамаутом: Дофар ↔ Шабва; Шабва ↔ вади ал-Джауф (через ал-‘Абр); Шабва (?) ↔ Шис‘а; Шабва ↔ Наджрāн; Шабва ↔ Зū Байн / вади аш-Шудайф; Шабва ↔ Рамлат ас-Саб‘атайн ↔ Тамна‘; Шабва ↔ вади Джирдāн ↔ Тамна‘; Шабва ↔ Ниҫāб ↔ Тамна‘; Шабва ↔ Хаджар Йахирр ↔ Тамна‘; Қани’ ↔ Шабва; Қани’ ↔ Тамна‘ (Бухарин 2009. С. 199–215).

[446] Так, по поводу маршрута Дофар ↔ Шабва он сам признает: «Точных сведений о том, как должен был проходить путь каравана на начальном этапе Пути благовоний от ладаноносных плантаций в ‘Омане (sic. — *С. Ф.*) до Шабвы, нет ни в южноаравийских, ни в античных, ни в арабских источниках. Его реконструкция является предположительной» (Бухарин 2009. С. 199). Аналогичное замечание он вынужден сделать в связи с маршрутом Шабва ↔ Наджрāн: «Прямых и безусловных аргументов в пользу существования и систематического использования пути от Шабвы до Наджрāна в период доисламской древности нет» (Там же. С. 207).

[447] Этот британский исследователь дал «“экспериментальное” подтверждение», впрочем, по мнению М. Д. Бухарина, сугубо предположительного характера, функционирования в древности пути от Салāлы до Тарīма на маршруте Дофар ↔ Шабва (Там же. С. 201).

[448] Она первой среди европейцев преодолела маршрут от ал-‘Абра до Наджрāна (Там же. С. 208).

[449] См. подробнее таблицу в конце раздела 5 главы III.

подтверждений этого ни в самом ал-‘Абре, ни в его окрестностях не обнаружено. Вместе с тем при реконструкции торговых трасс, проходивших по вади Джирдāн, М. Д. Бухарин поразительным образом проигнорировал древнее городище ал-Барӣра, при исследовании которого были найдены фрагменты античной керамики[450].

При рассмотрении возможных путей, связывавших Внутренний Хадрамаут с побережьем, обращает на себя внимание вади ‘Идим. Действительно, обе современные дороги, по которым происходит доставка грузов и людей из ал-Мукаллы в вади Ḥадрамаут и боковые долины и обратно, были проведены сравнительно недавно[451]. По свидетельству ‘Абд ал-‘Азӣза Джа‘фара Бин ‘Аḳӣла, ранее для этой цели использовали шоссе гораздо худшего качества, проложенное в середине 30-х гг. прошлого века из аш-Шиḥра в Тарӣм по вади ‘Идим саййидом Бӯ Бакром ал-Кāфом[452], за что в 50-е гг. он был возведен в рыцарское достоинство Елизаветой II. Это шоссе представляло собой часть султанской дороги, которая тянулась от верховий вади Ḥадрамаут к его низовьям, где поворачивала на юг, в вади ‘Идим, проходя чуть севернее современного селения ал-Ġураф, и на своем завершающем отрезке достигала аш-Шиḥра, ал-Мукаллы и других населенных пунктов, расположенных на побережье (Саккаф А. 2002. С. 454). По всей видимости, Бӯ Бакр ал-Кāф не прокладывал дорогу заново, а воспользовался старым караванным путем, приспособив его, по мере возможности, для автомобильного транспорта. Следует отметить, что М. Д. Бухарин нигде в своих реконструкциях не ссылается на вади ‘Идим несмотря на то, что в эпоху древности оно было достаточно густо заселено. В южной его части локализовано городище Сӯна, где была найдена курильница с посвящением «дочерям бога» (Sūna/L/1), палеография которого позволяет отнести начальный этап истории этого поселения к VII–VI вв. до н. э.[453] Находка расписной керамики раннерайбунского типа на городище Ḥидбат К(а)рӯшāн, расположенном в 2 км в юго-западу от Сӯны, свидетельствует о том, что оно было заселено в последней четверти II тысячелетия до н. э. (Седов 2005. С. 95, 175). Что касается городища Машḡа, что лежит в 3 км к северу от Сӯны, в непосредственной близости от русла вади, то хотя там и выявлены остатки двух доисламских культовых построек (Седов 2005. С. 250–251; Sedov 2005. P. 142), отсутствие памятников эпиграфики не дает возможности датировать их точнее, чем серединой — второй половиной I тысячелетия до н. э. Благодаря обнаруженным на городище

[450] См. выше примеч. 343 к данной главе.

[451] Более протяженная, проходящая по джолю и вади ал-‘Айн, появилась в 70-е гг. XX в., а более короткая, круто спускающаяся с джоля в вади Лейман в районе селений Ḥайла ал-Ḳиблӣйа и Ḥайла аш-Шарḳӣйа, была построена на деньги состоятельного шейха Са‘ӣда Буḳшāна и носит его имя; ее ввели в эксплуатацию в 2005 г., и с этого времени ей стала пользоваться РКЭЙР, однако работы по ее расширению продолжались еще в 2007 г.

[452] Эту дорогу и ее строителя упомянул М. А. Родионов, правда, не указавший, что она шла через вади ‘Идим (Родионов 1994. С. 68; Rodionov 2007. P. 69).

[453] См. выше раздел 8 данной главы.

ал-Ġураф[454] многочисленным образцам керамики и двум декоративным известняковым блокам с рельефами, изображающими грифона и каменного козла, терзаемого псами, существование этого древнего поселения удалось с уверенностью отнести к первым двум-трем векам н. э. (Sedov 1996a. P. 60)[455]. Наконец, в начале нынешнего столетия рабочие фирмы Nexen, занимающиеся разведкой месторождений нефти на территории Хадрамаута, случайно заметили в одном из небольших восточных притоков вади ʻИдим и сфотографировали наскальную надпись[456], которая представляет значительный интерес, несмотря на свою лаконичность. Ниже она публикуется впервые.

Fr–ʻIdim 1

Текст	Перевод
1. *Yṣdq*'*l/ḏ-'lqs³m*	Йаҫдуḳ'ил з̱ӯ Илӣḳаćам
2. *Hnyʰⁿ/ʻdmyʰⁿ*	Ханниец (?), ʻИдимиец (т. е. из вади ʻИдим)
3. *s¹ṭr#b-hy/'ʻbdᵐ*	высек надпись в Аʻбāде (в эпонимат Аʻбада?)
4. *b-'ḍrr/Ḥḍrmt*	во время хадрамаутских войн
5. *w-s²yṭ/tmryʰⁿ*	и продал фиников
6. *qnt*	(общим объемом) один *ḳанат*.

Комментарий

Стк. 1, *Yṣdq*'*l*: По-видимому, вместо 𐤀 (*алифа*) каменотес по ошибке начал высекать 𐤃 (*d*), но затем сумел переправить его на *алиф*, правда, в зеркальном отражении — 𐤄. Это мужское имя собственное засвидетельствовано только в ономастике Катабана, где оно встречается довольно часто, и Хадрамаута, в том числе в надписях райбунского храма Раḥбāн (Французов 2009a. С. 216, № 462; Французов 2012. С. 222, № 463).

ḏ-'lqs³m: Это родовое имя, как и большинство наименований хадрамаутских родов, происходит от мужского личного имени, которое встречается исключительно в катабанской и хадрамаутской (в том числе райбунской) антропонимике (Французов 2009a. С. 189, № 44; Французов 2012. С. 192, № 45).

Стк. 2, *Hnyʰⁿ*: Эта нисба явно происходит от топонима *Hn*, ни локализация, ни точное чтение которого не известны. По-видимому, так называлось поселение, из которого происходил автор надписи.

ʻdmyʰⁿ: Нисба, происходящая от топонима ʻИдим, который прежде в эпиграфике ни в какой форме не упоминался.

Стк. 3, *s¹ṭr#*: После этого глагола из-за выбоины в скальной поверхности словоразделитель поставлен не был.

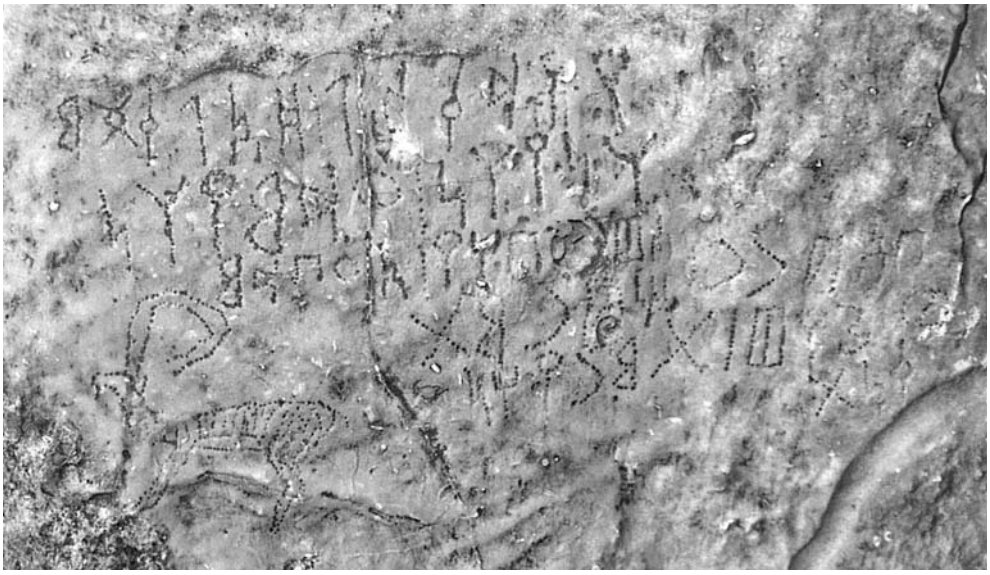
b-hy/'ʻbdᵐ: См. раздел 6 данной главы.

---

[454] Оно расположено в северной части вади ʻИдим, близ места его слияния с вади Ҳадрамаут, в 10 км к югу от Тарӣма (Sedov 1996a. P. 53, fig. 1).

[455] При этом А. В. Седов специально подчеркнул, что при обследовании городища ал-Ġураф не было найдено никаких материалов, которые можно было бы датировать последними веками I тысячелетия до н. э.

[456] Ее точные координаты, определенные при помощи GPS-навигатора, составляют 15° 46′ 31″ с. ш., 49° 2′ 50″ в. д. Автор выражает глубокую благодарность доктору Джой Мак-Корристон из университета штата Огайо за эту информацию, содержащуюся в ее электронном письме от 14.02.2010 г.



Ил. 17. Fr–‘Idim 1 (фотография, предоставленная генеральным директором Мукаллинского отделения Генеральной организации древностей и музеев Министерства культуры Йемена, д-ром ‘Абд ал-‘Азӣзом Джа‘фаром Бин ‘Аḳӣлем)

Стк. 4, *b-’ḍrr/Ḥḍrmt*: При том, что шрифт этой наскальной надписи отличается нерегулярностью, сильно наклоненная внутренняя перекладина в обоих 𐩣 (*ḍ*) позволяет с уверенностью датировать ее поздним райбунским периодом (III–I вв. до н. э.). О том, что Йаҫдуḳ’ил подразумевал под «хадрамаутскими войнами», речь пойдет ниже.

Стк. 5–6, *w-s²yṭ/tmryʰⁿ|qnt*: Ср. MM 161/9–11: *kwn/s²yṭ/tmr|#hyʰⁿ/ ’rb‘hy/’rb|b…* — «ait lieu la vente de deux lots de dattes (en quantité) de quarante *arbāb*…» (Frantsouzoff 2005c. P. 248–249). Было бы странно, если бы в надписях, столь разных по датировке и происхождению, имя нарицательное *tmr* стояло в дв. ч., обозначая и в том, и в другом случае две партии фиников. По всей очевидности, *tmr(h)yʰⁿ* следует интерпретировать как форму правильного мн. ч. числа с определенным артиклем (ср. Beeston 1984a. P. 68: § H 12: 5), хотя в других южноаравийских языках это слово с подобным окончанием не засвидетельствовано.

Термин *qnt* обозначает меру объема, параметры которой не известны. Засвидетельствован в документах на дереве, составленных как на сабейском (TYA 10/1), так и на маинском языках (X.JRy b-2/4). Однокоренной термин с суффиксом *-n* (*qntn*) встречается в позднесабейской надписи с Марибской плотины CIH 541/122, где он также относится к финикам, и в катабанском тексте на бронзе из Тамна‘. См. подробнее: Ryckmans J., Loundine 1997. P. 177; Ryckmans J., Müller W., Abdallah 1994. P. 59 (где *qntn* рассматривается как заимствование из латыни через греческое κεντηνάριον, что кажется нам довольно сомнительным). С учетом аналогичного контекста в MM 161/9–11 можно осторожно допустить, что мера объема *qnt* была существенно больше, чем мера объема *rb* (мн. ч. *’rbb*), по крайней мере в хадрамаутской традиции.

Изображение каменного козла слева внизу от надписи не имеет никакого отношения к ее содержанию, хотя, судя по технике исполнения, похоже, что

оно было выполнено ее автором. Информация, которую он счел необходимым сообщить, помимо личного и родового имени, сводится к тому, что он совершил успешную сделку по продаже фиников. Коль скоро она была увековечена эпиграфически, вряд ли имелась в виду их продажа жителям соседнего поселения: скорее всего, как и в наши дни, выращенные во Внутреннем Хадрамауте отборные финики были доставлены на рынки прибрежных районов[457]. Разумеется, в данном случае ни о каком «Пути благовоний» не может быть и речи: в надписи Йаṣдуḳ'ила ẓȳ Илīḳаśама нашла свое отражение внутрихадрамаутская торговля, связывавшая различные части этого региона друг с другом. Упоминание о «хадрамаутских войнах» (*'ḍrr/Ḥḍrmt*) призвано было показать, в каких непростых обстоятельствах приходилось действовать торговцу финиками. Но что это были за войны? На протяжении I тысячелетия до н. э. Внутренний Хадрамаут не знал вооруженных конфликтов. В райбунских надписях, за единственным исключением, рассмотренным ниже, нет никаких сведений ни об участии посвятителей в боевых действиях, ни о военных операциях любого рода; та же особенность присуща эпиграфическим памятникам, происходящим с других городищ этой области. Следует подчеркнуть, ни одно из поселений Внутреннего Хадрамаута не имело фортификационных сооружений (Седов 2005. С. 421)[458], кроме Макайнȳна (Benoist et al. 2005. P. 61–64; Mouton et al. 2006. P. 230–233), располагавшегося на восточной окраине области, где, очевидно, приходилось держать оборону от кочевников.

Правда, в отличие от Маина про Хадрамаутское царство нельзя сказать, что оно воздерживалось от применения силы в межгосударственных отношениях. В Arbach–Bāfaqīh al-'Uqla 1, которую следует датировать VII в. до н. э., упоминается война Хадрамаута с Катабаном, завершившаяся разгромом последнего[459]. Случалось и Хадрамауту терпеть поражения. Так, согласно сабейской надписи на бронзовой табличке (B–L Nashq ?), датируемой на основании сабейско-нововавилонского синхронизма приблизительно 600 г. до н. э., в ходе похода войска Сабы на Хадрамаут была захвачена Майфа'а (стк. 7–10). Однако такого рода конфликты, очевидно, обходили Внутренний Хадрамаут стороной. Даже с учетом неполноты эпиграфической документации нужно признать, что в истории Южной Аравии I тысячелетия до н. э. временные отрезки, отмеченные вооруженным противостоянием государств, заметно уступали по продолжительности периодам мира. Что касается отношений Хадрамаута с Катабаном, то надписи жилого дома (здания 6) поселения Райбȳн I, посвященные одновременно Сийāну и 'Амму, показывают, что в VII–VI вв. до н. э., которыми они

[457] Маловероятно, что их продавали в другие районы Внутреннего Хадрамаута, где в изобилии выращивались свои финики столь же высокого качества.

[458] А. В. Седов допускал, что «оборонительные функции в ряде случаев выполняли стены построек, расположенных впритык друг к другу по периметру поселения», в частности, в Райбȳне I и Ḫурайде, но подчеркивал, что «подавляющее большинство древних поселений Внутреннего Хадрамаута неукрепленные» (Седов 2005. С. 421).

[459] См. подробнее в разделе 3 данной главы.

палеографически датируются, хадрамаутцы и катабанцы оказывались вовлеченными в плодотворное сотрудничество[460], а не только в кровавое соперничество на поле брани.

Конец I тысячелетия до н. э. ознаменовался чередой катабано-хадрамаутских войн, сведения о которых сохранились по преимуществу в источниках на катабанском языке: в строительной надписи из Тамна‘ RES 4932 = CSAI I, 31, в тексте на необработанном камне из вади Дура’, вторично использованном при постройке ограды, Pirenne–Ḥuwaydar A = Pi. Ḥuwaydar 1 = CSAI I, 19 и в уникальном памятнике эпиграфики из окрестностей города Сай’ӯн, который можно условно определить как «алтарь победы» (‘Арбаш–Сай’ӯн 1 = CSAI I, 115). Автор RES 4932, царь Катабана Шахр Ġайлāн, сын Абӣшибāма, отстроил (букв. *bny/w-s¹(ḥ)[dṯ]* — «построил и обновил» /стк. 1/) храм Байḫāн для бога ‘Аṣтара Науфāна и других божеств, именуемых *’lhw/S¹qmtᵐ* (стк. 2)[461], когда они помогли ему разгромить Хадрамаут и (племя) амӣр (стк. 3–4: *ywm/rd’/‘ṯtr/w-’lhw/S¹qmtᵐ/S²hr/<Ḡy>[lⁿ]|mḫḍ/ Ḥḍrmt/w-’mrᵐ*). Не ясно, выступали ли эти два катабанских противника в коалиции, но в любом случае столкновение Катабана с амиритами не могло случиться прежде их переселения на территорию ал-Джауфа, которое датируется первой половиной II в. до н. э. (Frantsouzoff 2004. P. 76). Возражение, выдвинутое А. Аванцини, сводится к тому, что под *’mrᵐ* в этой надписи следует понимать другую, нигде более не отмеченную этническую общность (Avanzini 2004. P. 76), с чем трудно согласиться, особенно если учесть, что для конца I в. до н. э. — начала II в. н. э. есть свидетельство проникновения культа амиритского бога Зӯ Самавӣ в катабанскую столицу Тамна‘[462]. Несогласие итальянской сабеистки с отождествлением *’mrᵐ* в RES 4932/4 с племенем амӣр объясняется тем, что она отнесла эту надпись к хронологическому периоду B1, охватывающему V–III вв. до н. э. (Avanzini 2004. P. 37, 53), хотя по палеографическим критериям, установленным самой А. Аванцини, в первую очередь по закругленной в середине ⟨ (*s²*), RES 4932 несомненно принадлежит к следующему периоду B2 (II — начало I в. до н. э.)[463]. Кроме того, упоминание Хадрамаута и амӣра (*...m/Ḥḍrmt/w-’mr/...*), правда, неясно, в какой связи, отмечено в неизданной фрагментарной маинской надписи из Барāḳиша Y.92.B.A 19/1, датировать которую при отсутствии в нашем распоряжении ее фотографии не представляется возможным[464].

---

[460] См. об этом в разделе 8 данной главы.

[461] Скорее всего, *S¹qmtᵐ* — топоним, обозначавший местность, где почитались эти боги, и по другим текстам неизвестный.

[462] См. выше примеч. 382–384 к данной главе.

[463] Ср. образцы знаков периода B2 (Avanzini 2004. P. 29) с теми, что видны на фотографии RES 4932 (Ibid. P. 121 /вверху/).

[464] Цитата из этой надписи приведена по Arbach 1993. II. P. 63. Отсутствие мӣмации в этнониме амӣр (*’mr* вместо *’mrᵐ*) объясняется морфологическими особенностями маинского языка, в котором этот показатель практически полностью вышел из употребления (ср.: Beeston 1984a. P. 61, § M 14: 1: «Min[aic — *S. F.*] use of the mimation is so erratic that we must conclude that it has virtually no semantic or syntactic value, but is purely an ornament of diction»).

В Pirenne–Ḥuwaydar A, обнаруженной на городище Ḫувайдар (древний ʻАбр) в вади Дура’ (см. карту 6), сообщается о том, что мукарриб Катабана Йадаʻ’аб Зубйāн Йуханʻим, сын Шахра, «построил и обнес стеной и возвел и отремонтировал стену и башни города ʻАбр целиком из камня, дерева и известняка, от основания доверху, во время войны с Хадрамаутом трудами общины его зӯ Дура’ и ее клиентов-земледельцев» (стк. 4–7: *bny/w-gn’/w-ṣyr/w-s¹ḥdṯ/gn’/w-m<ḥ>|fd/hgrⁿ/ʻbr/ glᵐ/’bnᵐ/w-ʻḍᵐ/w-blqᵐ/bn/s²rs¹ᵐ| ʻd/frʻᵐ/b-ḍr/Ḥḍrmt/b-’ḫyl/s²<ʻ>b-s¹/ḏ-Ḍr’/w-ḡbr-|s¹m*). Очевидно, эти меры по укреплению города ʻАбр были предприняты для того, чтобы защитить это важное поселение в вади Дура’ от внезапного нападения хадрамаутского войска. Было высказано предположение, что Йадаʻ’аб Зубйāн Йуханʻим был сыном Шахра Ḡайлāна, автора RES 4932 (Frantsouzoff 2004. P. 76). Хотя по сравнению с RES 4932 некоторые знаки Pirenne–Ḥuwaydar A кажутся более архаичными[465], нужно иметь в виду, что особенности шрифта наскальных и монументальных надписей, выполненных в одно время, редко совпадают полностью.

Наибольший интерес представляет пространный текст на «алтаре победы» ʻАрбаш–Сай’ӯн 1, повествующий о перипетиях боевых действий катабанского войска на территории Внутреннего Хадрамаута. От этого сооружения, выполненного из алебастра, сохранилась монолитная задняя стенка, а также две боковые, за исключением их нижних блоков. С наружной стороны они полностью покрыты знаками.

Откуда именно их доставил в Сай’унский музей местный житель, выяснить не удалось. Не исключено, что катабанцы оставили этот «алтарь победы» на том месте, где заключили мир с потерпевшими поражение хадрамаутцами, в назидание побежденным. На не дошедшей до нас передней стенке текста не было; по всей видимости, на ней находилось рельефное изображение. Начало текста размещалось на утраченных блоках, венчавших боковые и заднюю стенки, а также, возможно, и переднюю. Таким образом, в нашем распоряжении оказалось приблизительно две трети первоначального текста надписи, которые приводятся ниже с комментированным переводом.

Текст

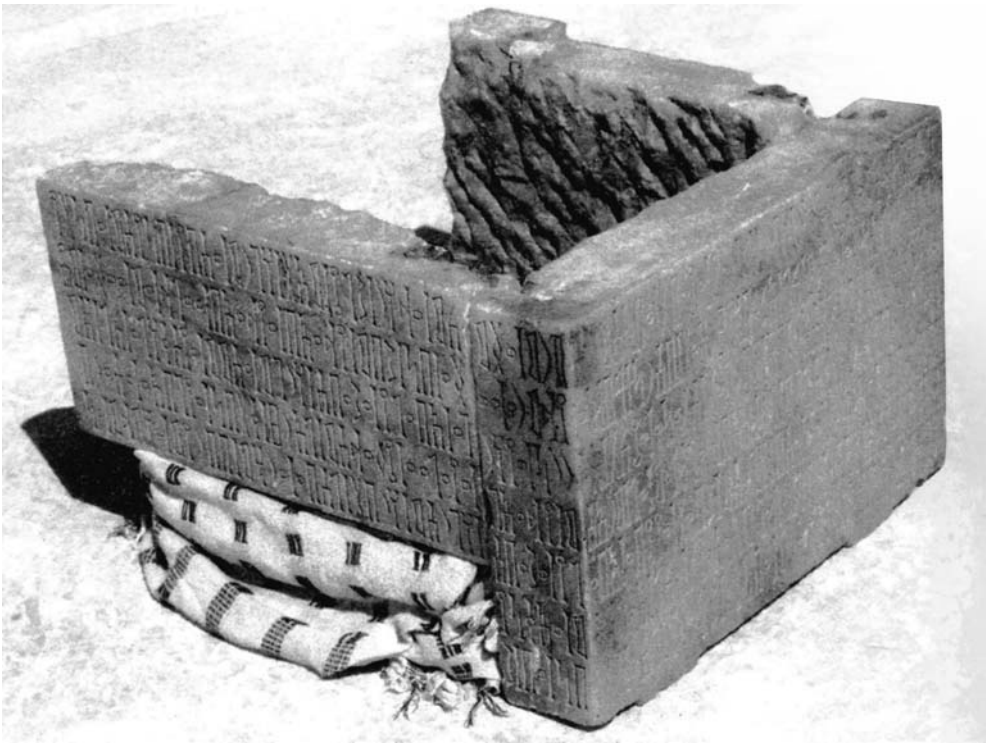
[……]

1. *’s¹rr/w-’ʻrr/w-’bḍʻ/w-’s¹wṭ/’s²ʻ<b>[/Ḥḍrmwt/w-Ṣ]dfⁿ/w-Gd⇒mᵐ/w-S¹ybⁿ/w-’s²ʻb-s¹m/w-dhr/hgrⁿ/S²dwᵐ/w-Ṯwbt/w-bn-s¹my/s¹⇒ḡrᵐ/w-s³mkᵐ/w-dhr/s²l̲t/m’t/hgrᵐ/w-s¹by/bny-s¹m/bnty-*

2. *s¹m/w-t̲ll/’qny-s¹m/w-ḫrs²/hgr-s¹m/s¹byᵐ/w-t̲<ll>ᵐ/w-ḫrs²ᵐ/ʻs¹⇒mᵐ/w-ys¹ʻnw/w-s¹nṭʻ/w-’tm/kl/’s²ʻb/Ḥḍrmwt/b-s¹rⁿ/Lbd/w-⇒ydmrw/w-ws³ʻ/bn/S²bm/Ydʻʻ’b/w-Ydʻʻb/w-wld/ʻm/w-ws³ʻ/mṣ=*

3. *r/Ḥḍrmwt/b-s¹rⁿ/Lbd/w-yhrgw/w-s¹lqḥ/Ḥḍrmwt/w-s¹nq̲d/r⇒kwb-s¹m/w-’ftn-*

[465] Так, в ней встречается не закругленная, а заостренная, более ранняя, форма ﴿ (*s²*). С другой стороны, ﴾ (*r*) в Pirenne–Ḥuwaydar A всегда резко заостренное, тогда как в RES 4932 перемежаются закругленная (классическая) и слегка заостренная (более поздняя) формы этого знака.



Ил. 18. Общий вид сохранившейся части катабанского «алтаря победы» с надписью ʿАрбаш–Сайʾӯн 1 (по ʿАрбаш, Саккаф А. Х. 2001. С. 121, ал-лауха 20 /низ/)

s^1m/w-ḏm/s^1ʾr/bn/Ḥḍrmwt/s^1tʿnw/w-ṯkt/ʾʿ⇒rr^n/w-yhrgw/ʾbʿly/w-s^2ʿb-s^1/hrg^m/ ʿs^1m^m/w-ys^1qhlw/kl/ḏm
4. *s^1ʾr/bn/ʾs^2ʿb/Ḥḍrmwt/w-Ṣḍf^n/w-Gdm^m/w-Yhbʾr/w-ḏ-Hgr⇒^{m}/w-kl/ʾs^2ʿb/Ḥḍrmwt/ l-s^1lm^m/l-Ydʿʿb/w-wld/ʿm/w-l-mrʾ-s^1⇒m/Ydʿʿb/w-yʿlww/ṯfwd-s^1m/l-ʾrḍ/Qtbn/ w-ygbʾw/w-s^1ʿrb*
5. *Ydʿʿb/Ḡyln/w-bn-s^1ww/ʾbyṯʿ/w-ʿrq^m/w-s^2ʿb^m/kwn/kwn-s^1⇒m/bn/s^2ʿb-s^1m/ Ḥḍrmwt/ʿd/ws^1ṭ/hgr-s^1m/S^2bwt/w-yṯbw/ʾbʿ⇒ly/w-s^2ʿb-s^1/hgr-s^1m/Hrbt/l-s^1bʿ/ wrḫ^m/b-bry^m/w-ḥmd^m/w-n=*
6. *[…….]bn/nfs^1-⇒s^1/w-ʾḏn-s^1/w-dd-s^1/Hnʾ^m/w-bn/ʾbʿly/ʾws^1ʿṯt/w-kl/ʾwld-s^1⇒ m/w-ʾqny-[s^1m/…….]*
7. *[…….Qt]bn/w-b/m⇒rʾy-hw/Ydʿʿb/Ḏbyn/Yhnʿm/w-bn-hw/S^2hr^m/mlkw/Qt⇒ bn/w-b-s^2[ʿb…….]*

Перевод

[……]

1. долины и горы и округа и внутренние земли[466] общин [Ҳадрамаута и ṣа]дафāна и гадāма и сайбāна и их общин, и он (царь Катабана Йадаʿʿаб Зубйāн Йуханʿим — *С. Ф.*) сжег

[466] Предложенная М. ʿАрбашем (ʿАрбаш, Саккаф А. Х. 2001. С. 112) интерпретация прежде в южноаравийской эпиграфике не встречавшегося *$s^1wṭ$* как мн. ч. от *$ws^1ṭ$* — «середина, внутренняя часть» —

город Шадв[467] и Саубу[468] и из них обоих — малых (т. е. простых людей) и великих (знать)[469], и сжег триста городов и увел в полон сынов их и дочерей

2. их, забрал их имущество как добычу и разорил их города, взяв полон и добычу разорением большим. И перешли в наступление и поднялись и собрались вместе все общины Хадрамаута в долине Лабад[470], и бились и сражались, (следуя) от Шибāма, Йада‘’аб (Ġайлāн, царь Хадрамаута — *С. Ф.*) и Йада‘’аб (Зубйāн Йухан‘им — *С. Ф.*)[471] и дети ‘Амма[472] и сразилось вой-

3. ско Хадрамаута в долине Лабад, и (катабанцы — *С. Ф.*) убивали и рассеивали хадрамаутцев и брали в плен их всадников и их пехотинцев (?)[473]. И те, кто остался из Хадрамаута, позвали на помощь и укрылись[474] в горах, и убивали Абū‘алū и его община (людей) во множестве и собрали всех тех, кто

4. остался из общин Хадрамаута и ṣадафāна и гадāма и йухаб’ира и зӯ хагара и всех общин Хадрамаута, для заключения мира Йада‘’абом (Зубйāном Йухан‘имом — *С. Ф.*) и детьями ‘Амма, (с одной стороны), и их (хадрамаутцев — *С. Ф.*) господином Йада‘’абом (Ġайлāном — *С. Ф.*), (с другой)[475]. И они (катабанцы — *С. Ф.*) забрали их (хадрамаутцев — *С. Ф.*) воинские одеяния (?)[476] в землю Катабан. И подчинились и дали заложников[477]

весьма убедительна (ср. *’lwd* — одну из форм мн. ч. от *wld*, засвидетельствованную в катабанском /Ricks 1989. P. 51/ и сабейском /Beeston et al. 1982. P. 160/).

[467] Упомянут впервые, точной локализации не поддается.

[468] Известное средневековым авторам, а ныне лежащее в развалинах селение в одноименной боковой долине, которая соединяется с вади Хадрамаут в восточной части области. Вади Сауба изобилует древними руинами и фрагментами южноаравийских надписей (Саккаф А. 2002. С. 575–576).

[469] Ср. *s³mk* — «go up, ascend» — в сабейском (Beeston et al. 1982. P. 138) и *самука* — «быть высоким, толстым» — в арабском. Хотя перевод этого места как «completely (their small and large parts)» (Avanzini 2004. P. 163) кажется менее вероятным, его нельзя сбрасывать со счетов.

[470] Упоминута впервые, точной локализации не поддается.

[471] Перевод М. ‘Арбаша (‘Арбаш, Саккаф А. Х. 2001. С. 112) следует предпочесть тому странному толкованию этого места, которое предложила А. Аванцини: «*Yd‘’b* and Qataban (the king’s tribe) and the sons of *‘m*» (Avanzini 2004. P. 163). Отметим, что в южноаравийской эпиграфике неизвестно ни одного случая, когда бы царским именем называли общину, пусть даже ту, по которой государство получило свое наименование.

[472] Обычное обозначение подданных Катабанского государства.

[473] Интерпретаторы этой надписи сходятся на том, что *’ftn* — форма мн. ч., восходящая к тому же корню *FTY*, что и арабское *фатāи* (мн. ч. *фитйāнᵘн*) — «юноша, молодец» (‘Арбаш, Саккаф А. Х. 2001. С. 118; Avanzini 2004. P. 163). Учитывая, что *rkwb* несомненно означает «всадники», М. ‘Арбаш осторожно предположил, что под *’ftn* подразумевались пехотинцы, тогда как А. Аванцини дала другой перевод: «young soldiers».

[474] М. ‘Арбаш сумел обнаружить глагол *ṣаката* в арабских национальных словарях, где его толкуют как *илтаджа’*, *ṭалаба-л-‘аун* (‘Арбаш, Саккаф А. Х. 2001. С. 118). В этой связи вызывает недоумение признание А. Аванцини: «The meaning of *ṯkt* is inferred from the context, I cannot find any etymological comparison» (Avanzini 2004. P. 165).

[475] Перевод, предлагаемый А. Аванцини: «gathered in peace towards Qataban (the king’s tribe) and the sons of *‘m* and they lord *Yd‘’b*» (Avanzini 2004. P. 163), — решительно не приемлем (см. выше примеч. 471).

[476] ‘Арбаш, Саккаф А. Х. 2001. С. 118. Интересно, что А. Аванцини, сославшись на арабский глагол II породы *ṣаффада* — «to cover the inside of a cuirass with a cloth» (Avanzini 2004. P. 165), — перевела оборот *w-y‘lww/ṯfwd-s¹m* как «then they brought their booty» (Ibid. P. 163).

[477] В случае с *gb’*, который прежде был известен в катабанском только в значении «вернуть (дома, земли, владения)» (Ricks 1989. P. 35; ср.: ‘Арбаш, Саккаф А. Х. 2001. С. 112, где *ygb’w* переведено как *тарāджа‘ӯ’*), уместно учесть ту семантику, которая свойственна этому глаголу в сабейских текстах, связанных с военным делом: «give in, submit, surrender | céder, se soumettre, se rendre» (Beeston et al. 1982. P. 48). Каузативной глагольной форме от корня *‘RB* в данном контексте следует придать то зна-

5. Йада‘’аб Ǧайлāн и два его сына Абӣйаṣа‘ и ‘Арḳ[478] и одна из общин, относящихся к их общине ḥадрамаут[479], в их городе Шабве. И Абӣ‘алӣ и его община вернулись в свой город Харибу[480] через семь месяцев в целости и со славой…
6. [……] из его «души» *нафс* и его «души» *изн* и его дядя по отцу Хāни’ и сын Абӣ‘алӣ Аус‘аṣат и все дети их и имущество [их……]
7. […Ката]бан и во имя господ его (по-видимому, полководца Абӣ‘алӣ — *С. Ф.*) Йада‘’аба Зубйāна Йухан‘има и его (Йада‘’аба — *С. Ф.*) сына Шахра, царей Катабана, и во имя об[щины……]

Эта надпись, автором которой, скорее всего, был упоминаемый в ней катабанский полководец Абӣ‘алӣ из города Хариба, содержит массу интересных сведений, например, единственное в южноаравийской эпиграфике указание на то, как происходило заключение мира между победителем и побежденным (стк. 3–4): оказывается, на этой церемонии должны были присутствовать остатки разгромленных войск. Катабанского царя Йада‘’аба Зубйāна Йухан‘има, стоявшего во главе победоносного войска, не представляется возможным отождествить с автором Pirenne–Ḥuwaydar A по двум причинам: во-первых, они носят разные титулы, царя (малика) и мукарриба; во-вторых, палеографические особенности ‘Арбаш–Сай’ӯн 1 показывают, что она была вырублена несколько позже, чем RES 4932 и Pirenne–Ḥuwaydar A.

Описанные в надписи боевые действия охватили, по-видимому, почти весь Внутренний Хадрамаут: во всяком случае они распространились на центральную (Шибāм) и восточную (Сауба) части этой области, а ссылка на 300 сожженных городов указывает на то, что размах кампании был еще шире, и позволяет предположить, что одним из этих городов оказался Райбӯн, окончательно уничтоженный на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. (Французов 2009a. С. 147–148; Французов 2012. С. 148–149). Упоминание во фрагменте Raybūn 6, палеографически очень схожем с ‘Арбаш–Сай’ӯн 1 (Frantsouzoff 2004. P. 76), «войны с Катабаном» (стк. 1: *ḍ#r/Qtbn*) относится либо к начальной фазе похода, увековеченного на «алтаре победы», либо к предыдущему катабано-хадрамаутскому конфликту.

В связи с вопросом о гибели Райбӯна стоит рассмотреть предложенное М. Д. Бухариным отождествление этого южноаравийского города с упомянутым

чение, которое имеет порода с префиксом *t-* в сабейском: «give pledges | donner des gages» (Beeston et al. 1982. P. 18; ср.: ‘Арбаш, Саккаф А. Х. 2001. С. 112: *ва-а‘ṯау’ рахнᵃⁿ*).

Интерпретация *w-ygb’w/w-s¹‘rb* как «and gathered and confined» (Avanzini 2004. P. 163) представляется довольно расплывчатой и недостаточно обоснованной.

[478] В данном случае верным является толкование А. Аванцини, признавшей в *’byṯ‘* и *‘rqᵐ* антропонимы (Avanzini 2004. P. 164). См. о них выше примеч. 129, 130.

[479] Предлагаемый нами перевод выражения *w-s²‘bᵐ/kwn/kwn-s¹m/bn/s²‘b-s¹m/Ḥḍrmwt* не только грамматически точен, но и отражает определенное социальное явление (см. выше примеч. 185). Близкую интерпретацию предложил М. ‘Арбаш: «и общины-*ша‘бы* (*аш-шу‘ӯб*) /?/, которые формируют и поддерживают свое племя (*ḳабӣлата-хум*) ḥадрамаут» (‘Арбаш, Саккаф А. Х. 2001. С. 112). Однако с толкованием *s²‘bᵐ* как формы мн. ч. нельзя согласиться, поскольку в этой надписи она во всех случаях передает через *’s²‘b*. Перевод *bn/s²‘b-s¹m/Ḥḍrmwt* как «among the tribes of the Ḥaḍramawt» (Avanzini 2004. P. 164) синтаксически невозможен.

[480] Локализован на городище Хинв аз-Зурайр (al-Scheiba 1982. S. 150), расположенном приблизительно в 35 км к юго-западу от катабанской столицы Тамна‘. См. карту 4.

у Клавдия Птолемея (Ptolem. Geogr. VI, 7, 33) ‘Ράβανα βασίλειον (Бухарин 2009. С. 134, 181). Судя по широте (22°00′), ‘Ράβανα локализуется гораздо севернее Райбӯна[481] и никакими географическими спекуляциями (Там же. С. 181) этого расхождения не объяснить. Да и Птолемей приводит его совсем не в том разделе, где речь идет о стране хадрамаутцев (Ptolem. Geogr. VI, 7, 10). Кроме того, дифтонг *ay*, имеющийся в первом слоге топонима *Rybn*, в греческой транслитерации не мог превратиться в *a*: для сравнения укажем, что название химйаритского царского замка Райдāн (*Rydn*) в аксумских греческих надписях передается как ‘Ραειδᾶν (RIE 270/2, 270bis/2) или ‘Ρειδᾶν (RIE 271/7). Какое отношение к реальному Райбӯну мог иметь эпитет βασίλειον — «царский», если в его эпиграфических памятниках нет ни единого намека на носителей верховной власти в Хадрамаутском государстве? Наконец, несмотря на анахронизмы, часто встречающиеся в сообщениях античных авторов об Аравии, трудно было бы объяснить появление на карте Птолемея названия небольшого хадрамаутского периферийного города, уничтоженного за полтора столетия до ее составления и лежавшего несколько в стороне от оживленных трансаравийских торговых путей. Попытку идентифицировать ‘Ράβανα βασίλειον как *Rybn* следует решительно отвергнуть, указав, что это — далеко не единственный пример необоснованных топонимических отождествлений, которые М. Д. Бухарин вынес на суд коллег.

Относительно выражения *b-’ḍrr/Ḥḍrmt* в надписи Fr–‘Idim 1/4, необходимо отметить, что серия ударов, нанесенных Катабаном по территории Хадрамаута в течение одного похода, вполне могла быть воспринята местным населением как «хадрамаутские войны». Представляется заманчивым провести параллель с событиями, описанными в ‘Арбаш–Сай’ӯн 1, тем более что в ходе них восточная часть Внутреннего Хадрамаута, где была найдена Fr–‘Idim 1, несомненно подверглась жестокому разорению со стороны катабанской армии.

Особого внимания заслуживает этносоциальный состав войск, выступавших на стороне хадрамаутского царя. В самом общем виде они были обозначены как *kl/’s²‘b/Ḥḍrmwt* — «все общины Хадрамаута» (стк. 2) — с использованием термина *s²‘b*, в хадрамаутском эпиграфическом языке не употреблявшегося[482]. Однако в двух случаях автор надписи указывает более определенно, кто именно противостоял катабанцам. В стк. 1 они названы *’s²‘<b>[/Ḥḍrmwt/w-Ṣ]df[n]/w-Gdm[m]/w-S[1]yb[n]/w-’s²‘b-s[1]m* — «общины [Ḥадрамаута и ṣа]дафāна и гадāма и сайбāна и их общины». Речь идет о трех полукочевых автохтонных племенах (точнее, племенных объединениях), первое из которых известно по позднесабейским надписям, а также под именем аṣ-ṣадаф из арабо-мусульманских источников.

[481] На полградуса севернее Мекки! Отметим, что реальная широта Райбӯна составляет приблизительно 15° 35′ с. ш. Широту в античности умели определять сравнительно неплохо, так что обычное расхождение между соответствующей координатой у Птолемея и на современных картах для хадрамаутских поселений составляет около полутора градусов: ср. 12° 30′ и 14° 02′ 53″ для порта Қани’, 13° 00′ и 14° 16′ 41″ для крепости Майфа‘а, 17° 40′ и 15° 58′ для городища Марйама, расположенного в 5 км к востоку от Сай’ӯна (Бухарин 2009. С. 154, 186).

[482] О социальных факторах, обусловивших такое словоупотребление, см. выше примеч. 182, 183 и конец раздела 5 данной главы.

Второе встречается впервые, однако его можно без труда идентифицировать с جدام, родоначальником одной из ветвей родословия садафитов[483]. Очевидно, в дальнейшем ṣадафāн и гадāм слились в одну этноплеменную общность.

Ил. 19. Rb XIV/87 n° 48 = СОЙКЭ 1170 (фотография, сделанная автором в лапидарии Сай'унского музея 10 ноября 2008 г.)

Самое раннее упоминание о сайбāне встречается в уже неоднократно упоминавшейся надписи сабейского мукарриба Кариб'ила Ватара RES 3945/9, где также перечислены находившиеся под контролем этого племени города *'ṯḥ*, *M[y]f'* и *Rṯḥ*^{m}, причем Майфа' приблизительно локализован в нижнем течении вади Ḥаджр, к северу от Би'р 'Алī (см. карту 6)[484]. Однако по иным источникам, как эпиграфическим, так и средневековым нарративным, известны другие районы обитания сайбанитов, в том числе те, что располагались гораздо ближе к Внутреннему Хадрамауту[485]; да и в наши дни они продолжают кочевать на хадрамаутском джоле. Особо следует остановиться на проблеме возможного упоминания сайбāна, причем в подчеркнуто хадрамаутской форме *S^{1}yb^{hn}* (с определенным артиклем *-hn*) вместо привычного *S^{1}yb^{n}*, в небольшом фрагменте из храма Майфа'āн Rb XIV/87 n° 48 = СОЙКЭ 1170 (ил. 19). Эта идентификация, которую А. Г. Лундин предложил в рукописной ономастической картотеке, составленной по надписям храма Майфа'āн, вызывает серьезные сомнения из-за полного отсутствия в райбунской эпиграфике названий племен и почти полного — имен родов. Не спасает положения даже близость палеографических датировок RES 3945 и СОЙКЭ 1170, явно относящейся к началу раннего периода. Куда более вероятной представляется интерпретация *s^{1}yb^{hn}* в этом фрагменте как имени нарицательного (по аналогии с сабейским *s^{1}yb* «дар, передаваемый из одного храма в другой»[486]). Кроме того, *<b>ny* в этом фрагменте толкуется как «сыновья», хотя для языка райбунских надписей форма *status constructus* дв. и мн. ч. *bnw* является более типичной.

Текст	**Перевод**
1. *[.../w-.../]<b>ny/Gn=*	[… и …], сыновья Ган-
2. *[.../hqnyw/S^{1}yn/]<s^{1}>yb^{hn}/*	[… посвятили Сийāну] (это) подношение
3. ……	……

[483] См. выше примеч. 206.

[484] Согласно датированной 360 г. Большой 'Абаданской надписи ('Abadān 1/38), «горы Ḥагра» (*''rr/Ḥgr*) находились в непосредственной близости от «земли сайбāна» (*'rḍ/S^{1}yb^{n}*). Очевидно, топоним Ḥагр в древности обозначал весь обширный район, прилегающий к вади Ḥаджр (см. ниже примеч. 97 к главе III).

[485] См. подробнее: Французов 2004б. С. 62–64, 168, 172–173.

[486] Французов 2009а. С. 26, примеч. 82; Французов 2012. С. 26, примеч. 82. Ср.: Beeston et al. 1982. P. 130 (*S^{1}YB* II).

В ‘Арбаш–Сай’ӯн 1/3–4 сайбаниты не названы в числе тех общин и этноплеменных групп, которых победители заставили явиться на церемонию заключения мира между Катабаном и Хадрамаутом, что вполне объяснимо, если учесть, что они никогда не обитали непосредственно на территории долин Внутреннего Хадрамаута, где разворачивались боевые действия, а искать кочевников на джоле — дело практически безнадежное. В то же время перечень хадрамаутских общин и племен несколько расширился: в него были включены «все те, кто остался из общин Хадрамаута и ṣадафāна и гадāма и йухаб’ира и з̲ӯ хагара и всех общин Хадрамаута» (*kl/ḏm|s¹’r/bn/’s²‘b/Ḥḍrmwt/w-Ṣdfⁿ/w-Gdmᵐ/w-Yhb’r/w-ḏ̲-Hgrᵐ/w-kl/’s²‘b/Ḥḍrmwt/*). Два новых имени собственных, *Yhb’r* и *ḏ̲-Hgrᵐ*, можно предположительно связать с земледельческими общинами Внутреннего Хадрамаута. В случае с *Yhb’r* об этом свидетельствуют перипетии их дальнейшей истории: от полноправных членов этой общины, «свободных йухаб’иритов» (*’ḥrr/Yhb’r*), вела свое происхождение последняя династия хадрамаутских царей[487]. Трудно допустить, что выходцы из племени полукочевников добились столь высокого статуса. На принадлежность *ḏ̲-Hgrᵐ* к оседлому населению косвенно указывает само это имя, которое можно истолковать как «относящиеся к городам, горожане»[488]. К сожалению, нет никаких данных даже для предположительной локализации общин йухаб’ир и з̲ӯ хагар.

По всей видимости, к общине з̲ӯ хагар относился хадрамаутец, оставивший граффити в Египте, в вади Ḫаммāмāт, на скале Ḳаср ал-Банāт, находящейся приблизительно в 50 км от города Ḳифт (Коптос), у дороги, которая ведет туда из красноморского порта Ḳуṣайр. Впервые его обнаружил и опубликовал выдающийся русский египтолог В. С. Голенищев (1888. С. 68, табл. I, № 2), но в науку оно вошло под сиглами Weigall 2 = Ry 361: *Dḫyᵐ/bn/Qs³m’l/Hgryʰⁿ/*[489]. На хадрамаутское происхождение автора граффити однозначно указывает показатель определенного состояния *-hn* на конце нисбы, которую Жерар Колен предложил связать с поселением ал-Хаджарайн в вади Дау‘ан (Colin 1988. P. 36). Его поддержал А. Г. Лундин (1994. С. 304), усмотревший в появлении хагарайнца в Египте свидетельство существования у его города обширных торговых связей, которые способствовали появлению там христианской общины (Там же. С. 305)[490]. Но эта заманчивая гипотеза не выдерживает критики, поскольку с чисто грамматической точки зрения *Hgryʰⁿ* является именем относительным от формы ед. ч. (а не дв. ч.!) *Hgr*, тогда как нисба от ал-Хаджарайн / ал-Хаджарāн, встречающаяся в арабо-мусульманской традиции, имеет форму ал-Хаджарāнī (Abū Maḫrama /Löfgren/. S. $158_{14–15}$), а не

[487] См. об этом в разделе 4 главы III.

[488] У *hgr* две формы мн. ч.: *’hgr* и омографичная с ед. ч. *hgr* (Beeston et al. 1982. P. 56).

[489] Первое имя, в начале которого ḫ поставлен на ḫ̱, можно также прочесть как *Ḥḍyᵐ* (Colin 1988. P. 35; Лундин 1994. С. 304). Ни *Dḫyᵐ*, ни *Ḥḍyᵐ* прежде в южноаравийской эпиграфике не встречались, тогда как антропоним *Qs³m’l*, служащий патронимией автору граффити, засвидетельствован в сабейском и хадрамаутском, в том числе в райбунских текстах (Французов 2009а. С. 207, № 322; Французов 2012. С. 212, № 323).

[490] См. о ней в разделе 6 главы III.

ал-Хаджарӣ[491]. Зато для того, чтобы вывести *Hgry*^{hn} из названия общины *ḏ-Hgr*^{m}, нет никаких препятствий, в том числе хронологических. Несмотря на некоторую иррегулярность шрифта[492], граффити Weigall 2 = Ry 361 можно палеографически датировать последними веками I тысячелетия до н. э.[493] Тогда получается, что представитель общины з̱ӯ хагар, обитавшей во Внутреннем Хадрамауте, посетил Египет примерно в тот же период, что и маинец Зайд'ил, сын Зайда, который в 22-й год правления Птолемея, сына Птолемея, оставил надпись RES 3427 = M 338 на деревянном саркофаге, происходящем, вероятно, из Файйумского оазиса[494].

Даже если судить по имеющимся в нашем распоряжении эпиграфическим данным, отличающимся крайней неполнотой, катабано-хадрамаутские войны продолжались на протяжении десятилетий, во время правления по меньшей мере трех катабанских монархов. Каковы бы ни были поводы к каждой из них, основная причина, неоднократно приводившая Катабан и Хадрамаут в середине II — конце I в. до н. э. в состояние вооруженного конфликта, была связана с начавшейся в этот период постепенной переориентацией южноаравийских государств и их подданных с сухопутной на преимущественно морскую торговлю, в интересах которой стали использоваться как внутрийеменские, так и трансаравийские торговые пути. Единственными государствами древнего Йемена, под контролем которых находились значительные по протяженности участки береговой полосы на побережье Индийского океана, были Катабанское и Хадрамаутское царства, и в этих новых условиях соперничество между ними не могло не обостриться.

Опустошительное вторжение катабанской армии во Внутренний Хадрамаут во второй половине I в. до н. э. окончательно уничтожило Райбӯн и многие другие поселения этой области, столетиями не знавшие войн, и способствовало серьезной трансформации сложившейся там модели общественного устройства, которая отличалась рядом архаических черт, таких как значительная роль жречества местных храмов в жизни территориальных земледельческих общин, зависимость которых от центральной власти проявлялась чрезвычайно слабо. С известной долей условности гибель Райбӯна и сопутствовавшие этому события можно считать символическим концом эпохи ранней древности в хадрамаутской истории.

---

[491] См. об этом: Французов 2009в. С. 179.

[492] Так, *n* и *алиф* представлены в нем в зеркальном отражении: ꞁ и ꞁ̈.

[493] Попытка А. Г. Лундина отнести его к III в. н. э. на том основании, что первые два знака в нем якобы образуют монограмму (Лундин 1994. С. 303), не выдерживает критики: во-первых, подобные сочетания знаков встречаются, хотя и очень редко, в райбунских надписях III–I вв. до н. э. (Французов 2009а. С. 70, ил. 42, 43; Французов 2012. С. 69, ил. 71, 72); во-вторых, заостренное *r* в граффити не имеет ни малейших признаков змеевидности, присущих этому знаку с рубежа нашей эры.

[494] Об этой надписи на саркофаге и, в частности, о проблемах ее точной датировки см., например: Robin 1991b. P. 62; Бауэр 1994. С. 181–184.

Глава III

ХАДРАМАУТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.: НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА ФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРИИ В ДРЕВНЕМ ЙЕМЕНЕ

1. ХАДРАМАУТСКОЕ ЦАРСТВО В I В. Н. Э. ḲАНИ' И ШАБВА НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ТОРГОВЫХ ПУТЯХ. ВСТУПЛЕНИЕ ХАДРАМАУТА В БОРЬБУ ЗА ГЕГЕМОНИЮ НАД ЮЖНОЙ АРАВИЕЙ

Поздняя, или имперская, древность независимо от того, рассматривается ли она как вторая стадия в развитии древней общинно-гражданской формации либо как четвертая фаза в ряду последовательно сменявшихся друг друга восьми фаз всемирно-исторического процесса, явилась ответом на кризисные явления, поразившие общества ранней древности и обусловленные в конечном счете замедлением и остановкой роста прибавочного продукта. Выход был найден в создании империй — крупных государств принципиально нового типа, надежно объединивших в рамках однородного социально-политического организма регионы с различными типами хозяйства: с одной стороны, земледельческие, производившие предметы потребления, с другой, скотоводческие и горнорудные, в которых создавались средства производства (Дьяконов и др. 1989. С. 9–15; Дьяконов и др. 1997. С. 216–221; Дьяконов 1994. С. 44–47). Правда, в Южной Аравии переход от ранней к поздней древности имел свою специфику, связанную с той ключевой ролью, которую она играла в международном торговом обмене. При разработке стандартной модели древней формации (фазы имперской древности) допускалась возможность обеспечения роста прибавочного продукта с помощью неэквивалентной торговли, прежде всего международной, так как, хотя в процессе торговли прибавочный продукт не создается, через нее он перераспределяется. Как правило, государство стремилось взять международную торговлю под свой контроль двумя путями: пытаясь вести ее через государственный аппарат, что было крайне неэффективно, либо предоставив ее частным лицам или большесемейным объединениям и ограничив свое вме-

шательство сбором пошлин, что оборачивалось их постоянным увеличением, которое приводило к параличу торговли (Дьяконов и др. 1989. С. 12–13; Дьяконов и др. 1997. С. 218–219; Дьяконов 1994. С. 45–46). Однако в древнем Йемене взаимовыгодный баланс интересов представителей власти и тех, кто был непосредственно вовлечен в международные торговые связи, удалось обеспечить еще на стадии формирования местной государственности, поскольку без поддержания таких связей само существование цивилизации в этой стране было бы невозможным. Соответственно наступление периода поздней, или имперской, древности на юге Аравийского полуострова сопровождалось борьбой в первую очередь не за рудники Йеменского нагорья[1] и не за покорение кочевых и полукочевых скотоводов, а за контроль над портовыми городами и над замыкавшимися на них караванными путями. В этой ситуации имевшие выход к морю южноаравийские государства оказались полноправными участниками международной морской торговли в бассейне Индийского океана, которая стала активно развиваться в последние века I тысячелетия до н. э., и смогли извлекать дополнительную прибыль по сравнению с той, которую давала сухопутная трансаравийская торговля, породившая древнейеменскую цивилизацию в начале I тысячелетия до н. э.

Уникальные сведения о политической ситуации в Южной Аравии и ее внешнеэкономических контактах в 40–50-х гг. I в. н. э. содержатся в «Перипле Эритрейского моря»[2]. Там сообщается о трех южноаравийских правителях (Periplus Maris Erythraei, § 22, 23, 27): тиранне (τύραννος) Холайбе (Χόλαιβος) из города Савэ (Σαυὴ) в стране Мафаритис (Μαφαρ<ί>τιδος), Харибаиле (Χαριβαήλ), законном царе двух народов — омиритов и сабаитов (ἔνθεσμος βασιλεὺς ἐθνῶν δύο, τοῦ τε ‘Ομηρίτου καὶ τοῦ… Σαβαίτου), пребывающем в своей столице Сафаре (<Σ>αφὰρ μητρόπολις), и Элеазе, чье царство названо Ладаноносной страной (βασιλείας ‘Ελεάζου, χώρας Λιβανωτοφόρου), а столица, в которой проживает царь, — Саубатой (Σαυβαθά). Первого из них удалось идентифицировать с Кулайбом Йуха’мином, автором надписи Shar‘abi–as-Sawā 1, обнаруженной на городище ас-Савā (стк. 3: *hgr*^{n}*/S*^{3}*w*^{m}) на юго-западной оконечности Йеменского нагорья; его титул не упомянут, но, по всей видимости, он был *ḳайлем*, а его родовое имя *d̲-M‘fr*^{m} (стк. 1) явно происходит от этнонима, давшего название этой области, в арабо-мусульманских источниках известной как ал-Ма‘āфир (Robin 1994c). Хотя в Shar‘abi–as-Sawā 1 не упоминается имени царя, которого Кулайб Йуха’мин признавал бы своим господином, в тексте «Перипла» прямо указано, что тиранн области Ма‘āфир подчинялся «царству, ставшему первым в Аравии» (§ 16), т. е. объединенному Сабейско-Химйаритскому государству. С его царем Кариб’илом Ватаром Йухан‘имом I, сыном Замар‘алī Баййина, удалось уверенно отождествить Харибаила (Robin 1994a.

[1] В южноаравийской эпиграфике почти полностью отсутствуют какие-либо указания на добычу металлов и других минеральных ресурсов, хотя в арабо-мусульманских источниках содержатся сведения о копях цветных и черных металлов, разработка которых велась еще до ислама, прежде всего о знаменитом серебряном руднике ар-Радрāд (Robin 1996a. Col. 1201; Пиотровский 1985. С. 182–184).

[2] Об этом памятнике и его датировке см. главу I, раздел 6.

P. 107). О раннем этапе истории Химйара, отделившегося в самом конце I тысячелетия до н. э. от Катабанского царства, нет почти никаких сведений[3]; условной датой образования Химйаритского царства принято считать начало эры Мабḫ̄ӯда, сына Абḫ̄ӯда, в научной литературе чаще всего называемой химйаритской эрой, — 110 г. до н. э. (Robin 1998b. P. 126). В начале I в. н. э. Саба и Химйар оказались в составе единого государства, но как и по чьей инициативе это слияние произошло, остается предметом дискуссии. Согласно крупнейшему йеменскому сабеисту Муḥаммаду ʻАбд ал-Ḳādиру Бā Фаḳīху, молодое Химйаритское государство со столицей в Ẓафāре (= <Σ>αφὰρ) попало под власть так называемой «традиционной сабейской династии», представители которой сознательно выбирали себе имена мукаррибов древней Сабы, претендуя на возрождение былого величия державы (Bāfaqīh 1990. P. 84–85, 327–334). По мнению А. В. Коротаева, поддержанному Кр. Ж. Робеном, это, напротив, была химйаритская династия, покорившая Сабейское царство и подражавшая его правителям, в том числе и в антропонимике (Korotayev 1994a; Robin 1996a. Col. 1133–1134). Поскольку твердо установлено, что Σαυβαθά — греческая транслитерация топонима *S²bwt*, под Ладаноносной страной подразумевался Хадрамаут. Наиболее вероятным, хотя и не бесспорным, следует признать отождествление Элеаза с хадрамаутским царем Илīʻаззом Йалуṯом, сыном Йадаʻʼила, который известен благодаря строительной надписи Hamilton 8, сообщающей о возведении храма катабанской богини Зāт Ẓахрāн в Шабве[4], и, по всей видимости, упоминается также в Khor Rori 1/1–2 и 2/2–3 (Robin 1994a. P. 107)[5]. Отсутствие в «Перипле» каких-либо сведений о Катабане указывает на то, что в длительном противоборстве с Хадрамаутом он потерпел поражение, чему, очевидно, способствовало отделение от этого государства сначала Химйара, а затем Аусана[6].

Судя по «Периплу» (§ 27, 28), основным портом Ладаноносной страны, т. е. Хадрамаута, являлась Кани (Κανή). В форме *Qn'* (Ḳани')[7] этот топоним засвидетельствован в нескольких южноаравийских надписях, правда, относящихся к более позднему времени — к началу III в. н. э. (Ry 533/4, 8; Ir 13, § 13 = l. 36–37; Ja 632/3)[8] и к первой половине VI в. н. э. (CIH 728/2). В BR–Yanbuq 47, датированной 625 г. химйаритской эры (= 515 г. н. э.), упомянута община *qn'* (стк. 6)[9], в состав которой, очевидно, входила основная часть населения этого города. Благодаря многолетним раскопкам, которые проводили СОЙКЭ и РКЭЙР на городище Би'р ʻАлī, локализация древнего порта Ḳани' в этом месте была подтверждена, а время его основания удалось с уверенностью да-

[3] Одно из первых упоминаний Химйара в эпиграфике обнаружено в надписи на оборонительной стене в вади Либнā RES 2687/3, речь о которой пойдет в следующем разделе данной главы.

[4] См. об этом подробнее в разделе 8 главы II.

[5] По мнению Ж. Пиренн, об этом же монархе идет речь в сильно поврежденном фрагменте RES 4963/3, доставленном Г. С.-Дж. Б. Филби в Британский музей (Pirenne 1990. P. 69–70).

[6] См. выше примеч. 73 к главе II.

[7] Об этой вокализации этого см. выше примеч. 4.

[8] См. о них подробнее в разделе 3 данной главы.

[9] Разумеется, в этой позднесабейской надписи она обозначена вместе с несколькими другими общинами термином *s²ʻb*.

тировать в достаточно узком интервале между второй половиной I в. до н. э. и началом I в. н. э. (Sedov 1992. P. 120; Sedov 1996d. P. 16; Седов 2005. С. 328). Тем самым была окончательно отвергнута неоднократно предлагавшаяся идентификация этого порта с топонимом כַּנֵּה, встречающимся в плаче о Тире у Иезекииля (XXVII: 23) и соответственно относящимся к первой четверти VI в. до н. э.[10] Представляется практически бесспорным, что израильский пророк имел в виду Кану Галилейскую (Sedov 1996d. P. 23; Седов 2005. С. 347). Отметим, что даже если оставить в стороне веские археологические доказательства, чисто с филологической точки зрения крайне сложно объяснить нерегулярный переход *q* → *k*. Контекст этого библейского стиха противоречив: наряду с Каной в нем упомянуты, с одной стороны, северомесопотамский город Ḥаррāн (חָרָן), т. е. античные Карры, и Ассирия (אַשּׁוּר), с другой стороны, Аден (עֶדֶן) и сабейские купцы (רֹכְלֵי שְׁבָא).

В «Перипле» дан подробный перечень товаров, ввозившихся и вывозившихся через порт Ḳани’. Импорт шел туда из Египта, среди его статей перечислены: немного пшеницы; вино; одежда для аравитян[11] — с обычным рисунком, без рисунка и броская — в огромном количестве; роскошные одежды без рисунка; коралл; стиракс (редкая ароматическая смола); цветные металлы (медь и олово); множество чеканного серебра и золотых (?) монет для царя; статуи; лошади (Periplus Maris Erythraei, § 28). Как отметил А. В. Седов (2005. С. 351), археологические материалы, обнаруженные во время раскопок в слоях «нижнего» периода на городище Би’р ‘Алī, которые датируются второй половиной I в. до н. э. — серединой или, скорее, концом I в. н. э., во многом совпадают с данными «Перипла». Речь идет в первую очередь о фрагментах амфор типа Dressel 2–4 (косских или псевдокосских), в которых транспортировали италийское и лаодикейское вина[12], а также, по всей видимости, пшеницу (Sedov 1992. P. 116, 118; Sedov 1996d. P. 24–25; Седов 2005. С. 322–323, 351–352). Разумеется, рассчитывать на находки не только предметов одежды, но даже обрывков

[10] См., например: al-Scheiba 1982. S. 121; Грязневич 1995б. С. 273.

[11] М. Д. Бухарин перевел ἱματισμὸς Ἀραβικός как «аравийскую одежду» (Бухарин 2007. С. 54), что в нормальном русском словоупотреблении должно означать одежду, произведенную в Аравии и/или привезенную оттуда. Но ведь она доставлялась из Египта в аравийский порт Ḳани’! Правда, за несколько параграфов до этого, комментируя оборот ἱμάτια Βαρβαρικὰ ἄγναφα τὰ ἐν Αἰγύπτῳ γινόμενα — «грубые варварские гиматии, производимые в Египте» (§ 6), он признал лучшим из его толкований перевод У. Шоффа: «Undressed cloth made in Egypt for the Berbers» (Бухарин 2007. С. 75), — где под «the Berbers» имелись в виду, конечно же, не современные берберы, а обитатели Барбарики (или Варварской страны, как у М. Д. Бухарина), т. е. нынешнего Сомали. Таким образом, определения в греческом койнэ, на котором был составлен «Перипл», могли указывать не только на происхождение предмета, но и на то, для кого он был предназначен.

[12] На одном из таких сосудов, почти полностью восстановленном из обломков, найденных на полу складского помещения 1а на объекте VI, в верхней части его цилиндрического горла была обнаружена курсивная пальмирская надпись, процарапанная по сырой глине, до обжига сосуда. И. Ш. Шифман прочел ее как *ḫnk yyn* — «посвящение вина» (Sedov 1992. P. 118). Позднее французская сириолог Франсуаза Брикель-Шатонне предложила для нее иное чтение: *mn ’ky’* «из *’ky’*» (Седов 2005. С. 323), не идентифицировав при этом данное имя собственное.

О других эпиграфических свидетельствах, указывающих на связи пальмирцев с древним Хадрамаутом и зависимыми от него территориями, см. ниже в разделе 3 данной главы.

тканей в условиях чрезвычайно жаркого и влажного климата, характерного для хадрамаутского побережья, не приходится.

Что касается меди и олова, то, по предположению А. В. Седова, эти металлы ввозились для чеканки бронзовых монет (Седов 2005. С. 386). Действительно, так называемые монеты с местной иконографией, выпускавшиеся в Хадрамауте в конце I тысячелетия до н. э. — первых веках нашей эры и в значительном количестве найденные в Би'р ʻАлī, были исключительно бронзовыми (Там же. С. 390–402)[13]. Так что нет оснований полагать, что «множество чеканного серебра» (τὰ πλείονα δὲ ἀργυρώματα τετορευμένα), ввозившееся через порт Ḳани', использовалось для изготовления монет. Очень странным выглядит упоминание сразу же вслед за серебром золотых монет, поскольку такого рода монеты на территории Южной Аравии не чеканились и вплоть до середины IV в. н. э. в обращении не находились[14]. При ближайшем рассмотрении выясняется, что в этом месте «Перипла» говорится просто о монетах (καὶ χρήματα); предположение же о том, что они были золотыми, М. Д. Бухарин выдвинул, руководствуясь сомнительной аналогией с § 24, где упоминаются χρυσώματα καὶ τορ[ν]ευτὰ ἀργυρώματα — «изделия из золота и чеканного серебра» (Бухарин 2007. С. 121, примеч. 135). На наш взгляд, контекст § 28 позволяет заключить, что речь в нем шла о серебряных монетах[15]. Косвенным свидетельством в пользу такого толкования может служить некоторое количество обнаруженных в Хадрамауте сабейских и химйаритских монет из серебра, которые датируются концом I в. — серединой III в. н. э. (Седов 2005. С. 403–407).

Импорт статуй подтверждается в находками на древнейеменских городищах бронзовых скульптурных изображений, выполненных в эллинистической художественной традиции, резко отличающейся от той, которой на протяжении веков следовали местные мастера. Большинство произведений данной категории происходят из Катабана (Тамна', Джабал ал-ʻАуд) или Химйара (ан-Наẋла ал-Ḥамрā' в 60 км к югу от Саны)[16]. Хадрамаут беден подобными предметами искусства; впрочем при раскопках царского замка Шаḳир в Шабве был обнаружен бронзовый фрагмент правой руки с ладонью и запястьем длиной 34,5 см, явно принадлежавший статуе высотой в человеческий рост[17]. Надписи, сохранившиеся на фрагментах двух бронзовых статуй химйаритских царей второй половины II в. н. э. Ẓамар'алī Йухабирра и его сына Ṣа'рāна Йа'ӯба Йухан'има

[13] Правда, в единственном случае, когда был произведен лабораторный анализ монеты Йашхур'ила (см. о нем в разделе 2 данной главы), которая считалась бронзовой, выяснилось, что на самом деле она была отлита из биллона, или низкопробного серебра (Sedov 1995a. P. 62; Седов 2005. С. 390). Конечно, доля серебра в таком сплаве была весьма незначительной. Кроме того, остается неясным, является ли эта монета, происходящая из восточноаравийского оазиса Млейẋа (ОАЭ), типичной или речь идет об исключении.

[14] Золотые аксумские монеты, найденные в Йемене в составе кладов (см., например: Hahn 2003. P. 768), относятся к середине IV–VI в. н. э. (Седов 2005. С. 408).

[15] В этой связи была высказана поддержанная А. В. Седовым гипотеза о том, что таким образом в древний Йемен поставлялось серебро (Седов 2005. С. 386).

[16] См., например, каталоги йеменских выставок: Yémen (Paris). P. 202–204; Jemen (Wien). S. 385–391; ILKS. S. 292–293, 310–314.

[17] Его фотография опубликована в Yémen (Paris). P. 203.

и сообщающие о том, что их сделал Фока, а собрал Лаḫай‘амм (Yémen /Paris/. P. 203; Jemen /Wien/. S. 385–387; ILKS. S. 314), свидетельствуют о том, что по крайней мере крупные бронзовые скульптуры ввозили в Южную Аравию по частям и монтировали на месте.

Лошадь в Южной Аравии появилась поздно: самые ранние источники, где она упоминается в связи с этим регионом, относятся к I в. н. э. Обладание этим животным указывало на высокий социальный статус и было доступно лишь царям и представителям знати. В битвах верхом на конях сражались командиры среднего и высшего звена; некоторые из них в своих посвятительных надписях благодарили богов за то, что те спасли их вместе с лошадьми, клички которых приводились вместе с именами людей[18]. С данными «Перипла» хорошо соотносится первое из дошедших до нас указаний на использование лошадей (*’frs*[1]*-hmw*) в войске царя Хадрамаута (*mṣr/mlk/Ḥḍrmwt*), связанное с неудачно закончившимся походом в ал-Джауф в конце I в. н. э. (Ja 643bis/2)[19]. Интересно, что в ходе этой военной кампании противостоявшее хадрамаутцам войско Сабейско-Химйаритского государства также использовало лошадей (Ja 643/24).

Дважды в «Перипле» (§ 28) указывается, что через порт Қани’ ввозились те же товары, что и через Музу (Μούζα)[20]. Тем самым Қани’ признавалась основным перевалочным пунктом на берегу Аравийского моря, тогда как Муза играла аналогичную роль на красноморском побережье.

Основные предметы экспорта, которые, согласно «Периплу» (§ 28), шли через главный хадрамаутский порт, — ладан и алоэ. При раскопках на городище Би’р ‘Алī наиболее древние сооружения, названные «Ранней постройкой» (объект VI) и представлявшие собой пять смежных помещений (1a–5a) с массивными каменными и деревянными колоннами, каждое площадью 90 м^2 и более, были обнаружены у подножия скалы Ҳуҫн ал-Ғурāб. Они были однозначно интерпретированы как погибший в результате пожара в конце I в. н. э. комплекс складских помещений, предназначенных для хранения ладана, сгоревшие куски которого были в изобилии найдены в припольном слое помещений 1a и 5a. В северо-восточном и северо-западном углах помещения 1a удалось обнаружить остатки плетеных пальмовых корзин — той тары, в которой хранились и, вероятно, перевозились благовония[21]. Очевидно, ладан поступал в порт Қани’ из Шабвы, поскольку из текста «Перипла» явствует, что весь рождающийся в Хадрамауте ладан свозится в столицу страны, как в хранилище (§ 27).

---

[18] См. об этом подробнее: Robin 1996b.

[19] Подробнее о боевых действиях в ал-Джауфе, которые вел хадрамаутский царь Йада‘’ил, см. в конце данного раздела.

[20] Согласно Кр. Ж. Робену, этот порт идентичен южноаравийскому Маҳавāну (*Mḫwn*), позднее в арабо-мусульманской традиции известному как ал-Маҳā / ал-Муҳā, а греческий топоним Μούζα, который он возвел к названию находящегося в 25 км к востоку от ал-Маҳā селения Мауза‘, мог в древности относиться ко всему району (Robin 1995. P. 225; ср. Robin, Brunner 1997, C10). Эту гипотезу поддержал и А. Ф. Л. Бистон (Beeston 1995. P. 244). Ср.: Бухарин 2007. С. 82–83, примеч. 46, где точка зрения А. Ф. Л. Бистона представлена искаженно.

[21] Подробнее об этом см.: Sedov 1992. P. 116, 117, fig. 4; Sedov 1996d. P. 12; Седов 2005. С. 318, 319 (рис. 184), 320.

Эта информация подтверждается в «Естественной истории» Плиния Старшего (Plini Nat. Hist. XII, 63), где сообщается, что весь собранный урожай ладана на верблюдах свозили в Шабву, причем он доставлялся туда через одни городские ворота (tus collectaum Sabotam camelis convehitur, porta ad id una patente), а отклонение от установленной для транспортировки благовоний дороги рассматривалось как преступление, караемое смертной казнью (degredi via capital reges fecere). В столице жрецы забирали в пользу бога Сийа̄на (Sabin)[22] десятую часть ладана (по объему, а не по весу), которую использовали для оплаты общественных расходов, связанных с приемом гостей (hospites) в определенные дни. Очевидно, речь шла о паломниках, прибывавших в Шабву из разных мест Хадрамаута на ежегодные праздники в честь «национального» бога этого южноаравийского государства. Об одном из таких праздников сохранилось упоминание в сабейской надписи начала IV в. н. э. Ir B 3/12, где он обозначен как *ḥḍr/Sˡyn* (Французов 2009a. С. 106–107; Французов 2012. С. 103). Что касается храмовой десятины, то она взималась практически повсеместно в древней Южной Аравии. По мнению А. В. Коротаева, в сабейском культурно-политическом ареале на протяжении среднего периода (I–III вв. н. э.) никакого другого регулярного налогообложения не существовало вовсе (Korotayev 1994b; Korotayev 1994c; Korotayev 1996; Коротаев 1997. С. 124–125). Его доводы основываются в значительной степени на том, «что среднесабейская эпиграфика упорно не упоминает о каких-либо государственных налогах» (Коротаев 1997. С. 124). На некорректность использования аргументов *ex silentio* применительно к эпиграфическим источникам уже давно обращалось внимание. Да и трудно представить себе государство, каким бы слабым оно ни было, вообще без системы налогообложения. Например, как только мусульманская община из сравнительно небольшой группы религиозных единомышленников стала превращаться в раннее государство — Халифат, она не смогла обходиться сбором *закя̄та* (*ṣадаḳи*), составлявшего десятину (*ʿушр*) с урожая и приблизительно 2,5% с мелкого рогатого скота, и пятой частью военной добычи, поступавшей не всегда регулярно, а ввела на завоеванных территориях поземельный налог, *ẋараджж*, доходивший до одной трети или даже до 40% урожая, не говоря уж о собираемой с «людей Писания» подушной подати, *джизйи* (Большаков О. 1993. С. 139–146). Так что вывод А. В. Коротаева об отсутствии регулярного налогообложения в Сабе среднего периода, помимо храмового, представляется спорным и уж во всяком случае неприменимым к другим государствам и периодам в истории древней Южной Аравии. Лишь в одном с ним следует согласиться — храмовая десятина, судя по всему, действительно шла на обслуживание культа, а не на государственные нужды.

Согласно Плинию Старшему, в Шабве было 60 храмов (Plini Nat. Hist. VI, 155). Это число кажется чересчур круглым, подобно сорока сорокам церквей в дореволюционной Москве. Археологически в Шабве выявлены всего два или три храма *intra muros*: Алӣм, главный храм Сийа̄на (здание 40), храм катабан-

[22] См. примеч.101, 102 к главе I и примеч. 309–311 к главе II.

ской богини Зāт Ẓахрāн (здания 72–74)[23] и, возможно, здание 44, идентификация которого как святилища крайне шатка и основана исключительно на аргументе *a contrario* (не жилище, следовательно, культовое сооружение), — и один храм *extra muros*, расположенный примерно в 200 м к северо-западу от городских ворот (Седов 2005. С. 205–212; Sedov 2005. P. 75–82). Правда, нужно иметь в виду, что большая часть городища остается нераскопанной. Не удалось полностью вскрыть и храм Алīм, находившийся в конце центральной улицы Шабвы, которая начиналась у северо-восточных городских ворот и делила город на две почти равные части. Французские археологи раскопали монументальную каменную лестницу, завершавшуюся четырехколонным пропилоном, перед базами колонн которого находились постаменты для антропоморфных статуй. К северо-западу от пропилона, на том же уровне, находился монолитный постамент для колоссальной антропоморфной статуи, а слева от него — четыре невысоких постамента для зооморфных статуй (быков или коней?). Позади колонн пропилона была обнаружена узкая терраса, ограниченная высокой каменной стеной, которую можно было идентифицировать как одну из сторон цоколя храмового здания, если бы расстояние между этой стеной и юго-западным участком оборонительной городской стены было достаточным для сколько-нибудь крупной постройки. Согласно другому предположению, основная часть храма располагалась северо-восточнее террасы и пропилона, там, где стоят дома современного селения Шабва (Седов 2005. С. 205–209; Sedov 2005. P.75–78)[24]. Такого рода культовое сооружение не имеет аналогов в храмовой архитектуре древней Южной Аравии, и потому отождествление данного объекта с храмом Алīм остается до некоторой степени гипотетическим. Кроме того, ни одной надписи, посвященной Сийāну ẓȳ Алīму здесь не было найдено. Согласно Ж.-Фр. Бретону, раскопанный им объект функционировал приблизительно в I–III вв. н. э. (Breton 1998. S. 228). Между тем упоминание Сийāна ẓȳ Алīма в райбунских надписях позднего периода[25] ясно указывает на то, что храм с таким названием существовал в последние века I тысячелетия до н. э., но на этом месте или на другом, не установлено. Немногочисленные вотивные тексты, происхождение которых удалось связать с храмом Алīм, представлены тремя целыми и двумя фрагментарными бронзовыми табличками[26]. В них выявлено несколько формул, аналогичных или идентичных тем, что встречаются в надписях на стелах из райбунских храмов, в которых почитался Сийāн[27]. Наличие подобных параллелей в формуляре посвящений хадрамаутскому «национальному» богу свидетельствует о единстве религиозной культуры Хадрамаута в столице и на периферии.

[23] См. о нем в разделе 8 главы II (примеч. 373 к главе II).

[24] Детальное описание объекта, идентифицированного французскими археологами как храм Алīм, см.: Breton, Darles 1998.

[25] См. об этом в разделе 8 главы II.

[26] См. главу I, раздел 5 (примеч. 80, 81).

[27] См. подробнее: Frantsouzoff 2001c. P. 60–61; Французов 2009a. С. 96–97; Французов 2012. С. 94–95.

Первостепенное значение имеет замечание Плиния Старшего о том, что ладан из Шабвы не мог вывозиться никем, кроме геббанитов, царю которых выплачивалась пошлина (Plini Nat. Hist. XII, 63: evehi non potest nisi per Gebbanitas, itaque et horum regi penditur vectigal). Общепринятое отождествление геббанитов с катабанцами было отвергнуто А. Ф. Л. Бистоном, который убедительно доказал, что под этим этнонимом скрывается могущественный маинский род *'hl/Gb'n* (Beeston 1972b; Beeston 1979b. P. 8)[28]. Действительно, в надписях из столицы Маина Қарнау *Gb'n* упоминается гораздо чаще, чем любой другой род (Bron 1998. P. 24–26). Его представителями составлена 31 из 84 (37%) надписей, входящих в так называемые «Списки иеродул». Они привезли более половины (17 из 32, т. е. 53%) жен, взятых маинцами из Газы (Ma'īn 93 A, 5, 6, 9, 18–21; B, 27; C, 38, 40–42, 45; D, 53, 55, 60 = Gl 1291, 1292, 1239, 1248–1251, 1269, 1295, 1297–1299, 1279, 1254, 1256, 1261)[29]. Три жены членов *'hl/Gb'n* происходили из оазиса Дедан (Ma'īn 93 A, 11; B, 35; 98, 83 = Gl 1241, 1277, 1025), две — из Египта (Ma'īn 93 A, 4; C, 46 = Gl 1290, 1280), одна — из Йасриба (Ma'īn 93 A, 2 = Gl 1288), одна — из Аусана (Ma'īn 93 C 52 = Gl 1286), одна — из Сидона (Ma'īn 93 A, 22 = Gl 1252), одна — из Ионии (Ma'īn 93 A, 17 = Gl 1247). Кроме того, в Ma'īn 7/3–4 прямо сообщается, что 'Аммīйада' из этого рода вел торговлю в Египте, Газе и Ассирии. О взаимовыгодном сотрудничестве Хадрамаута с Маином сохранилось немало сведений, а о том, чтобы такие отношения связывали его с Катабаном, данных нет[30]. Не ясно, какую роль могли бы играть катабанцы в вывозе ладана из Шабвы: дорога оттуда к порту Қани' проходила по хадрамаутской территории (очевидно, через ал-Барīру и крепость Майфа'у), а трансаравийские сухопутные пути тем более держали под контролем не они, а маинцы. Правда, как показал Кр. Ж. Робен, в конце I в. до н. э. (между 20 и 10 гг.) Маинское царство исчезает с политической карты региона, будучи аннексировано объединенным Сабейско-Химйаритским государством (Robin 1998c. P. 180–186). Таким образом, ссылка на маинский род геббанитов у Плиния Старшего свидетельствует, что вошедшие в «Естественную историю» сведения о Южной Аравии, по крайней мере частично, восходят к середине — третьей четверти I в. до н. э. и были получены, скорее всего, от участников похода Элия Галла в эту страну, состоявшегося в 26–25 гг. до н. э.[31] Становится понятным, почему, согласно Плинию, ладан вывозился исключительно Геббанитами: Қани' тогда еще не существовала или только-только была заложена[32], и экспорт бла-

[28] Его название, вероятно, произносилось с геминацией *b*: Габба'ān, — а под их царем следует понимать правителя Маина.

Отказ А. В. Седова от предложенной А. Ф. Л. Бистоном идентификации геббанитов и его попытка вернуться к их отождествлению с катабанцами не была подкреплена достаточно серьезными аргументами (Седов 2005. С. 386–387) и, на наш взгляд, не может быть принята.

[29] В Ma'īn 93 C, 41 = Gl 1298 речь идет сразу о двух женах из Газы (см. выше примеч. 440 к главе II).

[30] См. главу II, раздел 9.

[31] В ходе этого похода непосредственно на Аравийском полуострове Элий Галл со своим войском провел от 12 до 14 месяцев (Robin 1996a. Col. 1132). Нередко встречается ошибочная датировка этого похода 24 г. до н. э. (см., например: Beeston 1979b. P. 10).

[32] Следует отметить, что Қани' Ладаноносной страны упоминается у Плиния Старшего (Plini Nat. Hist. VI, 104: aut Canen turiferae regionis), но эти сведения могут относиться к более позднему

говоний из Хадрамаута осуществлялся сухопутным путем. А. Ф. Л. Бистон сумел отыскать упоминание геббанитов также в «Географии» Страбона (XVI, 4, 4), отметив, что основанное на маргиналии одной из рукописей и принятое всеми издателями исправление ‘Gabaioi’ на ‘Gerrhaeoi’ (герреи, жители восточноаравийского города Герры) является необоснованным (Beeston 1979b. P. 8). С учетом такой эмендации получается, что, согласно Страбону, путь купцов из Эланы (средневековой Айлы, нынешнего Эйлата) до «Минеи», т. е. до той части караванного пути, которая начиналась где-то севернее Наджрāна и находилась в зоне ответственности маинцев, занимал 70 дней, а далее маинцы-геббаниты добирались до Хадрамаута за 40 дней. Расстояние в 110 дневных переходов от Эланы до Шабвы следует соотнести со свидетельством Плиния (Plini Nat. Hist. XII, 64) о том, что на пути от Тамна‘ (Thomna) до Газы было от 60 до 65 верблюжьих станций (*mansiones camelorum*)[33], где этим животным устраивали продолжительный привал, а некоторых из них при необходимости меняли. Если принять, что среднее расстояние между такими станциями равнялось двум дневным переходам, то на весь путь от катабанской столицы до Газы уходило от 120 до 130 дней (Beeston 1979b. P. 8–9). Пытаясь сегодня определить, как точно проходили эти пути, нужно иметь в виду важное замечание А. Ф. Л. Бистона о том, что они представляли собой не четко проложенные трассы, от которых нельзя было отклониться, а множество следовавших в одном направлении дорог, выбор которых зависел от конкретных обстоятельств (Beeston 1979b. P. 7).

Расположением Шабвы на пересечении трех важных путей, связывавших между собой различные области Южной Аравии, Ж.-Фр. Бретон склонен объяснять превращение этого поселения, расположенного на второстепенном (как по протяженности, так и по объему селевых потоков) вади ‘Ирмā / ‘Аṯф, в столицу Хадрамаутского государства. Один из этих маршрутов шел из вади Ḥадрамаут через Би’р Ḥамад к Шабве, затем поворачивал на юго-запад, достигая бассейнов вади Марḫа и Байḫāн. Второй следовал из Шабвы перпендикулярно первому, по вади Шуḳайḳāт и подходил к Марибу или горному массиву Джабал ал-Лауз, расположенному на северо-восточной оконечности Маинского царства. Наконец, третий маршрут через проход Фаṭӯра выходил на джоль, откуда через верховья вади ‘Амд можно было добраться до вади Ḥадрамаут, а по вади Ḥаджр либо по вади Майфа‘а — выйти на побережье (Breton 1992c. P. 420, 421 /fig.1/, 422). Нужно отметить, что хотя в самых общих чертах эти пути намечены верно, реконструкция некоторых их отрезков французским археологом вызывает вопросы. Например, он проигнорировал маршрут, ведущий из хадрамаутской столицы через вади Джирдāн, вади ‘Амаḳīн и вади Майфа‘а к берегу Аравийского моря, хотя в ал-Барӣре и были найдены обломки античных амфор[34]. Что касается северного пути, который через Западную Аравию вел в Элану или Газу, то после гибели Маинского царства в конце I в. до н. э. Хадрамаут

периоду (скажем, к началу или середине I в. н. э.). Объединение в одном произведении разновременных данных об отдаленных областях Ойкумены — характерная черта античной географии.

[33] В разных рукописях их число колеблется между 60, 62 и 65 (Beeston 1979b. P. 9).

[34] См. выше примеч. 343 к главе II .

взял его под свой контроль: конечно, часть товаров, ввозившихся в Шабву и вывозившихся из нее, теперь проходила через порт Қани', но часть по-прежнему отправлялась по суше через весь полуостров. Подтверждением этого служат короткие наскальные надписи R 1850 и R 1853, обнаруженные в январе 1952 г. экспедицией Ж. Рикманса, Г. С.-Дж. Б. Филби и Ф. Липпенса на отдельно стоящем валуне посреди равнины Шис'а, в 110–115 км к северо-северо-востоку от Наджрāна. Опубликовавший их Кр. Ж. Робен осторожно датировал их на основании палеографических особенностей I–II вв. н. э. (Robin 2001b. P. 214). В первой из них сообщается, что «Ḫāриc̲, сын Лагна, хадрамаутец, провел караван южный и северный[35] с военным отрядом[36] из Хадрамаута» (*Ḥrt̲ᵐ/bn/Lgnⁿ/Ḥḍrmyⁿ/h|dy/'rⁿ/ymnytⁿ/w-s²'mytⁿ/b-gys²ᵐ/bn/Ḥḍrm<t>*). Вторая представляет собой коммеморативную приписку к первой: «Фāлиḫ, порученец Ḫāриc̲а» (*Flḥᵐ/mqtwy|Ḥrt̲ᵐ*). В ней отмечено самое раннее в хадрамаутской эпиграфике использование термина *mqtwy* — «доверенное лицо, личный помощник (как на военной, так и на гражданской службе)», широко представленного в среднесабейских надписях[37]. Из первой надписи следует, что караван двигался в сопровождении вооруженного отряда, что было совершенно не свойственно торговым караванам маинцев, которые, по всей видимости, за столетия создали целую систему договоров о безопасности с теми племенами, через территории которых им приходилось доставлять товары. Наибольший интерес в R 1850 представляет употребление слова *'rⁿ* — «караван» — в ед. ч., что дает основание провести параллель с кораническим выражением *риḥлат аш-шитā' ва-ṣ-ṣайф* — «караван зимний и летний»[38] — из суры «Қурайш» (CVI: 2). Правда, обративший на это внимание Кр. Ж. Робен полагал, что как *'rⁿ*, так и *риḥла* обозначали не конкретный караван, а передвижение караванов[39], но и в этом случае некая преемственность между хадрамаутской наскальной надписью и кораническим текстом налицо.

Однако в первые века н. э. при всей значимости торговых связей, как морских, так и сухопутных, первостепенное значение в жизни южноаравийских государств приобретает военно-политическое соперничество, целью которого было достижение полной гегемонии под всем регионом, иначе говоря, создание империи, в состав которой входил бы весь нынешний Йемен и целый ряд прилегающих территорий (Наджранский оазис, Дофар и т. п.). Хадрамаут не мог остаться в стороне от этой борьбы, однако его шансы на успех в ней были крайне малы. На первый взгляд, такая оценка вызывает удивление: ведь по своей территории

[35] Издатель надписей Кр. Ж. Робен перевел выражение *'rⁿ/ymnytⁿ/w-s²'mytⁿ* как «караван йеменский и сирийский» (Robin 2001b. P. 211, 213), но, на наш взгляд, в этом контексте оба относительных прилагательных обозначали не конкретные страны, а стороны света, куда направлялся караван (на юг и на север).

[36] Ср. Beeston et al. 1982. P. 52: *gys²*, *gs²* (pl. *'gys²*) — «unit, detachement | unité, détachement».

[37] О значении этого термина см., например: Коротаев 1997. С. 42–43, 113.

[38] Так его истолковал Кр. Ж. Робен (Robin 2001b. P. 213). И. Ю. Крачковский перевел его иначе: «в путешествии зимой и летом…» (Коран /Крачковский/ 1986. С. 508), — но в примечании указал, что речь здесь идет о двух отправляемых ежегодно караванах (Там же. С. 654, примеч. 2 к суре 106).

[39] Robin 2001b. P. 213: «l'expression renvoie non pas à une caravane précise, mais à un mouvement de caravanes».

Хадрамаутское царство кажется вполне сопоставимым со своим наиболее сильным соперником в I в. н. э. — объединенным Сабейско-Химйаритским государством. Однако в военных конфликтах древности и средневековья основное значение играл человеческий фактор, который в том случае, если противники являются носителями сходной культуры, может быть сведен к одному показателю — численности населения. Разумеется, для южноаравийских государств начала нашей эры его можно определить лишь очень приблизительно. Однако для нас важны не столько абсолютные цифры, сколько соотношение численности населения между различными областями древнего Йемена. Между тем в наши дни Хадрамаут по количеству жителей сильно уступает северойеменским провинциям. Согласно переписи 1988 г., на территории провинции Хадрамаут проживало 626,3 тыс. человек (Родионов 1994. С. 6; Rodionov 2007. P. 2), тогда как общее население ЙАР и НДРЙ, которым предстояло объединиться в мае 1990 г., составляло в то время никак не меньше 12 млн человек. Таким образом, в Хадрамауте в конце 80-х гг. прошлого века проживало лишь 5,2% населения всего Йемена. Можно возразить, что здесь мы не учли население хадрамаутской столицы Шабвы и прилегающего к ней района, которые в древности были цветущим оазисом, а не жалким селением на краю пустыни. Но, с другой стороны, во Внутреннем Хадрамауте сейчас живет больше людей, чем способно прокормить главное вади и его притоки, поскольку туда импортируется продовольствие, а платежеспособность его населения в значительной мере обеспечивается денежными переводами от многочисленных хадрамаутцев, находящихся в эмиграции. Так что данное соотношение численности населения может быть вполне корректно экстраполировано в прошлое. В соответствии с хорошо обоснованной оценкой О. Г. Большакова в Йемене накануне ислама обитало «не менее 3,5 млн оседлых жителей, горожан и земледельцев» (Большаков О. 1989. С. 32). С учетом тех бедствий, которые эта страна испытала в VI в. (религиозные войны, окончательное разрушение Марибской плотины и пр.), следует признать, что за полтысячелетия до этого там обитало приблизительно 4,5–5 млн человек, лишь 230–260 тыс. из которых были хадрамаутцами[40]. Следовательно, Саба и Химйар, державшие под своим контролем густо населенные области Йеменского нагорья, как вместе, так и порознь в разы превосходили по численности населения Хадрамаутское царство.

Было бы странно, если после гибели Маинского царства Хадрамаут не попытался закрепиться хотя бы на части территории своего бывшего союзника и распространить свою власть на ее жителей, с которыми его связывали столетия взаимовыгодных отношений. И действительно, в двух фрагментарных среднесабейских надписях из храма Аввāм, Ja 643 и Ja 643bis, вероятно, составлявших изначально единый текст, сообщается о военных действиях, которые были предприняты в ал-Джауфе хадрамаутским войском[41]. Их авторами были

[40] Для сравнения укажем, что по данным переписи 1973 г. на территории Пятой провинции НДРЙ обитали 450 657 человек (Александров 1976. С. 296).

[41] Перевод на английский язык этих надписей, предложенный их издателем А. Жаммом, изобилует неточностями и явными ляпами. Значительным подспорьем для их верной интерпретации служит

Наша'кариб и Саубāн из рода Гурат, ḳайли[42] общины самхар (Ja 643/[1]-2, [3], 12, 14, 17, 32–33; Ja 643bis/5, 6, 7), которая локализуется к юго-востоку от Саны[43]. Наша'кариб являлся военачальником, стоявшим во главе отряда, который был набран из находившейся под его властью общины и поддержал основные силы своего повелителя Кариб'ила Баййина, сына Замар'алī Зариḥа, царя Сабы и зӯ Райдāна (Ja 643/4, 8, 10, 12, 15, 17, 19, 23, 27, 30, 35–36; Ja 643bis/4, 7, 8–9), т. е. объединенного Сабейско-Химйаритского государства[44]. Время правления этого монарха датируется приблизительно 80-ми гг. I в. н. э. (Robin 1996a. Col. 1135–1136, tableau). Ему противостоял царь Хадрамаута Йада''ил (Ja 643/7; Ja 643bis/2, 3), отождествление которого с Йада''илом Баййином, сыном Йада''аба, автором

выполненный А. Ф. Л. Бистоном новый перевод той их части, в которой речь идет о боевых операциях (Beeston 1976c. P. 45–47), а также переиздание с переводом и подробным комментарием первой половины Ja 643 (стк. 4–18), в котором сообщается о дипломатических усилиях хадрамаутского царя, которыми тот маскировал свои агрессивные намерения (Beeston 1985).

[42] Этот титул (ед. ч. *qwl*, *ḳyl*, *ql*; мн. ч. *'qwl*, *'ql*), хотя и встречается в отдельных надписях древнего периода, стал широко употребляться лишь в средний период в эпиграфических памятниках Йеменского нагорья. Возможно, впервые он появился в области Сум'ай (Bāfaqīh 1990. P. 55). М. Б. Пиотровский полагал, что изначально его носил «член главного рода в общине-ша'бе», но отмечал, что «со II–III вв. н. э. кайлями все чаще называют царских чиновников, управляющих ша'бами, т. е. "служилую" знать» (Пиотровский 1985. С. 140). А. В. Коротаев, проведя статистическую обработку практически всех введенных в научный оборот среднесабейских надписей, показал, что в этот период в северной части Йеменского нагорья обозначавшаяся термином *byt* — «дом» — большесемейная община ḳайлей, ядро которой составлял их род, стояла во главе ша'ба второго порядка, причем «в роли официального носителя *ḳайл*ского титула выступали не отдельные представители *ḳайл*ских родов, а весь род *ḳайл*ей в целом (хотя, точнее говоря, по-видимому, лишь мужская его половина)» (Коротаев 1998a. С. 26; Коротаев 2006. С. 26). В то же время он констатировал, что в южной части Нагорья (прежде всего в Химйаре и Радмāне) этот титул носил индивидуальный, а не родовой характер (Коротаев 1997. С. 47). Получается, что на севере его носители относились к родовой знати, а на юге — к служилой. В качестве аргумента в пользу того, что ḳайл был ненаследственным сменяемым наместником, назначавшимся центральной властью, Кр. Ж. Робен привел карьеру автора радманской надписи MAFRAY — al-Mi'sāl 5 (составленной ок. 265 г. н. э.), который последовательно занимал посты ḳайла в пяти различных общинах, все более и более значительных (Robin 2006. P. 48; речь идет о Хазайāне Аукане, см. подробнее: Ба Факих, Робен 1980. С. 18). Это касающееся Химйара наблюдение он счел возможным распространить и на Сабейское царство, где, по его утверждению, также можно показать, что должность ḳайла, как правило, не была наследственной (Robin 2006. P. 48). И все же по-прежнему дискуссионным остается вопрос, кем первоначально являлись ḳайли: представителями традиционной родовой знати, «вождями ша'бов», по выражению А. В. Коротаева (1997. С. 44), или же чиновниками высокого ранга, назначаемыми царем.

Следует отметить, что ни в одной хадрамаутской надписи титул ḳайла не встречается, а потому упоминание в среднесабейской надписи Ir 13, относящейся к началу III в. н. э. (см. о ней подробнее в разделе 3 данной главы), «тех, кто из (числа) ḳайлей и глав и полноправных граждан города Шабвы» (§ 8 = l. 15: *d-bn/'qwl/w-mr's¹/w-'b'l/hgrⁿ/ S²bwt*), закономерно воспринимается как возможное применение сабейской терминологии к описанию хадрамаутских реалий (ср.: Bāfaqīh 1990. P. 61).

[43] О роде *Grt* и общине *S¹mhrᵐ* см.: Bāfaqīh 1990. P. 171–172.

Омографичность названия этой общины и топонима *S¹mhrm*, обозначавшего хадрамаутскую колонию в Дофаре (см. следующий раздел данной главы), объясняется чистой случайностью.

[44] Одним из признаков, свидетельствующих о формировании этого государства, служит появление царского титула *mlk/S¹b'/w-d-Rydⁿ*, в составе которого элемент *d-Rydⁿ*, восходящий к названию царского замка в химйаритской столице Зафāре, обозначал территорию Химйара (см. подробнее: Bāfaqīh 1990. P. 19–27; Robin 1996a. Col. 1133–1134). Этот замок пока с уверенностью не локализован (о его предположительном местоположении на городище Зафāр см.: ЮА. 1. С. 35–36, схема 5).

строительной надписи Hamilton 2 A–B + Shabwa S/75/128 из Шабвы[45], вызывает возражение, т. к. эта надпись по своим палеографическим признакам (в частности, судя по форме *r*, в котором змеевидность проявляется еще очень слабо[46]) восходит, по всей видимости, к последним векам I тысячелетия до н. э., в крайнем случае — к началу I в. н. э., но никак не к его концу.

Интересно, что начинается Ja 643 с описания хода переговоров между Йада‘’илом, оказавшимся со своим войском в ал-Джауфе в районе города Ḫанāн (*ḥlf/hgr*^{n}*/Ḥnn*), о точной локализации которого речь пойдет ниже, и Кариб’илом Баййином, находившимся в Марибе. Йада‘’ил направил Кариб’илу мирные предложения (Ja 643/8: *klm/s*^{1}*lm*^{m}), которые тот отверг «из-за происшествия, которое они (т. е. хадрамаутцы. — *С. Ф.*) спровоцировали в городе Марибе» (Ja 643/9: *l-qbly/mngt/ḥḏṯw/b-hgr*^{n}*/Mryb*). Речь шла о неком инциденте в сабейской столице, однако, как отметил А. Ф. Л. Бистон, из текста надписи нельзя понять, случился ли он до того, как хадрамаутские войска пришли в город Ḫанāн, или после этого (Beeston 1985. P. 113). Йада‘’ил отправил Кариб’илу делегацию, состоявшую из представителей Ḫанāна, «настаивая на том, чтобы тот прислал ему сабейцев и ḳайлей, поскольку этот инцидент мешает царю Хадрамаута (принять) посольство от царя Сабы» (Ja 643/10–12: *qn‘*^{m}*/l-hys*^{1}*rn/b-|‘br-hw/bn/’s*^{1}*b’*^{n}*/w-’qwl*^{n}*/l-mngt/y‘krn/mlk/Ḥḍrmt/tnblt*^{n}*/b-‘m|mlk/S*^{1}*b’*)[47]. Вероятно, в соответствии с дипломатическим этикетом того времени событие, которое произошло в Марибе, не позволяло царю Хадрамаута обратиться к Кариб’илу с просьбой об отправке полноценного посольства. Не исключено также, что, соглашаясь принять ḳайлей с сабейцами, которые в тех условиях, конечно же, носили оружие, Йада‘’ил выражал добрую волю и готовность принять некий воинский контингент своего потенциального противника, который мог бы вмешаться, если бы переговоры сорвались. Сабейско-химйаритский царь отправил к Йада‘’илу ḳайла Наша’кариба из рода Гурат с отрядом в 300 воинов из его общины самхар[48]; этот ḳайл, наделенный соответствующими полномочиями, доставил царю Хадрамаута документ, в котором Кариб’ил изложил свою версию

[45] Оно было предложено в качестве гипотезы, см.: Arbach, Bāfaqīh 1998. P. 123.

[46] См. соответствующий столбец в стк. 10 таблицы, помещенной в конце раздела 4 главы II.

[47] Мнение А. Ф. Л. Бистона, что под царем Сабы в этой надписи имеется в виду правитель, отличный от Кариб’ила Баййина (Beeston 1985. P. 113–114), не выдерживает критики в свете накопленных к настоящему времени данных о политической ситуации на юге Аравии в начале н. э. Во всяком случае представление о нескольких одновременно правивших сабейских династиях, на которое он в этой связи сослался (Ibid. P. 113), было затем отвергнуто наукой (см., в частности: Bāfaqīh 1990. P. 39–53).

Что касается «посольства от царя Сабы», то оно названо так, потому что было отправлено из Мариба — сабейской столицы. Несмотря на создание объединенного Сабейско-Химйаритского государства, в Сабе сохранялись некоторые собственные традиционные институты: например, даже после окончательного поглощения Сабы Химйаритским царством во второй половине III в. н. э. в состав его вооруженных сил входили *’’rb/mlk/S*^{1}*b’* — «бедуины царя Сабы» (см. об этом: Bāfaqīh 1990. P. 285–286).

[48] Интерпретация этих строк А. Ф. Л. Бистоном, согласно которой Кариб’ил Баййин выдал Наша’кариба Йада‘’илу чуть ли не на расправу, поскольку именно этот ḳайл был виновен в марибском инциденте (Beeston 1985. P. 112, 114), основана на очень вольных спекуляциях, не подтверждаемых непосредственно текстом надписи, и входит в противоречие с дальнейшим развитием событий, описанных в Ja 643 и Ja 643bis.

произошедшего (Ja 643/14: *mṯbt/mngyt/ḏkr/b-ʻm-hw*). Йадаʻʼил осознавал, что он не может предпринять открытые действия против офицеров, пришедших к нему из Мариба в район города Ḫанāна (Ja 643/15–16: *w-yrʼyn/mlk/Ḥḍrmwt/k-ʼl/ʻbrn-hw/hyʻ/mng|t/tbs²r/b-ʻly/grybt/ʼns¹/yfʻ-hw/bn/Mryb/ʻdy/ḥlf/Ḥnn*)[49]. Поэтому он дал им уйти, и те благополучно возвратились к своему повелителю в Мариб (Ja 643/16–18: *w-gbʼ/l-ʼḏn/l-|Ns²ʼkrb/bn/ Grt/w-ʼns¹/b-ʻm-hw/w-tʼys¹w/b-ʻbr/mrʼ-hmw/Krbʼl/Byn/ʻdy|hgrⁿ/Mryb/b-wfyᵐ*). Таким образом, мир между Йадаʻʼилом и Кариб'илом заключен не был, но и начала открытых боевых действий между ними удалось избежать.

Однако сразу же после ухода Наша'кариба хадрамаутский царь со своим войском (Ja 643/18: *w-mlk/Ḥḍrmt/w-mṣr-hw*)[50] отправился к городу Йаc̱иллу, и как только он оказался в его окрестностях (Ja 643/20: *ʻdy/ḥlf/hgrⁿ/Yṯl*), на его сторону перешли те офицеры, которых Кариб'ил Баййин оставил в нем в качестве своих наблюдателей (Ja 643/20–21: *ʼns¹/s¹ṯfq/b-|hyt/hgrⁿ/Yṯl*). Вероятно, сыграли свою роль тесные связи, в течение столетий поддерживавшиеся между хадрамаутцами и маинцами: ведь Йаc̱илл являлся вторым по значению после столицы Қарнау городом Маина. Таким образом, сабейские отряды, растянувшиеся от Ḫанāна до Мариба, оставались в неведении о передислокации своего недавнего противника. В Йаc̱илле хадрамаутское войско встало лагерем и оттуда выступило на северо-запад, к городам-спутникам Нашқу и Нашшāну (см. карту 5), которые в это время являлись оплотом сабейцев в ал-Джауфе. Их граждане и гарнизон, оставленный в них Кариб'илом, оказали достойное сопротивление, предотвратив сдачу обоих городов. Тем временем царь Сабы и зӯ Райдāна, получив соответствующее донесение, спешно отправил им подкрепление, в состав которого вошли: Наша'кариб из рода Гурат и Сумхуйафаʻ из рода Батаʻ[51], очевидно, с отрядами из подчиненных им общин, а также отряд пехоты и конные воины из сабейской царской гвардии (Ja 643/24: *w-mṣrᵐ/w-ʼfrs¹ᵐ/bn/ḫms¹/mlk/S¹bʼ*)[52]. Узнав об этом, царь Хадрамаута отступил от Нашқа и Нашшāна, у Йаc̱илла к нему прибыл лазутчик (Ja 643/26–27: *mnḏr|ᵐ*), сообщивший о том, что на него движутся Кариб'ил Баййин с основной частью войска из Мариба, а также Наша'кариб и Сумхуйафаʻ, которые успели достичь Нашқа и повернули обратно. Опасаясь, что у Йаc̱илла эти два воинских контингента ударят по нему с двух

[49] О специфическом значении «leading man or officer», которое *ʼs¹* / *ʼys¹* (мн. ч. *ʼns¹*), обычно переводимое как «мужчина», приобретает в контекстах, связанных с военными действиями, см.: Beeston 1976c. P. 11.

[50] В качестве самого общего термина для войска и вооруженных сил в среднесабейской эпиграфике использовалось имя нарицательное *mṣr*, мн. ч. *mṣyrt* (Beeston 1976c. P. 7), которое в более узком смысле могло обозначать пехоту (например, в Ja 643/24); о контекстах, в которых оно засвидетельствовано, а также о вероятном происхождении от него классического арабского *миср*ун (мн. ч. *амṣāр*ун) — «гарнизонный город» — см.: Frantsouzoff 1993.

[51] О роде қайлей Батаʻ и об их общине ҳумлāн, локализуемой на северо-западе Санской равнины, см., например: Bāfaqīh 1990. P. 164–165.

[52] А. Ф. Л. Бистон определил *ḫms¹* как «the armée de cadre, fighting under the direct command of the king or of the one of his marshals» (Beeston 1976c. P. 7) и обоснованно предположил, что арабский термин *ҳамīс*, используемый для обозначения войска, является южноаравийским заимствованием (Ibid. P. 19, n. 14).

сторон, Йада‘’ил отошел к Ḫанāну (см. карту 5), рассчитывая разбить Кариб’ила с той частью войска, что шла с ним из сабейской столицы, но потерпел поражение и отступил к храму зӯ Йаḡрӯ. Между тем Наша’кариб и Сумхуйафа‘ продолжали продвигаться от Нашḳа к Марибу, рассчитывая вступить в бой с царем Хадрамаута. Тот вновь отошел от храма зӯ Йаḡрӯ[53] к Ḫанāну, где ему пришлось вступить в битву одновременно и с Кариб’илом, и с Наша’карибом (Ja 643/18–36). Результат оказался вполне предсказуемым: хадрамаутцы были разбиты и потеряли только убитыми 2000 воинов, а их царь Йада‘’ил и остатки его войска в беспорядке покинули поле боя (Ja 643bis/1–4) и, по-видимому, вынуждены были уйти из ал-Джауфа[54].

Достаточно подробное описание хода военных действий в Ja 643 заставляет пересмотреть принятую в сабеистике локализацию храма зӯ Йаḡрӯ, которая была предложена В. В. Мюллером. На основании упоминания *mḥr|mⁿ/ḏ-Yḡrw* в наскальной надписи Kortler 1/6–7, найденной в вади аш-Шуḏайф на окраине пустыни ар-Руб‘ ал-Ḫālī, в месте, богатом эпиграфическими материалами, особенно граффити, он сделал вывод о том, что именно там и должен был находиться этот храм (Müller W. 1978a. S. 136; Müller W. 1981. S. 236), хотя никаких его руин ни тогда (Müller W. 1978a. S. 113–115), ни впоследствии обнаружено не было[55]. Кроме того, никаких следов городища, которое можно было бы отождествить с городом Ḫанāн, в том районе также не найдено. На карте 5 наглядно показано, какой крюк пришлось бы сделать и хадрамаутскому царю Йада‘’илу с войском, и преследовавшим его на пути из Нашḳа в Мариб Наша’карибу и Сумхуйафа‘, чтобы попасть в храм, если бы его локализация на краю пустыни была верна. В таком случае он находился бы на расстоянии 75 км от Йас̲илла и 125 км от Мариба, и войскам противоборствующих сторон потребовалось бы два-три дня, чтобы туда дойти. Но из текста Ja 643 следует, что представленные в ней события развивались достаточно стремительно и что хадрамаутское и сабейско-химйаритское войска не уклонялись сколько-нибудь существенно от линии Нашḳ — Мариб, вдоль которой нужно искать как храм зӯ Йаḡрӯ, так и город Ḫанāн, местоположение которых на карте 5 показано предположительно. С другой стороны, обнаруженная в вāдī аш-Шуḏайф французской археологической экспедицией в Йемене в 1980 г. краткая наскальная надпись правившего в первой трети III в. н. э. сабейского царя Ша‘ра Аутара, в которой он сообщает о том, что прибыл туда для того, чтобы совершить паломничество к богу в храм з̲ӯ Йаḡрӯ (Arbach 3/3–4: *s¹b’/l-ḥg<g>|[’l]<h>ⁿ/‘d/mḥrmⁿ/ḏ-Yḡrw*), является серьезным аргументом для локализации этого святилища в аш-Шуḏайфе.

---

[53] Выражения *mḥrm/ḏ-Yḡrw* (Ja 643/32) и *mḥrmⁿ/ḏ-Y|ḡrw* (Ja 643/34–35) были неверно поняты и А. Жаммом, и А. Ф. Л. Бистоном: первый из них истолковал его как «the temple which they (had) intended to plunder» (Jamme 1962. P. 143), второй — как «a strongpoint where they had established their supplies depot» или просто как «that supplies depot» (Beeston 1976c. P. 46).

[54] Значительно более краткое, чем в данной работе, изложение хода этой военной кампании и сопутствовавших ей обстоятельств см.: Bāfaqīh 1990. P. 335–337.

[55] На схеме этого участка вāдī аш-Шуḏайф местоположение храма отмечено предположительно (см.: Arbach 1996. P. 249, fig. 1).

Впрочем, не исключено, что в древнем Йемене могло существовать два храма Зӯ Самавī, носивших одно название. Во всяком случае, одинаковые наименования культовых сооружений в южноаравийской эпиграфике засвидетельствованы[56]. Можно также предположить, что в конце I в. н. э. храм зӯ Йаḡрӯ находился в ал-Джауфе, а к началу III в. н. э. оказался перенесен (скажем, из-за разорения в ходе военных конфликтов) в более спокойное место, на окраину пустыни ар-Руб‘ ал-Хӑлӣ.

Пока до конца не решенным остается вопрос о том, можно ли *mḥrm(n)/ḏ-Yḡrw* отождествить с *mḥrmn/ḏ-Ḡrw*, упомянутым в надписях Ja 2956 = YM 617/3–4 (*mḥrm-h[w]|ḏ-Ḡrw*) и Arbach 2/3, посвященных Зӯ Самавī, а также в Ir 32/13–14, где он представлен как место сбора войск Химйаритского царства перед их очередным походом на Хадрамаут. От предположения В. В. Мюллера о том, что название *ḏ-Yḡrw* следует читать *ḏy-Ḡrw* — «зӣ Ḡарв» (Müller W. 1981. S. 229, 236–237), пришлось отказаться после того, как в надписях из частных коллекций были засвидетельствованы выражения *b ‘l/Yḡrw* (FB–Wādī Shuḍayf 1/3–4, 3/[2]-3) и *D-Sˡmwy b-Yḡrw* (Ṣilwī–Wādī Shuḍayf 1/3)[57].

Возможно, что под упомянутой в Haram 10 = CIH 547/5 «войной с Хадрамаутом» (*ḍr/Ḥḍrmtm*), из-за которой авторам этого текста пришлось бежать в Йасилл, подразумевались военные действия, описанные в Ja 643 и Ja 643bis, либо те, что непосредственно им предшествовали[58].

2. ХАДРАМАУТСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ДОФАРА. *МУКАРРИБ* ХАДРАМАУТА ЙАШХУР’ИЛ ЙУХАР‘ИШ, СЫН АБЙЙАСЬА‘ — ПЛОД ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИЛЛЮЗИЙ ИЛИ РЕАЛЬНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИЦО?

К числу тех цивилизаций древнего мира, представители которых основывали новые поселения в чужих землях — колонии, относится и древний Йемен, хотя по своим масштабам южноаравийская колонизация намного уступала финикийской или греческой. В эпоху древности это явление вызывали к жизни

[56] Так, название На‘мӑн носили храмовый комплекс богини Зӑт Ḥимйам, условно обозначенный как Райбӯн V, в III–I вв. до н. э. и святилище бога Йасдуḳ’ила Фари‘ Шараḥ‘ата и его предшественника Ма‘д’ила в I в. н. э. (RES 454/5, 461/4, 4232/4; CIAS 49.10/o1 n° 2/4, n°3/4, n°4/[5], 49.12/f1 n° 1/2, 96.51/o1/R 71/5; об этом храме Вадда см. подробнее: Французов 2004а. С. 322, примеч. 13).

Кроме того, наряду с райбунским храмом бога Сийӑна, известном как Майфа‘ӑн (Райбӯн XIV), у Вадда, судя по выражению *Wdm/ḏ-Myfʿn* (RES 4198/3), было культовое сооружение, называвшееся точно так же.

[57] См. подробнее: Sima 1999. S. 220–221. Правда, никакого вразумительного объяснения перехода *Yḡrw* в *Ḡrw*, совершенно не характерного для фонологии семитских языков, А. Сима так и не дал.

Проблема локализации храма зӯ Йаḡрӯ и правильного чтения этого имени собственного рассмотрены в Frantsouzoff 2004. P. 79–80, 221, fig. 49 (Map 1).

[58] Впрочем, с точки зрения Кр. Ж. Робена, эта гипотеза остается чисто умозрительной (Robin 1992b. P. 60), с чем трудно не согласиться, если принять во внимание, что о палеографии надписи Haram 10, известной только по копии Ж. Галеви, сведений нет.

две основные причины: появление избыточного населения, которое необходимо было выводить за пределы метрополии, и стремление упрочить и расширить региональные и межрегиональные торговые связи. Нет никаких данных, позволяющих предположить, что первая из этих причин оказала хоть какое-то влияние на древнейшую колонизацию, которая была всецело обязана своим возникновением и развитием потребностям международной торговли. Древнейший ее этап связан с основанием в VIII в. до н. э. сабейской колонии в северо-восточной части Эфиопского нагорья, которая дала начало первому на Африканском Роге государству Да'ма (*D'mt*)[59], принявшему сабейский язык в качестве официального и установившего культ главных божеств пантеона Сабы. По всей видимости, появление сабейцев в этом регионе на заре их истории объясняется поиском земель, где произрастали растения, дающие благовонные смолы, особенно ладан, поскольку вплоть до полного разгрома Аусана в начале VII в. сабейским мукаррибом и царем Кариб'илом Ватаром Сабейское государство было отрезано от восточной части древнего Йемена, где добывался практически весь южноаравийский ладан (см. карту 2). Вряд ли случайно то, что вскоре после установления гегемонии Сабы над Южной Аравией ее контакты с Да'мой ослабевают, а приблизительно к рубежу VII–VI вв. до н. э. вообще сходят на нет[60]. Что касается крупнейшей колонии Маина, расположенной в оазисе Дедан (ал-'Улā), то ее связь с торговой экспансией маинцев очевидна.

Хадрамаутские колонии, основанные на территории Дофара, отличались тем, что в их возникновении ведущую роль сыграло Хадрамаутское государство, в прямой зависимости от которого они продолжали находиться, по-видимому, на протяжении всего своего последующего существования. В настоящее время нам известны две такие колонии: город-порт Сумхурāм (городище Хор Рори)[61] и Са'нӯн, локализованный в вади Хāнӯн примерно в 55 км к северо-северо-востоку от лагуны Хор Рори.

Большая часть в общем-то немногочисленных эпиграфических памятников, происходящих с городища Хор Рори, была обнаружена на стенах, обрамляющих вход в Сумхурāм и образующих монументальный комплекс городских ворот. Речь идет о восьми надписях[62], в двух из которых непосредственно сообщается о строительстве Сумхурāма (Khor Rori 1–2 = KR 2–3). В обоих случаях автор надписи, будь то Асад Сал'āн, сын Қаума (Khor Rori 1 = KR 2/1: *'s¹d^{m}/Tl'^{n}/bn/Qwm^{m}*) или каменотес-хадрамаутец 'Аммӣ'ил 'Алхāн, сын Радау'ила (Khor Rori 2 = KR 3/1–2: *'m'l/'lhn/bn/Rḍw'l/grby^{hn}/Ḥ|ḍrmy^{hn}*), являлся «клиентом Илӣ'азза Йалуṭа,

[59] См. выше примеч. 103–105 к главе II.

[60] См. подробнее: Французов 1995а. С. 81–83.

[61] О раскопках этого городища американскими и итальянскими археологами см. во Введении.

[62] Расположение этих надписей по данным Американской археологической экспедиции показано в Orazi 2002. P. 81, fig. 2 и Avanzini 2002b. P. 126, fig. 1. К настоящему времени только две из них сохранились *in situ* (Ibid. P. 125): Khor Rori 1 = KR 2 и Khor Rori 3 = KR 4 (см. фотографии, опубликованные в Ibid. P. 128, fig. 3; 131, fig. 5, а также легенду к плану, опубликованному в Orazi 2002. P. 81, fig. 2).

царя Хадрамаута» (Khor Rori 1 = KR 2/1–2 = Khor Rori 2 = KR 3/2–3: *‘bd/’l‘ḏ/Ylṭ/mlk/Ḥ|ḍrmt*). В Khor Rori 1 = KR 2/2 также указывается, что он принадлежал к переселенцам из города Шабвы (*bn/ḥwr/hgr^{hn}/S^{2}bwt*). Сами работы описаны в сходных выражениях:

> «… руководил строительством города Сумурāма из его необтесанных камней и из его обтесанных камней, возведя его от основания до верху, и зданий, и массивных сооружений по плану его» (Khor Rori 1 = KR 2/2–4: *qtdm/hgr|^{hn}/S^{1}mrm/grbt-ṯ/w-nhmt-ṯ/w-hy‘-ṯ/bn/r|bb^{m}/’d/s^{2}qr^{m}/w-mbr’/w-’gs^{1}m/s^{1}y-ṯ*);
>
> «… руководил (укладкой) необтесанных камней и строительством города Сумурāма от основания до верху, вдоль периметра, и зданий, и массивных сооружений по плану его» (Khor Rori 2 = KR 3/3–5: *qtdm/ grbt^{n}/w-bny/hgr^{hn}/S^{1}|mrm/bn/r|bb^{m}/’d/s^{2}qrt/b-ḡnṣ^{m}|w-mbr’/<w>-’gs^{1}m/s^{1}y-ṯ*)[63].

Все это было осуществлено «по приказу и распоряжению их господина Абӣйаc̱а‘ Салх̣āна, сына З̱амар‘алӣ, командира войска Хадрамаута в земле Са’кал(х)āн» (Khor Rori 1 = KR 2/4–6: *b-mwṣt|w-tḥrg/mr’-s^{1}/’byṯ‘/S^{1}lḥ^{n}/bn/Ḏmr‘ly|qdm/gys^{2}/Ḥḍrmt/b-’rḍ/S^{1}’kl<^{n}>/*; Khor Rori 2 = KR 3/5–7: *b-mwṣt/w-tḥr|g/mr’-s^{1}/’byṯ‘/S^{1}lḥ^{n}/bn/Ḏmr‘ly|qdm/gys^{2}/Ḥḍrmt/ b-’rḍ/S^{1}’kl^{hn}*). Авторы двух других надписей из этого же комплекса сообщают, что они следовали за Абӣйаc̱а‘, сыном З̱амар‘алӣ, командиром войска Хадрамаута (Khor Rori 3 = KR 4/2–3: *tb[‘/w-s^{2}]|y‘/ mr’-s^{1}mn/’byṯ‘/bn/Ḏmr‘ly*; Khor Rori 4 = KR 5/3–5: *t|b‘/w-s^{2}y‘/’byṯ‘/bn/Ḏmr‘ly/qdm/g|ys^{2}/Ḥḍrmt*):

> «когда Абӣйаc̱а‘ следовал из Шабвы, чтобы построить город Сумурāм и дома его» (Khor Rori 3 = KR 4/4–5: *mt/tb‘/bn/S^{2}bwt/h-y(b)ny/’by|ṯ‘/hgr^{hn}/S^{1}mrm/w-’byt-ṯ*);
>
> «когда он построил и сделал городом Сумхурāм в земле Са’калхāн» (Khor Rori 4 = KR 5/5–6: *mt/bny/w-hgr/S^{1}mhrm/b-|’rḍ/S^{1}’kl^{hn}*).

Заключает эти надписи важное добавление:

> «и переселил с собой большое число людей: с того времени, как они отделились (от своих), до тех пор, пока они не распространились (в Khor Rori 4 = KR 5/7: во множестве)» (Khor Rori 3 = KR 4/5–7: *w-ḥ<w|r/‘>m-s^{1}/s^{2}lṯt/’<ḥṯ>y^{m}/bn-mw|k<t>b‘/’d/s^{1}tfḥ/*; Khor Rori 4 = KR 5/6–7: *w-ḥwr/<‘>m-s^{1}/s^{2}lṯt/’|[ḥ]<ṯ>y^{m}/bn-<m>w/ktb‘/’d/s^{1}tfḥ/s^{2}b[‘]<t>(^{m})*)[64].

Нет никаких сомнений в том, что во всех четырех текстах, палеографически довольно схожих (Khor Rori 1–4 = KR 2–5), речь идет об одном и том же руководителе по имени Абӣйаc̱а‘, «эпитет» которого Салх̣āн в двух случаях (Khor

[63] Выражения *bn/rbb^{m}/’d/s^{2}qr^{m}*, *bn/rbb^{m}/’d/s^{2}qrt* и им подобные детально рассмотрены в Frantsouzoff 2005a. P. 197. Интерпретация *s^{1}y-ṯ* как «of its project» и *b-ḡnṣ^{m}* как «along a perimeter» обоснована в Avanzini 2002b. P. 129, 130, n. 12; 133, n. 25.

[64] Заключительные части этих двух надписей сабеистам долгое время не удавалось правильно истолковать. Ключ к их адекватной интерпретации был найден автором этих строк, обратившим внимание на сходство выражения *s^{2}lṯt/’ḥṯy^{m}*, аналогов которому в южноаравийской эпиграфике пока не найдено, и встречающегося в *х̣адӣc̱ах* фразеологического оборота *c̱алāс х̣аc̱айāт*, означающего «много людей» (см. об этом подробнее: Frantsouzoff 2009b).

Rori 3, 4 = KR 4, 5) оказался опущен. Этому хадрамаутскому военачальнику было поручено основать колонию в Дофаре и придать ей статус города; судя по данным эпиграфики, с поставленной задачей он справился, отстроив ее и заселив по преимуществу выходцами из Шабвы[65], откуда прибыл он сам. Гипотеза А. Аванцини о том, что Абййаṣа‘ Салḥān, сын Ẓамар‘алī, был химйаритом, основано на ее собственном голословном утверждении, согласно которому *’byṯ‘* и *Ḏmr‘ly* якобы не являются хадрамаутскими антропонимами (Avanzini 2002b. P. 138). Однако оба этих мужских имени собственных засвидетельствованы в райбунской ономастике (Французов 2009a. С. 188 /№ 20/, 196 /№ 160/; Французов 2012. С. 190 /№ 20/, 200 /№ 161/) и не являются специфически химйаритскими! Таким образом, это необоснованное предположение итальянской исследовательницы следует решительно отвергнуть.

Основанная хадрамаутцами колония называлась *S¹mrm* или *S¹mhrm*, причем нет сомнений в том, что перед нами два варианта одного топонима. Более полувека назад А. Жамм правильно интерпретировал его как имя собственное со значением «Его имя возвышено», но из-за крайне ограниченных данных по южноаравийской ономастике, которыми тогда располагала наука, определил его как сабейское (Jamme 1953. P. 162–165)[66]. Однако к настоящему времени этот антропоним засвидетельствован также и в хадрамаутском, причем как имя одного из мукаррибов (‘Uqayba 5). Значительное число бронзовых монет с монограммой, уверенно читаемой как *S¹mhrm*, было обнаружено в ранних слоях Хор Рори. По сведениям американского археолога Ф. П. Олбрайта, при раскопках этого городища было найдено 1259 бронзовых монетных кружков, по-видимому, приготовленных для чеканки, что, казалось бы, позволяет высказать предположение о существовании в Сумхурāме собственного монетного двора, а монограмму интерпретировать как топоним. Однако рассмотревший эту гипотезу А. В. Седов привел два солидных контраргумента: во-первых, аккуратные и тонкие кружки-заготовки из Хор Рори не имеют ничего общего с найденными там же толстыми и неправильными по форме монетами с монограммой *S¹mhrm*; во-вторых, ни на одной из хадрамаутских монет более поздних типов названия мест чеканки монет никогда не передаются в виде монограммы. В итоге российский археолог пришел к выводу, что эта монограмма, как и на многих других монетных легендах, обозначает имя правителя[67]. По мнению А. В. Седова, тем правителем, который

[65] Впрочем, следует иметь в виду, что каменотес ‘Аммī’ил ‘Алхāн, сын Радау’ила, не отнес себя к переселенцам из Шабвы, ограничившись нисбой *Ḥḍrmy*^{hn}, в отличие от другого мастера, руководившего строительными работами в Сумхурāме (Khor Rori 2 = KR 3/1–2). По всей видимости, его происхождение не было связано с хадрамаутской столицей.

Кроме того, если два автора Khor Rori 3 = KR 4 подчеркивают, что они — «из числа переселенцев из Шабвы» (стк. 2: *bn/ḫwr/S²bwt*), то пять авторов Khor Rori 4 = KR 5 хранят на сей счет молчание.

Прямое доказательство того, что среди жители Сумхурāма были выходцы из других хадрамаутских городов, помимо Шабвы, содержится в краткой приписке Ja 2878 a, выполненной над монументальной надписью Ja 2878 b иррегулярным шрифтом: *S¹s²r*^{m}*/bn/Tb‘’l/bn/ḫwr/Trm* — «Сашар, сын Таба‘’ила, из числа переселенцев из Тарāма».

[66] Ср. также: Jamme 1979. P. 79–81.

[67] См. подробнее: Седов 1998a. С. 70–75; Седов 2005. С. 350, 388–389.

выпускал монеты данного типа, мог быть мукарриб Хадрамаута Сумхурāм ʻАлхāн, автор ʻUqayba 5, особенности шрифта которой вроде бы не препятствует такому допущению (Седов 1998a. С. 74, примеч. 1; Седов 2005. С. 389, примеч. 64). Однако надежная палеографическая датировка этой надписи V–IV вв. до н. э.[68] указывает на то, что она была составлена до того, как на юге Аравии появились первые монеты. По всей видимости, следует согласиться с А. Аванцини и признать, что крепость-порт Сумхурāм была названа в честь хадрамаутского царя или мукарриба (Avanzini 2002a. P. 21–23), хотя пока это — единственный случай, когда населенный пункт в древнем Йемене был назван по имени правителя. При этом нужно иметь в виду, что надписей, составленных этим Сумхурāмом, обнаружено не было, хотя вполне вероятно, что монограмма на монетах относится именно к нему. Очевидно, антропоним *S¹mhrm*, подобно таким именам, как Йадаʻʼил, Йадаʻʼаб и Илʻазз, носили несколько властителей Хадрамаута. Что касается параллельного использования форм *S¹mhrm* и *S¹mrm* для обозначения хадрамаутской колонии, то это — чисто лингвистическое явление, связанное с выпадением гортанного *h* и аналогичное употреблению *-n* наряду с *-hn* в качестве определенного артикля в хадрамаутском эпиграфическом языке (Beeston 1984a. P. 68, H § 13: 1), фиксируемое в надписях с конца I тысячелетия до н. э. Да и в ономастике древней Южной Аравии, в поздних сабейских текстах, элемент *S¹mh-* перешел в *S¹m-*, вследствие чего, например, имя *S¹mhyfʻ* превратилось в *S¹myfʻ*.

Царя Хадрамаута Илīʻазза Йалуṭа, упомянутого в Khor Rori 1 = KR 2/1–2 и Khor Rori 2 = KR 3 /2–3, принято отождествлять с Илīʻаззом Йалуṭом, сыном Йадаʻʼила, для которого, согласно Hamilton 8/2–3, был возведен храм катабанской богини Зāт Ẓахрāн в Шабве[69], а также с Элеазом (ʼΕλεάζος), царем Ладаноносной страны (Periplus Maris Erythraei, § 27), правившим ок. 50 г. н. э., но при этом подчеркивается, что речь идет всего лишь о гипотезе, хотя и весьма вероятной (Robin 1994a. P. 107, 108; Седов 2005. С. 397, 416; ср.: Бухарин 2007. С. 116, примеч. 126). Палеография надписей Khor Rori 1, 2 = KR 2, 3, как, впрочем, и Hamilton 8, полностью соответствует этой идентификации. До недавнего времени основание Сумхурāма принято было относить к тому же времени, что и порта Ḳани', т. е. к концу I в. до н. э. — началу I в. н. э. (Avanzini 1996. P. 187; Седов 1998a. С. 73; Avanzini 2002a. P. 21)[70]. Однако после того, как для образцов из наиболее раннего слоя в нескольких жилых зданиях и служебных постройках, раскопанных Итальянской археологической экспедицией в самом начале этого века, были получены многочисленные радиокарбонные датировки, которые после калибровки дают приблизительно III–I вв. до н. э.[71], стало ясно,

[68] См. строку 4 в таблице, помещенной в конце раздела 4 главы II.

[69] См. примеч. 118 и раздел 8 главы II, а также раздел 1 данной главы.

[70] Однако А. Аванцини допускала возможность более ранней датировки основания Сумхурāма, принимая, в частности, во внимание находку на городище обломков керамики, сходной с хадрамаутской керамикой IV–II вв. до н. э. (Avanzini 2002a. P. 21, n. 38).

[71] См. подробнее: KhRR. 2. P. 727–731 (Appendix I: Radiocarbon Dates and Chronological Sequence of Sumhuram).

что поселение в Хор Рори существовало уже в III в. до н. э. (Avanzini, Sedov 2005. P. 12, 14, 16; Седов 2005. С. 395; Avanzini 2008a. P. 9). Но это никак не согласуется с тем, что надписи Khor Rori 1–4 = KR 2–5, сообщающие об основании Сумхурāма, с палеографической точки зрения никак не могут относиться ни к III, ни даже ко II вв. до н. э. С другой стороны, в «Перипле Эритрейского моря» ни в какой форме не упоминается топоним Сумхурāм, а в том месте, где он должен был находиться, с уверенностью локализуется «предназначенная для погрузки ладана гавань Мосха (Μόσχα λιμὴν), в которую обычно посылают некоторые суда из Каны, а проплывающие мимо из Лимирики и Баригаз, переждав зимой поздние времена года, от царских {слуг} в обмен на хлопковую ткань, и хлеб, и оливковое масло получают ладан, лежащий кучами и неохраняемый, по всему Сахалиту (παρ ὅλον δὲ τὸν Σαχαλίτην) какой-то силой богов, стерегущих это место…» (Periplus Maris Erythraei, § 32)[72].

Напрашивается предположение, что крепость, получившая официальное наименование Сумхурāм по одному из хадрамаутских правителей, действительно была основана в середине I в. н. э., при царе Илī‘аззе Йалуṭе, сыне Йада‘’ила, но за несколько столетий до этого на побережье лагуны Хор Рори существовало поселение, служившее местом обмена и/или продажи добывавшегося в Дофаре (земле Са’кал(х)āн) ладана и называвшееся Мосха. Наличие среди упоминавшихся выше образцов, подвергнутых радиокарбонному анализу, двух, датируемых как минимум V в. до н. э. и еще двух, которые, возможно, восходят ко II тысячелетию до н. э.[73], позволяет осторожно предположить, что люди обосновались там гораздо раньше, чем в III в. до н. э. Упоминание гавани Μόσχα в «Географии» Клавдия Птолемея (Ptolem. Geogr. VI, 7, 10), восходящее к Марину Тирскому, указывает на то, что этот топоним закрепился за хадрамаутским портом, располагавшимся на территории Дофара, в грекоязычной традиции, которая так и не приняла его официального и несколько искусственного названия Сум(х)урāм.

---

[72] Перевод М. Д. Бухарина (2007. С. 55).

Ж. Пиренн приняла отождествление Хор Рори с Мосхой, хотя и не без некоторых сомнений (Pirenne 1975. P. 95); куда более критически отнесся к нему Г. фон Виссман (Wissmann /Müller W./ 1977. S. 17); против этого выступил Н. Грум, заново рассмотревший данные «Перипла» и Птолемея о местоположении Мосхи (Groom 1995. P. 184–186). Убедительные аргументы в пользу такого отождествления, основанные на результатах археологических раскопок, приведены в Bonacossi 2002. P. 48–49. Сведения об упоминании Мосхи в памятниках греческой эпиграфики из Египта собрал М. Д. Бухарин, дополнивший их интересными, хотя отчасти спорными соображениями о возможном истолковании топонима Μόσχα как греческого имени нарицательного (Boukharin 2002; ср.: Бухарин 2007. С. 126–129, примеч. 156).

Что касается Сахалита, то это — греческая транскрипция хадрамаутского топонима *S¹ ’kl(ʰ)ⁿ*, которым обозначалась территория, приблизительно соответствующая современному Дофару (см., например: Бухарин 2007. С. 121, примеч. 137).

[73] Речь идет об образцах GX-29097 из здания BA5 участка A, GX-27577 из здания BA1 участка A, а также GX-29096 и GX-29095 из здания BA4 участка A, возраст которых составляет соответственно 2490±40 BP, 2480±80 BP, 2970±70 BP и 3250±50 BP, что после калибровки дает 770–520 (по сигме 1) или 790–410 гг. до н. э. (по сигме 2) для GX-29097, 770–410 (по сигме 1) или 790–400 гг. до н. э. (по сигме 2) для GX-27577, 1310–1050 (по сигме 1) или 1400–990 гг. до н. э. (по сигме 2) для GX-29096, 1610–1440 (по сигме 1) или 1680–1410 гг. до н. э. (по сигме 2) для GX-29095 (KhRR. 1. P. 727–729).

Археологические находки на городище Хор Рори подтверждают сведения «Перипла» о кораблях, заходивших сначала в Кану, а затем в этот порт по пути в Восточную Аравию или Индию: речь идет о римских и египетских судах, привозивших вино из Италии и с островов Эгейского моря, а также оливковое масло и иные средиземноморские товары в сосудах Dressel 2–4 и амфорах других типов. В это же время хадрамаутские мореплаватели и купцы доставляли в Сумхурāм товары с побережья Персидского залива и с Индийского субконтинента, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты зеленой глазированной керамики из Месопотамии и северных областей Персидского залива, а также обломки так называемых «Gulf jars», «black and grey wares» и в особенности индийских «красных сосудов» (RW от «red wares») и «красных лощеных сосудов» (RPW от «red polished wares»), чье происхождение связывается со Шри Ланкой, Южной Индией, с Гуджаратом и близлежащими районами Северо-Западной Индии (Sedov, Benvenuti 2002. P. 192–194). Отметим, что, согласно «Периплу», корабли из Лимирики и Баригаз зимовали в гавани Мосха, причем под Лимирикой принято понимать искаженную греческую транскрипцию тамильского топонима Тамилакам, обозначавшего юго-западное побережье полуострова Индостан (Бухарин 2007. С. 126, примеч. 152), а под Баригазами — Камбейский залив (Там же. С. 140, примеч. 206), омывающий Гуджарат с юга.

О том, что основателем портового укрепленного города Сумхурāм был Абīйаса‘ Салḫāн, сын Замар‘алī, командир войска Хадрамаута в земле Са’кал(х)ān, нам известно, но как осуществлялось управление хадрамаутскими колониями в Дофаре? Судя по всему, связи, соединявшие их с Хадрамаутским царством, оставались достаточно прочными: так, автором строительной надписи Ja 2878 b = KR 6 с западной стены северо-восточной башни монументального комплекса городских ворот Сумхурāма, сообщающей о ремонте башни *D̲’n*^{m} (очевидно, той самой, на стене которой была найдена эта надпись), ее вспомогательных сооружений (*w-mḡbb-s*^{1}*/w-ḡnwṣ-s*^{1}) и «третьих ворот» (*w-ḫlf*$|^{m}$*/s*^{2}*l̲t̲*^{m})[74], был «Са‘ад’ил, сын Асрака, зӯ Даус, наместник царя в земле Са’калхāн» (стк. 1: *T̲‘d’l/bn/’s*^{1}*rk/d̲-Dws*^{1m}*/‘qb/mlk*^{hn}*/b-’rḍ/S*^{1}*’kl*^{hn}). В этом тексте отмечено наиболее раннее употребление термина *‘qb* (мн. ч. *‘qbt*), который в средне- и позднесабейских надписях использовался для обозначения наместника царя (как правило, химйаритского, но иногда сабейского и аксумского), назначавшегося в портовые города или пограничные районы, требовавшие пристального контроля центральной власти[75].

[74] Основной частью комплекса городских ворот Сумхурāма был проход в форме меандра, состоявший из четырех пересекающихся под прямыми углами рукавов, в трех из которых находились ворота (см. Orazi 2002. P. 81, fig. 2; Avanzini 2002b. P. 126, fig. 1). По-видимому, третьими из них в древности считались те, что были расположены ближе всего к башне с надписью Ja 2878 b = KR 6 и к выходу за пределы комплекса и города (ср.: Lombardi 2002. P. 112).

[75] См.: Французов 2002б. С. 264; Французов 2003. С. 143, примеч. 7–9.

Перевод титула *‘qb/mlk*^{hn}*/b-’rḍ/S*^{1}*’kl*^{hn} как «commander of the guard of the king in the Sa’kalān land», предложенный А. Аванцини (Avanzini 2002b. P. 135), никак не обоснован и не может быть принят из-за отсутствия параллелей в южноаравийской эпиграфике.

Однако Са’кал(х)āн соединяли с метрополией не только тесные политические узы, но и единство религиозного культа. Так, в заключительной части Ja 2878 b = KR 6 указано, что описанные в ней строительные работы были выполнены «при помощи и в соответствии с обещанием Сийāна з̱ӯ Алӣма и при посредстве переселенцев в город Сумурāм (стк. 3–4: *b-rd’/w-m‘d/S¹yn/ḏ-’l|m/w-b/ḥwr/hgrʰⁿ/S¹mrm*)[76]. В этой хадрамаутской колонии «национальный» бог Сийāн почитался в своей столичной «ипостаси». Так, на городище Хор Рори был раскопан существовавший с начала или середины I в. н. э. до конца IV в. н. э. храм *intra muros*[77], из которого происходят два фрагмента бронзовых табличек Ja 2889, 2890, палеография которых соответствует первым векам н. э. Если вторая из них была посвящена просто Сийāну зӯ Алӣму (Ja 2890/1: *[…s¹qny]w/S¹yn/ḏ-’lm/s¹q[nyt/ḏhbʰⁿ]*), то в первой в качестве адресата посвящения надежно реконструируется «Сийāн зӯ Алӣм в его храме в Сумхураме» (Ja 2889/3–4: *s¹qny/[S¹yn/ḏ-’lm/b-mḥrm-]|s¹/b-S¹mhrm/s¹[qnyt/ḏhbʰⁿ]*). Хотя целая бронзовая табличка с надписью Ja 402, которую составившие ее «Шафсай и его мать Надра посвятили их господину Сийāну зӯ Алӣму в Сумхурāме» (стк. 1–4: *S²fs¹y/w-’m-s¹|Nḍrt/s¹qnyw/m|r’-s¹mn/S¹yn/ḏ-’|lm/b-S¹mhrm/*), была найдена в руинах помещения, расположенного в восточной части крепости, т. е. вне пределов храма *intra muros*, вполне вероятно, что предназначалась она именно для этого святилища. Интересно, что, как и в Шабве, в городе Сумхурāме посвящения в храм хадрамаутского «национального» бога делались в виде вотивных табличек из бронзы[78], что отражало сравнительно высокий уровень достатка его жителей.

Находка американскими археологами в 1960 г. в разведовательной траншее, в непосредственной близости от храма *intra muros*, бронзовой гири (Khor Rori B634)[79], две длинные боковые грани которой покрыты рельефными надписями с именем бога и названием царского замка (*S¹yn/S²qr*) и с именем правителя (*Ys²hr’l*)[80], позволяет предположить, что контроль за мерами и весами в Хадрамаутском царстве и его колониях носил централизованный характер и осуществлялся храмами.

Среди руин древнего поселения на западном склоне вади Хāнӯн был выявлен храм *intra muros*, из которого происходит каменная стела с основной надписью (Ja 892 A)[81] и припиской на верхней грани (Ja 892 B). Благодаря Ja 892 A установлено, что там, как и в сумхурамском храме, поклонялись Сийāну з̱ӯ Алӣму (стк. 3), а само это культовое сооружение называлось «его храмом в Са’нӯне

[76] Термин *ḥwr* в сочетании с последующим названием города, которому, как правило, было предпослано слово *hgr(ʰ)ⁿ*, мог, в зависимости от контекста, обозначать переселенцев, как покинувших этот город, так и переселившихся в него (Французов 1998. С. 140; Французов 2009а. С. 139–140; Французов 2012. С. 137–138).

[77] Об этом храме см. подробнее: Седов 2005. С. 271–276; Sedov 2005. P. 172–178.

[78] Про Шабву в этой связи см. примеч. 80, 81 к главе I.

[79] Обстоятельства ее находки кратко изложены в Седов 2005. С. 276; Sedov 2005. P. 178.

[80] См. примеч. 53 к главе I.

[81] Об этих городище, храме и надписи см.: Седов 2005. С. 278; Sedov 2005. P. 184–185.

в земле Са'калхāн» (стк. 4–5: *mḥrm-s¹/b-S¹'nn/b-|'rḍ/S¹'kl^{hn}*). Очевидно, что топоним Са'нӯн (*S¹'nn*) относился ко всему поселению — единственной, кроме Сумхурāма, хадрамаутской колонии в Дофаре, которую пока удалось обнаружить[82]. Несмотря на значительную иррегулярность шрифта Ja 892 A, в котором *w* приобрел ромбовидную форму, *n*, за исключением конца стк. 7, изображается в зеркальном отражении, а *ṣ* перевернулся вверх ногами, наличие признаков змеевидности у *r* в стк. 2 и стк. 6, а также вогнутые горизонтальные перекладины в *s¹*, *b* и *ḍ* позволяют отнести этот текст к началу нашей эры. Речь в нем идет о том, что Сийāн з̲ӯ Алāм дал решение оракула, в соответствии со своим обещанием, из своего храма в Са'нӯне трем лицам (стк. 3–6: *w-ṣry/S¹yn/ḍ̲-'lm/b-m'd-|s¹/mḥrm-s¹/b-S¹'nn/b-|'rḍ/S¹'kl^{hn}/Ḍmbs²r^{m}|w-Rml^{m}/w-Ms¹g'/*)[83], а «исполнил решение Его оракула ради нее (по-видимому, земли Са'калхāн)[84] Тараф з̲ӯ Марćад Ардамхāн[85] в Его храме Алāм в Шабве от имени царя Сумхурāма, мукарриба Хадрамаута[86]» (стк. 6–9: *w-qtdm/ṣ|ry-s¹/h-<t̲>/Trf/ḍ̲-Mrs³d/'rdm^{hn}/|'d/mḥrm-s¹/'lm/b-S²bwt/b|<n>-mlk/S¹mhrm/mkrb/ Ḥḍrm<t>*). Таким образом, верховный правитель Хадрамаута, мукарриб, к сожалению, не названный по имени, одновременно носил титул царя Сумхурāма, дававшего ему всю полноту власти над этим портовым городом и прилегающими к нему землями. Означает ли это, что земля Са'кал(х)āн считалась отдельным царством, находившимся с Хадрамаутским государством в личной унии, и пользовалась известной самостоятельностью? Вряд ли. По всей видимости, титул *mlk/S¹mhrm* призван был подчеркнуть, что хадрамаутские колонии в Дофаре находились под непосредственным управлением царя, которому подчинялись расквартированные там войска[87]. Основное содержание Ja 892 A показывает, насколько тесно были связаны в культовой сфере Шабва и Дофар, если оракул, полученный в хадрамаутской колонии Са'нӯн, был исполнен в главном столичном храме Алāм.

Что касается мукарриба Хадрамаута, под контролем которого находился Сумхурāм, то в этой связи нельзя обойти вниманием впечатляющую истори-

---

[82] Связь топонимов *S¹'nn* и Хāнӯн очевидна, как и топонима *S¹'kl(ḥ)^{n}* и современной нисбы Ҳакалī (Аҳкалī, Эҳкалī), которая служит для самоидентификации представителей обитающей в этой области этноплеменной общности қарā', обозначая также их язык — диалект джиббāлī, однако как и когда именно произошли переходы *s¹→h* и *s¹→ḥ*, остается не вполне ясным (ср. Wissmann /Müller W./ 1977. S. 29–30).

[83] Попытка А. Аванцини прочесть три последних имени как *(b)-Mb[.]rm|w-Rmlm w-Ms¹g'* и интерпретировать их в качестве трех топонимов (Avanzini 2008b. P. 630, n. 81, 82) не выдерживает критики прежде всего потому, что на опубликованной ею же фотографии Ja 892 A имя собственное *Ḍmbs²r^{m}* в конце стк. 5 различимо довольно отчетливо (Ibid. P. 631, fig. 12). Кроме того, из многочисленных сабейских надписей известно, что прямым дополнением к глаголу *ṣry* часто выступают антропонимы и тогда это выражение означает «дать решение оракула кому-либо» (Лундин 1971. С. 45, примеч. 45. С. 143–144).

[84] Ср. Avanzini 2008b. P. 630: «with regard to that (the *S¹'klhn* land ?)».

[85] А. Аванцини истолковала *'rdm^{hn}* как «of the tribe *Rdm*» (Avanzini 2008b. P. 630), но, на наш взгляд, это имя собственное, скорее, является второй частью родового имени.

[86] Интерпретацию оборота *b|<n>-mlk/S¹mhrm/mkrb/Ḥḍrm<t>* см. в примеч. 106 к главе II.

[87] См. примеч. 107 к главе II.

ческую реконструкцию Кр. Ж. Робена, попытавшегося показать, что в начале I в. н. э. Хадрамаутом правил выдающийся монарх — мукарриб Йашхур'ил Йухар'иш, сын Абӣйаса', который обеспечил своему государству период экспансии и процветания (Robin 1994a). Однако для этого ему пришлось сделать целый ряд допущений, не всегда, как нам кажется, оправданных. Впрочем, первое из предложенных им отождествлений возражений не вызывает. Кр. Ж. Робен начал с того, что обратил внимание на три буквы *Ys²h*, которые, наряду с названием царского замка *S²qr* в Шабве, представлены в легенде, обрамляющей изображение орла, на реверсе одного из типов бронзовых хадрамаутских монет, и интерпретировал их как первую половину имени собственного *Ys²hr'l*, сохранившегося на одной из боковых сторон бронзовой гири (Khor Rori B634), обнаруженной американским археологом Рэем Л. Кливлендом в 1960 г. на городище Хор Рори. Далее, заменив восстановление одной буквы (*h* на *k*) в RES 2687/1 с оборонительной стены в вади Либнā, он идентифицировал этот антропоним с именем упомянутого там мукарриба Хадрамаута — *Ys²[h]r'l/Yhr's²/bn/'bys³'*. Это же имя он реконструировал в надписи из Хор Рори Ja 2883 = KR 8/6, где, судя по фотографии, от имени мукарриба Хадрамаута уцелели только две первые и две последние буквы: *Ys². 'l*, — хотя издатель этой надписи А. Жамм прочел его как *Ys²rḥ'l*. Начало и середина Ja 2883 = KR 8 безвозвратно уничтожены эрозией и лишь в конце ее можно различить полторы строки (стк. 5–6): *...mḥfdʰⁿ/Yḏt'ⁿ/h-mr'-s¹mn|Ys². 'l/mkrb/Ḥḍrmt/mt/'mr-s¹mn/lqb-nyw* — «башню Йазта'ан для господина их двоих Йаш.'ила, мукарриба Хадрамаута, когда он пожаловал им двоим два почетных прозвища[88]». Следует отметить, что, согласно RES 2687/4, название *Yḏt'ⁿ* носила одна из башен оборонительной стены в вади Либнā, на основании чего А. Жамм предположил, что в обеих надписях речь шла об одной и той же башне и об одном и том же мукаррибе, чье имя он и в RES 2687/1, не приведя никаких аргументов, счел возможным прочесть как *Ys²rḥ'l* (Jamme 1979. P. 98). Между тем сооружения (не только башни и куртины, но и храмы), расположенные в разных частях Южной Аравии, носили подчас одинаковые имена. Судя по тому, что Ja 2883 = KR 8 была найдена на стене одной из башен комплекса городских ворот Сумхурāма (Orazi 2002. P. 81, fig. 2 и Avanzini 2002b. P. 126, fig. 1), куда более обоснованным представляется предположение о том, что как раз эта башня называлась Йазта'ан. Впрочем, для подкрепления своего вывода о том, что в RES 2687 и Ja 2883 говорится об одном верховном правителе Хадрамаута, довод, связанный с наименованием башни, Кр. Ж. Робен не использовал. В итоге у него получилось, что хадрамаутский мукарриб Йашхур'ил Йухар'иш,

[88] По-видимому, имелось в виду получение хадрамаутцами так называемых «эпитетов», которые непосредственно следовали за личным именем (например, Салḫāн в имени основателя Сумхурāма Абӣйаса' Салḫāна, сына Замар'алī). Как известно, в частности, по райбунским надписям, никаких подобных «эпитетов» простые хадрамаутцы не имели: для самоидентификации им было достаточно личного имени и патронимии.

В надписях из ал-'Уқлы этот же обряд описывается глаголами *s¹lqb* и *lqb* (Frantsouzoff 2003a. P. 47).

сын Абīйаćа‘, чеканил собственную монету, возвел оборонительную стену в вади Либнā и был непосредственно вовлечен в жизнь достаточно отдаленной хадрамаутской колонии Сумхурāм. Все это прекрасно сочеталось с выдвинутым Кр. Ж. Робеном тезисом о том, что принятие титула мукарриба означало претензии на гегемонию в Южной Аравии и что, как правило, там одновременно мог быть только один правитель с таким титулом[89]. В хронологической таблице южноаравийских монархов правление Йашхур’ила Йухар‘иша было датировано первыми десятилетиями I в. н. э., а сам он помещен перед Илī‘аззом Йалуṯом и его отцом Йада‘’илом, пребывание которого у власти, впрочем, никакими источниками пока не подтверждено (Robin 1994a. P. 108; Robin 1996a. Col. 1135–1136).

Во время недавних итальянских раскопок в Хор Рори была найдена поврежденная широкая бронзовая чаша, в надписи на внешней поверхности которой, в частности, говорится: «когда Йашхур’ил, мукарриб Хадрамаута, сын Абīйаса‘, сделал посвящение Сийāну в его храме в Сумурāме в земле Са’кал[хāн]» (KR 10/1: *mt/Ys²hr’l/mkrb/Ḥḍrmt/bn/’byṯ‘/s¹qny/S¹yn/b-mḥrm-s¹/b-S¹mrm/b-’rḍ/S¹’kl[ʰⁿ]*). Казалось бы, лучшего подтверждения выполненной Кр. Ж. Робеном реконструкции трудно себе представить! Однако в то же самое время в слоях этого городища, относящихся ко II в. до н. э., были найдены довольно многочисленные бронзовые монеты с буквами *Ys²h* на реверсе (Седов 2005. С. 394; Sedov 2008. P. 281). Следовательно, выпускавший их правитель никак не мог находиться у власти в начале I в. н. э. С другой стороны, палеография надписи KR 10 на бронзовой чаше со змеевидным 𐩣 (*r*) и закругленным в середине 𐩮 (*s²*)[90] исключает более раннюю датировку, нежели I в. н. э. Таким образом, в истории Хадрамаута было как минимум два верховных правителя по имени Йашхур’ил[91], один из которых, чей точный титул (*mkrb* или *mlk*) не известен, занимал престол во II или даже в конце III в. до н. э. и оставил после себя бронзовые монеты с орлом на реверсе и собственным портретом на аверсе, тогда как другой, носивший титул мукарриба и связанный с Сумхурāмом, правил в I или II в. н. э.[92] В нашем распоряжении нет никаких данных, которые позволили бы установить, находился ли второй Йашхур’ил у власти до или после Илī‘аззa Йалуṯа, сына Йада‘’ила. Зато особенности шрифта Ja 2883 = KR 8, в котором змеевидность *r* проявляется четко, делают весьма вероятной гипотезу о том, что в ней упоминается действительно *Ys²[hr]’l*, причем тот же самый, что и в KR 10.

Сложнее обстоит дело с отождествлением мукарриба Хадрамаута, о котором сообщает строительная надпись из вади Либнā RES 2687. Дело в том, что, судя по ее фотографиям, выполненным в последние десятилетия, личное имя

[89] Аргументированную критику этой концепции см. в разделе 4 главы II.

[90] См. ее фотографии: Avanzini 2008b. P. 633, fig. 14.

[91] В связи с этим следует иметь в виду, что целый ряд имен хадрамаутских монархов, таких как Йада‘’ил, Йада‘’аб, Илī‘азз, повторялись на протяжении многих поколений.

[92] Судя по палеографическим особенностям надписей на бронзовой гире из Хор Рори (Cleveland 1960. P. 22, fig. 5), на ней представлено имя второго Йашхур’ила.

этого правителя полностью сбито: лишь от его трех последних знаков сохранились нижние половины, так что их можно осторожно восстановить как ...<*r'l*> (Doe 1971. Fig. 80; Бин Акил 1984. С. 40, ṣūра № 4; Robin 1994a. P. 192, pl. 48/1; Avanzini 2008b. P. 632, fig. 13)[93]. На фотографиях удается также разобрать четыре последних знака в «эпитете» (.<*h*>*r's*^{2}) и полностью патронимию с титулом. Однако в *editio princeps* этой надписи личное имя мукарриба прочитано почти целиком: *Ys*^{2}*[k]*<*r'l*>, причем в отношении первых двух знаков в нем вообще нет указаний, что они хоть как-то повреждены. Напрашивается вывод о том, что когда этот строительный текст был обнаружен, он находился в лучшей сохранности. Так полагал и Кр. Ж. Робен[94], но обращение к истории открытия и первых публикаций надписи из Либнā показывает неправомерность подобного допущения. Впервые ее факсимиле было воспроизведено в относящихся к 1843 г. и изданных позднее Генрихом фон Мальцаном путевых записках барона Адольфа фон Вреде, которого считают первым европейским путешественником, проникшим вглубь Хадрамаута[95]. На этом факсимиле на месте имени мукарриба прорисованы лишь нижние половины трех последних знаков (Wrede /Maltzan/ 1870. Facsimile zwischen S. VIII und S. 1). Значит, и в середине XIX в. степень сохранности надписи из Либнā была той же, что и сегодня. Правда, Фриц Хоммель со ссылкой на так нигде и не опубликованный эстампаж графа Ландберга, участника Южноаравийской экспедиции Венской Академии наук (Hommel 1900. S. 165–166), заполнил эту лакуну целиком, прочитав *mbr'*/<*byt*>/*mr'-s*^{1}/<*Y*>*r*<'>*s*^{2}/ — «den Bau des Hauses seines Herrn Jar'ash» (Ibid. S. 166, Fn. 1). Издававший надпись под сиглом RES в конце 20-х гг. прошлого века Никола Родоканакис исправил чтение Фр. Хоммеля на <*m*>*r'*-<*s*^{1}>/*Ys*^{2}*[k]*<*r'l*>/*[Y]*<*h*>*r's*^{2}/, исходя из известных к тому времени контекстов южноаравийских эпиграфических памятников. Однако поразительное совпадение факсимиле А. фон Вреде и современных фотографий заставляет отнестись к эстампажу графа Ландберга с недоверием: по-видимому, отдельные выщербленные участки поврежденной поверхности отпечатались у него как знаки.

Несмотря на то, что первая часть имени мукарриба в RES 2687/1 полностью уничтожена, совпадения патронимий у него и мукарриба, упомянутого в KR 10/1, позволяют считать восстановление *[Ys*^{2}*h]*<*r'l*> вполне вероятным[96]. С другой стороны, в отличие от RES 2687 в KR 10 мукарриб назван хотя и с патронимией, но без «эпитета». Есть и палеографические различия между

[93] Остатки этих знаков удается различить лишь на фотографии, опубликованной в Бин Акил 1984. С. 40, ṣūра № 4.

[94] Robin 1994a. P. 104: «Il n'est pas impossible que la pierre se soit détériorée depuis le début du siècle, perdant un ou deux éclats».

[95] Следует иметь в виду, что историчность А. фон Вреде продолжает оставаться под вопросом: не исключено, что автором приписываемого ему сочинения был сам Г. фон Мальцан (см. подробнее: Французов 2009a. С. 11; Французов 2012. С. 12–13).

[96] Необходимо отметить, что *'bys*^{3}*'* и *'byṯ'* являются двумя орфографическими вариантами одного антропонима.

двумя надписями, наиболее существенное из которых касается формы средней части ⟨, заостренной в RES 2687 и закругленной в KR 10. Но, может быть, в RES 2687 речь идет о том Йашхур'иле, который не позже середины II в. до н. э. стал чеканить бронзовые монеты со своим изображением? Анализ содержания RES 2687 позволяет отвергнуть это предположение. В первой половине этой надписи приводится исчерпывающая информация о том, по чьему распоряжению и для чего была построена оборонительная стена в вади Либнā (стк. 1–3):

> «Шакм Салḫāн, сын Ридвāна, руководил строительными работами для господина своего …р'ила [Йу]хар'иша, сына Абййаćа', мукарриба Хадрамаута, когда приказали ему два его господина Хайćа['] 'ил 'Алхāн, сын Бин'ила, и Даус Масбад, сын Ẓарба, построить укрепление Ḳилт и высокие укрепления Ḫагра[97], (идущие) вперед от моря, из необтесанных и обтесанных камней, и он соорудил стену Ḳилт и укрепления, когда они остерегались химйаритов» (*S²km^m/S¹lḥ^n/bn/Rḍw^n/qtdm/<h-m>r'-<s¹>/ …<r'l>/[Y]<h>r's²/bn/'bys³'/mkrb/Ḥḍr<m>t/mt/'mr-s¹/mr'-s¹ww|Hys³['] 'l/ 'lhn/bn/Bn'l/w-Dws¹^m/Ms¹<bḍ>/bn/Ẓrb/h-b<n>'/'qbt^hn/Qlt/w-'qb/Ḥgr/'lhty^hn/ bn/bḥr^hn/qdm^m/'lhy/gr|bt/w-<nh>mt/w-gs¹m-hy/gn'/Qlt/w-'qb<^h>^n/<m>t/ḥḍrw/ b-Ḥmyr^m/*)[98].

Отсюда следует, что сохранившаяся до наших дней оборонительная стена в вади Либнā, которая в древности называлась *Qlt*, была построена для того, чтобы помешать оказавшимся на побережье химйаритам проникнуть по этой долине в глубинные районы Хадрамаута. Но появление Химйара на исторической арене принято связывать с его отделением от Катабанского государства, состоявшимся, по всей видимости, ок. 110 г. до н. э., от которого берет свое начало так называемая химйаритская эра[99]. Во всяком случае пока не выявлено ни одной упоминающей химйаритов надписи, которую можно было бы отнести к I тысячелетию до н. э. Таким образом, датировка RES 2687 II в. до н. э. оказалась бы не только палеографически сомнительной, но и с исторической точки зрения недопустимой, даже если, следуя сабеистической традиции, рассматривать ее как самое раннее свидетельство существования Химйара. Следовательно, приписывать чеканку хадрамаутских бронзовых монет с легендой *Ys²h* не просто Йашхур'илу, а Йашхур'илу Йухар'ишу, сыну Абййаćа', мукаррибу Хадрамаута, как это продолжает делать А. В. Седов (Седов 2005. С. 390–395; Sedov 2008. P. 279–281), недопустимо.

---

[97] Ср. с современным вади Ḫаджр, проходящим к северу и востоку от вади Либнā (см. карту 6). Судя по упоминанию в датированной 360 г. н. э. 'Abadān 1 «гор Ḫагра» (стк. 38: *''rr/Ḥgr*), в древности топоним *Ḥgr* обозначал весь прилегающий к этой долине район. К сожалению, «укрепления Ḫагра», о которых идет речь в RES 2687/2, пока не идентифицированы.

[98] Во второй половине надписи сообщается о возведении отдельных частей стены Ḳилт: башен Йаз'ан, Йазта'ан и ворот Йакун (стк. 4), — а также несохранившихся вспомогательных построек из необожженного (высушенного на солнце) кирпича (стк. 5: *bn-mw/lbn/s²ms¹*). В самом конце приведена интересная информация о том, что описанные в надписи работы продолжались три месяца и в них участвовали 120 человек (стк. 5).

[99] См., например: Robin 1998b. P. 126.

3. ХАДРАМАУТ В БОРЬБЕ ЗА ГЕГЕМОНИЮ НАД ЮЖНОЙ АРАВИЕЙ. СОЮЗ С САБОЙ В КОНЦЕ II — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ III В. Н. Э. И САБЕЙСКО-ХАДРАМАУТСКАЯ ВОЙНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГГ. III В.

Разгром царя Хадрамаута Йада‘’ила и его армии в ал-Джауфе в конце I в. н. э. не был случайностью. Своему основному противнику, объединенному Сабейско-Химйаритскому царству, Хадрамаутское государство не только уступало в несколько раз по людским ресурсам[100], но и обладало куда меньшим экономическим потенциалом. Иначе трудно объяснить, почему для II в. до н. э. — первых веков н. э. известны только бронзовые выпуски хадрамаутских монет[101] и до сих пор не обнаружено ни одной серебряной монеты, отчеканенной в этом государстве на протяжении всего данного периода, хотя ранее оно выпускало подражания афинским тетрадрахмам из серебра. Укажем для сравнения, что массовую чеканку серебряной монеты со своим изображением, которая, пожалуй, является чаще всего встречающимся нумизматическим материалом, происходящим из древнего Йемена, предпринял царь Сабейско-Химйаритского государства ‘Амдāн Баййин Йухаḳбид, правивший на рубеже I–II вв. н. э. (Robin 1996a. Col. 1202; Седов 2005. С. 405–406)[102]. Его монеты были обнаружены и на территории Хадрамаута, в частности, на городище Би’р ‘Алī, в Шабве и вади ‘Амд (Седов 2005. С. 405).

В самом начале II в. н. э., после правления ‘Амдāна Баййина Йухаḳбида, который уже не принадлежал к так называемой «традиционной сабейской династии» и, возможно, являлся узурпатором[103], Саба и Химйар вновь стали двумя самостоятельными государствами. Вероятно, вследствие этого внешнеполитическое положение Хадрамаута несколько упрочилось. Не удивительно, что когда в середине II в. н. э. вновь произошло объединение Сабейского и Химйаритского царств, на этот раз — под властью соправителей Са‘адшамса Асра‘ и Марṣада Йухаḥмида, носивших титул царей Сабы и ẕū Райдāна, против них сложилась так называемая «восточная коалиция»[104] в составе царя Хадрамаута Йада‘’ила[105], царя Катабана Набаṭа Йухан‘има, по-видимому, последнего монарха этого государства[106], и Вахаб’ила Йаḥӯза ẕū Ма‘āхира, ḳайла Радмāна, Ḫаулāна и Мадḫī[107]. Привязка войны между Сабейско-Химйаритским государством и восточной коалицией

[100] Соответствующие подсчеты см. в разделе 1 данной главы.

[101] См. о них: Седов 2005. С. 390–402, 526, табл. 36; Munro-Hay 2003. P. 188–194.

[102] О его монетах см. подробнее: Robin 1996a. Col. 1199–1200, fig. 1058 e; Munro-Hay 2003. P. 157–171.

[103] См. о нем, в частности: Robin 1991e; Robin 1992c. P. 229; Robin 1996a. Col. 1134–1136.

[104] Так предложил называть ее М. Бā Фаḳīх (Bāfaqīh 1990. P. 352).

[105] Его идентификация с царем Хадрамаута Йада‘’илом Баййином, сыном Йада‘’аба Ḡайлāна, автором RES 4698 (см. примеч. 303 к главе II), предложенная М. ‘Арбашем и М. Бā Фаḳīхом (Arbach, Bāfaqīh 1998. P. 123), остается чисто гипотетической.

[106] См. об этом, например, в Bāfaqīh 1990. P. 205, tableau 4; Arbach, Bāfaqīh 1998. P. 123–124.

[107] Об области Ḫаулāн, локализуемой к юго-востоку от Радмāна см.: Bāfaqīh 1990. P. 216, а о расположенной непосредственно к востоку от Ḫаулāна области Мадḫī см. примеч. 48 к главе I.

к абсолютной хронологии стала возможной благодаря надписи Вахаб'ила Йаḫ̄уза о ремонте колодца, в последних строках которой сообщается, что она была составлена «после войны в 72 году» (MAFRAY–Sāri‘ 6/4–5: *’ṯrn/ḏr^{m}/b-ḫrf^{n}|ḏ-l-ṯny/w-s^{1}b‘hy/ḫryft^{m}*). Дата приведена по радманской эре и соответствует 146–147 гг. н. э. Перипетии этой кампании, очевидно, описаны в первой половине Ja 629 и в Ir 5 (Robin 1992c. P. 226, n. 18)[108] и представляют собой первые точно датированные события в истории Южной Аравии (Robin 1996a. Col. 1137). В Ja 629/1–23 ее авторы, Марc̲ад и его сын З̲арḫ̄ан Ашва‘ из рода з̲ӯ Гирāф (стк. 1: *Mrṯd^{m}/Y[…/w-b]n-hw/D̲rḥ^{n}/’s^{2}w‘/ bny/ḏ-Grf^{m}*)[109], ḳайли общины файшāн и йухаб‘ил (стк. 1–2: *’q|wl/s^{2} ‘b^{n}/Yhb ‘l*; 17–18: *s^{2} ‘b-|hmw/Fys^{2n}/w-Yhb ‘l*), обитавшей в Марибском оазисе, сообщают о том, как они вместе с сабейско-химйаритскими войсками, которыми командовали их повелители Са‘адшамс Асра‘ и Марc̲ад Йухаḫмид, вступили на территорию общины радмāн в ходе войны, начатой Вахаб'илом, хадрамаутцами, катабанцами, радманитами и общиной мадḫ̄ī, и дошли до Ва‘лāна, главного города Радмāна, где и произошло решающее сражение, в котором Йада‘’ил, Набаṭ и Вахаб'ил потерпели поражение, но, судя по всему, Ва‘лāн не сдали. После этого оба царя Сабы и з̲ӯ Райдāна вместе с войском благополучно возвратились в Мариб. В Ir 5 речь идет об участии в этой же кампании ее автора — Шараḫ'ила Ас'ара из рода З̲арāниḫ, представители которого были ḳайлами общины З̲амарī, локализуемой к югу от Санской равнины. Правда, в ней указано, что оба сабейско-химйаритских царя, Са‘адшамс Асра‘ и Марc̲ад Йухаḫмид, «выступили в поход на землю Радмāна, чтобы сразиться с войском Йада‘’ила, царя Хадрамаута, и Вахаб'илом з̲ӯ Ма‘āхиром и воинами и общинами, которые были с ними заодно» (Ir 5, § 2: *s^{1}b’w/‘dy/’rḍ/Rdm^{n}/l-tqdm-n/b-‘m/mṣr/Yd‘’l/mlk/Ḥḍrmwt/w-Whb’l/bn/M‘hr/w-’s^{1}d/w-’s^{2} ‘b/kyn/kwn-hmw/*). Вероятно, в своей надписи Шараḫ'ил Ас'ар упомянул только тех правителей, с войсками которых он со своим отрядом непосредственно вступал в столкновение.

Вторая кампания, в которой был задействован З̲арḫ̄ан Ашва‘, описана в следующей части Ja 629 (стк. 24–36). В ходе нее вместе с войском, во главе которого стояли все те же два царя Са‘адшамс Асра‘ и Марc̲ад Йухаḫмид, он дошел до города Ха̄лазув (городище Хаджар Варрāç̣ в вади Ладжийа, притоке вади Марḫ̲а; см. карту 6), его округа и районов, расположенных к востоку от него (стк. 27: *‘dy/ḫlf/hgr^{n}/Ḥlzw^{m}/w-ms^{2}rqyt^{n}*), участвовал во взятии этого города и разорении окрестных земель, а также «в покорении и подчинении города Манваб и всех городов и крепостей общины аусāн и города Шай‘āн» (стк. 30–31: *b-hs^{1}b‘n/w-wḍ‘/hgr^{n}/Mnwb^{m}/w-kl/hgr/w-mṣn‘/s^{2} ‘b^{n}| ’ws^{1n}/w-hgr^{n}/S^{2}y‘^{n}*)[110]. Кроме

[108] Перевод надписи Ja 629, выполненный ее издателем, как и многие другие переводы А. Жамма с эпиграфических южноаравийских языков на английский, местами совершенно невразумителен, поэтому при ее рассмотрении следует пользоваться исправленным переводом, принадлежащим А. Ф. Л. Бистону (Beeston 1976c. P. 43–45).

[109] К сожалению, «эпитет» Марc̲ада, от которого сохранился только начальный знак, реконструкции не поддается.

[110] Древний город Манваб предположительно локализуется на городище Хаджар ан-Нāб недалеко от места слияния вади Ладжийа и вади Марḫ̲а (см. карту 6), а Шай‘āн — на высотах Мисвара (Robin 1992c. P. 217, fig. 2, 226).

того, Зарḫāну Ашва‘ довелось принять участие в преследовании «хадрамаутцев и бедуинов, которые достигли округа Тамна‘» (стк. 33–34: *b-‘d/’ḥḍr/w-‘rb/mẓ’w/‘dy|ḫlf/Tmn‘*). По мнению Кр. Ж. Робена, это — первое указание на использование бедуинских отрядов в военных действиях, которые вело Хадрамаутское государство (Robin 1991f. P. 78). Усиление роли бедуинов-верблюдоводов (или «полных бедуинов») во всей Аравии в первых веках н. э., выразившееся в их участии в борьбе за гегемонию в Южной Аравии на стороне местных государств, было связано, в частности, с тем, что заимствование ими нового верхового седла для верблюдов (седла с лукой) дало им возможность быстрых и дальних перемещений на этих верховых животных[111].

В это время Марṣад, отец Зарḫāна Ашва‘, вместе с Шараḥ’илом Ас’аром, автором Ir 5, и другими ḳайлами: Шараḥ‘аṣатом из рода Бата‘, Илīрāмом из рода Суḫайм, Йар‘адом из рода Са’рāн и Йарīмом из рода Хамдāн, — защищали равнину Раḫбатāн к северу от Саны (Ja 629/36–41). Скорее всего, победоносный поход царя Набаṭа Йухан‘има на эту равнину, о котором сообщается в надписях CIAS 47.82/o2 (стк. 7–10) и CIAS 95.11/o2 (стк. 6–9), относился к этой же кампании.

После открытия надписи MAFRAY — al-Ḥijla 1, датированной 85 г. радманской эры (стк. 1–2), т. е. 159–160 гг. н. э., с упоминанием «войны между царем Сабы и зӯ Райдāна, царем Хадрамаута и царем Катабана» (стк. 3–4: *ḍrᵐ/byn/mlk/S¹b’/w-ḏ-Rydⁿ/w-mlk/Ḥ|ḍrmwt/w-mlk/Qtbn*) Кр. Ж. Робен высказал хорошо аргументированное предположение о том, что именно в ходе этой войны и произошли те события, о которых повествуется во второй половине Ja 629, в CIAS 47.82/o2 и CIAS 95.11/o2 (Robin 1992c. P. 226; Robin 1996a. Col. 1137).

Так называемая «восточная коализация», объединившая в середине 40-х — конце 50-х гг. II в. н. э. царя Хадрамаута, царя Катабана и ḳайла, самостоятельно управлявшего несколькими областями, находившимися к юго-западу от Катабана, была, разумеется, не единственным военно-политическим союзом, в который Хадрамаутское царство оказалось вовлечено во II–III вв. н. э. Так, во фрагментарной надписи Гр 124/3–6 из окрестностей селения Ḫадаḳāн, расположенном на севере Санской равнины, ее автор, чье имя не сохранилось, сообщал о «погибших и лишенных оружия и доспехов воинах[112], которых он убил из общины хи[м]йара, ḫадрамаута и бедуинов [в] войне, которую цари Сабы вели с этими общинами» (*’ḫll/hrg/bn/s² ‘bⁿ/Ḥ|[m]yrᵐ/w-Ḥḍrmwt/w-‘rbⁿ|[b]-ḍr/ ḍrrw/’mlk/S¹b’/’ln|[’]s² ‘bⁿ*). До сих пор не известно ни одного другого случая, когда бы Хадрамаут участвовал в боевых действия в коалиции с Химйаром. К сожалению, сколько-нибудь определенная датировка Гр 124 не представляется возможной[113]: события, о которых в ней говорится, могли произойти как до формирования «восточной коалиции», в период непродолжительного

[111] См., например: Пиотровский 1985. С. 50–51.

[112] См. интерпретацию формы дв. ч. от этого же слова (*ḫllyn*) как «warrior slain and despoiled | guerrier tué et dépouillé»: Beeston et al. 1982. P. 68.

[113] На уникальную информацию, содержащуюся в Гр 124, было обращено внимание еще в Коротаев, Французов 1998. С. 6.

самостоятельного существования Сабы и Химйара в первой половине II в. н. э., так и после того, как в последние десятилетия этого века Сабейско-Химйаритское государство вновь распалось. В качестве *terminus ante quem* для Гр 124 следует признать 70-е гг. III в. н. э., когда Химйар окончательно аннексировал Сабейское царство.

Союзные отношения Сабы и Хадрамаута поддерживались при нескольких хадрамаутских царях. Так, авторы Nāmī NNSQ 19, имена которых до нас не дошли, сообщают, что «в этот год со[е]динились их господин ʿАлхāн, царь Сабы, с Йадаʿʾилом, царем Хадрамаута, чтобы дать продолжение их [с]оюзу в Ẓāт Ṭайле, и они зак[лючили союз] благополучно» (стк. 9–13: *w-b-hwt/ḫrfⁿ/t'|[t]m/mr'-hmw/'lhn/mlk/S¹b'/b-'|[m/]Ydʿʾl/mlk/Ḥḍrmwt/l-tlw|[n/.']ḫwn-hmw/b-Ḏt/Ḡylᵐ/w-t'|[ḫww/]b-wfyᵐ*). Упомянутый здесь царь Сабы ʿАлхāн — это ʿАлхāн Нахфāн, сын Йарӣма Аймана, правивший на рубеже II–III вв. н. э. (Bāfaqīh 1990. P. 136, tableau 2; Robin 1996a. Col. 1135–1136). Идентификация царя Йадаʿʾила с Йадаʿʾилом Баййином, царем Хадрамаута, сыном Раʾабʾила, автором надписи на скале Мирваḫ в районе ал-ʿУḳла, к западу от Шабвы (Мирваḫ 1)[114], не исключена (Arbach, Bāfaqīh 1998. P. 124–125, n. 47), но серьезными аргументами не подтверждается. К сожалению, установить, какой именно год имелся в виду в Nāmī NNSQ 19, невозможно. Что касается Ẓāт Ṭайла, то этот древний город, локализованный на городище Хаджар Бин Ḫумайд (см. карту 6), именовался так в сабейских надписях, а в катабанских эпиграфических памятниках он носил название Ẓӯ Ṭайл (*Ḏ-Ḡylᵐ*)[115]. Существует гипотеза, что после того, как к середине II в. н. э. Катабан потерял свою столицу Тамнаʿ, туда перенесли свою резиденцию последние цари этого государства (Bāfaqīh 1990. P. 211). Кроме того, имеющийся эпиграфический материал позволяет сделать вывод о том, что после заключения сабейско-хадрамаутского союза в Ẓāт Ṭайле этот город достался Хадрамауту, что означало конец существования Катабанского царства. На это указывает находка надписи на хадрамаутском языке CIAS 47.82/o6, которую представители рода ẓӯ Вадд посвятили местному божеству Варафӯ оракула ʿАмма (стк. 4–5: *Wr|fw/'mr-'m*) и передали под его покровительство свои поля и все, чем они владели в самом Ẓāт Ṭайле и в двух его вади (стк. 9–13). Еще более определенно о переходе этого города под власть Хадрамаута свидетельствует найденная к юго-западу от Хаджар Бин Ḫумайда надпись Ja 2888 на блоке из красного гранита, которая была составлена хадрамаутским царем Йадаʿʾабом Ṭайлāном, сыном Ṭайлāна, в ознаменование того, что он «возвел, завершил и достроил доверху стену своего города Ẓӯ Ṭайл» (стк. 2–4: *br|'/w-s¹qḥ/w-s¹s²qr/gn|'/hgr-s¹/Ḏ-Ḡylᵐ*). Очевидно, этот же монарх упомянут в заклю-

[114] По-видимому, это был первый хадрамаутский царь, который прибыл в ал-ʿУḳлу, чтобы провести церемонию пожалования «эпитетов» к личными именам (см. выше примеч. 88 к данной главе): *s¹yr/'d|gndl/Mrwḥ(/)h-s¹lqb* — «пришел к скале Мирваḫ, чтобы наделять почетными прозвищами» (Мирваḫ 1/2–3).

[115] В хадрамаутской эпиграфике этот город известен и как *Ḏt/Ḡylᵐ* (CIAS 47.82/o6, стк. 12–13), и как *Ḏ-Ḡylᵐ* (Ja 2888/4). См. о нем: Французов 2006б. С. 148, примеч. 26, 27. Ср.: Bāfaqīh 1990. P. 211–212, n. 36.

чительной части одной из надписей комплекса городских ворот Сумхурāма как «Йада‘’аб, царь Хадрамаута, сын Ṛайлāна» (Ja 2885 = KR 9/3–4: *Yd‘’|b/mlk/Ḥḍrmt/bn/ Ḡyl^{n}*)[116]. Появление странной патронимии *Ḡyl^{n}*, состоящей из одного «эпитета» без личного имени, может быть связано либо с размыванием традиционной царской антропонимики Хадрамаута, либо с сокращенной передачей имени отца царя, которое совпадало с именем его сына[117].

Еще одно упоминание все того же Йада‘’аба Ṛайлāна, царя Хадрамаута, обнаруживается в CIH 308, где говорится о союзе, который с ним заключили сабейцы в лице их царя ‘Алхāна Нахфāна (стк. 15–16)[118]. На этот союз в надписи была дана ссылка в связи с тем, что по его образцу отношения между ‘Алхāном и сабейцами, с одной стороны, и царем Аксума[119] Гадарой (*Gdrt*) и его войском (*mṣr/’ḥbs^{2n}*)[120], с другой, облеклись в форму скрепленного клятвой соглашения о совместных действиях как на войне, так и в мирное время (стк. 10–15). Очевидно, прямым следствием сабейско-хадрамаутского и сабейско-аксумского союзов стало совместное выступление войск этих трех государств против Химйара в период правления ‘Алхāна Нахфāна, о чем сообщается в Nāmī N‘Ǧ 13 + 14. Согласно этой фрагментарной надписи, борьбу против химйаритов вели царь Сабы ‘Алхāн, отборные отряды его войска и бедуины царя Сабы, царь Хадрамаута Йада‘’аб, явно идентичный упомянутому в CIH 308 Йада‘’абу Ṛайлāну, вместе с бедуинами царя Хадрамаута и, по-видимому, со своим регулярным войском, общины радмāн, х̮аулāн, мад̣х̣ӣ[121], ḳатабāн, а также предводители и общины царя Абиссинии, т. е. Аксума (стк. 1–2: *‘lhn/mlk-S^{1}b’/w-ḫmys^{1}/w-’‘rb/mlk-S^{1}b’/w-Yd‘’b/<w>-[...]|w-’‘rb/mlk/Ḥḍrmwt/w-’s^{2}‘b^{n}/Rdm^{n}/w-Ḫwl^{n}/w-Mḍḥy^{m}/w-Qtbn/w-’qwl/w-’qdm/w-’s^{2}‘b/mlk/Ḥbs^{2}t*). Несмотря на столь внушительный состав коалиции, ее действия оказались не слишком успешными: во всяком случае отборные части Химйара «изгнали с [зем]ли и виноградников зӯ Райдāна слуг (?)[122], отборные отряды и бедуинов [ца]ря Хадрамаута» (стк. 3: *w-fl<s^{3}/b>[n/’]<rḍ/w-’wyn/ḏ-Ryd^{n}/’>ḏynt/w-ḫmys^{1}/w-’‘rb/[ml]<k/Ḥḍrmwt>*).

---

[116] Это — самый поздний верховный правитель Хадрамаута, засвидетельствованный в надписях из Хор Рори.

[117] Т. е. вместо того, чтобы дважды писать *Yd‘’b/Ḡyl^{n}*, второй раз от полного имени оставили только заключительную часть. Впрочем, нужно отметить, что в южноаравийской эпиграфике не известно ни одного случая, когда бы царь или мукарриб носил то же имя, что и его отец.

[118] О совместном выступлении этих двух царей-союзников против Химйара кратко сообщается во фрагментарном тексте CIH 155/1–3 (см.: Bron 2004. P. 70).

[119] Краткий очерк истории Аксумского царства см.: Французов 2000г; исчерпывающие сведения об участии Аксума в военно-политической борьбе южноаравийских государств в средний период см.: Robin 1989.

[120] Строго говоря, в CIH 308 он носит титул *mlk/Ḥbst^{n}* — «царь Х̣абашатāн (или хабашитов)»; от этого этнотопонима, обозначавшего один из народов Аксумского царства и заселенные им земли, и произошло через арабское ал-Х̣абаша название страны «Абиссиния», ныне почти вышедшее из употребления, по крайней мере в отечественной науке. О Гадаре см.: Sima 2005; Чернецов, Французов 2005.

[121] На участие общины мад̣х̣ӣ в этой коалиции обратил внимание Кр. Ж. Робен (Robin 2007. P. 76–77).

[122] Ср.: Ryckmans J. 1969. P. 102: «les sujets». Впрочем, в «Сабейском словаре» имя собирательное *’ḏn-n* (мн. ч. *’ḏynt*) с некоторыми сомнениями толкуется как «retainers, retinue | serviteurs, suite, entourage» (Beeston et al. 1982. P. 2).

Обе надписи, CIH 308 и Nāmī NAǦ 13 + 14 считаются самыми ранними свидетельствами появления на территории Южной Аравии аксумитов (Robin 1996a. Col. 1137), участие которых в борьбе за гегемонию над этим регионом придало ей бóльшую остроту и сделало ее куда менее предсказуемой.

До недавнего времени имевшийся в распоряжении исследователей эпиграфический материал не позволял с уверенностью установить, кто из хадрамаутских царей, заключивших союз с ʿАлхāном Нахфāном, правил первым: Йада‘’ил, упомянутый в Nāmī NNSQ 19, или Йада‘’аб Ḡайлāн (Robin 1996a. Col. 1138). Лишь благодаря тому, что в финальной инвокации неизданной надписи MQ–al-ʿAlma 1 ее автор Илīна’ад Ас’ар, представитель знатного рода Кабарāн[123] из общины мадхū, при перечислении царей Хадрамаута, являвшихся его сюзеренами, сначала назвал Йада‘’аба Ḡайлāна, а следом за ним — Йада‘’ила Баййина (стк. 11–12: *w-b-mqm|[w-]<rd>’/mr’y-hmw/Yd‘’b/Ḡyl*^{n}*/w-Yd‘’l/Byn/’mlk/Ḥḍrmt*), становится понятным, что именно такой была последовательность их пребывания у власти (Robin 2007. P. 76, 92).

По всей видимости, при этом же Йада‘’иле Баййине в состав Хадрамаутского царства входила территория вади Дура’ (см. карту 6), так же, как и город Зāт Ḡайл с окрестностями, доставшиеся Хадрамауту при разделе катабанских владений. На это указывает надпись на серебряном тазу LPC 6, которая несомненно происходит с некрополя городища Хаджар ам-Зайбūйа. Ее автор Саʿадшамс Заḫаб (или зū Ḫабб; *ḏ-Ḥb*^{m}) в качестве своего господина (*mr’-s*^{1}) называет Йада‘’ила, царя Хадрамаута. Надпись на другом серебряном тазу, найденном, в отличие от предыдущего, при регулярных, а не при «пиратских» раскопках того же некрополя, содержит посвящение Сийāну зū Алīму (Hajar am-Dhaybiyya 1). Этих двух текстов вполне достаточно, чтобы снять сомнения относительно того, кому в конце II — начале III в. н. э. принадлежало вади Дура’[124].

После того как на хадрамаутском троне оказался Илīʿазз[125] Йалуṯ, сын ʿАммīзаḫира, союз Сабы с Хадрамаутом, похоже, был разорван. Этот царь стал первым среди монархов этого государства, чье правление было отмечено серией надписей, высеченных на скале Анвад в районе ал-ʿУḳлы[126]. Вполне вероятно, что все они или большая их часть имеют отношение к его восшествию на престол, которое сопровождалось церемонией пожалования «эпитетов». Так, надпись Ja 921, сообщающая о том, что «Илīʿазз Йалуṯ, царь Хадрамаута, сын ʿАммīзаḫира, пришел к скале Анвад, чтобы наделять почетными прозвищами»

[123] См. о нем: Robin 2007. P. 65.

[124] Подобные сомнения высказывались после того, как был обнаружен сосуд с надпись Hajar am-Dhaybiyya 1. По мнению М. Бā Фаḳīха, одного только упоминания Сийāна зū Алīма «недостаточно для того, чтобы доказать наличие хадрамаутского господства в районе Дура’ (Breton, Bāfaqīh 1993. P. 82).

[125] В сабейских надписях его имя приводится в ином написании — Илīʿазз (*’l‘z*). Как известно, в хадрамаутской письменной традиции знак 𐩦 (*ḏ*) передавал фонему *z* (Frantsouzoff 2001a. P. 50; Frantsouzoff 2003a. P. 41–42).

[126] Правивший несомненно раньше него Йада‘’ил Баййин, сын Ра’аб’ила, оставил лишь одну надпись на скале Мирваḫ (см. выше примеч. 114 к данной главе), которая локализована в 5 км к северу от скалы Анвад.

(*’l‘ḏ/Ylṭ/mlk/Ḥ|ḍrmt/bn/‘mḏḫr/s¹y|r/’d/gndl^{n}/’nwd^{m}/h-|s¹lqb*), за исключением имени правителя и названия скалы, полностью совпадает по содержанию с Мирваҳ 1. Наиболее ценная информация, которая в эпиграфических памятниках ал-‘Уқлы относится к этому царю, связана с его международными контактами. Два химйарита Йадум, сын Раṯба, и Марṣад, сын Ша‘бнийӯ, составившие надпись Ja 923, были отправлены их повелителем, царем Сабы и зӯ Райдāна Ṣа’рāном Йа‘ӯбом Йухан‘имом к его союзнику (стк. 6–7: *’|ḫ-s¹*) Илī‘аззу Йалуṯу, сыну ‘Аммīзаҳира, которого они сопровождали (*s²w‘w*) во время проводившейся у скалы Анвад церемонии. Интересно, что авторы надписи называют каждого из этих двух царей «своим (дв. ч.) господином» (*mr’-s¹myn*). Поскольку отношения Сабейского и Химйаритского царств в периоды их раздельного существования были практически постоянно враждебными, невозможно представить, чтобы Илī‘азз Йалуṯ, оставаясь в альянсе с Сабой, одновременно стал союзником Химйара[127]. Да против кого, если не против сабейского царя, мог быть заключен союз химйаритского и хадрамаутского монархов?

Приблизительная датировка воцарения Илī‘аззa Йалуṯа, сына ‘Аммīзаҳира, стала возможной благодаря надписи Ja 931, в которой говорится о том, что его сопровождали:

— два пальмирца Ҳайрī и ‘Азīз (стк. 1–2: *Ḥyry/w-‘ḏḏ ^{m}/Tḏmryy^{hn}*);

— два «халдея», чьи имена надежному прочтению не поддаются (стк. 2–3: *Ḏmtrn(ḏ-Mtrn)/w-Flqt|Ks²dyy^{hn}*);

— два индийца Дахардах и Миндах (стк. 3–4: *Dhrdh/w-Mndh/Hndyy^{hn}*).

Ж. Рикманс обратил внимание на сходство имен Дахардаха и индийского посла к римскому императору Элагабалу (218–222) Дандамиса, с которым, согласно философу-неоплатонику Порфирию (Porph. De abst. IV, 17)[128], встречался в Эмессе (Химсе) крупнейший деятель ранней сирийской культуры Бардайсан / Бардесан (154–222). Как известно, он специально интересовался Индией и даже составил о ней книгу, которая, к сожалению, целиком до нас не дошла, хотя небольшие отрывки из нее уцелели в пересказе других авторов[129]. Отождествление Дахардаха с Дандамисом, которое предложивший его бельгийский сабеист рассматривал лишь как «соблазнительную гипотезу», указывая, что и в хадрамаутской, и в греческой передаче исходное имя было несомненно серьезно искажено (Ryckmans J. 1964. P. 282), встретило поддержку ряда других исследователей: основываясь на нем, Кр. Ж. Робен предложил датировать церемонию интронизации Илī‘аззa Йалуṯа, на которой этот индийский

[127] Это обстоятельство зачастую упускают из виду. Так, по утверждению Фр. Брона, союз Сабы и Хадрамаута, заключенный при ‘Алхāне Нахфāне, «сохранялся в начале царствования Ша‘рума Аутара, поскольку новый царь Хадрамаута, Илī‘азз Йалуṯ, взял в жены сестру Ша‘рума Аутара, Māликҳалак, о чем нам сообщает текст Ir 13» (Bron 2004. P. 71). Этот династический брак имел место, однако непрерывности в союзных отношениях между Хадрамаутом и Сабой в конце правления ‘Алхāна Нахфāна и в начале правления его сына Ша‘ра Аутара не прослеживается.

[128] При этом Ж. Рикманс сослался на греческое название этого трактата — Περὶ ἀποχῆς ἐμψύχων («О воздержании от животной пищи»), а не на его общепринятое сокращенное латинское обозначение (Ryckmans J. 1964. P. 282, n. 38).

[129] Об интересе Бардайсана к Индии см., в частности: Хосроев 2007. С. 121, примеч. 564.

посол присутствовал до того, как отправиться в Сирию, не позднее чем 214 г. н. э. (Robin 1981a. P. 336)[130]. О связях Хадрамаута с Индией свидетельствуют индийские граффити, обнаруженные в Ḳани', Сумхурāме (Бухарин 2009. С. 245, примеч. 13), а также в глубине пещеры, расположенной в местности Ḫоḳ на острове Сокотра[131]. На стенах этой же пещеры были также найдены по крайней мере одна хадрамаутская (Т 34)[132], несколько южноаравийских[133] и, возможно, раннеэфиопских («геэзских») граффити (Т 40, 41, 43)[134]. Следует отметить, что несмотря на встречающееся в «Перипле Эритрейского моря» утверждение о том, что остров Диоскурида, т. е. Сокотра, подчинялся царю Ладаноносной страны, т. е. Хадрамаута (Periplus Maris Erythraei, § 31), никаких археологических или эпиграфических данных, указывающих на существование реального политического контроля Хадрамаутского государства над Сокотрой не найдено. Не считать же полноценным аргументом двустрочное граффити, в котором надежному истолкованию поддается лишь теофорный антропоним *'bds¹y* — «Раб Сийā(на)» (Т 34/1–2), в хадрамаутской эпиграфике встречающийся крайне редко (Французов 2009а. С. 124, примеч. 38; Французов 2012. С. 119, примеч. 38).

Имена обоих представителей Пальмиры засвидетельствованы в пальмирском ономастиконе (Bron 1986. P. 96, 98, n. 10). Согласно остроумному предположению Фр. Брона, попытавшегося прочесть нисбу *Tḏmryʰⁿ* в стк. 1 сильно поврежденной надписи RES 4691, посвященной Сийāну зӯ Алāму в его храм Алāм (стк. 2), ее составили два пальмирца, *'ḏḏ ᵐ/bn/'b'ns¹* и *Rb'l/bn/'ḏ ᵐ*, первый из которых идентичен *'ḏḏ ᵐ* из Ja 931/1 (Bron 1986. P. 96–97)[135]. Однако с этим допущением совершенно не согласуется патронимия 'Азӣза — Абӣ'анас, широко представленная в южноаравийской антропонимике, в том числе в хадрамаутской (Французов 2009а. С. 187, № 2; Французов 2012. С. 189, № 2).

О проникновении пальмирцев не только на юг Аравийского полуострова, но и в Индийский океан, на остров Сокотру, свидетельствует деревянная табличка De Geest с пальмирской надписью, которая получила этот сигл в честь бельгийского спелеолога, обнаружившего ее в той же пещере в местности Ḫоḳ, где найдены многочисленные граффити на разных языках. Текст на табличке, точно датированный 25 таммуза (июля) 569 г. селевкидской эры (258 г. н. э.), был составлен Абгаром, сыном 'Аббшамайā' (стк. 1: *'bgr/br|'bšmy'*), и призывает на того, кто его прочтет, благословение не названного по имени бога (стк. 7: *ybrwk 'lh'*), причем издатель надписи Мария Гореа исключает воз-

[130] См. также: Бухарин 2007. С. 278.

[131] Последние пока остаются неопубликованными; судя по их шрифту, составившие их индийцы происходили из царства Кшатрапа и жили в первые века н. э. (см. об этих граффити: Robin, Gorea 2002. P. 422–423, fig. 9–11; 425, 427).

[132] Издана в Robin, Gorea 2002. P. 423–424, fig. 12–13; 428.

[133] См., например, Т 39, опубликованную в Robin, Gorea 2002. P. 428, 430, 429, fig. 15.

[134] Изданы в Robin, Gorea 2002. P. 429, fig. 16; 430, 432, 431, fig. 17–18.

[135] В этой связи он отмечал, что имя *Rb'l* у пальмирцев известно, а *'ḏᵐ* соответствует пальмирскому *'wdw* и арабскому 'Ауз̲ (Bron 1986. P. 97).

можность его связи с каким-либо монотеистическим культом[136]. Не нужно забывать и о краткой курсивной пальмирской надписи на керамике из раскопок в Би'р ʻАлӣ[137].

В отношении «халдеев» ничего определенного, кроме того, что они происходят из Месопотамии, сказать нельзя. Попытки идентифицировать их имена также не увенчались успехом. Так, А. Г. Лундин, настаивая на том, что речь идет о греческих именах, усмотрел в *Ḏmtrn* Деметрия, а в *Flqt* Полуэкта (Лундин 1995б. С. 149), тогда как, по мнению М. Д. Бухарина, во втором из них «угадывается греческое Φιλοκτή[της]» (Бухарин 2009. С. 246). Однако с точки зрения фонетики хадрамаутского языка, в котором отмечен переход *ḏ* в *z*, но нет никаких следов перехода *d* в *ḏ*, трудно объяснить, почему при транскрипции имени Деметрий в качестве первого знака был выбран *ḏ* (Frantsouzoff 2003a. P. 42)[138].

Значительный интерес сабеистов вызвала надпись Ja 919, поскольку составившие ее тринадцать женщин, которые «сопровождали своего господина Илӣʻазза Йалуṭа…» (стк. 5–6: *s²y'n/m|r'-s¹n/'l'ḏ/Ylṭ/...*), назвали в ней себя *qrs²ht*^{n} (стк. 5)[139]. А. Жамм интерпретировал это слово как «курайшитки», его поддержали В. В. Мюллер (Müller W. 1964. S. 380), Ж. Пиренн (Pirenne 1990. P. 109), Г. М. Бауэр (Аравия /фон Виссман, Лундин/ 1981. С. 65, 69, примеч. 27). Если согласиться с данным толкованием, то доисламская история мекканского племени ḳурайш оказывается куда продолжительнее, чем принято было считать, уходя своими корнями по меньшей мере к началу III в. н. э., да и его связи с Южной Аравией следует признать гораздо более тесными, чем можно было представить, основываясь на арабских источниках. А. Ф. Л. Бистон указывал, что именную форму на *-ht* (без *-y-*), трудно признать нисбой, но при этом проводил параллель с именами относительными ж. р. в современном бесписьменном южноаравийском языке джиббāлӣ, где они оканчиваются на *-ēt* в ед. ч. и на *-óti* во мн. ч. (Beeston 2005b. P. 133). Между тем в надписях ал-ʻУḳлы встречается хадрамаутская нисба ж. р., пусть и в дв. ч., образованная по той же модели, что и в большинстве семитских языков: *'rbyt-yn* — «две бедуинки (арабки)» (Ja 961/2), — которую А. Ф. Л. Бистон включил в качестве примера в одну из своих грамматик (Beeston 1984a. P. 68: § H 13: 2, 3). Против отождествления *qrs²ht*^{n} с курайшитками прежде всего свидетельствуют имена женщин, составивших

[136] Издание пальмирской надписи De Geest с переводом и обширным комментарием см.: Robin, Gorea 2002. P. 432–445.

[137] См. выше примеч. 12 к данной главе.

[138] С этим вынужден согласиться и М. Д. Бухарин, в целом положительно относящийся к предложенной А. Г. Лундиным интерпретации имен двух «халдеев» как греческих (Бухарин 2009. С. 246, примеч. 3).

[139] У издателя надписи А. Жамма получилось четырнадцать женщин, т. к. в начале стк. 3 он прочел антропоним *N'ms²'r* как два разных имени (*N'm* и *S²'r*). А. Ф. Л. Бистон, признавший *S²'r* за самостоятельное имя, тем не менее свел число женщин к тринадцати, присоединив элемент *N'M* к имени *Ḫytn*, стоящему в конце стк. 2, и получив ранее нигде не засвидетельствованное имя *Ḫyt-n-n'm* (Beeston 2005b. P. 133). И все же чтение, предложенное Ж. Пиренн, кажется нам предпочтительным, особенно если учесть, что никакого словоразделителя между *N'm* и *S²'r* она не обнаружила (Pirenne 1990. P. 109).

Ja 919. Более трети из них, а именно пять антропонимов (*Rbb'ṯt*, *N'ms² 'r*, *'bwdd*, *'bṣdq*, *Ḥṣyn 'm*), являются составными именами собственными, что типично для южноаравийской ономастики, и не имеют ничего общего с той доисламской арабской антропонимикой, которая сохранилась в генеалогических преданиях. Из остальных имен только для *S¹wdt* обнаружено точное соответствие в курайшитской генеалогии: такое имя носила одна из жен Пророка — Сауда (سودة) бт. Зама'а (Ibn al-Kalbi /Caskel/. II. S. 511). Скорее всего, в случае с *qrs²ht*ⁿ мы имеем дело с формой правильного мн. ч. ж. р. имени нарицательного, для которой как раз и характерно окончание *-ht* (Французов 1998. С. 147; Frantsouzoff 2003a. P. 42–43). К сожалению, контекст не содержит даже намеков на то, каким могло быть значение этого слова. Впрочем, параллель с сабейским *qrs²t* «пастух» (Beeston et al. 1982. P. 107) кажется вполне допустимой.

В других надписях из ал-'Уқлы среди людей, сопровождавших Илī'аззa Йалуṭа во время церемоний, довольно часто встречаются типично арабские личные имена и патронимии, такие как Вā'ил (Ja 925/1; Ja 928/2, 3: *W'l*ᵐ), Наср (Ja 928/1: *Nṣr*ᵐ), Нахд (Ja 928/1: *Nhd*ᵐ), Зу'айб (Ja 918/1: *Ḏ'yb*ᵐ). Правильное объяснение этому феномену, подмеченному еще А. Жаммом (Jamme 1963. P. 27), дал Ж. Рикманс, справедливо усмотревший в нем еще одно свидетельство бедуинского влияния (Ryckmans J. 1964. P. 279–280).

При обширных международных контактах Илī'азз Йалуṭ, сын 'Аммīзаḫира, плохо контролировал положение в собственной стране. На это указывает восстание, поднятое против него частью населения Внутреннего Хадрамаута. Причины подобной смуты остаются неясными: в течение целого тысячелетия эта область, находясь под политическим контролем Шабвы, но сохраняя при этом определенную религиозно-культурную автономию, одним из проявлений которой стала орфографическая реформа, осуществленная приблизительно в III в. до н. э.[140], не выказывала ни малейшей склонности к сепаратизму. Можно осторожно допустить, что Илī'азз Йалуṭ в своем стремлении к централизации нарушил какие-то издревле соблюдавшиеся привилегии общин Внутреннего Хадрамаута. Во всяком случае те же самые общины и племена, которые на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. сражались на стороне царя Хадрамаута Йада''аба Ḏайлāна против катабанского войска[141], в начале 20-х гг. III в. н. э. с не меньшим ожесточением бились против занимавшего хадрамаутский престол царя Илī'аззa Йалуṭа и его союзников. Некоторые перипетии этого восстания достаточно детально освещены в датированной 148 г. радманской эры, т. е. 222–223 гг. н. э., надписи MAFRAY — al-Mi'sāl 4, текст которой, составленный на радманском диалекте сабейского языка, любезно предоставил в распоряжение автора этих строк Кр. Ж. Робен с французским переводом и кратким комментарием, разрешив использовать его при подготовке настоящей работы, до того, как он был издан (впрочем, без фотографий и перевода) В. В. Мюллером (Müller W. 2010.

[140] См. о ней в разделе 8 главы II.

[141] Об этом подробно рассказано в надписи 'Арбаш–Сай'ӯн 1, текст которой приведен с переводом и комментарием в заключительной части раздела 9 главы II.

S. 19–20). Для того чтобы соблюсти принятые в научном сообществе этические нормы, текст MAFRAY — al-Mi‘sāl 4 воспроизведен ниже не полностью: опущена его начальная предельно формализованная часть, в которой его автор Наср Йухаҳмид из рода Ма‘āхир и зӯ Ҳаулāн, қайл Радмāна и Ҳаулāна[142] выражает благодарность своей вышней богине-покровительнице (стк. 1: *l-s²ms¹-hw/‘lyt* — «своему “солнцу” высокому»)[143] за то, что она защищала его в ходе боевых действий, описанию которых посвящена основная часть надписи. Следует отметить, что хотя Наср Йухаҳмид являлся в это время правителем подчинявшегося Хадрамауту «княжества» Радмāн (Bāfaqīh 1990. P. 219), зависимость его от хадрамаутского царя, которому он оказал военную помощь, была минимальной: так, Наср нигде прямо не называет Илī‘азза Йалуṭа, сына ‘Аммīзаҳира, своим господином[144], однако в одном месте тот все же обозначен как господин общины радмāн и ҳаулāн[145].

MAFRAY — al-Mi‘sāl 4

(стк. 2–12)

Текст

2. *…b-ywm/h‘nw/w-tns²’/bn/hgrⁿ/W‘lⁿ/w-’rḍ/Rdmⁿ/Nṣrᵐ/Yhḥmd/w-s²‘b-hw/ Rdmⁿ/w-Ḫwlⁿ/w-tns²’w/w-h‘n/b-ḫms¹/m’tᵐ/w-’lfᵐ/’s¹dᵐ/w-*
3. *‘s²rhy/’frs¹ᵐ/w-b-ṯmnw/m’tᵐ/rkybᵐ/ḡyr/ḥṣqt-hmw/w-h‘(n)w/w-mẓ’/‘d/hgrⁿ/ S²bwt/b-ywm/ tns²’w/ḍrᵐ/w-m’tmᵐ/s² ‘bⁿ/Yhb’r/w-ḏ-Hgrᵐ/w-s² ‘bⁿ*
4. *Gdmᵐ/w-s² ‘bⁿ/Ṣdfⁿ/w-s² ‘bⁿ/ḏ-Ks³rⁿ/w-ḏ-bn/’s² ‘b/w-’bwt/Ḥḍrmwt/s¹ḡrᵐ/w-ḏ-hnṣr-hmw/ḏ-bn/s² ‘bⁿ/Mhrt/w-tns²’w/m’tmᵐ/w-ḍrᵐ/b-‘ly/mr’-hmw/’l‘=*
5. *z/Ylṭ/mlk/Ḥḍrmwt/bn/‘mḏḫr/w-hwṣl/w-h‘n/Nṣrᵐ/bn/M‘hr/w-s² ‘b-hw/Rdmⁿ/w-Ḫwlⁿ/bn/hgrⁿ/ S²bwt/w-b-‘m-hmw/’qdm/s¹lḥ/mr’-hmw/’l‘z/Ylṭ*
6. *mlk/Ḥḍrmwt/w-ḏ-bn/’b‘l/hgrⁿ/S²bwt/w-ḏ-bn(/)Ms²rqⁿ/w-ḏ-bn/Qtbn/w-’‘rb/ ks³’/b-hgrⁿ/ S²bwt/w-kwn/g‘r/kl/’s¹d/h‘n*
7. *‘m-hmw/bn/hgrⁿ/S²bwt/’rb‘t/’’lfᵐ/’s¹dᵐ/w-m’t/’frs¹ᵐ/w-hwṣlw/w-mẓ’/‘d/hgrⁿ/ Ṣw’rⁿ/w-hbrrw/ Ḥḍrmwt/w-’qdm-hmw/’s¹d/m=*
8. *’tmᵐ/b-ṯmnwt/’’lfᵐ/’s¹dᵐ/w-b-’frs¹/ks³’/b-‘m-hmw/b-hgrⁿ/Ṣw’rⁿ/bn/’frs¹/mlk/Ḥḍrmwt/w-kwn/ tqdmᵐ/w-s³‘t/b-’nf/Mn‘yᵐ*
9. *w-tws³‘/w-tqdm/b-‘m-hmw/Nṣrᵐ/Yhḥmd/bn/M‘hr/w-s² ‘b-hw/Rdmⁿ/w-Ḫwlⁿ/ w-m‘n-mw/kwn/ tqdmᵐ/f-s¹ḥt/’ḥḍrⁿ/’s¹d/m’tmⁿ/w-’qdm-*
10. *[hmw/w-]s¹bṯ-[hmw/ṯny/] ’lf-nyw/’s¹dᵐ/bḍ ‘/ydᵐ/kl/’qdm-hmw/f-hrgw/w-r’s¹w/ w-hnqḍw/kl/’frs¹-hmw/w-’s¹r-hmw/w-’qdm/’s¹d/m’tmⁿ*
11. *[……..]/ḏ-’ls²rḥ/w-Mrṯdᵐ/ḏ-‘mḏkr/w-Qhdt/w-Brlt/ḏ-Qhlᵐ/’ḥrr/Yhb’r/w-ḏ-Hgrᵐ/w-s¹byw/ w-ḡnm/w-ṯll/’rb‘t/’’lfᵐ*
12. *[……..]hgr-hmw/W‘lⁿ/b-wfyᵐ/w-ḫmdᵐ/w-hwbltᵐ/w-kwn/m‘ntnw/w-s¹bṭ/m’tmⁿ/b-wrḫⁿ/ṣyd/ḏ-l-ṯmnwt/w-’rb‘hy/w-m’t/ḫryftᵐ*

---

[142] Об области Ҳаулāн см. выше примеч. 107 к данной главе.

[143] См. примеч. 91 к главе I.

[144] Как, впрочем, и союзником, хотя ранее, в середине II в. н. э., в рамках «восточной коалиции» хадрамаутский монарх состоял в союзе с тогда полностью независимым правителем Радмāна и Ҳаулāна.

[145] Точнее, их господином (*mr’-hmw*), но местоименный суффикс *-hmw* в этом контексте явно относится к радмāну и ҳаулāну (см. ниже MAFRAY — al-Mi‘sāl 4/5).

Перевод

2. … когда пришли на помощь и выступили из города Ва‘лāн и земли Радмāн Наср Йухаḥмид и его община радмāн и ḫаулāн; и они выступили и пришли на помощь с тысячью пятьюстами пехотинцами и

3. двадцатью конниками и восьмьюстами всадниками на верблюдах, не считая их обоза; и они пришли на помощь и прибыли к городу Шабве, когда поднялись на войну и на бунт[146] община йухаб’ир и з̱ū хагар и община

4. гадāм и община ṣадафāн и община з̱ū каśрāн и некоторые из малых общин и старейшин Хадрамаута[147] и те, кто поддержал их из общины махра; и они поднялись на бунт и на войну против их господина Илāʻаз-

5. за Йалуṭа, царя Хадрамаута, сына ʻАммāз̱аḥира. И отправился и пришел на помощь Наср из рода Маʻāхир и его община радмāн и ḫаулāн из города Шабва, а с ними — командиры, ответственные за вооружения (?)[148], их господина Илāʻазза Йалуṭа,

6. царя Хадрамаута, и некоторые из граждан города Шабвы и некоторые из (жителей) Машриḳāна[149] и некоторые из катабанцев и бедуины, которые были призваны в город Шабву. И составило общее число всех воинов, которые пришли на помощь

7. им из города Шабвы, четыре тысячи пехотинцев и сто конников; и отправились они и достигли города Ṣува’рāна. И вышли хадрамаутцы и их предводители, мя-

8. тежники, с восьмью тысячами пехотинцев и с конниками, которые были призваны с ними в город Ṣува’рāн, из конников царя Хадрамаута; и состоялись столкновение и сражение при Анф Манʻāʻ[150];

9. и сразился и бился с ними Наср Йухаḥмид из рода Маʻāхир и его община радмāн и ḫаулāн. И когда случилось сражение, он разгромил хадрамаутцев-мятежников и предводителей

10. [их, и среди них] вывел из строя две тысячи воинов, раненых в руку, (включая) всех их предводителей. Затем они[151] убили и обезглавили и обобрали всех их конников и пленили их[152] и предводителей мятежников

---

[146] Семантика производных от корня *ʼTM* в сабейском связана с представлением о соединении, согласии; за словом *mʼtm* было пока отмечено только одно, довольно специфическое, значение — «земельная собственность, приобретенная по соглашению» (Beeston et al. 1982. P. 8). В контексте MAFRAY — al-Miʻsāl 4 Кр. Ж. Робен предложил интерпретировать *mʼtm* как «conjuration, sédition (сговор, мятеж)», очевидно, исходя из того, что прежде чем поднять мятеж, заговорщики должны прийти к согласию друг с другом.

[147] Буквально: «и те, кто из общин и старейшин Хадрамаута, — малые». Связь *s¹ḡrᵐ* с арабским *ṣaṣūr* очевидна. Предложенное Кр. Ж. Робеном истолкование *Ḥḍrmwt/s¹ḡrᵐ* как «Нижний Хадрамаут», т. е. часть вади Ḫадрамаут в нижнем течении, к востоку от Ṣува’рāна (см. карту 7), вряд ли может быть принято. По-видимому, он исходил из аналогии с *Ḥwlⁿ/Gddᵐ* «Новый Ḫаулāн», где прилагательное также стоит в неопределенном состоянии, но в отличие от этого этнотопонима, отмеченного в десятках надписей, сочетание *Ḥḍrmwt/s¹ḡrᵐ* нигде больше не встречается.

[148] Кр. Ж. Робен, проведя очевидную параллель между *s¹lḥ* и арабским *силāḥ*, перевел *ʼqdm/s¹lḥ* как «les commandants des armes» и предположил, что так обозначалась категория офицеров, ответственная за вооружение войск.

[149] Топоним *Ms²rqⁿ* обозначал обширный район, охватывавший бассейн вади Майфаʻа и впадавших в него вади ʻАмāḳāн, Ḫаббāн и Хадā и простиравшийся на востоке до вади ʻАбадāн (см. карту 6). О Машриḳāне подробнее см.: Bāfaqīh 1990. P. 233–236, 251.

[150] К сожалению, это место не локализовано. По-видимому, оно находилось недалеко от Ṣува’рāна, в вади ал-Каср.

[151] Т. е. Наср и его воины.

[152] По-видимому, часть конников была убита, а часть — взята в плен.

11. [.....] з̱ӯ Илӣшараḫа и Марс̱ада з̱ӯ ‘Аммӣз̱акара и Ḳахду и Барраллāта з̱ӯ Ḳахала — свободных (общины) йухаб’ир и з̱ӯ хагар. И они полонили и захватили в качестве трофеев и добычи четыре тысячи
12. [..... в] свой город Ва‘лāн в целости, со славой и с животными, захваченными в качестве добычи. И состоялись два похода для оказания помощи и подавление бунта в месяц ṣайд сто сорок восьмого года.

Под двумя походами, очевидно, имелись в виду марши Наṣра Йухаḫмида и его войска из Ва‘лāна в Шабву и из Шабвы на город Ṣува’рāн. Упоминание Ṣува’рāна в тексте, датированном 222–223 гг., служит решающим аргументом против его отождествления с Би’р Ḫамадом, которое предложил П. А. Грязневич (1995a. С. 10), поскольку археологически твердо установлено, что Би’р Ḫамад прекратил свое существование тогда же, когда и Райбӯн — на рубеже н. э. (Sedov 1995b. P. 110, 112–113). Его прежняя локализация в районе ал-Каср (см. карту 7) представляется хорошо обоснованной, особенно с учетом того, что среди участников мятежа упоминаются обитатели этого района — община з̱ӯ каćрāн[153]. Остальные мятежные общины известны по описанной в надписи ‘Арбаш–Сай’ӯн 1 катабано-хадрамаутской войне рубежа I тысячелетия н. э. Это указывает на то, что состав населения Внутреннего Хадрамаута оставался стабильным на протяжении более чем двух столетий. Обозначение термином *s²‘b* поддержавших мятеж махрийцев — типичных бедуинов-верблюдоводов, не говоря уже о полукочевниках-садафитах, свидетельствует, что его использование указывало не на оседлый образ жизни той или иной этносоциальной группы, а на степень ее вовлеченности в социально-политическую структуру южноаравийской цивилизации. Следует подчеркнуть, что если мятежники были представлены оседлыми хадрамаутцами и их кочевыми и полукочевыми соседями, то в борьбе с ними царь Илӣ‘аз̱з̱ Йалуṭ в значительной мере опирался на новых подданных Хадрамаутского царства — радманитов и катабанцев.

Необходимо отметить, что подавить мятеж во Внутреннем Хадрамауте Илӣ‘аз̱з̱у Йалуṭу помог не только формально ему подчинявшийся радманский ḳайл, но и сабейский царь Ша‘р Аутар, сын ‘Алхāна Нахфāна. Очень краткое указание на это содержится во фрагментарной надписи Ja 640. Ее авторы, чьи имена утрачены, упоминают о «[св]оей [военной добыче] из города Ṣува’рāн» (стк. [1]-2: *[...ḡnm-h]|mw/bn/hgrⁿ/<Ṣ>w’rⁿ*)[154], которая им досталась, «[ко]гда они сопровожда[ли] их господина Ша[‘]ра Аутара, царя [Саб]ы и з̱ӯ Райдāна, когда он воевал, чтобы оказать помощь и поддержку [Илӣ‘а]ззу, царю Хадрамаута, против общин Хадрамау[та]» (стк. 2–5: *[y]|wm/s²w‘[w]/ mr’-hmw/S²[‘]rᵐ/ ’wtr/mlk[/S¹b]|’/w-ḏ-Rydⁿ/ywm/ḍb’/l-h‘nn/w-nṣr/[’l‘]|z/mlk/Ḥḍrmwt/ b-‘ly/’s²‘b/ Ḥḍrmw[t]*). Вероятно, об этой же кампании сообщается в CIAS 39.11/o3 n 4, где речь также идет о военной добыче, захваченной во время похода Ша‘ра Аутара

[153] Об этой общине см.: Французов 2004б. С. 46.

[154] А. Жамм прочел название города как <’>*ws¹rⁿ*, но такой город в Южной Аравии неизвестен. Между тем поврежденный первый 𐩱 (*Ṣ*) мог быть принят за 𐩰 (*алиф*), который, в свою очередь, легко спутать с 𐩪 (*s¹*): ср. 𐩬𐩧𐩰𐩥𐩱 и 𐩬𐩧𐩪𐩥𐩰.

в Ṣува’рāне (стк. 4–7), в битве при котором автор надписи Рабī‘а Ашва‘ из рода зӯ Шахар, относившегося к числу царских клиентов, собственноручно убил четырех неприятельских воинов (стк. 11)[155]. Нет никаких сомнений, что к тому времени, когда против Илī‘азза Йалуṭа, сына ‘Аммīзаḫира, был поднят мятеж, этот хадрамаутский царь являлся союзником сабейского царя Ша‘ра Аутара, о военно-политических притязаниях которого свидетельствует принятие им титула «царь Сабы и зӯ Райдāна» вместо титула «царь Сабы», который носил его отец. Об обстоятельствах заключения этого союза сведений нет. Не ясно даже, когда он был скреплен женитьбой Илī‘азза Йалуṭа на царице Маликḫалак, сестре Ша‘ра Аутара[156]: до или после того, как тот помог подавить восстание во Внутреннем Хадрамауте. Это — единственный известный нам случай династического брака во всей истории древней Южной Аравии.

Несмотря на то что цари Сабы и Хадрамаута породнились, очередной союз этих двух государств оказался непрочным. Вскоре после восстания общин и племен, обитавших во Внутреннем Хадрамауте, Илī‘азза Йалуṭа, сына ‘Аммīзаḫира, ожидал новый вызов — война с Сабейским царством, закончившаяся для него позорным пленом, а для его государства — полным разгромом. Надписи, в которых представлены события этой войны, хорошо изучены[157]. Однако вместо детальной и логически непротиворечивой реконструкции ее хода нам предлагают пересказ содержания этих надписей (Bāfaqīh 1990. P. 372–375) или излагают его в самых общих чертах (Robin 1996a. Col. 1138; Bron 2004. P. 71–72). При этом причины войны, на наш взгляд, остаются нераскрытыми. Так, по мнению Фр. Брона, во время подавления мятежа во Внутреннем Хадрамауте «Ша‘р Аутар был поражен слабостью соседней страны и решил извлечь из этого выгоду» (Bron 2004. P. 71). Остается непонятным, почему он не воспользовался ситуацией сразу после того, когда с мятежом было покончено, а его войска находились на хадрамаутской территории. Трудно поверить и в то, что, выдавая замуж свою сестру, Ша‘р Аутар, был настолько наивен, что не представлял, каким военно-политическим потенциалом располагает его будущий шурин. Кроме того, если инициатива по развязыванию войны исходила от Сабы, то неужели ее царь не мог заранее под любым благовидным предлогом вызвать к себе свою сестру,

[155] Впрочем, нельзя исключать, что в CIAS 39.11/o3 n 4 сообщается о другом походе Ша‘ра Аутара на Ṣува’рāн, который тот предпринял на заключительном этапе сабейско-хадрамаутской войны, вспыхнувшей во второй половине 20-х гг. III в. н. э. (см. о ней ниже в данном разделе).

[156] На существование такого брака недвусмысленно указывает Ir 13, § 7, 11 (= l. 11, 26).

[157] Наиболее пространный текст, который относится к этому конфликту и в котором к тому же представлены его основные события, — Ir 13 — детально рассмотрен в Ryckmans J. 1974. P. 247–256; английский перевод большей его части (§ 1–11) опубликован в Beeston 1976c. P. 47–48. Очевидно, с учетом того, что центральное место в нем отведено подробностям «спецоперации» по обеспечению личной безопасности царицы Маликḫалак в Шабве, его содержание было признано достаточно занимательным для широкого читателя и пересказано под заглавием «Une défaite du Hadramawt racontée par les Sabéens (l’inscription Iryânî 13)» в выпуске французского научно-популярного журнала *Saba*, посвященном Хадрамауту (Arbach 1997. P. 42–43).

При переводе на английский язык еще двух надписей, связанных с этой войной, — CIH 334 и Ry 533 — были, разумеется, учтены новые толкования сложных для понимания мест, предложенные А. Ф. Л. Бистоном (Beeston 1976c. P. 49–50).

а не устраивать потом сложную и заранее не предсказуемую операцию, призванную предотвратить ее превращение в высокопоставленную заложницу.

Попробуем предложить свою версию начала войны, вспыхнувшей между Сабой и Хадрамаутом во второй половине 20-х гг. III в. н. э.[158], разумеется, во многом гипотетическую. Если взглянуть на карту, то обнаруживается, что доставшийся Хадрамауту при окончательном разделе Катабанского царства один из важнейших его городов и последняя его столица Зāт (Зӯ) Ғайл по сравнению с другими хадрамаутскими владениями довольно резко выдавался на запад. Вместе с тем город ʿАбадāн с одноименным вади отошел под сабейский контроль, образовав выступ, вклинивавшийся в территории, подвластные Хадрамауту (см. карту 6). Вероятно, Илīʿазз Йалуṭ решил исправить это положение, но не путем вооруженного насилия, а сговорившись с абаданцами и переманив их всяческими посулами на свою сторону. Этот прием подействовал, и «граждане города ʿАбадāна дали согласие на подчинение Хадрамауту и укрепили свой город» (CIAS 39.11/o3 n° 3, l. 2–4: *ʾbʿl/h|grⁿ/ʿbdⁿ/ḫys¹/b-ʿbr/Ḥḍrm|t/w-ṣnʿ/hgr-hmw*)[159], конечно же, против сабейцев. Ничем хорошим для абаданцев это не закончилось. На заключительном этапе войны, уже после разгрома основных сил Хадрамаута, сабейцы заняли ʿАбадāн (стк. 4–7), поставили там свой гарнизон (стк. 7: *w-ḫmlw/qrnᵐ*) и взяли у них заложников (стк. 8: *<w-hb>ʿlw/ʾwṯq-hmw*).

Демарш жителей ʿАбадāна, за которым явственно просматривался хитроумный политический ход хадрамаутского царя, был воспринят как *casus belli*. Возможно, Шаʿр Аутар был искренне возмущен вероломством и неблагодарностью своего союзника и шурина, которому он недавно помог сохранить власть над значительной частью его владений. Именно на него, а не на абаданцев, и решил обрушить сабейский царь свой основной удар. Противники встретились у города Зāт Ғайла в вади Байḫāн. Некоторые скудные подробности этой битвы удалось установить благодаря фрагментарной надписи CIH 334. Так, под командованием Шаʿра Аутара сражались отборные («гвардейские») части не только Сабы, но и Химйара (стк. 2–3: *mrʾ-hmw/S²[ʿrᵐ]|ʾwtr/w-ḫms¹y-hw/S¹bʾ/w-Ḥmyrᵐ*), хотя о союзе Сабы и Химйара в правление этого царя никаких сведений нет. Очевидно, двойному титулу «царь Сабы и зӯ Райдāна» должна была отвечать соответствующая структура войска, в особенности его ядра. На стороне сабейцев выступало также ополчение общины ḫумлāн[160] численностью в 200 воинов, которому удалось отбить атаку выступавших на стороне Хадрамаута рамданитов на царский лагерь (стк. 8–13).

---

[158] Принято считать, что она произошла ок. 230 г. н. э. (Robin 1996a. Col. 1138; Arbach 1997. P. 42), но, строго говоря, она могла случиться и непосредственно после 222–223 гг., т. е. в середине 20-х гг. III в., и чуть позже.

[159] Некоторые трудности вызывает интерпретация глагола *ḫys¹*, обнаруженного только в этой надписи. Впрочем, свой перевод выражения *ḫys¹/b-ʿbr/Ḥḍrmt* как «had consented to make their submission in favour of Ḥaḍramawt» А. Ф. Л. Бистон убедительно обосновал (CIAS. P. I.56, I.58).

[160] Об общине ḫумлāн, обитавшей к северо-западу от Санской равнины и входившей в состав *шаʿба* первого порядка сумʿай, см.: Robin 1982. P. 42–44, 71–72; Bāfaqīh 1990. P. 164–165.

Итог битвы при З̲āт Ḡайле стал для хадрамаутцев настоящей катастрофой: их войско было наголову разбито, а царь Илīʿаз̲з̲ Йалуṯ попал в плен и был уведен в Мариб (Ir 13, § 5 = l. 4–6). За некоторое время до битвы, вероятно, сразу же, как было принято решение начать войну, Шаʿр Аутар отправил Фариʿ Аḫ̣ҫана из рода Аḳйāн, полноправные члены которого были ḳайлами ветви (букв. «четверти» *rbʿ*[n]) з̲ȳ Шибāм общины бакīл в центральной части Йеменского нагорья[161], во главе мобильного отряда численностью в 34 воина с особым заданием: захватить в хадрамаутской столице Шабве царский замок Шаḳир и взять под защиту сестру Шаʿра Аутара — царицу Хадрамаута Маликḫ̣алак. При взятии замка погибли не названный по имени сын Илīʿаз̲з̲а Йалуṯа (от другой жены?), царские сановники, градоначальники и простые горожане (Ir 13, § 8 = l. 15: *w-d̲-bn/ʾqwl/w-mrʾs*[1]*/w-ʾbʿl/hgr/S*[2]*bwt*), а также 85 хадрамаутских воинов (Ir 13, § 7–9 = l. 8–20). Потери сабейцев составили всего 8 воинов. О самоотверженности подвергнувшихся внезапному нападению жителей столицы свидетельствует то, что некоторые из этих воинов были убиты хадрамаутскими женщинами (Ir 13, § 11 = l. 27–29). Осада занятого сабейским «спецназом» царского замка отвлекла на себя 4000 хадрамаутских воинов как раз в то самое время, когда произошла битва при З̲āт Ḡайле, и продолжалась 15 дней, причем на протяжении 13 дней у осажденных не было доступа к питьевой воде и имевшиеся в их распоряжении скудные ее запасы приходилось столь жестко нормировать, что от жажды скончалось двое из них. Тем не менее замок не сдался, а дождался прихода победившего при З̲āт Ḡайле Шаʿра Аутара, который захватил Шабву, разграбил и сжег ее, деблокировав засевший в Шаḳире сабейский отряд и получив свою сестру Маликḫ̣алак в целости и сохранности (Ir 13, § 10–11 = l. 20–26, 29). Военная добыча, захваченная в Шабве во время похода на нее Шаʿра Аутара, упоминается в надписях Ja 636/1–5, Ja 637/4-[8] и Sh 17, § 1. Сожжение в начале III в. н. э. царского замка Шаḳир, разделившего судьбу всей столицы, подтверждается археологически: оставшийся от этого пожара слой толщиной 45–50 см с остатками балок и прочих элементов деревянного каркаса, скреплявшего возводившиеся из необожженного кирпича монументальные строения, а также с фрагментами бронзовых статуэток животных и людей, изделий из стекла, керамики, слоновой кости обнаружен у подножия здания A, с востока, юга и запада от его цоколя (Breton 1992b. P. 216)[162].

Судя по упоминанию в CIH 334 в связи с этой военной кампанией не только Шабвы, но и Ṣува’рāна[163], после взятия неприятельской столицы сабейский царь направился к этому городу[164], который был ему хорошо знаком благодаря

[161] Об этой ветви, название которой перешло на современный город Шибāм Каукабāн, находящийся в 40 км к северо-западу от Саны, см.: Robin 1982. P. 45, 72; Bāfaqīh 1990. P. 161–162.

[162] О двух зданиях, из которых состоял замок Шаḳир, см. примеч. 141 к главе II.

[163] Стк. 17–18: *w-s*[2]*wʿn/mrʾ-hmw/S*[2]*ʿr*[m]*/ʾwtr/ʿdy/hgr*[n]*|[S*[2]*b]wt/w-ṣSwʾr*[n] — «и они сопровождали своего господина Шаʿра Аутара в городах [Шаб]ве и Ṣува’рāне».

[164] К сожалению, на карте 6 этот город не поместился, и поход на него отмечен лишь стрелкой, уходящей на северо-восток от Шабвы. Его местоположение см. на карте 7.

его участию в подавлении восстания во Внутреннем Хадрамауте в 222–223 гг., и, по-видимому, вновь был им взят.

Что касается Фари‘ Аҳ̣ҫана, то из Шабвы в составе части сабейского войска он отправился к главному хадрамаутскому порту, который сабейцы «атаковали и сожгли значительное число кораблей в гавани Ḳани’, порту царя Хадрамаута» (Ir 13, § 13 = l. 36–37: *w-‘dww/w-dhr/‘s¹m/s¹f(nᵐ)[/b-ḫ|y]qⁿ/Qn’/mkdḥ/mlk/Ḥḍrmwt*)[165]. Во фрагментарной надписи Ry 533 уточнено число сожженных в городе Ḳани’ (стк. 8: *‘dy/ hgrⁿ/Qn<’>*) судов и указаны их разновидности: «сорок семь самбук[166] и фелюг[167]» (стк. 9: *w-s¹b‘/w-’rb‘y/’s³dqᵐ/w-’flk[ᵐ]*)[168]. Как справедливо заметил А. В. Седов, эпиграфические источники не дают возможности установить, кому принадлежали уничтоженные в Ḳани’ корабли: хадрамаутским или иноземным купцам (Седов 2005. С. 310, примеч. 6). О военной добыче, привезенной «из Шабвы и города Ḳани’», сообщается в Ja 632/3, «из Шабвы и с моря (*w-bn/bḥrⁿ*)» — в дошедшей до нас в двух экземплярах надписи Ja 741 = 756/7–8. Необходимо подчеркнуть, что при раскопках Би’р ‘Алӣ не было обнаружено следов длительного запустения существовавшего там порта, вызванных войной с Сабой, что дало повод А. В. Седову утверждать, что он был очень быстро отстроен (Sedov 1996d. P. 26). Но был ли разрушен сам город? Строго говоря, в Ir 13 говорится о сожжении кораблей, а не самого порта (Frantsouzoff 2004. P. 77).

По всей видимости, одним из эпизодов этой войны был закончившийся неудачей рейд хадрамаутского отряда в проходящее через Марибский оазис вади

---

[165] Попытка приписать засвидетельствованному только в этой надписи слову *mkdḥ* еще одно значение: «верфь, док» (Beeston et al. 1982. P. 76), — не подкреплена сколько-нибудь убедительными доводами (ср. Ryckmans J. 1974. P. 253–254).

[166] Ср. Beeston et al. 1982. P. 137: «small boat | petit bateau». Происхождение *’s³dqᵐ* от четырехбуквенного *s³ndq* (с закономерной для среднесабейского ассимиляцией *n*), к которому, в свою очередь, восходит йеменский термин *самбӯḳ* для обозначения местной разновидности парусного судна — «самбуки», блестяще продемонстрировал А. Г. Лундин (1975б. С. 111–112, 114). Поддержанная им попытка Ж. Рикманса связать *’s³dqᵐ* с арабским *ҫундӯḳ / сундӯḳ* — «ящик, вместилище» (отсюда — «посудина») по аналогии со старофранцузским *vaissel* (Ryckmans J. 1974. P. 253) выглядит не столь убедительно.

[167] Ср. с арабским *фулӯка* (мн. ч. *фалā’ик*) — «лодка, шлюпка, фелюга». В форме *фаллӯка* это слово отмечено в одном из современных йеменских диалектов арабского языка — диалекте находящейся к западу от Хадрамаута южнойеменской области Даҫӣна (Landberg 1920–1942. III. P. 2436). О его возможных греческих или исконно сабейских корнях см. Ryckmans J. 1974. P. 253; Лундин 1975б. С. 112–114.

[168] А. Ф. Л. Бистон относил события, описанные во фрагментарной надписи Ry 533, не к сабейско-хадрамаутской войне, а к совместному отражению сабейцами и хадрамаутцами нападения аксумитов, предпринятого накануне заключения с ними союза, о котором сообщается в CIH 308, и неизвестного по другим источникам, и считал, что в этом, поврежденном, контексте речь идет не об уничтожении 47 судов, а об их использовании при отражении этого нападения (Beeston 1976c. P. 50). М. Бā Фаḳӣх, признав, что Ry 533 сложна для понимания и не содержит прямого указания на войну Сабы и Хадрамаута, подчеркнул, что в ней нет ни единого намека на аксумитов, и отверг интерпретацию британского сабеиста (Bāfaqīh 1990. P. 374).

На наш взгляд, одновременное упоминание в Ry 533 царя Сабы и зӯ Райдāна Ша‘ра Аутара (стк. 1–2) и города Ḳани’ (стк. 8) дают все основания для того, чтобы связать ее с теми же событиями, о которых говорится в Ir 13, § 13 = l. 36–37.

Аз̲ана (современное З̲ана), о котором собщается во фрагментарной надписи CIAS 39.11/o3 n° 2, l. 6–8. Можно предположить, что он был осуществлен перед битвой при З̲āт Ḡайле или одновременно с ней.

Основным итогом сабейско-хадрамаутской войны, закончившейся победой сабейского царя Ша‘ра Аутара, явилась потеря Хадрамаутом не так давно присоединенных к нему земель, ранее входивших в состав Катабанского царства. В Ir 13, § 6 = l. 6–8 прямо сообщается, что после победы при Зāт Ḡайле в подчинении у Сабы оказались «все дети ‘Амма» (*kl/wld/‘m*), т. е. бывшие подданные Катабана, в том числе собственно катабанцы, населявшие бассейн вади Байḫāн, жители Радмāна, Х̲аулāна, Мадḫ̄, общины Аусана.

4. ПРАВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ ПОТОМКОВ «СВОБОДНЫХ ЙУХАБ’ИРИТОВ»

Судьба уведенного в Мариб хадрамаутского царя Илī‘аз̲за Йалуṭа, сына ‘Аммīзаḫира, не известна: остался ли он в сабейской столице на положении почетного пленника или поплатился за свои амбиции головой, но в Шабву он больше не вернулся. Верховная власть в Хадрамауте после него перешла к Йада‘’илу Баййину, сыну Раббшамса, ставшему основателем династии царей — первой достоверно засвидетельствованной династии в истории этого государства. До нас дошли две высеченные от его имени надписи: Ingrams 1 в горном проходе Фаṭӯра в окрестностях Шабвы и Ja 949 на скале Анвад в ал-‘Уḳле. Обе они посвящены царским охотам на хищных и травоядных животных, носившим массовый характер. Так, охота, описанная в Ingrams 1, проходила в вади ‘Ирмā и продолжалась 20 дней (стк. 2); в ней участвовали 200 воинов, 100 охотников и 200 собак (стк. 6: *m’t-nyw/’s¹d^{m}/<w>-m’[t]/]ṣyd^{m}/w-m’t-[n]<y>w/klb*); в ходе нее были убиты четыре леопарда, два гепарда и 600 каменных козлов (стк. 2–3: *w-hrgw/’rb‘t/’nmr/w-f\hd-nyw/w-s¹t/<m>’h<^{m}>/’w‘l*). В Ja 949 сообщается, что царь «провел день (?)[169] у скалы, когда они пригнали с охоты[170] и убили 35 быков, 82 верблюженка, 25 газелей и восемь гепардов у скалы Анвад» (стк. 2–3: *ṣll/b-gndl^{n}/mt/t̲brw/bn/ṣyd{^{m}}^{n}/w-hrgw/ḫms¹/w-s²l̲ty/bqr^{m}| w-t̲ty/w-t̲mnhy/ḥwrw/w-ḫms¹t/w-‘s²ry/ṣby^{m}/w-t̲mnwt/’ḥd/b-gndl^{n}/’nwd^{m}*). Но можно ли признать

[169] А. Ф. Л. Бистон (Beeston 2005b. P. 134) вслед за В. В. Мюллером (Müller W. 1964. S. 380) предложил переводить *ṣll* как «возвести навес», признавая, впрочем, что интерпретация этого глагола как «провести день» также является допустимой.

[170] На неприемлемость, прежде всего с синтаксической точки зрения, общепринятого истолкования *mt/t̲brw/bn/ṣydm^{n}* как «когда они (упоминаемые выше Шабва и замок Шаḳир. — *С. Ф.*) были разрушены из-за толчка (вариант: землетрясения — *С. Ф.*)», которое приведено и в RES, где эта надпись издана под сиглом RES 4912, и у А. Жамма (Jamme 1963. P. 49), и у Ж. Пиренн (Pirenne 1990. P. 112), справедливо указал А. Ф. Л. Бистон, предложивший считать *ṣyd{^{m}}^{n}* ошибкой камнереза, который в слове *ṣyd* с определенным артиклем (*ṣyd^{hn}*) высек *m* вместо *h*, и интерпретировавший все выражение следующим образом: «когда они вернулись с охоты» (Beeston 2005b. P. 135). На наш взгляд, перевод глагольной формы *t̲brw* следует уточнить, учитывая, что в классическом арабском «изгонять, прогонять» является одним из основных значений *с̲абара*.

эти охоты ритуальными? На совершенно профанном характере охоты, о которой сообщается в Ingrams 1, настаивал А. Жамм (Jamme 1956. P. 101–102). С ним готов был согласиться Ж. Рикманс, но вслед за А. Ф. Л. Бистоном обратил внимание на то, что основным объектом охоты, которую царь Йада‘’ила Баййин устроил в вади ‘Ирмā, были каменные козлы — типичный объект южноаравийской ритуальной охоты (Ryckmans J. 1976. P. 275–276; ср.: Beeston 1948. P. 190). Изначально языческий характер охоты на каменного козла, по сей день сохранившейся в Хадрамауте, совершенно ясен местным саййидам, неизменно выступающим против этого обычая, впрочем, без особого успеха (Родионов 1994. С. 107; Rodionov 2007. P. 112). Что касается Ja 949, то если речь и в ней идет о чисто светском развлечении, то для чего тогда добычу гнали именно к скале Анвад и там убивали? Поэтому убедительной представляется позиция А. Ф. Л. Бистона, понимавшего ритуальный характер охоты достаточно широко: такая охота не обязательно посвящена какому-либо божеству, но она непременно должна проводиться в соответствии с устоявшимися традициями и подтверждать социальный статус ее устроителя. Интересную параллель хадрамаутской царской охоте он отыскал в средневековой христианской Эфиопии. По мнению британского сабеиста, две охотничьи надписи Йада‘’ила Баййина, сына Раббшамса, призваны были показать легитимность его пребывания на престоле, который он захватил после того как пребывавший на нем Илī‘аз̲з̲ Йалуṭ оказался в сабейском плену (Beeston 2005b. P. 135).

Не случайно после имени царя и указания на его происхождение в Ja 949 сообщается, что он — тот, кто «перебрался[171] в город Шабву и построил замок (букв. “дом”) Шаḳир» (стк. 1–2: *w-ḫrr/hgr^{hn}/S^{2}bwt|w-br’/byt^{n}/S^{2}qr*). Сожженная столица Хадрамаута лежала в развалинах, но истинный царь должен был иметь постоянную резиденцию именно там. Судя по археологическим данным, оба здания Шаḳира предстояло не восстанавливать, а именно отстраивать: пришлось не только заново собирать деревянный каркас, но и частично перекладывать возведенные из каменных блоков стены цоколей (Breton 1992b. P. 217–218).

Особый интерес представляет приведенная в обеих надписях Йада‘’ила Баййина, сына Раббшамса, сразу же после патронимиии ссылка на то, что он происходит из «свободных (общины) йухаб’ир» (Ingrams 1/1, Ja 949/1: *bn/’ḫrr/Yhb’r*). В MAFRAY — al-Mi‘sāl 4/3 она перечислена среди общин и племен Внутреннего Хадрамаута, поднявших против хадрамаутского царя Илī‘аз̲з̲а Йалуṭа, сына ‘Аммīзаḫира, восстание, которое в 222–223 гг. было подавлено благодаря вооруженному вмешательству радманского ḳайла Наср Йухаḥмида и сабейского царя Ша‘ира Аутара. Теперь же, после того как Ша‘ир Аутар разгромил и пленил Илī‘аз̲з̲а Йалуṭа, по крайней мере часть разбитых, но не уничтоженных мятежников, чьи интересы выражал один из представителей общины йухаб’ир, принявший традиционное царское имя «Йада‘’ил Баййин»,

[171] Убедительная интерпретация *ḫrr/hgr^{hn}/S^{2}bwt* как «come down into Shabwa» предложена в Beeston 2005b. P. 137.

взяла реванш. Для упрочения своей власти новый хадрамаутский царь старался сохранять те контакты, которые у общины йухаб'ир и ее союзников установились во время восстания. Так, среди тех, кто прибыл к скале Анвад, чтобы признать нового монарха, свою надпись оставил «Шахр, сын Вā'ила, вождь (букв. "кабӣр") махрийцев» — тех самых, которые оказали поддержку мятежникам в 222–223 гг. (MAFRAY — al-Mi'sāl 4/4)[172]. Привлечение на свою сторону бедуинов стало в первой половине III в. н. э. жизненной необходимостью для южноаравийских государств, а потому, помимо традиционных союзников-махрийцев, Йада''ил Баййин, сын Раббшамса, привлек на свою сторону крупное племенное объединение ал-азд, кочевавшее у северных рубежей Южной Аравии, женившись на дочери одного из аздитов — 'Амра, сына 'Ауфа (Ja 957/1–2: *'mr^{m}/bn/'wf^{m}/'s^{1}dy|^{hn}*), который в надписи, оставленной на скале Анвад, называет Йада''ила Баййина не своим господином, а «своим зятем» (Ja 957/2: *ḫtn-s^{1}*)[173]. Строго говоря, арабский термин родства *ҳатан* имеет два значения — «зять» и «тесть». Интерпретация *ḫtn* в Ja 957/2 именно как «зять», подтверждается тем, что один из сыновей Йада''ила Баййина (очевидно, именно от этой аздитки), Раббшамс, носил титул «старейшины аздитов» (Ja 997/1: *ḫyr/'s^{1}d^{n}*).

Понятно, почему Йада''илу Баййину было недостаточно просто указать, что он ведет свой род от йухаб'иритов, а нужно было непременно подчеркнуть свое происхождение от свободных, т. е. полноправных, членов этой общины. Это повышало его социальный статус, хотя и не оправдывало полностью узурпации престола. Но только ли к этому должно было привлечь внимание в его надписях выражение *bn/'ḥrr/Yhb'r* ? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть, в каких контекстах употреблялся термин *ḥr* (мн. ч. *'ḥrr*) на протяжении существования южноаравийской цивилизации и какое в точности в него вкладывалось значение[174].

В памятниках южноаравийской эпиграфики засвидетельствовано использование термина *ḥr* (*'ḥrr*) применительно к различным уровням социальной стратификации: общегосударственному, общинному или племенному, родовому. На всех этих уровнях он обозначал членов того или иного коллектива, которые обладали полнотой гражданских прав, в противоположность различным категориям зависимого населения.

Уже неоднократно упоминавшаяся надпись сабейского мукарриба и царя Кариб'ила Ватара RES 3945 наглядно показывает, что на раннем этапе развития южноаравийской цивилизации разделение на свободных и несвободных пронизывало социальную структуру целых государств и больших общин. После

---

[172] Ja 954: *S^{2}hr^{m}/bn|W'l^{m}/kb|r/'mhr^{n}*. Толкование *'mhr^{n}* как формы мн. ч. этнонима, использовавшегося для обозначения членов племенного объединения махра, было предложено в Французов 2004б. С. 55, 65.

[173] См. об этом: Французов 2004б. С. 55.

[174] Достаточно подробный, хотя и не исчерпывающий анализ использования термина *ḥr* и противоположного ему по значению термина *'bd* (pl. tantum *'dm*) был сделан А. Ф. Л. Бистоном (Beeston 1986; Beeston 2005c). Наша задача — не пересмотреть его, а подойти к этой проблеме с точки зрения изучения социальной структуры южноаравийских государств.

разгрома Аусана этот правитель «возвратил детей Алмаḳаха и союза (т. е. подданных Сабейского государства. — *С. Ф.*), того из него, кто свободен, и того из него, кто не свободен, из округов Аусана и его городов…» (стк. 6: *w-h'tw/wld/'lmqh/w-gw^{m}/**ḥr-hw**/w-'bd-hw/bn/'bḏ'/ḏ-'ws^{1n}/w-'hgr-hw/...*). Универсальный характер выражения *ḥr-hw/w-'bd-hw* подтверждается его употреблением по отношению к воинам (*'s^{1}d*) ʿАбадāна (стк. 9), а также к группе населения находившейся к западу и юго-западу от ʿАбадāна области Каḫид, обозначенной не поддающимся интерпретации термином *qs^{1}ṭ* (стк. 12). При этом и ʿабаданцы, и обитали Каḫда оказались интегрированы в Сабейское государство. Член общины Маина на заре ее истории, с точки зрения своего социального статуса, мог быть свободным (*ḥr*) или клиентом (*[g]r*), тогда как по своему образу жизни и месту, занимаемому в процессе производства, он принадлежал либо к земледельцам (*ḡbr*), либо к кочевникам (*'rb*)[175].

Более интересные подробности о статусе *'ḥrr* можно извлечь из надписей, в которых этот термин употребляется на уровне родов. Разумеется, речь не идет об очень коротких текстах, таких как маинский RES 3380 = Ja 2343 d или катабанский Ja 1484, в которых лишь констатируется, что тот или иной человек (Хāни' ʿАммīрата' или Абīсарак) являлся свободным членом (*ḥr*) того или иного рода (*ḏ-Wd* или *S^{1}b'[.]*). Во-первых, статус *ḥr* приобретался в момент рождения и, очевидно, был наследственным. Автор RES 4818, Илīса'д, один из ḳайлей рода Гурат, попросил Алмаḳаха, Владыку храма Аввāм, даровать его сородичам «выдающихся (?) свободных детей мужского пола» (стк. [4]–5: *[.../'wld]|^{m}/**'(ḥ)rr^{m}**/'ḏkrw^{m}/'lny^{m}/...*). В то же время сам род состоял как из свободных, так и из несвободных членов. В сабейской надписи на бронзовой табличке CIH 80, которую А. Г. Лундин датировал концом I в. до н. э. (Лундин 1971. С. 121, 128–131), ее автор Шамир (Шаммар) из рода *Qryn^{m}* ссылался на то, что Алмаḳах обещал ему дать в своем оракуле благоприятный ответ свободным мужчинам, свободным женщинам и зависимым людям его рода (стк. 6–8: *...w-'lmqh|f-s^{2}ft/S^{2}mr/b-ms^{1}'l-hw/ṣryt-m/l-|**'ḥrr-hmw/w-'ḥrrt-hmw**/w-'dyb-[hmw]/...*). Согласно уже упоминавшейся хадрамаутской надписи CIAS 47.82/o6, происходящей из окрестностей города Зāт Ḡайл и датируемой концом II — началом III в. н. э., род зӯ Вадд также состоял из свободных и несвободных (стк. 6–9: *...h-wfy-s^{1}m|w-wfy/byt-s^{1}m/'|**ḥrr-s^{1}m**/w-'dm-s^{1}|m/...* — «ради их благополучия и благополучия их дома, их свободных и их клиентов)[176].

Следует отметить, что и после смерти свободные и несвободные члены одного рода оказывались разделенными. В катабано-сабейской билингве из Байт ал-Аḥраḳа, датируемой I в. до н. э. — I в. н. э., подчеркивается, что в гробнице Ṣанʿāн («Крепкой») могли быть захоронены только свободные

[175] См.: Shaqab 1/7–8.

[176] Принадлежность Абīкариба зӯ Вадда (*'bkrb/ḏ-Wd^{m}*), принявшего участие в интронизационной церемонии царя Илīʿаззa Йалуṭа у скалы Анвад (Ja 928/4), к этому роду представляется возможной, но не твердо установленной, поскольку родовое имя *ḏ-Wd$^{(m)}$* было довольно распространенным в древней Южной Аравии (см., например, упомянутую выше RES 3380 = Ja 2343 d/2, 4).

мужчины и свободные женщины рода Ḡайлāн (YMN 1 (сабейская часть билингвы), стк. 5–7: *...l-qtbr^{m}|b-hw/kl/* ***'ḥrr/w-ḥrtw****/b|yt-hw/Ḡyl^{n}*; YMN 2 (катабанская часть билингвы), стк. 5–6: *...l-qtbr/b-s^{1}/****'ḥrr/w-ḥrtw****/by|[t-]s^{1}/Ḡyl^{n}*). Этот обычай не был ограничен рубежами древнего Йемена: в самой ранней надписи на арабском языке (I в. н. э.?), так называемой надписи ‘Иджла из центральноаравийского оазиса Ḳарйат ал-Фāв, расположенного в 300 км к северо-северо-востоку от Наджрāна, после перечисления тех, для кого эта гробница была построена, женщины, которым предстояло там упокоиться, были отнесены к категории «свободных женщин» — *ḥryr* (= *ẋapā'up*[177], мн. ч. от *ẋyppa* в классическом арабском; Qaryat al-Fâw/‘Igl/2–4: *...qbr/w-l-hw/w-l-wld-hw/w-m|r't-h/w-wld-hw/w-wld/wld-h<m>|w-ns^{1}y-hm/****ḥryr****/ḏw-'l/Ḡ/wn^{n}/...* — «…гробницу: для него и для детей его и для жены его и для детей ее и для детей их детей и их свободных женщин — тех, что из рода Ḡалвāн…»).

На уровне отдельных родов термин *ḥr* (*'ḥrr*) использовался в различные периоды южноаравийской истории: как в I тысячелетии до н. э., так и в I тысячелетии н. э., — но он почти полностью исчезает из среднесабейских текстов, в которых представлена структура общин или племен, не говоря уже о государстве в целом. Объяснение этому явлению следует искать в общей тенденции социальной эволюции древнего Йемена в средний период, которая заключавшейся в значительном увеличении вертикальных связей господства и подчинения, покровительства и зависимости. В этой ситуации гораздо большее значение приобрели термины *'bd* (мн. ч. *'dm*) и *mr'* (мн. ч. *'mr'*) — «господин, государь». В среднесабейской эпиграфике даже могущественные рода и общины предпочитали называть себя «клиентами» (*'dm*) своих ḳайлей, а иногда и сами ḳайли употребляли термин *'bd*, чтобы охарактеризовать свою зависимость от царя[178].

Необходимо подчеркнуть, что, когда в древний период мукарриб Сабы оказывал покровительство свободным, это автоматически не влекло за собой их превращения в его *'dm*. Так, после военной кампании, направленной против областей *S^{1}bl*, *Hrm* и *Fnn^{n}*, пока не поддающихся локализации[179], Кариб'ил Ватар «наложил на них дань Алмаḳаху и Сабе и возмещение за кровь[180], чем должен был отомстить за (каждого) свободного из Сабы и Дахр, кто был под покровительством Кариб'ила (и) кого они убили» (RES 3945/18–19: *...w-bḍ'/b-'l-hmw/s^{3}l'^{m}/l-'lmqh/w-l/S^{1}b'/w-nqm/yhqm/****ḥr****/S^{1}b'/w-Ḍhr/ḏ-'mnt/Krb|'l/ḏ-hrgw/...*).

Использование термина *'ḥrr* в среднесабейских эпиграфических памятниках по отношению к общинам или племенам ограничено всего несколькими кон-

---

[177] То, что в этом контексте термин *ḥryr* был использован для обозначения определенной социальной категории, показано в Robin 1988. P. 171.

[178] Так было по крайней мере в случае с ḳайлами Гурат (см.: Ja 568/6–8, 643/12).

[179] См. о них: al-Scheiba 1982. S. 83–84, 116, 150.

[180] Очевидно, аналог того, что арабы называют *дийа*. Такое истолкование *nqm* лучше соответствует данному контексту, чем предложенное в «Сабейском словаре» «vengeance, reprisals | vengeance, représailles» (Beeston et al. 1982. P. 98).

текстами, в которых речь идет о находившихся на северной окраине южноаравийской цивилизации Новом Ҳаулāне[181] или Нагрāне[182].

Представляется весьма вероятным, что новый хадрамаутский царь Йада‘’ил Баййин, сын Раббшамса, происходивший из общины йухаб’ир, указывал, что он ведет свой род именно «от свободных йухаб’иритов» (*bn/’ḥrr/Yhb’r*), для того чтобы подчеркнуть, что они никогда не были клиентами (*’dm*) Илī‘аззa Йалуṭa, против которого подняли восстание в 222–223 гг., и не признавали его своим господином (*mr’*). Тем самым он стремился сохранить в Хадрамауте более архаичную социальную структуру, нежели та, которая существовала в средний период в других областях Южной Аравии. Не исключено, что само восстание было спровоцировано тем, что Илī‘аззa Йалуṭ попытался ввести в своем царстве те же отношения господства и подчинения, которые он мог наблюдать на только что присоединенных бывших катабанских территориях и в союзной с ним Сабе.

Как справедливо отметил И. М. Дьяконов, «наиболее существенной чертой, отличающей фазу поздней (имперской) древности от средневековья, является стабильное сохранение лично-свободного крестьянства…, а также с в о б о д н ы х г р а ж д а н (разрядка моя. — *С. Ф.*) … Древность завершается тогда, когда прекращается личная свобода» (Дьяконов 1994. С. 54). Именно лично свободные, полноправные граждане и были господствующим классом (и одновременно сословием) в древней общинно-гражданской формации (Якобсон 1997. С. 22). Как показал В. А. Якобсон, исчезновение древнего гражданства «может подчас происходить весьма своеобразным путем — через предоставление “гражданского равноправия” всем подданным державы, вследствие чего гражданство лишается всякого смысла» (Там же). Так случилось на двух противоположных концах Ойкумены: в Китае, когда после победы народного восстания и повозглашения его вождя Лю Бана в 202 г. до н. э. императором Гаоди он присвоил всем главам семей общинников ранг *гунши* — низшую из 18 степеней знатности, и в Римской империи, где в 212 г. по эдикту императора Каракаллы римское гражданство получили все его свободнорожденные подданные (Якобсон 1997. С. 22–23; Якобсон 2004. С. 54–55). Но, разумеется, существовал и другой путь разрушения древнего общинно-гражданского общества и прихода ему на смену средневековой (феодальной) формации. Он состоял в установлении отношений «всеобщей зависимости» (Алаев 1995. С. 608), при которых статус свободного гражданина терял значение и постепенно исчезал вовсе, ценить же начинали тот статус и ту степень влияния,

---

[181] Согласно Ja 616, в правление последнего сабейского царя Наша’кариба Йу’мина (Йуха’мина) Йухарҳиба (третья четверть III в. н. э.) қайли из рода Суҳайм «собрались и привели к покорности все общины и (кочевые) племена Нового Ҳаулāна и привели всех свободных из них в качестве заложников и разгромили их» (стк. 13–15: *...b-ḏt/t’|[t]mw/w-qtḍn/kl/’s²‘b/w-‘s²r/Ḫwln/Gddᵐ/w-’wlw/kl|**’ḥrr-hmw**/’wṯqᵐ/w-ḥbṭ-hmw/...*). О Новом Ҳаулāне см.: Bāfaqīh 1990. P. 99–115.

[182] В Ja 577 упоминается конфликт, в который были вовлечены сабейские войска, отправленные царем Илīшараҳом Йаҳдубом II (середина III в. н. э.) и «все предводители и свободные общины нагрāн» (стк. 12: *...kl/mr’s¹/w-’ḥrr/s²‘bⁿ/Ngrⁿ/...*).

которыми обладало лицо, чьим покровительством удавалось заручиться. Этот процесс шел в большинстве областей Южной Аравии на протяжении среднего периода, т. е. в первые века н. э. Специфика ее исторического развития состояла в том, что несистемные с точки древней формации изменения стали накапливаться здесь на стадии перехода от ранней к поздней, или имперской, древности, затормозив этот переход и в конечном счете способствовав тому, что империи в полном смысле слова в этом регионе так и не сложилось. Хадрамаутское царство в этом отношении оказался исключением: в нем не существовало слоя ḳайлей, постепенно трансформировавшегося в раннефеодальную йеменскую знать, да и статус свободных (*ʾḥrr*) ценился настолько высоко, что своим происхождением от свободных членов одной из общин Внутреннего Хадрамаута гордился основатель последней династии хадрамаутских царей.

У нас есть полное право говорить именно о династии, потому что по меньшей мере два сына Йада‘ʾила Баййина, сына Раббшамса, поочередно занимали хадрамаутский престол. Их имена, Илīрийām Йадум (*ʾlrym/Ydm*) и Йада‘ʾаб Ḏайлāн, известны по надписям ал-‘Уḳлы прежде всего по тем двум, которые составили они сами по случаю своей интронизации (Ja 988, 996). Однако возникает вопрос о том, в какой последовательности они правили. Похоже, что в надписях ал-‘Уḳлы есть косвенное указание на сей счет. Их брат Раббшамс (*Rbs²ms¹*) в той надписи, где он упоминает царя Хадрамаута Йада‘ʾаба Ḏайлāна, носит титул *ḫyr/ʾs¹dⁿ* — «старейшина аздитов» (Ja 997/1), тогда как в другой своей надписи, где говорится о царе Илīрийāме Йадуме, он никакого титула не имеет (Ja 986). Логично предположить, что сначала царствовал Илīрийām Йадум, а затем — Йада‘ʾаб Ḏайлāн.

Эта гипотеза нашла подтверждение в надписи MAFRAY — al-Mi‘sāl 3, которая до сих пор остается неизданной: ее содержание доступно только в пересказах, кратких (Robin 1981a. P. 326) или довольно пространных (Bāfaqīh 1990. P. 394–395). К сожалению, ее заключительные строки, включая датировочную формулу, по-видимому, безвозвратно утрачены. Однако ее автор, Лаḫай‘ат Аукан, сын Йа‘зиза, ḳайл Радмāна и Ḫаулāна, ранее составил еще одну надпись — MAFRAY — al-Mi‘sāl 2, датированную месяцем маʒра’āн (приблизительно июлем) 179 г. радманской эры и 363 г. химйаритской эры, т. е. 253 г. н. э., который, таким образом, является, *terminus post quem* для MAFRAY — al-Mi‘sāl 3.

В первой ее части (стк. 4–23) речь идет о хадрамаутском царе Йада‘ʾиле, чье отождествление с Йада‘ʾилом Баййином, сыном Раббшамса, сомнений не вызывает. Этот монарх стремился вернуть катабанские земли, доставшиеся Хадрамауту при разделе Катабанского царства и утраченные после сабейско-хадрамаутской войны, вспыхнувшей во второй половине 20-х гг. III в. н. э. К тому времени они перешли от Сабы к Химйару, царь которого Кариб’ил Айфа‘ противостоял хадрамаутцам. Химйаритское войско сосредоточилось в вади Аḫирр (современное Ḫирр), западном притоке вади Байḫāн, и в самой долине Байḫāн, которая в древности называлась Барм, а хадрамаутцы привлекли на свою сто-

рону жителей города Шай‘ān[183]. Химйариты направили туда отряд численностью 1300 воинов, ядро которого было сформировано из радманитов. Он овладел городом и пленил его гарнизон, состоявший из 600 хадрамаутских воинов, 90 ополченцев из области Машриḳān[184] и 350 горожан, после чего все они вместе с несколькими женщинами из Шай‘āна были доставлены в Ва‘лāн, главный город Радмāна. Еще одно столкновение с хадрамаутцами также закончилось в пользу радманитов.

О последовавшем через несколько месяцев возобновлении боевых действий сообщается во второй части MAFRAY — al-Mi‘sāl 3. К тому времени Йада‘’ила на хадрамаутском престоле сменил Илīрийāм Йадум; отправленный им отряд во главе с Саубсī, предводителем бедуинов (*s¹wd/‘rbⁿ*)[185], сумел занять вади Барм (Байḫān) и достичь вади Аḫирр, однако радманиты его разгромили и отнесли головы 12 погибших военачальников в Ва‘лāн. После этого в обоих вади радманиты отбили у хадрамаутцев несколько городов (*‘mll*, *Ls² ‘ⁿ*, *Ḏ-’mrᵐ*, *Ḫmrⁿ*)[186], которые пока не удалось локализовать. Все это заставило царя Хадрамаута Илīрийāма Йадума самому возглавить поход на катабанские земли с огромным по южноаравийским меркам войском, в котором насчитывалось 450 конников и 11 000 пехотинцев. К сожалению, лакуны в конце надписи оставляют нас в неведении относительно исхода этой кампании.

Таким образом, согласно MAFRAY — al-Mi‘sāl 3, приблизительно во второй половине 50-х гг. III в. н. э., в конце правления химйаритского царя Кариб’ила Айфа‘, непосредственно после Йада‘’ила Баййина, сына Раббшамса, в Хадрамауте воцарился его сын Илīрийāм Йадум (Robin 1981a. P. 334). Позже Илīрийāма сменил его брат Йада‘’аб Ḡайлāн, оказавшийся современником химйаритского царя Йāсира Йухан‘има I (Bāfaqīh 1990. P. 395).

В Сабе в то же самое время у власти находился последний царь этого государства Наша’кариб Йуха’мин (Йу’мин) Йухарḫиб (Йурḫиб)[187]. Сохранилось несколько свидетельств, правда, довольно кратких и отрывочных, того, что на его правление пришелся военный конфликт (и, возможно, не один) Сабы с Хадрамаутом. Наиболее информативной в этом отношении оказалась надпись из частной коллекции FB — al-Bayḍā’ 1, авторы которой, жители Нашḳа (стк. 2: *’s²qⁿ*) Илīрам Ашва‘, наместник царя Наша’кариба в Нашḳе (стк. 2–3: *‘q|b/mlkⁿ/ b-hgrⁿ/Ns²qᵐ*), его брат Вадд’аб и Йарабб, сын Илīрама, благодарили Алмаḳаха за те благодеяния, которые он им оказал «в ходе войны, которая произошла между царями Сабы и Хадрамаута[188], между всяким войском, подвижным отрядом,

[183] См. о нем выше примеч. 110 к данной главе.

[184] См. о ней выше примеч. 149 к данной главе.

[185] См.: Ба Факих, Робен 1980. С. 17, 27, примеч. 39. Возможно, этот же Саубсī упомянут в одной из надписей ал-‘Уḳлы (Ja 948/1–2: *w-Ṯw|bs¹y/bn/Mwḫrᵐ*) среди тех, кто сопровождал хадрамаутского царя Йада‘’ила Баййина, сына Раббшамса.

[186] См.: Ба Факих, Робен 1980. С. 17.

[187] См.: Bāfaqīh 1990. P. 136, tableau 2; Robin 1996a. Col. 1135–1136.

[188] Не исключено, что, как и упоминавшаяся выше в этом разделе война с Химйаром, конфликт с Сабой продолжался на протяжении довольно длительного времени, так что на хадрамаутском престоле успели смениться несколько представителей династии «свободных йухаб’иритов».

вспомогательными частями и грабителями (?)[189] в окрестностях двух городов, Нашḳа и Нашшāна, в их долинах и на их возвышенностях[190]» (стк. 7–10: *b-ḍr/kwn/bn/'ml|k/S¹b'/w-Ḥḍrmt/bn/kl/gys²/w-ḡzw/w-ṣḥ|b/w-ns³f ᵐ/bn/ḫlf/hgrnhn/ Ns²qᵐ/w-Ns²n/|w-'s¹rr-hmw/w-''rr-hmw*). Таким образом, как и в конце I в. н. э., хадрамаутцы вновь попытались закрепиться в ал-Джауфе, но, судя по всему, и на этот раз их дерзкое предприятие закончилось провалом. Вероятно, к заключительной стадии данной войны следует отнести упоминания о нападении, предпринятом сабейским царем Наша'карибом на армию Хадрамаута (*b-'ly/mṣr/Ḥḍrmwt*) в Ir 21, § 2 и о сабейских ḳайлах и отборной части войска (*ḫms¹ⁿ*), которые в его правление вели боевые действия в земле Хадрамаут, в Ja 612/8–10. Однако нельзя исключать и того, что оба эти сообщения могут относиться к какому-то другому сабейско-хадрамаутскому конфликту (или даже двум разным конфликтам)[191].

Помимо всего этого, в надписи юридического содержания MB 2002 I-28 из храма Аввāм обнаружилась странная правовая норма. Надпись открывается преамбулой (стк. 1–10), в которой сказано, что изложенный в ней закон был принят царем Сабы и ẕū Райдāна Наша'карибом Йу'мином Йурḥибом, его клиентами — общинами саба' и файшāн, и ḳайлами, в ведении которых находились «общины и то, что в орошаемых долинах» (стк. 4: *w-'qwl/'s² 'bⁿ/w-ḏ-'ḏhbⁿ*)[192] после получения оракула от Алмаḳаха, Владыки Аввāма. Затем следует перечисление всех правонарушений, на которые распространяется действие закона (стк. 10–16), и даются формулировки семи статей, в которых четко указано, какое наказание положено за каждое из вышеназванных правонарушений (стк. 16–29). В заключительной части надписи (стк. 29–39) разработка закона представлена как исполнение повеления Алмаḳаха, обращенного к царю и всем тем, от имени кого принят закон. Статья, которую издавший надпись М. Мараḳтан обозначил как § 6, применялась «в отношении того, кто причинил ущерб богарным и искусственно орошаемым посевам в земле Хадрамаут» (стк. 13–14: *w-l-qbly|d'tⁿ/w-s¹qyⁿ/ḏ-yhgzn/'dy/'rḍ/Ḥḍrmwt*), и была сформулирована следующим образом: «и тот, кто причинил ущерб (любым) богарным или искусственно орошаемым посевам в земле Хадрамаут, да нанесут (ему) двести ударов кнутом из … (?) и да будет покрыт ущерб из его имуще-

[189] Издатель надписи перевел *ns³f ᵐ* как «pillards (?)», основываясь на значении сабейского глагола *ns³f* — «destroy, scatter like dust | détruire, dissiper comme de la poussière» (Beeston et al. 1982. P. 99).

[190] Издатель перевел *''rr-hmw* как «leurs citadelles», что, на наш взгляд, неверно, поскольку основное значение *'r* (мн. ч. *''rr*) — «гора, возвышенность», а «крепость, цитадель» — производное от него; в данном же контексте налицо противопоставление двух различных элементов рельефа: долин и возвышенностей.

[191] Ср.: Bāfaqīh 1990. P. 393–394. Впрочем, Муḥаммаду 'Абд ал-Ḳāдиру Бā Фаḳīху не была известна лишь совсем недавно введенная в научный оборот FB — al-Bayḍā' 1, и потому он вынужден был констатировать, что при Наша'карибе Йуха'мине Йухарḥибе «les raisons de friction entre Ḥaḍramawt et Saba' n'apparaissent pas clairement».

[192] В этом контексте *'ḏhbⁿ* следует интерпретировать как форму мн. ч. определенного состояния от *ḏhb* — «alluvial valley | vallée alluviale» (Beeston et al. 1982. P. 38), а не как нигде прежде не засвидетельствованное имя собственное «the Adhhabanites», к чему склонился издатель надписи (Maraqten 2006. P. 58, 62).

ства» (стк. 24–26: *w-ḏ-yhgzn/d‘t|[m]/f-’w/s¹qym/‘dy/’rḍ/Ḥḍrmwt/f-l/ys¹bṭn/b-rb|[ṭ(?)/.]n/ṯty/m’tn/s¹bṭm/w-bn/ḍmr-hw/l-yḫbn*)[193].

Издатель надписи, считая твердо установленным, что Хадрамаут не входил в этот период в состав Сабейского царства, предложил две возможных ситуации, которые объясняли бы появление такой статьи: рейды сабейских разбойников на сельскохозяйственные угодья Хадрамаута либо нападения на караваны, перевозившие продукты земледелия, со стороны разбойников, которые затем укрывались с награбленным на территории Хадрамаута (Maraqten 2006. P. 60). Первая ситуация не вписывается в контекст сабейско-хадрамаутского противостояния, которым было ознаменовано царствование Наша’кариба Йу’мина Йурḫиба; вторая не соответствует формулировкам статьи, в которой ясно говорится о посевах, а не об урожае. На наш взгляд, § 6 (= стк. 24–26) надписи MB 2002 I-28 прямо указывает на то, что в результате конфликта с Сабой часть территории Хадрамаута, ослабленного к тому же и войной с химйаритами, перешла под сабейский контроль. Как известно, понятие *’rḍ/Ḥḍrmwt* — «земля Хадрамаута», упомянутое, в частности, в Ja 612/9–10 в связи с боевыми действиями, которые Наша’кариб вел против Хадрамаута, противопоставлялось Сарӣрāну (*S¹rrn*) «Долине», т. е. центральной части Внутреннего Хадрамаута[194]. Таким образом, речь в MB 2002 I-28/24–26 шла о западных землях Хадрамаута, скорее всего, о какой-то их части, например, в районе ал-Барӣры или крепости Майфа‘а. После присоединения к Сабе они оказались фактически бесхозными, и новая власть стремилась предотвратить их стихийное разорение, приняв для этого специальную статью закона. Необходимо отметить, что данный юридический текст из храма Аввāм прекрасно иллюстрирует неполноту наших знаний в том, что связано даже с основными вехами военно-политической истории Хадрамаута.

---

[193] Вместо предложенного издателем надписи показателя определенности *-n* (Maraqten 2006. P. 57, 62) следует восстановить на конце *d‘t* мīмацию по аналогии с *s¹qym*. При перечислении правонарушений оба слова были в определенном состоянии (стк. 14), но в самом тексте статьи их поставили в неопределенное состояние, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть, что ее положения касаются любых богарных и искусственно орошаемых посевов в Хадрамауте.

Восстановление начала стк. 26 и вообще вся интерпретация первой половины того раздела статьи, где речь идет о наказании (*f-l/ys¹bṭn/b-rb|[mlk]n/ṯty/m’tn/s¹bṭm*) как «let him be punished by paying with the [royal?] Rub-measurement of 200 units» (Maraqten 2006. P. 62), не выдерживают критики. Во-первых, как признает сам издатель (Ibid. P. 61), для термина *s¹bṭ* в сабейском установлено четкое юридическое значение: «stroke, blow *as punishment* | coup *en guise de châtiment*» (Beeston et al. 1982. P. 123). Во-вторых, мера объема *rb*, которая рассматривалась выше, в разделе 9 главы II, в комментарии к стк. 5–6 надписи Fr–‘Idim 1, должна идти после количественных числительных, а не перед ними, не говоря уже о том, что никакая «царская мера объема *rb*» по другим надписям не известна. По всей видимости, выражение *b-rb|[…]n* обозначало орудие, которым виновному в правонарушении наносились удары. С известной долей осторожности тут можно провести параллель с *рибāṃ* — «веревка» — и *рабṭа* — «связка, повязка» — в арабском и истолковать все выражение как *status constuctus* с *rb[t]* в качестве первого элемента и с неподдающимся уверенной реконструкции вторым элементом, обозначавшим материал, из которого был изготовлен кнут.

[194] См. об этом подробнее: Французов 2000в. С. 303, примеч. 11; Frantsouzoff 2000. P. 259, n. 11; Frantsouzoff 2003b. P. 59–60. Ссылки на соответствующие эпиграфические контексты даны также в таблице, помещенной в конце раздела 5 данной главы.

Весьма вероятно, что известный по надписям ал-‘Уқлы Раббшамс, сын царя Йада‘’ила Баййина и брат царей Илīрийāма Йадума и Йада‘’аба Ḡайлāна, все-таки занял хадрамаутский престол. В надписи Ja 656 сообщается о военном конфликте, в ходе которого на рубеже III–IV вв. н. э. противостояли друг другу химйаритский царь Шамир Йухар‘иш, сын Йāсира Йухан‘има I, и цари Хадрамаута Шараḵ’ил и Раббшамс (стк. 11–12: *S²rḥ|’l/w-Rbs²ms¹ᵐ/mlky/Ḥḍrmwt*)[195]. Появление на конце имени Раббшамс мīмации может быть объяснено особенностями сабейской орфографии, однако остается неясным, кем приходился ему его соправитель Шараḵ’ил: братом, сыном или племянником[196].

5. ЗАВОЕВАНИЕ ХАДРАМАУТА ХИМЙАРИТСКИМ ЦАРСТВОМ

Около 275 г. н. э., когда Химйаритским царством совместно правили Йāсир Йухан‘им I и его сын Шамир (Шаммар) Йухар‘иш[197], произошло окончательное присоединение Сабейского царства к Химйару. Обстоятельства этого судьбоносного для южноаравийской истории события нам почти не известны, за исключением составленной обоими соправителями надписи Ir 14 = Sh 29. В ней авторы выражают благодарность Алмақаху за добрые предзнаменования, которые они от него получили, «когда они выступили из замка Райдāн и города Ẓафāр в город Мариб ради царствования над Саб[ой …] замок Салḵīн» (§ 1: *…b-ywm/nfṣw/bn/bytⁿ/Rydⁿ/w-hgrⁿ/Ẓfr/‘dy/hgrⁿ/Mryb/l-ml<k/S¹b>[’/… …]bytⁿ/S¹lḥn/*)[198]. Скорее всего, Наша’кариб Йуха’мин Йухарḵиб не оставил законного наследника, и его престол перешел царям Химйара либо по завещанию, либо по договоренности с сабейской знатью, которая пошла на это при условии сохранения своих привилегий[199]. Во всяком случае, за исключением боевых действий, которые химйаритам пришлось вести к северу от Саны (CIH 353), присоединение Сабы к Химйару было осуществлено без серьезного насилия (Robin 1996a. Col. 1140), а представитель рода з̱ӯ Гадан (Джадан), одного из восьми влиятельнейших сабейских родов (*ал-маc̱āмина*)[200], командовал войсками Химйаритского царства в ходе двух походов, которые были предприняты в

[195] Об этом конфликте см. подробнее в начале следующего раздела данной главы.

[196] См. об этом также: Французов 2006б. С. 151, примеч. 42.

[197] От этих соправителей дошли две датированные надписи: CIH 46 = Gl 799 и CIH 448 + Hakir 1, составленные соответственно в месяце з̱ӯ махлатāн (приблизительно в ноябре) 385 г. химйаритской эры (= 275 г. н. э.) и в месяце з̱ӯ қайз̱āн (приблизительно в июне) 396 г. (= 286 г. н. э.), — но они необязательно отмечают начало и конец одновременного пребывания у власти их обоих (Robin 1996a. Col. 1139–1140).

[198] Чтение *l-ml<k/S¹b>[’]* принадлежит Ж. Рикмансу, опиравшемуся на фотографию этой надписи (Sharafaddin 1961. P. 36, lower photo). Салḵīн — замок в Марибе, резиденция сабейских царей (см. о нем: Bāfaqīh 1990. P. 81–98).

[199] На такое развитие событий, возможно, указывают некоторые детали йеменского исторического предания, сохранившиеся в арабо-мусульманских источниках, впрочем, довольно невнятные (см. их анализ: Bāfaqīh 1990. P. 402–404).

[200] См. о них: Robin 1991h.

конце 10-х и начале 20-х гг. IV в. н. э. ради завоевания Хадрамаута[201]. Однако о двуедином государстве речь, разумеется, не шла: на явное доминирование Химйара после поглощения им Сабы указывает исчезновение из надписей датировок по сабейскому эпонимату и сабейскому календарю[202].

Почти одновременно с аннексией Сабы химйаритами, ок. 270 г., с южноаравийской политической сцены неожиданно исчезает еще один активный участник борьбы за гегемонию над этим регионом — Аксумское царство (Robin 1989. P. 151–152). Причины, по которым это произошло, нам совершенно не ясны. Вряд ли их можно свести к тому, что Наша'кариб Йуха'мин Йухарḥиб сумел изгнать эфиопские войска из красноморской Тихāмы (Robin 1996a. Col. 1137); скорее всего, дело было в серьезном внутреннем кризисе, охватившем Аксум, история которого во второй половине III — начале IV в. н. э. остается для нас «белым пятном».

Таким образом, в последней четверти III в. н. э. Хадрамаут остался наедине с Химйаритским царством, которое после присоединения Сабы распространило свою власть на всю территорию Южной Аравии, кроме собственно хадрамаутских земель. Кто окажется победителем в противоборстве этих двух государств, было очевидно: их потенциалы были слишком не равны. И в этих условиях Хадрамаут смог в течение нескольких десятилетий противостоять экспансии Химйара! Ее ход можно проследить по сабейским надписям, в которых сообщается о химйаритских походах, целью которых было покорение входивших в состав Хадрамаута территорий. Подавляющее их большинство происходит из Аввāма, две (CIH 948; CIH 431 + 438) — из храма Баḥр Ḥаṭаб (*Bḥr/Ḥṭb*^{m}), одна (CIH 397) — из храма Алмаḳаха в Ḳирвāḥе (Robin 2005. P. 136, 140). Извлеченные из этих эпиграфических источников данные для удобства сведены в таблицу, помещенную в конце раздела.

К сожалению, ни одна из надписей, повествующих о завоевании Хадрамаута Химйаритским царством, не датирована по эре. Все они относятся к четырем царствованиям, последовательность которых к настоящему времени твердо установлена: Шамира Йухар'иша, соправителей Йāсира Йухан'има II и его сына З̲ара''амара Аймана I, З̲амар'алī Йухабирра и его же вместе с сыном Са'рāном Йухан'имом[203]. Больше половины надписей (8 из 13) были составлены при Шамире Йухар'ише, первом царе Химйара, который сменил традиционный титул правителей этого государства, «царь Сабы и з̲ū Райдāна», на так называемый долгий титул — «царь Сабы и з̲ū Райдāна и Хадрамаута и Йаманата», четко выразив в нем свое стремление к аннексии Хадрамаутского царства[204]. Первая датированная надпись Шамира Йухар'иша, в которой он

[201] См. ниже в настоящем разделе.

[202] См. об этом: Robin 1996a. Col. 1140.

[203] Робен 2004. С. 308–309; Robin 2005. P. 150–151. Плохо обоснованным в этих хронологических таблицах, составленных Кр. Ж. Робеном, представляется появление между Шамиром Йухар'ишем и Йāсиром Йухан'имом II химйаритского царя Кариб'ила (Ватара) Йухан'има и уж тем более приблизительная датировка его правления 312–316 гг. Стоит подчеркнуть, что ни одна из надписей не связывает этого монарха с завоеванием Хадрамаута.

[204] Под «Йаманатом» (*Ymnt*), т. е. «южными землями», по всей видимости, понимались территории, расположенные между Аденом и Хадрамаутом (Robin 1996a. Col. 1140).

носит долгий титул (YMN 13/11), — относится к месяцу ẓ̄ ма‘н (*ḏ-m‘n*) 409 г. химйаритской эры (YMN 13/12–13), т. е. приблизительно к марту 299 г. н. э. Следовательно, две представленные в таблице надписи, в которых его величают кратким титулом, BR–M. Bayḥān 5 и Sh 32, были составлены до этой даты, и описанные в них события происходили в конце III в. н. э. Не исключено, что в них описаны два различных эпизода одной военной кампании. BR–M. Bayḥān 5 сообщает об успешном нападении из засады, устроенной на дальних подступах к Хадрамауту, в Арāке (см. карту 7), на отряд киндитов (*zbd/Kdt*), шедший на помощь хадрамаутцам[205].

В Sh 32 речь идет о довольно крупном отряде, в состав которого входило 1400 всадников на верблюдах и 70 конников: пополнив запасы воды в вади ẓ̄ ‘Абрāн, локализуемой у современного поселения ал-‘Абр, на полпути между Марибом и Внутренним Хадрамаутом, он вторгся в эту область и совершил нападение на город ‘Уḳрāн и его сельскую округу, а также на города Шибāм, Раṭṭу и Сай’ӯн (см. карту 7). Судя по короткому титулу царя, Шабва к этому времени еще не была завоевана химйаритами, начавшими в обход ее покорение Внутреннего Хадрамаута.

Установить, насколько продолжительным было правление Шамира Йухар‘иша, позволяет датированная надпись Pirenne–Baynūn 3 = YM 1695, в которой этот царь упомянут с долгим титулом (стк. 7). К сожалению, ее датировочная формула оказалась повреждена так, что в ней не сохранились единицы (стк. 8): *[…/‘s²]ry/w-’rb‘/m’tᵐ/bn/ḫ{r}f/Mbḥḍ/bn/’bḥwḍ/* Следовательно, здесь формально допустимо восстановление любого года от 420 до 429 гг. по химйаритской эре (от 310–311 до 319–320 гг. н. э.)[206], а срок пребывания химйаритского царя Шамира Йухар‘иша у власти мог превышать четверть века[207].

В период, когда Шамир Йухар‘иш носил долгий титул, т. е., вероятнее всего, на протяжении первых 10–15 лет IV в. н. э., состоялось как минимум два похода на Хадрамаут: в ходе одного из них ему противостояли два соправителя, разделившие хадрамаутский престол, Раббшамс и Шараḵ’ил (Ja 656), во время другого — только Шараḵ’ил (CIH 948). Предположение Кр. Ж. Робена о том, что фрагменты CIH 948 и CIH 438 + 431 = Louvre 86 относятся к одной надписи CIH 431 + 438 + 948 (Robin 2005. P. 138), кажется весьма вероятным, хотя отсутствие размеров для CIH 948 не позволяет его окончательно подтвердить[208].

Интересно, что ни в одной из надписей Шамира Йухар‘иша, в которых сообщается о боевых операциях на территории Хадрамаутского царства, Шабва не упоминается. Из того, что он принял долгую титулатуру, включавшую в себя

[205] В этой надписи содержится самое раннее упоминание киндитов в связи с Хадрамаутом, значительная часть которого накануне ислама окажется под властью их могущественных вождей-*маликов* (см. подробнее: Французов 2004б. С. 68–81).

[206] Кр. Ж. Робен достаточно произвольно восстанавливает в YM 1695/8 420 г. химйаритской эры = 310–311 гг. н. э. (Робен 2004. С. 309; Robin 2005. P. 150).

[207] Даже у Кр. Ж. Робена, который отнес правление этого царя приблизительно к 287 (или 288) — 312 гг. (Робен 2004. С. 308; Robin 2005. P. 150), его продолжительность оказывается весьма внушительной.

[208] В Sh 34 о военных действиях в Хадрамауте приведено слишком мало данных, чтобы можно было заключить, идет ли в ней речь о самостоятельном походе или об эпизоде одного из двух вышеупомянутых походов.

Хадрамаут, вовсе не следует, что к этому времени он непременно овладел его столицей. Она могла отражать не реальное положение вещей, а амбиции монарха, как, например, в случае с титулом «царь Сабы и ẕ̄ Райдāна», который одновременно носили соперничавшие друг с другом правители Сабы и Химйара. Тем не менее Шабвой Шамир Йухар‘иш в конечном счете овладел, хотя мы и не знаем, при каких обстоятельствах это случилось. В надписи Ja 662, по-видимому, составленной теми же двумя братьями, предводителями общины саба’, что и Sh 32, этот химйаритский царь возложил на старшего из братьев, Йа‘мура Ашва‘, ответственность за несение гарнизонной службы и оборону бывшей столицы, которую призвана была осуществлять его община саба’ (стк. 12–14). Защищать ее, скорее всего, надлежало от хадрамаутцев, не оставлявших попыток ее отвоевать: дальнейшее развитие событий показывает, что, несмотря на усилия Шамира Йухар‘иша, Внутренний Хадрамаут ему покорить не удалось. В отличие от взятия Шабвы во второй половине 20-х гг. III в. сабейским царем Ша‘ром Аутаром, в ходе которого она была предана огню, ее поглощение Химйаром не сопровождалось сколько-нибудь заметными разрушениями. Во всяком случае двух археологических слоев со следами пожаров, которые можно было бы датировать в пределах одного столетия в период с начала III по начало IV вв., при раскопках хадрамаутской столицы выявлено не было. Свидетельство надписи Ir B 3 о том, что Абīшамиру Аулаṭу, одному из *муḳтавиев* Шамира Йухар‘иша, было поручено присутствовать в Шабве на празднике Сийāна, возможно, связанном с паломничеством к этому богу (стк. 10–12), показывает, что культ бывшего «национального» бога Хадрамаута продолжали отправлять и при химйаритах, чем, конечно же, была обеспечена лояльность части хадрамаутцев завоевателям.

Из Шабвы, находившейся под химйаритским владычеством, происходит надпись MM 161, правда, составленная спустя многие десятилетия после Шамира Йухар‘иша[209]. Несмотря на то что ее автор состоял на службе у рода Йухауди‘, который, по всей видимости, имел сабейское происхождение (Frantsouzoff 2005c. P. 249), надпись составлена на хадрамаутском языке[210] и датирована по хадрамаутской системе эпонимата[211]. Отсюда следует, что хадрамаутская этнокультурная идентичность сохранялась в течение достаточно долгого времени и после утраты хадрамаутской государственности.

Предложение Кр. Ж. Робена свести завоевание Хадрамаута Химйаритским царством к двум войнам, первая из которых пришлась на царствование Шамира Йухар‘иша (Robin 2005. P. 136), выглядит довольно искусственным, хотя бы потому, что между военной кампанием, предпринятой этим правителем, когда он еще носил короткий титул, и между его походами, отмеченными в Ja 656 и CIH 431 + 438 + 948, могло пройти куда больше времени, чем между этими походами и боевыми действиями во Внутреннем Хадрамауте, развернувшимися

[209] О ее приблизительной датировке в пределах конца IV — начале VI в. н. э. см.: Frantsouzoff 2005c. P. 252.

[210] На сегодняший день это — самый поздний памятник южноаравийской эпиграфики на хадрамаутском языке наряду с граффити Hamilton 11 (см. следующий раздел).

[211] См. раздел 6 главы II.

при царях, сменивших Шамира на химйаритском престоле. Правильнее было бы констатировать, что покорение Хадрамаута было сопряжено для Химйара с серьезными трудностями: оно растянулось на десятилетия и вылилось в целую серию военных операций, не обо всех из которых, разумеется, до нас дошли сведения.

При химйаритском царе Йāсире Йухан‘име II и его сыне и соправителе Зара’’амаре Аймане I, родственные отношения которых с Шамиром Йухар‘ишем совершенно не ясны[212], в Хадрамауте еще находился у власти собственный царь, чье имя, к сожалению, в источнике не сообщается (Ja 665/19–20). Куда была перенесена царская резиденция из Шабвы, нам не известно; по всей видимости, она оказалась где-то во Внутреннем Хадрамауте. Необходимо отметить, что несмотря на ряд поражений, которые хадрамаутцам нанесло отправленное против них по приказу соправителей химйаритское войско, во главе авангарда которого стоял Са‘адта’лаб Йатлаф из рода Гадан (Джадан), у них оказалось достаточно сил, чтобы не пустить противника вглубь этой области. Столкновение небольших по численности отрядов, двигавшихся впереди обоих войск, случилось у Арāка (см. карту 7). В нем 30 всадников на верблюдах и 4 конника, сражавшиеся на стороне Химйара, взяли верх над 70 хадрамаутскими всадниками на верблюдах, которые были убиты или попали в плен, за исключением одного командира, ускакавшего верхом, и трех воинов, ушедших пешком (Ja 665/16–24). После этого войско Са‘адта’лаба совершило рейд по вади Духр и вади Раḫйа, где захватило пленных и увело в полон мирных жителей вместе с богатой добычей, которую составили верблюды, быки, коровы и овцы (Ja 665/24–27). Затем оно повернуло назад и достигло низины у колодцев Ḫурç, где и произошло решающее сражение (см. карту 7). Согласно Ja 665/14–16, под командованием Са‘адта’лаба Йатлафа находились 750 всадников на верблюдах и 70 конников, причем в ней подчеркивается, что это была численность всего его войска (стк. 14–15: *w-tg‘r/w-’t|tmn/kl/gys²-hmw*). Даже если допустить, что пехотинцы по какой-то причине названы не были, поражает явный численный перевес хадрамаутцев, на стороне которых сражались 3500 всадников на верблюдах и 125 конников. Тем не менее они потерпели сокрушительное поражение, потеряв 850 убитыми и 470 пленными. Добычей химйаритского войска стали 1200 верховых верблюдов со всем снаряжением и 45 лошадей; еще 30 лошадей, на которых бились хадрамаутские всадники, были убиты (стк. 27–39). В чем была причина такого исхода битвы: в военном таланте Са‘адта’лаба Йатлафа, в лучшей выучке и более крепкой дисциплине его войска или в совокупности этих факторов, — остается гадать. Скорее всего, перед битвой к авангарду химйаритского войска присоединилось его основная часть, хотя внятно в надписи об этом не говорится. После сражения 35 конникам, которыми командовал сам Са‘адта’лаб, пришлось сражаться с отрядом, во главе которого стоял некий *Bs³’m* и который, по-видимому, охранял хадрамаутский обоз. Во всяком случае среди химйаритской добычи названы «все их животные-водовозы и верховые верблюды» (стк. 42–43: *k|l/rwt-hmw/w-rkb-hmw*). Сам *Bs³’m* вместе с лучшими

[212] Кр. Ж. Робен датировал их царствование ориентировочно 316–320 гг. (Робен 2004. С. 309; Robin 2005. P. 151).

скакунами сумел уйти (стк. 39–44). Сходство этого антропонима с входившим в титулатуру ḳайлей из рода зӯ Йаз'ан в начале VI в. н. э. родовым именем *Bs³ 'y*ⁿ (BR–Yanbuq 47/3; CIH 621/3)[213] заставляет предположить, что в Ja 665 может упоминаться основатель этого рода.

Другой поход Са'адта'лаба Йатлафа, в ходе которого разорению подвергся уже Внутренний Хадрамаут, подробно описан в Ir 32 = Schreyer-Geukens. Гипотеза Кр. Ж. Робена о том, что в Ja 665 и в этой надписи представлены два последовательных этапа одной кампании (Robin 2005. P. 142), не может быть принята. Он исходил из того, что хадрамаутские военачальники, командир всадников на верблюдах Афḍā, сын Гумāна / Джумāна (*'fḍy/bn/Gmn/nḥl/rkb*ⁿ), и командир конников Гушам / Джушам (*Gs²m/nḥl/'frs¹*ⁿ)[214], о пленении которых после битвы при Ḫурḍе сообщается в Ja 665/35–36, перечислены в Ir 32 среди уведенных в плен садафитов (стк. 43–44)[215]. По мнению Кр. Ж. Робена, освобождение и вторичное пленение этих двух командиров маловероятны. Он настаивает на том, что численность войска Са'адта'лаба Йатлафа, приведенная в Ja 665 (750 всадников на верблюдах и 70 конников) оказывается практически той же, что и в Ir 32, где говорится о том, что на Хадрамаут выступили 300 воинов-сабейцев, 300 воинов-бедуинов, 20 конников, которые несли гарнизонную службу в городе Нашḳе и еще 50 конников (стк. 15–19). Получается, что после битвы при Ḫурḍе Са'адта'лаб Йатлаф, не возвращаясь, сразу же двинулся на Хадрамаут. Но в Ir 32 упомянут другой химйаритский царь — З̲амар'алӣ Йухабирр, отдавший приказ идти походом на Хадрамаут (стк. 8–11). Пришлось Кр. Ж. Робену сделать произвольное, ни на чем не основанное допущение, заключающееся в том, что в битве при Ḫурḍе погибли соправители Йāсир Йухан'им II и З̲ара''амар Айман I! Но ведь в Ja 665 ясно сказано, что химйаритское войско вернулось обратно в целости и сохранности и со славой (стк. 44–45).

На наш взгляд, нет никаких сомнений, что в Ja 665 и в Ir 32 речь идет о двух различных походах Са'адта'лаба Йатлафа на Хадрамаут, разделенных определенным промежутком времени. В первом из них он командовал авангардом войска, во втором — всем войском, сборным пунктом для которого стал храм *ḏ-Ḡrw* в ал-Джауфе, по-видимому, идентичный храму з̲ӯ Йаґрӯ[216]. Второй поход Са'адта'лаба подробно рассмотрен в комментарии В. В. Мюллера к Ir 32; его маршрут представлен в таблице в конце раздела и на карте 7. Отметим лишь некоторые интересные детали, с ним связанные. Первым сражением в этом походе стала битва у стен городе Ṣува'рāн. Потерпевшие поражение сува'ранцы вынуждены были отправить своих воинов с Са'адта'лабом против Шибāма. На стороне шибамцев сражались садафиты, что позволяет локализовать ṣадафāн (аṣ-ṣадаф) в центральной части вади Ḫадрамаут (Frantsouzoff 2004. P. 80). Потеряв 70 воинов, шибамцы укрылись за стенами своего города и после осады,

[213] Об этом роде, упоминаемом также в арабо-мусульманских источниках в связи с утверждением ислама в Хадрамауте, см. Французов 2004б. С. 49–50.

[214] См. о них подробнее: Французов 2004б. С. 57.

[215] Гушам упомянут там с патронимией «сын Мāлика» (*bn/Mlk*ᵐ).

[216] См. выше примеч. 57 к данной главе.

продолжавшейся 13 дней, сдались (стк. 19–29). Осада Тарӣма продолжалась 12 дней, и для того, чтобы принудить его жителей к сдаче, Саʿадта'лаб со своим войском погубили в его окрестностях 2000 виноградных лоз — *'lfn/'ʿmd*^{m} (стк. 31–35)[217]. Открывающее перечень уведенных из Хадрамаута пленных выражение *'nm|r*^{m}*/ḏ-hmlkw/Ḥḍrmwt* (стк. 42–43) следует понимать как «Анмāр, которого хадрамаутцы поставили царем» вслед за первым издателем надписи Муṭаххаром ʿАлӣ ал-Ирйāнӣ (Ирйани 1973. С. 168), а не как «Häuptlinge, welche Ḥaḍramaut in Besitz genommen hatten», следуя интерпретации В. В. Мюллера (Müller W. 1981. S. 230, 245–246)[218]. Таким образом, последними известными нам по надписям царями Хадрамаута были Шараҳ'ил (CIH 948) и Анмāр. Интересно, что в списке древних царей Хадрамаута, по большей части легендарных, который сохранился только в *Китāб ал-ʿибар…* великого арабского историка Ибн Ҳалдӯна, на предпоследнем месте стоит имя Намир, происходящее от того же корня, что и *'nmr*^{m}, а перед ним — Илӣшараҳ, состоящее из тех же элементов, что и *S*^{2}*rḥ'l*. Заключает этот список не известный по эпиграфическим источникам Шāҳӣ, носящий то же имя, что и предок одного из подразделений раннесредневекового племенного объединения ҳадрамаут[219]. Так что не исключено, что Анмāр был не последним царем Хадрамаута.

CIH 397 и Ir 31, скорее всего, относятся к тому же походу, что и Ir 32, особенно если в Ir 31, известной исключительно по рукописной копии ал-Ирйāнӣ, при перечислении захваченных химйаритами городов заменить давно уже покоренную ими Шабву (*S*^{2}*bwt*) на Шибāм (*S*^{2}*bm*)[220]. Однако в Ja 668 + Schm/Mārib 28 речь идет о другом походе[221], поскольку он был предпринят по приказу не одного З̲амарʿалӣ Йухабирра, а по совместному повелению этого царя и его сына и соправителя С̲а'рāна Йуханʿима (Schm/Mārib 28/1–3). К сожалению, в обоих фрагментах сохранилось слишком мало подробностей, связанных с этой кампанией — последней из тех, что нам известны. *Terminus ante quem* для нее — 434 г. химйаритской эры (= 324–325 гг. н. э.), который засвидетельствован в самой ранней из датированных надписей самого С̲а'рāна Йуханʿима — Маṣнаʿat Māriya (стк. 11–12). Судя по тому, что в Ja 668 + Schm/Mārib 28 упоминаются города Внутреннего Хадрамаута, эта область вновь отложилась от Химйара после второго похода Саʿадта'лаба Йатлафа. Поэтому трудно согласиться с Кр. Ж. Робеном, по мнению которого, этот полководец и другие химйаритские военачальники

[217] Интерпретация термина *ʿmd* как «виноградная лоза» обоснована в Sima 2000. S. 191–193. Следует отметить, что в наши дни во Внутреннем Хадрамауте лозу не выращивают.

[218] Поразительным образом он не учел каузативное значение глагола *hmlk*, основное значение которого — «воцарять». Принятую автором этих строк интерпретацию выражения *'nmr*^{m}*/ḏ-hmlkw/Ḥḍrmwt*, которая была представлена в июне 2001 г. в Париже, поддержал Кр. Ж. Робен (Robin 2005. P. 142, n. 35).

[219] См. об этом подробнее: Французов 2006б. С. 151–152.

[220] Мнение Кр. Ж. Робена о том, что хадрамаутские повстанцы на время вернули себе Шабву (Robin 2005. P. 143), вызывает серьезные сомнения.

[221] К выводу о том, что Ja 668 и Schm/Mārib 28 являются двумя фрагментами одной надписи, впервые пришел автор этих строк в курсе лекций *Le royaume antique du Hadramawt et son rôle dans l'histoire de l'Arabie du Sud préislamique*, прочитанном в Париже в июне 2001 г., причем его приоритет в этом вопросе признан поддержавшим его Кр. Ж. Робеном (Robin 2005. P. 143). Пропуск Йаманата в царском титуле в Schm/Mārib 28/2–3 (по сравнению с Ja 668/4–5, 17–18) объясняется, скорее всего, небрежностью камнереза. Во всяком случае, нигде больше такой усеченный титул не встречается.

одержали решающие победы, в результате чего весь Хадрамаут был подчинен царствованию Ca'рāна Йухан'има (Robin 2005. P. 144). Появление в Maṣna'at Mārīya (стк. 14) у Ca'рāна Йухан'има краткого титула (*mlk/S¹b'/w-ḏ-Rydⁿ*) можно было бы истолковать, как официальное признание тщетности химйаритских усилий овладеть Хадрамаутом, но, скорее всего, резчик этой провинциальной наскальной надписи, посвященной строительным работам местного масштаба, счел возможным в самом ее конце сократить долгий титул[222].

Посвящение бронзовой статуэтки богу Зū Самавī, владыке храма зū Ḡарв, Раббшамсом Шарфāном, сыном Хаḳīба (Arbach 2/1–4), в благодарность за то, что он вернулся из похода на Ṣува'рāн и Шибāм (стк. 6–7: *s¹|b't/Ṣw'rⁿ/w-S²bm*) со славой и добычей (стк. 8: *w-'tw/b-ḥmdᵐ/w-ḡnmᵐ*), с большой долей вероятности следует связать с военной кампанией, описанной в Ir 32, поскольку местом сбора химйаритского войска в ней назван именно зū Ḡарв (стк. 13–14), а боевые действия после покорения Ṣува'рāна переносятся непосредственно под стены Шибāма (стк. 19–29)[223].

При попытке завоевания Хадрамаута, предпринятой Химйаритским царством в конце III — первой четверти IV в., значительная роль принадлежала сабейцам. В подавляющем большинстве надписей (Sh 32, Ja 656, CIH 438 + 431 = Louvre 86, Ja 662, Ir 32, CIH 397, Ir 31) в составе войск, отправившихся на покорение хадрамаутских земель, упоминается община саба' (кахлāн), населявшая Марибский оазис. Авторы трех текстов (Sh 32, Ja 662, Ir 31) носили титул предводителя (*wzʿ*) этой общины, а еще пяти принадлежали к родам 'Ускулāн / 'Аскалāн (Ja 656), Маḳāр (CIH 948; CIH 438 + 431), Гадан / Джадан (Ja 665, Ir 32), входившим в так называемую «восьмерку» знатнейших сабейских родов (*ал-масāмина*)[224].

Однако если к концу первой четверти IV в. Хадрамаут окончательно покорен Химйаритским царством не был, когда и как это произошло? В крупнейшей южноаравийской наскальной надписи 'Abadān 1, составленной ḳайлами из рода Йаз'ан в месяце зū мазра'āн 470 г. химйаритской эры (приблизительно в июле 360 г. н. э.) и описывающей события, происходившие на протяжении нескольких десятилетий, сообщается, что незадолго до этой даты (возможно, всего за несколько лет до нее) они восстановили город 'Абадāн, являвшийся в ту пору центром их владений, после того как хадрамаутцы его сожгли (стк. 32: *k-twbw/hgr-hmw/'bdⁿ/b'dn/k-dhr-hw/Ḥḍrmwt*). Очевидно, в середине IV в. обитатели этого региона не были полностью подчинены Химйару, если могли позволить себе такие набеги на владения одного из могущественных родов этого государства. Задачу покорения Хадрамаута, с которой центральная власть Химйаритского государства до конца не справилась, пришлось взять на себя Йаз'анидам. Трудно сказать, действовали ли они при этом по собственному почину, стремясь

[222] Ср.: Müller W. 1978b. S. 148.

[223] К этому же заключению пришел и М. 'Арбаш (Arbach 1996. P. 246–247), который, впрочем, не исключил полностью того, что автор Arbach 2 мог участвовать в подавлении восстания общин и племен Внутреннего Хадрамаута, которое предпринял сабейский царь Ша'р Аутар, хотя в памятниках эпиграфики, относящихся к этому восстанию Шибāм (в отличие от Ṣува'рāна, не упоминается (см. подробнее раздел 3 данной главы).

[224] Ее состав приведен в Robin 1991h. P. 820, 821; Пиотровский 1985. С. 89.

обезопасить свои земли, или по поручению царей Химйара. Титулатура йаз'анидских ḳайлей в надписях конца V — начала VI в. показывает, что их усилия увенчались успехом. Она включает в себя общину ḥадрамаут, в этот период населявшую, по-видимому, Шабву и ее округу, общины Внутреннего Хадрамаута, такие как раḫйа (*Rḫyt*) и каćрāн (*Ks³rⁿ*), обитавшие в одноименных районах, общину ḳани', локализуемую в одноименном порту и его окрестностях[225], а также область Са'калāн, т. е. Дофар, и формально принадлежавший Хадрамаутскому царству остров Сокотра (*S³krd*)[226].

Химйаритское государство не смогло включить в себя Хадрамаут иначе, чем через вертикальные связи господства — подчинения, сложившиеся между родами ḳайлей и зависимыми от них общинами в средний период, поскольку так и не выработало административно-территориального деления, которое бы не зависело от складывавшегося веками разделения населения Южной Аравии на общины и племена. Упоминаемые в арабских средневековых географических сочинениях *миḫлāф*ы, небольшие по площади округа, на которые принято было делить Йемен, ни в коем случае нельзя считать бывшими провинциями Химйаритского царства, поскольку их рубежи, даже если они восходят к доисламскому времени, как правило, совпадают с границами расселения племен или общин (Грязневич 1981; Matsumoto 1994). По мнению П. А. Грязневича,вплоть до прихода персов в конце VI в. н. э. имеет смысл говорить об этнотерриториальном, а не об административно-территориальном делении Южной Аравии (Грязневич 1981. С. 28–29).

Между тем подразделение государства на единообразные административные единицы (сатрапии, провинции), за исключением его окраинных областей, является одним из основных признаков империи (Дьяконов и др. 1989. С. 15–16; Дьяконов 1994. С. 51; Дьяконов и др. 1997. С. 221). Коль скоро Химйаритское царство и после объединения под своей властью всей той территории, на которой сформировалась и развивалась древнейеменская цивилизация, им не обладало, то оно не стало полноценной империей. Переход к той фазе общественно-экономического развития, которую И. М. Дьяконов предпочитал называть имперской древностью, на юго-западе Аравийского полуострова так и остался незавершенным. Этому способствовали два основных фактора:

— уже упоминавшееся выше установление в большинстве южноаравийских государств в первые века I тысячелетия н. э. отношений «всеобщей зависимости», свойственных, скорее, средневековововой, нежели древней формации. Такие отношения консервировали традиционную структуру общества, всячески затрудняя ее перекройку по инициативе центральной власти;

— усиление роли бедуинов в политической жизни древнего Йемена, начиная со II в. н. э.; их постепенная инфильтрация в южноаравийское общество, размывавшая его однородность. Присущие кочевникам традиции затрудняли возможность установления действенного административного контроля над ними и местами их расселения.

[225] Странным образом ни в одной из надписей, относящихся к завоеванию Хадрамаута Химйаритским царством, нет даже намека на покорение его прибрежных районов с портом Ḳани'.

[226] См. об этом подробнее: Французов 2004б. С. 44, 46.

Таблица

Сведения о завоевании Хадрамаута Химйаритским царством, содержащиеся в сабейских надписях

Сигл надписи	Имя автора (имена авторов)	Родовая принадлежность автора (авторов)	Титулатура автора (авторов)	Химйаритские цари, которых авторы признавали господами	Титулатура химйаритских царей	Состав химйаритских войск и их численность	Характер кампании (захваченные хадрамаутские города и земли)	Упоминание царей Хадрамаута
BR–M. Bayḥān 5	*S²f'ṯt/'wlṭ/'yhr/bn/S²<hr>*	нет данных	*nḥl/'frs¹/mlkⁿ* — «командир царских конников»	*S²mr/Yhr's²*	цСР	нет данных	нападение из засады у Арāка (*'rk*) на киндитов, шедших на помощь Хадрамауту	не упоминаются
Sh 32	*Y'mr/'s²w'/w-'ḫyhw/Zydqwmᵐ*	*bnw/ḏ-Ḥlfⁿ/'nmrᵐ*	*wz'y/s²'bⁿ/S¹b'* —«два предводителя общины саба'»	*S²mr/Yhr's²*	цСР	800 всадников на верблюдах из общины саба'; 600 всадников на верблюдах из ḫумлāна и ḫаулāна; жители Нашқа; бедуины-киндиты; 60 конников	вади зȳ 'Абрāн (совр. ал-'Абр), г. 'Уқрāн и его долины, Шибāм, Раṯṯа (*Rṯḡtᵐ*; совр. Ратṯа), Сай'ȳн	не упоминаются
Sh 34	*'lḡz/Ys²'/*	*bn/S²'rⁿ*	нет данных	*S²mr/Yhr's²*	цСРХЙ	нет данных	Шибāм	не упоминаются
Ja 656	*Zydqwmᵐ/Ydr'/w-bny-hw/Rb't/[.]|hr/ w-Knnt/Ybdr/w-bny-hmw/Tyml|t/'s¹'d/w-Wfyᵐ/'ẓfr/w-Whblt/w-Yḥmd/w-'bkrb*	*bnw/'ṯklⁿ/'ṣyt/ w-ḏ-Rs¹|mᵐ*	нет данных	*S²mr/Yhr's²*	цСРХЙ	«их община саба' кахлāн» (*s²'b-hmw/S¹|b'/Khlⁿ*)	«в Сарӣрāне» (*'dy/S¹rrⁿ*), т. е. в современном вади Ḫадрамаут	*S²rḥ|'l/w-Rbs²ms¹ᵐ/mlky/Ḥḍrmwt*

Продолжение табл.

Сигл надписи	Имя автора (имена авторов)	Родовая принадлежность автора (авторов)	Титулатура автора (авторов)	Химйаритские цари, которых авторы признавали господами	Титулатура химйаритских царей	Состав химйаритских войск и их численность	Характер кампании (захваченные хадрамаутские города и земли)	Упоминание царей Хадрамаута
CIH 948	лакуна	*[…] ʻn/ w-Mqrᵐ*	лакуна	*S²mr/ Yhrʻs²*	цСРХЙ	нет данных	«[го]рода и крепости Хадрамау[та]» (*[h]gr/ w-mṣnʻ/Ḥḍrmw[t]*)	*S²rḥ’l/mlk/ Ḥḍ[rmwt]*
CIH 438 + + 431 = Louvre 86	лакуна	*bn[y/…/] w-Mqrᵐ*	нет данных	*S²mr/ Yhrʻs²*	цСРХЙ	«их [общи]на саба’» (*[sʻ²]b-hmw/ S¹b’*)	ʻУқрāн, Шибāм, Сай’ӯн	не упоминаются
Ja 662	*[Yʻmr/’s²wʻ/ w-’ḫy]-<h>w/ (Z)(y)[dqwm](ᵐ)*	*<bnw/>(ḏ)-(Ḥ)[l](f)(ⁿ)/ ’nmrᵐ*	*wzʻy/s²ʻbⁿ/ S¹b’* —«два предводителя общины саба’»	*S²mr/ Yhrʻs²*	цСРХЙ	«их община саба’»	выполнение царского приказа «нести гарнизонную службу и держать оборону в городе Шабве» (*l-qrn/w-nẓr|b-hgrⁿ/S²bwt*)	не упоминаются
Ir B 3	*’bs²mr/’wlṭ/w-’ḫy-hw/Rf’/’s²ws³*	*bnw/Ḥfnᵐ/ w-Ḏnᵐ/w-Yṯʻkrb/ w-Ḫwlyⁿ/w-ḏ-’wlmⁿ/w-Wʻlyⁿ/ ’fys²ⁿ/’qwl/ s²ʻbⁿ/’yfʻ*	*mqtwyy/S²mr/ Yhrʻs²*	*S²mr/ Yhrʻs²*	цСРХЙ	нет данных	выполнение специальной миссии в Шабве: присутствие на празднике Сийāна (паломничестве к Сийāну?) (*l-qrb/l-ḥḍr/S¹yn*)	не упоминаются

Сигл надписи	Имя автора (имена авторов)	Родовая принадлежность автора (авторов)	Титулатура автора (авторов)	Химйаритские цари, которых авторы признавали господами	Титулатура химйаритских царей	Состав химйаритских войск и их численность	Характер кампании (захваченные хадрамаутские города и земли)	Упоминание царей Хадрамаута
Ja 665	*S^{l}ʻdt'lb/Ytlf*	*bn/Gdn^{m}*	*kbr/''rb/mlk/ S^{l}b'/w-Kdt/ w-Mḏḫg^{m}/ w-Ḥrm^{m}/w-Bhl^{m}/ w-Zyd'l/ w-kl/ ''rb/S^{l}b'/ w-Ḥmyr^{m}/ w-Ḥḍrmwt/ w-Ymnt*	*Ys^{l}r^{m}/ Yhnʻm/ w-bny-hw/ Ḏr''mr/ 'ymn*	цСРХЙ	бедуины царя Сабы, киндиты, граждане Нашқа и Нашшāна; 750 всадников на верблюдах, 70 конников	поход в направлении ʻАбрāна (ал-ʻАбра), битва при Арāке (*'rk*), рейд в долины Духр и Раҳйа, битва на обратном пути в низине у колодцев Ҳурç (*b-s^{l}fl/ ''yn^{n}/ Ḫrṣ^{m}*)	*mlk/ Ḥḍrmwt* (не названный по имени)
Ir 32 = Schreyer-Geukens	*S^{l}ʻdt'lb/Ytlf*	*bn/Gdn^{m}*	*kbr/''rb/mlk/ S^{l}b'/w-Kdt/w-Mḏḫg^{m}/w-Ḥrm^{m}/w-Bhl^{m}/ w-Zyd'l/w-kl/ ''rb/S^{l}b'/w-Ḥmyr^{m}/w-Ḥḍrmwt/w-Ymnt*	*Ḏmrʻly/ Yhbr*	цСРХЙ	община саба', граждане Мариба, бедуины царя Сабы, киндиты, награнцы и суфлāн, в т. ч. 300 сабейцев, 300 бедуинов, 70 конников (в т. ч. 20 из Нашқа)	Ҫува'рāн ⇒ Шибāм, битва с ҫадафāном и шибамцами ⇒ Раṯṯа ⇒ Сай'ӯн ⇒ Марйама ⇒ Ҳибд (*Ḥdb*; Сӯна?) ⇒ *ʻr-'hl^{n}* ⇒ Тарӣм ⇒ Даммӯн ⇒ Мишṯа ⇒ *ʻr/Klyb^{m}*: «и они взяли под контроль все города Хадрамаута и Сарйрāна»	*'nm|r^{m}/ḏ-hmlkw/ Ḥḍrmwt* — «Анмар, которого хадрамаутцы поставили царем»

Окончание табл.

Сигл надписи	Имя автора (имена авторов)	Родовая принадлежность автора (авторов)	Титулатура автора (авторов)	Химйаритские цари, которых авторы признавали господами	Титулатура химйаритских царей	Состав химйаритских войск и их численность	Характер кампании (захваченные хадрамаутские города и земли)	Упоминание царей Хадрамаута
CIH 397	*’lrm/Yḥmd/... w-S²rḥ ‘ly/...*	*[’ṣ]rḥⁿ* — «сирвахцы»	*’dm/mlkⁿ*	нет данных	нет данных	община саба’ и бедуины	«и во главе них стоял Са‘дта’лаб Йатлаф зӯ Гадан (*Sˡ ‘dt’lb/Ytlf/ḏ-Gdnᵐ*), когда они пошли походом и войной в Сарӣрāн (*‘dy/Sˡrrⁿ*)»	не упоминаются
Ir 31	*Lḥy ‘tt/Ys² ‘*	*bn/Mrḥbᵐ*	*wz ‘/s² ‘bⁿ/ Sˡb’* —«предводитель общины саба’»	*Ḏmr ‘ly/ Yhbr*	цСРХЙ	община саба’	Ṣува’рāн, ‘Уқрāн, Шабва (вероятно, ошибка издателя; читай: Шибāм), Раṯṯа, Марйама, Тарӣм	не упоминаются
Ja 668 + + Schm/ Mārib 28	*s² ‘bⁿ/Sˡb’/Khlⁿ*	отсутствует	отсутствует	*Ḏmr ‘ly/ Yhbr/ w-bny-hw/ Ṯ ‘rⁿ/ Yhn ‘m*	Ja 668: *mlky/ Sˡb’/w-ḏ-Rydⁿ/w-Ḥḍrmwt/ w-|Ymnt*; Schm/ Mārib 28/2–3: *mlky/ Sˡb’/w-ḏ-Rydⁿ/w-Ḥ[ḍ]| rmwt*	300 всадников на верблюдах	все города Сарӣрāна, в т. ч. Ṣува’рāн, Шибāм (битва с ṣадафāном и шибамцами), ‘Уқрāн	не упоминаются

Сокращения: цСР — «царь Сабы и зӯ Райдāна» (*mlk/Sˡb’/w-ḏ-Rydⁿ*) — краткий титул; цСРХЙ — «царь Сабы и зӯ Райдāна и Хадрамаута и Йаманата (южных областей)» (*mlk/Sˡb’/w-ḏ-Rydⁿ/w-Ḥḍrmwt/w-Ymnt*) — долгий титул

6. ПОЯВЛЕНИЕ МОНОТЕИСТИЧЕСКИХ КУЛЬТОВ В ХАДРАМАУТЕ НА РУБЕЖЕ МЕЖДУ ДРЕВНОСТЬЮ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕМ

Разумеется, переход от одной формации (или фазы) к другой не может быть одномоментным. Достаточно условный характер носят любые предлагавшиеся для этого точные даты, как, например, 476 г., когда скир Одоакр сместил последнего римского императора Ромула Августула, или 212 г., ознаменовавшийся выходом упоминавшегося выше эдикта Каракаллы. В действительности межформационный переход между древностью и средневековьем растянулся на десятилетия или даже столетия, на протяжении которых свойственные древнему общинно-гражданскому обществу явления и процессы постепенно сходили на нет либо коренным образом трансформировались. Как правило, такого рода изменения наиболее отчетливо проявляются в сфере духовной жизни. По меткому замечанию М. Б. Пиотровского, «упадок древней южноаравийской религии — одна из черт эпохи, наступившей в IV–V вв., средневековья, наблюдаемых легче всего (разрядка моя. — *С. Ф.*)» (Пиотровский 1985. С. 105). На смену традиционному древнейеменскому политеизму пришел монотеизм. На первый взгляд, рассмотрение этого процесса и всего связанного с ним комплекса проблем выходит за рамки, очерченные для данной работы. Однако отдельные его аспекты настолько тесно переплелись с предшествующей историей бывшей столицы Хадрамаута Шабвы, его главного порта Қани’ и западной части Внутреннего Хадрамаута, что обращение к ним в заключительной части настоящего исследования выглядит весьма органично. Кроме того, большинство суждений, высказывавшихся о начальном этапе утверждения монотеистических верований и культов на территории Хадрамаута, представляются спорными и нуждающимися в пересмотре. Это определило по преимуществу полемический характер данного раздела, который в этом отношении стоит несколько особняком как в данной главе, так и во всей работе.

Первыми датированными монотеистическими надписями химйаритских царей являются два параллельных строительных текста из Ẓафāра, Garbini Bayt al-Ashwal 2 и RES 3383, составленные в месяце *ḏ-d’w*^{m} 493 г. химйаритской эры (приблизительно в январе 384 г. н. э.) Малкīкарибом Йуха’мином, его сыновьями и соправителями Абīкарибом Ас‘адом и Ẓара’’амаром Айманом II (Робен 2004. С. 292, 310). Однако монотеизм начал распространяться на юге Аравии несколько раньше, о чем, в частности, свидетельствует надпись YM 1950, составленная частными лицами в правление Ṣа’рāна Йухан‘има, сына Ẓамар‘алī Йухабирра, в месяце *ḏ-ḫrf*^{n} [47]3 или [48]3 г. химйаритской эры (приблизительно в августе [36]3 или [37]3 г. н. э.) в честь сооружения культового места, посвященного «Владыке Неба» (Робен 2004. С. 290–291, 310). Особенностью подавляющего большинства южноаравийских монотеистических текстов и всех царских надписей этой категории вплоть до 20-х гг. VI в. является нейтральный, неопределенный характер содержащихся в них религиозных формул,

не позволяющих установить, какой именно монотеизм исповедовали их авторы: иудаизм, христианство или нечто иное. Данное обстоятельство подтолкнуло А. Ф. Л. Бистона разработать концепцию, согласно которой на юге Аравии в IV в. н. э. сложилась новая религия — самостоятельное монотеистическое течение, отличное и от иудаизма, и от христианства, но проникнутое «еврейским настроем». Он предложил называть его «рахманизм» по одному из тех имен (*Rḥmn*^{n} — «Милостивый»), под которыми упоминается Единый Бог (Beeston 1984b). К аналогичной точке зрения пришел и М. Б. Пиотровский, по мнению которого, в Химйаритском царстве «возникает неопределенный йеменский монотеизм, несомненно подвергшийся влиянию иудаизма и христианства, сходный по духу с ними и с аравийским ханифством, но о т л и ч н ы й о т н и х в с е х (разрядка моя. — *С. Ф.*)» (Пиотровский 1985. С. 105).

Под непосредственным влиянием этих взглядов А. В. Седов отыскал следы «рахманизма» в поздней Шабве. Как проявления южноаравийского монотеизма он истолковал два граффити, происходящие с территории этого городища: Hamilton 11, в котором Ḫугр / Худжр, сын Салимы (стк. 1–2: *Ḫgr/bn|S*^{1}*lmt*) — просил Раḥмāнāна услышать его молитву (стк. 3–4: *l-ys*^{1}*m ʻn/R|ḥmn*^{n}*/ṣlt-s*^{1}), а его брат Марсад сообщал о том, что он совершил паломничество (стк. 8–9: *Mrṯd*^{m}*|bn/S*^{1}*lmt|ḥg*), и RES 4699, неизвестный по имени автор которого обратился к Раḥмāнāну с той же просьбой, что и Ḫугр (*[l-y]s*^{1}*m ʻn/Rḥmn*^{n}*/ṣl[(w)t-.]*)[227]. Правда, в русском варианте своей монографии о древнем Хадрамауте он сделал в этой связи оговорку о том, что «существует… точка зрения, становящаяся в последнее время преобладающей, согласно которой практически все южноаравийские тексты с монотеистической терминологией определяются как иудейские или, менее часто, христианские» (Седов 2005. С. 202).

Действительно, в последние годы концепция неопределенного монотеизма, или «рахманизма», подверглась серьезной и хорошо аргументированной критике. Поводом для нее стало введение в научный оборот новых эпиграфических памятников, таких как датируемая приблизительно началом V в. н. э. квазибилингва Леи, дочери Иехуды (Naveh 2003; Nebe, Sima 2004), в еврейско-арамейской части которой цитируется Дан. 12: 13 (A, стк. 3–4), а в сабейской Бог именуется *Rḥmn*^{n} (B, стк. 2), MAFRAY–Ḥaṣī 1, представляющая собой изложение содержания декрета-*гезеры* о создании отдельного кладбища для иудеев, который был издан қайлем могущественного южнойеменского рода Хаҫбаḫ, и датированная 580 г. химйаритской эры (= 470 г. н. э.) ZM 2000, авторы которой, знатные химйариты, носящие типично южноаравийские имена, взывают, с одной стороны, к Раḥмāнāну (стк. 9–10), с другой, к «помощи их народа Израиля» (стк. 7–8: *w-b-rd'|(s*^{2}*) 'b-hmw/Ys*^{3}*r'l*), благодаря чему никаких сомнений относительно их принадлежности к иудейству не остается. Поэтому Кр. Ж. Робен, собиравшийся лишь слегка подправить концепцию А. Ф. Л. Бистона, определив южноаравийский монотеизм не просто как «рахманизм», а как «raḥmānisme judaïsant» (Robin 2003. P. 153), вынужден

[227] Sedov 2005. P. 34–35.

был подвергнуть ее более радикальному пересмотру, признав, что, по всей видимости, религиозная реформа, проведенная царем Малкӣкарибом и его сыновьями в конце IV в. заключалась в обращении Химйара в иудаизм, вероятно, неталмудического толка и что лишь часть знати перешла в эту веру, тогда как другая просто отнеслась к ней с симпатией (Робен 2004. С. 300–301). Несколько более осторожную позицию заняла Ивона Гайда, которая допускает, что в Южной Аравии утвердился не иудаизм в полном смысле слова, а некий «monothéisme judaïsant», приверженцы которого были прозелитами иудаизма, рассматривали себя как иудеев, но не признавались в качестве таковых ортодоксальными приверженцами этой религии, чем объясняется молчание Талмуда о йеменском иудаизме (Gajda 2009. P. 239–245). Во всяком случае об особой южноаравийской монотеистической религии речь больше не идет.

Таким образом, почитавших Раḥмānāна хадрамаутцев Ḫугра и Марṣада, сыновей Салимы[228], следует признать либо прозелитами иудаизма, либо теми, кто склонялся к принятию этой религии. Но тогда параллель к глаголу *ḥg* нужно искать не в арабском *ḥаджжа* — «совершить паломничество», а в еврейском и арамейском термине חַג, которым обозначаются главные религиозные праздники иудаизма, и переводить *Mrṯd*^{m}*|bn/S*^{1}*lmt|ḥg* как «Марṣад, сын Салимы, отметил праздник». Заимствования из иврита и арамейского встречаются в южноаравийских монотеистических надписях сравнительно часто[229]. Как показал Кр. Ж. Робен теоним *Rḥmn*^{n} появляется в надписях не ранее первых десятилетий V в. (Robin 2003. P. 113, 170–172, tableaux I, II), что дает нам *terminus post quem* для Hamilton 11 и RES 4699. Формула *l-ys*^{1}*m ʿn/Rḥmn*^{n}*/ṣlt-s*^{1}, очевидно, произвела впечатление на живших в Шабве и ее окрестностях по соседству с монотеистами язычников и так им понравилась, что один из них, Шаʿр, сын Наʿмӣ, использовал ее в своей хозяйственной надписи MM 161, заменив в ней *Rḥmn*^{n} на имя рода, на службе у которого он находился: *ys*^{1}*mʿ-s*^{1}*m/Yhwḍ{ʾ}ʿ|s*^{2}*bʿ*^{m} — «да услышит их Йухауди‘ в полной мере» (стк. 12–13)[230], — и, сам того не осознавая, совершил святотатство.

При рассмотрении проблемы появления иудаизма в Хадрамауте невозможно обойти вопрос о пресловутой синагоге, которая, по утверждению А. В. Седова, была им раскопана в порту Ḳани’. Идентификация этого здания как синагоги основывается главным образом на интерпретации обнаруженной в нем на обломках упавшей со стены штукатурки фрагментарной греческой надписи некого Косьмы, которую ее издатель Ю. Г. Виноградов довольно уверенно определил как христианскую и датировал второй половиной IV в.

---

[228] Несмотря на то что имена *Ḥgr* и *S*^{1}*lmt* являются арабскими по происхождению, принадлежность Ḫугра и его брата к хадрамаутцам подтверждается языком, на котором составлено граффити Hamilton 11.

[229] См., например: Robin, Frantsouzoff 2001. P. 185, 186, 189.

[230] Отметим, что издавший эту надпись одновременно с автором этих строк и независимо от него иорданский ученый Хāни’ Хайāджна (Hayajneh 2005) не распознал в ней ни эту формулу, ни эпонимную датировку (см. о ней в разделе 6 главы II).

(Виноградов Ю. Г. 1989. С. 164–165, 166–167; Vinogradov Yu. G. 1992)[231]. Однако известный американский ученый, специалист по поздней античности Глен Бауэрсок предложил иное истолкование надписи Косьмы. Признав, что выражения [Εἷ]ς Θεὸς — «Единый Бог» — и ἅγιος τόπος — «святое место» — широко представлены в христианской эпиграфике, как справедливо утверждал Ю. Г. Виноградов, он обратил внимание на то, что они засвидетельствованы и в иудейских надписях на греческом языке, причем ἅγιος τόπος, восходящее к арамейскому *'trh qdyšh*, служит в них обычным обозначением синагоги (Bowersock 1993. P. 4–5). Основываясь на этих аргументах, он предложил считать автора надписи не христианином, а иудеем. При этом, не будучи сабеистом, Г. Бауэрсок смог привести крайне скудные и устаревшие данные о распространении иудаизма в доисламском Йемене (Ibid. P. 6–7). Гипотеза американского ученого увлекла А. В. Седова, который стал искать ей археологические подтверждения. Несмотря на уверенную атрибуцию здания, в развалинах которой была обнаружена надпись Косьмы как синагоги (Sedov 1996d. P. 27; Sedov 2005. P. 35; Седов 2005. С. 202), при ближайшем рассмотрении выясняется, что решающих археологических аргументов, которые позволили бы однозначно отождествить и «Раннюю постройку», откуда происходит надпись, и сменившую ее «Позднюю постройку» с синагогами, представлено не было[232].

Против интерпретации Г. Бауэрсока можно выдвинуть два аргумента. Во-первых, имя собственное Косьма (Κόσμας) типично для христианина, но никак не для иудея. Среди греческих антропонимов, которые палестинские иудеи носили в эллинистическую и римскую эпохи (с последней трети IV в. до н. э. вплоть до середины VII в. н. э.), имя Κόσμας вообще не встречается, а его вариант Κόσμος (в форме Κόσμῳ) засвидетельствован единственный раз в папирусе из Масады, который датируется 73 г. н. э. (Ilan 2002. P. 293). Для сравнения укажем, что имя Александр отмечено среди иудеев Палестины за аналогичный период 31 раз (Ibid. P. 258–259), а в III — середине VII в. — 17 раз (Ibid. P. 194). Во-вторых, грекоязычная иудейская надпись плохо вписывается в южноаравийский контекст. Все монотеистические надписи из доисламского Йемена написаны на сабейском языке[233]. Редкими исключениями на этом фоне выглядят составленные на еврейском или арамейском приписки (Garbini Bayt al-Ashwal 1), фрагментарные (надпись «Двадцати четырех священнических чередов» из Байт Ḫāḏира)[234] или очень краткие (большая

[231] Впрочем, он отметил, что «исповедание Косьмой (?) иудаизма гораздо менее вероятно», хотя и не исключил его вовсе (Виноградов Ю. Г. 1989. С. 167).

[232] См. детальные описания этих построек: Седов 2005. С. 331–337.

Чтобы критика не казалась голословной, стоит привести два примера. Конечно, в найденных в юго-западном углу помещения 3 «Поздней постройки» остатках довольно крупного деревянного предмета заманчиво видеть сгоревший ларец для свитка Торы, однако сам А. В. Седов признает, что это — «не более, чем предположение». Интерпретация бронзовых втулок, обнаруженных в том же помещении, как металлических частей подсвечника-меноры (Седов 2005. С. 337) также является всего лишь соблазнительной гипотезой.

[233] Не считая граффити Hamilton 11, составленного на хадрамаутском языке.

[234] См. ее издание: Грунтфест 1973.

часть квази билингвы Леи, дочери Йехуды) тексты. При этом нет никаких признаков того, что существовавшие на юге Аравии иудейские общины хоть в какой-то мере были знакомы с греческим языком.

Конечно, можно допустить, что надпись на штукатурке в порту Ḳани’ оставил заезжий иудей-одиночка, носивший к тому же совершенно не характерное для приверженца иудаизма имя Косьма, но такая гипотеза представляется куда менее вероятной, чем идентификация автора этой настенной надписи как христианина. В таком случае она представляет собой самое раннее эпиграфическое свидетельство появления христианской религии на юге Аравии.

Во Внутренний Хадрамаут христианство проникает позже, причем считается, что один из его центров находился в ал-Хаджарайне, расположенном в низовьях вади Дау‘ан[235]. Из оглавления «Книги химйаритов», фрагменты которой сохранились в составе обнаруженной в 1920 г. уникальной сирийской рукописи, стало впервые известно о том, что среди жертв гонений, развязанных против южноаравийских христиан в 523 г. узурпировавшим химйаритский престол иудеем Йосефом Ас’аром Йас̱’аром[236], были жители Хадрамаута. Заголовки двух глав этого сочинения, одна из которых, непронумерованная, является 29-й по счету, а вторая прямо обозначена как 30-я (ܠ), весьма показательны:

— «Мученичество Его святых мучеников, которые пострадали в городе Хадрамаут» (* ܣܗܕܘܬܐ ܕܣܗ̈ܕܘܗܝ ܩ̈ܕ<ܝܫܐ> ܗܢܘܢ ܕܐܣܗܕܘ ܒܚܕܪܡܘܬ ܡܕܝܢܬܐ);

— «Сообщение, извещающее о сожжении святой церкви и о мученичестве тех, которые пострадали в городе Хадрамаут» (ܬܫܥܝܬܐ ܕܡܘܕܥܐ ܥܠ ܡܘܩܕܢܗ ܕܒܝܬܐ ܩܕܝܫܬܐ . ܘܥܠ ܣܗܕܘܬܐ ܕܐܝܠܝܢ ܕܐܣܗܕܘ ܒܚܕܪܡܘܬ ܡܕܝܢܬܐ)[237].

Упоминание о «городе Хадрамаут» представляется явным недоразумением: это имя собственное могло обозначать область, государство, народ, но никак не населенный пункт[238]. Скорее всего, имелся в виду политико-административный центр Хадрамаута, однако нет уверенности в том, что в начале VI в. эту роль продолжала играть бывшая столица Хадрамаутского царства Шабва[239], которая к этому времени должна была прийти в полный упадок.

Следующая, 31-я (ܠܐ), глава посвящена христианам, принявшим мученический венец в городе Марибе (ܒܡܪܐܒ ܡܕܝܢܬܐ), бывшей столице Сабейского царства, а вот в заголовке 32-й (ܠܒ) главы стершийся первый согласный в названии города пришлось реконструировать издателю, Акселю Мубергу:

[235] А. В. Седов рассматривал эту локализацию в качестве общепризнанной (Седов 2005. С. 203, примеч. 33).

[236] Основным объектом этих гонений стала довольно многочисленная христианская община оазиса Нагрāн / Наджрāн (см. примеч. 46 к главе I).

[237] См. Moberg 1924. P. 5 (сир. текст), CIII (англ. пер.).

[238] Что касается ܡܕܝܢܬܐ, то этот термин мог иногда иметь значение «область, провинция», но в оглавлении «Книги химйаритов» во всех остальных случаях он употребляется только по отношению к городам.

[239] Первым на возможность такого отождествления указал издатель, однако отнесся к нему весьма скептически: «Nothing in our text, however, indicates that this town is meant by the name Ḥaḍramaut» (Moberg 1924. P. LIII).

— «Мученичество святых мучеников, которые пострадали [в] городе [Ха]-гарейне» (ܣܗܕܘܬܐ ܕܣܗ̈ܕܐ ܩܕ̈ܝܫܐ ܕܐܣܬܗܕܘ [ܒܗ] ܚܓܪܝܢ ܡܕܝܢܬܐ)[240].

Идентификация данного топонима с названием хадрамаутского поселения ал-Хаджара̄н[241], находящегося в ва̄дӣ Дау‘ан и впервые упомянутого в географическом сочинении «Описание Аравийского полуострова» йеменского ученого-энциклопедиста первой половины X в. н. э. ал-Ḥасана ибн Аḥмада ал-Хамда̄нӣ (Hamdani /Müller D./. S. 85/26–86/3, 86/5–14), была предложена издателем с некоторыми сомнениями[242], но вскоре стала общепризнанной. К сожалению, содержание всех выше перечисленных глав «Книги химйаритов» не сохранилось и ничего конкретного о преследовании хадрамаутских христиан известно не было. Существование ал-Хаджара̄на до ислама также оставалось не более, чем гипотезой. Приводимые в связи с этим ал-Хамда̄нӣ и другими арабо-мусульманскими авторами две стихотворные цитаты из поэтического наследия величайшего поэта доисламской Аравии Имру’ ал-Ḳайса, жившего в первой половине VI в., ничего не доказывают, даже если безоговорочно признать их подлинность, т. к. в них упоминается топоним Даммӯн[243]. Правда, согласно ал-Хамда̄нӣ, так называлась одна из двух частей, на которые делился ал-Хаджара̄н[244]. Однако в Хадрамауте локализован еще один Даммӯн, расположенный в восточной части области, близ Тарӣма[245], и нельзя исключать того, что именно его упоминал в своих стихах Имру’ ал-Ḳайс. Во всяком случае, именно этот Даммӯн (*Dmn*) засвидетельствован в сабейской надписи Ir 32_{36}, которая датируется началом 20-х гг. IV в. н. э.

Благодаря открытию «Второго послания Симеона Бе̄т-Арша̄мского» стали известны некоторые подробности гонений, которым подверглись христиане в Хадрамауте, в частности, имена четырех пострадавших там священномученников: Илии (ܡܪܝ ܐܠܝܐ) и Фомы (ܡܪܝ ܬܐܘܡܐ), ставших монахами в северомесопотамских обителях Бе̄т Ма̄р Аврахам, что близ Теллы, и Бе̄т Ма̄р Антиохӣна̄ в Эдессе, Ва̄’ила (ܡܪܝ ܘܐܝܠ), чье имя указывает на его местное происхождения, и еще одного Фомы из Наджра̄на (Shahîd 1971. P. IV–V /сир. текст/, 45 /англ. пер./)[246]. Впрочем, никаких новых данных по хадрамаутской топонимике в этом источнике выявлено не было.

[240] См. Moberg 1924. P. 5, CIII.

[241] В буквальном переводе — «два города», «Двоеградье». Термин *hgr*, во всех южноаравийских эпиграфических языках (включая сабейский и хадрамаутский) обозначавший «город», встречается в йеменской топонимике в форме Хаджар, причем его значение средневековым арабам было известно. Окончание *-а̄н* в классическом арабском является показателем им. п. дв. ч. (оно превращается в *-айн* в косвенном падеже), но в диалектах, где дв. ч. сохраняется хотя бы в виде рудиментов, оно всегда передается путем прибавления *-айн*.

[242] См.: Moberg 1924. P. LIII–LIV. Приведенное в переводе чтение [Ha]jarēn ориентировано на произношение, свойственное арабским диалектам, а не на классическую норму, причем, по мнению А. Муберга, первоначально *-ēn* служил не показателем дв. ч., а окончанием, свойственным южноаравийским топонимам.

[243] Обе цитаты известны по десяткам источников. Их стандартный текст см., например: Саккаф А. 2002. С. 134, 202.

[244] Вторая именовалась Ḫайдӯн, или Ḫаудӯн. См.: Hamdani (Müller D.). S. $86_{1–3}$.

[245] См. таблицу в конце раздела 5 данной главы и карту 7.

[246] См. об этом: Французов 1995б. С. 321, 328, примеч. 52–53; Французов 2004б. С. 93.

Лишь в поврежденной надписи на языке геэз из Мариба, найденной В. В. Мюллером в запасниках Национального музея в Сане, вновь встретилось упоминание Хаджарайна, но, к сожалению, во фрагментарном контексте (DJE 1+2 = RIE 195 II/16): «его название — Хагарэйне, и он убил…» (**ስማ : ሀገርይኔ : ወቀተለ :** …)[247]. Несмотря на отсутствие в этой надписи имен правителей, у исследователей нет сомнений в том, что она представляет собой материальное свидетельство похода аксумского царя Калеба Элла Ацбэх̣и в Южную Аравию, в результате которого царь Йосеф Ас’ар Йа<u>с</u>’ар был разгромлен, химйаритские мученики отомщены, а Химйар превращен в зависимое от Аксума христианское царство. Ссылка на Хаджарайн, а двумя строками выше на Мариб (стк. 13), очевидно, призвана была напомнить о страданиях местных христиан.

Радикально пересмотреть толкование сирийского [Ха]гарейн и геэзского Хагарэйне предложил Кр. Ж. Робен. По его мнению, в обоих случаях речь идет не о хадрамаутском топониме, а о сабейском имени нарицательном в дв. ч. определенного состояния *hgr-nhn*, которым были обозначены расположенные рядом друг с другом в области ал-Джауф города Нашк̣ и Нашшāн. Действительно, ему удалось найти один подходящий контекст в сабейской надписи начала IV в. н. э. Ja 665/20–21, где говорится об «экспедиционном корпусе обоих городов и Мариба» (*ms¹b’/hgr-nhn|w-Mrb*), а несколькими строками выше (в стк. 13–14) упоминаются «полноправные граждане Нашк̣а и Нашшāна» (*w-’b‘l/Ns²|q²ᵐ/w-Ns²n*)[248].

При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что это предположение Кр. Ж. Робена ни с исторической, ни с филологической точек зрения не может быть принято. Приведенный им пример из Ja 665 практически не имеет аналогов; даже с большой натяжкой нельзя утверждать, что в сабейской эпиграфике наметилась хоть какая-то тенденция к тому, чтобы *hgr-nhn* ассоциировалось с городами Нашк̣ и Нашшāн. Кроме того, ни в одном источнике нет и намека на распространение христианства в ал-Джауфе. В «Книге химйаритов» термин ܡܕܝܢܬܐ — «город», которым обозначен [Ха]гарейн, стоит в ед. ч. В RIE 195 II/16 к слову **ስም-** — «имя, название» — присоединен местоименный

[247] Müller W. 1972. S. 62–63; Taf. VIII: Abb. 23–24. Об этой надписи см. также: Frantsouzoff 2007c. Субъектом глагола **ቀተለ** — «убил», очевидно, выступает «низложенный царь Химйара» (**ንጉሠ : ሐሜር : ስዑር :**), упомянутый в следующей строке.

Русский перевод Г. М. Бауэра: «услышь (голос) Хагарейна!» (Бауэр 1990б. С. 234), — не верен и, очевидно, восходит к ошибочной интерпретации данного фрагмента как «*écoute* Hagarain» у Ж. Пиренн (Pirenne 1982. P. 113; ср.: Бауэр 1990б. С. 206).

Для того чтобы оправдать подобный перевод, Ж. Пиренн дала ссылку на Августа Дилльмана, который якобы привел в своем словаре примеры выпадения (élision) *‘айна* в эфиопском глаголе **ሰምዐ** — «слышать» — в некоторых рукописях (Pirenne 1982. P. 111). В геэзе *‘айн* может чередоваться с *алифом* из-за того, что после X в. н. э. они слились в произношении в одну фонему, но полного выпадения последнего гортанного этот язык не знает, тем более в аксумский период. К тому же А. Дилльман ничего подобного не утверждал, в том числе и там, где на него ссылается Ж. Пиренн (Dillmann 1865. Col. 338): он лишь привел в начале соответствующей словарной статьи **амхарский** глагол **ሰማ :** — «слышать» (Ibid. Col. 336).

[248] См.: Robin 2004. P. 119–120.

суффикс ж. р.[249] ед. ч. *-ā*; если бы городов было больше одного, то следовало употребить местоименный суффикс ж. р. мн. ч. *-ōn*, и вместо **ስግ** перед **ሀገርይኒ** стояло бы **ስሞን**. Между тем, хоть Нашқ и Нашшāн находились по соседству, в качестве одного города их никто никогда не воспринимал.

Несостоявшееся отождествление [Ха]гарейна (Хагарэйне) с Нашқом и Нашшāном позволяет вернуться к прежней гипотезе, возводившей этот топоним к Хаджарайну, расположенному во Внутреннем Хадрамауте, в низовьях вади Дауʿан. Однако, для того чтобы окончательно ее доказать, аргументов пока недостаточно. Несмотря на то что в современном ал-Хаджарайне с 2003 г. находится база РКЭЙР, археологическое обследование этого плотно застроенного поселения не представляется возможным. Сколько-нибудь значительный культурный слой ни в самом ал-Хаджарайне, ни рядом с ним образоваться не мог из-за регулярных селевых потоков. И все же в окрестностях ал-Хаджарайна обнаружены памятники древности: так, всего в 2 км от него, на склоне вāдӣ ал-Ғабр находится пещерный склеп ар-Рукба с надгробной надписью СОЙКЭ 903. Самого серьезного внимания заслуживает предположение А. Г. Лундина о том, что как центр вāдӣ Дауʿан (или уж во всяком случае его низовий) Хагарайн / Хаджарайн стал непосредственным преемником Райбӯна (Лундин 1994. С. 305).

Вполне вероятно, что первоначальная форма этого топонима звучала как Хагарайн и означала «Двоеградье», поскольку в хадрамаутском языке окончание *-y(h)n* служило показателем дв. ч. определенного состояния (Beeston 1984a. P. 68, § H 13, 2, 3). После прихода арабов они добавили к ней свой определенный артикль *ал-* и стали иначе произносить второй коренной. В раннеисламское время филологи-пуристы изменили окончание *-айн* на *-āн*, которое по правилам классического языка указывает на им. п. дв. ч., но это совершенно искусственное изменение не прижилось, и для местных жителей древний Хагарайн был и остается ал-Хаджарайном.

[249] В геэзе имена, обозначающие населенные пункты и территории, как правило, относятся к ж. р. (Conti Rossini 1941. P. 83, § 106).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реконструкция истории Хадрамаута в эпоху древности, предпринятая в настоящей работе, основана на всей совокупности имеющихся источников, эпиграфических, археологических, нарративных. Несмотря на это, она изобилует лакунами, которые не позволяют дать последовательное изложение даже основных политических событий, происходивших в Хадрамаутском государстве на протяжении более чем тысячелетия, с VIII в. до н. э. по IV в. н. э. Лишь для III — начала IV в. н. э. составлен практически полный список его верховных правителей, для предшествующих десяти столетий известно всего около полутора десятка их имен. Несмотря на столь значительную неполноту информации, в работе удалось проследить основные тенденции исторического развития Хадрамаута прежде всего в социально-политической сфере и установить, что у него было общего с другими государствами древней Южной Аравии и чем он отличался от них.

Возникновение древнейеменской цивилизации и ее последующий расцвет были обусловлены международной транзитной торговлей благовониями и пряностями, и Хадрамаут, контролировавший большую часть южноаравийских земель, на которых произрастали дававшие ладан растения, не являлся в этом отношении исключением. Как именно происходило формирование классового общества и собственной государственности на юге Аравийского полуострова, какую роль в этом процессе сыграло автохтонное население, а какую — пришлое, пока до конца не выяснено. Однако нет никаких сомнений в том, что истоки цивилизации Южной Аравии следует искать в Сиро-Палестинском регионе: на это указывают и некоторые особенности южноаравийской консонантной алфавитной письменности, в частности, свойственный ей порядок знаков, который впервые засвидетельствован в Палестине конца II тысячелетия до н. э., и параллели между западносемитской и южноаравийской антропонимикой, и характерные черты храмовой архитектуры в обоих регионах, и присутствие в слоях хадрамаутского поселения Райбӯн, относящихся к началу I тысячелетия до н. э., образцов керамики, схожей с палестинской. С другой стороны, ряд признаков указывает на то, что предки древних хадрамаутцев были связаны с Восточной Аравией. Так, на всем Аравийском полуострове только в этом регионе и в Хадрамауте, а также в соседней с ним области Махра отмечен обычай захоронения верблюдов, в том числе в одной могиле с людьми.

При переходе от первобытного к древнему общинно-гражданскому обществу возникали два типа государственных образований: города-государства и территориальные государства. В Южной Аравии первый из этих типов был представлен в основном в ал-Джауфе, тогда как Хадрамаут наряду с Сабой, Катабаном и Аусаном принадлежал ко второму. Ядром племенного союза, давшего начало Хадрамаутскому государству, была община ḥадрамаут, локализуемая в его столице Шабве и прилегающем к ней районе.

В ранних памятниках эпиграфики Хадрамаута, в местной антропонимике и религии обнаруживается сильное сабейское влияние, в котором выделяются два пласта. Более ранний четко прослеживается в сабейских словообразовательных моделях, по которым строились имена собственные не только у хадрамаутцев, но и у представителей других южноаравийских народов, и служит свидетельством доминирования сабейцев в период формирования цивилизации древнего Йемена. Более поздний пласт, связанный с использованием некоторых сабейских грамматических формантов в формуляре хадрамаутских надписей и с распространением во Внутреннем Хадрамауте культа сабейской богини З̲āт Ḫимйам, стал следствием экспансии Сабейского государства, которое в начале VII в. до н. э. взяло под свой прямой или косвенный контроль почти всю Южную Аравию. Наличие в ранней райбунской эпиграфике нескольких составленных сабейцами надписей показывает, что носителями культурного влияния Сабы были зачастую конкретные люди.

Как и в других южноаравийских территориальных государствах, в Хадрамауте верховными правителями первоначально являлись мукаррибы, чья власть, если судить по аналогии с Сабой, скорее всего, не являлась наследственной. Однако достаточно рано, уже в VII–VI вв. до н. э., на хадрамаутском престоле появляются правители, носившие титул *малика* (царя) и, вероятно, наделенные чрезвычайными полномочиями прежде всего в военной сфере. Общая для Южной Аравии тенденция заключалась в том, что на смену мукаррибам приходили цари, но в отличие от Сабы, где власть окончательно оказалась в руках царей уже к V в. до н. э., в Хадрамауте обладатели титула мукарриба время от времени занимали престол по крайней мере до конца I тысячелетия до н. э.

Основными должностными лицами в Хадрамауте, как и в других древнейеменских государствах в I тысячелетии до н. э., были *кабīры* и *ḳайны*. Кабīры изначально стояли во главе общин, в т. ч. городских, и по хадрамаутским надписям засвидетельствованы исключительно в этой функции (в Шабве, крепости Майфаʿа, Райбӯне). К числу их обязанностей относилось проведение строительных работ. В других областях Южной Аравии они оказываются на самых различных постах, но в основе их деятельности непременно лежал принцип единоначалия. В отличие от них ḳайны являлись членами разнообразных коллегиальных органов («советниками»); в источниках, связанных с Хадрамаутом, эти должностные лица представлены очень слабо.

Основной единицей социальной структуры в древней Южной Аравии являлась община земледельческого населения. Вне Хадрамаута она повсеместно называлась *шаʿб* (*sʿb*), а в этой области — *ширк* (*s²rk*). Такой разнобой в терминологии

должен указывать на качественное отличие хадрамаутского типа общины от того, который существовал в остальном древнем Йемене. Кроме того, обращает на себя внимание, что вплоть до последних веков I тысячелетия до н. э. хадрамаутцы никак не обозначали свою родовую принадлежность, используя для самоидентификации только личное имя и патронимию. Это резко контрастирует с тем, что было принято за пределами этой области, где без ссылки на род, к которому причислял себя посвятитель, редко обходилась хоть одна надпись. Объяснить эти особенности, присущие хадрамаутскому социуму, позволило предположение о том, что в древнем Хадрамауте община очень рано (еще в дописьменный период) из родовой превратилась в территориальную и что под *ша‘бом* следует понимать земледельческую общину с родовой структурой (своеобразное «оседлое племя»), а под *ширком* — без такой структуры. Однако с конца I тысячелетия до н. э. начинают появляться хадрамаутские надписи, авторы которых стали указывать свой род. По всей видимости, в этом проявилось влияние не столько соседних южноаравийских государств, сколько кочевников и полукочевников, таких как садафиты и сайбаниты, о тесных контактах с которыми Хадрамаутского царства сообщают эпиграфические памятники. Присущие им родоплеменные отношения постепенно проникали в лишенное родовой структуры хадрамаутское земледельческое общество и трансформировали его.

Скудные сведение о социально-экономических отношениях, которые удалось извлечь из надписей, позволили все же установить, что наряду с общинной в Хадрамауте существовала частная собственность на землю и воду.

Как в большинстве обществ ранней древности, в Хадрамауте в I тысячелетии до н. э. значительную роль играли храмы и жречество. Особенно хорошо это прослеживается по материалам, обнаруженным при раскопках Райбӯна и при обследовании других городищ Внутреннего Хадрамаута. От имени божеств жрецы решали имущественные вопросы, регулировали повседневную жизнь хадрамаутцев. Сравнение антропонимики Райбӯна и других поселений Внутреннего Хадрамаута, таких как Би’р Ḥамад и Бā Ḳутфа, позволило подтвердить высказывавшуюся ранее гипотезу, согласно которой Райбӯн являлся центром паломничества, и признать достаточно высокой вероятность того, что его посещали обитатели как западной, так и восточной окраин этой области. Пантеон Хадрамаута был довольно беден по сравнению с другими южноаравийскими царствами и регионами. Он состоял из божеств, почитавшихся на общегосударственном уровне (Сийāна и Ḥаул), в рамках отдельных областей (скажем, Внутреннего Хадрамаута, где получил распространение культ заимствованной у сабейцев З̲āт Ḥимйам), и местночтимых (таких как *Tdn* в ал-Барӣре или богиня ‘Ас̲тар^{ум} в Райбӯне). Благодаря анализу райбунских надписей впервые удалось установить функции некоторых божеств: так, Сийāн исцелял от болезней и назначал некоторых должностных лиц (кабӣров), а З̲āт Ḥимйам отвечала за примирение поссорившихся супругов. Обнаруженная в одном из райбунских храмов З̲āт Ḥимйам покаянная надпись Raybūn-Kafas/Na‘mān 148, из которой следует, что изготовление изображений богини рассматривалось как серьезный проступок, позволила понять, почему в южноаравийских культовых зданиях

не найдено статуй божеств, а также, за редчайшим исключением, рельефов или рисунков, на которых они были бы представлены.

В Хадрамаутском государстве Райбӯн, как и весь Внутренний Хадрамаут, пользовался широкой культурной автономией. Около III в. до н. э., по-видимому, по инициативе местного жречества там была проведена реформа орфографии, которая не затронула ни Шабву, ни находившиеся под властью Хадрамаута прибрежные земли. С другой стороны, решение имущественных споров, в которые были вовлечены райбунцы, в некоторых случаях требовало обращения в столицу.

Единство Хадрамаутского царства далеко не в последнюю очередь обеспечивалось единообразием религиозного культа, о чем свидетельствуют результаты сравнения формуляров посвятительных надписей, обращенных к Сийāну, из Райбӯна и Шабвы, а также существованием общехадрамаутского эпонимата, скорее всего четырехгодичного, по которому датировались различные события как государственной, так и частной жизни.

В I тысячелетии до н. э. основным внешнеполитическим партнером Хадрамаута был Маин, с которым его связывали общие интересы в трансаравийской торговле благовониями и пряностями. Эти товары, добывавшиеся на территории Хадрамаута или следовавшие через нее транзитом, передавались маинским купцам, которые доставляли их на рынки Средиземноморья и Ближнего Востока, причем в отдельных случаях вместе с ними пускались в путь их хадрамаутские партнеры. Не случайно из всех обитателей древнего Йемена только маинцы и хадрамаутцы оставили эпиграфические следы своего присутствия вне пределов Аравийского полуострова: на острове Делос и в Египте.

В отличие от исключительно мирных контактов с Маином, который на протяжении своей истории вообще не вел войн, взаимоотношения Хадрамаута со своим западным соседом, Катабаном, были далеко не столь идиллическими. С одной стороны, почитание катабанской богини З̲āт Ṣахрāн (Ṣахрāн) в Шабве и Райбӯне и открытие в одном из частных райбунских домов посвятительных надписей, обращенных к Сийāну и ʻАмму, «национальным» богам Хадрамаута и Катабана, указывают на то, что жители обоих государств поддерживали добрососедские связи друг с другом. С другой стороны, в тех войнах, которые Хадрамаут вел на протяжении I тысячелетия до н. э., его противником, как правило, оказывался именно Катабан. Одним из последствий серии катабано-хадрамаутских вооруженных конфликтов середины II — конца I в. до н. э. стало уничтожение большей части поселений Внутреннего Хадрамаута, на протяжении своей многовековой истории не знавших войн и не имевших оборонительных стен, и разрушение того архаичного варианта общества ранней древности, который там существовал. Некоторые из этих поселений, в том числе Райбӯн, так никогда больше и не возродились.

На рубеже нашей эры южноаравийская цивилизация претерпела существенную трансформацию, вызванную переориентацией основных маршрутов международной транзитной торговли с суши на море. Сухопутные пути не были заброшены, но оказались второстепенными по сравнению с морскими. Преиму-

щество получили те южноаравийские государства, которые, подобно Хадрамауту, имели выход к морю, тогда как расположенный на краю пустыни Маин в конце I в. до н. э. прекратил свое существование. В I в. н. э. был основан порт Қани', ставший главными морскими воротами Хадрамаутского царства, а возникшая еще в III–II вв. до н. э. хадрамаутская колония в Дофаре, по-видимому, только в середине I в. н. э. получила статус города и официальное имя — Сумхурāм. В ходе археологических раскопок, проводившихся на городищах Би'р 'Алī (Қани') и Хор Рори (Сумхурāм), были в основном подтверждены сведения античных источников, прежде всего «Перипла Эритрейского моря», о ввозившихся и вывозившихся через эти порты товарах.

Доходы от участия в морской торговле способствовали усилению южноаравийских государств, а борьба за их перераспределение вела к обострению конкуренции между ними, которая с конца I в. н. э. вылилась в перманентный вооруженный конфликт, целью которого стало достижение гегемонии над всей Южной Аравией. Хадрамаут в этой борьбе изначально оказался в невыигрышной ситуации, поскольку уступал в несколько раз по численности населения своему основному противнику — объединенному Сабейско-Химйаритскому государству. Поражение, которое оно нанесло хадрамаутскому царю в 80-х гг. I в. н. э. в ал-Джауфе, где тот пытался овладеть несколькими опорными пунктами, было вполне закономерным. Единственная стратегия, которая могла помочь Хадрамаутскому царству выжить в этих условиях, состояла в его участии в различных союзах, таких как «восточная коалиция», объединившая его с Катабаном и Радмāном в середине II в. н. э., или альянс с отделившейся от Химйара Сабой в конце II — начале III в. и в начале 20-х гг. III в. В ряде случаев такого рода союзы приносили Хадрамауту ощутимую пользу: так, благодаря поддержке Сабы он казался допущен к окончательному разделу ослабевшего Катабанского царства в конце II в. н. э., а в 222–223 гг. сабейский царь Ша'р Аутар помог своему союзнику и зятю (мужу сестры), хадрамаутскому царю Илī'аззу Йалуṭу, сыну 'Аммīзаḫира, подавить восстание общин и племен Внутреннего Хадрамаута. Впрочем, положение слабейшего партнера в альянсе требовало от Хадрамаута проведения очень осторожной внешней политики. Необдуманный шаг Илī'азза Йалуṭа, попытавшегося нарушить баланс сабейско-хадрамаутских интересов на бывших катабанских территориях, добившись перехода под свой контроль города 'Абадāна, обернулся для него в середине — второй половине 20-х гг. III в. поражением от вчерашнего союзника и позорным пленом.

Господствующий класс (и одновременно сословие) в древней общинно-гражданской формации составляли полноправные члены общины, для обозначения которых в южноаравийской эпиграфике использовался среди прочих термин *'ḥrr* — «свободные», в то время как различные категории зависимого населения собирательно характеризовались как *'dm* — «клиенты». Средний период в истории южноаравийской цивилизации, охватывающий первые четыре века нашей эры, был ознаменован резким нарастанием объема вертикальных связей, основанных на принципе господства — подчинения, и соответственно увеличением числа *'dm*. В качестве промежуточного звена между царем и «клиентами»

выступали ḳайли, быстро превращавшиеся в наследственную общинную знать. Подобные социальные отношения, типичные, скорее, для средневековья, чем для древности, вели к постепенному разрушению общинно-гражданского общества и его институтов. Хадрамаут, где ḳайлей вообще не было, оказался затронут этими процессами в наименьшей степени. Возможно, царь Илӣʻазз Йалуṭ попытался форсировать их сверху, чем спровоцировал в 222–223 гг. восстание во Внутреннем Хадрамауте. Во всяком случае пришедший к власти в Хадрамауте после пленения Илӣʻазза Йалуṭа сабейцами представитель общины йухаб'ир, активно участвовавшей в восстании, специально подчеркивал в своих надписях, что он является потомком «свободных йухаб'иритов» (*bn/'ḥrr/Yhb'r*). Основанная им династия продержалась у власти до конца III в. н. э.

После того как ок. 275 г. Химйар окончательно присоединил к себе Сабейское царство, казалось, что покорение Хадрамаута для него — лишь вопрос времени. Смена титулатуры (с «царя Сабы и зӯ Райда̄на» на «царя Сабы и зӯ Райда̄на и Хадрамаута и Йаманата»), которую химйаритский правитель Шамир Йухарʻиш осуществил в самом конце III в., отражало его стремление к аннексии Хадрамаута. Однако завоевание Хадрамаутского царства оказалось для химйаритов неожиданно сложной задачей и растянулось на три десятилетия. Его столицей Шабвой им, судя по всему, удалось овладеть сравнительно быстро и без потерь, а вот Внутренний Хадрамаут никак не желал им подчиняться, несмотря на периодически предпринимавшиеся против него походы, два из которых, представляющиеся наиболее значительными, были предприняты под предводительством полководца Саʻадта'лаба Йатлафа из знатного сабейского рода зӯ Гадан (Джадан) при царе Йа̄сире Йуханʻиме II и его сыне и соправителе Зара''амаре Аймане I в конце 10-х гг. IV в. и при царе Замарʻалӣ Йухабирре в начале 20-х гг. IV в. Проблема заключалась не во взятии хадрамаутских городов — с этим химйаритское войско справлялось без особого труда, а в том, что завоевателям никак не удавалось наладить систему эффективного управления захваченной областью. Выход удалось отыскать, когда к решению этой задачи подключился могущественный род ḳайлей зӯ Йаз'ан, чьи земли с юго-запада примыкали к Хадрамауту. Но и у него ушло как минимум несколько десятилетий на то, чтобы интегрировать общины и племена Внутреннего Хадрамаута в свои владения.

Необходимо отметить, что, хотя после завоевания Хадрамаута Химйаритское царство объединило под своей властью всю Южную Аравию, на территории которой были представлены различные типы хозяйства, оно так и не стало империей, поскольку не сумело создать систему административно-территориального деления, которое не совпадало бы со сложившимся к тому времени разделением на общины и племена. Этому препятствовали жесткие отношения зависимости, которыми общины были связаны с ḳайлами, и возрастающее со II в. н. э. влияние бедуинов, которые вносили серьезный элемент децентрализации в социальную структуру. Таким образом, переход Южной Аравии от ранней к поздней, или имперской, древности остался незавершенным, а уже с конца IV в. в этом регионе начинает складываться раннесредневековое общество.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПЦ — Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н. Н. Крадина и др. М.: Логос, 2000.

ВДИ — Вестник древней истории. М.: Наука.

ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».

ГУГК — Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР.

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Императорского Русского (с 2002 г. — Российского) археологического общества. СПб.

ИВ. I, II — История Востока. Т. I: Восток в древности. Т. II: Восток в средние века. М.: ИФВЛ, 1997, 1995.

ИВ РАН — Институт востоковедения РАН.

ИФВЛ — Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

КЗ. I — Красноморские заметки. I / Под ред. Э. Е. Кормышевой и А. В. Седова. М.: ИВ РАН, 1994.

МНМ — Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. Т. 1: А–К. Т. 2: К–Я. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1980, 1982.

ПВ — Петербургское Востоковедение (альманах; в кавычках — частное издательство, см. также ЦПВ). СПб.: ЦПВ.

ППиПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.

ПЭ — Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия».

ТСОЙКЭ. I, II — Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. I: Хадрамаут: Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Т. II: Городище Райбун (Раскопки 1983–1987 гг.). М.: ИФВЛ, 1995, 1996.

ЦПВ — Центр «Петербургское Востоковедение» (частное издательство).

ЭВ — Эпиграфика Востока. М.

ЮА. 1, 2/1, 2/2 — Южная Аравия: Памятники древней истории и культуры. Вып. 1 / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский [Описание городищ — П. А. Грязневич. Издание надписей — А. Г. Лундин, Я. Б. Грунтфест]. М.: ГРВЛ, 1978; Вып. 2: Материалы экспедиции П. А. Грязневича 1970–1971 гг. Ч. 1: *Грязневич П. А.* Историко-археологические памятники древнего и средневекового Йемена: Полевые исследования 1970–1971 гг. Ч. 2: *Бауэр Г. М.*, *Лундин А. Г.* Эпиграфические памятники древнего Йемена / Отв. редакторы П. А. Грязневич, А. В. Коротаев, С. А. Французов. СПб.: ЦПВ, 1994, 1998.

AAE — Arabian Archaeology and Epigraphy. Copenhagen: Munksgaard (с vol. 13, 2002 — Oxford: Blackwell Publishing Ltd., с 2008 г. преобразованное в Wiley-Blackwell).

AAKM — L'Arabie antique de Karib'īl à Mahomet: nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions / Sous la responsabilité de Ch. Robin. Aix-en-Provence: Éditions ÉDISUD, 1991 (Revue du Monde Musulmane et de la Méditerranée, n° 61).

ABADY — Archäologische Berichte aus dem Yemen. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern.

AION — Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli.

Aktualisierte Beiträge zum 1. Internationalen Symposion SÜDARABIEN — Aktualisierte Beiträge zum 1. Internationalen Symposion SÜDARABIEN interdisziplinär an der Universität Graz mit kurzen Einführungen zu Sprach- und Kulturgeschichte. Im memoriam Maria Höfner / Hrsg. von R. G. Stiegner. Graz: Leykam Buchverlagsgesellschaft m. b. H., 1997.

Arab. ant. — Arabia antiqua. Early origins of South Arabian States. Proceedings of the 1st International Conference on the Conservation and Exploitation of the Archaeological Heritage of the Arabian Peninsula Held in the Palazzo Brancaccio, Rome, by IsMEO on 28th–30th May 1991 / Ed. by Ch. J. Robin with the collaboration of I. Gajda. Roma: IsMEO, 1996 (Serie Orientale Rome, LXX, 1).

Arab. Fel. — Arabia Felix. Beiträge zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien. Festschrift Walter W. Müller zum 60. Geburtstag / Hrsg. von N. Nebes. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994.

Arab. Vit. — Arabia Vitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия: сб. ст., посвященный 60-летию В. В. Наумкина / Сост. и отв. ред. А. В. Седов, И. М. Смилянская. М.: ИВ РАН, 2005.

ASE — Alternatives of Social Evolution / Ed. by N. N. Kradin et al. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2000.

BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Jerusalem; Baghdad.

BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London.

CRAIBL — Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P.

EAE — Encyclopaedia Aethiopica / Ed. by S. Uhlig. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

EI² — The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. I–XI. Leiden: E. J. Brill; London: Luzac & Co., 1960–2001.

EI² (fr.) — Encyclopédie de l'islam. Nouvelle édition. Vol. I–XII. Leiden; Paris: E. J. Brill, 1960–2007.

ESA (JR) — Études sud-arabes. Recueil offert à Jacques Ryckmans. Louvain-la-Neuve: Peeters Press, 1991 (Publications de l'Instituto orientaliste de Louvain, 39).

IDIS — Inventaire des inscriptions sudarabiques. Publié par les soins de Ch. Robin / Inventario delle iscrizioni sudarabiche. Pubblicato a cura di Ch. Robin. Paris/Parigi: Diffusion de Boccard/Distribuzione de Boccard; Rome/Roma: Diffusion Herder/Distribuzione Herder.

IFAPO, BAH — Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique.

ILKS — Im Land der Königin von Saba. Kunstschätze aus dem antiken Jemen / Hrsg. vom Staatlichen Museum für Völkerkunde München im Zusammenarbeit mit W. Daum,

W. W. Müller, N. Nebes und W. Raunig. 7. Juli 1999 — 9. Januar 2000. München: I. P. Verlagsgesellschaft International Publishing, Gemering, 1999.

IsMEO — Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente.

JA — Journal Asiatique. Périodique trimestriel. P.: publié par la Société Asiatique.

Jemen (Wien) — Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. [Ausstellungskatalog.] / Hrsg. von W. Seipel. Wien, Künstlerhaus, 9. November 1998 bis 21. Februar 1999; Milano: Skira editore, 1998.

JOmS — The Journal of Oman Studies. [Muscat]: Ministry of Information and Culture, Sultanate of Oman.

JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Northern Ireland. L.

KhRR. 1 — Khor Rori Report 1 / Ed. by A. Avanzini. Pisa: Edizioni Plus — Università di Pisa, 2002 (Arabia Antica 1 / collana a cura di A. Avanzini).

KhRR. 2 — A Port in Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd C. BC — 5th C. AD). Khor Rori Report 2 / Ed. by A. Avanzini. Roma: «L'Erma» di Bretschneider, 2008 (Arabia Antica 5. Archaeological Studies / collana diretta da A. Avanzini).

NESE — *Degen R.*, *Müller W. W.*, *Röllig W.* Neue Ephemeris für Semitische Epigraphik. Wiesbaden: In Kommission bei Otto Harrassowitz.

PAFSM — Publications of the American Foundation for the Study of Man.

PR RAMRY. IV — Qāni'. Le port antique du Ḥaḍramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde. Fouilles Russes 1972, 1985–1989, 1991, 1993–1994 / Sous la direction de J.-Fr. Salles et A. V. Sedov. Turnout (Belgium): Brepols, 2010 (Indicopleustoi. Archaeologies of the Indian Ocean, 6; Preliminary Reports of the Russian Archaeological Mission to the Republic of Yemen. Vol. IV).

Prés. ar. — Présence arabe dans le Croissant fertile avant l'hégire. Actes de la Table ronde internationale organisée par l'Unité de recherche associé 1062 du CNRS, *Études sémitiques*, au Collège de France, le 13 novembre 1993 / Textes réunis par Hélène Lozachmeur. P.: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1995.

PSAS — Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. L.: Institute of Archaeology, University of London (c vol. 27, 1997 — Turnhout (Belgium): Brepols; c vol. 33, 2003 — Oxford: Archaeopress).

Sab. Stud. — Sabaean Studies. Archaeological, epigraphical and historical studies in honour of Y. M. 'Abdallāh, A. de Maigret, Ch. J. Robin on the occasion of their sixtieth birthday / Ed. by A. M. Sholan, S. Antonini, M. Arbach. Naples; Ṣan'ā': Il Torcoliere, Officine Grafico-Editoriali d'Ateneo, Università degli Studi di Napoli "L'Orientale", 2005.

SBAWW — Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien.

Scr. Yem. — Scripta Yemenica. Исследования по Южной Аравии: сб. ст. в честь 60-летия М. Б. Пиотровского. М.: ИФВЛ, 2004.

SEG — Sammlung Eduard Glaser.

WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.

Yémen (Paris) — Yémen, au pays de la reine de Saba'. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe du 25 octobre 1997 au 28 février 1998. [Catalogue.] P.: Flammarion, 1997.

ZAh — Zeitschrift für Althebraistik. Stuttgart; Berlin; Köln.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абдаллах 1979а — *ʻАбдаллāх, Йӯсуф Мухаммад*. Мудавванат ан-нуқӯш ал-йаманӣйа ал-қадӣма // Дирāсāт йаманӣйа. № 2, март 1979. С. 45–75.

Абдаллах 1979б — *ʻАбдаллāх, Йӯсуф Мухаммад*. Мудавванат ан-нуқӯш ал-йаманӣйа ал-қадӣма // Дирāсāт йаманӣйа. № 3, октябрь 1979. С. 29–64.

Алаев 1995 — *Алаев Л. Б.* Восток в мировой типологии феодализма. Восточный феодализм // ИВ. II. 1995. С. 600–626.

Александров 1976 — *Александров И. А.* Народная Демократическая Республика Йемен: справочник. М.: ГРВЛ, 1976.

Аравия (фон Виссман, Лундин) 1981 — Аравия. Материалы по истории открытия. [Сост. Г. фон Виссман]. Пер. с немецкого / Предисловие А. Г. Лундина. М.: ГРВЛ, 1981.

ʻАрбаш, Саккаф А. Х. 2001 — *ʻАрбаш, Мунӣр*; *ас-Саққāф, ʻАбд ар-Рахмāн Ҳасан*. Нақш джадӣд мин ʻахд Йадаʻʼаб З̲убйāн Йуханʻим малик Қатабāн ва-Йадаʻʼаб Ғайлāн малик Ҳадрамаут // Raydān. 7. 2001. С. 110–123 (арабская часть).

Аскуби 1999 — *Аскӯбӣ, Ҳāлид б. Мухаммад ʻАббāс* | *Eskoubi, Khalid M.* Дирāса таҳлӣлӣйа муқāрана ли-нуқӯш мин минṭақат (Рам) джанӯб ғарб Таймāʼ | An Analytical and Comparative Study of Inscriptions from “Rum” region, South West of Tayma. Аṭ-Ṭабʻа ал-ӯлā | First Edition. Ар-Рийāḍ: Маṭāбиʻ ал-Фараздақ ат-тиджāрӣйа, 1420 г. х. / 1999.

Афанасьева 1982 — *Афанасьева В. К.* Нанна (Наннар) // МНМ. 1982. Т. 2. С. 198.

Ба Махрама, Виноградов 1996 — *Ба Махрама М.*, *Виноградов Ю. А.* Керамические находки с городища Майфаʻа (Накб ал-Хаджар) // ТСОЙКЭ. II. 1996. С. 162–167.

Ба Факих 1967 — *Бā Фақӣх, Мухаммад ʻАбд ал-Қāдир*. Āс̲āр нуқӯш ал-ʻУқла. Дирāса майдāнӣйа ли-аҳад ал-мавāқиʻ ал-ас̲арӣйа би-л-қурб мин Шабва фӣ минṭақат Ҳадрамаут. Ал-Қāхира: Маṭбаʻат Ладжнат ат-таʼлӣф ва-т-тарджама ва-н-нашр, [1967].

Ба Факих, Робен 1978 — *Бā Фақӣх, Мухаммад ʻАбд ал-Қāдир; Робен Кр.* Мин нуқӯш Маҳрам Билқӣс // Raydān. 1978. 1. С. 153–157.

Ба Факих, Робен 1980 — *Бā Фақӣх, Мухаммад ʻАбд ал-Қāдир; Робен Кр.* Ахаммӣйат нуқӯш джабал ал-Миʻсāл // Raydān. 1980. 3. С. 9–29.

Бауэр 1964 — *Бауэр Г. М.* «Мукарриб» и «царь» (к вопросу о государственном строе древней Сабы) // ВДИ. 1964. № 2 (т. 88). С. 17–36.

Бауэр 1965 — *Бауэр Г. М.* Некоторые социальные термины в древнейеменских текстах // Семитские языки. Вып. 2 (ч. 1): материалы Первой конференции по семитским языкам 26–28 октября 1964 г. М.: ГРВЛ, 1965. С. 313–335.

Бауэр 1967 — *Бауэр Г. М.* Некоторые проблемы эпонимата в древней Южной Аравии // ВДИ. 1967. № 2 (т. 100). С. 124–147.

Бауэр 1989 — *Бауэр Г. М.* Городище Райбун по данным эпиграфики // ВДИ. 1989. № 2 (т. 189). С. 153–157.

Бауэр 1990а — Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря» (§ 1–18) / Пер., вводная ст. и коммент. Г. М. Бауэра // История Африки в древних средневековых источниках:

хрестоматия / Под ред. О. К. Дрейера; сост. С. Я. Берзина и Л. Е. Куббель. М.: ГРВЛ, 1990. С. 99–110.

Бауэр 1990б — Войны Аксума в первой четверти VI в. н. э. / Введ., пер. и коммент. Г. М. Бауэра // Там же. С. 203–239.

Бауэр 1994 — *Бауэр Г. М.* Ма‘ин на пути в Египет и Восточное Средиземноморье // КЗ. I. 1994. С. 156–184.

Бауэр 1995 — *Бауэр Г. М.* Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983–1984 гг., общий обзор) // ТСОЙКЭ. I. 1995. С. 112–152.

Бауэр, Акопян, Лундин 1990 — *Бауэр Г. М., Акопян А. М., Лундин А. Г.* Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута // ВДИ. 1990. № 2 (т. 193). С. 168–173.

Берент 2000 — *Берент М.* Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // АПЦ. С. 235–258.

Бикерман 1976 — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность / Пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского. М.: ГРВЛ, 1976.

Бин Акил 1984 — *Бин ‘Аḳīл, ‘Абд ал-‘Азīз Джа‘фар*. Джидāр ал-Бинā’ фī Ḥадрамаут // Ал-Масāр, шахрīйа, сийāсīйа, ‘āмма / Иṣдāр Дāр ал-Хамдāнī ли-ṭ-ṭабā‘а ва-н-нашр, Аден. № 23, ноябрь 1984. С. 35–41.

Большаков О. 1989 — *Большаков О. Г.* История Халифата. I: Ислам в Аравии. 570–633. М.: ГРВЛ, 1989.

Большаков О. 1993 — *Большаков О. Г.* История Халифата. II: Эпоха великих завоеваний. 633–656. М.: ИФВЛ, 1993.

Большаков О. 1998 — *Большаков О. Г.* История Халифата. III: Между двух гражданских войн. 656–696. М.: ИФВЛ, 1998.

Большаков О. 2001 — *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока VII — середина XIII в. Социально-экономические отношения. Изд. второе, доп. М.: ИФВЛ, 2001.

Бухарин 2007 — *Бухарин М. Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования. СПб.: Алетейя, 2007.

Бухарин 2009 — *Бухарин М. Д.* Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье. Торговые и историко-культурные связи. М.: ИФВЛ, 2009.

Виноградов 1996 — *Виноградов Ю. А.* Археологические исследования на участке здания 6 // ТСОЙКЭ. II. 1996. С. 68–84.

Виноградов, Седов, Французов 2005 — *Виноградов Ю. А., Седов А. В., Французов С. А.* Новый храм Сайина в Райбунском оазисе (раскопки 2004 г.) // Arab. Vit. 2005. С. 385–400.

Виноградов Ю. Г. 1989 — *Виноградов Ю. Г.* Греческая надпись из Южной Аравии // ВДИ. 1989. № 2 (т. 189). С. 162–167.

Голенищев 1888 — *Голенищев В. С.* Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамâт // ЗВОРАО. 2. 1887. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1888. С. 63–79, табл. I.

Грунтфест 1973 — *Грунтфест Я. Б.* Надпись «Двадцати четырех чередов» из Бейт Ḥāдира // ППиПИКНВ. IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Древняя Аравия (материалы и сообщения). М.: ГРВЛ, 1973. С. 71–81.

Грязневич 1981 — *Грязневич П. А.* Этнотерриториальное деление Йемена в V–X вв. // ППиПИКНВ. XV годичная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. II. М.: ГРВЛ, 1981. С. 26–32.

Грязневич 1989 — *Грязневич П. А.* Древний Хадрамаут в свете полевых исследований Советско-Йеменской экспедиции // ВДИ. 1989. № 2 (т. 189). С. 129–135.

Грязневич 1995а — *Грязневич П. А.* Полевые исследования Советско-Йеменской комплексной экспедиции в Хадрамауте и на о-ве Сокотра в 1983–1985 гг. // ТСОЙКЭ. I. С. 3–17.

Грязневич 1995б — *Грязневич П. А.* Морская торговля на Аравийском море: Аден и Кана // ТСОЙКЭ. I. 1995. С. 273–301.

Грязневич 1996 — *Грязневич П. А.* Предисловие // ТСОЙКЭ. II. 1996. С. 6–18.

Дандамаев 2004 — *Дандамаев М. А.* Ахеменидская держава // История Древнего Востока. [Т. III:] От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. А. В. Седова. М.: ИФВЛ, 2004. С. 581–655 (глава 10).

Дандамаев 2009 — *Дандамаев М. А.* Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э. Социальные институты и идеология. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.

Дьяконов 1989 — *Дьяконов И. М.* Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития // История древнего мира. Изд. 3-е, испр. и доп. [Кн. 1]: Ранняя древность / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М.: ГРВЛ, 1989. С. 31–56.

Дьяконов 1994 — *Дьяконов И. М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: ИФВЛ, 1994.

Дьяконов 1997 — Дьяконов 1989, переизданный с исправлениями и дополнениями // ИВ. I. 1997. С. 27–44.

Дьяконов, Якобсон 1982 — *Дьяконов И. М.*, *Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2 (т. 160). С. 3–16.

Дьяконов и др. 1989 — *Дьяконов И. М., Якобсон В. А., Янковская Н. Б.* Общие черты второго периода древней истории // История древнего мира. Изд. 3-е, испр. и доп. [Кн. 2]: Расцвет древних обществ / Отв. ред. И. С. Свенцицкая. М.: ГРВЛ, 1989. С. 5–26.

Дьяконов и др. 1997 — Дьяконов и др. 1989, переизданный с исправлениями и дополнениями // ИВ. I. С. 213–229.

Ибн Хабиб (Lichtenstädter) — *Муḥаммад б. Ḥабӣб*. Китāб ал-Муḥаббар. Ривāйат Абӣ Са‘ӣд ал-Ḥасан б. ал-Ḥусайн ас-Суккарӣ / [Ed. by I. Lichtenstädter]. Ḥайдарāбāд: Дā’ират ал-ма‘āриф ал-‘усмāнӣйа, 1942.

Ирйани 1973 — *ал-Ирйāнӣ, Муṭаххар ‘Алӣ*. Фӣ та’рӣḫ ал-Йаман. Шарḫ ва-та‘лӣḳ ‘алā нуḳӯш лам туншар 34 нақш[ан] мин маджмӯ‘ат ал-ḳāдӣ ‘Алӣ ‘Абдаллāх ал-Кахāлӣ. Cairo: Dar al-Hana Press, [1973].

Ирйани 1988 — *ал-Ирйāнӣ, Муṭаххар ‘Алӣ*. Ал-Ирйāнӣ 69 // Raydān. 5. 1988. С. 9–16.

[Кондратьев] 1940 — [*Кондратьев С. П.*] Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря. [Перевод и комментарий] // ВДИ. 1940. № 2 (т. 11). С. 264–281.

Коран (Крачковский) 1986 — Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М.: ГРВЛ, 1986.

Коротаев 1997 — *Коротаев А. В.* Сабейские этюды: некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М.: ИФВЛ, 1997.

Коротаев 1998а — *Коротаев А. В.* Вождества и племена Страны Ḫāшид и Бāкил: общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н. э. — XX в. н. э.). М.: ИВ РАН, 1998.

Коротаев 1998б — *Коротаев А. В.* Сумхурийāм, сын Кариба’ила Великого, в свете новых надписей с горы Джабал ал-Лауз̱ (Дополнительные замечания к статье А. Г. Лундина «Положение верховных правителей в Сабейском государстве середины первого тысячелетия до н. э.») // ЭВ. 25. 1998. С. 89–94.

Коротаев 2006 — *Коротаев А. В.* Социальная история Йемена. X в. до н. э. — XX в. н. э. Вождества и племена страны Ḫāшид и Бакӣл. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2006.

Коротаев, Французов 1998 — *Коротаев А. В.*, *Французов С. А.* Предисловие // ЮА. 2/2. С. 5–7.

Коротаев, Крадин, Лынша 2000 — *Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // АПЦ. 2000. С. 24–83.

Лундин 1971 — *Лундин А. Г.* Государство мукаррибов Саба’ (сабейский эпонимат). М.: ГРВЛ, 1971.

Лундин 1975а — *Лундин А. Г.* «Дочери бога» в южноаравийских надписях и в Коране // ВДИ. 1975. № 2 (т. 132). С. 124–131.

Лундин 1975б — *Лундин А. Г.* К истории слов «сундук» и «фелюга» // ППиПИКНВ. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения и автоаннотации). [Ч.] I. М.: ГРВЛ, 1975. С. 111–115.

Лундин 1977 — *Лундин А. Г.* Принципы престолонаследия в древней Южной Аравии // Мероэ: история, история культуры, язык древнего Судана. [Вып. 1.] М.: ГРВЛ, 1977. С. 278–281.

Лундин 1978 — *Лундин А. Г.* Престолонаследие в Катабане // Советская этнография. 1978. № 4. С. 123–130.

Лундин 1982 — *Лундин А. Г.* Сӣн (Сайи́н) // МНМ. Т. 2. С. 437.

Лундин 1987 — *Лундин А. Г.* Катабанский декрет о землепользовании RES 3854 // ВДИ. 1987. № 3 (т. 182). С. 43–61.

Лундин 1989а — *Лундин А. Г.* Надписи Внутреннего Хадрамаута (Общая характеристика) // ВДИ. 1989. № 2 (т. 189). С. 142–148.

Лундин 1989б — *Лундин А. Г.* Табличка из Бет Шемеша // ВДИ. 1989. № 1 (т. 188). С. 144–150.

Лундин 1994 — *Лундин А. Г.* Хадрамаутское граффито из Египта // ПВ. 1994. Вып. 5. С. 303–305.

Лундин 1995а — *Лундин А. Г.* Архивы древнего Йемена // ВДИ. 1995. № 3 (т. 213). С. 3–13.

Лундин 1995б — *Лундин А. Г.* Иностранцы в Шабве в III в. н. э. // Эрмитажные чтения 1986–1994 гг. памяти В. Г. Луконина (21.IX.1932–10.IX.1984). СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1995. С. 148–151.

Лундин 1996 — *Лундин А. Г.* Надписи жилого дома на городище Райбун I (здание 6) // ТСОЙКЭ. II. 1996. С. 85–94.

Лундин 1998а — *Лундин А. Г.* Новые документы древнего Йемена // Православный Палестинский сборник. Вып. 98 (35): Сборник памяти Н. В. Пигулевской. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. С. 14–26.

Лундин 1998б — *Лундин А. Г.* Положение верховных правителей в Сабейском государстве середины первого тысячелетия до н. э. // ЭВ. 25. 1998. С. 83–88.

Мисюгин 1998 — *Мисюгин В. М.* Становление цивилизации. О вещах и представлениях. СПб.: МАЭ РАН, 1998.

Муртазин 1995 — *Муртазин М. Ф.* О социальной структуре древнего хадрамаутского города Мазаб // ТСОЙКЭ. I. 1995. С. 265–272.

Нами 1943 — *Нāмӣ, Х̱алӣл Йаҳйā.* Нашр нуқӯш сāмӣйа қадӣма мин джанӯб билāд ал-ʻараб ва-шарҳу-хā. Ал-Ḳāхира: Маṭбаʻат ал-Маʻхад ал-ʻилмӣ ал-фарансӣ ли-л-āс̱āр аш-шарқӣйа, 1943.

Нами 1965 — *Нāмӣ, Х̱алӣл Йаҳйā.* Нуқӯш ʻарабӣйа джанӯбӣйа. Ал-маджмӯʻа ар-рāбиʻа // Ҳаулӣйāт Куллӣйат ал-āдāб, Джāмиʻат ал-Ḳāхира, мудж. 22, ал-ʻадад ас̱-с̱āнӣ, санат 1960. Ал-Ḳāхира: Маṭбаʻат Джāмиʻат ал-Ḳāхира, 1965. С. 53–63, шакл 12–14.

Нидерман 1949 — *Нидерман М.* Историческая фонетика латинского языка / Пер. со 2-го франц. изд. и примеч. Я. М. Боровского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1949.

Пигулевская 1951 — *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951.

Пиотровский 1985 — *Пиотровский М. Б.* Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М.: ГРВЛ, 1985.

Пиотровский 1989 — *Пиотровский М. Б.* Граффити Хадрамаута и Махры // ВДИ. 1989. № 2 (т. 189). С. 148–153.

Пиотровский 1995 — *Пиотровский М. Б.* Вади ал-ʻАйн: древнейеменские надписи // ТСОЙКЭ. I. 1995. С. 176–201.

Пиотровский 1996 — *Пиотровский М. Б.* Стоянка паломников Джаулат ар-румад // ТСОЙКЭ. II. 1996. С. 168–190.

Попов и др. 1996 — *Попов С. Г.*, *Зайцева Г. И.*, *Свеженцев Ю. С.*, *Крылов А. П.* Радиоуглеродное датирование археологических памятников Йемена // ТСОЙКЭ. II. 1996. С. 196–197.

Пятикнижие (Штейнберг) 1979 — Пятикнижие Моисеево / С дословным русским переводом О. К. Штейнберга. Издание фототипное. М.: Религиозное общество Московской хоральной синагоги, 1979 (воспр. по изд.: Вильна: Типография И. И. Пирожникова, 5662 г. от Сотворения мира).

Редькин 2003 — *Редькин О. И.* Аравийские периферийные диалекты. Диалект Хадрамаута. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003.

Робен 2004 — *Робен Кр. Ж.* Династия Абӣкариба Ас‘ада / Пер. с франц. С. А. Французова // Scr. Yem. 2004. С. 289–314.

Родионов 1994 — *Родионов М. А.* Этнография Западного Хадрамаута. Общее и локальное в этнической культуре. М.: ИФВЛ, 1994.

Саккаф А. 2002 — *ас-Сакка̄ф, ‘Абд ар-Раҳма̄н б. ‘Убайдалла̄х*. Му‘джам булда̄н Ҳадрамаут ал-мусамма̄ ида̄м ал-қӯт фӣ зикр булда̄н Ҳадрамӯт / Таҳқӣқ Ибра̄хӣм Аҳмад ал-Маққафӣ, ‘Абд ар-Раҳма̄н Ҳасан ас-Сакка̄ф. Аṭ-Ṭаб‘а ал-ӯла̄. Ṣан‘а̄’: Мактабат ал-Ирша̄д, 1423 г. х. / 2002.

Саккаф Х. 1994 — *ас-Сакка̄ф, Ҳаммӯд Муҳаммад Джа‘фар*. Аввал нақш йазкуру мукарриб Аусāн // Raydān. 6. 1994. С. 111–120. Табл. 15–16.

Седов 1989а — *Седов А. В.* Археологические исследования в вади Хадрамаут // ВДИ. 1989. № 2 (т. 189). С. 135–142.

Седов 1989б — *Седов А. В.* Археологический комментарий на: Виноградов Ю. Г. 1989 // ВДИ. 1989. № 2 (т. 189). С. 167–169.

Седов 1995а — *Седов А. В.* Древняя ирригация Рейбуна // ТСОЙКЭ. I. 1995. С. 89–102.

Седов 1995б — *Седов А. В.* Вади аль-‘Айн: археологические памятники // ТСРЙКЭ. I. 1995. С. 162–175.

Седов 1996а — *Седов А. В.* Могильник Райбун XV (раскопки 1983–1987 гг.) // ТСОЙКЭ. II. 1996. С. 117–142.

Седов 1996б — *Седов А. В.* Грунтовый могильник в вади На‘ам (Райбун XVII) // ТСОЙКЭ. II. 1996. С. 143–157.

Седов 1998а — *Седов А. В.* Монеты древнего Хадрамаута. М.: [издание Российского центра стратегических и международных исследований], 1998.

Седов 1998б — *Седов А. В.* Древний Хадрамаут (XII в. до н. э. — VI в. н. э.). Специальность 07.00.03 — Всеобщая история (Древний мир): автореф. дис. … д. ист. наук. М., 1998.

Седов 1999 — *Седов А. В.* Храм Сина зу Майфа‘ана (вади Дауан, Внутренний Хадрамаут) // Мероэ. Страны Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна в древности и раннем средневековье: проблемы истории, языка и культуры. Вып. 5. Памяти Г. М. Бауэра. М.: ИФВЛ, 1999. С. 200–212.

Седов 2005 — *Седов А. В.* Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики. М.: ИФВЛ, 2005 (Труды Российской археологической миссии в Республике Йемен, III).

Седов, Абдалла 2004 — *Абдалла Ю. М., Седов А. В.* Монетный чекан раннего Катабана: клад из ас-Сурайры // Scr. Yem. 2004. С. 33–45, 48–83.

Страбон (Стратановский) 1994 — *Страбон*. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского под общей ред. С. Л. Утченко; ред. пер. О. О. Крюгер. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994.

Тураев 1935–1936 — *Тураев Б. А.* История Древнего Востока / Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева. 2-е стереотип. изд. Т. I–II. Л.: ОГИЗ, Социально-экономическое изд-во, Ленинградское отделение, 1935, 1936.

Французов 1986 — *Французов С. А.* Этноконфессиональные процессы в доисламской Аравии (религиозно-племенные общности *ḫумс*, *ḫилла* и *ṯулс*) // Советская этнография. 1986. № 3. С. 47–57.

Французов 1993 — *Французов С. А.* Коранический стих в языческой клятве // Восток. 1993. № 3. С. 5–13.

Французов 1994 — *Французов С. А.* Три легенды об обращении в ислам хадрамаутских язычников // ПВ. 1994. Вып. 5. С. 306–332.

Французов 1995а — *Французов С. А.* Судьбы сабейской цивилизации в Эфиопии // Африка: культура и общество (исторический аспект): материалы выездной сессии Научного совета по проблемам экономического, социально-политического и культурного развития стран Африки РАН, состоявшейся в Санкт-Петербурге 4–6 мая 1994 г. М.: ПМЛ Института Африки РАН, 1995. С. 77–84.

Французов 1995б — *Французов С. А.* Этнорелигиозная ситуация в Хадрамауте в VI–VII вв. // ТСОЙКЭ. I. 1995. С. 314–329.

Французов 1998 — *Французов С. А.* О водопользовании в древнем Внутреннем Хадрамауте // ЭВ. 1998. 25. С. 130–151. Рис. 7–8.

Французов 2000а — *Французов С. А.* Южноаравийская письменность и древнейеменская словесность: новые открытия, старые проблемы // Россия и Арабский мир: научные и культурные связи. Вып. 7. СПб.: типография Издательства Санкт-Петербургского университета, 2000. С. 28–36.

Французов 2000б — *Французов С. А.* Новый том «Инвентаря южноаравийских надписей». [Рец. на: Bron 1998] // ВДИ. 2000. № 3 (т. 234). С. 180–188.

Французов 2000в — *Французов С. А.* Общество Райбӯна // АПЦ. 2000. С. 302–312.

Французов 2000г — *Французов С. А.* Аксумское царство // ПЭ. 2000. Т. I. С. 415–417.

Французов 2001 — *Французов С. А.* Новые данные о хадрамаутском эпонимате // ЭВ. 2001. 26. С. 161–173.

Французов 2002а — *Французов С. А.* Значение материалов Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) для изучения Южной Аравии (эпиграфический аспект) // ЗВОРАО. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб.: ПВ, 2002. С. 385–393.

Французов 2002б — *Французов С. А.* Политическое развитие южноаравийско-эфиопской цивилизации в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.: от раннего государства к несостоявшейся империи // ПВ. Вып. 10. 2002. С. 245–269.

Французов 2003 — *Французов С. А.* «Житие св. Азкира» как источник по истории Южной Аравии // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: материалы. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 139–146.

Французов 2004а — *Французов С. А.* Обожествление людей в древней Южной Аравии // Scr. Yem. 2004. С. 320–332.

Французов 2004б — *Французов С. А.* Та’рӣẖ Ḥадрамаут ал-иджтимāʻӣ ва-с-сийāсӣ ḳубайла-л-ислāм ва-баʻда-ху, ал-ʻуçӯр ал-васӣṭа ал-мубаккара (ал-ḳарн ар-рāбиʻ — ас̲-с̄āнӣ ʻашара ал-мӣлāдӣ) / Таḳдӣм ва-таʻрӣб ʻАбд ал-ʻАзӣз Джаʻфар Бин ʻАḳӣл. Çанʻā’: ал-Маʻхад ал-фарансӣ ли-л-ас̲āр ва-л-ʻулӯм ал-иджтимāʻӣйа би-Çанʻā’, 2004 (Силсилат Та’рӣẖ ал-Йаман, 1) [добавочный титул на французском: *Frantsouzoff S.* Histoire sociale et politique du Hadramawt au cours du Haut Moyen-Âge (IVe — XIIe siècle de l’ère chrétienne) / Introduction et traduction arabe ʻAbd al-ʻAzîz Bin ʻAqîl. Sanaa: Centre Français d’Archéologie et de Sciences Sociales de Sanaa, 2004 (Collection Histoire du Yémen, 1)].

Французов 2004в — *Французов С. А.* Приложение. Ономастический комментарий [к Седов, Абдалла 2004] // Scr. Yem. 2004. С. 46–47.

Французов 2005 — *Французов С. А.* Древний Хадрамаут и возникновение южноаравийской цивилизации: к постановке проблемы // ВДИ. 2005. № 4 (т. 255). С. 3–23.

Французов 2006а — *Французов С. А.* Первое упоминание древней хадрамаутской столицы Шабвы в райбӯнских надписях // ЗВОРАО. Новая серия. Т. II (XXVII). СПб.: ПВ, 2006. С. 247–253.

Французов 2006б — *Французов С. А.* Список царей Ҳадрамаута у Ибн Ҳалдӯна // Культура Аравии в азиатском контексте: сб. ст. к 60-летию М. А. Родионова. СПб.: ПВ, 2006. С. 138–156.

Французов 2007 — *Французов С. А.* Антропонимика Райбӯна: опыт количественного и качественного анализа // ВДИ. 2007. № 3 (т. 262). С. 120–132.

Французов 2008а — *Французов С. А.* Елезвой // ПЭ. Т. XVIII. 2008. С. 288–290.

Французов 2008б — *Французов С. А.* Надписи главной лестницы храма богини З̲āт Ҳимйам (Райбӯн V, Внутренний Хадрамаут) // ВДИ. 2008. № 3 (т. 266). С. 184–193.

Французов 2009а — *Французов С. А.* Райбӯн: надписи и люди (эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009.

Французов 2009б — *Французов С. А.* Обозначение облицовки храма в надписях из оазиса Райбӯн (Внутренний Хадрамаут) // Восток. 2009. № 3. С. 141–144.

Французов 2009в — *Французов С. А.* Существовал ли Хаджарайн до ислама? // ВДИ. 2009. № 2 (т. 269). С. 176–181.

Французов 2012 — *Французов С. А.* К востоку от Адена. Оазис Райбӯн в I тысячелетии до н. э. Эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута. 2-е изд., испр. и доп. [Французов 2009а]. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012.

Французов, Лосева, Никифорова 2001 — *Французов С. А., Лосева О. В., Никифорова А. Ю.* Арефа // ПЭ. Т. III. 2001. С. 214–216.

Хамдани (Аква‘), Иклил — *ал-Хамдāнӣ, Абӯ Муҳаммад ал-Ҳасан б. Аҳмад*. Китāб ал-Иклӣл / Таҳ̣ḳӣḳ Муҳаммад б. ‘Алӣ ал-Аква‘ ал-Ҳивāлӣ. Дж. 1, 2. Каир: Маṭба‘ат ас-сунна ал-муҳаммадӣйа, 1963, 1966.

Хамдани (Фарис) — *Ал-Хамдāнӣ, ал-Ҳасан б. Аҳмад.* Ал-Иклӣл. Дж. 8 / Таҳ̣ḳӣḳ Набӣх Амӣн Фāрис. Байрӯт: Дāр ал-Калима — Ṣан‘ā’: Дāр ал-‘Ауда, б. г.

Хосроев 2007 — *Хосроев А. Л.* История манихейства (Prolegomena). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007.

Чернецов, Французов 2005 — *Чернецов С. Б., Французов С. А.* Гадара // ПЭ. Т. X. 2005. С. 260–261.

Шараф ад-Дин 1963 — *Шараф ад-Дӣн, Аҳмад Ҳусайн*. Ал-Йаман ‘ибра-т-та’рӣх̣ (мин ал-ḳарн ар-рāби‘ ‘ашара ḳабла-л-мӣлāд илā-л-ḳарн ал-‘ишрӣн). Дирāса джуғрāфӣйа, та’рӣхӣйа, сийāсӣйа шāмила. Аṭ-Ṭаб‘а ал-ӯлā. [Каир]: Маṭба‘ат ас-сунна ад-муҳаммадӣйа, 1963/1382 г. х.

Шараф ад-Дин 1967, 3 — *Шараф ад-Дӣн, Аҳмад Ҳусайн*. Та’рӣх̣ ал-Йаман а̣с-̣саḳāфӣ. Дж. 3. [Каир]: Маṭба‘ат ал-Кайлāнӣ аṣ-Ṣағӣр, 1967/1387 г. х.

Штаерман 1982 — *Штаерман Е. М.* Римская мифология // МНМ. Т. 2. 1982. С. 380–384.

Юсифов 1968 — *Юсифов Ю. Б.* Элам. Социально-экономическая история. М.: ГРВЛ, 1968.

Якобсон 1997 — *Якобсон В. А.* Предисловие к первому тому // ИВ. I. 1997. С. 14–26.

Якобсон 2004 — *Якобсон В. А.* Предисловие // История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. А. В. Седова. М.: ИФВЛ, 2004. С. 34–56.

Abdallah 1975 — *Abdallah Y.* Die Personennamen in al-Hamdānī’s al-Iklīl und ihre Parallelen in den altsüdarabischen Inschriften. Ein Beitrag zur jemenitischen Namengebung. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie des Fachbereichs Alterums- und

Kulturwissenschaften der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen. Tübingen: Fotodruck Präzis Barbara v. Spangenberg KG, 1975.

Abū Maḥrama (Löfgren) — Arabische Texte zur Kenntnis der Stadt Aden im Mittelalter. Abū Maḥrama's Adengeschichte nebst einschlägigen Abschnitten aus den Werken von Ibn al-Muǧāwir, al-Ǧanadī und al-Ahdal / Mit Anmerkungen hrsg. von Oscar Löfgren. 2: Biographien, Glossar. Uppsala; Leiden: Almqvist & Wiksells boktr., 1950.

Agatharchides (Burstein) 1989 — *Agatharchides of Cnidus*. On the Erythraean Sea / Transl. from the Greek and ed. by St. M. Burstein. L.: The Hakluyt Society, 1989 (Works issued by the Hakluyt Society, 2nd series, no. 172).

Albright 1953 — *Albright F. P.* The Himyaritic Temple of Sumhuram (Dhofar, Oman) // Orientalia. 1953. 22. P. 71–72.

Albright 1955 — *Albright F. P.* Exploration in Dhofar // Antiquity. 1955. 29. P. 37–39.

Albright 1980 — *Albright F. P.* Sumhurâm // Jamme. 1980. P. 61–66. Pl. 8–11.

Albright 1982 — *Albright F. P.* The American Archaeological Expedition in Dhofar, Oman, 1952–1953. Washington, 1982 (PAFSM. VI).

al-Ansary 1982 — Qaryat al-Fau. A Portrait of Pre-Islamic Civilisation in Saudi Arabia / Ed. by A. R. al-Ansary. Riyadh: University of Riyadh, 1982.

Arabien (von Wissmann) 1965 — Arabien / Mit einer Einleitung von Prof. Dr. Hermann von Wissmann. Stuttgart: Henry Goverts Verlag, 1965 (Dokumente zur Entdekungsgeschichte. Bd. 1, hrsg. von Otto Baumhauer).

Arbach 1993 — *Arbach M.* Le maḏābien: Lexique — Onomastique et Grammaire d'une langue de l'Arabie méridionale préislamique. Thèse de doctorat — Nouveau régime / Sous la direction de Ch. Robin. Vol. I–III. Aix-en-Provence, 1993 (не издана).

Arbach 1996 — *Arbach M.* Deux nouvelles inscriptions sudarabiques provenant du sanctuaire de dhū-s-Samāwī à Yaghrū // Egitto e Vicino Oriente. 1996. 19. P. 243–250.

Arbach 1997 — *Arbach M.* Inscriptions antiques // Saba. Arts — Littérature — Histoire. Arabie méridionale. Revue Trimestrielle. 1997. N° 3 & 4: Hadramawt, la vallée inspirée. P. 40–43.

Arbach 2001 — *Arbach M.* Une photographie inédite de l'inscription Ir 13 // Raydān. 2001. 7. P. 13–24.

Arbach 2005 — *Arbach M.* Le commerce d'esclaves en Arabie du Sud préislamique d'après une nouvelle inscription sabéenne du VIIe s. av. J.-C. // Arab. Vit. P. 314–317.

Arbach, Audouin 2004a — *Arbach M.*, *Audouin R.* Un panthéon de l'Arabie du Sud en images. Le temple I d'as-Sawdâ'. Découvertes archéologiques dans le Jawf (République du Yémen). Opération de sauvetage franco-yéménite du site d'as-Sawdâ' (l'antique Nashshân) / A South Arabian pantheon expressed in images. Temple I of as-Sawdâ', Yemen. Archaeological discoveries in the Jawf (Repûblic of Yemen). Franco-Yemeni rescue operation of the site of as-Sawdâ' (ancient Nashshân). Rapport préliminare / Preliminary report. Sanaa: Centre français d'archéologie et de sciences sociales de Sanaa, 2004.

Arbach, Audouin 2004b — *Arbach M.*, *Audouin R.* Nouvelles découvertes archéologiques dans le Jawf (République du Yémen). Opération de sauvetage franco-yéménite du site d'as-Sawdâ' (l'antique Nashshân). Temple intra-muros I. Rapport préliminare. Sanaa: Centre français d'archéologie et de sciences sociales de Sanaa, 2004 (с параллельным арабским вариантом).

Arbach, Audouin 2007 — *Arbach M.*, *Audouin R.* Ṣan'â' National Museum. Collection of Epigraphic and Archaeological Artifacts from al-Jawf Sites. Pt. II. Ṣan'â': Print Art, 2007.

Arbach, Bāfaqīh 1998 — *Arbach M., Bāfaqīh, Muḥammad 'Abd al-Qâdir*. Nouvelles données sur la chronologie des rois du Ḥaḍramawt // Semitica. 1998. 48. P. 109–126.

Arbach, Audouin, Robin 2004 — *Arbach M.*, *Audouin R., Robin Ch. J.* La découverte du temple d'Aranyada' à Nashshān et la chronologie des Labu'ides // Arabia. 2004. 2. P. 23–41, 205–216: fig. 20–41.

Arnaud 1995 — *Arnaud D.* Les traces des «Arabes» dans les textes syriens du début du IIe millénaire à l'époque néo-assyrienne: esquisse de quelques thèmes // Prés. ar. 1995. P. 19–22.

Avanzini 1977–1980 — *Avanzini A.* Glossaire des inscriptions de l'Arabie du Sud. I–II. Firenze: Istituto di linguistica e di lingue orientali, Università di Firenze, 1977, 1980 (Quaderni di Semitistica, 3).

Avanzini 1992 — *Avanzini A.* H-Forms in Qatabanian Inscriptions // Yemen. Studi archeologici, storici e filologici sull'Arabia meridionale. 1992. 1. P. 13–17.

Avanzini 1993 — *Avanzini A.* La chronologie longue et le début de l'histoire sudarabique // Quaderni di studi arabi. 1993. 11. P. 7–18.

Avanzini 1995 — *Avanzini A.* As-Sawdā'. Parigi; Roma, 1995 (IDIS. 4).

Avanzini 1996 — *Avanzini A.* La missione italiana nel Dhofar (1997) // Egitto e Vicino Oriente. 1996. 19. P. 181–187.

Avanzini 2002a — *Avanzini A.* The history of the Khor Rori area. New perspectives // KhRR. 1. 2002. P. 13–27.

Avanzini 2002b — *Avanzini A.* The construction inscriptions on the Gate Complex // KhRR. 1. 2002. P. 125–140.

Avanzini 2004 — *Avanzini A.* Corpus of South Arabian Inscriptions I–III: Qatabanic, Marginal Qatabanic, Awsanite Inscriptions. Pisa: Edizioni Plus, Università di Pisa, 2004 (Arabia Antica 2).

Avanzini 2008a — *Avanzini A.* Foreword // KhRR. 2. 2008. P. 9–11.

Avanzini 2008b — *Avanzini A.* Notes for a history of Sumhuram and a new inscription of Yashhur'il // KhRR 2. 2008. P. 609–641.

Avanzini, Sedov 2005 — *Avanzini A.*, *Sedov A. V.* The stratigraphy of Sumhuram: new evidence // PSAS. 2005. 35. P. 11–17.

Avanzini et al. 1994 — *Avanzini A.*, *Bāfaqīh M.*, *Bāṭāyi' A.*, *Robin Ch.* Materiali per il Corpus qatabanico // Raydān. 1994. 6. P. 17–36, 148–158: pl. 4–14.

Bāfaqīh 1990 — *Bāfaqīh, Muḥammad 'Abd al-Qādir*. L'unification du Yémen antique. La lutte entre Saba', Ḥimyar et le Ḥaḍramawt du Ier au IIIème siècle de l'ère chrétienne. P.: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1990 (Bibliothèque de Raydān. Vol. 1); есть арабский пер.: *Бā Фаḳīх, Муҳаммад 'Абд ал-Ḳадīр*. Тауḥīд ал-Йаман ал-ḳадīм. Аç-Çирā' байна Саба' ва-Ҳимйар ва-Ҳадрамаут мин ал-ḳарн ал-аввал илā-л-ḳарн ас̲-с̲āлис̲ ал-мīлāдī / Тарджамат 'Алī Муҳаммад Зайд, мурāджа'ат Муҳаммад Çāлиҳ Бал-'Афīр, таḳдīм ва-тадḳīḳ Мунīр 'Арбаш. Çан'ā': ал-Ма'хад ал-фарансī ли-л-āс̲āр ва-л-'улūм ал-иджтимā'ийа би-Çан'ā', 2007 (Силсилат Та'рīх̣ ал-Йаман, 2).

Bāfaqīh, Robin 1979 — *Bāfaqīh, Muḥammad, Robin Ch.* Inscriptions inédites de Yanbuq (Yémen Démocratique) // Raydān. 1979. 2. P. 15–76.

Beaucamp, Briquel-Chatonnet, Robin 1999–2000 — *Beaucamp J.*, *Briquel-Chatonnet Fr.*, *Robin Ch. J.* La persécution des chrétiens de Nagrān et la chronologie ḥimyarite // Aram. Vol. 11 & 12: The Mandaeans, Antioch & Edessa & Cultural Interchange in the Arabian Peninsula, 1999–2000. P. 15–83.

Beeston 1938 — *Beeston A. F. L.* The Philby Collection of Old-South-Arabian inscriptions // Le Muséon. 1938. 51. P. 311–333.

Beeston 1947 — *Beeston A. F. L.* Two Shabwa Inscriptions // Le Muséon. 1947. 60. P. 51–55. Pl. I.

Beeston 1948 — *Beeston A. F. L.* The ritual hunt. A study of Old South Arabian religious practice // Le Muséon. 1948. 61. P. 183–196.

Beeston 1953 — *Beeston A. F. L.* Remarks on the Ḥaḍrami Inscription Jamme 402 // Orientalia. 1953. 22. P. 416–417.

Beeston 1956 — *Beeston A. F. L.* Epigraphic South Arabian Calendars and Datings. L.: Luzac & Co. Ltd., 1956.

Beeston 1959 — *Beeston A. F. L.* Qahtan. Studies in Old South Arabian Epigraphy. Fasc. 1: The Mercantile Code of Qataban. L.: Luzac & Co. Ltd., 1959.

Beeston 1962 — *Beeston A. F. L.* A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. L.: Luzac & Co. Ltd., 1962.

Beeston 1965 — *Beeston A. F. L.* Ḥaḍramawt: [Introduction]. I: Pre-Islamic Period // EI². III. 1965. P. 51–53.

Beeston 1971 — *Beeston A. F. L.* Qahtan. Studies in Old South Arabian Epigraphy. Fasc. 2: The Labakh Texts (with Addenda to 'The Mercantile Code of Qataban'). L.: Luzac & Co. Ltd., 1971.

Beeston 1972a — *Beeston A. F. L.* Sabaean Marginalia // AION. 1972. 32 (N. S. XXII). P. 394–400.

Beeston 1972b — *Beeston A. F. L.* Pliny's Gebbanitae // Proceedings of the Fifth Seminar for Arabian Studies. 1972. P. 4–8.

Beeston 1974 — *Beeston A. F. L.* New Light on the Himyaritic Calendar // Arabian Studies, I / Ed. by R. B. Serjeant and R. L. Bidwell. L.: C. Hurst & Company, 1974. P. 1–6.

Beeston 1976a — *Beeston A. F. L.* The Settlement at Khor Rori // JOmS. 1976. 2. P. 39–42.

Beeston 1976b — *Beeston A. F. L.* Notes on Old South Arabian Lexicography X // Le Muséon. 1976. 89. P. 407–423.

Beeston 1976c — *Beeston A. F. L.* Qahtan. Studies in Old South Arabian Epigraphy. Fasc. 3: Warfare in Ancient South Arabia (2nd–3rd centuries AD). L.: Luzac & Co. Ltd., 1976.

Beeston 1977 — *Beeston A. F. L.* Theocracy in the Ṣayhad Culture // PSAS. 1977. 7. P. 5–10; переиздана: см. Beeston (Macdonald, Phillips) 2005. P. 175–179.

Beeston 1978a — *Beeston A. F. L.* A Minaean market code // BSOAS. 1978. 41. P. 142–145.

Beeston 1978b — *Beeston A. F. L.* Notes on Old South Arabian Lexicography XI // Le Muséon. 1978. 91. Fasc. 1–2. P. 195–209.

Beeston 1979a — *Beeston A. F. L.* Nemara and Faw // BSOAS. 1979. 42. P. 1–6.

Beeston 1979b — *Beeston A. F. L.* Some Observations on Greek and Latin Data Relating to South Arabia // BSOAS. 1979. 42. P. 7–12.

Beeston 1982 — *Beeston A. F. L.* Observations on the Texts from al-'Uqlah // PSAS. 1982. 12. P. 7–13.

Beeston 1984a — *Beeston A. F. L.* Sabaic Grammar. [Manchester]: University of Manchester, 1984 (Journal of Semitic Studies Monograph, No. 6).

Beeston 1984b — *Beeston A. F. L.* Himyarite Monotheism // Studies in the History of Arabia. T. II: Pre-Islamic Arabia / Ed. A. Abdalla, S. Al-Sakkar and R. Mortel under the supervision of A. al-Ansary. Riyadh: King Saud University Press, 1404 A. H. / 1984. P. 149–154.

Beeston 1985 — *Beeston A. F. L.* A Sabaeo-Hadramite 'Incident' // Mélanges linguistiques offerts à Maxime Rodinson par ses élèves, ses collègues et ses amis / Éd. par Ch. Robin. P.: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1985 (Comptes rendus du Groupe Linguistique d'études chamito-sémitiques, Supplément 12). P. 109–114.

Beeston 1986 — *Beeston A. F. L.* Free and Unfree: the Sayhadic Case // PSAS. 1986. 16. P. 1–6.

Beeston 1987 — *Beeston A. F. L.* Apologia for "Sayhadic" // PSAS. 1987. 17. P. 13–14; переиздана: см. Beeston (Macdonald, Phillips). 2005. P. 79–80.

Beeston 1989 — *Beeston A. F. L.* Mahmoud 'Ali Ghul and the Sabaean Cursive Script // Arabian Studies in Honour of Mahmoud Ghul: Symposium at Yarmouk University, December 8–11, 1984 / Ed. by M. M. Ibrahim Wiesbaden: On Commission with Otto Harrassowitz, 1989. P. 15–19 (Yarmouk University Publications. Institute of Archaeology and Anthropology Series. Vol. 2).

Beeston 1994 — *Beeston A. F. L.* Foreign Loanwords in Sabaic // Arab. Fel. 1994. P. 39–45.

Beeston 1995 — *Beeston A. F. L.* Sabaeans in Tihāma // AAE. 1995. 6. P. 236–245.

Beeston 1997 — *Beeston A. F. L.* YMN 19: A Sabaean Divorce Case? // Aktualisierte Beiträge zum 1. Internationalen Symposion SÜDARABIEN. 1997. P. 1–4.

Beeston 2005a — *Beeston A. F. L.* Sabaeans in North Arabia // Beeston (Macdonald, Phillips). 2005. P. 65–70.

Beeston 2005b — *Beeston A. F. L.* Observations on the Texts from al-'Uqlah // Beeston (Macdonald, Phillips) 2005. P. 133–140 (repr. from Beeston. 1982).

Beeston 2005c — *Beeston A. F. L.* Free and Unfree: the Sayhadic Case // Beeston (Macdonald, Phillips) 2005. P. 81–85 (repr. from Beeston 1986).

Beeston et al. 1982 — *Beeston A. F. L., Ghul M. A., Müller W. W., Ryckmans J.* Sabaic Dictionary (English-French-Arabic) / Dictionnaire sabéen (anglais-français-arabe). Louvain-la-Neuve: Édition Peeters; Beyrouth: Librarie du Liban, 1982 (Publication of the University of Sanaa, YAR).

Beeston (Macdonald, Phillips) 2005 — A. F. L. Beeston at the Arabian Seminar and other papers including a personal reminiscence by W. W. Müller / Ed. by M. C. A. Macdonald and C. S. Phillips. Oxford: Archaeopress, 2005.

Benoist et al. 2005 — *Benoist A., Mouton M., Schiettecatte J.* Makaynūn, un centre régional antique dans le Ḥaḍramawt oriental // Sab. Stud. 2005. P. 59–94.

Benoist et al. 2007 — *Benoist A., Lavigne O., Mouton M., Schiettecatte J.* Chronologie et évolution de l'architecture à Makaynūn: la formation d'un centre urbain à l'époque sudarabique dans le Ḥaḍramawt // PSAS. 2007. 37. P. 17–35.

Berent 2000 — *Berent M.* The Stateless *polis*: the Early State and the Ancient Greek Community // ASE. 2000. P. 225–241.

de Biberstein Kazimirski 1860 — *de Biberstein Kazimirski A.* Dictionnaire arabe-français. Vol. I–II. P.: Maisonneuve et Cie, 1860.

Biella 1982 — *Biella J. C.* Dictionary of Old South Arabic: Sabaean Dialect. Chico: Scholars Press, 1982 (Harvard Semitic Museum. Harvard Semitic Studies, N° 25).

Bonacossi 2002 — *Bonacossi D. M.* Excavations at Khor Rori: the 1997 and 1998 Campaigns // KhRR. 1. 2002. P. 29–69.

Boukharin 2002 — *Boukharin M.* The Name of Moscha Limén // KhRR. 1. 2002. P. 323–324.

Bowersock 1975 — *Bowersock G. W.* The Greek-Nabataean Bilingual Inscription at Ruwwāfa, Saudi Arabia // Le Monde Grec: pensée, littérature, histoire, documents. Hommages à Claire Préaux / Éd. par J. Bingen, G. Gambier et G. Nachtergael. Bruxelles: l'Université de Bruxelles, 1975. P. 513–522.

Bowersock 1993 — *Bowersock G. W.* The New Greek Inscription from South Yemen // To Hellēnikon. Studies in Honor of Speros Vryonis Jr. I: Hellenic Antiquity and Byzantium / Ed. J. S. Langdon et al. New Rochelle (N. Y.): Artistide D. Caratzas, 1993. P. 3–8 (переиздана: PR RAMRY. IV. 2010. P. 393–396).

Breton 1992a — *Breton J.-Fr.* Le site et la ville de Shabwa // Breton (éd.). 1992. P. 59–75.

Breton 1992b — *Breton J.-Fr.* Le château royal de Shabwa: notes d'histoire // Ibid. P. 209–227.

Breton 1992c — *Breton J.-Fr.* Conclusion: Shabwa et les capitales sud-arabiques (Ier–IVe siècle de notre ère) // Ibid. P. 419–431.

Breton 1996 — *Breton J.-Fr.* Quelques dates pour l'archéologie sudarabique // Arab. ant. 1996. P. 87–110.

Breton 1998 — *Breton J.-Fr.* Die Tempel von Shabwa // Jemen (Wien). 1998. S. 226–228.

Breton 2003 — *Breton J.-Fr.* Preliminary notes on the development of Shabwa // PSAS. 2003. 33. P. 199–213.

Breton (éd.) 1992 — Fouilles de Shabwa. II: Rapports préliminaires / Éd. par J.-Fr. Breton. P.: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1992 (Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Publication hors série, N° 19; Extrait de Syria. 68. 1991).

Breton (éd.) 1998 — Fouilles de Shabwa, III. Architecture et techniques de construction / Éd. par J.-Fr. Breton. Beyrouth: IFAPO, 1998 (IFAPO, BAH. T. 154).

Breton, Bāfaqīh 1993 — *Breton J.-Fr.*; *Bāfaqīh, Muḥammad 'Abd al-Qādir*. Trésors du Wādī Ḍura' (République du Yémen). Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar am-Dhaybiyya (IFAPO, BAH. T. 141). P.: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1993.

Breton, Darles 1998 — *Breton J.-Fr., Darles Ch.* Le grand temple // Breton (éd.). 1998. P. 95–151.

Breton et al. 1980 — *Breton J.-Fr., Badre L., Audouin R., Seigne J.* Wādī Ḥaḍramawt. Prospections 1978–1979. Aden: Centre culturel et de Recherches archéologiques, [1980].

Breton et al. 1980 (араб.) — *Breton J.-Fr., Badre L., Audouin R., Seigne J.* Вадӣ Ҳадрамаут. Танқӣбāт 1978–1979. 'Адан: ал-Марказ ал-йаманӣ ли-л-абḥāṣ ас̱-с̱аḳафӣйа ва-л-āс̱āр ва-л-матāḥиф, [1980].

Breton, Robin et al. 1987 — *Breton J.-Fr., Robin Ch., Seigne J., Audouin R.* La muraille de Naqab al-Haǧar (Yémen du Sud) // Syria. 1987. 64. P. 1–20.

Bron 1986 — *Bron Fr.* Palmyréniens et Chaldéens en Arabie du Sud // Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico. 1986. 3. P. 95–98.

Bron 1991a — *Bron Fr.* Notes sur les inscriptions de Shabwa // Syria. 1991. 68. P. 459–462.

Bron 1991b — *Bron Fr.* Les noms propres sudarabiques du type «*yf'l* + NOM DIVIN» // ESA (JR). 1991. P. 85–91.

Bron 1993 — *Bron Fr.* Sur une nouvelle inscription sabéenne // Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico. 1993. 10. P. 79–83.

Bron 1995a — *Bron Fr.* Los dioses y el culto de los Árabes preislámicos // Mitología y religión del Oriente Antiguo. II/2: Semitas Occidentales (Emar, Ugarit, Hebreos, Fenicios, Arameos, Árabes) / Obra colectiva editada por Gr. del Olmo Lete. Barcelona: Editorial AUSA, 1995. P. 413–446.

Bron 1995b — *Bron Fr.* Vestiges de l'écriture sud-sémitique dans le Croissant fertile // Prés. ar. 1995. P. 81–91.

Bron 1997 — *Bron Fr.* Quatre inscriptions sabéennes provenant d'un temple de dhū-Samawī // Syria. 1997. 74. P. 73–80.

Bron 1998 — *Bron Fr.* Ma'īn. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches. Paris; Rome, 1998 (IDIS. 3).

Bron 1999 — *Bron Fr.* L'inscription qatabanite de la porte nord de Timna' // Michael. Historical, Epigraphical and Biblical Studies In Honor of Prof. Michael Heltzer / Ed. by Y. Avishur and R. Deutsch. Tel Aviv — Jaffa: Archaeological Center Publications, 1999. P. 69–74.

Bron 2004 — *Bron Fr.* D'Aksum à Shabwat: alliés et ennemis du roi sabéen Sha'rum Awtar // Arabia. 2004. 2. P. 69–72.

Bron 2007 — *Bron Fr.* Notes d'épigraphie sudarabique III // Semitica. 2002–2007. 52–53. P. 111–124.

Bron 2008 — *Bron Fr.* Les dieux et les cultes de l'Arabie du Sud préislamique // Mythologie et religion des Sémites occidentaux. Vol. II: Émar, Ougarit, Israël, Phénicie, Aram, Arabie / Éd. par Gr. del Olmo Lete. Leuven; Paris; Dudley, MA.: Uitgeverij Peeters and Departement Oosterse Studies, 2008. P. 448–481.

Bron 2010a — *Bron Fr.* Quelques nouvelles inscriptions du Jawf // AAE. 2010. 21. P. 41–45.

Bron 2010b — *Bron Fr.* Nouvelles inscriptions sudarabiques // Semitica et Classica. 2010. 3. P. 163–175.

Bron, Lemaire 2009 — *Bron Fr., Lemaire A.* Nouvelle inscription sabéenne et le commerce en Transeuphratène // Transeuphratène. 2009. 38. P. 11–29. Pl. I–IV.

Brown, Beeston 1954 — *Brown W. L., Beeston A. F. L.* Sculptures and Inscriptions from Shabwa // JRAS. 1954. P. 43–62. Pl. XVIII–XXII.

Buffa, Sedov 2008 — *Buffa V., Sedov A. V.* The residential quarter: Area A // KhRR. 2. 2008. P. 15–59.

Buhl, Welch 1993 — *Buhl F., Welsh A. T.* Muḥammad. I: Le Muḥammad historique // EI^2 (fr.). 1993. VII. P. 363–377.

Calvet, Robin 1997 — *Calvet Y.*, *Robin Ch.* Arabie heureuse, Arabie déserte. Les antiquités arabiques du Musée du Louvre, avec la collaboration de Françoise Briquel-Chatonnet et de Marielle Pic. P.: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1997 (Notes et documents des musées de France. 31).

Casson 1989 — *Casson L.* The Periplus Maris Erythraei. Text with introduction, translation, and commentary. [Princeton]: Princeton University Press, 1989.

Caton Thompson 1944 — *Caton Thompson G.* The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadhramaut). Oxford: University Press, 1944 (Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London. No. XIII).

Cleveland 1960 — *Cleveland R. L.* The 1960 American Archaeological Expedition to Dhofar // BASOR. 159. October 1960. P. 14–26.

Colin 1988 — *Colin G.* À propos des graffites sud-arabiques du Ouādi Hammāmāt // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1988. 88. P. 33–36, fig. 1–2.

Conti Rossini 1941 — *Conti Rossini C.* Grammatica elementare della lingua etiopica. R.: Istituto per l'Oriente, 1941.

Darles 2008 — *Darles Ch.* Derniers résultats, nouvelles datations et nouvelles données sur les fortifications de Shabwa (Ḥaḍramawt) // PSAS. 2008. 38. P. 141–151.

Delaporte 1912 — *Delaporte L.* Épigraphes Araméens. Études de textes araméens gravés ou écrits sur des tablettes cunéiformes. P.: Librairie Paul Geuthner, 1912.

Demange 1998 — *Demange Fr.* La Mésopotamie au IIe et au Ier millénaire (salle 3) // Louvre. Guide du visiteur. Les Antiquités orientales. Nouvelle édition augmentée. P.: Réunion des Musées Nationaux, 1998. P. 56–69.

Dillmann 1865 — *Dillmann A.* Lexicon linguae aethiopicae cum indice latino. Lipsiae: T. O. Weigel, 1865.

Doe 1971 — *Doe B.* Southern Arabia. [L.]: Thames and Hudson, 1971.

Drewes 1954 — *Drewes A. J.* Some Hadrami Inscriptions // Bibliotheca Orientalis. 1954. 11. P. 93–94. Pl. III.

Edens 2002 — *Edens Ch.* Before Saba // Queen of Sheba. Treasures from Ancient Saba / Ed. by St J. Simpson. L.: The British Museum Press, 2002. P. 80–87.

Eichmann, Schaudig, Hausleiter 2006 — *Eichmann R.*, *Schaudig H.*, *Hausleiter A.* Archaeology and Epigraphy at Tayma (Saudi Arabia) // AAE. 2006. 17. P. 163–176.

Eph'al 1984 — *Eph'al I.* The Ancient Arabs. Nomads on the Borders of the Fertile Crescent, 9th–5th Centuries B.C. Jerusalem: The Magnes Press, The Hebrew University, 1984.

Fakhry (Ryckmans G.). 1952 — *Fakhry A.* An Archaeological Journey to Yemen (March–May, 1947). Pt. II: *Ryckmans G.* Epigraphical Texts. Cairo: Government Press, 1952.

Frantsouzoff 1993 — *Frantsouzoff S. A.* Sur l'origine du terme arabe MIṢR^{un} // ПВ. 1993. Вып. 3. P. 179–186.

Frantsouzoff 1995 — *Frantsouzoff S. A.* The inscriptions from the temples of Dhāt Ḥimyam at Raybūn // PSAS. 1995. 25. P. 15–27. Pl. I–II.

Frantsouzoff 1996 — *Frantsouzoff S. A.* A Gezerah-Decree from Ancient Southern Arabia (new approach to the interpretation of MAFRAY–Ḥaṣī 1) // ARAM Periodical. 1996. 8 (1 & 2). P. 299–306.

Frantsouzoff 1997a — *Frantsouzoff S. A.* Рец. на: ЮА. 2/1 // Bulletin critique des annales islamologiques. 1997. N° 13. P. 117–121.

Frantsouzoff 1997b — *Frantsouzoff S. A.* Regulation of conjugal relations in ancient Raybūn // PSAS. 1997. 27. P. 113–127.

Frantsouzoff 1998 — *Frantsouzoff S. A.* A parallel to the Second Commandment in the inscriptions of Raybūn // PSAS. 1998. 28. P. 61–67.

Frantsouzoff 1999a — *Frantsouzoff S. A.* Ḥaḍramitic Documents Written on Palm-Leaf Stalks // PSAS. 1999. 29. P. 55–65.

Frantsouzoff 1999b — *Frantsouzoff S. A.* Die Frau im antiken Südarabien // ILKS. 1999. S. 151–169.

Frantsouzoff 1999c — *Frantsouzoff S. A.* Old Ḥaḍramī Roots of an Enigmatic Qur'ānic Term // Cultural Anthropology of Southern Arabia: Hadramawt Revisited | Культурная антропология Южной Аравии. St. Petersburg: МАЭ РАН, 1999. P. 34–44. Pl. 2.

Frantsouzoff 2000 — *Frantsouzoff S. A.* The Society of Raybūn // ASE. 2000. P. 258–265.

Frantsouzoff 2001a — *Frantsouzoff S.* Raybūn. Ḥaḍrān, temple de la déesse ʿAthtar^{um}/ʿAśtar^{um}, avec une contribution archéologique par A. Sedov. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches. Paris; Rome, 2001 (IDIS. 5).

Frantsouzoff 2001b — *Frantsouzoff S. A.* Le "tailleur de pierre" (*grby-n / -hn*) dans les inscriptions sudarabiques // Raydān. 2001. 7. P. 127–143.

Frantsouzoff 2001c — *Frantsouzoff S. A.* Epigraphic evidence for the cult of the god Sīn at Raybūn and Shabwa // PSAS. 2001. 31. P. 59–67.

Frantsouzoff 2002 — *Frantsouzoff S. A.* Le royaume antique du Ḥaḍramawt et son rôle dans l'histoire de l'Arabie du Sud pré-islamique // École Pratique des Hautes Études, Section des sciences historiques et philologiques. Livret-annuaire, 2000–2001. 16. Cent trente-troisième année. P.: à la Sorbonne, 2002. P. 51–53.

Frantsouzoff 2003a — *Frantsouzoff S. A.* En marge des inscriptions de Raybūn. Remarques sur la grammaire, le lexique et le formulaire de la langue ḥaḍramoutique épigraphique // Arabia. 2003. 1. P. 39–58, 211–213, pl. 6–8.

Frantsouzoff 2003b — *Frantsouzoff S. A.* Raybūn et La Mecque (politique et religion en Arabie préislamique) // Arabia. 2003. 1. P. 59–63.

Frantsouzoff 2003c — *Frantsouzoff S. A.* Annexe. Projet de publication des textes de Raybūn dans l'*Inventaire des inscriptions sudarabiques* // Arabia. 2003. 1. P. 64.

Frantsouzoff 2003d — *Frantsouzoff S. A.* The Hadramitic funerary inscription from the cave-tomb at al-Rukba (Wādī Ghabr, Inland Ḥaḍramawt) and burial ceremonies in ancient Ḥaḍramawt // PSAS. 2003. 33. P. 251–265.

Frantsouzoff 2004 — *Frantsouzoff S. A.* Temples, Tribes, Rulers and Military Campaigns of Ancient Ḥaḍramawt: Harmony and Disagreement between Archaeological Material and Epigraphic Data // Arabia. 2004. 2. P. 73–85, 217–221, fig. 43–49.

Frantsouzoff 2005a — *Frantsouzoff S. A.* Appendix III. Epigraphic Documentation from Ḥaḍramawt // Sedov 2005. P. 193–216. Pl. XXVII, 2, XXVIII, XXIX, XXX, 2, XXXIV, 3–4, XXXV, XXXVI, 1–2, XLVI, 1, XLVIII–L.

Frantsouzoff 2005b — *Frantsouzoff S. A.* Ḏāt Ḥimyam // EAE. 2005. 2. P. 107–108.

Frantsouzoff 2005c — *Frantsouzoff S.* Une nouvelle inscription ḥaḍramawtique datée par éponyme // Sab. Stud. 2005. P. 247–258.

Frantsouzoff 2005d — *Frantsouzoff S. A.* The Chronological Frame for the History of Raybūn (Inland Ḥaḍramawt): Linguistic and Palaeographic Criteria // ABADY. 2005. 10. P. 9–20.

Frantsouzoff 2006a — *Frantsouzoff S. A.* A Minaic inscription on the pedestal of an ibex figurine from the British Museum // PSAS. 2006. 36. P. 69–77.

Frantsouzoff 2006b — *Frantsouzoff S. A.* South Arabian Minuscule Writing and Early Ethiopian Script of Pre-Aksumite Graffiti: Typological Resemblance or Genetic Interdependence? // Proceedings of the XVth International Conference of Ethiopian Studies, Hamburg, July 20–25,

2003 / Ed. by S. Uhlig. Assistant Editors: M. Bulakh, D. Nosnitsin and Th. Rave. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. P. 572–586.

Frantsouzoff 2007a — *Frantsouzoff S.* Raybūn. Kafas/Na‘mān, temple de la déesse Dhāt Ḥimyam, avec une contribution archéologique d’A. Sedov et de J. Vinogradov. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches. Paris; Rome, 2007 (IDIS. 6).

Frantsouzoff 2007b — *Frantsouzoff S.* L’apport des inscriptions de Raybūn VI à l’épigraphie sudarabique (campagne des fouilles de 2004) // Arabia. 2005–2006. 3. (P.: De Boccard, 2007). P. 141–159, 331–334, fig. 76–90.

Frantsouzoff 2007c — *Frantsouzoff S. A.* Gə‘əz inscriptions in South Arabia (раздел в статье “Inscriptions”) // EAE. 2007. 3. P. 162–163.

Frantsouzoff 2009a — *Frantsouzoff S. A.* The status of sacred pastures according to Sabaic inscriptions // PSAS. 2009. 39. P. 155–162.

Frantsouzoff 2009b — *Frantsouzoff S.* The Final Passages in two Hadramitic Inscriptions from Dhofar (Khor Rori 3 and 4). What do They Really Mean? // Semitica et Classica. 2009. 2. P. 14, 141–145.

Frantsouzoff 2010 — *Frantsouzoff S. A.* Once more on the interpretation of *mṯl* in Epigraphic South Arabian (a new expiatory inscription on irrigation from Kamna) // PSAS. 2010. 40. P. 19–27.

Frantsouzoff 2013 — *Frantsouzoff S. A.* L’éponymat ḥaḍramawtique et sa place parmi les systèmes de datation par éponyme attestés au Yémen antique // Entre Carthage et l’Arabie heureuse. Mélanges offerts à François Bron / Éd. par Fr. Briquel Chatonnet, Catherine Fauveaud & Iwona Gajda. P.: De Boccard, 2013 (Orient & Méditerranée, n° 12). P. 49–61.

Frantsouzoff (à paraître)a — *Frantsouzoff S.* Nihm, avec une contribution de Ch. J. Robin. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches. Paris; Rome (IDIS) (в печати).

Frantsouzoff (à paraître)b — *Frantsouzoff S.* Bi’r Ḥamad, avec une contribution archéologique d’A. Sedov. Paris; Rome (IDIS) (в печати).

Frantsouzoff (à paraître)c — *Frantsouzoff S.* Sur le droit d’hérédité en Arabie méridionale antique // Recueil offert à Christian Julien Robin à l’occasion de son 70ème anniversaire. P. (в печати).

Frantsouzoff (forthcoming) — *Frantsouzoff S. A.* A Sabaean goddess in Ḥaḍramawt and some peculiarities of her cult at the temple Raḥbān (site Raybūn I) // Festschrift Walter W. Müller zum 70. Geburtstag / Hrsg. von St. Weninger. Wiesbaden: Harrassowitz (в печати).

Frantsouzoff, Prioletta 2013 — *Frantsouzoff S., Prioletta A.* Sur le nom du temple du dieu Siyān dégagé à Raybūn VI // Raydān. 2013. 8. P. 91–101.

Frisk 1927 — *Frisk H.* Le Périple de la mer Érythrée, suivi d’une étude sur la tradition et la langue. Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag, 1927 (Göteborgs Högskolas Årsskrift. 1927. XXXIII: 1).

Fussman 1991 — *Fussman G.* Le *Périple* et l’histoire politique de l’Inde // JA. 1991. T. 279. P. 31–38.

Gajda 2004 — *Gajda I.* Une nouvelle inscription juive de Ẓafār // Scr. Yem. 2004. P. 197–202.

Gajda 2005 — *Gajda I.* The earliest monotheistic South Arabian inscription // ABADY. 2005. 10. P. 21–29.

Gajda 2009 — *Gajda I.* Le royaume de Ḥimyar à l’époque monothéiste. L’histoire de l’Arabie du Sud ancienne de la fin du IVe siècle de l’ère chrétienne jusqu’à l’avènement de l’islam / Préface Ch. Robin. P.: Diffusion de Boccard, 2009 (Mémoires de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. T. 40).

Galter 1993 — *Galter H. D.* … an der Grenze der Länder im Westen“. Saba’ in den assyrischen Königsinschriften // Studies in Oriental Culture and History. Festschrift for Walter Dostal / Ed. by A. Gingrich et al. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1993. S. 29–40.

Garbini 1970a — *Garbini G.* Una bilingue sabaeo-ebraica da Zafar // AION. 1970. 30 (N. S. XX). P. 153–165.

Garbini 1970b — *Garbini G.* Antichità yemenite. II // AION. 1970. 30 (N. S. XX). P. 537–548. Tav. XIX–XLVI.

Garbini 1971 — *Garbini G.* Inscrizioni sabee da Hakir // AION. 1971. 31 (N. S. XXI). P. 303–311. Pl. I–III.

Garbini 1975 — *Garbini G.* I primi ‘‘mukarrib’’ di Saba // Mélanges de l’Université St.-Joseph. 1975–1976. 49. P. 691–706. Pl. 1.

Garbini 1991 — *Garbini G.* La successione dei “mukarrib” di Saba // ESA (JR). 1991. P. 93–99.

Garbini 1996 — *Garbini G.* La chronologie «longue»: une mise au point // Arab. ant. 1996. P. 15–22.

Garbini 2004 — *Garbini G.* The origins of South Arabians // Scr. Yem. 2004. P. 203–209.

Garelli, Lemaire 2001 — *Garelli P., Lemaire A.* Le Proche-Orient Asiatique. T. 2: Les Empires mésopotamiens. Israël. 4e édition corrigée. P.: Presses universitaires de France, 2001.

Ghul 1959 — *Ghul M. A.* New Qatabāni Inscriptions — II // BSOAS. 1959. 22. P. 419–438. Pl. I–III.

Gnoli 1993 — *Gnoli G.* Shaqab al-Manaṣṣa. Parigi; Roma, 1993 (IDIS. 2).

Gnoli 1996 — *Gnoli G.* Il syncronismo mineo-persiano // Arab. ant. 1996. P. 23–34.

Groom 1995 — *Groom N.* The Periplus, Pliny and Arabia // AAE. 1995. 6. P. 180–195.

Groom 1997 — *Groom N.* Les parfums de l’Arabie // Yémen (Paris). 1997. P. 70–75.

Hahn 2003 — *Hahn W.* Coinage // EAE. 2003. Vol. 1. P. 766–770.

Hamdani (Müller D.) — Al-Hamdânî’s Geographie der Arabischen Halbinsel / Hrsg. von D. H. Müller. Bd. I–II. Leiden: E. J. Brill, 1884, 1891.

Hamza (Gottwaldt) — Hamzae Ispahanensis Annalium libri X / Ed. I. M. E. Gottwaldt. T. I: Textus arabicus. Petropoli: Sumtibus editoris; Lipsiae: in commissis Leopoldum Voss, 1844; T. II: Translatio latina. Lipsiae: Sumptibus Fr. Chr. Guil. Vogelii, 1848.

Harding 1971 — *Harding G. L.* An Index and Concordance of Pre-Islamic Arabian Names and Inscriptions. Toronto & Buffalo: University of Toronto Press, 1971 (Near and Middle Eastern Series. 8).

Hayajneh 1998 — *Hayajneh H.* Die Personennamen in den qatabānischen Inschriften. Lexikalische und grammatische Analyse im Kontext der semitischen Anthroponomastik. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1998 (Texte und Studien zur Orientalistik. Bd. 10).

Hayajneh 2001 — *Hayajneh H.* First evidence of Nabonidus in the Ancient North Arabian inscriptions from the region of Taymā’ // PSAS. 2001. 31. P. 81–95.

Hayajneh 2005 — *Hayajneh H.* Ein Prozeß über Zuteilung von Datteln in einer neuen ḥaḍramitischen Inschrift // Studia Semitica et Semitohamitica. Festschrift für Rainer Vogt anläßlich seines 60. Geburtstages am 17. Januar 2004 / Hrsg. von B. Burtea, J. Tropper und H. Younansardaroud. Münster: Ugarit-Verlag, 2005 (Alter Orient und Altes Testament. Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte des Alten Orient und des Alten Testaments / Hrsg. von M. Dietrich, O. Loretz. Bd. 317). S. 109–124.

Höfner 1973 — *Höfner M.* Inschriften aus Ṣirwâḥ Ḫaulân (I. Teil). SEG VIII. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973 (SBAWW. 291. Bd. 1. Abh.).

Höfner 1976 — *Höfner M.* Inschriften aus Ṣirwâḥ Ḫaulân (II. Teil) mit einem Anhang von W. W. Müller. SEG XII. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976 (SBAWW. 304. Bd. 5. Abh.).

Höfner, Mlaker, Rhodokanakis 1934 — *Höfner M., Mlaker K., Rhodokanakis N.* Zur altsüdarabischen Epigraphik und Archäologie. II // WZKM. 1934. 41. S. 69–106.

Hommel 1900 — *Hommel Fr.* Aufsätze und Abhandlungen. II. München: Verlag von Hermann Lukaschik, G. Franz’sche Hofbuchhandlung, 1900.

Hommel 1927 — *Hommel Fr.* Geschichte Südarabiens im Umriss // Handbuch der altarabischen Alterumskunde / In Verbindung mit Fr. Hommel und N. Rhodokanakis hrsg. von D. Nielsen. I. Bd: Die altarabische Kultur. Kopenhagen: Nyt Nordisk Forlag Anrold Busck; Paris: Paul Geuthner; Leipzig: Otto Harrassowitz, 1927. S. 57–108 (Kap. 2).

Huffmon 1965 — *Huffmon H. B.* Amorite Personal Names in the Mari Texts. A Structural and Lexical Study. Baltimore: The John Hopkins Press, 1965.

Hulton 2003 — *Hulton J.* South Arabia. The 'Palinurus' Journals / Ed. by W. A. Hulton. Newly reset with new and original maps and illustration and a new introduction by Carl Phillips. Cambridge; New York: The Oleander Press, 2003.

Ibn al-Kalbi (Caskel) — *Caskel W.* Ǧamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hišām ibn Muḥammad al-Kalbī. Bd. I–II. Leiden: E. J. Brill, 1966.

Ilan 2002 — *Ilan, Tal*. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. Pt. I: Palestine 330 BCE — 200 CE. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 2002 (Texts and Studies in Ancient Judaism / Ed. by M. Hengel & P. Schäfer, 91).

Ilan. 2012 – *Ilan, Tal*. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. Pt. II: Palestine 200–650. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 2012 (Texts and Studies in Ancient Judaism / Ed. by P. Schäfer et al., 148).

al-Iryani, Garbini 1970 — *al-Iryani M.*, *Garbini G.* A Sabaean Rock-Engraved Inscription at Mosna' // AION. 1970. 30 (N. S. XX). P. 405–408.

Jacut (Wüstenfeld) — Jâcût's geographisches Wörterbuch… / Hrsg. von F. Wüstenfeld. 1.–6. Bde. Lpz.: In Commission bei F. A. Brockhaus, 1866–1869, 1875, 1870.

Jamme 1948 — *Jamme A.* Une nouvelle épithète de la déesse solaire ḥaḍramoutique // Le Muséon. 1948. 61. P. 59–64.

Jamme 1953 — *Jamme A.* Une inscription ḥaḍramawtique en bronze // Orientalia. 1953. 22. P. 158–165.

Jamme 1955a — *Jamme A.* Inscriptions des alentours de Mareb (Yémen) // Cahiers de Byrsa. 1955. 5. P. 265–281. Pl. I–II.

Jamme 1955b — *Jamme A.* Some Qatabanian Inscriptions Dedicating "Daughters of God" // BSOAS. April, 1955. 138. P. 39–47.

Jamme 1956 — *Jamme A.* L'inscription ḥaḍramawtique Ingrams 1 et la chasse rituelle sud-arabe // Le Muséon. 1956. 69. P. 99–108.

Jamme 1957 — *Jamme A.* La paléographie sud-arabe de J. Pirenne. Washington, 1957 (личная публикация).

Jamme 1958 — *Jamme A.* The She'b edh-Dhaqab Inscriptions // Archaeological Discoveries in South Arabia / Ed. by R. Le Baron Bowen, Jr.; Fr. P. Albright. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1958 (PAFSM. II). P. 118, pl. 75–76; 143–145, 147, pl. 95.

Jamme 1962 — *Jamme A.* Sabaean Inscriptions from Maḥram Bilqîs (Mârib). Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962 (PAFSM. III).

Jamme 1963 — *Jamme A.* The Al-'Uqlah Texts. Washington: The Catholic University of America Press, 1963 (Documentation Sud-Arabe, III).

Jamme 1965 — *Jamme A.* À propos des rois ḥaḍramoutiques de al-'Uqlah. Washington, Février 1965 (личная публикация).

Jamme 1966 — *Jamme A.* Sabaean and Ḥasaean Inscriptions from Saudi Arabia. R.: Istituto di Studi del Vicino Oriente, Università di Roma, 1966 (Studi Semitici. 23).

Jamme 1967 — *Jamme A.* Two New Hadrami Inscriptions from Zôfar // Bibliotheca Orientalis (Leiden). Jaargang XXIV. Mei–Juli, 1967. N° 3/4. P. 145–148. Pl. II.

Jamme 1970a — *Jamme A.* The Pre-Islamic Inscriptions of the Riyâdh Museum // Oriens antiquus. 1970. IX. P. 115–139.

Jamme 1970b — *Jamme A.* Liḥyanite, Sabaean and Thamudic Inscriptions from Western Saudi Arabia // Rivista degli Studi orientali. 1970. 45. P. 91–113. Pl. I–X.

Jamme 1972 — *Jamme A.* Miscellanées d'ancient *(sic!)* arabe, III. Washington, 1972 (личная публикация).

Jamme 1974 — Miscellanées d'ancient *(sic!)* arabe, VII. Washington, 1974 (личная публикация).

Jamme 1979 — *Jamme A.* Miscellanées d'ancient *(sic!)* arabe, IX. Washington, 1979 (личная публикация).

Jamme 1980 — *Jamme A.* Miscellanées d'ancient *(sic!)* arabe, XI. Washington, 1980 (личная публикация).

Jamme 1982 — *Jamme A.* Miscellanées d'ancient *(sic!)* arabe, XII, in remembrance of the 30th anniversary of the ultimely withdrawal of the American Foundation for the Study of Man 1951–1952 Mârib excavation campaign. Washington, 1982 (личная публикация).

Kitchen 1971 — *Kitchen K. A.* Punt and How to Get There // Orientalia. 1971. 40. P. 184–207.

Kitchen 1982 — *Kitchen K. A.* Punt // Lexikon der Ägyptologie / Hrsg. von W. Helck und W. Westendorf. Lieferung. 32 (Bd. IV, Lieferung. 8). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982. Kol. 1198–1201.

Kitchen 1993 — *Kitchen K. A.* The land of Punt // The Archaeology of Africa. Food, Metals and Towns / Ed. by Th. Shaw et al. London; New York: Routledge, 1993. P. 587–612.

Kitchen 1997 — *Kitchen K. A.* L'Égypte en quête des résines aromatiques // Yémen (Paris). 1997. P. 49.

Kitchen 1998a — *Kitchen K. A.* Punt, Ägypten und die Suche nach Räucherharzen // Jemen (Wien). 1998. S. 56–57.

Kitchen 1998b — *Kitchen K. A.* Three unsual Sabaean inscriptions in bronze // PSAS. 1998. 28. P. 149–156.

Kitchen 1999 — *Kitchen K. A.* Further thoughts on Punt and its neighbours // Studies on Ancient Egypt in Honour of H. S. Smith / Ed. by A. Leahy and J. Tait. L.: The Egypt Exploration Society, 1999 (The Egypt Exploration Society. Occasional Publications. 13). P. 173–178.

Kitchen 2007 — *Kitchen K. A.* On the Reliability of the Old Testament. Grand Rapids (Michigan): W. B. Eerdmans Publishing Co., 2007.

Korotayev 1994a — *Korotayev A.* Was the "Traditional Sabaean Dynasty" of the 1st Century A.D. Really Sabaean? // Archív Orientální. 1994. 62. P. 27–31.

Korotayev 1994b — *Korotayev A.* Middle Sabaean Cultural-Political Area: Problem of Local Taxation and Temple Tithe (*ʿs²r*) // Le Muséon. 1994. 107. P. 15–22.

Korotayev 1994c — *Korotayev A.* Sabaean Cultural-Political Area in the 2nd and 3rd Centuries AD: Problem of Taxation at the Kingdom Level and Temple Tithe // AION. 1994. 54. P. 1–14.

Korotayev 1996 — *Korotayev A.* How could Royal Power Exist without Royal Taxation? // PSAS. 1996. 26. P. 75–78.

Korotayev, Kradin, de Munck, Lynsha 2000 — *Korotayev A. V., Kradin N. N., de Munck V., Lynsha V. A.* Alternativity of Social Evolution: Introductory Notes // ASE. 2000. P. 12–51.

Kropp 1991 — *Kropp M.* Blut- oder Dauerregen im alten Arabien? Zu den frühnordarabischen Inschriften aus Qaryat al-Fāw // Proceedings of the Fifth International Hamito-Semitic Congress. Bd. 2: Cushitic, Egyptian, Omotic, Semitic / Ed. by H. G. Mukarovsky. Wien: Afro-Pub, 1991 (Veröffentlichungen der Institute für Afrikanistik und Ägyptologie der Universität Wien, Nr. 57; Beiträge zur Afrikanistik, Bd. 41). S. 245–257.

Kropp 2002 — *Kropp M.* Individual public confession and pious *ex voto*, or stereotypical and stylized trial document and stigmatizing tablet for the pillory? The expiation texts in Ancient South Arabian // PSAS. 2002. 32. P. 203–208.

Kropp, Hahn 1997 — *Kropp M.*, *Hahn W.* Letters on the cheek of Athena: the denominations of the Sabaean *sigloi* and their numerical signs // PSAS. 1997. 27. P. 159–164.

Lambert 1972 — *Lambert W. G.* Nabonidus in Arabia // Proceedings of the Fifth Seminar for Arabian Studies held at the Oriental Institute, Oxford, 22nd and 23rd September, 1971. L., 1972. P. 53–64.

Landberg 1901 — *de Landberg C.* Études sur les dialectes de l'Arabie méridionale. Vol. 1: Ḥaḍramoût. Leide: E. J. Brill, 1901.

Landberg 1920–1942 — *de Landberg C.* Glossaire daṯînois. Vol. I–II. Leide: E. J. Brill, 1920, 1923; vol. III, publié par K. V. Zetterstéen. Leiden: E. J. Brill, 1942.

Lane 1863–1893 — *Lane E. W.* An Arabic-English Lexicon. Book I. Pt. 1–8 (общая пагинация). London; Edinburgh: Williams and Norgate, 1863–1893.

Lemaire 1996 — *Lemaire A.* Histoire du Proche-Orient et chronologie sudarabique avant Alexandre // Arab. ant. P. 35–48.

Leslau 1987 — *Leslau W.* Comparative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic). Ge'ez–English / English–Ge'ez with an index of the Semitic roots. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987.

Leslau 1989 — *Leslau W.* Concise Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1989.

Lipiński 1990 — *Lipiński É.* Les Japhétites selon Gen 10,2–4 et 1 Chr 1,5–7 // ZAh. 1990. 3. Bd. Heft 1. P. 40–53.

Lipiński 1992 — *Lipiński É.* Les Chamites selon Gen 10,6–20 et 1 Chr 1,8–16 // ZAh. 1992. 5. Bd. P. 135–162.

Lipiński 1993 — *Lipiński É.* Les Sémites selon Gen 10,21–30 et 1 Chr 1,17–23 // ZAh. 1993. 6. Bd. P. 193–215.

Liverani 1992 — *Liverani M.* Early Caravan Trade between South-Arabia and Mesopotamia // Yemen. Studi archeologici, storici e filologici sull'Arabia meridionale. 1992. 1. P. 111–115.

Lombardi 2002 — *Lombardi A.* Archaeological investigation of the Gate Complex of Sumhuram: 1999–2000 Seasons // KhRR. 1. 2002. P. 111–124.

Lombardi, Buffa, Pavan 2008 — *Lombardi A.*, *Buffa V.*, *Pavan A.* Small finds // KhRR. 2. 2008. P. 317–475.

Lundin 1973 — *Lundin A. G.* Le régime citadin de l'Arabie du Sud aux IIe — IIIe siècles de notre ère // Proceedings of the Sixth Seminar for Arabian Studies held at the Institute of Archaeology, London 27th and 28th September 1972. L., 1973. P. 26–28.

Lundin 1981 — *Lundin A. G.* Les principes de la succession au trône dans l'Arabie du Sud ancienne // Raydān. 4. 1981. P. 37–41.

Lundin 1997 — *Lundin A. G.* Eine Grabinschrift aus der Nekropole Raybūn XVI // Mare Erythræum, I. München: Staatliches Museum für Völkerkunde, 1997. S. 27–30.

Loundine 1987 — *Loundine A. G.* L'abécédaire de Beth Shemesh // Le Muséon. 1987. 100. P. 243–250.

de Maigret 1997 — *de Maigret A.* L'aube de l'histoire dans le Yémen intérieur // Yémen (Paris). 1997. P. 50–52.

de Maigret 1998a — *de Maigret A.* The Arab nomadic people and the cultural interface between the 'Fertile Crescent' and 'Arabia Felix' // AAE. 1998. 10. P. 220–224.

de Maigret 1998b — *de Maigret A.* Anfänge, Ausbreitung und Entwicklung des altsüdarabischen Kulturhorizonts // Jemen (Wien). 1998. S. 157–159.

de Maigret, Robin 1989 — *de Maigret A., Robin Ch. J.* Les fouilles italiennes de Yalâ (Yémen du Nord): nouvelles données sur la chronologie de l'Arabie du Sud préislamique // CRAIBL. 1989 (avril–juin). P. 255–291.

de Maigret (ed.) 1988 — The Sabaean Archaeological Complex in the Wādī Yalâ (Eastern Ḫawlān aṭ-Ṭiyāl, Yemen Arab Republic). A Preliminary Report / Ed. by A. de Maigret. Rome: IsMEO, 1988 (IsMEO, Centro studi e scavi archeologici, Reports and Memoirs. Vol. XXI).

Maraqten 1996a — *Maraqten M.* The Aramaic pantheon of Taymā' // AAE. 1996. 7. P. 17–31.

Maraqten 1996b — *Maraqten M.* An Inscribed Amulet from Shabwa // AAE. 1996. 7. P. 88–94.

Maraqten 2006 — *Maraqten M.* Legal documents recently discovered by the AFSM at Maḥram Bilqīs, near Mārib, Yemen // PSAS. 2006. 36. P. 53–67.

Matsumoto 1994 — *Matsumoto H.* The history of *ʾuzlah* and *mikhlāf* in North Yemen // PSAS. 1994. 24. P. 174–182.

Mettinger 1995 — *Mettinger T. N. D.* No Graven Image? Islaelite Aniconism in Its Ancient Near Eastern Context. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1995 (Coniectanea Biblica. Old Testament Series. 42).

Mettinger 2004 — *Mettinger T. N. D.* The Absence of Images: the Problem of the Aniconic Cult at Gades and Its Religio-Historical Background // Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico. 2004. 21. P. 89–100.

Moberg 1924 — The Book of the Himyarites. Fragments of a hitherto unknown Syriac work / Ed., with introduction and translation by A. Moberg. Lund: G. W. K. Gleerup; London: Humphrey Milford; Oxford: Oxford University Press; Paris: Édouard Champion; Leipzig: O. Harrassowitz, 1924 (Acta Reg. Societatis humaniorum litterarum Lundensis. VII).

Mouton 2004 — *Mouton M.* Irrigation et formation de la société antique dans les basses-terres du Yémen: un essai de modèle // Syria. 2004. 81. P. 81–104.

Mouton et al. 2006 — *Mouton M., Benoist A., Schiettecatte J., Arbach M., Bernard V.* Makaynūn, an ancient South Arabian site in the Ḥaḍramawt // PSAS. 2006. 36. P. 229–242.

Müller W. 1964 — *Müller W. W.* Рец. на: Jamme. 1963 // Bibliotheca Orientalis. 1964. 21. P. 379–380.

Müller W. 1972 — *Müller W. W.* Zwei weitere Bruchstüke der äthiopischen Inschrift aus Mārib // NESE. 1972. Bd. 1. S. 59–74, Taf. VIII: Abb. 23–24, Taf. IX: Abb. 25.

Müller W. 1974 — *Müller W. W.* Die angeblichen "Töchter Gottes" im Licht einer neuen qatabānischen Inschrift // NESE. 1974. Bd. 2. S. 145–148, Taf. XII: Abt. 40–42.

Müller W. 1976 — *Müller W. W.* Neuinterpretation altsüdarabischer Inschriften: RES 4698, CIH 45 + 44, Fa 74 // AION. 1976. 36 (N. S. XXVI). S. 55–67. Tav. I–IV.

Müller W. 1978a — *Müller W. W.* Sabäische Felsinschriften von der jemenitischen Grenze zur Rub' al-Ḫālī // NESE. 1978. Bd. 3. S. 113–136. Taf. V–VIII: Abb. 15–23.

Müller W. 1978b — *Müller W. W.* Die Sabäische Felsinschrift von Maṣna'at Māriya // NESE. 1978. Bd. 3. S. 137–148.

Müller W. 1981 — *Müller W. W.* Das Ende des antiken Königreichs Ḥaḍramaut. Die sabäische Inschrift Schreyer-Geukens = Iryani 32 // Al-Hudhud. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag / Hrsg. von R. G. Stiegner. Graz: RM-Druck & Verlagsgesellschaft mbH, 1981. S. 225–256.

Müller W. 1998 — *Müller W. W.* Saba // Neues Bibel-Lexicon. Lief. 12 (Qudschu–Satan) / Hrsg. von M. Görg und B. Lang. Redaktion und Schriftleitung: B. Fuß und G. Gafus. Braunschweig: Benziger, 1998. Kol. 387–388.

Müller W. 2002 — *Müller W. W.* Der böhmische Südarabienreisende Eduard Glaser (1855–1908) und seine Bedeutung für die Erforschung des antiken Jemen // Schriften der Sudetendeutschen Akademie der Wissenschaften und Künste. Bd. 23: Forschungsbeiträge der Geisteswissenschaftlichen Klasse. München, 2002. S. 195–220.

Müller W. 2005a — *Müller W. W.* Ḥaḍramawt // EAE. 2005. Vol. 2. P. 965–966.

Müller W. 2005b — *Müller W. W.* Glaser, Eduard // EAE. 2005. Vol. 2. P. 814–815.

Müller W. 2010 — *Müller W. W.* Sabäische Inschriften nach Ären datiert. Bibliographie, Texte und Glossar. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010 (Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission der Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz. Bd. 53).

Multhoff 2009 — *Multhoff A.* “A parallel to the Second Commandment…” revisited // PSAS. 2009. 39. P. 295–301.

Munro-Hay 2003 — *Munro-Hay St.* Coinage of Arabia Felix. The Pre-Islamic Coinage of the Yemen. München: Staatliches Museum für Völkerkunde, 2003 (Mare Erythræum. VI; Nomismata. 5).

Naveh. 2003 —

יוסף נוה, כתובת קבר דו־לשונית משבא // לשוננו, כרך 65, חוברת 2, אדר ב׳ התשס״ג,
עמ׳ 171–120

(есть англ. резюме: *Naveh J.* A Bilingual Burial Inscription from Saba // Lĕšonénu. A Journal for the Study of the Hebrew Language and Cognate Subjects. Vol. LXV. No. 2, 5763, March 2003. P. II). Nebe, Sima, 2004. — *Nebe G. W., Sima A.* Die aramäish/hebräisch–sabäische Grabinschrift der Lea // AAE. 2004. 15. P. 76–83.

Nebes 1996 — *Nebes N.* Ein Kriegszug ins Wadi Ḥaḍramawt aus der Zeit des Damar‘alī Yuhabirr und Ta’rān Yuhan’im // Le Muséon. 1996. 109. S. 279–297.

Nebes 2001 — *Nebes N.* Zur Genese der altsüdarabischen Kultur. Eine Arbeitshypothese // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November, 1999 / hrsg. von R. Eichmann und H. Parzinger. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2001 (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 6). S. 427–435.

Nebes 2004 — *Nebes N.* A new ’Abraha inscription from the Great Dam of Mārib // PSAS. 2004. 34. P. 221–230.

Nebes 2007 — *Nebes N.* Ita’amar der Sabäer: Zur Datierung der Monumetalinschrift des Yiṯa‘’amar Watar aus Ṣirwāḥ // AAE. 2007. 18. S. 25–33.

Noth 1928 — *Noth M.* Die israelitischen Personennamen im Rahmen der gemeinsemitischen Namengebung. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1928 (Beiträge zur Wissenschaft vom Alten und Neuen Testament, hrsg. von R. Kittel, 3. Folge, Heft, 10).

Orazi 2002 — *Orazi R.* Sumhuram: the Gate Complex // KhRR. 1. 2002. P. 77–110.

Petráček 1980 — *Petráček K.* Ḥaḍramōt — Versuch einer Etymologie // Bulletin de la Société d’égyptologie (Genève), 4: Mélanges offerts à M. Werner Vycichl. 1980. S. 73–76.

Philby 1945 — *Philby H. St. J. B.* Three new inscriptions from Hadhramaut // JRAS. 1945. P. 124–133. Pl. X–XI.

Piamenta 1990–1991 — *Piamenta M.* Dictionary of Post-Classical Yemeni Arabic. Pt. 1–2. Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill, 1990–1991 (общая пагинация).

Pirenne 1955 — *Pirenne J.* La Grèce et Saba. Une nouvelle base pour la chronologie sud-arabe // Mémoires présentés par divers savants à l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. XV. P., 1955. P. 89–192 (1–104). Pl. I–XI.

Pirenne 1956 — *Pirenne J.* Paléographie des inscriptions sud-arabes. Contribution à la chronologie et à l’histoire de l’Arabie du Sud antique. T. I: Des origines jusqu’à l’époque himyarite. Brussel: Paleis der Academiën, 1956 (Verhandelingen van de Koninklijke Vlaamse academie voor weterschappen, letteren en schone kunsten van België, Klasse der letteren. Verhandeling N^{r} 26).

Pirenne 1961 — *Pirenne J.* Un problème-clef pour la chronologie de l’Orient: la date du ‘Périple de la mer Érythrée’ // JA. 1961. T. 249. P. 441–459.

Pirenne 1975 — *Pirenne J.* The Incense Port of Moscha (Khor Rori) in Dhofar // JOmS. 1975. 1. P. 81–96. Pl. 1–5.

Pirenne 1979 — *Pirenne J.* L’apport des inscriptions à l’interprétation du temple de Bā-quṭfa // Raydān. 1979. 2. P. 203–241, pl. 6–7, 10–21.

Pirenne 1981 — *Pirenne J.* Deux prospections historiques au Sud-Yémen (Novembre-Décembre 1981) // Raydān. 1981. 4. P. 205–240, pl. I–XIV.

Pirenne 1982 — *Pirenne J.* (avec la collaboration de Gigar Tesfaye). Les deux inscriptions du négus Kaleb en Arabie du Sud // Journal of Ethiopian Studies. 15. August, 1982. P. 105–122.

Pirenne 1987 — *Pirenne J.* Documents inédits de Baynūn // Ṣayhadica. Recherches sur les inscriptions de l'Arabie du Sud préislamique offertes par ses collègues au Professeur A. F. L. Beeston / Éditées par Ch. Robin et M. Bâfaqîh. P.: Librairie Orientaliste Paul Geutner S. A., 1987 (L'Arabie préislamique. Vol. 1). P. 99–112.

Pirenne 1989 — *Pirenne J.* Des Grecs à l'aurore de la culture monumentale sabéenne // L'Arabie préislamique et son environnement historique et culturelle. Actes du Colloque de Strasbourg, 24–27 juin, 1987 / Éd. par T. Fahd. Strasbourg, 1989 (Université des sciences humaines de Strasbourg, Travaux de Centre de recherche sur le Proche-Orient et la Grèce antiques, 10). P. 257–269.

Pirenne 1990 — *Pirenne J.* Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire. Fouilles de Shabwa, I. P.: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1990 (IFAPO, BAH. T. 134).

Rhodokanankis 1927 — *Rhodokanakis N.* Altsabäische Texte. I. Wien; Leipzig: Hölder-Pishler-Tempsky A.-G., 1927 (SBAWW. 206. Bd. 2. Abhandlung).

Ricks 1989 — *Ricks St. D.* Lexicon of Inscriptional Qatabanian. Roma: Editrice Pontificio Istituto Biblico, 1989 (Studia Pohl, Dissertationes scientificae de rebus Orientis antiqui. 14).

Robin 1981a — *Robin Ch. J.* Les inscriptions d'al-Mi'sāl et la chronologie de l'Arabie méridionale au IIIe siècle de l'ère chrétienne // CRAIBL. 1981 (avril–juin). P. 315–339.

Robin 1981b — *Robin Ch. J.* Le calendrier himyarite: nouvelles suggestions // PSAS. 11. 1981. P. 43–53.

Robin 1982 — *Robin Ch.* Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l'Islam. I–II. Istanbul: Nederlands historisch-archaeologisch Instituut, 1982 (Uitgaven van het Nederlands historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul. L).

Robin 1988 — *Robin Ch. J.* Two Inscriptions from Qaryat al-Fâw Mentioning Women // Araby the Blest. Studies in Arabian Archaeology / Ed. by D. T. Potts. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 1988 (Carsten Niebuhr Institute of Ancient Near Eastern Studies Publications. 7). P. 168–175.

Robin 1989 — *Robin Ch. J.* La première intervention abyssine en Arabie méridionale (de 200 à 270 de l'ère chrétienne environ) // Proceedings of the 8th International Conference of Ethiopian Studies (Unversity of Addis Ababa, 1984) / Ed. by Taddese Beyene. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, 1989. P. 147–162.

Robin 1991a — *Robin Ch. J.* L'épigraphie de l'Arabie avant l'islam: intérêt et limites // AAKM. 1991. P. 13–24.

Robin 1991b — *Robin Ch. J.* Quelques épisodes marquantes de l'histoire sudarabique // AAKM. 1991. P. 55–70.

Robin 1991c — *Robin Ch. J.* Les langues de la péninsule Arabique // AAKM. 1991. P. 89–111.

Robin 1991d — *Robin Ch. J.* L'Arabie du Sud et la date du *Périple de la mer Érythrée* (nouvelles données) // JA. 1991. T. 279. P. 1–30.

Robin 1991e — *Robin Ch. J.* 'Amdān Bayyin Yuhaqbiḍ, roi de Saba' et ḏū-Raydān // ESA (JR). 1991. P. 167–191.

Robin 1991f — *Robin Ch. J.* La pénétration des Arabes nomades au Yémen // AAKM. 1991. P. 71–88.

Robin 1991g — *Robin Ch. J.* Les plus anciennes monuments de la langue arabe // AAKM. 1991. P. 113–125.

Robin 1991h — *Robin Ch. J.* al-Maṯhāmina // EI^{2} (fr.). 1991. VI. P. 819–822.

Robin 1991i — *Robin Ch. J.* Du paganisme au monothéisme // AAKM. 1991. P. 139–155.

Robin 1992a — *Robin Ch. J.* Рец. на: Pirenne. 1990 // Bulletin critique des annales islamologiques. 1992. 9. P. 205–213.

Robin 1992b — *Robin Ch.* Inabba', Haram, al-Kāfir, Kamna et al-Ḥarāshif. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches. Paris; Rome, 1992 (IDIS. 1).

Robin 1992c — *Robin Ch.* Guerre et épidémie dans les royaumes d'Arabie du Sud, d'après une inscription datée (IIe siècle de l'ère chrétienne) // CRAIBL. 1992 (janvier–mars). P. 215–234.

Robin 1994a — *Robin Ch. J.* Yashhur'il Yuhar'ish, fils d'Abīyaśa', mukarrib du Ḥaḍramawt // Raydān. 1994. 6. P. 101–111, 192, pl. 48.

Robin 1994b — *Robin Ch. J.* À propos d'une nouvelle inscription du règne de Sha'r^{um} Awtar, un réexamen de l'éponymat sabéen à l'époque des rois de Saba' et de dhū–Raydān // Arab. Fel. 1994. P. 230–249.

Robin 1994c — *Robin Ch. J.* Kulayb Yuha'min est-il le Χόλαιβος du *Périple de la mer Érythrée*? // Raydān. 1994. 6. P. 91–99, 191, pl. 47.

Robin 1995 — *Robin Ch. J.* La Tihāma yéménite avant l'islam: notes d'histoire et de géographie historique // AAE. 1995. 6. P. 222–235.

Robin 1996a — *Robin Ch. J.* Sheba (II. Dans les inscriptions de l'Arabie du Sud) // Supplément au Dictionnaire de la Bible / Sous la direction de J. Briend et E. Cothenet. T. XII. P.: Letouzey & Ané, 1996. Col. 1047–1254.

Robin 1996b — *Robin Ch.* Sabeans and Ḥimyarites Discover the Horse // Furusiyya: The Horse in the Art of the Near East / Ed. by D. Alexander. Riyadh: The King Abdulaziz Public Library, 1996. P. 61–71.

Robin 1996c — *Robin Ch. J.* Les premiers États du Jawf et la civilisation sudarabique // Arab. ant. 1996. P. 49–65.

Robin 1998a — *Robin Ch. J.* Le Yémen entre le judaïsme et le christianisme // Lettre de Clio. Mars 98. N° 29. P. 9–11.

Robin 1998b — *Robin Ch. J.* Décompte du temps et souveraineté politique en Arabie méridionale // Antiquités sémitiques. III: Proche-Orient ancien, temps vécu, temps pensé. P.: J. Maisonneuve, 1998. P. 121–151.

Robin 1998c — *Robin Ch. J.* La fin du royaume de Ma'īn // Res Orientales. Vol. XI: Parfums d'Orient. Leuven: Peeters Press, 1998. P. 177–188.

Robin 2000 — *Robin Ch. J.* Les «Filles de Dieu» de Saba' à La Mecque: reflexions sur l'agencement des panthéons dans l'Arabie ancienne // Semitica. 2000. 50. P. 113–192.

Robin 2001a — *Robin Ch. J.* Les inscriptions de l'Arabie antique et les études arabes // Arabica. 2001. 48. P. 509–577.

Robin 2001b — *Robin Ch. J.* «La caravane yéménite et syrienne» dans une inscription de l'Arabie méridionale antique // L'Orient au cœur en l'honneur d'André Miquel / Éd. par Br. Halff, Fl. Sanagustin, M. Sironval, J. Sublet sous la responsabilité de Fl. Sanagustin. P.: Maisonneuve & Larose, 2001. P. 207–216, fig. 1.

Robin 2002 — *Robin Ch. J.* Vers une meilleure connaissance de l'histoire politique et religieuse de Kaminahū (Jawf du Yémen) // Studies on Arabia in Honour of Professor G. Rex Smith / Ed. by J. F. Healey and V. Porter. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 191–213.

Robin 2003 — *Robin Ch. J.* Le judaïsme de Ḥimyar // Arabia. 2003. 1. P. 97–172.

Robin 2004 — *Robin Ch. J.* "Les Deux Villes" (*Hagaréynē/Hgrnhn*) sont-elles Nashshān et Nashq^{um}? // Arabia. 2004. 2. P. 119–121.

Robin 2005 — *Robin Ch. J.* Ḥimyar au IVe siècle de l'ère chrétienne. Analyse des données chronologiques et essai de mise en ordre // ABADY. 2005. 10. P. 133–152.

Robin 2006 — *Robin Ch. J.* L'institution monarchique en Arabie du Sud antique: les contributions fondatrices d'A. F. L. Beeston réexaminées à la lumière des découvertes les plus récentes // PSAS. 2006. 36. P. 43–52.

Robin 2007 — *Robin Ch. J.* Les banū Haṣbaḥ, princes de la commune de Maḍḥā^{m} // Arabia. 2005–2006. (P.: De Boccard, 2007). P. 31–110, 324–327.

Robin, Bāfaqīh 1980 — *Robin Ch. J.*, *Bāfaqīh, Muḥammad ʻAbd al-Qādir*. Inscriptions inédites du Maḥram Bilqîs (Mârib) au Musée de Bayḥân // Raydān. 1980. 3. P. 83–112.

Robin, Bāfaqīh 1981 — *Robin Ch. J.*, *Bāfaqīh, Muḥammad ʻAbd al-Qādir*. Deux nouvelles inscriptions de Radmān datant du IIe siècle de l'ère chrétienne // Raydān. 1981. 4. P. 67–90.

Robin, Brunner 1997 — *Robin Ch.*, *Brunner U.* Map of Ancient Yemen / Carte du Yémen Antique. 1 : 1 000 000. München: Staatliches Museum für Völkerkunde, 1997.

Robin, Frantsouzoff 1999 — *Robin Ch. J., Frantsouzoff S.* Une inscription ḥaḍramawtique provenant du temple de Siyān dhū-Alīm à Shabwa (Yémen) // Semitica. 1999. 49. P. 155–160.

Robin, Frantsouzoff 2001 — *Robin Ch. J., Frantsouzoff S.* Les inscriptions de Ḥaṣī // Raydān. 2001. 7. P. 179–223.

Robin, Gajda 1994 — *Robin Ch. J.*, *Gajda I.* L'inscription du wādī ʻAbadān // Raydān. 1994. 6. P. 113–137, 193–204: pl. 49–60.

Robin, Gorea 2002 — *Robin Ch. J.*, *Gorea M.* Les vestiges antiques de la grotte de Ḥoq (Suquṭra, Yémen) // CRAIBL. 2002 (avril–juin). P. 409–445.

Rodionov 2007 — *Rodionov M. A.* The Western Ḥaḍramawt: Ethnographic Field Research, 1983–1991. Halle (Saale): Orientwissenschatliches Zentrum der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2007 (Orientwissenschatliche Hefte, Heft 24/2007).

Rougeulle 1999 — *Rougeulle A.* Coastal settlements in southern Yemen: the 1996–1997 survey expeditions on the Hadramawt and Mahra coasts // PSAS. 1999. 29. P. 123–136.

Rougeulle, Benoist 2001 — *Rougeulle A.*, *Benoist A.* Notes on pre- and early Islamic harbours of Ḥaḍramawt (Yemen) // PSAS. 2001. 31. P. 203–214.

Rouillard-Bonraisin 1995 — *Rouillard-Bonraisin H.* Présence et représentation des Arabes dans les écrits bibliques // Prés. ar. 1995. P. 23–35.

Ryckmans G. 1939 — *Ryckmans G.* Inscriptions sud-arabes. Cinquième série // Le Muséon. 1939. 52. P. 51–112. Pl. III–VI.

Ryckmans G. 1944 — *Ryckmans G.* Pt. VII: Epigraphy // Caton Thompson. 1944. P. 155–184. Pl. 29, 36, 51, 62–70.

Ryckmans G. 1949 — *Ryckmans G.* Inscriptions sud-arabes. Huitième série // Le Muséon. 1949. 62. P. 55–124. Pl. I–VIII.

Ryckmans G. 1953 — *Ryckmans G.* Inscriptions sud-arabes. Dixième série // Le Muséon. 1953. 66. P. 267–317.

Ryckmans G. 1955 — *Ryckmans G.* Inscriptions sud-arabes. Douzième série // Le Muséon. 1955. 68. P. 297–312. Pl. I.

Ryckmans G. 1962a — *Ryckmans G.* Inscriptions sud-arabes. Dix-neuvième série // Le Muséon. 1962. 75. P. 213–231.

Ryckmans G. 1962b — *Ryckmans G.* Inscriptions sud-arabes. Vingtième série // Le Muséon. 1962. 75. P. 441–453.

Ryckmans J. 1964 — *Ryckmans J.* Les rois de Hadramawt mentionnés à ʻUqla // Bibliotheca orientalis. 1964. 21. P. 277–282.

Ryckmans J. 1969 — *Ryckmans J.* L'inscription sud-arabe Nami NAG 13–14 // Eretz-Israel. Archaeological, Historical and Geographical Studies. Vol. 9: W. F. Albright Volume / Ed. by A. Malamat. Jerusalem: Israel Exploration Society, 1969. P. 102–108.

Ryckmans J. 1973a — *Ryckmans J.* Un rite d'istisqâ' du temple sabéen de Mârib // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. 1968–1972. T. XX. Bruxelles: Universa Wetteren, 1973. P. 379–388.

Ryckmans J. 1973b — *Ryckmans J.* Le repas rituel dans la religion sud-arabe // Symbolae biblicae et mesopotamicae Francisco Mario Theodoro de Liagre Böhl dedicatae / Ed. M. A. Beek, A. A. Kampman, C. Nijland, J. Ryckmans. Leiden: E. J. Brill, 1973. P. 327–334.

Ryckmans J. 1974 — *Ryckmans J.* Himyaritica. 3 // Le Muséon. 1974. 87. P. 237–263. Pl. III.

Ryckmans J. 1976 — *Ryckmans J.* La chasse rituelle dans l'Arabie du Sud ancienne // الباحث Al-Bahit. Festschrift Joseph Henninger zum 70. Geburtstag am 12. Mai, 1976. St. Augustin bei Bonn: Verlag des Anthropos-Instituts, 1976. P. 259–308.

Ryckmans J. 1997 — *Ryckmans J.* Un abécédaire sud-arabe archaïque complet, gravé sur un pétiole de palme // I primi sessanta anni di scuola. Studi dedicati dagli amici a Sergio Noja Noseda nel suo 65° compleanno 7 luglio 1996. Lesa: Fondazione Ferni Noja Noseda, Studi arabo islamici, 1997. P. 11–36.

Ryckmans J., Loundine 1997 — *Ryckmans J.*, *Loundine A. G.* Un pétiole de palme inscrit en minéen // Aktualisierte Beiträge zum 1. Internationalen Symposion SÜDARABIEN. P. 171–180.

Ryckmans J., Müller W., Abdallah 1994 — *Ryckmans J.*, *Müller W. W.*, *Abdallah Y. M.* Textes du Yémen antique inscrits sur bois (with English Summary) / Avant-Propos de J.-Fr. Breton. Louvaine-la-Neuve: Institut Orientaliste de l'Université Catholique de Louvain, 1994 (Publications de l'Institut orientaliste de Louvain. 43).

Al-Said 1995 — *al-Said S. F.* Die Personennamen in den minäischen Inschriften. Eine etymologische und lexikalische Studie im Bereich der semitischen Sprachen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz, Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission / Hrsg. von W. W. Müller. Bd. 41).

Al-Said 2009 — *Al-Said S. F.* Eine neu entdeckte Erwähnung des Königs Nabonid in den thamudischen Inschriften // Zeitschrift für Orient-Archäologie. 2009. Bd. 2. S. 358–363.

Sass 2005 — *Sass B.* The Alphabet at the Turn of the Millennium. The West Semitic Alphabet ca. 1150–850 BCE. The Antiquity of the Arabian, Greek and Phrygian Alphabets. Tel Aviv: Emery and Claire Yass Publications in Archaeology, 2005 (Journal of the Institute of Archaeology of Tel Aviv University Occasional Publications. No. 4).

al-Scheiba 1982 — *al-Scheiba A. H.* Die Ortsnamen in den altsüdarabischen Inschriften (mit dem Versuch ihrer Identifizierung und Lokalisierung). Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde des Fachbereichs Außereuropäische Sprachen und Kulturen der Philipps-Universität Marburg/Lahn. Marburg/Lahn: Görich & Weiershäuser, 1982.

Schiettecatte 2004 — *Schiettecatte J.* Éléments pour une définition de la "ville" préislamique en Arabie du Sud // Arabia. 2004. 2. P. 123–142.

Sedov 1992 — *Sedov A. V.* New archaeological and epigraphical material from Qana (South Arabia) // AAE. 1992. 3. P. 110–137.

Sedov 1994 — *Sedov A. V.* The temple of SYN D-MYF'N (Wādī Dau'an, Inner Hadramaut) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology (Leiden: E. J. Brill). Vol. I. Nr. 2. 1994. P. 249–260.

Sedov 1995a — *Sedov A. V.* Two South Arabian coins from Mleiha // AAE. 1995. 6. P. 61–64.

Sedov 1995b — *Sedov A. V.* Bi'r Ḥamad: a pre-Islamic settlement in the western Wādī Ḥaḍramawt. Notes on an archaeological map of the Ḥaḍramawt, 1 // AAE. 1995. 6. P. 103–115.

Sedov 1996a — *Sedov A. V.* Al-Guraf in the Wâdî 'Idim. Notes on an archaeological map of the Ḥaḍramawt, 2 // AAE. 1996. 7. P. 52–62.

Sedov 1996b — *Sedov A. V.* Monuments of the Wādī al-'Ayn. Notes on an archaeological map of the Ḥaḍramawt, 3 // AAE. 1996. 7. P. 253–278.

Sedov 1996c — *Sedov A. V.* On the origin of the agricultural settlements in Ḥaḍramawt // Arab. ant. 1996. P. 67–86.

Sedov 1996d — *Sedov A. V.* Qana' (Yemen) and the Indian Ocean. The Archaeological Evidence // Tradition and Archaeology. Early Maritme Contacts in the Indian Ocean. Proceedings of the International Seminar *Techno-Archaeological Perspectives of Seafaring in the Indian Ocean 4th cent. B.C. — 15th cent. A.D.* New Delhi, February 28 — March 4, 1994 / Ed. by H. P. Ray (New Delhi), J.-Fr. Salles (Lyon). New Delhi: Manohar, 1996. P. 11–35.

Sedov 1997a — *Sedov A. V.* Die archäologische Denkmäler von Raybūn im unteren Wādī Dau'an (Ḥaḍramaut) // Mare Erythræum, I. München: Staatliches Museum für Völkerkunde München, 1997. S. 31–106.

Sedov 1997b — *Sedov A.* Le monnayage // Yémen (Paris). 1997. P. 118–120.

Sedov 1997c — *Sedov A.* Raybûn // Yémen (Paris). 1997. P. 147–149.

Sedov 1997d — *Sedov A.* Qâni', un grand port entre l'Inde et la Méditerrannée // Yémen (Paris). 1997. P. 193–196.

Sedov 1998a — *Sedov A. V.* Der Sakralkomplex Raybûn // Jemen (Wien). 1998. S. 229–231 (переиздана в ILKS. S. 186–188).

Sedov 1998b — *Sedov A. V.* Der Hafen von Qâni' — das Tor zum Jemen in frühnachchristlicher Zeit // Jemen (Wien). 1998. S. 275–279.

Sedov 2000 — *Sedov A. V.* Temples of Raybun Oasis in Wadi Hadramawt, Yemen // Adumatu. A Semi-Annual Archaeological Refereed Journal on the Arab World. Issue no. 2, July 2000. P. 15–26.

Sedov 2001 — *Sedov A. V.* The Coinage of Pre-Islamic Yemen: General Remarks // Adumatu. Issue no. 3, January 2001. P. 27–38.

Sedov 2005 — *Sedov A. V.* Temples of Ancient Ḥaḍramawt. Pisa: Plus — Pisa University Press, 2005 (Arabia Antica 3).

Sedov 2008 — *Sedov A. V.* The coins from Sumhuram: the 2001A–2004A seasons // KhRR. 2. 2008. P. 277–316.

Sedov, 'Aydarus 1995 — *Sedov A. V., 'Aydarus 'U.* The coinage of ancient Hadramawt. The Pre-Islamic coins in the al-Mukallâ Museum // AAE. 1995. 6. P. 15–60.

Sedov, Bâtâyi' 1994 — *Sedov A. V., Bâtâyi' A.* Temples of ancient Hadramawt // PSAS. 1994. 24. P. 183–196.

Sedov, Benvenuti 2002 — *Sedov A. V., Benvenuti Ch.* The Pottery of Sumhuram: General Typology // KhRR. 1. 2002. P. 177–248.

Sedov, Davidde 1998 — *Sedov A. V., Davidde B.* Das südarabische Münzwesen // Jemen (Wien). 1998. S. 195–199.

Sedov, Saqqaf 1992 — *Sedov A., as-Saqqāf A.* Stone Idols from Wādī 'Idim (Inner Ḥaḍramawt) // Yemen. Studi archeologici, storici e filologici sull'Arabia meridionale. 1992. 1. P. 125–129.

Sedov et al. 1997 — *Abdullah Y. M., Ghaleb A. O., Sedov A. V.* Early Qatabānian Coinage: the aṣ-Ṣurayrah coin hoard // AAE. 1997. 8. P. 203–229.

Shahîd 1971 — *Shahîd Ir.* The Martyrs of Najrân. New Documents. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1971 (Subsidia Hagiographica. 49).

Sharafaddin 1961 — *Sharafaddin A.* Yemen. Arabia Felix. Taizz: Daily American, 1961.

Sholan 1999 — *Sholan A.* Frauennamen in den altsüdarabischen Inschriften. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1999 (Texte und Studien zur Orientalistik. Bd. 11).

Sima 1999 — *Sima A.* „Another monotheistic dedication: Ja 2956"? Anmerkungen zu den Namenformen des Gottes ḏSmwy und seines Tempels Yġrw // WZKM. 1999. 89. S. 207–224.

Sima 2000 — *Sima A.* Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften. Eine lexicalische und realienkundliche Untersuchung. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000 (Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Bd. 46).

Sima 2005 — *Sima A.* GDR(T) // EAE. 2005. Vol. 2. P. 718–719.

Smith M. 1995 — *Smith M. S.* The God Athtar in the Ancient Near East and His Place in KTU 1.6 I // Solving Riddles and Untying Knots: Biblical, Epigraphic, and Semitic Studies in Honor of Jonas C. Greenfield / Ed. by Ziony Zevit, Seymour Gitin, Michael Sokoloff. Winona Lake: Eisenbrauns, 1995. P. 627–640.

Stein 2003a — *Stein P.* The inscribed wooden sticks of the Bayerische Staatsbibliothek in Munich // PSAS. 2003. 33. P. 267–274.

Stein 2003b — *Stein P.* Untersuchungen zur Phonologie und Morphologie des Sabäischen. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2003 (Epigraphische Forschungen auf der Arabischen Halbinsel. Bd. 3, hrsg. von N. Nebes).

Stein 2010 — *Stein P.* Die altsüdarabischen Minuskelinschriften auf Holzstäbchen aus der Bayerischen Staatsbibliothek in München. Bd. 1: Die Inschriften der mittel- und spätsabäischen Periode. 1. Teil: Text. 2. Teil: Verzeichnisse und Tafeln. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 2010 (Epigrapische Forschungen auf der Arabischen Halbinsel. Bd. 5, hrsg. von N. Nebes).

Tairan 1992 — *Tairan S. A.* Die Personennamen in den altsabäischen Inschriften. Ein Beitrag zur altsüdarabischen Namengebung. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1992 (Texte und Studien zur Orientalistik. Bd. 8).

Tardy 1999 — *Tardy R.* Najrân. Chrétiens de l'Arabie avant l'islam. Beyrouth: Dar el-Mashreq Éditeurs, 1999 (Recherches publiées sous la direction de l'Institut de lettres orientales de Beyrouth, Faculté des lettres et des sciences humaines, Université Saint-Joseph. Nouvelle série: B. Orient chrétien. T. VIII).

Vinogradov Yu. G. 1992 — *Vinogradov Yu. [G.]* Addendum I to Sedov 1992 // AAE. 1992. 3. P. 135, fig. 14; 136.

Vogt 1994 — *Vogt B.* Death, Resurrection and the Camel // Arab. Fel. 1994. S. 279–290.

Vogt 1997 — *Vogt B.* Sabr — une ville de la fin du IIe millénaire dans l'arrière-pays d'Aden // Yémen (Paris). 1997. P. 47–48.

Vogt, Sedov 1997 — *Vogt B., Sedov A.* La culture de Sabr, sur la côte yéménite // Yémen (Paris). 1997. P. 42–46.

Vogt, Sedov 1998a — *Vogt B., Sedov A.* The Sabir culture and coastal Yemen during the second millennium BC — the present state of discussion // PSAS. 1998. 28. P. 261–270.

Vogt, Sedov 1998b — *Vogt B., Sedov A. V.* Die Sabir-Kultur und die jemenitische Küstenebene in der 2. Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. // Jemen (Wien). 1998. S. 128–133 (эта же статья, но с меньшим иллюстративным материалом перепечатана в ILKS. S. 61–65).

Weigall 1909 — *Weigall A. E. P.* Travels in the Upper Egyptian Deserts. London; Edinburgh, 1909.

Wissmann 1976 — *von Wissmann H.* Die Geschichte des Sabäerreichs und der Feldzug des Aelius Gallus // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt / Hrsg. von H. Temporini und W. Haase. II: Principat. 9. Bd. (1. Halbband). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1976. S. 308–544 (1–237).

Wissmann (Müller W.) 1977 — *von Wissmann H.* Das Weihrauchland Sa'kalān, Samārum und Mos-cha / Mit Beiträgen von W. W. Müller. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1977 (SBAWW. 324. Bd).

Wissmann (Müller W.) 1982 — *von Wissmann H.* Die Geschichte von Saba' II: Das Grossreich der Sabäer bis zu seinem Ende im frühen 4. Jh. v. Chr. / Hrsg. von W. W. Müller. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1982 (SBAWW. 402. Bd).

Wrede (Maltzan) 1870 — Adolph von Wrede's Reise in Ḥadhramaut, Beled Beny 'Yssà und Beled el Ḥadschar / Hrsg. mit einer Einleitung, Anmerkungen und Erklärung der Inschrift von 'Obne versehen von Heinrich Freiherr von Maltzan. Braunschweig: Verlag von Friedrich Bieweg und Sohn, 1870.

Zwettler 1996 — *Zwettler M. J.* The "era of *NBṬ*" and "*YMNT*": two proposals // AAE. 1996. 7. P. 95–99.

СПИСОК СИГЛОВ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАДПИСЕЙ

‘Арбаш–Сай’ӯн 1 — ‘Арбаш, Саккаф А. Х. 2001.

Аскӯбӣ 27, 153, 262 — Аскуби 1999. С. 76–77, 217–218, 347.

Бауэр 3, 4, 5 — ЮА. 2/2. С. 98–101, 102–104, 110–112, 132, табл. 1; фото 218 а–г, 219, 222 а–г, 235–237, 238 а–в.

Гр 124, 137, 158, 313, 332–335 — ЮА. 2/2. С. 29–30, 33–34, 39–40, 116–117, 124–125; фото 120 а–б, 130, 245 а–ж, 246, 259–262.

Джаулат ар-Румād — Пиотровский 1996. С. 170–190.

Марāвиḫ I — Пиотровский 1995. С. 193–201.

Мирваḫ 1 — Ба Факих 1967. С. 77–79, шакл 6–7; Pirenne 1990. P. 97–100.

ас-Саққāф 1 — Саккаф Х. 1994.

СОЙКЭ 673 — Бауэр 1995. С. 138, 149, примеч. 52, рис. 21.

СОЙКЭ 903 — Frantsouzoff 2003d.

СОЙКЭ 941 = БҲ/84 № 16 — Французов 2001. С. 168–169.

‘Abadān 1 — Robin, Gajda 1994. P. 113–129, pl. 49–57; Robin 1996b. P. 64–66.

Arbach 2 — Arbach 1996. P. 243–247, 249, fig. 2.

Arbach 3 — Arbach 1996. P. 247–248, 250, fig. 3.

Arbach–Bāfaqīh al-‘Uqla 1 — Arbach, Bāfaqīh 1998. P. 109–118.

B–L Nashq ? — Bron, Lemaire 2009. P. 11–19, pl. I–IV.

al-Barīra 8, 9, 11 — Pirenne 1990. P. 37–38, pl. XXXVII.

Bi’r Ḥamad — Frantsouzoff (à paraître)b. Chapitre 6.

Bir Hūd[1] 1 — Breton et al. 1980. P. 21, 43, 105, pl. III; Breton et al. 1980 (араб.). С. 30, 43, 109, pl. III.

BQ — Pirenne 1979. P. 207–233, pl. V–VII, X–XXI.

BR–M. Bayḥān 5 — Robin, Bāfaqīh 1980. P. 101, 102, pl. 4 a–b; 103–106.

BR–Yanbuq — Bāfaqīh, Robin 1979.

CIAS — Corpus des inscriptions et antiquités sud-arabes. T. I, section 1: Inscriptions; section 2: Antiquités. T. II: Le Musée d’Aden, fasc. 1: Inscriptions; fasc. 2: Antiquités. Louvain: Éditions Peeters, 1977, 1986.

CIH — Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars quarta: Inscriptiones ḥimyariticas et sabæas continens. Vol. I–III. P.: E Reipublicæ typographeo, 1889–1931.

CIH 314 + 954 = Louvre 69 — Calvet, Robin 1997. P. 141–144.

[1] Так! Несуществующий топоним Би’р Хӯд появился в результате того, что колодец (*би’р*) Барахӯт (или Бархӯт) был перепутан французскими археологами, толком не владевшими арабским, с находящейся поблизости от него могилой пророка Хӯда (Қабр Хӯд).

CIH 438 + 431 = Louvre 86 — Calvet, Robin 1997. P. 166–168.

CIH 448 + Hakir 1 — Garbini 1971. P. 303–309, pl. I–II.

CPh 1 — Robin 2000. P. 167 (изложение содержания данной надписи, хранящейся в частной коллекции).

CSAI — Avanzini 2004.

CT — Caton Thompson 1944. P. 155–184 (Pt. VII: Epigraphy by G. Ryckmans), pl. 29, 36, 51, 62–70.

DAI GDN 2002–20 — Nebes 2004.

1976/Dj. Maga n° 18 — Pirenne 1990. P. 15, fig. 4; 16.

EA — Delaporte 1912.

Écluse A — Pirenne 1990. P. 59–60, pl. XLVIII.

Fa 69 — Fakhry (Ryckmans G.) 1952. P. 39–40.

FB — al-Bayḍā’ 1 — Bron 2010b. P. 165–168.

FB–Wādī Shuḍayf 1, 3 — Bron 1997. P. 73–75, 79–80.

Fr–Ṣan‘ā’ 5 — Frantsouzoff 2010.

Fr–Ṣan‘ā’ 6 — Frantsouzoff (à paraître)c, pl. 1–3.

Garbini Bayt al-Ashwal 1 — Garbini 1970a. P. 153–161, pl. I a; Robin 1991i. P. 145, fig. 38; AAKM. P. 30, fig. 8.

Garbini Bayt al-Ashwal 2 — Garbini 1970a. P. 162, 545, pl. 41–42; Robin 1991i. P. 144–145; AAKM. P. 33, fig. 11.

Gl 1533 — Höfner 1973. S. 29–35, Taf. XI; Höfner 1976. S. 39–40, Taf. V/1.

Graf 6 — Müller W. 1974.

Hajar am-Dhaybiyya 1 — Breton, Bāfaqīh 1993. P. 71–72, pl. 9: fig. 19–21; pl. 22: fig. 65; pl. 23: fig. 66.

Hakir 1 — см. CIH 448 + Hakir 1.

Hamilton 2 A-B + Shabwa S/75/128 — Pirenne 1990. P. 56–58, pl. 47 a–b.

Hamilton 3–5 — Brown, Beeston 1954. P. 51–53, pl. XIX: fig. 3, pl. XXII: fig. 1; Pirenne 1990. P. 47–49, pl. XLIV a, c, d.

Hamilton 8 — Brown, Beeston 1954. P. 55–56, pl. XVIII: fig. 2; Pirenne 1990. P. 69, pl. LIII a.

Hamilton 11 — Brown, Beeston 1954. P. 60–62; Pirenne 1990. P. 86.

Haram — Robin 1992b. P. 61–126, pl 6 b–21 a.

Ingrams 1 — Philby 1945. P. 127–133; Beeston 1948. P. 189–190; Drewes 1954. P. 93–94, pl.; Pirenne 1990. P. 91–93.

Ir 5 — Ирйани 1973. С. 27–34.

Ir 13 — Ирйани 1973. С. 75–86; Arbach 2001 (разбивка большей части надписи на строки по фотографиям).

Ir 14 = Sh 29 — Sharafaddin 1961. P. 36: lower photo; Ирйани 1973. С. 87–92; Ryckmans J. 1974. P. 242, n. 4; 256–257.

Ir 21, 26, 31 — Ирйани 1973. С. 123–125, 140–141, 161–163.

Ir 32 = Schreyer–Geukens — Müller W. 1981.

Ir 69 — Ирйани 1988; Bron 1993.

Ir B 3 — Ирйани 1973. С. 184–188.

Ja 402 — Jamme 1953; Beeston 1953.

Ja 405 — Jamme 1958. P. 118, pl. 75 (фотография); 143–145, 147, pl. 95 (факсимиле).

Ja 540 — Jamme 1955a. P. 269–270, pl. I (факсимиле).

Ja 568, 577, 578, 586, 612, 615, 616, 629, 632, 636, 637, 640, 643, 643bis, 656, 662, 665, 668, 730, 735, 741, 756, 761 — Jamme 1962. P. 53–54, 76–86, 93–94, 109–110, 112–117,

128–131, 134–135, 138–139 140, 142–145, 161–162, 167–168, 169–172, 173–174, 209, 211–213, 216, 226, 228; pl. 11, 12, 14, 16–19, 34.

Ja 868–872 — Jamme 1955b.

Ja 885 — Jamme 1967. P. 145–146, pl. II/1–2.

Ja 892 A = Ja 892 — Jamme 1967. P. 146–148, pl. II/3; Wissmann (Müller W.) 1977, S. 25 (Abb. 4), 26–27; Avanzini 2008b. P. 630–631.

Ja 892 B = Ja 892 a — Jamme 1967. P. 146, 147–148, pl. II/3; Wissmann (Müller W.) 1977, S. 25 (Abb. 4), 47–48.

Ja 918, 919, 921, 923, 925, 926, 928, 931, 944, 948, 949, 954, 957, 961, 984–986, 988, 992, 993, 996, 997 — Jamme 1963. P. 37–41, 42–45, 48, 49–50, 51, 53, 57–60, pl. I A–C, II A–D, III, IV.

Ja 1028 — Jamme 1966. P. 39–55, pl. X–XIII.

Ja 1484 — Jamme 1972. P. 16, pl. 2.

Ja 2140 — Jamme 1970a. P. 121.

Ja 2147 — Jamme 1970b. P. 91–94, pl. I.

Ja 2343d — Jamme 1974. P. 106.

Ja 2360 — Jamme 1972. P. 22–26, pl. 5 (факсимиле).

Ja 2878a — Jamme 1979. P. 94, pl. h.

Ja 2878b = KR 6 — Jamme 1979. P. 94–95, pl. h; Avanzini 2002b. P. 134–135, fig. 10.

Ja 2883–2885 = KR 8, 7, 9 — Jamme 1979. P. 97–99, pl. j–k; Avanzini 2002b. P. 126–127, 136–137.

Ja 2888 — Jamme 1979. P. 100, pl. k.

Ja 2889, 2890 — Jamme 1979. P. 101–102, pl. l.

Ja 2956 — Jamme 1982. P. 48–50, pl. 3.

Khor Rori 1–5 — Pirenne 1975. P. 82–90, pl. 1, 2A–B, 3A; Beeston 1976a; Wissmann (Müller W.) 1977, S. 53–56, 59–60: Taf. 1–2.

Khor Rori B634 — Cleveland 1960. P. 21–23, fig. 5; Lombardi, Buffa, Pavan 2008. P. 379.

Kortler 1 — Müller W. 1978a, S. 115–117, Taf. V: Abb. 15.

KR 2–9 — Avanzini 2002b. P. 126–137.

KR 10 — Avanzini 2008b. P. 632–634.

LPC 6 — Kitchen 1998b. P. 154–155.

M — Iscrizioni sudarabiche. Vol. I: Iscrizioni minee. Napoli: Tipografia Don Bosco, 1974 (Istituto orientale di Napoli. Publicazioni del seminario di semitistica a cura di G. Garbini. Ricerche, X).

MAFRAY–Ḥaṣī 1 — Frantsouzoff 1996; Robin, Frantsouzoff 2001. P. 182–191, 209–215, fig. 4–14.

MAFRAY — al-Ḥijla 1 — Robin 1992c. P. 219–224.

MAFRAY — Mahazza 1 — Frantsouzoff 2009a. P. 156–158, 159–160.

MAFRAY — al-Mi‘sāl 2 — Ба Факих, Робен 1980. С. 13, 15, 18, 22, примеч. 8, 10; 28, примеч. 45; Robin 1981a. P. 323, 329, fig. 9; 331–333; Robin 1991a. P. 22; Robin 1996b. P. 63; Robin 1998b. P. 130, n. 40 (полностью не издана, опубликованы лишь стк. 3–11 с переводом на французский и английский /в Robin 1991a и Robin 1996b/ и стк. 14–15 с переводом на французский /Robin 1998b/); Müller W. 2010. S. 25–27 (только текст).

MAFRAY — al-Mi‘sāl 3 — Ба Факих, Робен 1980. С. 13, 17, 18, 19, 23, примеч. 19; 24, примеч. 23; 26, примеч. 35; 27, примеч. 40, 42; Robin 1981a. P. 326, 333–334 (не издана, публиковались и комментировались лишь небольшие ее фрагменты).

MAFRAY — al-Miʿsāl 4 — Ба Факих, Робен 1980. С. 13, 16, 25, примеч. 33; 28, примеч. 51; Robin 1981a. P. 326–327, 329, fig. 10; 331, 334 (в этих изданиях публиковались и комментировались лишь небольшие ее фрагменты; полный текст надписи с французским переводом любезно предоставлен в наше распоряжение Кр. Ж. Робеном); Müller W. 2010. S. 19–20 (только текст).

MAFRAY — al-Miʿsāl 5 — Ба Факих, Робен 1980. С. 13, 15, 19, 24, примеч. 20, 29; 28, примеч. 45, 49, 51, 54; Robin 1981a. P. 327, 329, fig. 10; 331, 333 (в этих изданиях публиковались и комментировались лишь небольшие ее фрагменты); Müller W. 2010. S. 28–31 (только текст).

MAFRAY — al-Miʿsāl 6 — Robin 1981a. P. 327 (не издана; приведены лишь сведения об ее авторе и о том, в правление какого царя она была составлена).

MAFRAY–Sāriʿ 6 — Robin, Bāfaqīh 1981. P. 73, 74, pl. II; 75–78.

MAFYS — Naqab al-Haǧar 1–4 — Breton, Robin et al. 1987. P. 11, pl. 10; 14, pl. 14–15; 18–20.

MAFYS — Tamnaʿ 1 — Bron 1999.

Maʿīn — Bron 1998. P. 37–121, pl. 4–75.

Mak 4, 7 — Benoist et al. 2005. P. 70, 91, fig. 11/1, 5; Mouton et al. 2006. P. 236, fig. 7/1, 5.

Maṣnaʿat Māriya — al-Iryani, Garbini 1970; Müller W. 1978b.

MB 2002 I-28 — Maraqten 2006. P. 54–64.

MIFT 99/72 — Robin 2000. P. 164–167, 186–187, fig. 3–6.

MM 161 — Frantsouzoff 2005c.

MM 219 — Бауэр 1995. С. 140, рис. 23 а, 23 в; Avanzini 1996. P. 183–184, fig. 2–3; 185, fig. 4; Robin 1996a. Col. 1150.

MQ–al-Ḥayd 1 (= RES 4196) — Robin, 1998b. P. 144–145, fig. 8.

MuB 457, 522, 524, 525 — Avanzini et al. 1994. P. 28–32, 154, 156, 158, pl. 10/2, 11/2, 12/2, 14/4.

Nājī 1 — Robin, Bāfaqīh 1981. P. 84–85; Müller W. 2010. S. 18 (только текст).

Nāmī NʿǴ 13 + 14 — Нами 1965. С. 60–63, шакл 13, 14: *алиф–дāл*; Ryckmans J. 1969.

Nāmī NNSQ 19 — Нами 1943. С. 25–30; Bron 2007. P. 116–119.

Nihm/Barrān 3 — Frantsouzoff (à paraître)a, chapitre 6, pl. 22.

Nihm/al-Quṭra 14 — Frantsouzoff (à paraître)a, chapitre 6, pl. 53.

Pirenne–Baynūn 3 = YM 1695 — Pirenne 1987. P. 103–108, 111, pl. 8.

Pirenne–Ḥuwaydar A — Pirenne 1981. Pl. XII.

Qaryat al-Fâw/ʿIgl — al-Ansary 1982. P. 20, 146, pl. 1; Beeston 1979a. P. 1–2; Robin 1991g. P. 115–116, fig. 24; Kropp 1991.

R 1850, 1853 — Robin 2001b.

RAMRY/93 no. 1 — Frantsouzoff 2005a. P. 195, pl. XLVII, 1.

RAMRY/94–az-Zālif no. 1 — Frantsouzoff 2005a. P. 196–198, pl. XLVIII, 2.

Raybūn 6 — Breton et al. 1980. P. 104, pl. II; Breton et al. 1980 (араб.). С. 108, pl. II.

Raybūn-Ḥaḍrān — Frantsouzoff 2001a. A. P. 69–301; B. Pl. 1–374.

Raybūn-Kafas/Naʿmān — Frantsouzoff 2007a. A. P. 74–290; B. Pl. 1–174.

Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 253 a–e = СОЙКЭ 633 — Бауэр 1995. С. 118–119, рис. 3; Frantsouzoff 1995. P. 16–17, 21, pl. I (bottom); Французов 2009a. С. 86–88, ил. 22; Французов 2012. С. 85–86, ил. 35.

Rb I/84 passage, lev. I n° 184 a–b + 183 + 182 a–b + 185 = СОЙКЭ 732 — Французов 2009a. С. 90, ил. 48; Французов 2012. С. 88, ил. 84.

Rb I/88 passage, lev. I n° 130 = СОЙКЭ 1736 — Frantsouzoff 1998. P. 64–65, fig. 3.

Rb I/89 bld. 4, lev. I n° 279 + 297 + 306 a–b = СОЙКЭ 1850 + 1866 + 1895а–б — Frantsouzoff 2001b. P. 128–132, 141–142, fig. 1–4; Французов 2009a. С. 61–62, ил. 37 а–г; Французов 2012. С. 61–62, ил. 64 а–г.

Rb I/89 bld. 4, lev. I n° 291 + n° 261 a–b + n° 260 a–e = СОЙКЭ 1898 + 1897а–б + 1833а–д — Французов 2009a. С. 90–91, ил. 49 а–е; Французов 2012. С. 88–89, ил. 85 а–ж.

Rb I/89 bld. 4, lev. I n°300 = СОЙКЭ 1736 — Frantsouzoff 1998. P. 63–64, fig. 2.

Rb I/90 bld. 4 n° 64 = СОЙКЭ 2228 — Frantsouzoff 2005a. P. 212–213, pl. XXXV, 4 (N° 22); Французов 2009a. С. 109; Французов 2012. С. 105.

Rb VI/04 e.w. n° 52 + n° 49 — Frantsouzoff 2007b. P. 142, 331, fig. 76.

Rb VI/04 s.w. n° 3 — Виноградов, Седов, Французов 2005. С. 395, рис. 10; 397; Frantsouzoff, Prioletta 2013. P. 97–99.

Rb VI/04 s.r. n° 53 — Французов 2006a. С. 249–253; Frantsouzoff 2007b. P. 147–148, 334, fig. 88.

Rb XIV/87 n° 16 = СОЙКЭ 1142 — Французов 2001. С. 165–167.

Rb XIV/87 n° 88 a–b = СОЙКЭ 1442 — Французов 2009a. С. 95–96, ил. 52; Французов 2012. С. 93–94, ил. 88.

Rb XIV/87 n° 104, 105, 108 — Frantsouzoff 2003a. P. 52–56, 211–213, pl. 6–8.

Rb XIV/87 n° 113 = СОЙКЭ 1451 — Французов 2009a. С. 93–95, ил. 50 а–в; Французов 2012. С. 91–93, ил. 86 а–б.

Rb XIV/89 n° 221 = СОЙКЭ 2075 — Французов 1998. С. 132–144, рис. 8; Frantsouzoff 2004. P. 220, fig. 48 (только фотография); Французов 2009a. С. 137–141, ил. 25; Французов 2010. С. 136–139, ил. 38.

Rb XIV/89 n° 246 a–d = СОЙКЭ 2161 — Frantsouzoff 2005a. P. 193–194, pl. XXIX, 1 (издана под No. 1).

Rb XIV/90 n° 60 = СОЙКЭ 2377 — Frantsouzoff 2001c. P. 64–65, fig. 3.

Rb XV/85 n° 1 = СОЙКЭ 1046 — Седов 1996a. С. 119, 141, примеч. 1 (издана Г. М. Бауэром); Frantsouzoff 2001b. P. 133–135, 143, fig. 6; Французов 2009a. С. 63.

Rb XVI/88–89 n° 1 — Lundin 1997; Frantsouzoff 2001b. P. 134–135.

RES — Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la Commission du *Corpus Inscriptionum Semiticarum*. T. I, V–VIII. P.: Imprimerie nationale, 1900, 1929–1968.

RES 4699 = Philby 10 = Ry 170 — Pirenne 1990. P. 86–87 (новое прочтение данного граффити).

RF–Alīm 1 — Robin, Frantsouzoff 1999.

RIE — *Bernard E.*, *Drewes A. J.*, *Schneider R.* Recueil des inscriptions de l'Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumite / Introduction de Fr. Anfray. T. I: Les documents. T. II: Les planches. P.: Diffusion de Boccard, 1991. T. III: Traductions et commentaires. A: *Bernard E.* Les inscriptions grecques. P.: Diffusion de Boccard, 2000.

Ry 214 — Ryckmans G. 1939. P. 62–64, pl. IV.

Ry 505, 507, 508 — Ryckmans G. 1953. P. 274–275, 284–303, pl. I, III–IV.

Ry 533 — Ryckmans G. 1955. P. 297–308, pl. I (справа); Beeston 1976c. P. 49–50 (перевод), 58–59 (текст).

Ry 618 = Ingrams 4 — Ryckmans G. 1962a. P. 214, 215 (факсимиле в левом верхнем углу), 216.

Ry 650 — Ryckmans G. 1962a. P. 223 (факсимиле в середине, слева), 227.

Ry 664 — Ryckmans G. 1962b. P. 442 (fac-similé), 443.

Ša'ab[2] al-layl — Pirenne 1990. P. 49–50.

[2] Sic, вместо Ši'b. Надпись получила свой сигл по названию того места, где она высечена — Ши'б ал-Лайл — «ночная лощина».

as-Sawdā’ — Avanzini 1995. P. 81–208, tav. 9–42.

Schm/Mārib 28 — Nebes 1996, S. 279–295.

Sf II/84 n° 1 + 2 = СОЙКЭ 920 — Пиотровский 1995. С. 182, рис. 11 (фотография помещена вверх ногами).

Sf II/86 n° 3, 4 = СОЙКЭ 927, 928 — Пиотровский 1995. С. 183–184.

Sh 17 — Шараф ад-Дин 1967, 3. С. 68–69.

Sh 32 — Sharafaddin 1961. P. 44, bottom left; Шараф ад-Дин 1967. 3. С. 88–89; Beeston 1976c. P. 51 (перевод), 59 (текст).

Sh 34 — Шараф ад-Дин 1967. 3. С. 90–91.

Shabwa 2 — Pirenne 1990. P. 49, pl. XLIV b.

Shabwa n° 3 — Pirenne 1990. P. 55–56, pl. XLV b.

Shabwa n° 15, n° 15bis — Pirenne 1990. P. 56, pl. XLVI a–b.

Shabwa V/80/116 — Pirenne 1990. P. 141, pl. 82 a.

Shabwa V/84/15 — Pirenne 1990. P. 79, pl. LXI b.

Shabwa V/85/22 — Pirenne 1990. P. 79, pl. LXI a.

Shabwa Chantier V, 1975 — Pirenne 1990. P. 76, pl. LVIII a.

Shabwa Chantier VI, 1976 n° 81 — Pirenne 1990. P. 54–55, pl. XLV a.

Shabwa S/75/27 — Pirenne 1990. P. 81, pl. LXII d.

Shabwa S/75/52 — Pirenne 1990. P. 67, pl. LI d.

Shabwa S/75/87 — Pirenne 1990. P. 66, pl. LI b.

Shabwa S/75/125 — Pirenne 1990. P. 58, pl. XLVII c.

Shabwa S/76/52 — Pirenne 1990. P. 67, pl. LI e.

Shabwa S/77/Mahdi — Pirenne 1990. P. 72, pl. LV a.

Shaqab — Gnoli 1993. P. 69–112, tav. 6–18.

Shar‘abi–as-Sawā 1 — Robin 1991d. P. 10, pl. 2; 11–12; Robin 1994c. P. 91–95, 191, pl. 47.

Ṣilwī–Wādī Shuḍayf 1 — Bron 1997. P. 75–77.

Ṣirwāḥ-04–05 — Arbach 2005.

SOYCE/91–Shabwa no. 1 — Frantsouzoff 2005a. P. 198–199 (No. 5), pl. XLVIII, 1.

Sūna/L/1 — Robin 2000. P. 170, 189, fig. 10; Breton et al. 1980. P. 113, pl. V; Breton et al. 1980 (араб.). С. 117, pl. V.

Suq Bayt Na‘am 1 = Ga 35 (Ja) = Ga 10 (Av) — Garbini 1970b. P. 540, 542.

T.00.A.12 — Robin 2000. P. 162–164, 185, fig. 1–2.

TYA — Ryckmans J., Müller W., Abdallah 1994. P. 43–67, 74–105.

‘Uqayba 1–5 — Pirenne 1990. P. 51–54.

Van Lessen 9 — Ghul 1959. P. 419–423, pl. I.

Weigall 2 = Ry 361 — Голенищев 1888. С. 68, табл. I: № 2; Weigall 1909, pl. IV, fig. 14 (факсимиле); Ryckmans G. 1949. P. 57, 121 (факсимиле); Colin 1988. P. 35–36, fig. 2 (факсимиле); Лундин 1994.

X.JRy b-2 — Ryckmans J., Loundine 1997.

YM 617 — Sima 1999, S. 207–211.

YM 1950 — Gajda 2005.

YM 28975 — Arbach, Audouin 2007. P. 40–41; Bron 2010a. P. 42–43.

YMN 1 & 2 — Абдаллах 1979а. С. 47–53, 66–67, ил.; Robin 1991c. P. 99.

YMN 13 — Абдаллах 1979б. С. 45–50, 59–60, ил.

YMN 19 — Beeston 1997.

ZM 2000 — Gajda 2004.

СПИСОК КАРТ

Карта 1. Хадрамаут современный и древний (территории, находившиеся под контролем Хадрамаутского царства в I тысячелетии до н. э. — I в. н. э., заштрихованы серой сеточкой; за основу взята соответствующая часть справочной карты «Аравийский полуостров», масштаб 1:4 000 000. М.: ГУГК, 1982)

Карта 2. Государства Южной Аравии и Африканского Рога в первой половине I тысячелетия до н. э. и районы произрастания растений, дающих мирру и ладан (за основу взята карта из Groom 1997. P. 73)

Карта 3. Городища I тысячелетия до н. э. на западной окраине древнего Хадрамаута и во Внутреннем Хадрамауте (за основу взята карта из Седов 2005. С. 17, рис. 4)

Карта 4. Хадрамаут и другие государства Южной Аравии в начале I тысячелетия н. э. (за основу взята карта из Bāfaqīh 1990. P. 220; названия городищ и современных населенных пунктов даны прямым шрифтом, древних городов – в скобках курсивом; жители территорий, входивших в состав Катабанского государства, обозначены как **WLD-ʻM** — «дети [бога] ʻАмма»)

Карта 5. Военная кампания царя Хадрамаута Йадаʻʼила в ал-Джауфе в конце I в. н. э. по данным надписи Ja 643 (зелеными стрелками отмечено продвижение хадрамаутского войска, синими – сабейско-химйаритского; стрелки, отмеченные курсивом, показывают, каким был бы маршрут следования войск в случае локализации храма зӯ Йаḡрӯ в вади Шудайф, на краю пустыни ар-Рубʻ ал-H̱ālī; за основу взята соответствующая часть карты Robin, Brunner 1997)

Карта 6. Ход боевых действий во время Сабейско-Хадрамаутской войны во второй половине 20-х гг. III в. н. э. (зеленой стрелкой отмечено продвижение хадрамаутского войска, синими — сабейского; за основу взята соответствующая часть карты Robin, Brunner 1997)

Карта 7. Походы химйаритского полководца Саʻадтаʼлаба Йатлафа на Хадрамаут в конце 10-х и в начале 20-х гг. IV в. н. э. (сплошными синими стрелками отмечен его первый поход, курсивными — последующий; за основу взята соответствующая часть карты Robin, Brunner 1997)

УКАЗАТЕЛИ

Указатель топонимов и названий сооружений

А‘бāд, см. также *’‘bd*^{m}
‘Абадāн, вади
‘Абадāн, город, см. также *‘bd*^{n}
Абдā[н^{ум} ?], см. также *’bd[n*^{m} *?]*
Абиссиния, см. также Ḫабашатāн, *Ḥbs*^{2}*t*, *Ḥbs*^{2}*t*^{n}, ал-Ḫабаша, Аксум
‘Абр (город в вади Дура’), см. также *‘br*, Ḫувайдар
ал-‘Абр (поселение у истоков вади Ḫадрамаут), см. также ‘Абрāн
‘Абрāн, см. также ал-‘Абр
‘Абрāн, см. зӯ ‘Абрāн, вади
Аввāм
Аден
‘Āдӣйат ас-Сафӣл I
‘Āдӣйат ас-Сафӣл II
‘Азāб
Азана, см. также Зана
Азия Малая, см. Малая Азия
Азия Передняя, см. Передняя Азия
Айла
ал-‘Айн (‘Айн)
‘Айн Шамс, см. также Бēт Шемеш
Аккад, город в северной части Нижней Месопотамии, по которому стали называть всю эту область
ал-‘Аққāд, селение в Хадрамауте
Аксум, см. также Аксумское царство
Аксумское царство
Алӣм, см. также *’lm*
‘Амāқӣн
‘Амāра
‘Амд
Америка
Аммон
‘Амрāн, см. также *‘mr*^{n}
‘Āна, см. также ‘Анат
‘Анат, см. также ‘Āна
Анвад, см. также *’nwd*^{m}
Анф Ман‘ӣ, см. также *’nf/ Mn‘y*^{m}
Аншан
Аравийский полуостров
Аравийское море
Аравия
Аравия Западная, см. Западная Аравия
Аравия Восточная, см. Восточная Аравия
Аравия Саудовская, см. Саудовская Аравия
Аравия Северная, см. Северная Аравия
Аравия Северо-Западная, см. Северо-Западная Аравия
Аравия Счастливая, см. Счастливая Аравия
Аравия Центральная, см. Центральная Аравия
Аравия Юго-Западная, см. Юго-Западная Аравия
Аравия Южная, см. Южная Аравия
Арāк
‘Арарāт, см. также ал-Асāḫил, Ḫарибат ал-Асāḫил
ал-Асāḫил, см. также ‘Арарāт
Ассирия, см. также Новоассирийская военная держава, *’’s*^{2}*r*
‘Аṭф
Аусан, см. также Аусāн, *’ws*^{1}*n*
Аусāн
Афины
Африка Восточная, см. Восточная Африка
Африка Черная, см. Черная Африка
Африканский Рог
Ахеменидская империя
Аḫирр, см. также Ḫирр
Ашшур

Бā Қутфа
Байн, см. Зӯ Байн
Байт ал-Аḫрақ
Байḫāн, см. также Барм
Барāқиш, см. также Йасилл
Бар’āн
Барахӯт
Барбарика, см. также Варварийская страна
Баригазы, см. также Камбейский залив
ал-Барӣра
Барм, см. также Байḫāн
Баḫр Ḫаṭаб, см. также *Bḥr/ Ḥṭb*^{m}
Бейрут
Бейт Ḫāдира
Бēт Мāр Аврахам
Бēт Мāр Антиохӣнā
Бēт Шемеш, см. также ‘Айн Шамс
ал-Бинā’, см. также Либнā
Би’р ‘Алӣ, см. также Қани’

Би’р Ҳамад
Бӣша
Благодатный Полумесяц
Ближний Восток

Вавилон
Вāдӣ Маз̲āб, см. Маз̲āб, вади
Ва‘лāн, см. также *W‘l^{n}*, ал-Ми‘сāл
Варварийская страна, см. также Барбарика
Васаṭхāн, Васаṭ(х)āн, см. также Райбӯн VI
Васр, см. также Хаджар ан-Нāб
Внутренний Хадрамаут
Восток Ближний, см. Ближний Восток
Восток Древний, см. Древний Восток
Восточная Аравия
Восточная Африка
Восточное Средиземноморье
Восточный Шиҳр

ал-Ғабр (Ғабр), см. также *Ḡbr*
Гадес, пунический город
Газа, см. также *Ḡzt(m)*, *[Ḡz]t*
Гамбург
Герра
Греция
Греция Древняя, см. Древняя Греция
Гуджарат
ал-Ғураф

Дайфатхāн, см. также *Ḍyf[t]^{hn}*
Да‘ма, см. также *D‘mt*
Дамқӯт
Даммӯн, часть ал-Хаджарāна
Даммӯн, близ Тарӣма, см. также *Dmn*
Дас̲ӣна
Дау‘ан, см. *Dw‘n*
Дахас, см. также *Dhs^{1m}*
Дахр, см. также *Ḍhr*
Дедан, см. также ал-‘Улā, *Ddn*
Делос, см. также *Dl̲t*
Джабал ал-‘Ауд
Джабал ал-Лауз̲
ал-Джанад
Джаулат ар-Румāд (ар-Румā
ал-Джауф, область
ал-Джауф, вади
Джирдāн
Джӯджа
Диоскурида / Диоскуриду, см. также Сокотра
«Долина»
Дофар, см. также Са’калāн
Древний Восток
Древний Египет
Древняя Греция
Дӯмат ал-Джандал
Дура’, вади, см. также з̲ӯ Дура’, *ḏ-Ḍr’*, община
Духр

Европа
Евфрат
Египет, см. также *Mṣr*
Египет Древний, см. Древний Египет
Египет Северный, см. Северный Египет

аз-Зāлиф I
З̲амāр
З̲ана, см. также Аз̲ана
Западная Аравия
Западная Индия
З̲āт Ғайл, см. также *Ḏt/Ḡyl^{m}*, З̲ӯ Ғайл, Хаджар Бин Ҳумайд
Ẓафāр, область на юго-востоке Аравии, см. Дофар
Ẓафāр, столица Химйара,см. также Сафар
Западный Хадрамаут
Заречье, см. также *‘br/Nhr^{n}*
зӣ Ғарв, см. также *ḏ-Ḡrw*
з̲ӯ ‘Абрāн, вади
З̲ӯ Байн
З̲ӯ Ғайл, см. также *Ḏ-Ḡyl^{m}*
з̲ӯ Ғарв, см. также *ḏ-Ḡrw*
з̲ӯ Йағрӯ, см. также *ḏ-Yḡrw*
з̲ӯ Ҳурма (з̲ӯ Ҳурмат)

‘Идим
Израиль
Инабба’
Индийский океан
Индийский субконтинент
Индия, см. также Индийский субконтинент, Индостан
Индия, Западная, см. Западная Индия
Индия, Северо-Западная, см. Северо-Западная Индия
Индия, Южная, см. Южная Индия
Индостан
Иония
Ирак
‘Ирмā
Италия
Иудея, см. также *Yhd*

Йағрӯ, см. з̲ӯ Йағрӯ
Йаз̲’āн
Йаз̲та’āн, см. также *Yḏt’^{n}*
Йакун
Йалā
Йаманат, см. также *Ymnt*
Йандаḏ, см. также *Yndḏ*
ЙАР (Йеменская Арабская Республика)
Йас̲илл, см. также Барāқиш
Йас̲риб
Йāфи‘
Йаҳāр, см. также Йаҳурр, *Yḥr*
Йаҳурр, см. также Йаҳāр, *Yḥr*
Йемама
Йемен, см. также Йеменская Республика
Йемен Северный, см. также Северный Йемен
Йемен Южный, см. Южный Йемен
Йеменская Республика
Йеменские горы
Йеменское нагорье

Ка’батāн, см. также *K’bt^{n}*
Камбейский залив
Каминахӯ
Кана, см. также Қани’
Кана Галилейская
Кани
Қани’, см. также Кана, Кани, *Qn’*, Καννή, Би’р ‘Алӣ
Қарйат З̲āт Кахл, см. также Қарйат ал-Фāв
Қарйат ал-Фāв, см. также Қарйат З̲āт Кахл
Қарнау, см. также Ма‘йн, городище
Карры, см. также Ҳаррāн
Карфаген
ал-Каср
Қаср ал-Банāт
Катабан, см. также Қатабāн, Катабанское царство, Катабанское государство, *Qtbn*

Ḳатабāн
Катабанское государство
Катабанское царство
Катар
Кафас, см. также Райбӯн V
Каḫад, см. также *Kḥd*
Кедар
Киликия
Ḳилт, см. также *Qlt*
Ḳифт, см. также Коптос
Киш
Коптос, см. также Ḳифт
Красное море
ал-Ḳуза
Ḳуẕатхāн, см. также *Qḏtʰn*, ал-Ḳуза
Ḳуṣайр
Кутāл, см. также Ḫарибат Саʿӯд
ал-Ḳуфф
Куш
Кшатрапа

Лабад, см. также *Lbd*
Ладаноносная страна, см. также χώρα Λιβανωτοφόρος
Ладжийа
Лаḳлāт
Лейман (ал-Айман)
Либнā, см. также ал-Бинāʾ
Лидия
Лимирика, см. также Тамилакам
Лихйанское царство

Маʿāфир
ал-Маʿāфир, см. также Маʿāфир, Мафаритис
Māвийа, см. также *Mwyt*
Магāн
Мадḫā, см. также Мадḫāᴹ
Мадḫāᴹ
Мадḫī, см. также Мадḫā, Мадḫāᴹ, *Mḏḥyᵐ*
Маẕāб, вади, см. также *Mḏb*
Маẕāб, город, см. также *Mḏbᵐ*
Маẕāб, храм, см. также *Mḏbᵐ*
Маин, см. также Маʿīн, государство; Маинское царство; *(M)ʿnᵐ*
Маʿīн, городище, см. также Ḳарнау
Маʿīн, государство
Маинское царство
Майфаʿ, см. также *M[y]fʿ*
Майфаʿа, вади
Майфаʿа (Майфаʿат), крепость, см. также *Myfʿt*, Μαιθάθ/Μαιφάθ, Наḳб ал-Хаджар
Майфаʿāн, храм Сийāна, см. также Райбӯн XIV
Майфаʿāн, храм Вадда
Макайнӯн
Макка, см. также Мекка
Малая Азия
Манваб, см. также *Mnwbᵐ*
Маон
Марāвиḫ
Марāвиḫ I
Марбург
Мари
Мариб, см. также Māриб, Маʾриб, *Mrb*, *Mryb*
Māриб
Марибская плотина
Марибский оазис
Маʾриб
Марйама
Марḫа
Масада
Масйла, ал-Масйла
Маскана, см. Мескене / Маскана
Маṯархāн, см. также *Mṯrʰn*
Мауза‘
Маутар
Мафаритис, см. также Μαφαρ<ί>τιδος
ал-Маḫа
Маḫавāн, см. также ал-Маḫа / ал-Муḫа, *Mḫwⁿ*
Махра
Маḫрам Билḳīс
Машḏа
Машриḳāн, см. также *Ms²rqⁿ*
Мегиддо
Мекка
Мескене / Маскана, см. также Эмар
Месопотамия
Месопотамия Южная, см. также Южная Месопотамия
Мидия, см. также Мидийская держава, *Mḏy*
Мидийская держава
«Минея»
Мирвāḫ, см. также *Mrwḥ*
Мирвāḫ 1
ал-Миʿсāл, см. также Ваʿлāн
Мисвар, см. также *Ms¹wr*
Мīḫ
Мишвар
Мишṯа
Млейḫа
Моав
Москва
Мосха, см. также Μόσχα
Мохенджо-Даро
Муза, см. также Мауза‘, Μούζα
ал-Мукалла (ал-Мукалла’)
ал-Муḫа
Мюнхен

Наʿāм
Наʿмāн, храм Ẕāт Ḫимйам, см. также Райбӯн V
Наʿмāн, храм Вадда
Нагрāн, см. также Наджрāн, Наджранский оазис, *Rgmtᵐ*
Наджрāн, см. также Нагрāн, Наджранский оазис, *Rgmtᵐ*
Наджранский оазис, см. также Нагрāн, *Rgmtᵐ*
Наḳб ал-Хаджар, см. также Майфаʿа, крепость
Наʿмāн, см. также Райбӯн V
Народная Демократическая Республика Йемен
Народная Республика Южного Йемена
ан-Наẖла ал-Ḫамрāʾ
Нашḳ
Нашшāн, см. также ал-Ḫариба ас-Саудāʾ, *Ns²n*
НДРЙ (Народная Демократическая Республика Йемен)
Неджд
Ниппур
Ниṣāб
Нихм
Новоассирийская военная держава, см. также Новоассирийская империя
Новоассирийская империя
Нововавилонская империя
Нововавилонское царство, см. также Нововавилонская империя, *Ks²dᵐ*
Новый Ḫаулāн, см. также *Ḫwlⁿ/Gddᵐ*

ОАЭ (Объединенные Арабские Эмираты)
Оксфорд
Оман, ʻОман (sic)

Палестина
Пальмира
Париж
Передняя Азия
Персидский залив
Полумесяц Благодатный, см. также Благодатный Полумесяц
Пунт
Пятая провинция

Раама
ар-Раввāфа / Руввāфа
Раḡвāн
Радмāн, см. также *Rdm*^{n}
Райбӯн, см. также *Rybn*
Райбӯн I
Райбӯн V, см. также Кафас; Наʻмāн
Райбӯн VI, см. также Васаṭхāн, Васаṭ(х)āн
Райбӯн VIII
Райбӯн XIV, см. также Майфаʻāн
Райбӯн XV
Райбӯн XVI
Райбӯн XVII
Райбӯн XIX
Райбӯн XXVI
Райбӯн XXXIV
Райбӯн XXXVI
Райдāн, см. также *Rydn*, ʻΡαειδᾶν,ʻΡεειδᾶν
Рам, см. также Рэм
Рамлат ас-Сабʻатайн, см. также Ṣайхад
Рамм
ар-Радрāд
Раʼс Шамра
Ратḡа
Раṭḡа, см. также *Rṭḡt*^{m}
Рафия
Раҳбāн, см. также *Rḥb*^{n}
Раҳбатāн
Раҳйа
ар-Рийāд
Рим
Римская республика
ар-Руб‘ ал-Ҳāлӣ
ар-Рукба
Рэм

Саба, см. также Сабаʼ, Сабейское государство, Сабейское царство, Sabaʼ
Сабаʼ
Сабейское государство
Сабейское царство
Сабейско-Химйаритское государство
Ṣабир
ас-Савā, см. также Савэ, *S*^{3}*w*^{m}
Савэ, см. также Σαυὴ
Ṣаʻда
Ṣадау
Сайʼӯн
Ṣайхад, см. также Рамлат ас-Сабʻатайн
Сайҳӯт
Саʼкалāн, Саʼкалхāн, Саʼкал(х)āн см. также *S*^{1}*ʼkl*^{n}, *S*^{1}*ʼkl*^{hn}, *S*^{1}*ʼkl*$^{(h)n}$
Салāла
Ṣалфаʻхāн (топоним?), см. также *Ṣlfʻ*^{hn}
Салҳӣн, см. также *S*^{1}*lḥn*
Сана, город
Санāʼ, вади
Ṣанʻāʼ, см. также Сана
Ṣанʻāн
Санкт-Петербург
Санская равнина
Саʼнӯн, см. также *S*^{1}*ʼnn*
Сарӣрāн, см. также *S*^{1}*rr*^{n}, «Долина»
Сарӯм, см. также *S*^{1}*rm*
Сауба, вади
Сауба, город, см. также *Ṯwbt*
Саубата, см. также Σαυβαθά
ас-Саудāʼ, см. также ал-Ҳариба ас-Саудāʼ, Нашшāн
Саудовская Аравия
Сафар, см. также <Σ>αφὰρ
Сахалит, см. также Σαχαλίτης
Север (древнего Йемена), см. также *s*^{2}*ʼmt*
Северная Аравия
Северный Йемен
Северо-Восточная Эфиопия
Северо-Западная Аравия
Северо-Западная Индия
Северный Египет
Сидон
Ṣирвāҳ, см. также Ṣirwāḥ, *Ṣrwḥ*
Сирия
Сиро-Месопотамская пустыня
Сиро-Палестинский регион
Сихем, см. также Шхем
Сокотра, см. также Диоскурида / Диоскуриду, *S*^{3}*krd*
Сомали
Средиземноморье
Средиземноморье Восточное, см. Восточное Средиземноморье
Ṣува'рāн, см. также *Ṣw'r*^{n}
Судан
Сузы
Султанат Оман, см. Оман
Сумʻай
Сумурāм, см. также *S*^{1}*mrm*
Сум(х)урāм
Сумхурāм, см. также Сум(х)урāм, Сумурāм, *S*^{1}*mhrm*, Samahārum, Sumhurвm, Хор Рори
Сӯна
аṣ-Ṣурайра
Сӯҳу
Счастливая Аравия, деревня

аṭ-Ṭāʼиф
Таймāʼ, см. также Тейма
Талл ал-ʻАмāрина
Тамилакам
Тамнаʻ, см. также Thomna, *Tmnʻ*$^{(m)}$
Таʻним
Тарӣм, см. также *Trm*
Таулаба, см. также *Twlbt*
Тейма
Телла
Телль (Талл) Абӯ Салабӣҳ
Телль Эль-Амарна, см. также Талл ал-ʻАмāрина
Тиграй
Тир
Тихāма
Тубāн, вади
Тубанӯ, область, см. также *Tbnw*
Тунис

ʻУḳайба
ал-Уḳла
ʻУḳрāн
ал-ʻУлā, см. также Дедан
Ур
Урук

Файйумский оазис
Фаṭӯра
Франция

ал-Хабаша
Хабашатӑн
Хаббӑн
Хагарайн
Хагарейн
Хагарэйне
Хагр, см. также *Ḥgr*
Хадӑ
Хадаḳӑн
ал-Хадӑрим
Хаджар, первый элемент названий многих городищ в топонимике Йемена
Хаджар Бин Хумайд, см. также Зӑт Ґайл
Хаджар Варрӑç, см. также Халазув
Хаджар ам-Зайбӣйа
Хаджар Йахирр
Хаджар ан-Нӑб, см. также Васр
ал-Хаджарӑн
ал-Хаджарайн, см. также ал-Хаджарӑн, Хагарайн, Хагарейн, Хагарэйне, Hagarain, [Ha]jarēn
Хаджр, см. также Хагр
ал-Хаджра
Хадрамаут, город
Хадрамаут, историческая область, провинция Южного Йемена и Йеменской Республики
Хадрамаут, государство, см. также Хадрамаутское государство, Хадрамаутское царство, Ладаноносная страна, Пятая провинция
Хадрамаут, государство, см. также Хадрамаут, государство; *Ḥḍrmt*, *Ḥḍrmwt*
Хадрамаут, вади
Хадрамаут Внутренний, см. Внутренний Хадрамаут
Хадрамаут Западный, см. Западный Хадрамаут
Хадрамаут Нижний, см. Нижний Хадрамаут
Хадрамаутское государство
Хадрамаутское царство
Хадрӑн
Хайдӯн, см. также Хаудӯн
Хайла ал-Ḳиблӣйа
Хайла аш-Шарḳӣйа
Хакир
Халазув, см. также *Ḥlzw*^{m}, Хаджар Варрӑç
Халдея
Халифат
Халс, см. также *Ḥls*^{1m}
Халфа
Хаммӑмӑт, вади в Египте
Хаммамет, город в Тунисе
Ханӑн, см. также *Ḥnn*
Хӑнӯн, см. также Ханӯн
Ханӯн
Харам, см. также *Hrm*^{m}
Хараппа
Хариба, см. также *Hrbt*
ал-Хариба ас-Саудӑ', см. также ас-Саудӑ', Нашшӑн
Харибат ал-Асӑхил, см. также ʻАрарӑт
Харибат Саʻӯд, см. также Кутӑл
Харӣф
Харрӑн, см. также Карры
Хаçӣ
Хаудӯн, см. также Хайдӯн
Хаулӑн, область на юге древнего Йемена
Хаулӑн Новый, см. Новый Хаулӑн
Хаур Рӯрӣ, см. также Хор Рори
Хацор
Хибд, см. также *Ḥbd*
Хидбат К(а)рӯшӑн
Хиджаз
ал-Хидрима, город
ал-Хидрима, колодец
Химйар, см. также Химйар, Химйаритское государство, Химйаритское царство
Химйар, см. также *Ḥmyr*^{m}
Химйаритское государство
Химйаритское царство
Химс (Химç), см. также Эмесса
Хинв аз-Зурайр
Хирр, см. также Аḫирр
Хоḳ
Хор Рори, см. также Сумхурӑм
Хувайдар, см. также ʻАбр (город в вади Дура')
Хурайда
Хурайхар
Хурма, см. зӯ Хурма
Хурç, см. также *Ḥrṣ*^{m}
Хуçн ал-Ґурӑб
Хуçн ал-Ḳайс

Центральная Аравия

Черная Африка

Шаʻба, колодец, см. также *S*^{2} *ʻbt*
Шабва (Шабват), см. также Саубата, *S*^{2}*bwt*, Sabota, Σαβαθά
Шадв, см. также *S*^{2}*dw*^{m}
Шайʻӑн, см. также *S*^{2}*yʻ*^{n}
Шаḳир, см. также *S*^{2}*qr*
Шиʻб ал-Вадӑ
Шиʻб Тинтиʻайн
Шибӑм, город в Хадрамауте, см. также *S*^{2}*bm*
Шибӑм Каукабӑн, город в окрестностях Саны
Ширджӑн
Шисʻа
аш-Шиҳр
Шиҳр Восточный, см. Восточный Шиҳр
Шиҳрӑр
Шри Ланка
аш-Шудайф
Шумер
Шхем, см. также Сихем

Эгейское море
Эдесса
Эдом
Эйлат, см. также Айла, Элана
Элам
Эмар, см. также Мескене / Маскана
Эмесса, см. также Химс
Элана
Эритрейское море
Эритрея
Эфиопия
Эфиопия Северо-Восточная, см. Северо-Восточная Эфиопия
Эфиопское нагорье

Юг (древнего Йемена), см. также *ymnt*
Юго-Западная Аравия
Южная Аравия

Южная Индия
Южная Месопотамия
Южный Йемен, см. также Народная Демократическая Республика Йемен, Народная Республика Южного Йемена

’’s²r
’‘bdᵐ
’bd[nᵐ ?]
’lm
’nf/Mn‘yᵐ
’nwdᵐ
’ṯḫ
’ws¹n

‘bdⁿ
‘br
‘br/Nhr-n
‘mll
‘mrⁿ
‘r/’hlⁿ
‘r/Klybᵐ

Bḥr/Ḥṭbᵐ

Cana

D‘mt
Ddn
Dhs¹ᵐ
Dlṯ
Dmn
Dw‘n

Ḏ-’mrᵐ
Ḏ’nᵐ
Ḏ-Ḡylᵐ
Ḏt/Ḡylᵐ

Ḍhr
Ḍyf[t]ʰⁿ

Fnnⁿ

Ḡbr
ḏ-Ḡrw
Ḡzt(ᵐ), [Ḡz]t

Hadramawt
Hagarain
[Ha]jarēn
Hgr
Hn
Hrbt
Hrm
Hrmᵐ

Ḫmrⁿ
Ḫrṣᵐ
Ḫwlⁿ/Gddᵐ

Ḥaḍramaut
Ḥaḍramawt
Ḥaḍramūt
Ḥbd
Ḥbs²t
Ḥbs²tⁿ
Ḥḍrmt
Ḥḍrmwt, Ḥḍrm(w)t
Ḥgr
Ḥls¹ᵐ
Ḥlzwᵐ
Ḥmyrᵐ
Ḥnn

K’btⁿ
Kḥd
Kḥd/ḏ-Tdn
Ks²dᵐ

Lbd
Ls² ‘ⁿ

(M)‘nᵐ
Mḏb
Mḏbᵐ, город
Mḏbᵐ, храм
Mḏy
Mḍḥyᵐ
Mḫwⁿ
Mnwbᵐ
Mrb
Mrwḥ
Mryb
Ms¹wr
Ms²rqⁿ
Mṣr
Mṯrʰⁿ
Mwyt
M[y]f‘
Myf‘t

Ns²n
Ns²qᵐ

Pr-R‘-ms-sw-mr’-’Imn

Qḏtʰⁿ
Qlt
Qn’
Qtbn
’

Rdmⁿ
Rfḥtᵐ
Rgmtᵐ
Rḥbn
Rṯḡtᵐ
Rṯḥᵐ
Rybn
Rydn

Saba’
Sabota
Sa’kalān
Samahārum
Sumhurʁm
Sˡ ’klʰⁿ, Sˡ ’kl(h)n
Sˡ ’klⁿ
Sˡ ’nn
Sˡb’
Sˡbl
Sˡmhrm
Sˡmrm
Sˡrm
Sˡrrⁿ

s² ’mt
S² ‘bt
S²bm
S²bwt
S²dwᵐ
S²hrⁿ, название храма (?)
S²qr
S²y ‘ⁿ

S³krd
S³wᵐ

Ṣirwāḥ
Ṣlf‘ʰⁿ
Ṣrwḥ
Ṣw’rⁿ

Tbnw
Thomna
Tmn‘(m)
Trm
Twlbt

Ṯwbt

W‘l^{n}
ḏ-Ws^{1}*r*

Yḏt’^{n}
ḏ-Yḡrw
ḏ-Yḡrw
Yhd
Yhnṭl
Yḥr
Yndḏ
Ynhgw
Ymnt | *ymnt*

‘Αδραμύτα

Κανή

Μάδα
Μαιθάθ/Μαιφάθ
Μαφαρ<ί>τιδος
Μόσχα
Μούζα

‘Ράβανα, см. также ‘Ράβανα βασίλειον
‘Ράβανα βασίλειον
‘Ραειδᾶν
‘Ρεγμὰ
‘Ρεειδᾶν

Σαβαθά
Σαυβαθά
Σαυὴ
Σαχαλίτης

Χατραμωτίτις
χώρα Λιβανωτοφόρος

Указатель имен божеств

Аллāт, см. также Лāт/āн/, *Lt*, *Lt*^{n}
Аллах
Алмаḳах, см. также Альмаках, *’lmqh*
Альмаках
‘Амм, см. также *‘m*
Амон
Анбай, см. также *’nby*
Ас̲ират
‘Астар, сабейский бог на Африканском Роге, см. также *‘s*^{1}*tr*
‘Астар, сиро-месопотамское божество
‘Аśтар, см. также *‘s*^{3}*tr*
‘Ас̲тар, см. также *‘ṯtr*, ‘Аśтар
‘Ас̲тар з̲ӯ З̲ибāн
‘Ас̲тар з̲ӯ Йахриḳ
‘Ас̲тар з̲ӯ Ḳабд̲
‘Ас̲тар Науфāн
‘Ас̲тар Шарḳāн («Восточный»)
‘Ас̲тар^{ум}/‘Аśтар^{ум}, см. также *‘ṯtr*^{m}, *‘s*^{3}*tr*^{m}, ‘Истар
Афина

Ба‘лат Шахрāн, см. также *B‘lt/s*^{2}*hr*^{n}
Балау

Вадд, см. также *Wd*, *Wd*^{m}, ΟΔΔΟΥ, ΟΑΔΔΩ
Варафӯ, см. также *Wrfw*
«Владыка Неба»

Ган[…],см. также *Gn[...]*

З̲āт Ба‘дāн, см. также *Ḏt-B‘dn*
З̲āт З̲ахрāн, см. также *Ḏt/Ẓhr*^{n}
З̲āт Ṣант^{им}
З̲āт Ṣахрāн, см. также *Ḏt/Ṣhr*^{n}
З̲āт Ḫимай, см. Также *Ḏt-Ḥmy*
З̲āт Ḫимйам, см. также *Ḏt(-)Ḥmym*, dhāt-Ḥimyam
З̲āт Ḫуśӯл, см. также *Ḏt/Ḥs*^{3}*wl[*^{m}*]*
з̲ӯ Алāм, см. Сийāн з̲ӯ Алāм
зу-’Илим, см. Сайин зу-’Илим
з̲ӯ Маз̲āб, см. Сийāн з̲ӯ Маз̲āб
з̲ӯ Маутар, см. Сийāн з̲ӯ Маутар
З̲ӯ Самав(ӣ), см. также *Ḏ-S*^{1}*mw*
З̲ӯ Самавӣ, см. также *Ḏ-S*^{1}*mwy*, *Ḏ-S*^{1}*my*, *Ḏw-S*^{1}*mwy*, dhы s-Sambwo
Зуэн, см. также ^{d}EN ZU

Ил, см. также *’l*
Илахатāн
‘Истар, см. также ‘Istar dhвt-Hadrвn
Иштар, см. также ‘Истар
Лāт/āн/

Манāт
Матабнаṭийāн
«Милостивый», см. также Раḥмānāн, *Rḥmn*^{n}

Накраḥ

Палес
Помон
Помона

Рафхатам, эпитет божества (?), см. также топоним *Rfḥṭ*^{m}
Раḥмānāн

Сайин, Сайӣн
Сайин зу-’Илим
Сийāн, см. также Сайӣн, Сайин зу-’Илим, Сӣн, Sabin, Savin, Sayn, Sayyān, Sayin, Sayyin, Sīn, *S*^{1}*yn*
Сийāн з̲ӯ Алӣм, см. также *S*^{1}*yn/ḏ-’lm*
Сийāн з̲ӯ Маз̲āб, см. также *S*^{1}*yn/ḏ-Mḏb*^{m}
Сийāн з̲ӯ Майфа‘āн, см. также *S*^{1}*yn/ḏ-Myf‘*^{n}
Сийāн з̲ӯ Маутар, см. также *S*^{1}*yn/ḏ-Mwtr*
Син, месопотамский бог, см. также *S*^{1}*n*
Сӣн, хадрамаутский бог
Суин

Тадан
Тадӯн, см. Тадан, *Tdn*, Tadūn
Танӯф, см. также *Tnf*

ал-‘Уззā, см. также ‘Уззайāн
‘Уззайāн, см. также *‘z*^{n}

Фаун
Фауна

Хаубас, см. также Хубас
Ḫаукам, см. также *Ḥwkm*
Ḫаул, см. также *Ḥwl*
Хубас, см. также *Hbs*^{1}

Шамс, см. также *S*^{2}*ms*^{1}

’l

’lhw/S^{l}qmt^{m}
ḏ-’lm
’lmqh
’nby

‘m
‘s^{3}tr
‘s^{3}tr^{m}
‘ṯtr
‘ṯtr/B’s^{1n}
‘ṯtr^{m}
‘zy^{n}

B‘lt/s^{2}hr^{n}
Blw

dhāt-Ḥimyam
Ḏ-S^{l}mw
Ḏ-S^{l}mwy
Ḏ-S^{l}my
Ḏt-B‘dn
Ḏt-Ḥmy
Ḏt(-)Ḥmym
Ḏt/Ḥs^{3}wl[^{m}]
Ḏt/Ṣhr^{n}
Ḏt/Ẓhr^{n}
Ḏы-Samвw
Ḏы-Ṣamвwo
Ḏw-S^{l}mwy

^{d}EN ZU

Gn[…]

Hbs^{1}

ḏt/Ḥḍr^{n}
Ḥwkm
Ḥwl

‘Istar dhвt-Hadrвn

Ltn

ḏ-Mḏb^{m}, см. *S^{l}yn/ḏ-Mḏb^{m}*
ḏ-Mwtr, см. *S^{l}yn/ḏ-Mwtr*

<Q>bḍ<^{m}>

Rḥmn^{n}

Sabin
dhы s-Samвwo
Savin
Sayn
Sayyān
Sayin
Sayyin
Sīn

S^{l}n
S^{l}qmt^{m}, см. *’lhw/S^{l}qmt^{m}*
S^{l}yn
S^{l}yn/ḏ-’lm
S^{l}yn/ḏ-Mḏb^{m}
S^{l}yn/ḏ-Mwtr

S^{2}ms^{1}

Tadūn
Tdn
Tnf

Wd^{m}
Wd^{m}/ḏ-Myf‘^{n}
Wrfw

OΑΔΔΩ
OΔΔOY

Указатель личных и родовых имен

А‘бад, см. также *’‘bd^{m}*
‘Аббшамайā’, см. Абгар, сын ‘Аббшамайā’
Абгар, сын ‘Аббшамайā’, см. также *’bgr/br|‘bšmy’*
‘Абд ал-‘Азīз Джа‘фар Бин Аḳīл
‘Абд ар-Раḥмāн ас-Саḳḳāф, см. ас-Саḳḳāф, ‘Абд ар-Раḥмāн
‘Абд‘алī, см. также *‘bd‘ly*
‘Абдаллах, Йӯсуф Муḥаммад
‘Абдаллах Филби, см. Филби, Гарри Сент-Джон Бриджер
Абī’анас
Абīйада‘ Йаса‘
Абī‘алī, см. также *’b‘ly*
Абīйаса‘
Абīйаśа, патронимия хадрамаутских правителей, см. также *’bys^{3}‘*
Абīйаśа, см. Йашхур’ил Йухар‘иш, сын Абīйаśа‘
Абīйаса‘, см. также *’byṯ‘*
Абīйаса‘, сын Замар‘алī, см. также *’byṯ‘/bn/Ḏmr‘ly*
Абīйаса‘ Салḥāн, сын Замар‘алī, см. также Абīйаса‘, сын Замар‘алī, *’byṯ‘/S^{l}lḥ^{n}/bn/Ḏmr‘ly*
Абīкариб, см. Вадад’ил, сын Абīкариба
Абīкариб зӯ Вадд, см. также *’bkrb/ḏ-Wd^{m}*
Абīкариб Ас‘ад
Абīрашад, дочь Ша‘арвадда, см. также *’brs^{2}d/bnt/S^{2}‘rwd*
Абīраḥīм, см. также *’brḥm*
Абīсарак
Абīшамир Аулаṭ, см. также *’bs^{2}mr/’wlṭ*
Абīшибāм, см. также Шахр Ғайлāн, сын Абīшибāма
‘Абл, см. также зӯ ‘Абл
Абраха
Абḥӯд, см. Мабḥӯд, сын Абḥӯда (из рода Абḥӯд)
Аванцини, Алессандра
Агафархид Книдский
‘Адвāн, кличка верблюда
‘Азīз, см. также *‘ḏḏ^{m}*
‘Азīз (сын Абī’анаса), см. также *‘ḏḏ^{m}/bn/’b’ns^{1}*
Азн, см. Шараḥ, сын Азна
Аḳйāн
‘Аḳн, см. также *‘qn^{m}*
Аḳхал, сын Йашкур’ила
Алаев Л. Б.
Алаф, см. также *’lf^{m}*
‘Алāхумӯ, см. также *‘lhmw*
Александр
‘Алī б. Аḥмад ал-‘Аṭṭāс, см. также ал-‘Аṭṭāс
‘Алḳама б. зī Джадан
‘Алхāн, эпитет хадрамаутских правителей
‘Алхāн Нахфāн, см. также *‘lhn*
Амат’ис, см. также *’mt’ṯ*
‘Амдāн Баййин Йухаḳбид
‘Амīрат(а‘?), см. Бикрāн, сын ‘Амīрата(‘?) (из рода ‘Амīрат(а‘?))
Амиртей
‘Аммī’анас, см. также *‘m’ns^{1}*
‘Аммīзакар, см. также зӯ ‘Аммīзакар
‘Аммīзамар, см. Бин’ил, сын ‘Аммīзамара

‘Аммӣзаҳир, патронимия хадрамаутских правителей, см. также *‘mḏḥr*
‘Аммӣзаҳир, см. Илӣ‘азз (Илӣ‘азз) Йалут, сын ‘Аммӣзаҳира
‘Аммӣ’ил ‘Алхӑн, сын Радау’ила, см. также *‘m’l/‘lhn/bn/Rḍw’l*
‘Аммӣйада‘
‘Аммӣкариб, см. также Закар’ил Лаҳайӑн, сын ‘Аммӣкариба
‘Аммӣшафаḳ, см. Ҫабаҳхумӯ, сын ‘Аммӣшафаḳа
‘Амр б. ал-‘Āç
‘Амр, сын ‘Ауфа, см. также *‘mr^{m}/bn/‘wf^{m}*
Анмӑр, см. также *’nmr^{m}*
Антиох III
Антиох IV Эпифан
‘Арбаш, Мунӣр
Аретa
Аристобул из Кассандрии
‘Арḳ, см. также *‘rq^{m}*
Артаксеркс III Ох
ал-‘Āç, см. также ‘Амр б. ал-‘Āç
Ас‘ад Йазӣд
Асад Сал‘ӑн, сын Ḳаума, см. также *’s^{1}d^{m}/Tl‘^{n}/bn/Qwm^{m}*
‘Аскалӑн, см. ‘Ускулӑн / ‘Аскалӑн
‘Асм, сын Ҳабса, см. также *‘s^{1}m^{m}/bn/Hbs^{1m}*
Асрак, см. также Са‘ад’ил, сын Асрака
ал-‘Аṭṭӑс, см. также ‘Алӣ б. Аҳмад ал-‘Аṭṭӑс
‘Ауз, см. также *‘ḍ^{m}*, *‘wdw*
Аус, сын Га‘рӑна, см. также *[’w]s^{1m}/bn/G‘r^{n}*
Аус‘асат, сын ‘Абӣ‘алӣ, см. также *’ws^{1} ‘tt*
‘Ауф, см. ‘Амр, сын ‘Ауфа
Афҫā, сын Гумӑна / Джумӑна, см. также *’fṣy/bn/Gmn*
‘Ахар’ил, см. также *‘hr’l*
Ахемениды
Аҳкалӣ
Аҳмад

Бā Фаḳӣх, Муҳаммад ‘Абд ал-Ḳӑдир
Базилий
Баййин, эпитет сабейских мукаррибов и хадрамаутских правителей
Бардайсан / Бардесан
Барраллӑт, см. также *Brlt*
Бата‘
Бауэр Г. М.
Бауэрсок, Глен
Бенйӑмӣн Сасс, см. Сасс, Бенйӑмӣн
Би‘ас̱тар, см. также *B‘ṯtr*
Бикрӑн, сын ‘Амӣрата(‘?) (из рода ‘Амӣрат(а‘?)), см. *Bkr^{n}/bn/‘mrt(‘?)*
Бин Аḳӣл, см. ‘Абд ал-‘Азӣз Джа‘фар Бин Аḳӣл
Бин Муḳанна‘, см. также *bn/Mqn‘^{m}*
Бин’ил, сын ‘Аммӣзамара, см. также Ра’бӑн, Раббӑн’ил
Бистон, Альфред Феликс Лэндон
Бокам, Жоэль
Большаков О. Г.
Бретон, Жан-Франсуа
Брикель-Шатоннэ, Франсуаза
Брон, Франсуа
Бруннер, Юли
Бӯ Бакр ал-Кāф
Буḳшӑн, см. Са‘ӣд Буḳшӑн
Бухарин М. Д.

Вā’ил, священномученик
Вā’ил, см. Шахр, сын Вā’ила
Вадад’ил, см. Тубба‘кариб, сын Вадад’ила
Вадад’ил, сын Абӣкариба
Вадд, см. зӯ Вадд
Вадд’аб
Вā’ил, см. также *W’l^{m}*
ал-Валӣд, см. Ҳӑлид б. ал-Валӣд
Ван Бик Г. У.
Ва‘рӑн Ҳайват
Варау’ил, см. также *Wrw’l*
Ватар, эпитет сабейских мукаррибов
Ватар’ил
Ватар’ил Захрӑн
Вахаб’ил Йаҳӯз, см. также *Whb’l*
Вахб, сын Да’са, см. также *Whb^{m}/bn/D’s^{1m}*
Виноградов Ю. А.
Виноградов Ю. Г.
фон Виссман, Герман
фон Вреде, Адольф

Габбā’ӑн
Гадан, см. также зӯ Гадан, зӯ Джадан, *bn/Gdn^{m}*
Гадара, см. также *Gdrt*
Гайда, Ивона
Ḡайлӑн, род, см. также *Ḡyl^{n}*
Ḡайлӑн, эпитет хадрамаутских правителей
Ḡайлӑн, см. Йада‘’аб, сын Ḡайлӑна, Йада‘’аб Ḡайлӑн, сын Ḡайлӑна
Ḡалвӑн, см. также *Ḡlwn*
Галеви, Жозеф
Ḡӑлиб, см. также *Ḡlb^{m}*
Галл, см. Элий Галл
Гамильтон А.
Ганзӑн, см. зӯ Ганзӑн
Га‘рӑн, см. Аус, сын Га‘рӑна
Гарбини, Джованни
Гаур’ил, см. также *Gwr’l*
Геббаниты, см. также, Габбā’ӑн, Gabaioi, *Gb’^{n}*
Геродот
Гигес
Гирӑф, см. зӯ Гирӑф
Глязер, Эдуард
Голенищев В. С.
Гомер
Гореа, Мария
Грум, Найджел
Грязневич П. А.
Гумӑн, см. Афҫā, сын Гумӑна / Джумӑна
Гурат
Гушам / Джушам, сын Мӑлика, см. также *Gs^{2}m/bn/Mlk^{m}*

Дабр, см. также *Ḍbr^{m}*
Дāдӣшибāм, см. также *Dds^{2}bm*
Дандамаев М. А.
Дандамис
Да’с, см. Вахб, сын Да’са
Даус, см. зӯ Даус
Даус Масбад, сын Зарба, см. также *Dws^{1m}/Ms^{1}<bḍ>/bn/Ẓrb*
Дахардах, см. также *Dhrdh*
Даҳзам, см. Йухаḳӣм Самрӑн, сын Даҳзама
Дедан, предок-эпоним народа
Деметрий, см. также *Ḏmtrn*

Джадāм (?)
Джадан, см. также ‘Алḳама б. зӣ Джадан; зӯ Джадан
Джервас Мэтью, см. Мэтью, Джервас
Джумāн, см. Афҫā, сын Гумāна / Джумāна
Джушам, см. Гушам / Джушам
Дилльман, Август
Диодор Сицилийский
Доу, Брайн
Дьяконов И. М.

Елиса, см. также Элисса

Жамм, Альбер

Зайд, см. Зайд’ил, сын Зайда
Зайд’ил, сын Зайда
Зайд’ил, см. Хāни’, сын Зайд’ила
Закар’ил Лаҳайāн, сын ‘Аммӣкариба
Зама‘а, см. Сауда, бт. Зама‘а
Замал, см. также *Ḏml*^{m}
Замар‘алī, имя сабейских мукаррибов
Замар‘алī, см. Абӣйаҫа‘ Салḥāн, сын Замар‘алī
Замар‘алī, см. Кариб’ил Ватар, сын Замар‘алī
Замар‘алī Баййин, см. Кариб’ил Ватар Йухан‘им I, сын Замар‘алī Баййина
Замар‘алī Зариҳ, см. Кариб’ил Баййин, сын Замар‘алī Зариҳа, сабейско-химйаритский царь
Замар‘алī Йухабирр, см. Такеж *Ḏmr‘ly/Yhbr*
Зара’’амар Айман I, см. также *Ḏr’’mr/’ymn*
Зара’’амар Айман II
Зара’кариб, см. также Шахр Хилāл, сын Зара’кариба
Зарāниҳ
Зариҳ, эпитет сабейских мукаррибов
Зарҳāн Ашва‘, см. также *Ḏrḥ*^{n}*/’s*^{2}*w‘*
Зоскал
зӯ ‘Абл, см. также *ḏ-‘bl*^{m}
зӯ Алӣм, см. Синāн зӯ Алӣм
зӯ ‘Аммӣзакар, см. также *ḏ-‘mḏkr*
зӯ Барил Йухашби‘, см. также *ḏ-Brl/Yhs*^{2}*b‘*
зӯ Бирл, см. также *ḏ-Brl*
зӯ Вадд
зӯ Гадан
зӯ Ганзāн, см. также *ḏ-Gnz*^{n}
зӯ Гирāф, см. также *ḏ-Grf*^{m}
зӯ Даус, см. также *ḏ-Dws*^{1m}
зӯ Джадан, см. также Гадан
зӯ Илӣḳаҫам, см. также *ḏ-’lqs*^{3}*m*
зӯ Илӣшараҳ, см. также *ḏ-’ls*^{2}*rḥ*
зӯ Йаз’ан, см. также Йаз’аниды
зӯ Йаҳабба’ил, см. также *ḏ-Yḥb’l*
зӯ Йаҳуб’ил, см. также *ḏ-Yḥb’l*
зӯ Йашбум, см. также *ḏ-Ys*^{2}*bm*
зӯ Ḳахал, см. также *ḏ-Qhl*^{m}
зӯ Ма‘āхир
зӯ Марҫад Ардамхāн, см. также *ḏ-Mrs*^{3}*d/’rdm*^{hn}
зӯ Райдāн, см. также *ḏ-Ryd*^{n}
зӯ Рашм, см. также *ḏ-Rs*^{2}*m*
зӯ Ҫадаḳзакар, см. также *ḏ-Ṣdqḏkr*
зӯ Таҳмӣ, см. также *ḏ-Tḥmy*
зӯ Ҳабб, см. также *ḏ-Ḥb*^{m}
зӯ Ҳаулāн, см. также Ма‘āхир и зӯ Ҳайлāн
зӯ Шакм, см. также *ḏ-S*^{2}*km*^{m}
зӯ Шахар
зӯ Шибāм
Зу’айб, см. также *Ḏ’yb*^{m}
Зубйāн, эпитет хадрамаутских правителей

Иаван
Иафет
Ибн Ҳалдӯн
Иезекииль
Иехуда, см. Лея, дочь Иехуды
‘Иджл
‘Идимиец, см. также *‘dmy*^{hn}
Илӣ‘азз / Илӣ‘азз, имя хадрамаутских правителей, см. также *’l‘ḏ* / *’l‘z*
Илӣ‘азз, см. также *’l‘z*
Илӣ‘азз (Илӣ‘азз) Йалуṭ, сын ‘Аммӣзаҳира, см. также Элеаз, *’l‘ḏ/Ylṭ/…/bn/‘ḏmḥr*
Илӣ‘азз Йалуṭ, сын Йада‘’ила, см. также Элеаз
Илӣ’аус, сын Йафа‘’ила
Илӣваҫаḳ
Илӣйафа‘, имя хадрамаутских правителей
Илӣна’ад Ас’ар
Илӣрāм
Илӣрāм, см. Йарабб, сын Илӣрāма
Илӣрāм Ашва‘
Илӣрийāм, имя хадрамаутских правителей, см. также *’lrym*
Илӣрийāм Йадум, см. также *’lrym/Ydm*
Илӣса‘д
Илӣсами‘, имя хадрамаутских правителей
Илӣсами‘ Зубйан, сын Малкӣкариба, см. также *’ls*^{1}*m‘/Ḏbyn/bn/Mlkkrb*
Илӣсами‘ Набаṭ
Илӣшараҳ
Илӣшараҳ, см. зӯ Илӣшараҳ
Илӣшараҳ Йаҳдуб II
Илӣшахар, см. Карибхумӯ, сын Илӣшахара; Саул, дочь Илӣшахара
Илия
Имру’ ал-Ḳайс
Инар
Инграмс, Гарольд
ал-Ирйāнӣ, Муṭаххар ‘Алӣ
‘Ирфāн Шахӣд, см. Шахӣд, ‘Ирфāн
Ита‘амра

Йабҳар’ил, сын Мухаḳӣма, см. также *Ybḥr’l*, *Ybḥr’l/bn/Mhqm*^{m}
Йада‘’аб, имя хадрамаутских правителей
Йада‘’аб, сын Ғайлāна, см. также *Yd ‘’b/…/bn/Ḡyl*^{n}
Йада‘’аб Ғайлāн, хадрамаутский царь I в. до н. э., см. также *Yd‘’b/Ḡyl*^{n}
Йада‘’аб Ғайлāн, см. Йада‘’ил Баййин, сын Йада‘’аба Ғайлāна, сына Умайна (из рода Умайн?),

хадрамаутский царь начала н. э.
Йада[‘’аб] (Йада‘’аб) Ґайлāн, см. также *Yd‘[’b]/Ḡyl*^{n}
Йада‘’аб Ґайлāн, сын Ґайлāна
Йада‘’аб Ґайлāн (сын Йада‘’ила Баййина, сына Раббшамса)
Йада‘’аб Ґайлāн, сын Сумхурийāма
Йада‘’аб З̱убйāн Йухан‘им, сын Шахра
Йада‘’аб З̱убйāн Йухаргиб, сын Шахра
Йада‘’ил, имя сабейских мукаррибов и хадрамаутских правителей
Йада‘’ил, хадрамаутский царь начала VII в. до н. э., см. также *Yd‘’l*
Йада‘’ил, хадрамаутский царь VI в. до н. э.
Йада‘’ил, хадрамаутский царь конца I в. н. э.
Йада‘’ил, см. также Шахр ‘Алхāн, сын Йада‘’ила
Йада‘’ил Баййин, хадрамаутский царь VII–VI вв. до н. э.
Йада‘’ил Баййин, хадрамаутский царь конца II – начала III вв. н. э.
Йада‘’ил Баййин, сын Йада‘’аба, хадрамаутский царь 2-й половины I в. н. э., автор надписи Hamilton 2 A–B + Shabwa S/75/128
Йада‘’ил Баййин, сын Йада‘’аба Ґайлāна, сына Умайна (из рода Умайн?), хадрамаутский царь начала н. э.
Йада‘’ил Баййин, сын Йас̱а‘’амара
Йада‘’ил Баййин, сын Ра’аб’ила
Йада‘’ил Баййин, сын Раббшамса
Йада‘’ил Баййин, сын Сумхуйафа‘, см. также *Yd‘’l/Byn/bn/S*^{1}*mhyf‘*
Йадум, сын Раṭба
Йадӯм, эпитет хадрамаутских правителей, см. также *Ydm*
Йаз’ан, см. также з̱ӯ Йаз’ан
Йаз’аниды
Йазӣд б. Кабша
Йа‘зиз, см. Лаḥай‘ат Аукан, сын Йа‘зиза
Йаз̱мурмалик, см. также *Yḏmrmlk*
Йаз̱х̱ар’ил, см. также *Yḏḫr’l*
Йакрубмалик, имя сабейских мукаррибов
Йакрубмалик, см. Йас̱а‘’амар Ватар, сын Йакрубмалика
Йāḳӯт
Йалуṭ, эпитет хадрамаутских правителей, см. также *Ylṭ*
Йа‘мур Ашва‘, см. также *Y‘mr/’s*^{2}*w‘*
Йанӯф, эпитет сабейских мукаррибов
Йарабб, сын Илӣрāма
Йар‘ад
Йарӣм
Йарӣм Айман
Йас̱а‘’амар, имя сабейских мукаррибов
Йас̱а‘’амар, глава племени назḥа
Йас̱а‘’амара, см. Йада‘’ил Баййин, сын Йас̱а‘’амара
Йас̱а‘’амар Баййин, сын Сумхӯ‘алӣ, см. также Ита‘амра
Йас̱а‘’амар Ватар, сын Йакрубмалика
Йаçдуḳ’ил Фари‘ Шараḥ‘ат
Йаçдуḳ’ил, см. также *Yṣdq’l*
Йāсир Йухан‘им I
Йāсир Йухан‘им II, см. такеж *Ys*^{1}*r*^{m}*/Yhn‘m*
Йафа‘’ил, см. также Илӣ’аус, сын Йафа‘’ила
Йухаḳӣм С̱амрāн, сын Даḫзама
Йаḥумма’ил, см. также *Yḥm’l*
Йашра’ил, см. также *Ys*^{2}*r’l*
Йашбум, см. з̱ӯ Йашбум
Йаш..’ил, см. также *Ys*^{2}*..’l*
Йашкур’ил, см. Аḳхал, сын Йашкур’ила
Йашур’ил, см. также *Ys*^{2}*r’l*
Йашхур’ил, имя хадрамаутских правителей, см. также *Ys*^{2}*hr’l*
Йашхур’ил, сын Абӣйас̱а‘, см. также *Ys*^{2}*hr’l/.../bn/’byṯ‘*
Йашхур’ил Йухар‘иш, сын Абӣйаćа‘
Йōсēф Ас’ар Йас̱’ар
Йӯсуф Муḥаммад ‘Абдаллах, см. ‘Абдаллах, Йӯсуф Муḥаммад
Йу‘фириды
Йухаćḥим
Йухар‘иш, см. также *Yhr‘s*^{2}
Йухайди‘, см. также *Yhwḍ{‘}*

Кабарāн
Кабӣр Х̱алӣл
Кабша, см. Йазӣд б. Кабша
Калеб Элла Ацбэḥа
Камбиз
Каракалла
Кариб’ил, имя сабейских мукаррибов
Кариб’ил Айфа‘
Кариб’ил Баййин, сын З̱амар‘алӣ З̱ариḥа, сабейско-химйаритский царь, см. также *Krb’l/Byn*
Кариб’ил Ватар, сын З̱амар‘алӣ, см. также Кариб’ил Великий, Кариб’илу, *Krb’l*
Кариб’ил Ватар Йухан‘им I, сын З̱амар‘алӣ Баййина, см. также Харибаил
Кариб’ил (Ватар) Йухан‘им, химайритский царь IV в. н. э.
Кариб’ил Великий
Кариб’ил з̱ӯ Райдāн, см. также Кариб’ил Айфа‘
Кариб’илу
Карибхумӯ, сын Илӣшахара
Ḳас̱ам, см. также *Qṯm*
ал-Кас̱ӣрӣ
Кассон Л.
Ḳаум, см. Асад С̱ал‘āн, сын Ḳаума
ал-Кāф, см. Бӯ Бакр ал-Кāф
Ḳахал, см. также з̱ӯ Ḳахал
Ḳахда, см. также *Qhdt*
Кейтон-Томпсон, Гертруда
банӯ-л-Кирандӣ
Китчен, Кеннет
Клавдий Птолемей
Кливленд, Рэй Л.
Колен (Colin), Жерар

Кондратьев С. П.
Коротаев А. В.
Косьма, см. также Κόσμας, Κόσμος
Крачковский И. Ю.
Кропп, Манфред
Ксеркс
ал-Ḳу‘айṯī
Кулайб Йуха’мин, см. также Холайб

Лабу’ān, см. также Сумхуйафа‘ Йасирān, сын Лабу’āна
Лабу’иды (Лабу’āниды)
Лагн, см. также Ḫārис, сын Лагна
(де) Ландберг, Карло
Лаḫай‘амм
Лаḫай‘ас̲ат, см. также *Lḥy‘ṯt*
Лаḫай‘ат Аукан, сын Йа‘зиза
Лея, дочь Иехуды
Лёмер, Андре
Липинский, Эдуард
Липпенс, Филипп
Лундин А. Г.

Ма‘āхир, см. также з̲ū Ма‘āхир, *bn/M‘hr*
Ма‘āхир и з̲ū Ḫайлāн
Мабḫ̄уд, сын Абḫ̄уда (из рода Абḫ̄уд), см. также *Mbḥḍ/bn/’bḥḍ*, *Mbḥḍ/bn/’bḥwḍ*
Магог
Мадай
Ма‘дāн, см. также *M‘dn*
Ма‘дīкариб, см. Наша’кариб, сын Ма‘дīкариба
Ма‘д’ил
Майфа‘, см. Ṣадаḳ’ил, сын Майфа‘
Мак-Корристон, Джой
Маḳāр, см. аткже *Mqrm*
Мāлик, см. Гушам / Джушам, сын Мāлика
Малику II, см. также Малих
Маликҳалак / Мāликҳалак
Малих, см. также Малику II
Малкīкариб, см. Илīсами‘ З̲убйан, сын Малкīкариба
Малкīкариб, патронимия хадрамаутских правителей, см. также *Mlkkrb*
Малкīкариб Йуха’мин
фон Мальцан, Генрих
Мараḳṯан, Муḫаммад
Марин Тирский
Марṣад, см. также *Mrs³dm*
Марṣад Ардамхāн, см. з̲ū Марṣад Ардамхāн
Марс̲ад з̲ū ‘Аммīз̲акар, см. также *Mrṯdm/d̲-‘md̲kr*
Марс̲ад (з̲ū Гирāф), см. также *Mrṯdm*
Марс̲ад, сын Салимы, см. также *Mrṯdm/bn/S¹lmt*
Марс̲ад, сын Ша‘бнийū
Марс̲ад Йухаҳмид
Маҳмуд ‘Алī ал-Ḡ̄ул, см. ал-Ḡ̄ул Маҳмуд ‘Алī
Мегабиз
Миндах, см. также *Mndh*
Млякер, Карл
Муберг, Аксель
Мультхоф, Анна
Мунīр ‘Арбаш, см. ‘Арбаш, Мунīр
Муратти‘
Муртазин М. Ф.
Муṯаххар ‘Алī ал-Ирйāнī, см. ал-Ирйāнī, Муṯаххар ‘Алī
Мутон̣, Мишель
Мухаḳīм, см. Йабḫар’ил, сын Мухаḳīма
Муḫаммад, пророк, см. также Аҳмад
Муḫаммад ‘Абд ал-Ḳāдир Бā Фаḳīх, см. Бā Фаḳīх, Муḫаммад ‘Абд ал-Ḳāдир
Муḫаммад Мараḳṯан, см. Мараḳṯан, Муḫаммад
Муḫаммад б. Ḫабīб
Мэтью, Джервас
Мюллер, Вальтер Вильгельм

Набаṯ з̲ū Ḫарīф, см. также *Nbṯm/d̲-Ḫrf*
Набаṯ Йуханʻим
Набаṯ‘алī Амар
Набаҳ, см. также *Nbḥm*
Набонид, см. также *Nbnd*
Навуходоносор
Надаб, см. С̲амакҳумū, сын Надаба
На‘мī, см. также Ша‘р, сын На‘мī
Намир
Наср, см. также *Nṣrm*
Наср Йухаҳмид, см. также *Nṣrm/Yhḥmd*
Нахд, см. также *Nhdm*
Наша’кариб (из рода Гурат), см. также *Ns² ’krb*
Наша’кариб, сын Ма‘дīкариба
Наша’кариб Йу’мин (Йуха’мин) Йухарḫиб (Йурḫиб)
Небес, Норберт
Нильсен, Дитлеф

Одоакр
Одиссей
Олбрайт, Фрэнк П.

Перикл
Петрачек К.
Пигулевская Н. В.
Пиотровский М. Б.
Пиренн, Жаклин
Плиний Старший
Полуэкт, см. также *Flqt*
Порфирий
Птолемей IV
Птолемей, астроном, см. также Клавдий Птолемей
Птолемей, сын Птолемея

Ра’аб’ил, см. Йада‘’ил Баййин, сын Ра’аб’ила
Ра’бāн
Раббāн’ил
Раббшамс, см. также *Rbs²ms¹m*
Раббшамс, сын Йада‘’ила Баййина, см. также *Rbs²ms¹*
Раббшамс Шарфāн, сын Ḫаḳīба
Рабī‘а Ашва‘
Радау’ил, см. ‘Аммī’ил ‘Алхāн, сын Радау’ила
Райдāн, см. з̲ū Райдāн
Раймāн
Рамсес
Раṯб, см. Йадум, сын Раṯба
Рашвāн
Редькин О. И.
Ридвāн, см. также Шакм Салḫāн, сын Ридвāна
Рикманс, Гонзаг
Рикманс, Жак
...р’ил Йухар‘иш, сын Абийаса‘, см. также *...<r’l>/[Y]<h>r‘s²/bn/’bys³‘*
Робен, Кристиан Жюльен

Родионов М. А.
Родоканакис, Никола
Ромул Августул

Саʿад’ил, сын Асрака, см. также *Т̲ʿd’l/bn/’s¹rk*
Саʿадта’лаб Йатлаф, см. также *S¹ʿdt’lb/Ytlf*
Саʿадшамс Асраʿ
Саʿадшамс Заҳаб
Саʿйд Буқшāн
Ṣабаҳхумӯ, сын ʿАммīшафақа
Ṣадақ’ил, сын Майфаʿ, см. также *Ṣdq’l/bn/Myfʿᵐ*
Ṣадақзакар, см. также *Ṣdq̲dkr*
Ṣадақзакар, см. зӯ Ṣадақзакар
Ṣадақйадаʿ, см. также *Ṣdqydʿ*
аṣ-Ṣадаф
ас-Саққāф, ʿАбд ар-Раҳмāн
Саламбō, см. также *S¹lmbw*
Салима, см. Ҳугр / Ҳуджр, сын Салимы; Марсад, сын Салимы
Салҳāн, см. также Абīйаса Салҳāн, сын Замарʿалī
Самакхумӯ, сын Надаба, см. также *Т̲mkhmw/bn/Ndbᵐ*
Самхарам, см. также *S¹mhrm* (*s¹mhrm*)
Саʿрāн
Саʿрāн Йаʿӯб Йухаʿим
Саʿрāн Йухаʿим, сын Замарʿалī Йухабирра, см. такеж *Т̲ʿrⁿ/ Yhnʿm*
Ś̌арар’ил, см. также *S³rr’l*
Саргон II
Сасаниды
Сасс, Бенйāмīн
Саубāн
Саубсī
Сауда, бт. Замаʿа см. также *S¹wdt*
Саул, дочь Илīшахара, см. также *Т̲wl̲ᵐ/bnt/’ls²hr*
Сашар, сын Табаʿ’ила, см. также *S³s²rᵐ/bn/Tbʿ’l*
Седов А. В.
Селевкиды
Силлей
Сим
Сима, Александр
Симеон Бет-Аршāмский
Синāн зӯ Алīм
Синаххериб
Старк, Фрейя
Страбон
Сулла
Сумхуʿалай, сабейский мукарриб, брат Сумхурийāма
Сумхуʿалī, имя сабейских мукаррибов
Сумхуʿалī, см. Йаса’’амар Баййин, сын Сумхӯʿалī
Сумхуйафаʿ (из рлжп Батаʿ)
Сумхуйафаʿ, патронимия хадрамаутских правителей, см. также *S¹mhyfʿ*
Сумхуйафаʿ, см. Йадаʿ’’ил Баййин, сын Сумхуйафаʿ
Сумхуйафаʿ Йасирāн, сын Лабу’āна
Сумхурāм, имя хадрамаутских правителей
Сумхурāм ʿАлхāн
Сумхурийāм, сын мукарриба Кариб’ила и брат мукарриба Сумхуʿалая
Сумхурийāм, см. Йадаʿ’’аб Ṯайлāн, сын Сумхурийāма
Суҳ̲айм

Табаʿ’’ил, см. Сашар, сын Табаʿ’’ила
Тараф, см. также *Trf*
Тезигер, Вилфред
Тиглатпаласар III
Тойнби, Арнольд
Тубба‘кариб, сын Вадад’ила
Тураев Б. А.

Умайн, см. Йадаʿ’’ил Баййин, сын Йадаʿ’’аба Ṯайлāна, сына Умайна (из рода Умайн?), хадрамаутский царь начала н. э.
ʿУс̲кулāн / ʿАс̲калāн
ʿУс̲мāн

Фадаҳ̲ам (Фадаҳ̲/ум/)
Фāлиҳ̲, см. также *Flḫᵐ*
Фамиҳ̲, см. также *(Fm)ḫᵐ*
Фа’рāн, см. также *F’rⁿ*
Фариʿ Аҳ̲ṣан
Фарнабаз
Феофраст
Филби, Гарри Сент-Джон Бриджер
Фока
Фома (из Бēт Мāр Аврахам)
Фома (из Наджрāна)
Фотий
Франсуа Брон, см. Брон, Франсуа
Французов С. А.
Фриск, Хьяльмар
Фриц Хоммель, см. Хоммель, Фриц
Фрэнк Олбрайт, см. Олбрайт, Фрэнк
Фӯ-Шамс, см. также *Fs²ms¹*
Фюссман, Жерар

Ҳабб, см. зӯ Ҳабб
Ҳабīб, см. Муҳаммад б. Ҳабīб
Ҳабс, см. ʿАсм, сын Ҳабса
Хабсал, сын Шагаба, см. также *Hbs¹l/bn/S²gb*
ал-Хаджарāнī
ал-Хаджарī
Ҳазайāн Аукан
Ҳазмат
Ҳазфар
Ҳазфарам (Ҳазфар/ум/), см. также Ҳазфар
Хайāджна, Хāни’
Ҳайв
Ҳайрī, см. также *Ḥyry*
Хайśа[‘]’ил ʿАлхāн, сын Бин’ила, см. также *Hys³[‘]’l/‘lhn/bn/Bn’l*
Хайсāн, см. также *Hys¹ⁿ*
Ҳакалī, см. также Аҳ̲калī, Эҳ̲калī
Ҳақīб, см. также Раббшамс Шарфāн, сын Ҳақīба
Ҳалай’ил, см. также *Ḥly’l*
Ҳāлид б. ал-Валīд
Ҳалīл
Хам
Хамдāн
ал-Хамдāнī, ал-Ҳасан б. Аҳ̲мад
Ҳамма’ил, см. также *Ḥm’l*
Хаммурапи
Хан В.
Хāни’, дядя по отцу Абӣʿалī, см. также *Hn’ᵐ*
Хāни’, сын Зайд’ила
Хāни’ ʿАммīрата‘
Хāни’ Хайāджна, см. Хайāджна, Хāни’
Ханниец, см. также *Hnyʰⁿ*

Харибаил, см. также Χαριβαήλ
Ха̄рис, сын Лагна, см. также *Ḥrṯᵐ/bnLgnⁿ*
ал-Ха̣сан б. Аха̣мад ал-Хамда̄нӣ, см. ал-Хамда̄нӣ, ал-Ха̣сан б. Аха̣мад
Ха̣ацбаха̣
Ха̣ула̄н, см. зӯ Ха̣ула̄н
Хауф'ил, см. также *Hwf'l*
[Хау]ф'ацат, см. также *[Hw]f'ṯt*
Хацармавет, предок-эпоним народа
Хёфнер, Мария
Холайб, см. также Χόλαιβοσ
Хоммель, Фриц
Ха̣угр / Ха̣уджр, сын Салимы, см. также *Ḥgr/bn/S¹lmt*
Хӯд

Цветтлер, Майкл

Ша'арвадд, см. Абӣрашад, дочь Ша'арвадда
Ша'бнийӯ, см. Марцад, сын Ша'бнийӯ
Ша'р, сын На'мӣ
Ша'р Аутар, см. также Ша'рум Аутар, *S²['ʿ]rᵐ/ 'wtr*, *S²['ʿrᵐ]*
Ша'рум Аутар
Шагаб, см. Хабсал, сын Шагаба
Шакм, см. зӯ Шакм
Шакм Салха̄н, сын Ридва̄на, см. также *S²kmᵐ/S¹lḥⁿ/bn/ Rḍwⁿ*
Шаммар
Шамир, см. также Шаммар, *S²mr*
Шамир (Шаммар) Йухар'иш, см. также *S²mr/Yhr's²*
Шамир Йухаха̣мид
Шарак'айн
Шараха̣, см. также *S²rḥ*
Шараха̣, сын Азна
Шараха̣'ил, см. также *S²rḥ'l*
Шараха̣'ил Ас'ар
Шараха̣'ацат
Шахӣд, 'Ирфа̄н
Шахар, см. зӯ Шахар
Ша̄ха̣ӣ
Шахр, имя хадрамаутских правителей, см. также *S²hrᵐ*
Шахр, см. Йада''аб Зубйа̄н Йухан'им, сын Шахра; Йада''аб Зубйа̄н Йухаргиб, сын Шахра
Шахр, сын Ва̄'ила, см. также *S²hrᵐ/bn/W'lᵐ*
Шахр 'Алха̄н, сын Йада''ила, см. также *S²hrᵐ/'lhn*
Шахр Ґайла̄н, сын Абӣшиба̄ма, см. также *S²hr/<Ǧy>[lⁿ]*
Шахр Хила̄л, сын Зара'кариба
Шева, предок-эпоним народа
Шиба̄м, см. зӯ Шиба̄м
Шиттекатт, Жереми
Шифман И. Ш.
Штейн, Петер
Шутрук-Наххунте

Эдуард Глязер, см. Глязер, Эдуард
Эйхман, Рикардо
Элагабал
Элеаз, см. также Илӣ'аззц (Илӣ'азз) Йалуṯ, сын 'Аммӣзаха̣ира, Илӣ'аззц Йалуṯ, сын Йада''ила, 'Ελεάζος
Элий Галл
Элисса
Элла Ацбэха̣, см. также Калеб Элла Ацбэха̣
Эратосфен Киренский
Эха̣калӣ

Юба Мавританский

Якобсон В. А.

''bd
''bdᵐ
'b'mr
'b'hr
'b'ly
'bgr/br|'bšmy'
'bḥḍ, см. *Mbḥḍ/bn/'bḥḍ*
'bkhl
'bkrb
'bkrb/ḍ-Wdᵐ
'brḥm
'brs²d/bnt/S² 'rwd
'bs²mr/'wlṯ
'bṣdq
'bwdd
'byᵐ
'bys³ '
'byṯ '
'byṯ 'ʿ/S¹lḥⁿ/bn/Ḏmr'ly
'fṣy/bn/Gmn
[…]'l
'l'ḍ / 'l'z
'l'ḍ/Ylṯ/…/bn/'ḍmḫr
<'l>[']hd
'l'z
'lfᵐ
'lḡz/Ys² '
'lqdm
'lqs³m
ḍ-'lqs³m
'lr'b
'lrm
'lrtm
'lryb
'lrym
'lrym/Ydm
'lrm/Yḥmd
'ls¹m'/Ḏbyn
'ls¹m'/Ḏbyn/bn/Mlkkrb
ḍ-'ls²rḥ
'lwhb
'mt'ṯ
'nmrᵐ
'rdmʰⁿ, см. *ḍ-Mrs³d/'rdmʰⁿ*
**'rmy*
**'rmyyʰⁿ*
's¹dᵐ/Ṯl'ⁿ/bn/Qwmᵐ
's¹lmᵐ
ḍ-'s¹lmᵐ
['w]s¹ᵐ/bn/G'rⁿ
'ws¹ 'ṯt

'bd'ly
'bds¹y
ḍ-'blᵐ
'dmyʰⁿ
'ḍ'l
'ḍᵐ
'ḍḍᵐ
'ḍḍᵐ/bn/'b'ns¹
ḍ-'ḍḍᵐ
'ḍḍ'l
'ḍlb
'ḍn
'hr'l
'lhmw
'lhn
'm'l/'lhn/bn/Rḍw'l
'm'ns¹
'm'ly
'mḍḫr

‘mk[rb]
‘mr^{m}/bn/‘wf^{m}
‘nbr^{m}
‘qn^{m}
‘rqd^{m}
‘rq^{m}
‘s^{1}m^{m}/bn/Ḥbs^{1m}
‘s^{2}r^{m}
bnw/‘t̲kln/‘s^{3}yt
‘wdw
‘yn’l
‘yns^{1m}

B‘t̲tr
Bkr^{n}/bn/‘mrt(‘?)
<Bn>ḥ^{n}
Bnyḏ
Bql/bn/Nhyhmw
ḏ-Brl, см. также *ḏ-Brl/Yhs^{2}b‘*
ḏ-Brl/Yhs^{2}b‘
Brlt
Bs^{3}’^{m}
Bs^{3}’y^{n}

Dbs^{1m}
Dds^{2}bm
De Geest
Dhrdh
Dḫy^{m}/bn/Qs^{3}m’l
ḏ-Dws^{1m}
Dws^{1m}/Ms^{1}<bḏ>/bn/Ẓrb

Ḏ’yb^{m}
[Ḏ]kr’l
Ḏml^{m}
[…/bn/]Ḏmr‘ly
Ḏmr‘ly/Yhbr
Ḏmtrn, см. также *ḏ-Mtrn*
Ḏr’’mr/’ymn
Ḏrḫ^{n}/’s^{2}w‘

Ḍbr^{m}
Ḍmbs^{2}r^{m}, см. также *Mb[.]rm*
Ḍywn^{m}/bn/Bydqy[m]

Fa’твn
F’r^{n}
Flḫ^{m}
Flqt, см. также Φιλοκτή[της]
(Fm)ḫ^{m}
Fs^{2}ms^{1}
Fs^{2}(ḫ)^{n}
Fṯḫ’l

Gabaioi
G‘s^{1m}
Gb’^{n}
bn/Gdn^{m}
Gdrt
ḏt/Gld^{n}
ḏ-Gnz^{n}
ḏ-Grf^{m}
Gs^{2}m/bn/Mlk^{m}
Gwb^{n}/bn/Yd‘[‘]l
Gwr’l

Ḡḏw^{m}
Ḡlb^{m}
Ḡlwn^{n}
Ḡyl^{n}

Hbs^{1}l/bn/S^{2}gb
Ḥḏb
Ḥḫy‘s^{3}t
Hmym
Hn’^{m}
Hny^{hn}
Ḥqm
.<h>r‘s^{2}
Ḥwḏ‘hmw
Ḥwf’l
[Hw]f‘t̲t
Hys^{1n}
Hys^{3}[‘]’l/‘lhn/bn/Bn’l

Ḫdy^{m}
Ḫft̲l^{m}
bnw/ḏ-Ḫlf^{n}/’nmr^{m}
Ḫlḥmd
ḏ-Ḫrf, см. *Nbṯ^{m}/ḏ-Ḫrf*
Ḫyry

[..]ḥ’l
ḏ-Ḫb^{m}
Ḫblhmw
bnw/Ḫfn^{m}/w-Ḏn^{m}/w-Yt̲‘krb/ w-Ḫwly^{n}/w-ḏ-’wlm^{n}/w-W‘ly^{n}/ ’fys^{2n}
Ḫgr/bn/S^{1}lmt
Ḫgr^{m}
Ḫly’l
Ḫm’l
Ḫm‘t̲t
Ḫmy’l
Ḫmym, см. *Hmym*
Ḫmyt
bn/Ḫnz^{m}
Ḫrt̲^{m}/bnLgn^{n}
Ḫs^{1}mg
Ḫs^{3}ml
Ḫṣyn‘m
Ḫytn
Ḫyt-n-n‘m

^{m}ita‘amra

^{m}karib’ilu
[Kl]’hmw
Knnt/Ybdr
Krb/bn/Bql
Krb’l
Krb’l/Byn
ḏ-Kt̲t

L‘s^{1m}, см. *G‘s^{1m}*
L‘s^{1}l^{m}
Lḫy‘t̲t/Ys^{2}‘

M‘d^{n}
ḏ-M‘fr^{m}
bn/M‘hr
M‘n
Mbḥḏ/bn/’bḥḏ
Mb[.]rm
Mgdḥlk
bn/Mrḫb^{m}
ḏ-Mtrn, см. также *Ḏmtrn*

Mbḥḏ/bn/’bḥḏ
Mbḥḏ/bn/’bḥwḏ
Mlkkrb
[M]lkḥṣr
Mndh
bn/Mqn‘^{m}
Mqr^{m}
Mrs^{3}d^{m}
ḏ-Mrs^{3}d/’rdm^{hn}
Mrt[w]^{m}
Mrt̲d^{m}
Mrt̲d^{m}/bn/S^{1}lmt
Ms^{1}g‘
Ms^{2}km^{m}

N‘m
N‘ms^{2}‘r
Nbḫ^{m}
Nbnd
Nbṯ^{m}/ḏ-Ḫrf
Nhd^{m}
Ns^{2}’krb
Nṣr^{m}
Nṣr^{m}/Yhḥmd

P-B‘l
Pu-Bahla, см. также *P-B‘l*
Pu-ú-^{d}Dagan

Qhdt

ḏ-Qhlᵐ
Qrynᵐ
Qs³m'l, см. *Dḫyᵐ/bn/Qs³m'l*
Qṯm
Qṯm'l

R'b'l
...<r'l>/[Y]<h>r'sˢ²/bn/'bys³'
Rb'l
Rb'l/bn/'ḏᵐ
Rb't
Rbb'ṯt
Rbsˢ²msˢ¹
Rbsˢ²msˢ¹ᵐ
Rdm
Rf'/'sˢ²ws³
Rf'b
(R)fhᵐ
Rmlᵐ
ḏ-Rsˢ¹|mᵐ
ḏ-Rsˢ²m
Rs³d'l
Rs³d'l/bn/Ḏywnᵐ
Rṯd'l
ḏ-Rydⁿ

Sˢ¹'dt'lb/Ytlf
Sˢ¹b'[.]
bn/Sˢ¹lmⁿ/Fṯrⁿ
Sˢ¹lmbw
Sˢ¹mhrm (*sˢ¹mhrm*)
Sˢ¹mhrym
Sˢ¹m[h]rym/'lh[n]
Sˢ¹mhyf'
Sˢ¹myf'
Sˢ¹rmyⁿ
Sumhuram
Sˢ¹wdt

Sˢ²'r
Sˢ²['rᵐ]
Sˢ²[']rᵐ/'wtr
bn/Sˢ²'rⁿ
ḏy-Sˢ²bm
Sˢ²f'ṯt/'wlṭ/'yhr/bn/Sˢ²<hr>
Sˢ²hr
Sˢ²hr/<Ḡy>[lⁿ]
Sˢ²hrᵐ
Sˢ²hrᵐ/bn/W'lᵐ
Sˢ²hrᵐ/'lhn
Sˢ²kmᵐ
Sˢ²kmᵐ/Sˢ¹lḫⁿ/bn/Rḏwⁿ
ḏ-Sˢ²kmᵐ
Sˢ²mr
Sˢ²mr/Yhr'sˢ²
Sˢ²rḥ'l
Sˢ²rḥ'ly

Sˢ³'mr
Sˢ³rtmᵐ
Sˢ³rr'l
Sˢ³sˢ²rᵐ/bn/Tb''l

Ṣdq'l
Ṣdq'<l>[y]
Ṣdqḏkr
ḏ-Ṣdqḏkr
Ṣdqyd'
ḏt/Ṣhbt
Ṣw'ᵐ

ḏ-Tḫmy
Trf
Twdd
Tymlt/'sˢ¹'d

Ṯ'rⁿ/ Yhn'm
Ṯ'dᵐ
Ṯ'd'l/bn/'sˢ¹rk
Ṯmkhmw/bn/Ndbᵐ
Ṯwlᵐ/bnt/'lsˢ²hr

W'lᵐ
ḏ-Wd
ḏ-Wd(ᵐ)
Wfyᵐ/'zfr
Whbᵐ/bn/Ḏ's¹ᵐ
Whb'l
Whblt
Wrw'l

Yar'ash, см. также *<Y>r<'>sˢ²*
Y'mr/'sˢ²w'
Ybḫr'l
Yd''[?]
Yd''b
Yd''b/Ḡylⁿ
Yd'['b]/Ḡylⁿ
[Yd]''b/(Ḡ)yl[ⁿ]
Yd''b/.../bn/Ḡylⁿ
Yd''l
ḏ-Yd''l
Yd''l/Byn
Yd''l/Byn/bn/Sˢ¹mhyf'
Ydm
Yḏḫr'l
Yḏkr'l
Yḏmrmlk
Yfd'l
Yg'ḏyⁿ
Yhwḏ{'}
Yhr'sˢ²
ḏ-Yḫb'l
Yḫdsˢ³'l
Yḫdṯ'l
Yḫm'l
[Y]ḫm'l
Yḫmd
[Y]qn'm
Yěša'yāh(ū)
Yifděyāh
Yiśrā'ēl
Ylṭ
<Y>r<'>sˢ²
Yrmyʰⁿ
Ysˢ¹lm
Ysˢ¹rᵐ/Yhn'm
Ysˢ²bm
ḏ-Ysˢ²bm
Ysˢ²..'l
Ysˢ²hr'l
Ysˢ²[hr]'l
Ysˢ²hr'l/.../bn/'byṯ'
Ysˢ²[h]r'l/Yhr'sˢ²/bn/'bys³'
Ysˢ²[k]<r'l>, [Ysˢ²k]<r'l>
Ysˢ²[k]<r'l>/[Y]<h>r'sˢ²
Ysˢ²r'l
Ysˢ²rḥ'l
Yṣdq'l
[Y]ṣr'l
Yṯ''l
Yṯl'l

Zydqwmᵐ
Zydqwmᵐ/Ydr'

'Ελεάζος

Φιλοκτή[της]

Χαριβαήλ
Χόλαιβοσ

Указатель этнонимов

'абаданцы
'ад'ил, см. также *'d'l*
ал-азд, см. также аздиты, *'sˢ¹dⁿ*, *'sˢ¹dʸʰⁿ*
аздиты
'айн, см. также *'yn*
аксумиты
'алćāн, см. з̄ӯ 'алćāн
амӣр, см. также амириты, *'mr*, *'mrᵐ*, Amīr
амириты
аморит

арабы
арамеи
‘араратцы, см. также *‘rrht*
арба‘ān, см. также *’rb‘ⁿ*
‘ас̱ат, см. з̱ӯ ‘ас̱ат
аḥс́арāн, см. также *’ḥs³rⁿ*

бакӣл
берберы

гадāм, см. также *Gdmᵐ*
галла, см. также оромо
геббаниты, см. также Gebbanitae, родовые имена Геббаниты, Габбā’āн, Gabaioi, *Gb’ⁿ*
герреи, см. также Gerrhaeoi
гиксосы
греки, см. также *Ywn*

д̣айфатāн, см. также *Ḍyftⁿ*
дети ‘Амма, см. также *wld/‘m*

з̱амарӣ
з̱ӯ ‘алс́āн, см. также *ḏ-‘ls³ⁿ*
з̱ӯ ‘ас̱ат, см. также *ḏ-‘ṯtᵐ*
з̱ӯ Д̣ура’, община, см. также *ḏ-Ḍr’*
з̱ӯ кас́рāн, см. также *ḏ-Ks³rⁿ*
з̱ӯ хагар, см. также *ḏ-Hgrᵐ*, *Hgryʰⁿ*

Израиль, народ, см. также *Ys³r’l*, израильские племена
израильские племена
индийцы, см. также *Hndyyʰⁿ*
ионийцы
иудеи

йухаб‘ил, см. также *Yhb‘l*
йухаб’ир, см. также *Yhb’r*, йухаб’ириты
йухаб’ириты

ḳани’
ḳарā’
кас́рāн, см. также *Ks³rⁿ*, з̱ӯ кас́рāн
ḳатабāн, община, см. также *Qtbn*
катабанцы
киммерийцы
киндиты, см. также *Kdt*
ḳурайш, см. также ḳурайшитки
ḳурайшитки, см. также *qrs²htⁿ*

мад̣ḫӣ, см. также *Mḍḥyᵐ*
ма‘ӣн, см. также маинцы, минейцы, *M‘nᵐ*, MINAIΩN
маинцы
маинцы-геббаниты
матой
махра, см. также махрийцы, *Mhrt*
махрийцы, см. также *’mhrⁿ*
мидйаниты
мидяне
минейцы

набатеи, см. также *Nbṭᵐ*
награнцы
назḫа, см. также *Nzḥt*

омириты, см. также ‘Ομηρίτος
оромо, см. также галла

пальмирцы, см. также *Tḏmryʰⁿ*
персы

радмāн и х̱аулāн
райбӯн, см. также *Rybn*
рамай, см. также *Rmy*
радмāн, см. также радманиты, *Rdmⁿ*
радмāн и х̱аулāн, см. также *Rdmⁿ/Ḫwlⁿ*
радманиты
рах̱йа, см. также *Rḫyt*

саба’, община, см. также *S¹b’*
саба’ (кахлāн), община, см. также *S¹b’/Khlⁿ*
сабаиты, см. также Σαβαίτος
сабейцы северные
сабейские племена
сабейцы, см. также сабейские племена, сабаиты, les Sabйens
аç-çадаф
çадафāн, см. также аç-çадаф, садафиты, *Ṣdfⁿ*
садафиты
сайбāн, см. также сайбаниты, *S¹ybⁿ*, *S¹ybʰⁿ*
сайбаниты
банӯ салӯл
с̱амӯд, см. также *Tmwdw*
самхар, см. также *S¹mhrm*
северные сабейцы, см. сабейцы северные
«сирвахцы», см. также *[’ṣ]rḥⁿ*
сува’ранцы
сум‘ай (сам‘ӣ), см. также сум‘айиты
сум‘айиты
суфлāн

тайманиты

файшāн, община, см. также *Fys²ⁿ*

хабашиты, см. также *Ḥbs²tⁿ*
хагар, см. з̱ӯ хагар
хагарайнец, см. также *Hgryʰⁿ*
ал-ḫад̣āрима
ḫад̣рамаут, община, см. также *Ḥḍrmt*, *Ḥḍrmwt*
ḫад̣рамаут, племенной союз (соплеменность)
хадрамаутцы, см. также ал-ḫад̣āрима, *’ḥḍrⁿ*, *Ḥḍrmwt*, *Ḥḍrmⁿ*, *Ḥḍrmyⁿ*
халдеи, «халдеи», см. также *Ks²dyyʰⁿ*
х̱алӣл, см. также *Ḫll*
х̱аулāн, см. также *Ḫwlⁿ*, радмāн и х̱аулāн
хи[м]йар, см. также *Ḥ[m]yrᵐ*
химйариты, см. также хи[м]йар, омириты, *Ḥmyrᵐ*
христиане
ḫумлāн

эмариты
эфиопы

ḫумлāн

шибамцы

южноаравийцы

the Adhhabanites
Amīr
’ḥḍrⁿ
’ḥs³rⁿ
’mhrⁿ
’mr
’mrᵐ
’rb‘ⁿ
’s¹dⁿ

’s¹dyʰⁿ
’s²qⁿ
[’s]rḥⁿ
’yf‘

‘d’l
ḏ-‘ls³ⁿ
ḏ-‘ṯᵗᵐ
‘rrht
‘yn

the Berbers
Bhlᵐ
Bklᵐ

ḏ-Ḍr’
Ḍyftⁿ

Fys²ⁿ

Gdmᵐ
Gebbanitae
Gerrhaeoi

ḏ-Hgrᵐ
Hgryʰⁿ
Hndyyʰⁿ

Ḥll
Ḫwlⁿ

Ḥbs²tⁿ
the Ḥaḍramawt
Ḥḍrmⁿ
Ḥḍrmyⁿ
Ḥḍrmt
Ḥḍrmwt
Ḥmyrᵐ
Ḥrmᵐ

Kdt
Ks²dyyʰⁿ
Ks³rⁿ
ḏ-Ks³rⁿ

M‘n
M‘nᵐ
Mḏḥgᵐ
Mḏḥyᵐ
Mhrt

Nbṭᵐ
Nzḥt

Qataban
qrs²htⁿ

Qtbn

Rdmⁿ
Rdmⁿ/Ḫwlⁿ
Rḥyt
ḏ-Rm…
Rmy
Rybn

kursaba‘ajja
les Sabйens
S¹b’
S¹b’/Khlⁿ
S¹mhrm, община на Йеменском нагорье
S¹ybⁿ

Ṣdfⁿ

Tḏmryʰⁿ
Tmwdw

wld/‘m

Yhb’r
Yhb‘l
Ys³r’l
Ywn

Zyd’l

МИНАΙΩΝ

‘Ομηρίτος

Σαβαίτος

TABLE OF CONTENTS

Foreword 7
Introduction 10

Chapter I
SOURCES ON THE HISTORY OF ANCIENT ḤAḌRAMAWT:
CHARACTERISTIC FEATURES AND CLASSIFICATION

1. South Arabian epigraphic documents as historical source 23
2. The problem of dating of South Arabian inscriptions. Synchronisms. The "shorter" chronology of J. Pirenne and its unfoundedness 26
3. From the palaeographic scheme of J. Pirenne to the elaboration of new concepts of the relative chronology of inscriptions 32
4. The dating of South Arabian inscriptions according to the local eras and their correspondence to the absolute chronology. 38
5. The principal categories of inscriptions. The epigraphic complexes connected with the history of Ḥaḍramawt 41
6. Antique, Syriac and Arab Islamic sources on the history of ancient Ḥaḍramawt 52

Chapter II
ḤAḌRAMAWT IN THE 1ST MILLENNIUM B.C.:
THE EPOCH OF EARLY ANTIQUITY

1. Peculiarities of study of the history of South Arabia and Ḥaḍramawt during the epoch of Antiquity. Its division into periods 58
2. Ancient Ḥaḍramawt and the problem of the emergence of South Arabian civilization 60
3. The influence of ancient Saba' on Ḥaḍramawt 71
4. The *mukarribs* and the *maliks* (kings) as the supreme rulers of the state of Ḥaḍramawt 81
5. Urban and communal administration in Ḥaḍramawt: the *kabīrs* and the *qayn*s 99
6. The eponymate of Ḥaḍramawt and its palce among the other South Arabian systems of dating by eponyms 117
7. Social and economic relations in the society of Ḥaḍramawt. 124
8. Polytheistic religion and its part in the life of the inhabitants of Ḥaḍramawt 143
9. Foreign relations of Ḥaḍramawt: the alliance with Ma'īn and the wars with Qatabān. 171

Chapter III
ḤAḌRAMAWT IN THE FIRST HALF OF THE 1ST MILLENNIUM A.D.: A FAILED ATTEMPT OF THE FORMATION OF EMPIRE IN ANCIENT YEMEN

1. The kingdom of Ḥaḍramawt in the 1st century A.D. Qani' and Shabwa on international trade roads. The involvement of Ḥaḍramawt into the struggle for the hegemony over South Arabia 190
2. The colonization of Dhofar (Ẓafār) by Ḥaḍramawt. The *mukarrib* of Ḥaḍramawt Yashhur'il Yuhar'ish, son of Abīyaśa', — is he a fruit of researchers' illusions or a real historic person? 206
3. Ḥaḍramawt in the struggle for the hegemony over South Arabia. The alliance with Saba' in the late 2nd — first half of the 3rd century A.D. and the war between Saba' and Ḥaḍramawt in the 2nd half of the twenties of the 3rd century A.D. 219
4. The rule of the dynasty of the descendants of the "free Yuhab'irites" 236
5. The conquest of Ḥaḍramawt by the Ḥimyarite kingdom. 246
6. The emergence of monotheistic cults in Ḥaḍramawt on the edge of the Antiquity and the Middle Ages 259

Conclusion 267

List of abbreviations 273

List of bibliographical references 276

Sigla of the inscriptions cited. 303

List of maps 309

Indices 310

Index of the toponyms and the names of buildings 310
Index of the names of deities . . . . . ???
Index of the personal and lignages' names. . . . . ???
Index of the ethnonyms. . . . . ???

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7
Введение 10

Глава I
ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ХАДРАМАУТА: ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ

1. Памятники южноаравийской эпиграфики как исторический источник . . . 23
2. Проблема датировки южноаравийских надписей. Синхронизмы. «Краткая» хронология Ж. Пиренн и ее несостоятельность 26
3. От палеографической схемы Ж. Пиренн к разработке новых концепций относительной хронологии надписей 32
4. Датировка южноаравийских надписей по местным эрам и их привязка к абсолютной хронологии 38
5. Основные категории надписей. Эпиграфические комплексы, относящиеся к истории Хадрамаута 41
6. Античные, сирийские и арабо-мусульманские источники по истории древнего Хадрамаута 52

Глава II
ХАДРАМАУТ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.: ЭПОХА РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ

1. Особенности изучения южноаравийской и хадрамаутской истории в эпоху древности. Ее периодизация 58
2. Древний Хадрамаут и проблема возникновения южноаравийской цивилизации 60
3. Влияние древней Сабы на Хадрамаут 71
4. *Мукаррибы* и *малики* (цари) — верховные правители Хадрамаутского государства 81
5. Городское и общинное управление в Хадрамауте: *кабӣры* и *ḳайны* 99
6. Хадрамаутский эпонимат и его место среди других южноаравийских систем эпонимных датировок 117
7. Социально-экономические отношения в хадрамаутском обществе 124
8. Политеистическая религия и ее роль в жизни хадрамаутцев 143
9. Внешние связи Хадрамаута: союз с Маином и войны с Катабаном 171

Глава III
ХАДРАМАУТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.:
НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА ФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРИИ
В ДРЕВНЕМ ЙЕМЕНЕ

1. Хадрамаутское царство в I в. н. э. Қани’ и Шабва на международных торговых путях. Вступление Хадрамаута в борьбу за гегемонию над Южной Аравией 190
2. Хадрамаутская колонизация Дофара. *Мукарриб* Хадрамаута Йашхур’ил Йухар‘иш, сын Абйаćа‘ — плод исследовательских иллюзий или реальное историческое лицо? 206
3. Хадрамаут в борьбе за гегемонию над Южной Аравией. Союз с Сабой в конце II — первой четверти III в. н. э. и сабейско-хадрамаутская война во второй половине 20-х гг. III в. 219
4. Правление династии потомков «свободных йухаб’иритов» 236
5. Завоевание Хадрамаута Химйаритским царством 246
6. Появление монотеистических культов в Хадрамауте на рубеже между древностью и средневековьем 259
Заключение 267

Список сокращений 273
Список использованной литературы 276
Список сиглов опубликованных надписей 303
Список карт 309
Указатели 310
Указатель топонимов и названий сооружений 310
Указатель имен божеств . . . . . ???
Указатель личных и родовых имен . . . . . ???
Указатель этнонимов . . . . . ???

Научное издание

Французов Сергей Алексеевич

ИСТОРИЯ ХАДРАМАУТА В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ

История Хадрамаута с древнейших времен
до конца британского владычества

Том I

Редактор *В. С. Волкова*
Корректоры *П. С. Сидорова*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 00.00.2013. Формат 70 × 100 1/16.
Тираж 000 экз. Усл. печ. л. 00. Заказ №

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А

.